

ЕЖЕГОДНИК
КОМИССИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА
1983

Том II
Часть первая

Документы тридцать пятой сессии

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ЕЖЕГОДНИК
КОМИССИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА
1983

Том II
Часть первая

Документы тридцать пятой сессии

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Нью-Йорк, 1986

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Наименование *Ежегодник* и следующие за ним многолетие и год (*Ежегодник...*, 1980 год) служат указанием на *Ежегодник Комиссии международного права*. На русском языке *Ежегодник* стал издаваться начиная с 1969 года. Поэтому все ссылки до 1969 года даются по английскому тексту.

Ежегодник каждой сессии Комиссии международного права состоит из двух томов:

Том I: Краткие отчеты заседаний сессии;

Том II (часть первая): Доклады специальных докладчиков и другие документы, рассмотренные на данной сессии;

Том II (часть вторая): Доклад Комиссии Генеральной Ассамблее.

Все ссылки на эти издания и выдержки из них относятся к их окончательным текстам, фигурирующим в томах *Ежегодника*, опубликованных в качестве издания Организации Объединенных Наций.

*
* * *

Доклады специальных докладчиков и другие документы, рассмотренные Комиссией в ходе ее тридцать пятой сессии, которые первоначально были выпущены в mimeографированной форме, воспроизводятся в данном томе и включают исправления, выпущенные Секретариатом, а также исправления редакционного характера, которые были сочтены необходимыми для представления окончательного текста.

A/CN.4/SER.A/1983/Add.1 (Part 1)

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

В продаже под № R.84.V.7 (Part 1)

ISBN 92-1-333101-0

ISSN 0497-9885

02300P

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Сокращения	V
Примечание о цитатах	V
Ответственность государств (пункт 1 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/362</i> : Комментарии и замечания правительств по части 1 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния	1
<i>Документ A/CN.4/366 и Add.1</i> : Четвертый доклад о содержании, формах и объеме международной ответственности (часть 2 проекта статей), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виллемом Рифагеном	4
Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности (пункт 2 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/363 и Add.1</i> : Пятый доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Сомпонгом Сучариткулем	31
<i>Документ A/CN.4/371</i> : Меморандум, представленный г-ном Николаем А. Ушаковым	68
Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером (пункт 3 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/372 и Add.1 и 2</i> : Информация, полученная от правительств	73
<i>Документ A/CN.4/374 и Add.1—4</i> : Четвертый доклад о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Александром Янковым	79
Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (пункт 4 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/364</i> : Первый доклад о проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дуду Тиамом	173
<i>Документ A/CN.4/369 и Add.1 и 2</i> : Комментарии и замечания правительств, полученные в соответствии с резолюцией 37/102 Генеральной Ассамблеи	192
Право несудоходных видов использования международных водотоков (пункт 5 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/367</i> : Первый доклад по вопросу о праве несудоходных видов использования международных водотоков, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Йенсом Эвенсеном	195
<i>Документ A/CN.4/L.353</i> : Записка, представленная г-ном Константином А. Ставропулосом	245
Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (пункт 6 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/373</i> : Четвертый доклад о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных междуна-	

родным правом, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Робертом К. Квентин-Бакстером	251
Отношения между государствами и международными организациями (вторая часть вопроса) (пункт 7 повестки дня)	
<i>Документ A/CN.4/370: Предварительный доклад об отношениях между государствами и международными организациями (вторая часть вопроса), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Леонардо Диас Гонсалесом . . . . .</i>	<i>285</i>
Перечень документов тридцать пятой сессии	289

СОКРАЩЕНИЯ

АМП	Ассоциация международного права
ВПС	Всемирный почтовый союз
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
ИМКО	Межправительственная морская консультативная организация (стала ИМО)
ИМО	Международная морская организация
КМП	Комиссия международного права
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МОТ	Международная организация труда
ОАГ	Организация американских государств
ЮНЕП	Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЮНИТАР	Учебный и научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций

*
* * *

I.C.J.	Международный Суд
<i>I.C.J. Reports</i>	<i>ICJ, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders</i>
P.C.I.J.	Постоянная палата международного правосудия
<i>P.C.I.J., Series A</i>	<i>PCIJ, Collection of Judgments (Nos. 1—24: up to and including 1930)</i>
<i>P.C.I.J., Series A/B</i>	<i>PCIJ, Judgments, Orders and Advisory Opinions (beginning in 1931)</i>

*
* * *

ПРИМЕЧАНИЕ О ЦИТАТАХ

Цитируемые в настоящем томе слова или выдержки, данные курсивом с последующей звездочкой, в тексте подлинника курсивом не выделены.

Если нет иных указаний, цитаты из работ на иностранных языках переведены Секретариатом.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

[Пункт 1 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/362

Комментарии и замечания правительств по части I проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния *

[Подлинный текст на английском языке]
[3 января 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	1
КОММЕНТАРИИ И ЗАМЕЧАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ГЛАВ IV и V ЧАСТИ I ПРОЕКТА	2
Чехословакия	2

Введение

1. Комиссия международного права, завершив на своей тридцать второй сессии в 1980 году первое чтение всей части I проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, постановила вновь, как и в 1978 году¹, обратиться с просьбой к правительствам направить свои комментарии и замечания по положениям глав I, II и III части I проекта статей и просить их сделать это до 1 марта 1981 года. Одновременно Комиссия в соответствии со статьями 16 и 21 своего Положения постановила передать положения глав IV и V части I через Генерального секретаря правительствам государств-членов с просьбой представить свои комментарии и замечания по этим положениям

* Текст части I проекта статей об ответственности государств приводится в *Ежегоднике.., 1980 год*, том II (часть вторая), стр. 30 и далее.

¹ На своей тридцатой сессии в 1978 году Комиссия постановила обратиться с просьбой к правительствам представить свои комментарии и замечания по главам I, II и III части I проекта [*Ежегодник.., 1978 год*, том II (часть вторая), стр. 96, пункт 92]. Комментарии и замечания, полученные в ответ на эту просьбу, опубликованы в *Ежегоднике.., 1980 год*, том II (часть первая), стр. 97, документ A/CN.4/328 и Add. 1—4.

до марта 1982 года. Комиссия заявила, что комментарии и замечания правительств по положениям, содержащимся в различных главах части I проекта, позволят ей в должный момент и без промедления приступить ко второму чтению этой части проекта².

2. Генеральная Ассамблея в пункте 6 своей резолюции 35/163 от 15 декабря 1980 года утвердила это решение Комиссии. В пункте 4 с этой же резолюции Ассамблея рекомендовала Комиссии на ее тридцать третьей сессии

продолжить свою работу по вопросу об ответственности государств, с тем чтобы начать подготовку проекта статей, относящихся к части 2 проекта об ответственности государств за международно-противоправные деяния, учитывая при этом необходимость второго чтения проекта статей, образующих часть I этого проекта.

Такая же рекомендация Комиссии была представлена Генеральной Ассамблеей в пункте 3 *b* ее резолюции 36/114 от 10 декабря 1981 года. В пункте 3 своей резолюции 37/111 от 16 декабря

² *Ежегодник.., 1980 год*, том II (часть вторая), стр. 29, пункт 31.

1982 года Генеральная Ассамблея рекомендовала, чтобы с учетом замечаний правительств, представленных письменно или высказанных в устной форме в ходе прений в Генеральной Ассамблее, Комиссия продолжила свою работу по подготовке проектов по всем темам, включенным в ее нынешнюю программу работы.

3. В соответствии с решением Комиссии Генеральный секретарь через посредство Юриконсульта от 8 октября 1980 года просил правительства государств-членов, еще не сделавших этого, направить ему свои комментарии и замечания по вышеупомянутым положениям глав I, II и III части I проекта не позднее 1 марта 1981 года и просил их также представить свои комментарии

и замечания по положениям глав IV и V части I проекта не позднее 1 марта 1982 года. Комментарии и замечания, полученные от правительств пяти государств-членов в конце тридцать третьей сессии Комиссии 24 июля 1981 года, и комментарии и замечания, направленные в период между этой датой и маем 1982 года правительствами пяти других государств-членов, были опубликованы³. Комментарии и замечания, полученные впоследствии, воспроизводятся ниже.

³ Ежегодник..., 1981 год, том II (часть первая), стр. 87, документ A/CN.4/342 и Add.1—4 и Ежегодник..., 1982 год, том II (часть первая), стр. 17, документ A/CN.4/351 и Add.1—3, соответственно.

Комментарии и замечания, касающиеся глав IV и V части I проекта

Чехословакия

[Подлинный текст на английском языке]
[21 июля 1982 года]

Проекты статей, содержащиеся в главах IV и V части I проекта статей, принятые Комиссией и представленные для комментариев государств-членов Организации Объединенных Наций, в целом вносят вклад в прогрессивное развитие и кодификацию международного права и являются хорошей отправной точкой для дальнейшей работы по кодификации.

Ввиду продолжающейся работы по кодификации комментариев Чехословакии по проектам статей, содержащимся в главах IV и V, следует рассматривать как предварительные.

1. Учитывая тот факт, что конечной целью настоящей работы по кодификации является укрепление международного мира и безопасности, главы IV и V могут в целом считаться приемлемыми при условии, что в ряд положений будут внесены некоторые изменения в целях уточнения, для того чтобы избежать различного толкования, которое может иметь место на практике.

2. Учитывая формулировку статьи 28, в положениях главы IV необходимо подчеркнуть принцип суверенного равенства государств, а также принцип, содержащийся в проекте статьи I, в которой говорится, что «всякое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства». Хотя в пункте 3 статьи 28 говорится, что положения о международной ответственности государств, которые совершили международно-противоправные деяния, не затрагиваются, нет оснований считать, что принуждение, которое са-

мо по себе является противоправным актом и влечет за собой международную ответственность, должно рассматриваться как фактор, в силу которого государство освобождается от международной ответственности.

3. Что касается положений главы V, то следует отметить, что статья 29, в которой предусматривается, что согласие является одним из факторов, исключающих противоправность, требует более точной формулировки, с тем чтобы рассеять сомнения, которые могут возникнуть относительно «дачи» согласия, включая тот факт, что согласие дается заранее, а не впоследствии, что оно должно быть конкретным, данным свободно и ясно выраженным, а также данным компетентной властью указанного государства. В этой связи, однако, в определенном контексте могут возникнуть сомнения относительно того, что согласие является фактором, исключающим противоправность. Согласие государства А на то, чтобы государство В не выполняло обязательства, которое лежит на нем перед государством А, представляет собой соглашение (будь то в устной или письменной форме), которое аннулирует первоначальное обязательство государства В в отношении государства А. Поэтому в этом контексте вряд ли можно говорить о противоправности и, следовательно, об ответственности государств.

4. В случае статьи 33 относительно «состояния необходимости» следует иметь в виду, что, исходя из требования поддержания международного мира и безопасности, практическое применение этой статьи будет связано с трудностями. Включение этой статьи вызывает серьезные сомнения, поскольку ссылкой на защиту «существенного интереса» она фактически дает государствам возможность нарушать их международные обяза-

тельства. Если глава V будет сформулирована как сводка исключений из положений первых четырех глав проекта, тогда ее статьи должны быть точно сформулированы, чтобы предотвратить возможность любого злоупотребления. Однако в статье 33 содержатся неясные формулировки, такие как «существенный интерес» и «тяжкая и неминуемая угроза», и она даже распространяет концепцию состояния необходимости на случаи, когда не имеется непосредственной угрозы существованию государства как суверенного и независимого субъекта права. Формулировка статьи 33

является также спорной в том, что касается принципа суверенного равенства, который запрещает государству решать в одностороннем порядке, какие интересы оно может рассматривать как «существенные интересы» другого государства.

5. Что касается статьи 34, то следует указать, что самооборона является естественным правом каждого государства, и, следовательно, формулировку, относящуюся к поведению государств, которое не соответствует международному праву, следует исключить.

Четвертый доклад о содержании, формах и объеме международной ответственности (часть 2 проекта статей), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виллемом Рифагеном

{Подлинный текст на английском языке}
[14 и 15 апреля 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
ВВЕДЕНИЕ	1—4	4
<i>Глава</i>		
I. СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ НАД ТЕМОЙ	5—30	5
A. Часть 1 проекта статей: происхождение международной ответственности	5—6	5
B. Часть 2 проекта статей: содержание, формы и объем международной ответственности	7—29	6
1. Первый доклад Специального докладчика: выявление трех параметров	8—12	6
2. Второй доклад Специального докладчика: общие рамки для трех параметров и основное внимание на первом параметре	13—18	6
3. Третий доклад Специального докладчика: переоценка подхода к части 2 темы	19—29	8
C. Возможная часть 3 проекта: урегулирование споров и осуществление международной ответственности	30	10
II. ОБЩЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОЗМОЖНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЧАСТЕЙ 2 И 3 ПРОЕКТА СТАТЕЙ	31—130	10

Введение

1. Настоящий доклад является четвертым докладом Специального докладчика по вопросу об ответственности государств (часть 2 проекта статей). Он представлен на рассмотрение Комиссии международного права на ее тридцать пятой сессии. Предварительный доклад¹ был представлен Специальным докладчиком на тридцать второй сессии Комиссии в 1980 году, второй доклад² был представлен на ее тридцать третьей сессии в 1981 году и третий доклад³ был представлен Ко-

миссии на ее тридцать четвертой сессии, состоявшейся в 1982 году.

2. Общая структура проекта подробно изложена в докладе Комиссии о работе ее двадцать седьмой сессии, состоявшейся в 1975 году⁴. Согласно общему плану, принятому Комиссией, в части 1 проекта рассматривается происхождение международной ответственности, и она посвящена «определению того, на основании каких данных и в каких условиях можно установить существование ответственности какого-либо государства за международно-противоправное деяние, которое как таковое является источником международной ответственности»⁵.

* Включает документ A/CN.4/366/Add.1/Corr.1.
¹ Ежегодник., 1980 год, том II (часть первая), стр. 121, документ A/CN.4/330.
² Ежегодник., 1981 год, том II (часть первая), стр. 97, документ A/CN.4/344.
³ Ежегодник., 1982 год, том II (часть первая), стр. 26, документ A/CN.4/354 и Add.1 и 2.

⁴ Ежегодник., 1975 год, том II, стр. 66—68, документ A/10010/Rev.1, пункты 38—44.
⁵ Там же, стр. 67, пункт 42.

3. В соответствии с общим планом содержание, формы и объем международной ответственности рассматриваются в части 2 проекта, которая посвящена определению «последствий, которые международное право в различных условиях связывает с международно-противоправным деянием государства, с тем чтобы на этой основе прийти к определению содержания, форм и объема международной ответственности». Если говорить более конкретно, эти вопросы касаются «определения различий между международно-противоправными деяниями, подразумевающими простое обязательство возместить нанесенный ущерб, и международно-противоправными деяниями, подразумева-

ющими применение санкций; вероятного обоснования подобного различия и связи между последствиями в плане возмещения ущерба и в плане наказания за международно-противоправное деяние»⁶.

4. Согласно ее общему плану Комиссия оставила открытой возможность включения в настоящий проект части 3, касающейся урегулирования споров и «осуществления» международной ответственности⁷.

⁶ Там же, пункт 43.

⁷ Там же, стр. 68, пункт 44.

ГЛАВА I

Состояние работы над темой

А. Часть 1 проекта статей: происхождение международной ответственности

5. На своей тридцать второй сессии, состоявшейся в 1980 году, Комиссия завершила первое чтение части 1 проекта статей⁸. Часть 1 состоит из 35 проектов статей и разбита на 5 глав. Глава I (Общие принципы) посвящена определению ряда основных принципов, включая принцип, устанавливающий ответственность за любое международно-противоправное деяние, а также принцип, согласно которому паличие международно-противоправного деяния определяется двумя элементами — субъективными и объективными. В главе II («Деяние государства» согласно международному праву) рассматривается субъективный элемент международно-противоправного деяния, то есть определяются условия, при которых определенное поведение должно рассматриваться, согласно международному праву, как «деяние государства». В главе III (Нарушение международного обязательства) рассматриваются различные аспекты объективного элемента международно-противоправного деяния, каким является нарушение международного обязательства. В главе IV (Причастность одного государства к международно-противоправному деянию другого государства) рассматриваются случаи, в которых наличие участие государства в совершении международного нарушения другим государством, а также случаи, когда ответственность возлагается на государство, иное, чем то, которое совершило международно-противоправное деяние. Наконец, глава V (Обстоятельства, исключающие противоправность) посвящена определению обстоятельств, которые могут привести к исключению

противоправности деяния государства, не соответствующего международному обязательству: предварительное согласие государства, которому был нанесен ущерб; правомерное принятие ответных мер в отношении международно-противоправного деяния; форс-мажор и непредвиденный случай; бедствие; крайняя необходимость и законная оборона. Часть 1 проекта статей, принятая Комиссией в предварительном порядке в 1980 году, явилась предметом обсуждения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать пятой сессии⁹.

6. 35 проектов статей части 1 были направлены государствам-членам для последующего представления ими своих комментариев и замечаний. В пункте 6 своей резолюции 35/163 от 15 декабря 1980 года Генеральная Ассамблея поддержала решение Комиссии о запросе замечаний и комментариев относительно положений части 1 проекта статей, принятых в первом чтении. Ранее представленные комментарии по главам I, II и III были воспроизведены в документах, представленных Комиссии на ее тридцать второй¹⁰ и тридцать третьей¹¹ сессиях. Более поздние комментарии к этим главам, включая комментарии к главам IV и V, были представлены Комиссии на ее тридцать четвертой сессии¹². Комиссия выразила надежду, что государства-члены представят Комиссии дальнейшие комментарии, до того как

⁹ См. «Тематическое резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать пятой сессии, подготовленное Секретариатом» (A/CN.4/L.326), пункты 96—144.

¹⁰ A/CN.4/328 и Add.1—4, воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1980 год, том II (часть первая), стр. 97.

¹¹ A/CN.4/342 и Add.1—4, воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1981 год, том II (часть первая), стр. 87.

¹² A/CN.4/351 и Add.1—3, воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 17.

⁸ Текст см. *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 30 и далее.

Комиссия приступит ко второму чтению части 1 проекта статей, согласно рекомендации Генеральной Ассамблеи в пункте 4 с вышеупомянутой резолюции.

В. Часть 2 проекта статей: содержание, формы и объем международной ответственности

7. В соответствии с рекомендацией, сформулированной Генеральной Ассамблеей в пункте 4 b резолюции 34/141 от 17 декабря 1979 года, Комиссия приступила к рассмотрению части 2 проекта статей на своей тридцать второй сессии в 1980 году¹³.

1. ПЕРВЫЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА: ВЫЯВЛЕНИЕ ТРЕХ ПАРАМЕТРОВ

8. В своем предварительном докладе¹⁴ Специальный докладчик сделал общий анализ различных возможных новых правовых связей (то есть новых прав и соответствующих обязанностей), возникающих в результате международно-противоправного деяния государств в соответствии с определенным, содержащимся в части 1 проекта статей.

9. Отметив с самого начала ряд обстоятельств, которые в принципе не имеют отношения к применению части 1, а касаются части 2, автор доклада провел различие между тремя параметрами новых правовых отношений, которые могут быть установлены международным правом вследствие международно-противоправного деяния государства. Первый параметр — это новые обязательства государства-правонарушителя, действия которого носят международно-противоправный характер; второй параметр — это новые права потерпевшего государства, а третий — это позиция третьего государства в отношении ситуации, созданной международно-противоправным деянием. На этой основе в докладе устанавливается круг возможных новых правовых отношений, порождаемых противоправностью государства, включая обязанность производить «репарацию» в ее различных формах (первый параметр), принцип непризнания, *exceptio non adimpleti contractus*, и другие ответные меры (второй параметр), а также право — возможно, даже обязанность — третьих государств занимать не нейтральную позицию (третий параметр).

10. Затем Специальным докладчиком рассматривается проблема пропорциональности между противоправным деянием и реакцией на него, и в этой связи обсуждаются обычные ограничения допустимой реакции, действующие в силу особой защиты, предоставляемой в соответствии с нор-

мой международного права объекту реакции, в силу существующей в соответствии с нормой международного права связи между объектом нарушения и объектом реакции, а также в силу существования того или иного рода международной организации.

11. Наконец, Специальный докладчик касается вопроса об утрате права ссылаться на новые правовые отношения, устанавливаемые нормами международного права как следствие противоправного деяния, и предлагает, чтобы этот вопрос рассматривался в рамках части 3 проекта статей (осуществление международной ответственности).

12. Предварительный доклад Специального докладчика был рассмотрен Комиссией на ее тридцать второй сессии¹⁵ и Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать пятой сессии¹⁶. В пункте 4 с своей резолюции 35/163 от 15 декабря 1980 года Ассамблея рекомендовала Комиссии «продолжить свою работу по вопросу об ответственности государств, с тем чтобы начать подготовку проекта статей, относящихся ко второй части проекта об ответственности государств за международно-противоправные деяния».

2. ВТОРОЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА: ОБЩИЕ РАМКИ ДЛЯ ТРЕХ ПАРАМЕТРОВ И ОСНОВНОЕ ВНИМАНИЕ НА ПЕРВОМ ПАРАМЕТРЕ

13. Специальный докладчик в своем втором докладе¹⁷ рассмотрел общие рамки для трех параметров и обратил основное внимание на первый параметр.

14. Специальный докладчик в главе II доклада представил на рассмотрение Комиссии пять проектов статей относительно содержания, форм и объема международной ответственности. Цель статей 1—3 заключалась в рассмотрении общих рамок трех параметров правовых последствий международно-противоправного деяния, а статей 4 и 5 — в рассмотрении первого параметра, то есть новых обязательств государства-правонарушителя, которое считается совершившим международно-противоправное деяние, влекущее за собой его международную ответственность. Проекты статей были разбиты на две главы, изложенные ниже.

¹³ *Ежегодник...*, 1980 год, том I, стр. 81—110, 1597—1601-е заседания. Отчет об обсуждении в Комиссии содержится в ее докладе о работе тридцать второй сессии [*Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 63 и 64, пункты 35—48] и резюме обсуждений — во втором докладе Специального докладчика (см. сноску 2, выше), пункты 11—18.

¹⁴ См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/326), пункты 145—154.

¹⁵ См. сноску 2, выше.

¹³ *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 63—64, пункты 35—48.

¹⁴ См. сноску 1, выше.

ГЛАВА I
ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Статья 1

Нарушение государством международного обязательства не изменяет как таковое и в отношении этого государства [силы] этого обязательства.

Статья 2

Норма международного права обычного, договорного или иного происхождения, налагающая обязательство на государство, может также явно или косвенно установить правовые последствия нарушения такого обязательства.

Статья 3

Нарушение государством международного обязательства не лишает само по себе это государство его прав в соответствии с международным правом.

ГЛАВА II
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА, СОВЕРШИВШЕГО
МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЯНИЕ

Статья 4

Без ущерба для положения статьи 5:

1. Государство, которое совершило международно-противоправное деяние, должно:

а) прекратить это деяние, освободить и возвратить лиц и вещи, задержанные в результате такого деяния, и предотвратить продолжение существования последствий такого деяния;

б) с учетом статьи 22 части 1 настоящих статей осуществить такие меры исправления положения, которые предусматриваются или допускаются его внутренним правом; и

в) восстановить положение, существовавшее до этого нарушения.

2. В той мере, в которой для государства материально невозможно действовать в соответствии с положениями пункта 1 настоящей статьи, оно выплачивает денежную сумму потерпевшему государству, соответствующую стоимости, в которую обошлось бы выполнение этих обязательств.

3. В случае, указанном в пункте 2 настоящей статьи, государство в дополнение к этому предоставляет потерпевшему государству удовлетворение в форме извинения и подходящие гарантии неповторения нарушения.

Статья 5

1. Если международно-противоправное деяние является нарушением международного обязательства о соответствующем обращении государства [в пределах его юрисдикции] с иностранными физическими или юридическими лицами, государство, которое совершило нарушение, может либо выполнить обязательство, указанное в подпункте с пункта 1 статьи 4, либо действовать в соответствии с пунктом 2 статьи 4.

2. Однако если в случае, указанном в пункте 1 настоящей статьи,

а) противоправное деяние было совершено с намерением причинить прямой ущерб потерпевшему государству или

б) меры исправления положения, о которых говорится в подпункте b пункта 1 статьи 4, не соответствуют международному обязательству государства осуществить эффективные меры исправления положения и это государство действует в соответствии с пунктом 2 статьи 4, то должен также применяться пункт 3 этой статьи.

15. В докладе указана желательность того, чтобы часть 2 проекта статей начиналась с трех норм предварительного характера (статьи 1—3), образующих общие рамки для следующих глав части 2, в которых отдельно рассматривается каждый из трех параметров, определенных в предварительном докладе. Посредством введения этих норм предварительного характера Специальным докладчиком были отмечены основные структурные различия между международным правом и любой системой внутреннего права, а также взаимосвязь и существенное единство цели норм, относящихся к методологически обособленным группам «первичных норм», «норм, касающихся происхождения ответственности государств», «норм, касающихся содержания, формы и объема международной ответственности», и «норм, касающихся осуществления международной ответственности». Кроме того, Специальный докладчик отметил, что «правило пропорциональности», лежащее в основе ответной реакции международного права на нарушение его первичных норм, следует понимать таким образом, что оно скорее является негативным по своему характеру, исключающим возможность конкретной реакции на конкретные нарушения.

16. Специальный докладчик далее указал на причины включения трех норм предварительного характера, а именно статей 1 и 3, касающихся вопроса сохранения в силе, независимо от факта нарушения, первичных обязательств и прав соответствующих государств, и статьи 2, в которой указывается возможность применения специальных самостоятельных режимов правовых последствий, сопровождающих невыполнение обязательств в конкретной области.

17. Далее Специальным докладчиком анализируются три этапа, связанные с первым параметром: обязательство прекратить нарушение, обязательство осуществить «репарацию», а также обязательство *restitutio in integrum stricto sensu* и «удовлетворения» в форме принесения извинения или предоставления гарантий неповторения нарушения. Данный анализ затем сопоставляется с практикой государств, судебными и арбитражными решениями и положениями доктрины, вслед за чем приводятся предлагаемые статьи 4 и 5.

18. Второй доклад Специального докладчика был рассмотрен Комиссией на ее тридцать третьей сессии. После завершения обсуждения Комиссия приняла решение направить проект статей 1—5 Редакционному комитету, который, однако, не имел времени рассмотреть их в ходе сессии¹⁸. Прения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать шестой сессии были так-

¹⁸ *Ежегодник...*, 1981 год, том I, стр. 149—171, 1666—1670-е заседания, и стр. 243—257, 1682—1684-е заседания. Отчет об обсуждении в Комиссии содержится в ее докладе о работе тридцать третьей сессии [*Ежегодник...*, 1981 год, том II (часть вторая), стр. 172 и 174, пункты 145—161] и резюме обсуждения — в третьем докладе Специального докладчика (см. сноску 3, выше), пункты 17—24.

же посвящены совместному обсуждению части 2 проекта и статей, предложенных Специальным докладчиком¹⁹. Генеральная Ассамблея рекомендовала Комиссии продолжать свою работу по подготовке проекта статей части 2 проекта.

3. ТРЕТИЙ ДОКЛАД СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА: ПЕРЕОЦЕНКА ПОДХОДА К ЧАСТИ 2 ТЕМЫ

19. Специальный докладчик начал свой третий доклад²⁰ с пересмотра проекта статей, представленных во втором докладе. В том случае, если Комиссия пожелает подтвердить предыдущее решение направить эти статьи на рассмотрение Редакционного комитета, Редакционному комитету предлагается принять за основу обсуждения следующую формулировку:

Статья... [заменяющая собой статьи 1 и 3, предложенные во втором докладе]

Нарушение государством международного обязательства изменяет международные права и обязательства этого государства, потерпевшего государства и третьих государств, лишь как это предусмотрено в данной части.

Статья... [заменяющая собой статью 2, предложенную во втором докладе]

Положения настоящей части относятся к любому нарушению государством международного обязательства, за исключением тех случаев, когда правовые последствия такого нарушения предусматриваются нормами или правилами международного права, устанавливающими обязательства, или другими применимыми нормами международного права.

20. Касаясь проектов статей 4 и 5, предложенных во втором докладе, Специальный докладчик признал обоснованность замечания, сделанного как в Комиссии, так и в Шестом комитете относительно того, что эти статьи следовало бы сформулировать в форме определений того, что «потерпевшее государство — и, возможно, «третьи» государства — имеют или имели право получить от государства-«правонарушителя», и предложил следующую возможную «нейтральную» формулировку вступительной части статей:

Статья...

Международно-противоправное деяние государства налагает на это государство обязательство:

21. Далее, в главе VI третьего доклада Специальный докладчик представил для включения в часть 2 проекта следующие шесть проектов статей:

Статья 1

Международно-противоправное деяние государства влечет за собой обязательства для этого государства и права для других государств в соответствии с положениями настоящей части 2.

¹⁹ См. «Тематическое резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать шестой сессии, подготовленное Секретариатом» (A/CN.4/L.339), пункты 111—130.

²⁰ См. сноску 3, выше.

Статья 2

Выполнение обязательств, возникающих для государства в результате его международно-противоправного деяния, и осуществление прав, возникающих для других государств в результате такого деяния, не должны в своих последствиях быть явно непропорциональны серьезности этого международно-противоправного деяния.

Статья 3

Положения настоящей части относятся к любому нарушению государством международного обязательства, за исключением тех случаев, когда правовые последствия такого нарушения предписаны нормой или нормами международного права, устанавливающими обязательство, или другими применимыми нормами международного права.

Статья 4

Международно-противоправное деяние государства не влечет за собой то или иное обязательство для этого государства или то или иное право для другого государства в той мере, в какой выполнение этого обязательства или осуществление этого права несовместимо с какой-либо императивной нормой общего международного права, если только та или иная императивная норма общего международного права не допускает такого выполнения или осуществления в данном случае.

Статья 5

Выполнение обязательств, возникающих для государства в результате его международно-противоправного деяния, и осуществление прав, возникающих для других государств в результате такого деяния, определяются положениями и процедурами, содержащимися в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 6

1. Международно-противоправное деяние государства, представляющее собой международное преступление, влечет за собой обязательство для всех других государств:

a) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого деяния;

b) не оказывать помощь или поддержку государству-правонарушителю в сохранении ситуации, создавшейся в результате такого деяния; и

c) присоединиться к другим государствам в предоставлении взаимной помощи при выполнении обязательств в соответствии с подпунктами a и b.

2. Если иное не предусматривается применимой нормой международного права, выполнение указанных в пункте 1 обязательств обусловливается *mutatis mutandis* процедурами, содержащимися в Уставе Организации Объединенных Наций в отношении поддержания международного мира и безопасности.

3. С учетом статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций в том случае, когда обязательства государства по пунктам 1 и 2, выше, окажутся в противоречии с его правами и обязательствами согласно любой другой норме международного права, преимущественную силу имеют обязательства по настоящей статье.

22. Статья 1, предложенная в третьем докладе, призвана служить формальной связкой между статьями части 1 и будущими статьями части 2; в статье 2 изложено требование «количественной

пропорциональности» между нарушением и правовыми последствиями, а возможность разработки других положений должна быть предоставлена государствам, международным организациям или органам по мирному урегулированию споров, к которым могут обратиться с предложением применить этот принцип; статья 3 касается диспозитивного характера норм части 2, помимо статей 4, 5 и 6 («императивные подсистемы»); статьи 4, 5 и 6 касаются соответственно *jus cogens*, системы Организации Объединенных Наций и международных преступлений.

23. Специальный докладчик напомнил о том, что Комиссия уже в 1976 году признала, что современное международное право содержит широкий ряд различных режимов ответственности государств. Поэтому в докладе была отмечена связь между «первичными» нормами, налагающими обязательства, «вторичными» нормами, касающимися установления наличия международно-противоправного деяния и его правовых последствий, и нормами, касающимися осуществления ответственности государств; все три названные составные части норм образуют вместе «подсистему» международного права для каждой конкретной области отношений между государствами.

24. Кроме того, Специальный докладчик отметил, что источник (общее обычное право, многосторонние договоры, двусторонние договоры, решения международных организаций, решения международных трибуналов и т. д.), содержание, а также объект и цель обязательства не могут повлиять на правовые последствия нарушений этого обязательства («качественная пропорциональность»).

25. Далее Специальный докладчик напомнил о том, что в каждой области отношений между государствами обстоятельства каждого отдельного случая совершения международно-противоправного деяния должны обуславливать соответствующую реакцию на это деяние («количественная пропорциональность»). В этой связи он сослался на «отягчающие» и «смягчающие» обстоятельства, а также — в более общем плане — на требования определенной пропорциональности между фактическим воздействием международно-противоправного деяния и фактическим воздействием его правовых последствий.

26. Кроме того, Специальный докладчик подчеркнул необходимость наличия в общем своде проектов статей об ответственности государств определенной общей оговорки относительно процедуры урегулирования споров, касающейся толкования этих статей.

27. В третьем докладе Специальный докладчик также дал анализ различных «подсистем» международного права, а также взаимодействия этих «подсистем». На основе этого анализа рассмат-

ривается перечень правовых последствий. При этом проводится разграничение между «самообеспечением выполнения обязательства со стороны государства-правонарушителя», «мерами по обеспечению выполнения, принимаемыми потерпевшим государством» и «международным обеспечением выполнения» (три параметра). В этой связи дается анализ понятия «потерпевшего» государства, а также «шкалы серьезности» различных правовых последствий в рамках каждого параметра.

28. Что касается связи между международно-противоправным деянием и его правовыми последствиями, то Специальный докладчик отметил, что в процессе претворения в жизнь норм международного права — от их выработки до обеспечения соблюдения — «ответственность государства» является лишь одной из ступеней этого процесса и необходимо учитывать его более ранние и более поздние ступени. С учетом большого многообразия ситуаций было высказано мнение о том, что часть 2 не может являться исчерпывающим сводом норм и что поэтому следует сделать в ней упор на ряд случаев, из которых временно или определенно исключается одно или несколько правовых последствий, а также на случаи, в которых неудача одной «подсистемы» в целом может повлечь за собой переключение на другую «подсистему».

29. Третий доклад Специального докладчика был рассмотрен Комиссией на ее тридцать четвертой сессии. После завершения обсуждения Комиссия приняла решение направить статьи 1—6, предложенные в третьем докладе, и подтвердить передачу статей 1—3, предложенных во втором докладе, Редакционному комитету, подразуемая при этом, что последний подготовит основополагающие положения и рассмотрит вопрос о том, следует ли включать в эти положения статью, разработанную на основе новой статьи 6²¹. Проект статей в целом и статьи, предложенные Специальным докладчиком в его втором и третьем докладах, обсуждались в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать седьмой сессии²². В пункте 3 своей резолюции 37/111 от 16 декабря 1982 года Генеральная Ассамблея рекомендовала, чтобы Комиссия «продолжила свою работу по подготовке проектов по всем вопросам, включенным в ее нынешнюю программу работы».

²¹ *Ежегодник... 1982 год*, том I, стр. 239—261, 1731—1734-е заседания, и стр. 277—290, 1736—1738-е заседания. Отчет об обсуждении в Комиссии содержится в ее докладе о работе тридцать четвертой сессии [*Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 100—101, пункты 88—103].

²² См. «Тематическое резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать седьмой сессии, подготовленное Секретариатом» (A/CN.4/L.352), пункты 36—131.

С. Возможная часть 3 проекта: урегулирование споров и осуществление международной ответственности

30. Как уже указывалось (пункт 4, выше), Комиссия в соответствии со своим общим планом,

касающимся вопроса об ответственности государств, оставила открытой возможность включения в проект части 3, касающейся урегулирования споров и осуществления международной ответственности.

ГЛАВА II

Общее изложение возможного содержания частей 2 и 3 проекта статей

31. Ввиду того, что проекты статей, представленные во втором и третьем докладах, были переданы в Редакционный комитет для рассмотрения на тридцать пятую сессию, Специальный докладчик не имеет намерения, за исключением исторической справки в главе I, останавливаться в докладе на вопросах, рассматриваемых в этих проектах статей, хотя, конечно, в Редакционном комитете он приложит все усилия к тому, чтобы в них была учтена критика, высказанная в ходе обсуждений на предыдущих сессиях Комиссии.

32. В ответ на широко распространенное требование со стороны членов этой Комиссии, а также со стороны представителей в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в настоящем докладе ставится цель сконцентрировать внимание на общем изложении возможного содержания частей 2 и 3 проекта статей об ответственности государств и обсудить действительно трудные альтернативы, которые стоят перед Комиссией.

33. Каждая единая правовая норма выражает долженствование. Как таковая, она не дает ответа на вопрос, что должно произойти в случае отхода от этой правовой нормы, или же на вопрос о том, каким образом будет реализовываться на практике то, что должно произойти в этом случае. Не придавая чрезмерного значения различию, можно поэтому выделить «первичные» нормы (нормы поведения), «вторичные» нормы (нормы, касающиеся правовых последствий действий или упущений, которые не соответствуют первичным нормам) и «третьичные» нормы (нормы, относящиеся к соблюдению вторичных норм). Рассуждая в широком плане — и вот почему не следует придавать слишком большого значения этому различию, — эти три вида норм имеют одни и те же объект и цель.

34. Правовые последствия действий или упущений, не соответствующих определенным правовым нормам, могут проявиться в форме, которая не связана непосредственно с другим поведением. Так, некоторые действия или упущения, независимо от того, запрещаются ли они как таковые

или нет, могут повлечь за собой утрату или неприобретение «статуса», а несоответствие определенным нормам процедуры может повлечь за собой в той или иной форме «недействительность» правового действия. В обоих случаях, конечно, отсутствие или неприобретение «статуса» или «недействительность» обычно имеют отношение к другим нормам поведения. В настоящий момент нам представляется, что не следует касаться этого усложнения.

35. Применяя простую схему, о которой говорится в пункте 33, выше, к международному праву, мы наблюдаем изобилие первичных норм поведения, по относительную малочисленность вторичных норм и фактическое отсутствие третичных норм. В самом деле, отсутствие третичных норм оказывает явное влияние на содержание таких вторичных норм, которые могут встретиться, и создает тенденцию не слишком конкретизировать сами по себе довольно очевидные различия между функциями разных первичных норм. Отсюда возникает некая тенденция государств сохранять за собой возможность рассматривать нарушение международного обязательства как нарушение их суверенитета, в принципе дающее им право выдвигать любого рода требование или принимать любого рода контрмеру. В действительности же государства на практике проявляют значительную сдержанность, однако трудно воплотить эту практику в жесткие и прочные правовые нормы. Тем не менее именно такая задача стоит перед нашей Комиссией, когда она пытается выработать нормы, относящиеся к ответственности государств.

36. Часть 1 проекта статей, распространяющуюся на государство-правонарушителя, то есть условия, при которых существует деяние государства, представляющее собой нарушение международного обязательства этого государства, было относительно (правда, лишь относительно) легко выработать, хотя все еще могут быть некоторые сомнения по поводу того, в достаточной ли мере в этой части учитываются различия между функциями разных первичных норм. Однако это представляет собой вопрос, которым, возможно, зай-

мутся при втором чтении части 1. В части 2 приходится сосредоточить внимание на уроне (нанесенном какому-либо одному государству, нескольким государствам или группе государств), поскольку она имеет дело с новыми правами и обязательствами, вытекающими из того факта, что имело место действие или бездействие, не соответствующее первичной норме и не возникающее из устанавливающей рамки времени основы согласия государств.

37. Фактически в большинстве случаев государство будет отрицать на основании фактов или на основании толкования применимых первичных норм, что с его стороны имело место несоблюдение правовой нормы — международно-противоправное деяние, за которое оно несет ответственность. Очевидно, другие государства не обязаны довольствоваться этим. Они могут отстаивать свое толкование факта и права и действовать соответственно. В действительности они вряд ли могут поступить иначе. Однако весь вопрос состоит в том, что неурегулированный спор может привести к эскалации конфликта и что каждая мера или контрмера не может иметь четко выраженного правового обоснования, кроме как на основе урегулирования первоначального спора по факту и праву, относящимся к первичным нормам. Эта неопределенность является веской причиной для сдержанности, однако здесь опять трудно воплотить эту сдержанность в твердые и прочные правовые вторичные нормы, если отсутствуют применимые третичные нормы.

38. Очевидно, эта неопределенная ситуация не исключает вторичных норм этого типа: «даже если установлено то или иное международно-противоправное деяние, оно не может привести к более значительным или другим последствиям, чем те или иные правовые последствия». Эти нормы являются нормами количественной и качественной пропорциональности. Но, поскольку эти правовые последствия включают в любом случае отклонение от предыдущих правовых отношений (новые права и обязательства), неизбежно вновь возникает вопрос о несоответствии поведения новым отношениям. Переход с помощью права от «старых» отношений к «новым» отношениям обязательно предполагает установленный и юридически обоснованный факт.

39. Иными словами, вряд ли имеет смысл рассуждать о вторичных нормах, если неизвестно содержание применимых третичных норм, потому что вторичные нормы представляют собой лишь переход от первичных норм к третичным. Но одно государство не может согласиться с требованием и контрмерой другого государства, основанными на установлении только этим другим государством существования международно-противоправного деяния первого из упомянутых государств. Ни одно государство не может согласиться с тем, что его требования и контрмеры по отношению к другому государству могут основываться

лишь на признании этим другим государством существования международно-противоправного деяния этого другого государства²³.

40. В своем третьем докладе²⁴ Специальный докладчик более или менее случайно заявил, что часть 3 может содержать полноценную процедуру урегулирования споров, ограниченную конкретным правовым вопросом о том, какие правовые последствия возникнут в результате якобы имевшего место международно-противоправного деяния государства, исходя из предположения о том, что это якобы имевшее место противоправное деяние действительно произошло. Такое ограниченное урегулирование споров будет тогда относиться только к толкованию норм, касающихся количественной и качественной пропорциональности, которые могут содержаться в части 2 (см. пункт 38, выше). Можно предусмотреть распространение этой все еще ограниченной процедуры урегулирования споров на толкование главы II части I проекта статей, то есть вопрос о том, действительно ли факты устанавливают, как утверждается, поведение, которое приписывается государству по международному праву.

41. Однако, как указал Специальный докладчик в своем третьем докладе, «подобная изоляция одного из многих правовых вопросов, которые могут касаться конкретной ситуации, безусловно имеет свои недостатки и присущие ей трудности применения»²⁵. Сейчас это можно наглядно показать путем ссылки на толкование главы III части I проекта статей, которое вряд ли можно осуществить без толкования и применения соответствующих первичных норм. То же самое можно сказать об интерпретации главы IV и a fortiori главы V.

42. Все же с чисто правовой точки зрения, технически возможна изоляция некоторых правовых вопросов, разбираемых в статьях об ответственности государств, и имеются прецеденты в других областях таких ограниченных процедур урегулирования споров. У Специального докладчика, однако, имеются значительные сомнения относительно желаний государств в целом согласиться в существующей области ответственности государств с изоляцией вопросов, относящихся к толкованию и применению вторичных норм, от вопросов, касающихся толкования и применения соответствующих первичных норм.

²³ Ср. ситуацию в отношении *jus cogens* согласно Венской конвенции о праве международных договоров: некоторые государства не могут согласиться с тем, чтобы другое государство ссылалось на *jus cogens* в качестве основы для объявления недействительным договора между ними, если только это другое государство не признает, что в случае спора Международный Суд имеет компетенцию выносить решение относительно того, возникает ли норма *jus cogens* и является ли договор несовместимым с этой нормой. *Tertium datur?*

²⁴ Документ A/CN.4/354 и Add.1 и 2 (см. сноску 3, выше), пункты 57—62.

²⁵ Там же, пункт 58.

43. Вышесказанное относится в перспективе к общей конвенции об ответственности государств, сравнимой с Венской конвенцией 1969 года о праве международных договоров^{26, 27}. Можно также предвидеть, что результатом работы Комиссии по вопросу об ответственности государств будет не только конвенция, но также прижитие норм по этой теме в качестве ориентира для государств и международных органов, занимающихся вопросами, которые регулируются этими нормами.

44. Переходным решением могло бы явиться конвенционное принятие этих норм государствами только в том объеме, в каком спор между ними (который обязательно связан с толкованием и применением первичных норм) представляется на урегулирование согласно международной процедуре урегулирования споров²⁸.

45. Специальный докладчик считает, что Комиссия должна в ближайшее время рассмотреть вопрос об урегулировании споров, иными словами, возможное содержание части 3 проекта статей. Он убежден, что перспективы принятия решений по части 3 имеют решающее влияние на ход разработки части 2.

46. Нельзя отрицать, что как в судебных решениях, так и в трудах большинства высококвалифицированных специалистов различных стран отмечается мало желания вдаваться в детали правовых последствий международно-противоправного деяния. Судебные решения часто в силу самого характера претензий, заявляемых в соответствующем международном суде или арбитраже, сосредоточивают внимание на возмещении как правовом последствии²⁹.

47. Публицисты, если они и занимаются вопросом ответственности государств за рамками нарушения обязательства, связанного с отношением к иностранцам, в целом неохотно идут на то, чтобы связывать перечень правовых последствий, который они приводят, с разнообразием международно-противоправных деяний; иными словами, выработать качественную пропорциональность. Примечательно также, что в соответствии с уставом Лиги Наций не имелось никакой международно-правовой квалификации вида спора, который впоследствии мог бы побудить государство-член принять такое действие, которое оно

²⁶ Далее именуется «Венская конвенция». Текст см. Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1969 год* (в продаже под № R.71.V.4), стр. 193.

²⁷ Фактически проект статей о недействительности договоров послужил отправным пунктом для решения Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров заняться вопросом урегулирования споров (ср. пункт 34, выше).

²⁸ Конвенция в этом случае входила бы в число «международных конвенций... устанавливающих правила, определенно признанные спорящими государствами», по смыслу пункта 1 а статьи 38 Статута Международного Суда.

²⁹ В пункте 2 d статьи 36 Статута Международного Суда отводится видное место «характеру и размерам возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства».

считает необходимым «для поддержания права и справедливости» (пункт 7 статьи 15).

48. Попытка связать конкретные виды правовых последствий с конкретными видами международно-противоправных деяний была предпринята Граефратом и Стейнигером в проекте конвенции об ответственности государств. Эти авторы различают три категории международно-противоправных деяний: а) агрессия и угроза миру в результате поддержания силой расистского или колониального режима (*das Verbrechen der Aggression, dem als Sonderfall die Friedensgefährdung durch gewaltsame Aufrechterhaltung eines rassistischen Regimes oder Kolonialregimes zugeordnet ist*) (статья 7 и 8); б) другие нарушения суверенитета (*Souveränitätsverletzungen die nicht Aggression sind*) (статья 9); и в) нарушения других конвенционных обязательств или обязательств по обычному праву (*Verletzungen vertraglicher oder gewohnheitsrechtlicher Verpflichtungen, die nicht unter die Art. 7 bis 9 fallen*) (статья 10)³⁰.

49. Исходя из предположения о том, что вопрос, какой субъект права или субъекты права находятся по другую сторону новых правовых отношений, вызванных международно-противоправным деянием, представляет собой элемент правовых последствий такого деяния, Граефрат и Стейнигер проводят дальнейшие различия. Так, агрессия и поддержание силой расистских или колониальных режимов различаются в той степени, в какой во втором случае народ является одним из других субъектов права в новых правовых отношениях. Более того — и это находится в соответствии с Венской конвенцией, — многосторонние и двусторонние договоры различаются в плане правового последствия прекращения или приостановления действия договора. Наконец, но только в отношении основных обязательств третьей категории, авторы признают возможность «конкретно согласованных мер и правовых последствий» (*besonders vereinbarten Rechtsmassnahmen und Rechtsfolgen*) (статья 10). Следует отметить, что в указанном проекте конвенции также рассматриваются третичные нормы осуществления ответственности государств, хотя в основном с помощью ссылки на «принципы и методы международного права» (*entsprechend den Prinzipien und Methoden des Völkerrechts*) (статья 11).

50. «Классификацию» международно-противоправных деяний для целей различия между их правовыми последствиями можно, конечно, найти в том или ином объеме в публикациях других ав-

³⁰ B. Graefrath und P. A. Steiniger, «Kodifikation der völkerrechtlichen Verantwortlichkeit», *Neue Justiz*, Berlin, vol. 27, No. 8, 1973, p. 226; см. также те же авторы и E. Oeser, *Völkerrechtliche Verantwortlichkeit der Staaten*, Berlin, Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1977, SS. 231 et seq. (текст проекта конвенции).

торов на тему международного права³¹. В частности, признается, что категория международно-противоправных деяний — «международных преступлений» — обладает характером *erga omnes*. Сам по себе этот характер, представляя собой правовую основу только для прав государств, иных чем государство-правонарушитель. Обязанности этих других государств представляют собой скорее взаимные обязанности и как таковые имеют иное правовое основание. Таким образом, эти обязанности могут включать обязанность не поддерживать противоправное деяние *ex post* путем признания его результата как правомерного или же путем оказания помощи или содействия в сохранении такого результата; обязанность поддерживать меры, принимаемые государством или государствами, «особо пострадавшими в результате нарушения» (пункт 2 *b* статьи 60 Венской конвенции), и обязанность участвовать в коллективных действиях по защите основных интересов международного сообщества в целом (ср. пункт 1 статьи 48, статьи 49 и 50 Устава Организации Объединенных Наций).

51. Характер *erga omnes* международных преступлений сам по себе не определяет другие элементы правовых последствий таких преступлений в отличие от правовых последствий международного деликта. В действительности Комиссия уже в 1976 году считала весьма маловероятным, что все международные преступления повлекут за собой одни и те же правовые последствия. Однако по крайней мере, вероятно, можно установить минимальный общий элемент в этих правовых последствиях, применимый ко всем преступлениям и основанный на взаимной солидарности всех государств, кроме государства-правонарушителя. Именно эта мысль красной нитью проходит в проекте статьи 6, предложенном Специальным докладчиком в его третьем докладе (см. пункт 21, выше).

52. Правовые последствия одной категории международных преступлений, а именно агрессии, рассматриваются в рамках Устава Организации Объединенных Наций, конечно, таким образом, что это оставляет место для различного толкования. Одно правовое последствие — неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону — не ставится под сомнение. И в любом случае в этой области в части 3 проекта имеется процедура осуществления ответственности государств, вытекающей из агрессии. На предыдущей сессии мнения членов Комиссии разделились по вопросу о том, должна ли Комиссия заняться разработкой понятия самообороны³². Что касается вопроса о том, какие меры Совет Безопасности должен принимать «для поддержа-

ния международного мира и безопасности», а также вопроса о последствиях непринятия эффективных мер, не было сделано никаких предложений о том, чтобы Комиссия занялась разработкой проектов норм в этом отношении. Специальный докладчик продолжает считать, что по этим вопросам Комиссия не смогла бы сделать ничего полезного.

53. В своем проекте конвенции об ответственности государств Граефрат и Стейнгер предлагают кодификацию других правовых последствий агрессии, не связанных с Уставом Организации Объединенных Наций³³, таких как прекращение двусторонних договоров, заключенных между государством-агрессором и государством-жертвой; приостановление действия других двусторонних и многосторонних договоров; наложение ареста на имущество государства-агрессора; интернирование его граждан; гарантии против повторения агрессии; возмещение всего ущерба; непризнание правомерности любого результата агрессии; постоянная и универсальная уголовная юрисдикция над лицами, ответственными за планирование и осуществление агрессии; обязанность выдавать таких лиц по просьбе государства-жертвы.

54. По мнению Специального докладчика, большинство из этих вопросов выходят за рамки рассматриваемых проектов статей. Последствия войны для договоров фактически являются вопросом, который Комиссия оставила в стороне при обсуждении права договоров. Представляется, что этот вопрос не столько связан с международно-противоправным актом агрессии, сколько с вытекающим из этого состоянием войны. То же самое можно сказать и о наложении ареста на имущество противника и об интернировании граждан противника. Гарантии против повторения агрессии, возмещение ущерба и непризнание правомерности международно-противоправного деяния, с другой стороны, являются общими вопросами, относящимися к ответственности государств, не ограниченными агрессией или международными преступлениями в целом. Наконец, хотя уголовная юрисдикция над лицами и их выдача являются вопросами, относящимися к обязательствам по международному праву, а деяния государства, не соответствующие этим обязательствам могут быть правомерными контрмерами в случае агрессии или других международно-противоправных деяний, вопрос, по-видимому, настолько тесно связан с другим вопросом, находящимся на рассмотрении Комиссии, а именно проектом кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, что его невозможно рассматривать в рамках проекта статей об ответственности государств. Имеется, конечно, связь с вопросом о государственном иммунитете.

³¹ См. труды, цитируемые в комментарии Комиссии, касающемся статьи 19 части 1 проекта статей об ответственности государств [*Ежегодник...*, 1976 год, том II (часть вторая)], стр. 112 и далее.

³² См. *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 100, пункты 91 и 92.

³³ Первый и второй пункты статьи 7 проекта касаются самообороны, полномочий Совета Безопасности и возможного исключения из Организации Объединенных Наций на основании статьи 6 Устава (см. сноску 30, выше).

55. Вывод, который напрашивается из вышеназванных пунктов, вероятно, состоит в том, что в части 2 проекта нет места для статьи или статей об особых правовых последствиях категории международно-противоправных деяний, называемых актами агрессии. Фактически неспособность самой основной первичной нормы запретить такие деяния создает ситуацию, которая при условии применения механизма Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира и безопасности оправдывает любое требование или любую контрмеру; остается только норма количественной пропорциональности и защиты *jus cogens* (в частности, положения о гуманитарном характере, относящиеся к защите людей в вооруженных конфликтах). Эти три ограничения уже предусмотрены в статьях 2, 4 и 5, предложенных Специальным докладчиком в его третьем докладе (см. пункт 21, выше).

56. Агрессия является международным преступлением в области поддержания международного мира и безопасности. Статья 19 части 1 проекта статей предполагает существование других областей «жизненно важных интересов международного сообщества», охраняемых первичными нормами международного права таким образом, что «тяжкое нарушение» обязательства, предусмотренного такими нормами, представляет собой международное преступление. Характер *erga omnes* таких противоправных деяний, конечно, не обязательно означает, что все другие государства, кроме государства-правонарушителя, имеют одни и те же права и обязанности как правовое последствие этого деяния. Равным образом, как отмечалось ранее (пункт 51, выше), квалификация деяния как международного преступления не означает, что другие элементы его правовых последствий являются теми же самыми, что и других международных преступлений, таких как агрессия.

57. Возникает вопрос, должна ли и в каком объеме Комиссия пытаться указать правовые последствия этих других международных преступлений, в частности, пытаться определить содержание и новые права и обязательства государств, иных чем государство-правонарушитель. Статья 8 проекта конвенции Граефрата и Стейнбергера об ответственности государств³⁴ в значительной степени уподобляет агрессии сохранение силой расистского режима (такого, как апартеид) или колониального режима, в частности путем объявления главы VII Устава Организации Объединенных Наций (включая статью 51) применимой к такой ситуации.

58. Трудность здесь состоит в том, что, хотя международное сообщество в целом вполне может признать определенные деяния государства как международное преступление, в меньшей степени, по-видимому, проявляется консенсус в том,

что касается наказания, которое должно быть определено. Действительно, в областях «жизненно важных интересов международного сообщества», таких как «защита окружающей среды» или «защита человеческой личности», или же «защита права народов на самоопределение», прогрессивное развитие международного права привело к появлению первичных норм и даже иногда третичных норм или, по крайней мере, определенно-го механизма осуществления. Однако, что касается особых вторичных норм, отличающихся от тех, которые применяются к международно-противоправным деяниям в целом, имеется мало указаний на то, что существуют общепринятые правовые последствия серьезных нарушений. Этот факт, несомненно, связан с тем, что в этих областях первичные нормы затрагивают субъектов, не являющихся государствами, тогда как вторичные нормы по своему определению относятся к государствам как таковым. Тем не менее, как уже указывалось (пункт 51, выше), имеются элементы особых правовых последствий, общие для всех международных преступлений.

59. Одним из таких уже упомянутых элементов является характер нарушения. Каждое другое государство имеет право потребовать от государства-правонарушителя обеспечения им самим выполнения нарушенного обязательства (возмещение *ex nunc*, *ex tunc* и *ex ante*).

60. Другой общий элемент, по-видимому, состоит в том, что организованное международное сообщество, то есть Организация Объединенных Наций, имеет юрисдикцию над ситуацией. Это не означает, что международное преступление обязательно представляет собой «угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии» по смыслу статьи 39 Устава Организации Объединенных Наций. Вопрос о том, какой орган Организации Объединенных Наций может принимать какое действие, остается вопросом толкования и применения Устава. По сути это означает, что в случае совершения международного преступления этот вопрос не может быть вопросом, «по существу входящим во внутреннюю компетенцию любого государства» по смыслу пункта 7 статьи 2 Устава. Кроме того, вполне допустимо, что «международное сообщество в целом», квалифицируя определенные международно-противоправные деяния как международные преступления путем установления первичной нормы, в то же время устанавливает соответствующие вторичные и третичные нормы.

61. Третий общий элемент будет заключаться в том, что принцип международного права, «касающийся обязанности не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства», как он сформулирован в Декларации принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Ус-

³⁴ См. сноску 30, выше.

тавом Организации Объединенных Наций³⁵, не применяется в случае, когда совершено международное преступление. Это будет означать, что каждое государство или группа государств, иных, чем государство-правонарушитель, имеет право принимать контрмеры против государства-правонарушителя, которые в противном случае были бы запрещены в силу вышеупомянутого принципа. Это не означает, однако, что каждое другое государство или группа государств будет иметь право принимать меры, которые конкретно запрещены другими нормами международного права, либо общими нормами обычного права, или же договорами, регулирующими отношения между государством-правонарушителем и другим государством или группой государств.

62. Четвертый общий элемент, о котором уже упоминалось (пункты 50 и 51, выше), касается отношений между государствами, иными, чем государство-правонарушитель. Правовое последствие международного преступления состоит в том, что оно создает обязанности солидарности для всех других государств и между ними. Обязанность не поддерживать их *post facto* преступление государства-правонарушителя представляется самоочевидной. Обязанность оказывать поддержку правомерным контрмерам других государств менее ясно определена. Фактически эта обязанность не может сама по себе привести к появлению для оказывающего поддержку государства права по отношению к государству-правонарушителю, на которое оказывающее поддержку государство уже не может претендовать в силу третьего общего элемента правовых последствий, упомянутого в пункте 61, выше. То, что здесь имеется в виду под «поддержкой», касается отношений между другими государствами и как таковое предполагает некую форму общего понимания существования права принимать контрмеры, а также понимания полезности его использования³⁶. Это даже в большей мере относится к обязанности принимать участие в коллективных контрмерах против государства-правонарушителя. В конце концов в другой области поддержания международного мира и безопасности статья 48 Устава Организации Объединенных Наций уполномочивает Совет Безопасности поручать некоторым членам предпринимать действия, тогда как статья 49 обязывает оказывать «взаимную помощь» только «в проведении мер, о которых принято решение Советом Безопасности», а ста-

тья 50 предусматривает «разрешение» «специальных экономических проблем, возникших из проведения вышеупомянутых мер», для любого государства. Короче говоря, обязанность оказывать поддержку контрмерам действует лишь в рамках определенной формы международного механизма принятия решений.

63. Уже отмечалось (пункт 60, выше), что Организация Объединенных Наций имеет компетенцию в случае совершения международного преступления и что вполне допустимо, что международное сообщество в целом, когда оно устанавливает первичную норму, квалифицирующую определенные деяния как международное преступление, в то же время наделяет конкретные органы Организации Объединенных Наций полномочиями принимать решения о специальных контрмерах против государства-правонарушителя, совершившего такое преступление. Также, конечно, вполне допустимо, что такие контрмеры могут затем пойти дальше тех, о которых уже упоминалось (пункт 61, выше), и охватывать меры, которые в противном случае были бы конкретно запрещены другими нормами международного права, и установить обязанности для всех государств оказывать поддержку согласованным мерам и даже принимать участие в коллективных мерах; в таких случаях эти обязанности должны будут иметь приоритет над обязанностями согласно другим нормам международного права³⁷.

64. Однако действительно ли имеются такие вторичные и третичные нормы, которые действуют на настоящем этапе международного права (помимо главы VII Устава)? Не будет ли для Комиссии целесообразным составить в рамках прогрессивного развития международного права проект, например, предложения, в котором говорилось бы, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций большинством в две трети может принимать решения о том, какие меры, не включающие применение вооруженной силы, должны применяться (ср. статью 41 Устава) в том случае, если Международный Суд установит по просьбе какого-либо государства, что другим государством совершено международное преступление?

65. По мнению Специального докладчика, маловероятно, что государства в целом примут правовую норму, аналогичную статье 19 части I проекта статей без правовой гарантии, что в их адрес не будет выдвинуто обвинение со стороны любого государства или всех других государств в совершении международного преступления и что к ним не будут предъявлены требования и приняты контрмеры каким-либо государством или всеми другими государствами без независимого и авторитетного установления фактов и при-

³⁵ Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1970 года, приложение.

³⁶ Если контрмера, принимаемая государством А против государства-правонарушителя В, представляет собой бойкот, другие государства вполне могут возразить против распространения «первичного» бойкота (отказ от прямых экономических связей между государством А и государством В) на «вторичный» бойкот (отказ от экономических связей между государством А и государством С, которое поддерживает экономические связи с государством В) или даже «третичный» бойкот (отказ от экономических связей с государством D, которое поддерживает экономические связи с государством С).

³⁷ Ср. пункты 17—19 комментария к статье 6, представленного в третьем докладе Специального докладчика [Документ A/CN.4/354 и Add.1 и 2 (см. сноску 3, выше), пункт 150].

менимого права. В этом отношении существует четкая аналогия с тем, что произошло в отношении оговорки *ius cogens* в Венской конвенции.

66. С другой стороны, если будет иметь место такое независимое и авторитетное установление фактов и применимого права и будет сделано заключение, что совершенно международное преступление, международное сообщество государств не согласится с тем, чтобы вопрос о санкциях зависел от желания каждого индивидуального государства пойти на неизбежно связанные с этим жертвы. И наконец, индивидуальные государства не примут обязанность оказывать поддержку контрмерам, принимаемым другим государством, или обязанность принимать участие в коллективных контрмерах без такого независимого и авторитетного заявления и коллективного обсуждения и решения о распределении бремени осуществления.

67. Все это приводит Специального докладчика к выводу о том, что Комиссия, которая признала прогрессивное развитие международного права, предварительно приняв статью 19 части I проекта, должна довести это развитие до его логического завершения, предложив в этой области вторичные и третичные нормы.

68. В предыдущих пунктах была сделана первая «классификация» международно-противоправных деяний в плане различия их правовых последствий; агрессия была отделена от других международных преступлений ввиду, в частности, недопустимости применения вооруженной силы в целях самообороны государствами в случае международных деликтов. Мы оставляем в стороне случай *conspicuis*, то есть возможность того, что международные преступления, которые не являются актом агрессии, могут тем не менее представлять «угрозу миру» по смыслу статьи 39 Устава Организации Объединенных Наций.

69. Это различие, конечно, скрывает два важных разногласия. Первое относится к последствиям права на самоопределение народов; второе касается понятия «применение вооруженной силы» в контексте реакции на международно-противоправное деяние. В действительности оба эти разногласия явно связаны со сферой применения и толкования первичных норм международного права. Так, например, возникают следующие вопросы. Подразумевает ли право на самоопределение народов право и, возможно, даже обязанность каждого индивидуального государства оказывать поддержку народу, который является жертвой поддержания силой колониального господства, вплоть до угрозы или применения вооруженных сил против территориальной целостности и политической независимости другого государства? Следует ли временное применение вооруженных сил государством в пределах территории другого государства с единственной целью освободить его граждан, доставленных на эту терри-

торию или удерживаемых на ней в результате международно-противоправного деяния, приравнивать к применению вооруженных сил против территориальной целостности и политической независимости этого другого государства?

70. Специальный докладчик считает, что эти и другие «смежные» вопросы неизбежно возникают при любой попытке классифицировать международно-противоправные деяния для цели установления различий их правовых последствий. Вся идея, лежащая в основе ответственности государств, состоит в изменении в правовых отношениях между государствами, вызванном международно-противоправным деянием государства. Определение этого изменения неизбежно затрагивает установление того, какими, прежде всего, были эти правовые отношения. Тем не менее все усилия Комиссии при выработке норм ответственности государств состоят в том, чтобы, насколько возможно, не предвосхищать сферу действия и толкования первичных норм, в частности в тех случаях, когда международный опыт показывает, что в настоящее время разногласия не могут быть разрешены консенсусом. В настоящем случае представляется, что Комиссия вряд ли может улучшить Декларацию о принципах международного права, принятую в 1970 году, и Определение агрессии, принятое в 1974 году, давая ответы на вопросы, намеренно оставленные открытыми в этих текстах³⁸.

71. Переходя теперь к правовым последствиям международно-противоправных деяний, не являющихся ни актами агрессии, ни другими международными преступлениями, необходимо рассмотреть вопрос о том, как можно далее систематизировать противоправные деяния и правовые последствия («каталог»).

72. Что касается правовых последствий международного правонарушения, то можно выделить три аспекта:

a) что касается возникновения в результате правонарушения новых правовых отношений между государством-правонарушителем и пострадавшим государством, то возникает вопрос о том, какое государство или государства можно считать пострадавшими в результате данного правонарушения;

b) содержание новых правовых отношений;

c) вопрос о возможной разбивке на «этапы» содержания новых правовых отношений.

Этот вопрос включает, среди прочего, вопрос о допустимости незамедлительных ответных мер до того, как будут предприняты какие-либо попытки урегулирования первоначального спора.

³⁸ См., в частности, пункт 2, «Общие положения», Декларации о принципах международного права (см. сноску 35, выше) и статьи 7 и 8 Определения агрессии [резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, приложение].

73. Как правило, международные обязательства, «требующие принятия конкретного курса поведения» или «требующие достижения конкретного результата», или обязательства «в целях предотвращения определенного события» являются обязательствами в отношении конкретного государства. Даже если затрагиваются интересы более чем одного другого конкретного государства, двусторонние отношения, созданные нормой международного права, можно, как правило, рассматривать в отдельности. То же самое относится и к новым правовым отношениям, возникшим в результате нарушения обязательства, то есть к отношениям между государством-правонарушителем и пострадавшим государством или государствами. В принципе нет различия в том, относится ли это обязательство к обычному праву или обусловлено договором³⁹. Однако в отношении делимости двусторонних отношений существуют исключения⁴⁰. Помимо случая международных преступлений, международно-противоправных деяний, имеющих характер *erga omnes*, по-видимому, не существует. Это не исключает того, что государство или государства, имеющие интерес в данном вопросе, могут через дипломатические или другие официальные каналы указать на этот интерес государству, виновному в совершении международно-противоправного деяния. Подобные демарши или обращения могут делаться даже до того, как международно-противоправное деяние было фактически совершено. Допустимость таких шагов не является правовым последствием международно-противоправного деяния⁴¹. Это, конечно, не затрагивает обязанности не вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства.

74. Вопрос о том, сказывается ли отрицательно деяние одного государства на интересах другого государства, определяется фактом. Для возникновения ответственности государства, то есть новых правовых отношений между государствами, несомненно, необходимо дать определение как деянию, так и интересу, другими словами, определить участников нарушения. Участниками нарушения могут быть лишь те государства, между которыми существуют первичные отношения. Поэтому вопрос заключается в толковании первичных норм: чьи интересы защищает данная первичная норма? Но даже если установлено, что данная первичная норма, возможно, также защищает интересы данного государства, это го-

сударство необязательно является участником нарушения⁴².

75. Во многих случаях международно-противоправных деяний не существует проблем с юридическим определением пострадавшего государства. Государства, являющиеся участниками создания нормы международного права (или, согласно терминологии части I, «обязательства»), также являются сторонами первичных правовых отношений в соответствии с этой нормой и в то же время участниками нарушения, то есть сторонами новых, вторичных, правовых отношений; эти три «уровня» совпадают. Как правило, это относится к обязательствам, вытекающим из двустороннего договора. Однако здесь следует отметить, что даже в этом случае может возникнуть аналогичная проблема в связи с определением «пассивной» стороны новых правовых отношений, как и «активной» стороны. Фактически, если непосредственной жертвой деяния является не государство, а другой субъект, все же необходимо установить связь между этим субъектом и государством, с тем чтобы определить пострадавшее государство. Такая связь может быть установлена посредством другой (первичной) нормы международного права, такой как нормы, относящиеся к тому, что часто называется «национальностью претензий». Действительно, могут считаться, что норма международного права, квалифицирующая международно-противоправное деяние как международное преступление, также является такой другой первичной нормой в той мере и постольку, поскольку она связывает существенные интересы сообщества государств в целом с каждым отдельным государством (которое, таким образом, становится пострадавшим государством).

76. Фактически то же самое явление связи через другую норму международного права существует с активной стороны, где автор деяния (ср. с пунктом 1 статьи 32 части I проекта статей об ответственности государств) не является лицом или группой лиц, «действующих от имени государства», по смыслу пункта 1 статьи 11 части I проекта; тогда, согласно пункту 2 этой статьи,

⁴² Несомненно, также в интересах государств, в которые, из которых или от имени которых суда перевозят грузы, чтобы прибрежное государство не препятствовало мирному проходу судов в соответствии с пунктом 1 *b* статьи 24 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву [Официальные отчеты третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, том XVII (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.84.V.3), документ A/CONF.62/122]; тем не менее такое препятствие является международно-противоправным деянием только в отношении государства флага. Если в соответствии со статьей 59 этой же Конвенции разрешение конфликта между прибрежным государством и государством флага относительно их соответствующих прав в исключительной экономической зоне затрагивает интересы «международного сообщества в целом», то это, конечно, не означает, что международно-противоправное деяние прибрежного государства в этой области является нарушением *erga omnes*. Ср. также предварительный доклад, документ A/CN.4/330 (см. сноску 1, выше), пункты 41, 70 и 96.

³⁹ Если конкретное прибрежное государство отказывает судну конкретного государства флага в мирном проходе через свои территориальные воды, это является международно-противоправным деянием, которое создает новые правовые отношения только между этим прибрежным государством и этим государством флага.

⁴⁰ Ср. предварительный доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/330 (см. сноску 1, выше), пункт 62 и далее.

⁴¹ Ср. решение Международного Суда от 5 февраля 1970 года по делу *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, second phase, I.C.J. Reports 1970*, p. 46, paras. 86—87.

может иметь место случай поведения государства, имеющего отношение к поведению лица или круга лиц, что может повлечь за собой ответственность государства. (В определенном смысле положение об исчерпани местных средств также способствует «определению» государства-правонарушителя.) Статьи 27 и 28 части 1 проекта также представляют собой такие другие нормы международного права и на этот раз определяют «третье» государство в качестве участника нарушения. Иногда также возникает проблема определения другого государства как пострадавшего государства в контексте ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом⁴³.

77. Несомненно, если в двустороннем договоре налагаются лишь обязательства, относящиеся к конкретному поведению в конкретное время (такие, как выплата определенной суммы денег в установленный день), то не может быть никаких проблем с определением пострадавшего государства в случае невыполнения этих обязательств. Физический акт (не) выполнения, конкретные правовые отношения и норма международного права, созданная данным договором, полностью совпадают. То же самое обычно относится и к обязательствам государств, вытекающим из решения об урегулировании спора. Однако, как уже отмечалось в третьем докладе⁴⁴, основная часть международных обязательств составляется в абстрактных терминах, и затем возникает вопрос об определении пострадавшего государства. Особенно это относится к случаю, когда нарушается обязательство, вытекающее из многостороннего договора. Между случаем с двусторонним договором и многосторонним договором находится случай, связанный с позицией третьих государств по отношению к договору в соответствии со статьями 35 и 36 Венской конвенции. В действительности этот случай скорее касается первичных правовых отношений между этими участниками и третьим государством, возникающих из договора, участником которого это третье государство не является. Как уже отмечалось в предварительном докладе⁴⁵, вряд ли представляется целесообразным рассматривать эти первичные правовые отношения для целей определения правовых последствий нарушения иначе, чем правовые отношения между участниками договора. По-видимому, это также относится к случаю, рассматриваемому в статье 36-бис⁴⁶, проекта статей о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организа-

циями⁴⁷. Однако в обоих случаях третьи государства не являются участниками договора, поэтому возникает вопрос о том, могут ли они ссылаться на существенное нарушение в качестве основания для прекращения договора или приостановления его действия, что будет рассмотрено в настоящем докладе ниже.

78. Определение пострадавшего государства является лишь одним элементом определения правовых последствий международно-противоправного деяния. Само по себе оно тесно связано с двумя другими элементами, упомянутыми выше (пункт 72). Действительно, три «параметра» правовых последствий могут относиться к различным государствам⁴⁸ и могут соответствовать различным «этапам». Так, например, на вопрос о том, имеет ли какое-либо государство в отношении международно-противоправного деяния другого государства «отдельное самостоятельное право»⁴⁹ требовать возмещения, ответ не обязательно совпадает с ответом на вопрос о том, имеет ли государство право принимать ответные меры; применение статьи 94 Устава Организации Объединенных Наций может вовлечь и другие государства в правовые последствия международного правонарушения. Иногда другие правовые последствия «статуса» и «процедуры» могут также затрагивать другие государства, помимо тех, которые имеют право на возмещение (ср. пункт 2 статьи 61 и пункт 2 *b* статьи 62 Венской конвенции); какое государство может заявить о недействительности правового деяния, это также является вопросом, отдельным от вопроса о непосредственно понесенном ущербе. Прежде чем приступить к вопросу об определении пострадавшего государства, представляется целесообразным проанализировать два других элемента.

79. Что касается содержания новых правовых отношений, то можно выделить три вида таких отношений, а именно: *a*) возмещение; *b*) приостановление действия или прекращение существующих отношений на международном уровне; *c*) меры самопомощи в целях обеспечения сохранения прав. Различие между этими тремя видами также не является четко выраженным; в целом они относятся к модификациям в трех областях «юрисдикции»: юрисдикции государства-правонарушителя; международной юрисдикции и юрисдикции других государств. Действительно, эти три области юрисдикции связаны друг с другом через нормы международного права.

80. В рамках качественной пропорциональности допустимость мер самопомощи, очевидно, представляется наиболее сомнительной, поскольку они

⁴³ В связи с этим см. заявление, сделанное 16 ноября 1982 года представителем Нидерландов в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 46-е заседание, пункты 44—50*).

⁴⁴ Документ A/CN.4/354 и Add.1 и 2 (см. сноску 3, выше), пункт 32, сноски 15 и 16, ср. также пункты 123 и 124.

⁴⁵ Документ A/CN.4/330 (см. сноску 1, выше), пункт 38.

⁴⁶ Текст см. *Ежегодник.., 1982 год, том II* (часть вторая), стр. 162.

⁴⁷ Ср. замечания, высказанные 9 ноября 1982 года представителем Нидерландов в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, Шестой комитет, 40-е заседание, пункты 52—69*).

⁴⁸ См. предварительный доклад (A/CN.4/330), (см. сноску 1, выше), конец пункта 62 и пункт 42.

⁴⁹ Там же, пункт 41.

неизбежно подразумевают нарушение прав государства-правонарушителя. В соответствии с этим обычно считается, что репрессалии допустимы лишь в ограниченной форме и в отдельных случаях. Здесь имеют значение характер международно-противоправного деяния и характер права государства-правонарушителя, нарушенного в результате применения репрессалии.

81. Первое ограничение допустимости репрессалий относится к репрессалиям, связанным с применением силы. В Декларации о принципах международного права⁵⁰ отмечается, что «государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы». В статье 4 резолюции о режиме репрессалий в мирное время, принятой Институтом международного права в 1934 году⁵¹, предусматривается, что «вооруженные репрессалии запрещаются в той же мере, как и применение военных действий» («Les représailles armées sont interdites dans les mêmes conditions que le recours à la guerre»). В проекте конвенции Граефрата и Стейнигера⁵² исключаются репрессалии, которые сводятся к угрозе силой или ее применению в отношении территориальной целостности или политической независимости государства (статьи 9 и 10), и военные действия за пределами территории (первый пункт статьи 9). Однако в Декларации Организации Объединенных Наций 1970 года также содержится следующее положение: «Ничто в вышеизложенных пунктах [включая только что изложенный пункт] не должно истолковываться как расширяющее или ограничивающее каким-либо образом масштабы действия положений Устава, затрагивающих случаи, при которых применение силы является законным», а в соответствии со статьей 2 резолюции Института международного права «самообороны» исключается из сферы действия этой резолюции. Таким образом, в этой области Комиссия вновь сталкивается с отсутствием единого мнения, на что указывается выше (пункты 52—54). В любом случае, поскольку вооруженные репрессалии запрещены, это запрещение будет охватываться статьями 4 и 5, как предлагалось Специальным докладчиком в его третьем докладе (см. выше, пункт 21). Кроме того, в отношении большинства международно-противоправных деяний в масштабах вооруженных репрессалий отмечалась бы явная диспропорция согласно предложенной в этом же докладе статье 2.

82. Следующий вопрос заключается в том, существуют ли в современном международном праве другие ограничения допустимости репрессалий, помимо вооруженных репрессалий. Как отмечалось в пункте 80, выше, здесь, по-видимому, затрагиваются характер международно-противоправного деяния и характер права государства-

правонарушителя, нарушенного в результате репрессалии. Однако ни в резолюции Института международного права, ни в проекте конвенции Граефрата и Стейнигера в этом отношении не делается никаких четких различий. В статьях 9 и 10 проекта конвенции Граефрата и Стейнигера, в которых рассматриваются правовые последствия международно-противоправных деяний, не являющихся ни военной агрессией, ни сохранением силой расистского или колониального режима, содержится совершенно одинаковое положение, касающееся репрессалий: «характер и масштабы таких репрессалий должны быть ограничены до необходимых пределов» («sie sind nach Art und Umfang auf das Erforderliche zu beschränken»), положение, которое, как представляется, скорее относится к требованию *количественного* соотношения, сформулированному в статье 6 Института международного права и обязывающему государство, которое применяет репрессалии, «соотносить ответные меры с тяжестью деяния, объявленного противоправным, и с объемом нанесенного ущерба». Тем не менее имеются случаи *качественного* соотношения даже за пределами императивных норм общего международного права, на которые распространяется статья 4, предлагаемая в третьем докладе.

83. Рассматриваемый здесь вопрос несколько аналогичен проблеме «состояния необходимости», рассматриваемой в статье 33 части 1 проекта статей об ответственности государств. В пункте 2 *b* этой статьи исключается возможность ссылки на состояние необходимости, «если международное обязательство, которому не соответствует деяние этого государства, установлено договором, в котором прямо или косвенно исключается возможность ссылки на состояние необходимости в отношении этого обязательства». Теперь возможность того, что правовые последствия нарушения (в том числе исключение определенных правовых последствий, таких как репрессалии) «определяются нормой или нормами международного права, устанавливающими обязательство, или другими существующими нормами международного права», уже покрывается проектом статьи 3, предложенным в третьем докладе (см. пункт 21, выше). Однако ввиду явных недостатков слишком обширной формулировки этого проекта статьи и без ущерба для последующего принятия общего проекта статьи, признающего (ограниченную) возможность отступления от правовых последствий, которая должна быть определена в части 2, представляется необходимым включить специальный проект статьи, относящийся только к репрессалиям.

84. Если оставить в стороне международное преступление агрессии, то представляется очевидным, что репрессалия, которая сама по себе является еще одним международным преступлением, никогда не может быть оправданной, даже если она осуществляется в ответ на международное преступление, совершенное другим государством.

⁵⁰ См. сноску 35, выше.

⁵¹ *Annuaire de l'Institut de droit international, 1934*, p. 708 à 711.

⁵² См. сноску 30, выше.

вом. Теоретически для этого очевидного вывода имеются два основания. Первое заключается в том, что здесь затрагивается защита основных интересов международного сообщества; второе заключается в том, что непосредственно пострадавшие субъекты не являются отдельными государствами. Оба эти основания могут применяться *mutatis mutandis* к репрессалиям, которые, хотя по определению и являются нарушением международных обязательств, не представляют собой международных преступлений. Фактически они также применяются и к другим объективным режимам, которые могут быть всеобщими, региональными или даже двусторонними.

85. Концепция «объективного режима», по-видимому, является несколько расплывчатой⁵³. Это, вероятно, объясняется тем фактом, что правовая сторона этой концепции рассматривается в различных контекстах. В частности, контекст подразумеваемой приемлемости объективного режима для третьих государств, по-видимому, является той причиной, по которой эта концепция как таковая не была предусмотрена в Венской конвенции. Настоящий контекст допустимости репрессалий можно, как представляется, отделить от этого другого контекста. В настоящий момент вопрос состоит не в том, какие государства, не являясь участниками создания объективного режима, получают права и обязанности на основе этого режима, а, скорее, в том, может ли, с учетом существования первичных правовых отношений между государствами, находящимися в таком режиме, одно из этих государств путем репрессалий действовать вопреки своим обязательствам, обусловленным этим режимом, который не обязательно создается договором; пока что формулировка, принятая для пункта 2 *b* статьи 33 части I проекта — различный контекст, — является слишком сжатой для настоящей цели.

86. Здесь, как представляется, уместны два положения статьи 6 резолюции Института международного права⁵⁴. Согласно пункту 3 этой статьи, государство, осуществляющее репрессалии, обязано «ограничить воздействие таких репрессалий государством, против которого они направлены, и по мере возможности уважать права частных лиц и третьих государств». В соответствии с пунктом 4 запрещаются «какие-либо строгие меры, противоречащие законам гуманности и нормам общественного сознания». Первое упомянутое положение затрагивает вопрос о международных обязательствах, важных для защиты общих интересов группы государств, поскольку нарушение такого обязательства не может не сказаться отрицательно на этих общих интересах и поэтому не может быть ограничено отдельным членом группы, совершившим международно-противоправное деяние. Другое положение приводит в

действие международные обязательства по охране субъектов, иных чем отдельные государства, в частности людей.

87. С логической точки зрения, тот факт, что существование общих интересов не дает возможности выделить государство-правонарушителя, может привести к двум вариантам: либо репрессалия, которая осуществляется вопреки обязательству, обусловленному объективным режимом, является недопустимой, либо она является допустимой, и входящие в данную группу государства, помимо государства-правонарушителя, должны принять отрицательные последствия этой репрессалии. Фактически выбор между этими двумя вариантами должен осуществляться коллективно, однако трудность здесь состоит в том, что не все объективные режимы предусматривают механизм принятия таких коллективных решений. В соответствии с этим некоторые авторы проводят следующее различие в зависимости от международно-противоправного деяния, против которого направлена репрессалия: если нарушение является нарушением обязательства, обусловленного объективным режимом, то репрессалия является допустимой; если международно-противоправное деяние не связано с объективным режимом, то репрессалия является недопустимой⁵⁵. Последнее правило, несомненно, является верным (при отсутствии механизма принятия коллективных решений относительно репрессалии). Первое правило может соответствовать словам «насколько возможно» в пункте 3 статьи 6 вышеупомянутой резолюции Института международного права. Ее отрицательный результат (репрессалия представляет собой еще одно нарушение объективного режима в добавление к нарушению, совершенному государством-правонарушителем) можно оправдать лишь отсутствием механизма принятия коллективного решения, а также тем фактом, что, хотя затрагиваются общие интересы группы государств, интересы одного государства-члена особенно затрагиваются нарушением, которое влечет за собой применение репрессалии. Все это, конечно, не умаляет возможности того, что первоначальное нарушение международного обязательства может привести к созданию такого положения, при котором в качестве оправдания невыполнения пострадавшим государством первичного обязательства может приводиться ссылка на коренное изменение обстоятельств, состояние необходимости или требование взаимности. Действительно общий интерес группы государств не исключает возможности того, что нарушение одним из членов группы обязательства, установленного в общих интересах, может повлиять на другого члена группы в большей степени, чем на остальных. С другой стороны, для общего инте-

⁵³ Ср. E. Klein, *Statusverträge im Völkerrecht, Rechtsfragen territorialer Sonderregime*, Berlin, Springer, 1980.

⁵⁴ См. сноску 51, выше.

⁵⁵ См. B. Simma, «Reflections on article 60 of the Vienna Convention on the Law of Treaties and the background in general international law», *Osterreichische Zeitschrift für öffentliches Recht*, Wien, Bd. XX, 1970, S. 5; Klein, *op. cit.*, и ряд цитируемых в этой работе авторов.

реса необходима определенная форма коллективного управления таким интересом. В этом отношении примечательно, что в статье 8 резолюции Института международного права отмечается: «Применение репрессалий должно постоянно находиться под международным контролем. Оно ни при каких обстоятельствах не должно осуществляться без обсуждения со стороны других государств и при осуществлении среди членов Лиги Наций не должно опираться только на оценку органов Лиги». В то же время в статье 9 содержится общее положение о том, что споры должны урегулироваться Постоянной палатой международного правосудия.

88. Случай, когда объективные режимы выступают в защиту других субъектов, помимо государств, носит несколько иной характер или даже скорее противоположный. В пункте 4 статьи 6 упомянутой резолюции Института международного права, в частности, рассматривается то, что теперь можно было бы назвать нормами международного права, касающимися защиты или уважения прав человека в вооруженных конфликтах. В этой конкретной области международного права соответствующие нормы в целом конкретно относятся к допустимости или недопустимости репрессалий. Фактически если репрессалии дозволяются, то это объясняется тем, что затронутый государственный интерес преобладает над соображениями гуманитарного характера. По мнению Специального докладчика, этой конкретной области необходимо предоставить возможность развиваться самостоятельно и исключить ее из сферы действия части 2 проекта статей об ответственности государств.

89. Однако существуют другие объективные режимы, обязывающие государства уважать права человека, независимо от национальности пострадавшего лица или от каких бы то ни было обстоятельств. Репрессалии при нарушении таких норм являются, несомненно, недопустимыми, даже если они не являются международным преступлением. Однако может показаться, что эта недопустимость уже нашла свое отражение в общей статье 4, предложенной Специальным докладчиком в его третьем докладе (см. пункт 21, выше). Чрезвычайное положение и коренное изменение обстоятельств уже предусмотрено в этих нормах, а требование взаимности, несомненно, не является их частью.

90. Другим субъектом, подлежащим защите со стороны первичных норм международного права и не приписываемым конкретному государству, является окружающая человека среда в качестве совместно используемого ресурса. В этой области репрессалии, состоящие в нарушении таких норм, также представляются недопустимыми, даже в ответ на ранее имевшее место нарушение со стороны другого государства. Однако особенно необходимо проводить различие между репрессалиями и другими основаниями для не-

выполнения обязательств. Нарушение обязательства, касающегося защиты окружающей человека среды, может быть таким, что возникающее в результате него положение будет представлять собой коренное изменение обстоятельств в отношении соответствующего обязательства других государств. Кроме того, особенно если первичная норма международного права является двусторонней или действительной лишь между членами группы государств, она может предусматривать особые обязательства взаимного воздержания и сама выражать требование взаимности. В той мере, в какой международное обязательство носит универсальный и абсолютный характер, запрещение его нарушения путем репрессалий вновь, вероятно, предусматривается в статье 4, предложенной в третьем докладе.

91. Помимо исключения конкретных репрессалий общей нормой *jus cogens* и каким-либо объективным режимом (кроме случая нарушения такого объективного режима), могут существовать случаи исключения конкретных репрессалий, даже когда не затрагиваются интересы других государств. Типичным примером являются дипломатические иммунитеты. Однако может показаться, что этот случай не поддается обобщению в контексте недопустимости конкретных репрессалий. Действительно этот случай, по-видимому, скорее подпадает под категорию отступления от общих норм, касающихся правовых последствий международно-противоправных деяний и косвенно предусматриваемых во время установления первичных отношений. Как таковой этот случай будет относиться к норме, допускающей такое отступление, то есть к статье 3, предлагаемой в третьем докладе.

92. В соответствии со статьей 30 части 1 проекта статей об ответственности государств репрессалия является правомерной ответной мерой, исключающей противоправность этого деяния, которое в противном случае не соответствовало бы международному обязательству. Между репрессалией как таковой и односторонним прекращением договора или приостановлением его действия вследствие его нарушения проводится четкое различие, хотя некоторые из соображений, ведущих к ограничению репрессалий, также признаются полностью обоснованными для ограничения одностороннего прекращения договора или приостановления его действия, предусматриваемого в статье 60 Венской конвенции. Действительно статья 60, несомненно, продиктована желанием сохранить договор как таковой, хотя в ней признается, что требование взаимности и/или коренного изменения обстоятельств может не привести к этому результату.

93. Одностороннее прекращение договора или приостановление его действия, конечно, не обязательно подразумевает, что акт, нарушающий этот договор, будет фактически совершен государством, которое осуществило такое прекращение или

приостановление. С другой стороны, прекращение договора или приостановление его действия неизбежно подразумевает, что вытекающие из договора первичные обязательства государства, совершившего существенное нарушение, также прекращаются или приостанавливаются в отношении государства, прекращающего такой договор или приостанавливающего его действие.

94. Действительно, в общем процессе международного права отмечаются различные этапы: между разработкой (включая изменение и прекращение) нормы и обеспечением ее соблюдения могут находиться первичные, вторичные и третичные правовые отношения. Необходимо проводить различие между самопомощью, являющейся мерой обеспечения соблюдения, и прекращением нормы. Несомненно, что некоторых этапов может не хватать, или они могут совпадать. Так, например, договоры совсем необязательно должны воплощать в себе абстрактные нормы; однако их действие всегда связано с другими нормами международного права за рамками данных договоров, хотя бы в целях их толкования (пункт 3 с статьи 31 Венской конвенции). К другим нормам, которые также могут применяться, относится норма о воздействии на обязательства коренного изменения обстоятельств и правило взаимности.

95. Репрессалии как меры по обеспечению соблюдения также необходимо отличать от действия двух других норм международного права: нормы, касающейся воздействия коренного изменения обстоятельств на международные обязательства, и правила взаимности по обязательствам. Это не означает, что эти нормы всегда применяются по отношению ко всем международным обязательствам; напротив, они могут и не применяться. Однако вопрос заключается в том, что, если они применяются и в той мере, в которой они применяются, поведение, не соответствующее другим существующим обязательствам, не является репрессалией.

96. В этой связи могут возникнуть сомнения относительно правильности высказанного в пункте 87, выше, мнения о том, что репрессалия, которая состоит в нарушении обязательства, предусмотренного по объективному режиму, является допустимой, если она осуществляется в ответ на нарушение этого объективного режима другим государством. В пользу этого можно, вероятно, привести два соображения⁵⁶: первое состоит в том, что, по крайней мере в договорных отношениях, всегда присутствует элемент *do ut des*; второе — что опасение репрессалий является одной из основных причин добровольного выполнения международных обязательств. Оба эти соображения являются реалистичными в том смысле, что правительства, несомненно, могут руковод-

ствоваться соображениями подобного характера при переговорах, при вынесении решения об участии или неучастии в том или ином договоре и при выработке курса поведения в конкретных обстоятельствах. Однако вопрос заключается в том, что, помимо допустимости индивидуальных репрессалий, существуют другие правовые средства или методы, которые могут охватывать эти условия в той мере, в которой они оправданы. Во-первых, взаимность в том смысле, что государство должно выполнять обязательство лишь в том случае, если такое же или другое обязательство выполняется другим государством, является правовой связью, которая может быть установлена участниками во время обсуждения или принятия на себя этих обязательств. Во-вторых, положение, явившееся результатом невыполнения обязательств, может представлять собой коренное изменение обстоятельств или фактически создавать состояние необходимости для других государств. На коренное изменение обстоятельств и состояние необходимости не может делаться ссылка, если они являются результатом нарушения международного обязательства стороной, прибегающей к этой ссылке. С другой стороны, нарушение государством международного обязательства может в значительной степени содействовать созданию положения, связанного с коренным изменением обстоятельств или с состоянием необходимости для другого государства. В-третьих, необходимо принимать во внимание возможную делимость обязательств в рамках одной и той же области. В-четвертых, помимо индивидуальной самопомощи, могут существовать другие средства обеспечения соблюдения. И наконец, необходимо проводить различие между невыполнением обязательства и полной неудачей режима как такового.

97. Специальный докладчик согласен с тем, что общий или коллективный интерес группы государств — участников объективного режима действительно исключает допустимость репрессалий, состоящих в невыполнении обязательства по данному режиму, если только такое невыполнение не обусловлено коллективным решением данной группы государств в этом отношении. Фактически это является не чем иным, как применением на региональном уровне идеи, лежащей в основе универсальных режимов: система Организации Объединенных Наций, *jus cogens* и международные преступления. В определенном смысле можно даже рассматривать автономный режим дипломатического права в качестве пограничного случая двустороннего объективного режима (ср., однако, пункт 91, выше). Тем не менее в отношении этих универсальных объективных режимов существует различие, поскольку в рамках самого регионального объективного режима могут непосредственно осуществляться конкретные репрессалии в конкретных обстоятельствах.

98. Если положение по данному вопросу будет включено в часть 2 проекта статей, то будет не-

⁵⁶ Ср. Klein, *op. cit.*, SS. 229 *et seq.*; Simma, *loc. cit.*, SS. 70 *et seq.*

обходимо включить положение, предусматривающее, что недопустимость репрессалий не наносит ущерба каким-либо вопросам, касающимся прекращения договоров или приостановления их действия. Такое положение соответствовало бы статье 73 Венской конвенции, поскольку эта статья касается «международной ответственности государства». Это, как представляется, охватило бы некоторые случаи взаимности договорных обязательств. Неуниверсальные объективные режимы, основанные не на договорах, а лишь на региональном обычном праве, охватываться не будут, однако они могут исключаться определением объективных режимов из сферы действия нормы о недопустимости репрессалий и в любом случае вряд ли будут иметь место. Здесь уместно напомнить, что резолюция Института международного права⁵⁷ исключает из сферы своего действия «меры, обусловленные общими правовыми принципами в области обязательств, применимыми к международным отношениям» (пункт 2 статьи 2). Поскольку статья 60 Венской конвенции относится лишь к существенным нарушениям, необходимо будет охватить другие случаи взаимности выполнения договорных обязательств. Действительно, если из договора или какого-либо другого соглашения вытекает, что выполнение обязательства государством-участником осуществляется при условии (*quid pro quo*) выполнения того же или иного обязательства другим государством-участником, то невыполнение первым упомянутым государством не должно считаться существенным нарушением для оправдания невыполнения другим государством. Также можно напомнить, что в пункте 2 а статьи 60 Венской конвенции предусматривается коллективное решение «других участников» многостороннего договора (которое может приниматься в сочетании с индивидуальными мерами, предпринимаемыми «участником, особо пострадавшим в результате нарушения»). Однако статья 60 не ограничивается объективными режимами и относится лишь к «существенным» нарушениям, узкое определение которых содержится в пункте 3 этой статьи.

99. Если будет решено, что репрессалии, состоящие в нарушении обязательств по объективному режиму, являются недопустимыми, тогда возникнет вопрос об определении объективных режимов. По существу их объективность в настоящем контексте определяется «нормативным» характером нормы международного права (в отличие как от характера *quid pro quo*, так и от характера «совместной процедуры»). Участники режима создают коллективный интерес, требующий, чтобы каждый из них выполнял свои обязательства независимо от выполнения обязательств другим участником. В этом отношении объективный режим противостоит положению *o si omnes*. Возможно, проще всего такие режимы можно описать, сославшись на «объект и цель» договора,

который именно это и предусматривает. Это также позволило бы разграничить обязательства, вытекающие из одного и того же договора, и соответствовало бы аналогичному определению существенного нарушения, содержащемуся в статье 60 Венской конвенции. Нормативный характер этого режима может быть обусловлен тем фактом, что невыполнение обязательства по этому режиму в отношении государства-правонарушителя влияет «на пользование другими участниками своими правами, вытекающими из данного договора», или «выполнение ими своих обязательств» (статья 58, пункт 1 *b i* Венской конвенции). В определенном смысле нормативный характер объективного режима основывается на наличии в рамках объективного режима механизма для эффективного урегулирования споров или, а *fortiori*, механизма принятия решения для управления коллективным интересом.

100. Как отмечалось в пункте 87, выше, наличие коллективного интереса в объективных режимах должно подразумевать существование механизма принятия коллективных решений относительно репрессалий, заключающихся в нарушении обязательств по данному режиму. Такой механизм может обеспечиваться договором, создающим данный объективный режим. В случае отсутствия конкретных положений в данном отношении имеется возможность того, что другие государства — участники договора при нарушении обязательства по этому режиму одним из них примут решение, дающее возможность одному или нескольким из них путем репрессалий осуществлять такое поведение, которое не соответствует обязательствам, обусловленным данным режимом. Если в договоре не предусматривается иное, такое решение может быть принято лишь единогласно.

101. В отношении самопомощи существуют другие ограничения, помимо недопустимости репрессалий, вытекающей из содержания нормы, которая нарушалась бы в результате этой репрессалии. В пункте 1 статьи 6 резолюции Института международного права⁵⁸ содержится положение о том, что государству, совершившему международно-противоправное деяние, должна сначала быть предоставлена возможность прекратить это нарушение и предложить возмещение. В статьях 9 и 10 проекта конвенции Граефрата и Стейнигера содержится требование о предварительном уведомлении (*Ankündigung*) государства-правонарушителя о намерении принять ответные меры⁵⁹, вероятно, с той же целью. Необходимо отметить, что, согласно пункту 5 статьи 65 Венской конвенции относительно прекращения договора и приостановления его действия, не требуется никакого предварительного уведомления.

102. Намного важнее в отношении поэтапности (см. пункт 72 с, выше) является вопрос о недо-

⁵⁷ См. сноску 51, выше.

⁵⁸ То же.

⁵⁹ См. сноску 30, выше.

пустимости репрессалий при наличии других средств обеспечения соблюдения, в частности процедур мирного урегулирования споров⁶⁰. Фактически средства мирного урегулирования споров всегда имеются в наличии в том смысле, что участники спора могут в любое время договориться о такой процедуре. Однако означает ли это, что предполагаемое государство, совершившее международно-противоправное деяние, согласившись на процедуру урегулирования данного спора, может избежать репрессалий? Или что другое государство может применять репрессалии лишь в том случае, если оно одновременно соглашается на процедуру урегулирования данного спора?

103. Само по себе заявление о том, что самопомощь не должна дозволяться или, по крайней мере, должна быть приостановлена, если предполагаемое государство-правонарушитель согласно с тем, чтобы вопросы факта и права, на которых основано обвинение в международно-противоправном деянии, решались беспристрастным органом, является весьма положительным. Действительно, репрессалии направлены на то, чтобы вновь привести поведение в соответствие с международным обязательством, включая осуществление ответного возмещения. Если предполагаемое государство-правонарушитель оспаривает вопросы факта и/или права, связанные с обвинением, от него действительно нельзя ожидать чего-то большего, чем согласия на урегулирование этого вопроса третьей стороной. Однако возникает вопрос о том, что тем временем, то есть до того момента, как государство-правонарушитель выполнит свое обязательство в соответствии с решением, пострадавшее государство по-прежнему остается пострадавшим. Но этого, конечно, можно избежать, если суд или арбитраж имеет полномочия назначать промежуточные меры защиты. Кроме того, как отмечалось выше (пункт 98), недопустимость репрессалии не исключает приостановления действия договора или невыполнения обязательства на основании взаимности, если обязательства по данному договору предусматривают взаимность. В деле о *Соглашении о воздушных перевозках между Соединенными Штатами Америки и Францией от 27 марта 1946 года* арбитраж отметил:

Все виды действий Соединенных Штатов можно оценить различным образом, в зависимости от преследуемой цели: сказываются ли они на простом принципе взаимности, определяемом экономическими критериями? Являлось ли это давлением, направленным на достижение более быстрого урегулирования? Носили ли такие действия, помимо случая с Францией, показательный характер по отношению к другим странам, и, если это так, носили ли они в определенной степени характер санкций? Нет уверенности в том, что лица, ответственные за принятые меры, подробным образом изучили данный вопрос⁶¹.

⁶⁰ Ср. статью 5 резолюции Института международного права и предварительный доклад, документ A/CN.4/330 (см. сноску 1, выше), пункты 86 и далее.

⁶¹ United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XVIII (Sales No. E/F.80.V.7), p. 442; para. 78.

Арбитраж также не считал необходимым ответить на эти вопросы, поскольку он, во всяком случае, заявил, что

принятые Соединенными Штатами меры не представляются совершенно несоизмеримыми по сравнению с мерами, принятыми Францией⁶².

Фактически практика государств в отношении заключения двусторонних соглашений о воздушных перевозках, как правило, основывается на тщательном рассмотрении *quid pro quo*.

104. С другой стороны, ни предполагаемое государство-правонарушитель, ни предполагаемое пострадавшее государство не могут заставить другое государство согласиться с процедурой урегулирования третьей стороной, если только не существует предварительного согласия на такую процедуру. Иными словами, участники спора должны до возникновения этого спора в принципе согласиться с тем, что такие споры должны регулироваться подобным образом. Даже в этом случае могут применяться репрессалии, с тем чтобы достичь фактического регулирования спора.

105. Означает ли это, что репрессалии не могут быть сохранены после того, как дело оказалось *sub judice*? При рассмотрении вышеупомянутого дела о *Соглашении о воздушных перевозках* трибунал констатировал:

Положение изменяется после того, как трибунал получает возможность принимать меры. В той мере, в какой трибунал имеет необходимые средства для достижения целей, оправдывающих принятие контрмер, необходимо признать, что право сторон принимать такие меры утрачивается. Иначе говоря, право трибунала принимать решение о временных мерах защиты, независимо от того, имеется ли конкретное упоминание об этом праве или оно подразумевается в его статуте (по крайней мере, как право выносить рекомендации по таким вопросам), ведет к утрате права принимать контрмеры и может привести к ликвидации существующих контрмер в той степени, в какой трибунал предусматривает это как временную меру защиты. Поскольку объект и сфера полномочий трибунала в области принятия решений о временных мерах защиты могут быть определены довольно узко, право сторон принимать или осуществлять контрмеры также может быть утрачено не полностью⁶³.

Статья 5 резолюции Института международного права носит такой же характер; она предполагает, что репрессалии могут быть применены, даже если имеются средства урегулирования споров, включая право суда или трибунала принять постановление о временных мерах; далее эта статья предусматривает, что решение о сохранении таких репрессалий остается за судом или трибуналом. Следует отметить, что эта статья начинается

⁶² *Ibid.*, p. 444, para. 83.

⁶³ *Ibid.*, pp. 445—446, para. 96. Следует отметить, что в этом деле после возникновения спора стороны достигли компромисса, в соответствии с которым на трибунал были возложены конкретные полномочия в отношении принятия решения о временных мерах по просьбе любой из сторон. Одновременно с этим компромисс заменил согласованные временные меры как в отношении мер, принимаемых Францией, так и контрмер, принимаемых Соединенными Штатами Америки. Фактически ни одна из сторон не просила трибунал принять решение о временных мерах защиты.

ся с общего положения о том, что репрессалии запрещаются, «если соблюдение закона может быть эффективно обеспечено при помощи процедур мирного урегулирования», далее в статье приводятся примеры ситуаций, в которых «конкретно запрещается» применение репрессалий.

106. Специальный докладчик считает, что если Комиссия, как предлагается выше (пункты 95 и 96), проведет четкую грань различия между взаимными мерами и репрессалиями, то можно сделать еще один шаг вперед и исключить принятие или сохранение репрессалий с момента передачи спора в суд в соответствии с ранее существовавшим соглашением между сторонами о том, что споры передаются на урегулирование третьей стороне, кроме тех случаев, когда соглашение конкретно исключает принятие временных мер защиты, определяемых судом или трибуналом по просьбе любой из сторон в споре. Конечно, это подразумевает, что репрессалии могут быть предприняты или вновь применены, если сторона в споре не соблюдает решений суда или трибунала, предписывающего применение временных мер защиты.

107. Если допустить, что ранее существовавшее соглашение об урегулировании споров исключает применение репрессалий после фактического представления спора, то также следует допустить, что применение репрессалий не разрешается, если государство-истец отказывается принять необходимые меры для фактической передачи спора в суд. Конечно, здесь не имеется в виду отказ в том случае, когда фактическая передача дела в суд не происходит, потому что стороны не могут достичь согласия в отношении арбитра (арбитров), которого они должны назначить по обоюдному согласию.

108. Представляется спорным то, что вышесказанное также применяется в том случае, когда существовавшее ранее соглашение об урегулировании споров не предусматривает, что окончательное решение суда или трибунала имеет обязательный характер. Дело в том, что следует также исключить принятие односторонних мер, если имеются разногласия в отношении фактов дела и существует предыдущее соглашение о применении беспристрастных мер по установлению фактов в случае такого спора. Однако здесь, как представляется, требуется предварительное исчерпание имеющихся средств международной защиты.

109. С другой стороны, необходимо допустить возможность того, что международно-противоправное деяние является на деле таким явным и одновременно таким серьезным с точки зрения закона, что оно сводит на нет объект и цель всего свода норм, под которые подпадает обязательство, нарушенное совершением такого противоправного деяния. В таком крайнем случае, когда имеют место «взаимность», «существенное

изменение обстоятельств» и «состояние необходимости», может не потребоваться даже предварительного исчерпания имеющихся средств международной защиты. Фактически в таком случае вопрос выходит за рамки применения репрессалий и урегулирования спора как средства для обеспечения восстановления законности. Этот случай необходимо отличать от случайного нарушения нормы вследствие необратимого характера положения, возникшего в результате ликвидации объекта и цели совокупности соответствующих норм. Было правильно отмечено⁶⁴, что, например, обязательство государства поддерживать определенные стандарты условий труда или запрещать некоторые действия в соответствии с конвенциями МОТ, даже если это не зависит от выполнения другими государствами этого же обязательства, содержит элемент взаимности, поскольку преамбула Устава МОТ гласит: «Принимая также во внимание, что непредоставление какой-либо страной трудящимся человеческих условий труда является препятствием для других народов, желающих улучшить положение трудящихся в своих странах». Однако представляется очевидным, что такой тип взаимности возникает только в случае серьезного и широко распространенного невыполнения. Это же касается общих стандартов в области защиты окружающей среды.

110. Помимо *quid pro quo* и объективных режимов, в настоящее время существует много международных обязательств государств, касающихся осуществления общих действий в конкретной области. Часто такие обязательства полностью оставляют за соответствующими государствами возможность сообща решать, какие совместные меры должны быть приняты. В этом случае достижение согласия в отношении совместных мер, конечно, не является международно-противоправным деянием. Однако отказ вести добросовестные переговоры, строго говоря, является международно-противоправным деянием. Следовательно, возникает вопрос о том, может ли быть оправдан такой отказ как правовое следствие международно-противоправного деяния другого государства либо в этой же области, либо в другой области норм международного права. Этот вопрос является уместным, поскольку отказ вести переговоры может, как правило, иметь правовые последствия в отношении ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом. Действительно, может показаться, что такое «активное межправительственное сотрудничество» может быть приостановлено в качестве правового последствия международно-противоправного деяния в зависимости, конечно, от применяемых норм международной организации — если обязанность сотрудничать предусматривается в рамках такой организации — и в зависимости от нор-

⁶⁴ Simma, *loc. cit.*, SS. 70—71.

мы пропорциональности. Хотя установление дипломатических отношений между государствами происходит «по взаимному согласию», они могут быть «разорваны» (принимая во внимание статью 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях⁶⁵, более подходящим словом может быть слово «приостановлены») односторонне. Хотя функции дипломатической миссии включают — помимо защиты интересов направляющего государства и его граждан в принимающем государстве и оценки и освещения условий и событий в принимающем государстве — ведение переговоров с правительством принимающего государства и развитие дружественных отношений, конкретного правового обязательства осуществлять такое сотрудничество не существует. Приостановление дипломатических отношений — так же, как и отказ в акрессе и объявление *persona non grata* принимающим государством — не является международно-противоправным деянием и поэтому не представляет собой репрессалии или деяния, которое не соответствует международным обязательствам. Тем не менее такая акция может явиться ответом на международно-противоправное деяние.

111. Что касается обязательства государства-правонарушителя выплачивать компенсацию, то следует обращаться ко второму докладу, и в частности к статьям 4 и 5, предлагаемым в нем (см. пункт 14, выше). Поскольку эти статьи были переданы в Редакционный комитет, Специальный докладчик предложит поправки к их тексту в этом Комитете.

112. Возвращаясь к поставленному ранее вопросу об определении пострадавшего государства, то есть другого государства или государств, связанных новыми правовыми отношениями, вытекающими из международно-противоправного деяния, представляется очевидным а priori, что необходимо делать различие в отношении разного содержания этих новых правовых отношений, в свою очередь, зависящих от характера и содержания старых, или первичных, отношений, в рамках которых были ущемлены права и нарушены обязательства. Это является особенно очевидным, когда новые правовые отношения, вытекающие из международно-противоправного деяния, включают обязательства государства иного, чем государство-правонарушитель.

113. Вопрос о том, заинтересовано ли определенное государство в соблюдении его международных обязательств другим государством, является вопросом факта. В конечном счете каждое государство заинтересовано в соблюдении любой нормы международного права, включая нормы *pari sunt servanda*. Это, однако, никоим образом не позволяет каждому государству и тем более не обязывает его требовать соблюдения каждым другим государством его международных

обязательств, не говоря уже о принятии контрмер в случае несоблюдения этих обязательств. Фактически, как можно было заключить, существует несколько этапов в процессе международного права, и участие государства в одном из этих этапов необязательно означает его участие (возможно, включая его обязанность участвовать) во всех других этапах процесса. Как уже отмечалось (пункт 73, выше), обязательство в рамках общего международного права *не вмешиваться* во внутренние или внешние дела другого государства — независимо от точного объема этого обязательства и возможных исключений из него — является уместным в этом контексте. С другой стороны, хотя и можно предположить, что каждое отдельное международное право и обязательство вытекает из норм международного права, в глобальном процессе международного права — от установления его норм до их осуществления — при переходе от одного этапа к другому происходит ориентация как в отношении «активной», так и в отношении «пассивной» стороны участия государств.

По мнению Специального докладчика, подход, примененный Комиссией при разработке части I проекта статей об ответственности государств, и рассмотрение вопроса «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом», как отдельной и отличной темы исключают разработку «международного деликтного права», аналогичного внутригосударственному праву. Упор, который делается в международном праве, даже на нынешнем этапе его развития, на международное право суверенитета государств и на международные обязательства государства, вытекающие в конечном счете из согласия данного государства, как представляется, исключает возможность разработки (первичной) нормы общего международного права в том смысле, что противоправное деяние одного государства, причиняющее ущерб другому государству, влечет за собой обязанность первого государства выплатить компенсацию второму. В любом случае важно, что в системах внутригосударственного права, содержащих такую норму для частноправовых отношений, суд считает необходимым осуществлять правовой анализ его трех элементов: «правонарушения», «причины» и «ущерба», которые, помимо ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных правом, практически предусматривают права и обязательства.

114. В большинстве случаев вопрос о том, какое государство имеет право требовать компенсации, ссылаться на взаимность, приостанавливать активное правительственное сотрудничество или принимать ответные меры в отношении государства-правонарушителя, совершившего международно-противоправное деяние, является вопросом, на который легко дать ответ. Хотя норма или обязательство могут иметь абстрактный характер, нарушение всегда является конкретным,

⁶⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 500, p. 146.

и поэтому легко установить вину конкретного государства. Таким образом, большинство обязательств в рамках общего обычного международного права является простым отражением права на суверенитет другого государства, и нарушение обязательств по двустороннему договору наносит ущерб другому государству — участнику этого договора. Однако проблемы возникают, когда первичная норма международного права является четко установленной для защиты внешнегосударственных интересов и когда вторичная норма международного права разрешает или даже обязывает другие государства участвовать активно или пассивно в применении первичной нормы. Оба эти случая являются исключительными⁶⁶. Как представляется, основное правило состоит в том, что только государство, чьи суверенные права в соответствии с общим международным правом были ущемлены, или государство, которое является участником договора, предусматривающего решение вопроса о нарушении обязательства в его пользу, имеет право требовать компенсации, сослаться на взаимность, приостанавливать активное правительственное сотрудничество или принимать ответные меры.

115. В Уставе Организации Объединенных Наций подразумевается наличие исключений из этого основного правила ввиду применения понятия международного преступления и других объективных режимов. Действительно, как раз потому, что в рамках такого объективного режима, то есть в отношении обязательств, вытекающих из этого режима, нарушение не может быть урегулировано надлежащим образом при помощи только что упомянутых средств, коллективные меры необходимы для его применения, включая меры, принимаемые государствами, не затронутыми конкретно этим нарушением, и касающиеся прав и обязательств вне рамок режима. Ни нормы общего обычного международного права, ни положения многосторонних договоров не создают в обязательном порядке объективных режимов; наоборот, в большинстве случаев они создают двусторонние правовые отношения (соответствующие обязательства и права) между «парями» государств — отношения, не являющиеся взаимосвязанными. Параллельным правам суверенитета редко соответствуют параллельные (то есть *erga omnes*) обязательства.

116. Универсальные объективные режимы образуются Уставом Организации Объединенных Наций, признанием международным сообществом в целом того, что некоторые международно-противоправные деяния являются международными

преступлениями и некоторыми императивными нормами общего международного *jus cogens*. Как отмечалось выше (пункт 65), маловероятно, что государства признают международный уголовный режим и режим *jus cogens* как объективные режимы в том смысле, в каком они используются в настоящем докладе без наличия коллективного механизма для претворения в жизнь этих режимов, включая механизм для обязательного урегулирования споров. Региональные объективные режимы могут быть созданы в рамках многостороннего договора, который добавит правовые последствия к последствиям сугубо двустороннего характера в случае нарушения обязательств по договору⁶⁷. Как отмечалось выше, можно рассматривать автономный режим дипломатического права как двусторонний объективный режим:

117. Если допустить, что между государствами — участниками договора такой договор или договор, связанный с ним, может определять сам правовые последствия нарушения обязательства, предусматриваемого в нем, — иначе говоря, может сам добавлять вторичные и третичные нормы к первичным нормам, содержащимся в нем, — то можно будет не рассматривать региональные и двусторонние объективные режимы в частях 2 и 3 проекта статей. Такой подход вызовет, однако, серьезные неудобства. Прежде всего, имеется уже упомянутый выше недостаток, заключающийся в том, что слишком общее положение об отступлениях от статей, которые должны быть включены в часть 2, серьезно скажется на практическом значении этих статей. Вероятно, более важным является то, что отклонение путем добавления или исключения нормальных правовых последствий во многих случаях лишь подразумевается при объективном режиме. Кроме того, однако, есть еще неудобство, которое состоит в том, что объективные режимы по своему характеру имеют тенденцию к исключению отклонений. Так, представляется очевидным, что, например, два или более государств не могут считать — с учетом правовых последствий, которые это влечет за собой, — что нарушение первичного обязательства по конкретному договору дает право одному или нескольким другим государствам оккупировать территорию государства-правонарушителя. Аналогично два или более государства — участника многостороннего договора, образующего объективный режим, не могут считать, что правовые последствия нарушения обязательства в соответствии с этим режимом будут в отношениях между этими государствами более ограниченными, чем предусмотрено этим объективным режимом.

118. Хотя все универсальные объективные режимы являются императивными, существуют

⁶⁶ Эйкхёрст упоминает о трех основных категориях обстоятельств, в которых третьи государства заявляли о праве на принятие ответных мер: а) применение судебных решений; б) пункт 2 а статьи 60 Венской конвенции и с) нарушение норм, запрещающих или регулирующих применение силы. См. М. Акеhurst, «Reprisals by third States», *The British Year Book of International Law*, 1970, London, vol. 44, p. 15.

⁶⁷ Ср. пункт 4 статьи 60 Венской конвенции. В некоторой степени статьи 41 и 58 этой Конвенции предусматривают возможность существования «регионального» *jus cogens*.

различные типы региональных объективных режимов, которые исключают или добавляют различные правовые последствия к последствиям, предусмотренным двусторонними режимами. Нарушение международного обязательства в рамках двусторонних правовых отношений (иных, чем двусторонний объективный режим дипломатического права) влечет за собой такие новые двусторонние юридические права, как право на репарацию (в качестве замены первичного обязательства), приостановление двустороннего правительственного сотрудничества и применение взаимности *stricto sensu* (то есть невыполнение такого же обязательства или непосредственно связанного с ним обязательства, как в случае с обменом различными представлениями со стороны пострадавшего государства). Более того, пострадавшее государство может в качестве ответной меры (и в случае исчерпания имеющихся средств международной защиты, как отмечалось выше) не выполнять других обязательств по отношению к государству-правонарушителю (при условии соблюдения нормы пропорциональности и без ущерба для обязательств в рамках объективных режимов) и в соответствии со статьей 60 Венской конвенции прекратить или приостановить действие соответствующего договора. Такое «аннулирование» договора фактически является «процедурным» правовым последствием международно-противоправного деяния, в то время как ссылка на существенное изменение обстоятельств или состояние необходимости ввиду наличия ситуации, возникшей в результате международно-противоправного деяния, является связанным со «статусом» правовым последствием такого деяния. (Ср. пункт 34, выше.)

119. Если установлено, что первичные двусторонние правовые отношения, затронутые нарушением, связаны с первичными правовыми отношениями между другими «парами» государств через многосторонний договор таким образом, что нарушение первичного обязательства согласно этому договору одним государством-участником обязательно затрагивает осуществление прав или выполнение обязательств всех других государств-участников в рамках этого многостороннего договора, то в этом случае исключается индивидуальное приостановление активного правительственного сотрудничества, индивидуальное применение взаимности *stricto sensu* и индивидуальное невыполнение пострадавшим государством в качестве ответной меры его обязательств в соответствии с этим многосторонним договором. Вопрос о выплате двусторонних денежных репараций государством-правонарушителем всем другим государствам-участникам может быть рассмотрен в случае возможности определения размера ущерба, нанесенного каждому из этих государств отдельно. (*Restitutio in integrum stricto sensu* не носит двустороннего характера, поскольку, по определению, оно является компенсацией *erga omnes*). Применение индивидуальных ответ-

ных мер вне сферы обязательств в рамках многостороннего договора является допустимым для всех сторон, иных чем государство-правонарушитель. Прекращение или приостановление действия соответствующего многостороннего договора регулируется статьей 60 Венской конвенции.

120. Второй тип объективного режима образуется договором, который предусматривает параллельные обязательства каждого участника договора либо в отношении защиты коллективных интересов группы соответствующих государств (например, совместно используемые ресурсы), либо в отношении защиты отдельных лиц, независимо от их национальности, в пределах юрисдикции такого участника (как, например, права человека и основные свободы). При объективных режимах типа «общего рынка» защита интересов свободной торговли отдельных лиц может признаваться, в частности, путем непосредственного действия положений договора и их приоритета по отношению к нормам внутригосударственного права. В европейских сообществах эта защита, кроме того, дополняется правом Европейского суда принимать решения в отношении спорных вопросов, касающихся интерпретации и применения права сообщества, которые возникают в делах, передаваемых на рассмотрение внутригосударственных судов. Таким образом, в определенном смысле *restitutio in integrum stricto sensu* также обеспечивается либо при помощи средств, предусмотренных правом сообщества, либо, при отсутствии таких средств, внутригосударственным правом. Последствия этого типа объективного режима являются такими же, как и при режиме первого типа. Кроме того, как правило, между государствами не применяется выплата двусторонних денежных репараций.

121. Третий тип объективных режимов — это режим, сочетающий в себе первый и/или второй тип режима с механизмом для коллективного учета соответствующих интересов. При этом типе режима исключаются индивидуальные двусторонние меры (если это не предусматривается иначе соответствующим договором), и соответствующий договор может предусматривать обязательство государств-участников, иных, чем государство-правонарушитель, участвовать активно или пассивно в коллективном применении этого режима при помощи мер, которые в этом случае даже могут выходить за рамки обязательств в соответствии с этим режимом.

122. Таким образом, может показаться, что, поскольку проекты статей об ответственности государств имеют своей целью охватить правовые последствия всех деяний или отсутствия деяний со стороны государств, которые не соответствуют тому, что требуется от этого государства в силу международных обязательств, независимо от содержания и источника таких обязательств, часть 2 проекта статей должна основываться в качестве отправного пункта на нормальной си-

туации, то есть ситуации, когда междуна-
 противоположное деяние влечет за собой новые
 двусторонние правовые отношения только между
 государством-правонарушителем и пострадав-
 шим государством.

123. Пострадавшим государством считается:
 а) государство, чье право в соответствии с обы-
 чными международными правами было ущемлено
 таким нарушением; или б) если нарушение яв-
 ляется нарушением обязательства, вытекающего
 из договора, — государство — участник этого до-
 говора (если установлено, что обязательство преду-
 матривается в его пользу); или с) если наруше-
 ние является нарушением обязательства в соот-
 ветствии с судебным решением или другим обя-
 зательным решением об урегулировании спора
 международного учреждения, — государство —
 участник спора. Пострадавшее государство имеет
 право: а) требовать компенсации; б) приостано-
 влять выполнение своего обязательства по отно-
 шению к государству-правонарушителю, которое
 соответствует нарушенному обязательству или
 непосредственно связано с ним; и с) после исчер-
 пания имеющихся международных правовых
 средств защиты приостанавливать в качестве
 ответной меры выполнение своих других обяза-
 тельств по отношению к государству-правонару-
 шителю (при условии запрещения явно непро-
 порциональных мер). Здесь можно отметить
 вскользь, что, как в деле *Naulilaa* (1928)⁶⁸, так
 и в деле о *Соглашении о воздушных перевоз-
 ках*⁶⁹, арбитражный трибунал, вместо того что-
 бы требовать соблюдения «пропорциональности»,
 применил критерий «не совсем пропорциональ-
 ный» (*hors de toute proportion avec l'acte qui les
 a motivées*).

124. Однако пострадавшее государство не име-
 ет права приостанавливать выполнение своих
 обязательств по отношению к государству-право-
 нарушителю в той мере, в какой эти обязатель-
 ства предусматриваются в многостороннем до-
 говоре и когда установлено: а) что невыполнение
 обязательства одним государством-участником
 обязательно затронет соблюдение прав и выпол-
 нение обязательств всех других государств-уча-
 стников; и б) что обязательство предусматрива-
 ется для защиты коллективных интересов госу-
 дарств — участников договора или для защиты
 отдельных лиц, независимо от их национально-
 сти; или с) что многосторонний договор, налага-
 ющий обязательство, предусматривает процедуру
 коллективных решений, касающихся применения
 таких обязательств. (Это не противоречит про-
 ектам статей, касающимся Устава Организации
 Объединенных Наций, *jus cogens* и международ-
 ных преступлений).

⁶⁸ *Responsabilité de l'Allemagne à raison des dommages
 causés dans les colonies portugaises du sud de l'Afrique*
 [United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*,
 vol. II (Sales No. 1949.V.1), p. 1028, para. 2].

⁶⁹ См. конец пункта 103, выше, и сноски 61 и 62.

125. В случае, упомянутом в предыдущем пун-
 кте, все другие государства — участники многосто-
 роннего договора считаются пострадавшими госу-
 дарствами при нарушении этих обязательств од-
 ним из них. В случае, упомянутом в подпункте с
 этого же пункта, многосторонний договор может
 предусматривать в качестве обязательства по-
 страдавшего государства участие в коллектив-
 ном обеспечении соблюдения его положений.
 Эти обязательства могут выходить за рамки ми-
 нимального обязательства непредоставления
 поддержки международно-противоправному дея-
 нию государства-правонарушителя и оказания
 поддержки законным контрамерам пострадавшего
 государства, о чем говорится в статье 6, предла-
 гаемой в третьем докладе (см. пункт 21, выше).
 Фактически минимальное обязательство непредо-
 ставления поддержки является по своему харак-
 теру скорее правовым последствием, затрагива-
 ющим «статус», в то время как обязательство
 поддерживать контрамеры, законно принятые дру-
 гим государством или государствами, является
 по своему характеру обязательством сотрудни-
 чать с этими другими государствами, то есть
 правовым последствием, затрагивающим «про-
 цедуру».

126. Затрагивающие «процедуру» правовые по-
 следствия существенного нарушения договорно-
 го обязательства в отношении прекращения или
 приостановления действия самого договора в
 рамках основных и процедурных положений Вен-
 ской конвенции не следует рассматривать в про-
 екте статей об ответственности государств. Это
 же касается затрагивающих «статус» правовых
 последствий ситуации, созданной международно-
 противоправным деянием в той степени, в какой
 эта ситуация может позволить пострадавшему
 государству сослаться на существенное измене-
 ние обстоятельств или состояние необходимости,
 как основание для невыполнения своих обяза-
 тельств (необязательно договорных обяза-
 тельств) по отношению к государству-право-
 нарушителю. Можно резервировать оба типа пра-
 вовых последствий на основании статьи 73 Вен-
 ской конвенции.

127. Представляется также целесообразным ре-
 зервировать специальные режимы а) дипломати-
 ческого права и б) ответных мер военного време-
 ни. Оба режима имеют особые характеристики.
 С одной стороны, они являются объективными
 режимами, поскольку они предусматривают па-
 раллельные обязательства; с другой стороны, они
 также являются взаимными. В случае с дипло-
 матическим правом наличие у государства, по-
 страдавшего от нарушения дипломатических
 привилегий и иммунитетов, возможности приме-
 нить меры объявления *persona non grata* и раз-
 рыва дипломатических отношений снимает необ-
 ходимость в определении других правовых по-
 следствий. В случае ответных мер военного вре-
 мени параллельный характер обязательств по
 соблюдению прав человека даже во время воору-

женных конфликтов ограничивается требованием «военной необходимости».

128. Императивные и универсальные объективные режимы международных преступлений и *jus cogens* могут привести к добавлению или исключению некоторых правовых последствий международно-противоправных деяний, описываемых в части 2 проекта статей: это зависит от международного сообщества в целом. Это же касается многосторонних договоров, устанавливающих «региональные» объективные режимы, конечно, при том условии, что их положения не могут отступать от императивных универсальных объективных режимов.

129. Общее запрещение явной непропорциональности, как представляется, является достаточным для надлежащего охвата влияния усугубляющих и смягчающих обстоятельств в отношении допустимости и применимости правовых последствий. В этой связи следует отметить, одна-

ко, что некоторые публицисты требуют наличия вины со стороны государства-правонарушителя, для того чтобы ответные меры, принимаемые пострадавшим государством, были допустимыми. В связи с перечнем (который не является исчерпывающим) обстоятельств, исключающих противоправность, в части I проекта статей и учитывая трудности установления фактов в отношении этого субъективного элемента, Специальный докладчик предлагает не включать такие общие требования в проект статей.

130. С другой стороны, Специальный докладчик считает уместным отметить, что было бы целесообразно включить в проект статей положения, предусматривающие, что в случае явного нарушения международного обязательства, которое сводит на нет объект и цель соответствующего объективного режима, положение о недопустимости некоторых мер, вытекающих из существования такого режима, больше не применяется.

ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ИММУНИТЕТЫ ГОСУДАРСТВ И ИХ СОБСТВЕННОСТИ

[Пункт 2 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/363 и ADD.1 *

Пятый доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Сомпонгом Сучариткулем

[Подлинный текст на английском языке]
[22 марта и 11 апреля 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	Пункты	Стр.
ВВОДНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ	1—27	32
А. Ход рассмотрения разрабатываемых проектов статей	2—11	33
1. Часть I. Введение	3	33
2. Часть II. Общие принципы	4—8	33
3. Часть III. Изъятия из иммунитетов государств	9—11	35
В. Прения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи	12—23	35
1. Индуктивный метод	13—15	35
2. Противоречия и расхождения в практике государств	16—17	36
3. Возникновение сходных принципов и практики	18—21	37
4. Отсутствие практики в каждом государстве	22—23	38
С. Ход разработки проектов статей	24—27	38
ПРОЕКТЫ СТАТЕЙ О ЮРИСДИКЦИОННЫХ ИММУНИТЕТАХ ГОСУДАРСТВ И ИХ СОБСТВЕННОСТИ (продолжение)	28—142	39
ЧАСТЬ III. ИЗЪЯТИЯ ИЗ ИММУНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВ (продолжение)	28—62	39
Статья 13 (Договоры о найме)	28—62	39
А. Общие соображения	28—38	39
1. Сфера применения «договоров о найме» как изъятия из имму- нитета государств	28—31	39
2. Вопрос о юрисдикции	32—33	40
3. Вопрос о применимом праве	34—36	41
4. Вопрос об иммунитете государств	37—38	41
В. Нынешняя практика государств	39—60	42
1. Общие соображения	39—41	42
2. Судебная практика	42—49	43
а) Назначение или наем, осуществляемые государством	43—45	43
б) Дела об увольнении	46—47	43
с) Наем или трудовые отношения	48	44
д) Отсутствие юрисдикции	49	45
3. Правительственная практика	50—56	45
а) Национальное законодательство	51—54	45
б) Международные конвенции	55—56	46
i) Европейская конвенция 1972 года об иммунитете госу- дарств	55	46
ii) Проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств	56	46

* Включает документы A/CN.4/363/Corr.1 и A/CN.4/363/Add.1/Corr.1.

	Пункты	Стр.
4. Мнения международных специалистов	57—58	47
5. Наметившаяся тенденция	59—60	47
С. Формулировка проекта статьи 13	61—62	47
Статья 14 (Ущерб личности и ущерб собственности)	63—101	48
А. Общие соображения	63—75	48
1. Сфера применения принципа «ущерб личности и ущерб собственности» как изъятия из иммунитета государств	63—65	48
2. Правовая основа для отправления правосудия	66—67	49
3. Основания для осуществления юрисдикции или отказа в иммунитете	68—75	50
В. Практика государств	76—99	51
1. Судебная практика, предшествовавшая национальному законодательству	76—82	51
2. Судебная практика после принятия ограничительного национального законодательства	83—85	53
3. Правительственная практика	86—95	54
а) Национальное законодательство	86—91	54
б) Международные конвенции	92—95	56
i) Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств	92—93	56
ii) Проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств	94—95	56
4. Мнения международных специалистов	96—98	56
5. Наметившаяся тенденция	99	57
С. Формулировка проекта статьи 14	100—101	57
Статья 15 (Право собственности, владение и пользование собственностью)	102—142	58
А. Общие соображения	102—115	58
1. Сфера применения «права собственности, владения и пользования собственностью» как изъятия из иммунитета государств	102—105	58
2. Преобладающая власть государства <i>situs</i> — решающий фактор	106—108	59
3. Приоритет <i>lex situs</i> — определяющий элемент	109—111	59
4. Возможность приобретения прав на собственность иностранным государством в соответствии с внутренним правом государства, в котором находится эта собственность	112—115	60
В. Практика государств	116—140	61
1. Судебная практика	116—123	61
2. Правительственная практика	124—137	63
а) Мнения правительств	125—129	63
б) Национальное законодательство	130—133	64
в) Международные конвенции	134—137	65
i) Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств	134—135	65
ii) Проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств	136—137	65
3. Мнения международных специалистов	138—139	65
4. Установленное исключение	140	66
С. Формулировка проекта статьи 15	141—142	66

Вводное примечание

1. Вводное примечание к четвертому докладу по вопросу о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, вероятно, является полезным введением и к настоящему докладу, пятому по счету в серии докладов¹, подготовлен-

ных и представленных Специальным докладчиком на рассмотрение Комиссии международного

¹ Этой серии докладов предшествовал исследовательский доклад, подготовленный в 1978 году Рабочей группой по

данному вопросу (A/CN.4/L.279/Rev.1), который воспроизводится частично в *Ежегоднике*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 187—189.

права². Пятый доклад также предвосхищался в общих соображениях относительно сферы применения части III (статья 11), изложенных в четвертом докладе³.

А. Ход рассмотрения разрабатываемых проектов статей

2. На данном этапе, вероятно, было бы полезно кратко охарактеризовать общую структуру проекта статей, с тем чтобы показать степень достигнутого прогресса на настоящий момент и обрисовать то, что еще предстоит сделать в этом исследовании. Предыдущие четыре доклада охватывали первые две части, соответственно озаглавленные «Введение» и «Общие принципы», а также первые статьи части III, озаглавленной «Исключения из иммунитетов государств».

1. ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ

3. Часть I (Введение) содержит пять статей. Статья 1 (Сфера применения настоящих статей) была пересмотрена и предварительно принята Комиссией на ее тридцать четвертой сессии⁴. Статья 2 (Употребление терминов) была подвергнута частичному обсуждению, в результате которого было принято определение термина «суд»; некоторые термины были сняты, другие же должны еще быть обсуждены и пересмотрены⁵. Статья 3 (Положения, касающиеся толкования терминов) была частично снята, а пункт 2 предстоит обсудить в связи с критерием для определения коммерческого характера торговой или коммерческой деятельности в том виде, в котором эта деятельность определяется в пункте 1 f статьи 2⁶. Статья 4 (Юрисдикционные иммуни-

² Предыдущие доклады следующие: а) предварительный доклад: *Ежегодник...*, 1979 год, том II (часть первая), стр. 261, документ A/CN.4/323; б) второй доклад: *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть первая), стр. 227, документ A/CN.4/331 и Add.1; в) третий доклад: *Ежегодник...*, 1981 год, том II (часть первая), стр. 155, документ A/CN.4/340 и Add.1; д) четвертый доклад: *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 264, документ A/CN.4/357.

³ Документ A/CN.4/357 (см. сноску 2 d, выше), пункты 16—25.

⁴ Пересмотренная статья 1 гласит следующее:

«Статья 1. Сфера применения настоящих статей

Настоящие статьи применяются к иммунитету государства и его собственности от юрисдикции судов другого государства» [см. *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 124].

⁵ Первоначальный текст статьи 2 см. там же, стр. 119, сноска 224. Принято следующее определение (пункт 1 а):

«1. Для целей настоящих статей:

а) «суд» означает любой орган государства, независимо от названия, осуществляющий функции правосудия» (там же, стр. 124).

Определение выражения «государство территории» (пункт 1 с) и определение выражения «иностранное государство» (пункт 1 d) были сняты. Выражение «торговля или коммерческая деятельность» (пункт 1 f) должно быть рассмотрено Редакционным комитетом в связи со статьей 12.

⁶ Текст статьи 3 см. там же, стр. 119, сноска 225. Пункт 1 а, в котором подробно рассматривается, что следует по-

теты, не подпадающие под сферу действия настоящих статей) и статья 5 (Отсутствие обратной силы настоящих статей)⁷ были представлены для удобства обсуждения проекта статей и, как обычно, будут рассмотрены Комиссией после завершения работы над оставшимися проектами статей. Таким образом, из пяти статей, составляющих часть I⁸, лишь статья 1 была принята, да и то в предварительном порядке, тогда как прочие положения должны еще явиться предметом дискуссии и решения со стороны Комиссии.

2. ЧАСТЬ II. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

4. В части II (Общие принципы) содержатся еще пять статей, которые были полностью обсуждены Комиссией. Проект статьи 6 (Иммунитет государства), предварительно принятый на тридцать второй сессии⁹, находится в настоящее время в процессе корректировки в Редакционном комитете; ожидается, что улучшенный вариант Комитет представит Комиссии для повторного рассмотрения¹⁰. В предварительном порядке Комиссией на ее тридцать четвертой сессии также были приняты статьи 7, 8 и 9; рассмотренные статьи 10, которая из-за недостатка времени пока еще находится в работе в Редакционном комитете, не будет, как ожидается, связано с какими-либо неразрешимыми проблемами¹¹.

нимать под выражением «иностранное государство» для целей юрисдикционных иммунитетов государств, должен быть рассмотрен позднее; пункт 1 b более не нужен из-за того, что был принят проект статьи 7, а определение термина «юрисдикция» было заменено определением термина «суд» (см. сноску 5, выше).

⁷ Текст статей 4 и 5 см. *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 120, сноски 226 и 227 соответственно.

⁸ Статьи 1—5 впервые были представлены во втором докладе Специального докладчика (см. сноску 2 b, выше), который был обсужден Комиссией на ее тридцать второй сессии [*Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 140 и далее, пункты 111—122] и явился предметом дискуссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее тридцать пятой сессии, см. «Тематическое резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать пятой сессии, подготовленное Секретариатом» (A/CN.4/L.326), пункты 311—326.

⁹ Статья 6, предварительно принятая Комиссией на ее тридцать второй сессии, гласит:

«Статья 6. Иммунитет государства

1. Всякое государство пользуется иммунитетом от юрисдикции другого государства в соответствии с положениями настоящих статей.

2. Государственный иммунитет предоставляется в соответствии с положениями настоящих статей» [см. *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 124, сноска 239].

¹⁰ Был предложен ряд измененных вариантов, в частности следующие:

«Всякое государство пользуется иммунитетом от юрисдикции судов другого государства за исключениями, предусмотренными в настоящих статьях», или «за исключениями, предусмотренными в статьях... и...», или «в той степени и в зависимости от ограничений, которые предусмотрены в настоящих статьях».

¹¹ Статьи 7—10 были рассмотрены Комиссией на ее тридцать третьей и тридцать четвертой сессиях, см. *Ежегодник...*, 1981 год, том II (часть вторая), стр. 185—189 и да-

5. В статье 6 предпринимается попытка определить общий принцип иммунитета государств как суверенное право с точки зрения государства, заявляющего об иммунитете от юрисдикции судов другого государства. С другой стороны, статья 7, теперь озаглавленная «Способы обеспечения иммунитета государств»¹², представляет собой попытку закрепить в пункте 1 соответствующее обязательство со стороны другого государства, связанного обязательствами, предоставлять иммунитет или обеспечивать иммунитет государств, воздерживаясь от осуществления юрисдикции его, в противном случае являющегося компетентным, судебного органа в том или ином случае, затрагивающем иностранное государство. В пункте 2 дается характеристика того, что может рассматриваться как разбирательство против другого государства, независимо от того, указывается ли оно или нет как сторона в разбирательстве, а в пункте 3 дается общая классификация того, что представляет собой государство для целей юрисдикционных иммунитетов, то есть орган государства, учреждение или институция государства в отношении «действия, совершенного им/ею в ходе осуществления прерогатив государственной власти», или «один из его представителей в отношении действия, совершенного им в этом своем качестве». Государство также преследуется, если разбирательство имеет в виду лишить это государство его собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет. Статья 7 действительно представляет собой центральное положение части II проекта статей. В ней и в статье 6, в которую будут внесены изменения, содержатся основные общие принципы иммунитета государств¹³.

(Продолжение сноски 11)

лее, пункты 208—227; и *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 180—181, пункты 185—192. См. также комментарии, сформулированные в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в «Тематическом резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать седьмой сессии, подготовленном Секретариатом» (A/CN.4/L.352), пункты 171—178.

¹² «Статья 7. Способы обеспечения иммунитета государств»

1. Государство должно обеспечивать иммунитет государств [предусмотренный статьей 6], воздерживаясь от осуществления юрисдикции в отношении другого государства при разбирательстве в своих судах.

2. Разбирательство в суде государства должно рассматриваться как направленное против другого государства, независимо от того, указано или нет это другое государство в качестве стороны в разбирательстве, поскольку разбирательство фактически имеет в виду подчинить это другое государство юрисдикции суда, либо возложить на него бремя последствий судебного решения, которые могут касаться прав, интересов, собственности или деятельности этого другого государства.

3. В частности, разбирательство в суде государства должно рассматриваться как направленное против другого государства, если оно возбуждено против одного из органов этого другого государства, против одного из его учреждений или институций в отношении действия, совершенного им/ею в ходе осуществления прерогатив го-

6. Статья 8 (Явное согласие на осуществление юрисдикции)¹⁴, представляет собой важную оговорку в отношении отсутствия согласия как предпосылки успешного требования иммунитета государств. В ней также определяются различные условия, когда может даваться явное согласие¹⁵.

7. В статье 9 (Последствия участия в судебном разбирательстве)¹⁶ уточняются условия предоставления согласия на основе поведения, определяется степень, в которой государство считается давшим согласие вследствие участия в судебном разбирательстве, и в результате ограничения таким образом сферы ее действия указываются обстоятельства, в которых государство может принимать участие или предпринимать действия в рамках разбирательства и не рассматриваться при этом как давшее согласие на осуществление юрисдикции этого суда¹⁷.

8. Статья 10 (Встречные иски) с внесенными в нее изменениями Специальным докладчиком¹⁸

сударственной власти, или против одного из его представителей в отношении действия, совершенного им в этом своем качестве, или поскольку это разбирательство имеет в виду лишить это другое государство его собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет» [*Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 125].

¹³ См. комментарий к статье 7, там же, стр. 125 и далее.

¹⁴ «Статья 8. Явное согласие на осуществление юрисдикции»

Государство не может заявлять об иммунитете от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства какого-либо дела, если оно явно согласилось на юрисдикцию этого суда по такому делу в силу:

- a) международного соглашения;
- b) письменного контракта; или
- c) соответствующего заявления по суду по конкретному делу» (там же, стр. 133).

¹⁵ См. комментарий к статье 8, там же, стр. 133 и далее.

¹⁶

«Статья 9. Последствия участия в судебном разбирательстве»

1. Государство не может заявлять об иммунитете от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства, если оно:

- a) само возбудило разбирательство; или
- b) приняло участие в разбирательстве существа дела или предприняло какое-либо иное действие по существу дела.

2. Подпункт b пункта 1 не распространяется на любое участие или действие, предпринятое с единственной целью:

- a) заявить об иммунитете; или
- b) привести доказательства своего права или интереса в отношении собственности, которой касается разбирательство.

3. Неучастие государства в разбирательстве в суде другого государства не должно рассматриваться как его согласие на юрисдикцию этого суда» (там же, стр. 136).

¹⁷ См. комментарий к статье 9, там же, стр. 136 и далее.

¹⁸

«Статья 10. Встречные иски»

1. При любом судебном разбирательстве, которое возбуждено государством или в котором государство участ-

пока еще находится на рассмотрении Редакционного комитета. В ней рассматриваются последствия встречных исков против государства, которое само возбудило судебное разбирательство в суде другого государства, а также встречных исков, предъявленных государством¹⁹.

3. ЧАСТЬ III. ИЗЪЯТИЯ ИЗ ИММУНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВ

9. Статьи 11 (Сфера применения настоящей части) и 12 (Торговая или коммерческая деятельность), представленные Специальным докладчиком в его четвертом докладе²⁰, были подвергнуты широкому предварительному обсуждению в ходе тридцать четвертой сессии Комиссии. Проекты этих статей в их первоначальном виде, а также их варианты²¹ с внесенными в свете обсуждений в Комиссии изменениями²² пока находятся на рассмотрении Редакционного комитета. Комиссия приняла решение назначить членов или созвать следующий Редакционный комитет в начале предстоящей сессии, с тем чтобы он имел возможность завершить работу над проектами статей, переданными как Комитету предыдущего состава, так и непосредственно ему самому.

10. Статья 11 (Сфера применения настоящей части) в пересмотренном виде²³, вероятно, по-прежнему может играть полезную роль как связующее звено между частью II (Общие принци-

палы) и частью III (Изъятия из иммунитетов государств), а также являться своего рода указателем или средством предупреждения, извещающим о приближении к «области неопределенности».

палы) и частью III (Изъятия из иммунитетов государств), а также являться своего рода указателем или средством предупреждения, извещающим о приближении к «области неопределенности».

11. Статья 12 (Торговая или коммерческая деятельность) как в своем первоначальном варианте, так и с некоторыми изменениями, внесенными Специальным докладчиком²⁴, представляет собой первое вступление в «противоречивую область». Комиссия провела по данному вопросу интересные обсуждения, и в 1983 году проект будет рассмотрен Редакционным комитетом.

В. Прения в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи

12. На тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи прения в Шестом комитете по существу вопроса о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности носили особенно многосторонний характер. По тем или иным аспектам вопроса об иммунитетах государств выступило более 40 представителей, которые сделали замечания в отношении проектов статей, принятых Комиссией в предварительном порядке, в отношении тех проектов статей, которые пока еще находятся на рассмотрении Редакционного комитета, а также в отношении методов подхода к рассмотрению статей²⁵. Конструктивные замечания представителей государств-членов явились новым стимулом для Специального докладчика; он полагает, что в этой связи было бы целесообразно разъяснить некоторые поднятые вопросы, с тем чтобы иметь о них максимально четкое представление и исключить какие-либо возможные сомнения в отношении того, что касается методов, намерений и структуры предпринимаемой по данной проблеме работы, осуществление которой будет неуклонно продолжаться.

1. ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД

13. За пределами Комиссии и Шестого комитета высказываются критические замечания в отношении кажущейся индифферентности и относительной неактивности развивающихся стран в

²⁴

«Статья 12. Торговая или коммерческая деятельность»

1. При отсутствии соглашения об ином государство не обладает иммунитетом от юрисдикции судов другого государства в отношении разбирательства, касающегося любой торговой или коммерческой деятельности, осуществляемой частично или полностью на территории этого другого государства самим государством или одним из его органов или учреждений, независимо от того, организованы они или нет в качестве отдельного юридического лица.

2. Пункт 1 не применяется к сделкам или контрактам, заключенным государствами или на межправительственной основе» (там же).

²⁵ См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункты 157—185.

дует или предпринимает какое-либо действие, касающееся существа дела, в суде другого государства, юрисдикция может осуществляться в отношении любого встречного иска, возникающего из тех же правовых отношений или фактов, что и основной иск, или когда, в соответствии с положениями настоящих статей, юрисдикция может осуществляться, если в этом суде возбуждено отдельное разбирательство.

2. Государство, предъявляющее встречный иск при разбирательстве в суде другого государства, предполагается давшим согласие на осуществление юрисдикции этим судом в отношении не только этого встречного иска, но и в отношении основного иска, возникающего из тех же правовых отношений или фактов [что и встречный иск]» (там же, стр. 118, сноска 218).

¹⁹ В ходе общих прений в Комиссии на ее тридцать четвертой сессии были высказаны сомнения относительно полезности пункта 2. В целом он преследует отдельную цель. Очевидно, полезно иметь четкое представление о том, когда предъявленное встречное исковое государство может рассматриваться как давшее согласие на осуществление юрисдикции суда в отношении основного иска и никаких других.

²⁰ Текст статей 11 и 12, первоначально представленных Специальным докладчиком, см. там же, стр. 119, сноски 220 и 221, соответственно.

²¹ Пересмотренный текст статей 11 и 12 был представлен Редакционному комитету под условным обозначением A/CN.4/L.351 (см. сноски 23 и 24, ниже).

²² Ежегодник..., 1982 год, том II (часть вторая), стр. 123, пункты 193—197.

²³

«Статья 11. Сфера действия настоящей части»

Применение изъятий, предусмотренных в части III настоящих статей, может зависеть от условий взаимности или любого другого условия, совместно согласованного заинтересованными государствами» (там же, стр. 124, сноска 237).

процессе международного правотворчества²⁶, и в этой связи не могут не вселять оптимизма прозвучавшие в Шестом комитете выступления с комментариями, касающимися практического значения данного вопроса и сопряженных с его решением исключительно сложных проблем, хотя выполнение связанных с этим задач впервые поручено Специальному докладчику из Азии, из развивающейся страны с древней историей. Особый оптимизм вселяет также и высказываемая поддержка в отношении сделанного им на основе использования индуктивного метода, который был предложен г-ном Цуруокой, правоведом, также представляющим Азию и обладающим обширным опытом²⁷ в области традиционного права, вывода о том, что в основе иммунитета государств лежат непреложные принципы международного права, среди которых без каких-либо исключений отмечались принципы суверенитета и суверенного равенства государств. Индуктивный метод не являлся главным при изучении всех вопросов, однако он относится к числу настоятельно рекомендуемых; вместе с тем при изучении настоящей темы он явился специально избранным и авторитетным методом²⁸.

14. В соответствии с индуктивным методом, как это неоднократно отмечалось Специальным докладчиком, не используется какой-либо *deus ex machina*. Скорее, изучение темы опирается на существующую практику всех государств, больших и малых, бедных и богатых, развивающихся или промышленно развитых, и только потом делаются какие-либо выводы. Оно сосредоточено прежде всего на юридической практике или же судебных решениях, однако не обязательно ограничивается ими. Изучение охватывает также национальные законодательства, являющиеся отражением практики государств, и мнения соответствующих авторов в отношении этой практики наряду с принципами. Оно также охватывает и не оставляет без внимания мнения правительств по всем соответствующим вопросам. Рассмотрению была также подвергнута договорная практика всех государств; объектом изучения, кроме того, являются двусторонние договоры и многосторонние или региональные конвенции.

15. Действительно поиск основных материалов по теме носит весьма глубокий характер; с самых первых этапов предпринятой деятельности Комиссия одобрила рекомендацию Специального докладчика относительно того, чтобы изыскивать помощь и поддержку всех государств-членов, об-

ратившись к ним с просьбой о предоставлении информации и материалов, касающихся судебных решений, прецедентного права и национальных законодательств, мнений правительств, а также ответов на ряд вопросников, подготовленных Секретариатом в сотрудничестве со Специальным докладчиком²⁹. Ни докладчик, ни государства, которые не представили информации о своей юридической и государственной практике, не могут являться объектом справедливой критики в связи с упущением или невниманием, поскольку практика должна развиваться, а не создаваться искусственно. Точно так же Специальный докладчик или Комиссия или Шестой комитет не могут приуменьшить значение существующей практики, которая распространена в мире и которая в условиях отсутствия иной практики не оспаривается другими хранящими молчание государствами.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВ

16. С другой стороны, следует также отметить, что при изучении данной темы использование принятого индуктивного метода привело к возникновению путаницы. Начать с того, что не все государства разработали или даже приступили к разработке судебной практики в этом или каком-либо ином вопросе публичного или частного международного права. В рамках Комиссии был поднят вопрос относительно того, можно ли вообще говорить о том, что принцип иммунитета государств действительно установлен в государственной практике, поскольку Комиссия рассматривала только судебную практику или положение лишь в нескольких государствах. Специальный докладчик приложил все усилия для объяснения того, что Комиссии были представлены все имеющиеся свидетельства о существующей практике государств в области государственного иммунитета. Отнюдь не случайно или выборочно при подготовке предыдущих докладов использовалась практика лишь 25 стран, и не все были индивидуально представлены для изучения и высказывания замечаний по каждому из аспектов иммунитета государств, которые, так или иначе, не имели первоочередного значения.

17. Вполне естественно, что противоречия и разногласия существуют в судебной практике различных стран, которая была рассмотрена Комиссией, и даже в практике одной и той же юридической системы в течение одного и того же периода времени или даже в том же суде общего права. Если бы Специальный докладчик избегал выявления этих противоречий, то он еще больше искажил бы уже и так достаточно искаженную

²⁶ См. UNITAR, *The International Law Commission, The need for a new direction* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.81.XV.PE/1), особенно стр. 13—15.

²⁷ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать пятая сессия, Шестой комитет*, 48-е заседание, пункт 40.

²⁸ См. по этому поводу четвертый доклад Специального докладчика (см. сноску 2 d, выше, пункт 10).

²⁹ Документация, представленная правительствами, а также их ответы на вопросник опубликованы в томе сборника правовых документов Организации Объединенных Наций, озаглавленном *Materials on Jurisdictional Immunities of States and their Property* (в продаже под № E/F.81.V.10).

практику государств. Ее искажение объясняется тем, что в своем развитии она прошла довольно запутанный и сложный путь, похожий на русло крупнейшей реки Азии Меконг, которая берет свое начало в самых высоких горах в мире. — Гималаях и воды которой пополняются влагой не известных миру дождей, тающих снегов, бесчисленного множества притоков, несущихся через речные пороги Тибета и впадающих в протекающую по границам Бирмы, Лаоса и Таиланда реку Меконг, которая, почерпнув дополнительные силы из Великого озера, течет по земле Кампучии, создавая бесчисленное множество островов и стремнин, изменяя ландшафт и, наконец, образуя разветвленную дельту, врывается в последнем броске в примыкающий к Таиланду залив.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СХОДНЫХ ПРИНЦИПОВ И ПРАКТИКИ

18. Взгляд с птичьего полета на сложный путь развития права, сравнимый лишь с руслом величайшей реки Меконг, дает общую картину, которая выглядит запутанной и искаженной, за исключением лишь нескольких относительно ясных моментов. Почти невозможной представляется попытка раскрыть и распутать все переплетения, возникшие в процессе развития права, как и попытка выровнять каждый изгиб права, что столь же трудно, как и спрямить излучину реки. Точно так же, как Темза, прежде чем достичь своего устья и впасть в пролив Ла-Манш проходит извилистый и сложный путь, так и практика английского законодательства в вопросе торговой и коммерческой деятельности принадлежащих государству или управляемых государством судов не была окончательно урегулирована до принятия давно ожидавшегося решения Палатой лордов по делу «I Congreso del Partido» (1981 год)³⁰, что произошло не без выдвижения юридических инициатив и не без колебаний судебного характера. Изучение судебной практики государств не дает возможности заново сформулировать готовый закон любой страны. Напротив, это изучение свидетельствует об интенсивном процессе судебных споров, которые являются скорее диалектическими и эмпирическими, чем догматическими и диктаторскими.

19. Шестой комитет согласился с выводом Комиссии о том, что общий принцип иммунитета государств установлен в практике государств. Следует добавить, что, когда государственный иммунитет считался прочно установившимся, мир не был столь резко разделен на социалистический и несоциалистический, на развивающийся и про-

³⁰ *The All England Law Reports, 1981, vol. 2, p. 1064*; см. решение лорда Уилберфорса (pp. 1066—1078), а также совпадающее с ним мнение лорда Эдмунда-Дэвиса в пользу отклонения апелляции по делу «Marble Islands» (pp. 1080—1082) и особые мнения лорда Диплока (pp. 1078—1080), лорда Кейта и лорда Бриджа (pp. 1082—1083) в пользу апелляционного разбирательства обоих дел.

мышленно развитый. Когда принципы международного права в области иммунитета государств получили широкое распространение, не было ни социалистических государств, ни так называемых промышленно развитых стран. Впервые это право было провозглашено высшей судебной инстанцией Соединенных Штатов Америки — самого молодого в то время государства по делу *The Schooner «Exchange» v. McFaddon and others* (1812)³¹, и с самого начала оно основывалось на существующем обычном международном праве, а не на праве Соединенных Штатов. Фактически Соединенные Штаты были лишь зарождающейся нацией; по сравнению со старым Таиландом или древней Японией Америка после завоевания своей национальной независимости лишь только училась ходить и говорить. Процесс деколонизации занял более нескольких десятилетий. Именно в разгар наполеоновской войны (1812 год), в период серьезных угроз с севера, востока и юга, был признан принцип иммунитета государств. Это право в рассматриваемом аспекте оформилось в этом молодом революционном и развивающемся государстве еще даже до того времени, когда ему пришлось пережить национальное потрясение, приобрести нелегкий опыт гражданской войны.

20. Международное право в области иммунитета государств было признано в Бельгии³² и Италии³³, в равной мере молодых и недавно получивших независимость европейских государств, в весьма ограничительном смысле. В своей практике Египет³⁴ последовал их примеру. Хотя смешанные суды были в некотором роде международными, Египет, сам являясь древней страной, принадлежит скорее к числу стран Африки и Средиземноморья, чем Центральной Европы. Эта практика не утвердилась одновременно во всех странах.

21. Комиссия и впоследствии Шестой комитет Генеральной Ассамблеи могли признать существование общего принципа иммунитета государств на основе изучения судебной практики нескольких государств в XIX веке, хотя, конечно, пред-

³¹ W. Cranch, *Reports of Cases argued and adjudged in the Supreme Court of the United States*, vol. VII, 3d ed., New York, 1911, p. 116.

³² См., например, *Etat du Pérou c. Kreglinger* (1857) (*Pasicrisie belge, 1857, Bruxelles, 2e partie, p. 348*); см. также решение Апелляционного суда Брюсселя от 30 декабря 1840 года (*ibid.*, 1841, 2e partie p. 33) и дела, цитировавшиеся в четвертом докладе Специального докладчика (см. сноску 2 d, выше), пункты 58 и 59.

³³ См., например, *Morellet c. Governo Danese* (1882) (*Giurisprudenza Italiana, Torino, 1883, vol. XXXV, pt. 1, pp. 125, 130—131*), и дела, цитировавшиеся в четвертом докладе Специального докладчика (см. сноску 2 d, выше), пункты 56 и 57.

³⁴ См., например, дело S. S. «Sumatra» (1920) (*Bulletin de législation et de jurisprudence égyptiennes, Alexandrie, 33e année, 1920—1921, p. 25*; *Journal du droit international (Clunet), Paris, 48e année, 1921, p. 270*) и дела, цитировавшиеся в четвертом докладе Специального докладчика (см. сноску 2 d, выше), пункты 60 и 61.

лы распространения государственного иммунитета не были одинаковы. В практике крупных европейских держав, таких как Соединенное Королевство³⁵, Франция³⁶ и Германия³⁷, было много неопределенных и странных моментов. Тем не менее в этой полной путанице можно было увидеть возникновение четкой общей нормы иммунитета государств.

4. ОТСУТСТВИЕ ПРАКТИКИ В КАЖДОМ ГОСУДАРСТВЕ

22. Были выражены сомнения относительно правильности определения обычного права как международного права, разработанного на основе изучения практики лишь 25 стран, и применения его по отношению к остальным странам международного сообщества, словно Комиссия намеренно отказалась от изучения практики всех государств. Верно как раз обратное. Консультации были проведены с каждым из государств. Было проведено внимательное и тщательное изучение и рассмотрение практики государств. Ничто не было оставлено без внимания. Без внимания не было оставлено ни одно решение, ни одно мнение внешних экспертов, никто в мире, кто мог бы сообщить нам о том, что представляет собой право в той или иной стране в то или иное время. Следует подчеркнуть, что Комиссия без каких-либо опасений или предпочтений воспользовалась возможностью рассмотреть все имеющиеся свидетельства о существующей практике государств.

23. Напрашивающийся вывод достаточно ясен. Иммунитет государств никогда не рассматривался как абсолютный принцип в любом смысле этого термина. Иммунитет никогда не рассматривался как абсолютная норма, *jus cogens* или как обязательная норма. С самого начала в эту норму вносились разного рода изменения, ограничения и исключения. Это признано даже в недавнем законодательстве, принятом в социалистических странах³⁸. Различие мнений, видимо, возникает лишь в тех областях, где исключения и ограничения проводятся в жизнь. Поэтому относительно части III («Исключения из иммунитетов государств») уже возникли некоторые разногласия. Но тот же аргумент следует выдвигать а *fortiori* или, по крайней мере, в равной степени в отношении того, что процесс развития права не требует позитивного или активного участия любого государства, отсутствие практики не является основанием для ответственности за пренебрежение или небрежность со стороны государств. Однако отсутствием такой практики нельзя вос-

пользоваться для того, чтобы сделать недействительным или каким-либо иным образом уменьшить законность существующей и преобладающей практики, в отношении чего имеются достаточные свидетельства в других странах. Признав допустимость существования закона об иммунитете государств, также следует признать и допустимость выделения и определения его содержания, изучения его применения в спорных областях. Именно в этом состоит цель части III.

С. Ход разработки проектов статей

24. Воодушевленный широким одобрением, выраженным в Шестом комитете, существующей структуры проекта статей и учитывая предостережения и напутствия, высказанные многими доброжелателями, а также конструктивные предложения относительно улучшений редакционного характера, которые будут приняты во внимание в ходе второго чтения проекта статей или до этого, Специальный докладчик готов продолжить работу по плану, намеченному с одобрения Комиссии и Шестого комитета. Не предопределяя будущих выводов, Специальный докладчик с большим чувством удовлетворения и благодарности принимает напоминание о том, что в его подходе к «малоизвестной области» должны быть признаны первостепенные интересы человечества и что равнозначное внимание следует уделить вопросу о гарантии жизненных интересов всех государств, включая социалистические государства, развивающиеся государства, наименее развитые страны и любые государства, независимо от их типа, масштаба, местоположения или идеологии, и все нации, независимо от их социальных, политических или экономических структур.

25. На этом этапе Специальный докладчик выступает с протестом в том же конструктивном духе и духе сотрудничества: при отсутствии практики государств в той или иной стране или безотносительно к этому легко говорить, что право в том виде, в котором оно укрепилось в практике столь обширных регионов, как Азия, Африка и Латинская Америка, свидетельствует об определенном направлении либо прямо противоположно практике, существующей в Западной Европе, или каким-либо образом сходно с практикой социалистических стран. Это совершенно неверно. Ничто не может быть столь опасным, как такое огульное заявление, и Специальный докладчик со всей серьезностью и ответственностью просит уважаемых представителей государств избегать таких заявлений. Взгляд на судебную практику и национальные законодательства Пакистана, Индии, Сингапура или Японии свидетельствует о наличии устойчивой тенденции к отходу от какой-либо абсолютной доктрины. Ни Пакистан, ни Сингапур нельзя назвать неазиатскими странами, как нельзя сказать и того, что они больше не являются развивающимися государствами. Крат-

³⁵ См., например, дела, цитировавшиеся в четвертом докладе Специального докладчика (см. сноску 2 d, выше), пункты 80—87.

³⁶ Там же, пункты 62—66.

³⁷ Там же, пункты 67 и 68.

³⁸ См., например, статью 61 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, 1961 год; воспроизводится по-английски в United Nations, *Materials on Jurisdictional Immunities*., p. 40.

кое изучение их законодательства и практики достаточно для того, чтобы заставить отказаться от каких-либо огульных заявлений о том, что практика государств Азии ассоциируется с практикой социалистических или капиталистических стран. Не существует такого понятия, как практика, о которой можно сказать, что она является общим правом Азии, Африки или Латинской Америки, как нельзя сказать и того, что интересы развивающихся государств являются идентичными или обязательно схожи во всех отношениях. Фактически каждую область противоречий следует рассматривать только с ее собственных позиций. Нельзя позволить, чтобы какая-либо заранее определенная догма или определенная доля абсолютизма могла предопределять любое серьезное исследование соответствующих прогрессивных явлений в юридической области или препятствовать ему. Специальный докладчик по-прежнему пользуется опытом индуктивного метода и просит представителей правительств проявить снисходительность и терпение, чтобы дать возможность беспрепятственно развиваться процессу установления права.

26. Поэтому, согласно плану, ниже перечисляются проекты статей, касающиеся конкретных областей, в которых могут быть признаны и применены ограничения и исключения из иммунитетов государств:

- статья 13 (Договоры о найме);
- статья 14 (Ущерб личности и ущерб собственности);
- статья 15 (Право собственности, владение и пользование собственностью);

- статья 16 (Патенты, торговые марки и другие виды интеллектуальной собственности);
- статья 17 (Финансовая ответственность и таможенные сборы);
- статья 18 (Владение акциями и участие в акционерных предприятиях);
- статья 19 (Суда, занятые в сфере торгового обслуживания) и
- статья 20 (Арбитраж).

27. Не случайно, что указанные области возникновения противоречий, рассматриваемые в части III, явились объектом некоторой регламентации в многосторонней конвенции³⁹ и частично — предметом юридической ратификации в некоторых странах, как подписавших, так и не подписавших эту конвенцию. Это исследование не предполагает одобрения или неодобрения положений, содержащихся в конвенции или, в частности, в каких-либо иных двусторонних соглашениях, либо исправленных и измененных положений в ряде национальных законодательств⁴⁰.

³⁹ См. *European Convention on State Immunity and Additional Protocol (1972)*, *Materials on Jurisdictional Immunities*, pp. 156—172; см. также *International Convention for the Unification of Certain Rules relating to the Immunity of State-owned Vessels (Brussels, 1926)*, and *Additional Protocol (Brussels, 1934)*, *ibid.*, pp. 173—175.

⁴⁰ См., например, закон Соединенных Штатов Америки *Foreign Sovereign Immunities Act of 1976* (см. сноску 66, ниже), закон Соединенного Королевства *State Immunity Act, 1978* (см. сноску 65, ниже), декрет Пакистана *State Immunity Ordinance, 1981* (см. сноску 69, ниже) и закон Сингапура *State Immunity Act, 1979* (см. сноску 68, ниже).

Проекты статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности

(продолжение)

ЧАСТЬ III. ИЗЪЯТИЯ ИЗ ИММУНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВ (продолжение)

СТАТЬЯ 13. (Договоры о найме)

А. Общие соображения

1. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ «ДОГОВОРОВ О НАЙМЕ» КАК ИЗЪЯТИЯ ИЗ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВ

28. Цель проекта статьи 13 состоит в определении сферы применения области, определенной как «договоры о найме» в качестве возможного исключения из общих принципов иммунитета государств. Многие вопросы непосредственно связаны с общими соображениями в этой конкретной области, которая в первую очередь касается

«договоров о найме» лиц государством для осуществления деятельности на территории другого государства.

29. «Договоры о найме» лиц корпорацией или агентством, не относящимися к государству или какому-либо органу государства, или одному из его учреждений или институтов, действующих в осуществление административных функций государства, как указывается в пункте 3 статьи 7⁴¹ настоящего проекта статей, не входят в сферу действия настоящего исследования. В сферу дей-

⁴¹ См. сноску 12, выше.

ствия статьи 13 подпадает лишь «договор о найме», заключенный государством или от имени государства как работодателя. Поэтому первым элементом является наем государством, и в качестве области исследования он ограничивается взаимоотношениями в рамках контракта между частными лицами и государством в целях осуществления деятельности на территории другого государства.

30. Вторым элементом является деятельность, которая должна осуществляться служащими этого государства на территории другого государства или территории, находящейся под его юрисдикцией. Причина рассматриваемого иска или спора относится к взаимоотношениям в рамках контракта с государством, выступающим в качестве работодателя в судах другого государства.

31. Третьим элементом является возможность или оправданность рассмотрения в судах другого государства дела против государства-работодателя, возбужденного служащим, подавшим иск о возмещении ущерба в связи с нарушением условия договора о найме на основе существующих взаимоотношений в рамках договора, возлагающего на государство обязательство в отношении оказываемых услуг или деятельности, осуществляющейся на территории другого государства. Основной вопрос спора может быть классифицирован как трудовые отношения или положения и условия работы, распространяющиеся на выплаты вознаграждения, социальное обеспечение, пенсии и т. д. Другими словами, суть этой конкретной области изъятий из иммунитетов государств распространяется на возможность предъявления исков в отношении обязательств, взятых на себя государством или возложенных на него и возникающих в связи с договорами, заключенными частными лицами на выполнение работ на территории другого государства. Из сферы применения этой статьи исключены вопросы, касающиеся косвенной ответственности или ответственности работодателя в отношении действий, осуществляемых служащими, в том числе и на территории другого государства. Вопрос о такой ответственности может быть уместным в другом контексте, данный же вопрос касается исключительно судебных разбирательств, основанных на взаимоотношениях между отдельными служащими и работодателем в лице иностранного государства или иностранного правительства, с точки зрения государства или суда.

2. ВОПРОС О ЮРИСДИКЦИИ

32. При рассмотрении вопроса о степени иммунитета государств в любой конкретной области деятельности вполне уместным является вопрос о юрисдикции, поскольку во всех случаях затрагивается именно юрисдикционный иммунитет иностранного государства. Иммунитет государства в области «договоров о найме», который предстоит рассмотреть, обязательно предполага-

ет наличие юрисдикции, осуществление которой прекращается с применением иммунитета государств. По этой причине сфера применения рассматриваемых «договоров о найме» ограничивается наймом со стороны государства частных лиц для выполнения ими работ или оказания услуг на территории другого государства, то есть на территории суда; другими словами, в рамках юрисдикции суда этого другого государства.

33. Поэтому в любом вопросе об иммунитете государств предполагается и вопрос о юрисдикции. Наиболее тесная связь должна быть установлена с судом, рассматривающим дело о споре в связи с договором о найме. Это может быть осуществимо в условиях территории, на которой должны оказываться услуги или осуществляться деятельность в рамках договора о найме, а именно на территории другого государства и тем самым в рамках юрисдикции суда этого другого государства. Без этой внутренней связи с территорией другого государства вопрос об иммунитете государств можно спутать с другими вопросами или другими причинами невозможности рассмотрения спора в судебном порядке вследствие отсутствия юрисдикции (либо из-за отсутствия территориальной связи, либо ввиду характера основного вопроса спора или по другим причинам, таким как доктрина акта государства). Ввиду того, что юрисдикция суда является вопросом местного или национального права, настоящее исследование не ставит перед собой цель изложить свод общих положений, касающихся ограничений юрисдикции суда, действующего по нормам статутного права, или суда, разбирающего трудовые конфликты в той или иной стране. Существование юрисдикции может в любом случае первоначально предполагаться при наличии доказательства *prima facie* достаточной территориальной связи с судом первой инстанции в результате выполнения работы по найму на территории государства суда. Нормы, которые будут предложены в отношении степени иммунитета государств в этой конкретной области, должны исключать обстоятельства, в которых юрисдикция судов государства будет распространяться на дела, касающиеся договора о найме, осуществляемого за пределами его территории или, независимо от места выполнения, на основании специальной договоренности или режима, как, например, режима, регулирующего деятельность гражданских служащих или правительственных служащих, находящихся на службе в посольстве или в консульстве, или в подобном учреждении, аккредитованном в другой стране. В этих условиях административный трибунал, комиссия гражданской службы или какой-либо иной аналитический государственный орган, панимающий частное лицо, может по-прежнему иметь действующую юрисдикцию, и применимое право по-прежнему является административным правом или правом, регулирующим деятельность гражданских служащих государства-работодателя в

отличие от трудового права страны, на территории которого должна осуществляться эта деятельность.

3. ВОПРОС О ПРИМЕНИМОМ ПРАВЕ

34. В международном частном праве, а также в его смежных областях, где оно частично совпадает с положениями международного публичного права, выбор применимого права часто является показательным, если не решающим моментом при выборе юрисдикции конкурирующими или выражающими общее мнение компетентными органами. Вопрос о применимом праве может поэтому иметь большое значение, особенно в тех случаях, когда речь идет о специальной области права, характерной для особого режима или системы, например положений, касающихся персонала Секретариата Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений. Весьма вероятно, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций можно считать единственным форумом для рассмотрения споров, касающихся административных вопросов, выплаты пенсий, продвижения по службе, предоставления отпусков и т. д., затрагивающих сотрудников Секретариата Организации Объединенных Наций. Видимо, это является предпочтительной юрисдикцией по сравнению с юрисдикцией других компетентных местных или территориальных судов статутного права или трудовых трибуналов. То же самое можно сказать и о положениях, касающихся гражданских служащих или правительственных служащих государств, во всяком случае, высокопоставленных официальных лиц, или международных сотрудников в случае международных организаций.

35. Выбор права может определяться сторонами, которые, как правило, могут почти в одностороннем порядке вносить предложения о выборе юрисдикции. Что касается гражданских служащих и высокопоставленных правительственных чиновников, есть основание предполагать, что именно административное право государства-работодателя регулирует трудовые отношения и что суд статутного права или административный трибунал государства-работодателя или направляющего государства является единственным органом, если не подлинным *forum pro cogatum*, компетентным выносить решение по тому или иному вопросу. Территориальные суды и местные суды, разбирающие трудовые споры, которые, однако, достаточно компетентны для решения таких споров, скорее всего, менее знакомы с применимыми законами о труде направляющего государства или государства-работодателя. Вопрос о применимом праве в каждом конкретном случае должен поэтому надлежащим образом рассматриваться в этой конкретной связи.

36. Параллельность юрисдикции, осуществляемой территориальным судом или государством суда и национальным судом или судом направляюще-

го государства, еще больше осложняется совпадением их соответствующих применимых законов. Например, в не вызывающем сомнений случае применимого административного права направляющего государства ввиду высоких должностей, занимаемых гражданскими служащими или правительственными чиновниками, местный суд, разбирающий трудовые конфликты, или даже территориальный административный трибунал, или органы власти могут отдать предпочтение применению иностранного административного права и тем самым могут отказаться от юрисдикции в пользу более соответствующего данному случаю или надлежащего форума по причинам, возможно, *forum pro conveniens* ввиду особых взаимоотношений или особого характера иностранного административного права. Если, с другой стороны, данное дело касается местного персонала, занимающего более низкие посты, и не требует применения иностранного административного права, а более уместным представляется применимое местное трудовое право или право, регулирующее договоры о найме в государстве суда, то в этих случаях территориальный суд без колебаний может осуществить свою компетентную юрисдикцию, будучи более глубоко знаком с применением своего собственного материального права, касающегося действия договоров о найме, условий работы, условий выплаты вознаграждений и т. д. Уместен вопрос о том, стремится ли территориальное государство применить свои законы и положения в области трудового права ко всем видам найма на своей территории и в какой степени.

4. ВОПРОС ОБ ИММУНИТЕТЕ ГОСУДАРСТВ

37. Лишь в тех случаях, когда суд государства, на территории которого должна осуществляться деятельность в рамках договора о найме, считает, что он располагает юрисдикцией и обладает компетенцией, этот суд применяет свое собственное материальное право по отношению к трудовым спорам и отношениям. В тех случаях, когда работодателем является иностранное государство или правительство, затрагивается вопрос об иммунитете. Однако, конечно, в реальной практике иностранное государство, против которого выдвигается обвинение, обычно не ждет до тех пор, пока суд придет к этому выводу, а, как можно предполагать, в любом случае выступает с заявлением об иммунитете. Таким образом, суд часто просит решать вопрос об иммунитете государств часто до возникновения необходимости в решении этого вопроса, поскольку без вопроса об иммунитете государств суд мог бы легко отклонить юрисдикцию по любой из упомянутых причин, таких как отсутствие компетенции, *forum pro conveniens* или выбор юрисдикции и выбор закона, государственная политика или доктрина акта государства.

38. Однако в тех случаях, когда перед судом стоит вопрос об иммунитете государства в кон-

кретной области договоров о найме, самый основной вопрос, который может предопределить исход осуществления или неосуществления юрисдикции суда, касается существования органов государственной власти⁴², в осуществлении прерогатив которых возникло основание для предъявления иска. Если, например, спор касается назначения или неназначения должностного лица иностранным государством или одним из его органов, учреждений или институций, то в этом случае мы сталкиваемся с явным вопросом об иммунитете государств, поскольку такое назначение или неназначение явится результатом действия, совершенного в ходе осуществления прерогатив государственной власти этого иностранного государства или правительства. Это касается и случаев увольнения или отстранения от деятельности служащего государством или правительственным учреждением, которое невозможно более обязать взять на работу или восстановить служащего, уволенного таким образом в результате действия, совершенного в ходе осуществления прерогатив государственной власти. Однако из этого не следует, что юридические последствия увольнения в нарушение «договора о найме» обязательно являются результатом действия, совершенного в ходе осуществления прерогатив государственной власти. Поэтому здесь, видимо, существует область, в которой местные суды могут по-прежнему осуществлять свою юрисдикцию в судебных делах против иностранного государства как нанимателя работника для деятельности на территории государства суда, не связанной с осуществлением прерогатив государственной власти государством-работодателем. Другими словами, вопрос можно сформулировать следующим образом: в какой степени направляющее государство должно соблюдать местные законы и положения о труде территориального государства?

В. Нынешняя практика государств

1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

39. В отличие от обилия судебной и правительственной практики государств в области, определенной как торговая или коммерческая деятельность в рамках статьи 127⁴³, отмечалось относительно меньшее число судебных решений и свидетельств практики государств в отношении договоров о найме. Тем не менее принятие индуктивного метода предполагает поиск способов руководствоваться практикой государств. Однако знакомство с практикой государств дает возможность убедиться в существовании большого числа поразительных соответствий и противоречий, хотя ограниченное число решений препятст-

вует использованию этой практики на основе изучения материалов по каждому государству или по странам. Если применение исключений из торговой или коммерческой деятельности подвергалось критике за то, что они не распространяются на практику всех 165 стран или искажают практику некоторых из них, то нынешняя практика государств в отношении заключения договоров о найме не является более убедительной и не может служить абсолютным доказательством при рассмотрении всеобщей и единой практики государств. Она лишь свидетельствует о дальнейшем вторжении в гораздо более сложную и неясную область более глубоких противоречий. Для того, чтобы сделать статью 13 более четкой, следует проявить большую осторожность и предосторожность. Бездоказательные или огульные утверждения будут в данном случае бесполезными.

40. Практика государств в указанной области заключения «договоров о найме» возникла относительно недавно, в отличие от богатой опытом практики государств в области торговой или коммерческой деятельности. Этот контраст объясняется тем обстоятельством, что государства издавна занимались торговой или коммерческой деятельностью за своими границами или вне своей территории, что приводило к возникновению судебных разбирательств и принятию судебных решений в целом ряде юрисдикций. С другой стороны, наем за границей местных сотрудников или персонала органа государства или одного из его учреждений или институций в осуществление прерогатив его государственной власти явился практикой относительно недавнего времени. Споры, касающиеся отношений между служащими и хозяевами или лицами наемного труда и работодателями иностранного государства, возникали не так часто, и еще реже наблюдались случаи зафиксированного урегулирования в рамках решения местного судебного органа или решения административного трибунала.

41. Уровень прогресса или развития отдельной области гражданского права и договорного права, регулирующего трудовые отношения или трудовые конфликты, отнюдь не одинаков и не носит единого характера. Практически во многих странах отсутствует трудовой кодекс или специальные суды или трибуналы для урегулирования трудовых конфликтов. В некоторых системах имеются административные трибуналы для рассмотрения дел или выслушивания жалоб служащих против их правительств, но они не обладают особой компетенцией для применения административного права иностранных государств и для распространения своих собственных административных законов на решение дел служащих иностранных правительств. Настоящее исследование, однако, ограничивается лишь существующей практикой и не касается причин недостаточного или ограниченного числа свидетельств.

⁴² См. пункт 3 статьи 7, выше, сноска 12.

⁴³ См. четвертый доклад Специального докладчика (см. сноску 2 d, выше), пункты 49—107.

2. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

42. Ввиду того что внутригосударственное право различных стран, регулирующее конкретную область «договоров о найме», находится на различных стадиях развития, описание судебной практики или прецедентного права не может осуществляться на основе постранового подхода. Содержание данной области скорее можно рассматривать по темам или подтемам. Однако подробный анализ этой практики как свидетельства прогресса в развитии права необходимо будет по-прежнему проводить на основе индуктивного метода, каким бы сложным он ни казался.

а) Назначение или наем, осуществляемые государством

43. Представляется, что в прецедентном праве сформировалась относительно более последовательная тенденция, в соответствии с которой вопрос о назначении или найме служащего государством или одним из его органов, учреждений или институтов не входит в сферу компетенции судебных властей территории при том, несомненно, условии, что такие учреждения или институты совершают свои действия в ходе осуществления прерогатив государственной власти⁴⁴.

44. Итальянская судебная практика богата примерами ясных судебных заключений о том, что акт назначения или неназначения служащего или решение нанять или не нанять какое-либо лицо, принимаемое иностранным государством, является актом публичного права, не подпадающим по своей сути под действие местной юрисдикции. Как явствует, акт назначения нередко совершается в ходе осуществления государственной функции⁴⁵. Так, в решении, вынесенном объединенными палатами Высшего кассационного суда в 1948 году⁴⁶, признавался иммунитет советского торгового представительства от юрисдикции в вопросах найма итальянского гражданина, так как действия представительства являлись *acta jure imperii*, несмотря на то что назначающий орган представлял собой отдельное правовое образование или в сущности иностранную корпорацию, созданную государством. Аналогичным образом в более недавнем деле, рассматри-

⁴⁴ См. статью 7, пункт 3, и комментарий к ней (см. сноски 12 и 13, выше); см. также пункты 5 и 6 настоящего доклада.

⁴⁵ Последнее подтверждение различия между «функциями государства в осуществлении его суверенной власти и его действиями, обусловленными правами собственности», содержится в решении апелляционного суда Генуи по делу *Canale c. Governo Francese* (1937) (*Revista di diritto internazionale*, Roma, anno XXIX, 1937, p. 81, с комментарием С. Cereti; *ibid.*, anno XXX, 1938, p. 226; *Annual Digest and Reports of Public International Law Cases, 1935—1937*, London, 1941, vol. 8, p. 237).

⁴⁶ *Tani c. Rappresentanza commerciale in Italia dell'U.R.S.S.* (1947) (*Il Foro Italiano*, Roma, 1948, vol. LXXI, p. 855; *Annual Digest...*, 1948, London, 1953, vol. 15, p. 141, case No. 45).

вавшемся в 1955 году⁴⁷, Кассационный суд признал себя некомпетентным в иске, возбужденном итальянским гражданином в связи с его наймом военной базой Соединенных Штатов, созданной в Италии в соответствии с Североатлантическим договором, на том основании, что его наем является «attività pubblicistica» (публичным действием), связанным с выполнением «funzioni pubbliche o politiche» (государственных и политических функций) правительством Соединенных Штатов Америки⁴⁸. Акт назначения был совершен в ходе осуществления прерогатив государственной власти и как таковой считается «atto di sovranità» (актом государственного суверенитета).

45. В другом случае Государственный совет Франции расценил назначение французского гражданина на должность в ЮНЕСКО, а также то, что французское правительство не поддержало претензии бывшего сотрудника Института интеллектуального сотрудничества и его право на занятие должности в ЮНЕСКО, как вопросы, выходящие за рамки компетенции французских властей⁴⁹.

б) Дела об увольнении

46. Дела об увольнении более часто встречаются в практике государств и дают основание сделать вывод о том, что эти случаи выходят за рамки компетенции судов. Акт увольнения рассматривается как осуществление суверенной власти или прерогатив государства, а не как нарушение обычного коммерческого или частного договора. В подтверждение этого положения можно сослаться на итальянское прецедентное право. Оно еще более убедительно свидетельствует о том, что итальянская судебная практика с первых дней ее существования является наиболее ограничительной по сравнению с практикой всех других государств.

⁴⁷ *Department of the Army of the United States of America c. Gori Savellini* (1955) (*Rivista di diritto internazionale*, Milano, vol. XXXIX, 1956, pp. 91—92; *International Law Reports, 1956*, London, 1960, vol. 23, p. 201). См. также *Alexeef c. Rappresentanza commerciale dell'U.R.S.S.* (1932) (*Giurisprudenza Italiana*, Turino, 1933, vol. I, p. 489), дело, в котором не проводилось различия между дипломатической и коммерческой деятельностью торгового представительства.

⁴⁸ Ср. *De Ritis c. Governo degli Stati d'America* (1971) (*Rivista...*, vol. LV, 1972, p. 483) и *Luna c. Repubblica socialista di Romania* (1974) (*ibid.*, vol. LVIII, 1975, p. 597). Сопоставить, однако, с решением по делу *De Semenoff c. Amministrazione delle Ferrovie dello Stato della Norvegia* (1935, 1936) (*ibid.*, anno XXIX, 1937, p. 224); *Annual Digest...*, 1935—1937, *op. cit.*, p. 234, case No. 92), касающемуся найма государственным железными дорогами иностранного правительства, действующими в Италии, и решением по делу *Slomnitzky c. Rappresentanza commerciale dell'U.R.S.S.* (1932) (*Annual Digest...*, 1931—1932, London, 1938, vol. 6, p. 169, case No. 86).

⁴⁹ *Wiess c. Institut de coopération intellectuelle* (1953) (*Journal du droit international* (Clunet), Paris, 81e année, 1954, p. 744, с запиской P. Huet).

47. Так, например, иммунитет был признан в иске о неправомерном увольнении, возбужденном бывшим сотрудником миланского отделения советского торгового представительства при рассмотрении дела *Kazmann*, по которому Верховный суд вынес решение в 1933 году⁵⁰. Это решение стало главным основанием, которое использовалось другими итальянскими судами⁵¹. Более позднее решение, вынесенное объединенными палатами Верховного суда в деле *Tani* в 1947 году⁵², следует считать как окончательное и определенное решение по этому вопросу. Верховный суд подтвердил также решение апелляционного суда Милана, который отклонил иск, возбужденный сотрудником советского торгового представительства в связи с его неправомерным увольнением. Аналогичное решение было также вынесено по другому делу Государственным советом Франции в 1929 году⁵³.

с) Наем или трудовые отношения

48. Несмотря на существовавшую ранее неопределенность в прецедентном праве⁵⁴, в современной государственной практике вопросы трудовых отношений или договоров о найме рассматриваются по существу как вопросы, в отношении которых учреждения иностранных государств пользуются иммунитетами, если при этом установлено, что данные учреждения совершают действие в ходе осуществления прерогатив государственной власти⁵⁵. Договоры о найме рассматривались итальянскими судебными органами как исключения из обычных сделок между иностранным

государством и местными гражданами, входящих в сферу компетенции итальянских судов⁵⁶. Рассматриваемые как «*atti di sovranità*» договоры о найме государственных служащих были выведены за рамки компетенции итальянских судов, которые применяли наиболее ограничительный принцип иммунитета государств. Так, в 1956 году⁵⁷ было прекращено производство по иску, возбужденному Гори Савеллини против расположенной в Италии военной базы Соединенных Штатов. В двух более поздних случаях судебные решения были еще более определенными. Например, при рассмотрении дела *De Ritis c. Governo degli Stati Uniti d'America* (1971)⁵⁸ был признан принцип иммунитета. Речь шла об иске, возбужденном Де Ригисом, библиотекарем Информационной службы Соединенных Штатов (ЮСИС) в Италии, который ссылаясь на серьезный и существенный характер порученных ему работ или службы, какими бы скромными они ни были. Верховный суд решил, что ЮСИС является заграничным отделением Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА), «американским государственным учреждением, действующим за границей под руководством и контролем государственного секретаря для достижения суверенных государственных целей американского государства как такового»⁵⁹. Суд признал де Ритиса «служащим правительства США», «согласно концепциям нашего публичного права, но, несомненно, применимым к каждому конкретному случаю, поскольку служащий какого-либо государства является, по определению, государственным служащим»⁶⁰. Несмотря на то что договор о найме, несомненно, является «*un rapporto di lavoro*» (трудовым договором), он не является «*un rapporto di diritto privato*» (договором согласно частному праву)⁶¹. В другом деле, *Luna c. Repubblica Socialista di Romania* (1974)⁶², связанном с договором о найме, заключенном экономическим агентством, входящим в состав посольства Румынии в Риме, был подтвержден иммунитет Социалистической Республики Румынии. Верховный суд отклонил иск Луны на сумму 7799 212 лир в качестве выплаты вознаграждения в соответствии с договором о найме. Суд счел, что такие трудовые отношения выходят за рамки итальянской юрисдикции, «поскольку в том случае, когда государство действует в качестве субъекта международного права, не может

⁵⁰ *Rappresentanza commerciale dell'U.R.S.S. c. Kazmann* (1933) (*Rivista...*, anno XXV, 1933, p. 240; *Annual Digest...*, 1933—1934, London, 1940, vol. 7, p. 178, case No. 69).

⁵¹ См., например, *Little c. Riccio e Fischer* (Апелляционный суд Неаполя, 1933 год) (*Rivista...*, anno XXVI, 1934, p. 110) (Кассационный суд, 1934 год) (*Annual Digest...*, 1933—1934, *op. cit.*, p. 177, case No. 68); Апелляционный суд Неаполя и Кассационный суд признали себя некомпетентными в иске о неправомерном увольнении Риччо, работавшего на кладбище, которое является собственностью британской короны и «содержится Великобританией *jure imperii* в интересах ее граждан как таковых, а не как частных лиц». Ср. *Mazzucchi c. Consolato Americano* (1931) (*Annual Digest...*, 1931—1932, *op. cit.*, p. 336, case No. 186).

⁵² См. сноску 46, выше; недвусмысленное мнение см. *Annual Digest...*, 1948, pp. 145—146.

⁵³ Дело *Marthoud* (1929) (*Recueil des arrêts du Conseil d'Etat*, Paris, Sirey, 1929, t. 99, p. 409).

⁵⁴ Ранее в Италии выносились решения, в которых не признавался иммунитет на том основании, что договоры о найме являются сделками согласно частному праву, в то время как акт увольнения или назначения правительственного служащего или гражданского служащего непременно рассматривался как осуществление суверенной власти. См., например, *De Semenoff c. Amministrazione delle Ferrovie dello Stato della Norvegia* (1935, 1936) (сноска 48, выше). См. также *Ferrovie Federali Svizzere c. Comune di Tronzano* (1929) (*Il Foro Italiano*, vol. LIV, 1929, p. 1146; *Annual Digest...*, 1929—1930, London, 1935, vol. 5, p. 124), дело, в котором не был признан иммунитет компании Швейцарских федеральных железных дорог.

⁵⁵ См. S. Sucharitkul, *State Immunities and Trading Activities in International Law*, London, Stevens, 1959, pp. 239—242.

⁵⁶ См. Sucharitkul, «Immunities of foreign States before national authorities», *Recueil des cours de l'Académie de droit international de la Haye, 1976-I*, Leyden, Sijthoff, 1977, t. 149, pp. 130—132.

⁵⁷ См. сноску 47, выше.

⁵⁸ См. сноску 48, выше.

⁵⁹ *Rivista...*, vol. LV, 1972, p. 485.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 486.

⁶¹ *Ibid.*, p. 485. См. также по поводу дел о найме постановления № 467 1964 года, касающиеся United States Army—Southern European Task Force, и постановление № 1360 1959 года, касающиеся морской миссии Венесуэлы (*ibid.*).

⁶² См. сноску 48, выше.

применяться итальянская юрисдикция на том основании, что общепризнанные обычные нормы международного права предусматривают юрисдикционный иммунитет иностранных государств»⁶³. Ссылаясь на объективные элементы, суд постановил, что «данный договор о найме, безусловно, входит в ту сферу деятельности, которую Румыния (являющаяся субъектом международного права) осуществляет в Италии, действуя при этом на законном основании»⁶⁴.

d) Отсутствие юрисдикции

49. Представляется, таким образом, что нигде не существует последовательного прецедентного права, указывающего на то, что договоры о найме или любой из их аспектов могли бы представлять собой исключение из иммунитета государств. Напротив, даже при самом ограниченном применении принципа иммунитета государств, как, например, в прецедентном праве Италии, иммунитет признается и достаточно последовательно применяется во всех случаях, охватывающих назначение, увольнение и иски о компенсации или в связи с нарушениями других условий договора о найме или службе. Как представляется, юрисдикция не применяется вообще или существует нежелание применять юрисдикцию в области трудовых отношений.

3. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

50. Дальнейшее рассмотрение направлено на то, чтобы понять, существует ли где-либо за рамками прецедентного права какая-либо поддержка идеи ограничения иммунитета в отношении договоров о найме.

a) Национальное законодательство

51. При отсутствии судебных решений, подтверждающих принятие исключения, связанного с «договорами о найме», можно лишь предположить, что в странах, которые приняли национальное законодательство, ограничивающее иммунитет в этой конкретной области «договоров о найме» или «трудовых отношений», суды будут обязаны в дальнейшем применять это национальное законодательство.

52. На основе этого предположения интересно отметить, что такое положение содержится в разделе 4 британского закона об иммунитете государств 1978 года (State Immunity Act, 1978)⁶⁵. В законе говорится:

⁶³ Rivista..., vol. LVIII, 1975, p. 599.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ United Kingdom, *The Public General Acts, 1978*, Part One, chap. 33, p. 715 (воспроизводится в *United Nations, Materials on Jurisdictional Immunities...*, pp. 41 et seq.).

Изъятия из юрисдикционного иммунитета

4. 1) На государство не распространяется иммунитет в отношении судебного разбирательства, касающегося контракта о работе по найму, заключенного между государством и отдельным лицом, в том случае, когда контракт был заключен в Соединенном Королевстве или когда работа будет полностью или частично выполняться в Соединенном Королевстве.

2) С учетом приводимых ниже подразделов 3 и 4 данный раздел не применяется, если:

a) во время проведения судебного разбирательства это лицо является гражданином заинтересованного государства; или

b) во время заключения контракта это лицо не было гражданином Соединенного Королевства и не проживало в нем; или

c) стороны, подписавшие контракт, договорились иначе в письменной форме.

3) Когда работа осуществляется в отделении, учреждении или организации, которые государство имеет в Соединенном Королевстве в коммерческих целях, подраздел 2 a и b, упомянутый выше, не исключает возможности применения данного раздела, если отдельное лицо имело во время заключения контракта постоянное место жительства в этом государстве.

4) Подраздел 2 c, упомянутый выше, не исключает применения настоящего раздела там, где законы Соединенного Королевства требуют проведения судебного разбирательства в одном из судов Соединенного Королевства.

5) В приведенном выше подразделе 2 b «гражданин Соединенного Королевства» означает гражданина Соединенного Королевства и колоний, лицо, которое является британским подданным в силу разделов 2, 13 или 16 закона о британском гражданстве 1948 года или в силу закона о британском гражданстве 1965 года, лицо, находящееся под защитой Соединенного Королевства в силу вышеупомянутого закона 1948 года, или гражданина Южной Родезии.

6) В данном разделе выражение «судебное разбирательство, касающееся контракта о работе по найму», включает судебное разбирательство по делу между сторонами такого контракта в отношении любых статутных прав или обязанностей, которыми они могут пользоваться или должны выполнять, являясь работниками по найму или нанимателями».

53. Хотя у этого положения нет эквивалентного положения ни в более раннем американском законодательстве, в законе о суверенных иммунитетах иностранных государств 1976 года (Foreign Sovereign Immunities Act of 1976)⁶⁶, ни в канадском законе об иммунитете государств 1982 года (Canadian State Immunity Act of 1982)⁶⁷, оно, как представляется, весьма точно отражено в разделе 6 сингапурского закона об иммунитете государств 1979 года (State Immunity Act, 1979)⁶⁸, в разделе 6 пакистанского декрета об

⁶⁶ *United States Code, 1976 Edition*, vol. 8, title 28, chap. 97, p. 206 (*idem*, pp. 55 et seq.).

⁶⁷ «An Act to provide for state immunity in Canadian courts», вступил в силу 22 июля 1982 года (*The Canada Gazette, Part III, Ottawa*, vol. 6, No. 15, 22 June 1982, p. 2942, chap. 95).

⁶⁸ Закон от 26 октября 1979 года об иммунитете государств, озаглавленный «An Act to make provision with respect to proceedings in Singapore by or against other States, and for purposes connected therewith» (воспроизводится в *United Nations, Materials on Jurisdictional Immunities...*, pp. 28 et seq.).

иммунитете государств 1981 года (State Immunity Ordinance, 1981)⁶⁹ и в разделе 5 южноафриканского закона об иммунитете иностранных государств 1981 года (Foreign States Immunities Act, 1981)⁷⁰. Поскольку практика английских судов в прошлом была связана с более абсолютным принципом иммунитета государств, это изменение подхода, которому последовали в ряде важных стран Содружества, применяющих обычное право, неминуемо будет иметь далеко идущие последствия для развития будущей практики не только в области юрисдикции согласно обычному праву. Ограничительная практика в конкретной области «договоров о найме» может получить распространение⁷¹.

54. Следует также предположить, что практика государств, ратифицировавших Европейскую конвенцию 1972 года об иммунитете государств⁷², таких как Австрия⁷³, Бельгия⁷⁴ и Кипр⁷⁵, будет такой же ограничительной в этой области, как и практика Соединенного Королевства.

б) Международные конвенции

i) Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств

55. Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств вступила в силу между Австрией, Бельгией и Кипром 11 июня 1976 года в соответствии с пунктом 2 статьи 36. В статье 5 Европейской конвенции содержатся практически те же положения, что и в разделе 4 закона Соединенного Королевства об иммунитете государств 1978 года (State Immunity Act, 1978), в котором предусматривается предоставление юридической силы Европейской конвенции⁷⁶. Эта статья гласит:

Статья 5

1. Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции суда другого договаривающегося государства, если разбирательство касается договора о найме между государством и каким-либо лицом в тех случаях, когда работа должна выполняться на территории государства суда.

⁶⁹ *The Gazette of Pakistan*, Islamabad, 11th March 1981 (*idem*, pp. 20 *et seq.*).

⁷⁰ Закон вошел в силу 6 октября 1981 года (*idem*, pp. 34 *et seq.*).

⁷¹ Весьма вероятно, что этой практики будут придерживаться также государства бассейна Карибского моря и других районов, например Сент-Китс и Тринидад и Тобаго.

⁷² См. сноску 39, выше.

⁷³ См. декларации Австрии о вступлении в силу положений Конвенции в United Nations, *Materials on Jurisdictional Immunities...*, p. 5). Австрия ратифицировала Конвенцию 10 июля 1974 года.

⁷⁴ Бельгия ратифицировала Конвенцию 27 июля 1975 года.

⁷⁵ Кипр ратифицировал Конвенцию 10 марта 1976 года.

⁷⁶ См. также почти идентичную формулировку соответствующих положений в национальных законодательствах.

2. Пункт 1 не применяется в тех случаях, когда:

a) данное лицо является гражданином государства-работодателя в момент начала разбирательства;

b) в момент заключения договора данное лицо не являлось гражданином государства суда и не имело постоянного места жительства в этом государстве; или

c) стороны договора в письменной форме договорились об ином, за исключением тех случаев, когда в соответствии с правом государства суда суды этого государства располагают исключительной юрисдикцией в силу существа рассматриваемого вопроса.

3. В тех случаях, когда работа выполняется в рамках какого-либо учреждения, агентства или другого предприятия, о котором говорится в статье 7, пункты 2a и 2b настоящей статьи применяются, только если в момент заключения договора данное лицо имело постоянное место проживания в договаривающемся государстве, которое предоставляет ему работу.

ii) Проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств

56. Хотя невозможно пока точно установить, насколько широко применяется это положение, тем не менее тот факт, что это положение приводит к эффекту снежного кома, нашел свое отражение в увеличивающемся объеме законодательства в различных странах; правда, такое законодательство не всегда носит единообразный характер. В этой связи следует отметить недавний (1983 года) проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств⁷⁷. Статья 6 содержит положение, ограничивающее иммунитет:

Статья 6

Государства не ссылаются на иммунитет от юрисдикции либо:

a) в вопросах труда или договора о найме между каким-либо государством или одним или более лицом, когда работа выполняется в государстве суда;

...

4. МНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

57. Наблюдается довольно ограниченное число мнений специалистов относительно данной области договоров о найме. Как правило, считали, что данная область относится исключительно к сфере административного права государства-работодателя и поэтому касается, строго говоря, юрисдикции государства, которое предоставляет работу отдельным лицам⁷⁸. Замечания отдельных

⁷⁷ Проект, принятый Межамериканским юридическим комитетом, Рио-де-Жанейро, 21 января 1983 года (OEA/Ser. G-CP/doc. 1352/83, 30 March 1983). См. также *International Legal Materials*, Washington (D. C.), vol. XXII, No. 2, March 1983, p. 292.

⁷⁸ По этому поводу, см., например, F. Seyersted, «Jurisdiction over organs and officials of States, the Holy See and intergovernmental organizations», *The International and Comparative Law Quarterly*, London, vol. 14, 1965, pp. 31—82 and 493—527.

специалистов по вопросам национального законодательства и международных конвенций существенно отличаются друг от друга. Критические замечания сводились главным образом к вопросу о формулировках текстов, которые являются излишне усложненными и трудными для понимания⁷⁹. Несомненно, любое государство обладает суверенным правом регулировать законодательство по существу рассматриваемого вопроса путем определения условий, в соответствии с которыми иностранным государствам разрешается заниматься определенными видами деятельности в рамках его территории. Каждое государство имеет неотъемлемое право, зависящее от обязательств по договору, не допускать на свою территорию иностранные государственные учреждения, включая даже дипломатические представительства⁸⁰.

58. Поэтому неудивительной является ограничительная тенденция, отраженная в проекте конвенции об иммунитете государств, предложенном Международным комитетом по иммунитету государств и принятом Ассоциацией международного права в Монреале в 1982 году⁸¹. Этот проект содержит следующее положение:

Статья III. Изъятия из юрисдикционного иммунитета

Иностранное государство не обладает иммунитетом от юрисдикции государства суда рассматривать в судебном порядке следующие случаи:

...

C. Когда данное иностранное государство заключает договор о найме в государстве суда или когда работа по такому договору должна выполняться полностью или частично на территории этого государства суда и разбирательство касается этого договора. Это положение не применяется, если:

1. В момент возбуждения разбирательства этот служащий является гражданином иностранного государства; или
2. В момент заключения договора о найме этот служащий не являлся ни гражданином, ни постоянным жителем государства суда; или

⁷⁹ См., например, F. A. Mann, «The State Immunity Act, 1978», *The British Year Book of International Law* 1979, London, vol. 50, p. 54.

⁸⁰ См., например, I. Brownlie, *Principles of Public International Law*, 3rd ed., Oxford, Clarendon Press, 1979, p. 334: «Если государство посчитало бы необходимым принять закон, регулирующий иммунитеты иностранных государств, в рамках которого будут предусматриваться такие акты, которые будут включать принятие местной юрисдикции, то государство, таким образом, получили бы разрешение действовать в рамках юрисдикции в определенных условиях и при соблюдении основы суверенного иммунитета, как об этом говорится в *The Schooner „Exchange“*».

См. также I. Sinclair, «The law of sovereign immunity: Recent developments», *Recueil des cours...*, 1980-II, Alphen aan den Rijn, Sijthoff and Noordhoff, 1981, t. 167, p. 214—216.

⁸¹ См. I.L.A. *Report of the Sixtieth Conference, Montreal, 1982*, London, 1983, pp. 5—10, Resolution No. 6: «State Immunity».

3. Работодатель и служащий договорились в письменной форме об ином⁸².

5. НАМЕТИВШАЯСЯ ТЕНДЕНЦИЯ

59. Хотя текущая практика государств очень мало касается «договоров о найме», в отношении которых мог бы применяться принцип изъятия из иммунитета государств, в этой все еще мало исследованной области наметилась тенденция в пользу ограничения иммунитетов. Возможный выбор решения проблемы зависит от конечных итогов развития норм права в области производственных вопросов и трудовых отношений. Пытаясь иначе сформулировать право в рамках процесса его прогрессивного развития, необходимо действовать с особой осторожностью, для того чтобы избежать вмешательства в сферу применения иностранного административного права, при этом сохраняя допустимые стандарты условий труда в рамках договоров о найме в государстве суда. В то же время не следует предпринимать такие действия, которые привели бы к ухудшению существующих проблем в области безработицы в данном обществе.

60. Принимая во внимание все вышесказанное, наметившаяся тенденция, по всей видимости, благоприятствует применению местного трудового законодательства в отношении найма имеющейся рабочей силы в какой-либо стране и впоследствии способствует применению территориальной юрисдикции за счет юрисдикционных иммунитетов иностранных государств. В рамках подобных усилий вполне естественным является принятие национального законодательства, имеющего тенденцию к установлению также сферы и границ применяемой юрисдикции в дополнение к ограничению иммунитета государств в данной конкретной области. Вполне понятно, что юрисдикция частного права должна быть четко определена до того, как возникнет необходимость в решении вопроса о юрисдикционном иммунитете. Региональные конвенции имеют тенденцию к использованию также положений национальной юрисдикции, которая должна быть установлена в единообразной манере, для того чтобы избежать необходимых пробелов или коллизии компетенции.

C. Формулировка проекта статьи 13

61. Принцип, который необходимо включить в проект статьи, который может быть предложен, должен отражать постоянно изменяющийся характер развития норм права. Гибкие и сбалансированные соображения должны определять лю-

⁸² *Ibid.*, pp. 7—8. Интересный комментарий по поводу этого положения содержится в окончательном докладе (24 июня 1982 года) Международного комитета по иммунитету государств, председателем которого был г-н М. Ли, см. I.L.A. *The ILA Montreal Draft Convention on State Immunity*, London, 1983, pp. 51—52, para. 25.

бые усилия, направленные на разработку проекта статьи в области «договоров о найме». Необходимо предусмотреть возможность того, чтобы данное изъятие укрепилось в практике государства. С другой стороны, это не должно представлять собой какого-либо вмешательства в сферу административного права или управления со стороны должностных лиц и штата. Скорее наоборот, можно было бы внести некоторый стимул, способствующий установлению соответствия с местным трудовым законодательством в целях улучшения социальных условий и трудовых отношений, а также перспективы в области трудоустройства. В этой связи вполне подходящими являются два критерия. Во-первых, гражданство служащего может быть принято во внимание в качестве одного из элементов, способствующих применению административного права государства-работодателя или, в зависимости от обстоятельств, применению трудового законодательства государства территории. Вторым элементом является проживание в государстве суда, которое может быть квалифицировано как регулярное, обычное или постоянное, и не как основа для юрисдикции в рамках международного частного права, а скорее в качестве оправдания для применения существующей территориальной юрисдикции или склонности к территориальным связям в целях обеспечения защиты своих граждан и жителей из числа иностранцев.

62. Статью 13 можно было бы сформулировать следующим образом:

Статья 13. Договоры о найме

1. При отсутствии соглашения об ином государство не обладает иммунитетом от юрисдикции судов другого государства в отношении разбирательства, касающихся «договора о найме» гражданина или жителя другого государства в отношении работы, которая должна быть выполнена на территории этого государства.

Пункт 1 не применяется, если:

a) разбирательства касаются отказа в найме какого-либо лица или увольнения служащего;

b) служащий является гражданином государства-работодателя в момент начала разбирательства;

c) служащий не является ни гражданином, ни жителем государства суда в момент трудоустройства; или

d) служащий договорился в письменной форме об ином, за исключением тех случаев, когда в соответствии с правом государства суда суды этого государства располагают исключительной юрисдикцией в силу существа рассматриваемого вопроса.

СТАТЬЯ 14. (Ущерб личности и ущерб собственности)

А. Общие соображения

1. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА «УЩЕРБ ЛИЧНОСТИ И УЩЕРБ СОБСТВЕННОСТИ» КАК ИЗЪЯТИЯ ИЗ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВ

63. Цель проекта статьи 14 заключается в том, чтобы выявить возможные ограничения государственного иммунитета в области, известной в качестве принципа «ущерб личности и ущерб собственности». В данной области предусматривается обязанность какого-либо государства или одного из его органов, учреждений или институтов возмещать убытки или выплачивать денежную компенсацию в результате какого-либо действия или бездействия, которые приписываются этому государству и в результате которых был нанесен «личный ущерб» или физический ущерб отдельному лицу или физический ущерб собственности, не затрагивающий ее стоимости. В рамках судов системы общего права подобный вид оснований для предъявления иска может включаться в раздел о гражданской ответственности. В отношении юрисдикционного иммунитета это понятие может включаться в категорию некоммерческого гражданского правонарушения. В рамках судов с системой гражданского права и других судов подобный раздел может быть озаглавлен — гражданская ответственность за нанесение лицам физического ущерба, приведшего к телесным повреждениям, личному ущербу или смерти или физическому ущербу материальному движимому или недвижимому имуществу в отличие от нарушения прав собственности или клеветы в печати, или других форм диффамации.

64. Нет необходимости вдаваться в тонкости различных международных законодательств по данному вопросу, которые могут охватывать широкую область гражданской ответственности за нанесение физического ущерба лицу или собственности, как, например, небрежность или «зловредность» в рамках системы общего права, когда ущерб причиняется в результате какого-либо действия или бездействия, или в случаях более строгой ответственности за оккупацию земли и недвижимости или ответственности в связи с владением опасными видами животных или в связи с владением или перевозкой опасных веществ. В случаях ответственности без вины иск может предъявляться не только за совершенное неправомерное действие или за ненадлежащее совершение правомерных действий, а также за несовершенное действие, но и за непредупреждение нанесения ущерба. Обязанность соблюдать осторожность может отличаться по норме и качеству в зависимости от степени строгости ответственности, а также степени защиты, преду-

сма­три­вае­мой в ра­мках внут­рен­не­го за­ко­но­да­тель­ства в ин­те­ре­сах по­стра­дав­шей сто­ро­ны, не­за­ви­си­мо от то­го, на­не­се­н ли фи­зи­че­ский уще­рб лич­но­сти или на­не­се­н уще­рб соб­ствен­но­сти. На­не­се­нный уще­рб мо­жет быть ре­зуль­та­том на­ме­рен­но­го дей­ствия или не­бреж­но­сти, или без­дей­ствия, или ха­лат­но­сти, или да­же ре­зуль­та­том пе­на­ме­рен­но­го или слу­чай­но­го акта. Ос­но­ва­ния для пред­ъяв­ле­ния ис­ка, пре­дус­ма­три­вае­мые в ра­мках это­го за­го­лов­ка, или воз­мож­ные сред­ства воз­ме­ще­ния уще­рба, ко­то­рые при­во­дят­ся в ра­мках прин­ци­па «уще­рб лич­но­сти и уще­рб соб­ствен­но­сти», ох­ва­ты­ва­ют ши­ро­кий круг об­сто­я­тель­ств, что при­во­дит к удо­вле­тво­ре­нию ис­ка по­стра­дав­шей сто­ро­ны, вклю­чая не толь­ко по­стра­дав­ших лиц, но так­же, в слу­чае смер­тель­но­го ис­хода, их на­сле­д­ни­ков и иж­д­ив­ен­цев. Что же ка­са­ет­ся слу­чаев на­не­се­ния уще­рба соб­ствен­но­сти, то хо­зяин, по­тре­би­тель или вла­де­лец, или же со­вмес­тные груп­пы лиц, об­ла­да­ю­щих та­ки­ми пра­ва­ми, мо­гут ру­ко­во­д­ство­вать­ся ана­ло­гич­ны­ми ос­но­ва­ния­ми для пред­ъяв­ле­ния ис­ка.

65. По­это­му цель про­ек­та ста­тьи 14 за­клю­ча­ет­ся в том, что­бы огра­ни­чить сфе­ру при­ме­не­ния ю­ри­с­дик­ци­он­но­го им­му­ни­те­та в от­но­ше­нии лич­но­го уще­рба или уще­рба соб­ствен­но­сти, на­не­се­нных в ре­зуль­та­те ка­ко­го­ли­бо дей­ствия или без­дей­ствия, вме­няе­мых ка­ко­му­ли­бо ино­стран­но­му го­су­дар­ству или од­но­му из его ор­га­нов или же од­но­му из его уч­ре­жде­ний или ин­сти­ту­тов. Огра­ни­че­ние дей­ствует в тех слу­ча­ях, ко­гда име­ет­ся го­су­дар­ствен­ный им­му­ни­тет, то есть да­же в тех слу­ча­ях, ко­гда уч­ре­жде­ние или ин­сти­ту­ты ино­стран­но­го го­су­дар­ства вы­сту­па­ют от лица пра­витель­ства это­го го­су­дар­ства, и лишь то­гда, ко­гда лич­ный уще­рб и уще­рб соб­ствен­но­сти на­но­сит­ся на тер­ри­то­рии го­су­дар­ства су­да. Рас­смот­ре­ние во­про­сов, ка­са­ю­щих­ся мас­шта­бов на­не­се­но­го уще­рба или от­да­лен­ной при­чин­ной свя­зи в от­но­ше­нии уще­рба, а так­же ви­дов воз­ме­ще­ния уще­рба в ра­мках раз­лич­ных внут­рен­них за­ко­но­да­тель­ств, вы­хо­дит за ра­мки на­сто­я­ще­го ис­сле­до­ва­ния.

2. ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

66. Во­прос об изъ­я­тии из прин­ци­па «уще­рб лич­но­сти и уще­рб соб­ствен­но­сти» не об­суж­да­ет­ся и да­же не воз­ни­ка­ет в тех слу­ча­ях, ко­гда не мо­жет быть и речи о го­су­дар­ствен­ном им­му­ни­те­те от ю­ри­с­дик­ции су­дов дру­го­го го­су­дар­ства. Кро­ме то­го, во­прос о го­су­дар­ствен­ном им­му­ни­те­те не сле­ду­ет под­ни­мать или, вер­нее, нет не­об­хо­ди­мо­сти в том, что­бы его под­ни­мать, в тех слу­ча­ях, ко­гда ос­но­ва­ния для пред­ъяв­ле­ния ис­ка вы­хо­дят за ра­мки ю­ри­с­дик­ции су­дов, или же в тех слу­ча­ях, ко­гда су­ды, на рас­смот­ре­ние ко­то­рых были пе­ре­да­ны заяв­ле­ния о пред­ъяв­ле­нии ис­ка, не рас­по­ла­га­ют ю­ри­с­дик­ци­ей по смы­слу су­ще­ства

рас­смот­ри­вае­мо­го во­про­са или по тер­ри­то­ри­аль­ным со­об­ра­же­ни­ям, или же не яв­ля­ют­ся ко­мпе­тен­тны­ми в плане рас­смот­ре­ния дан­но­го во­про­са и при­ня­тия ре­ше­ний по не­му по ка­ким­ли­бо дру­гим при­чи­нам. В этой свя­зи сле­ду­ет от­ме­тить, что во избе­жа­ние из­лиш­не­го рас­смот­ре­ния при­чин и пра­во­вых ос­но­ва­ний для ю­ри­с­дик­ции в от­но­ше­нии де­лик­та или гра­ждан­ской от­вет­ствен­но­сти за уще­рб лич­но­сти и уще­рб соб­ствен­но­сти, не­за­ви­си­мо от то­го, был ли он при­чи­нен пред­на­ме­рен­но, умыш­лен­но или по чистой слу­чай­но­сти, со­гласо­ван­ной ос­но­вой или не вы­зы­ва­ю­щей воз­ра­же­ний или со­мне­ния ос­но­вой для от­пра­в­ле­ния пра­во­су­дия, оче­вид­но, яв­ля­ет­ся *locus delicti com­missi*.

67. Не­со­м­нен­но, что в со­от­вет­ствии с нор­ма­ми ме­жду­на­род­но­го част­но­го пра­ва су­ще­ствуют воз­мож­ные про­ти­во­ре­чи­вые кри­те­рии для су­ще­сто­ва­ния ю­ри­с­дик­ции или ос­но­ва­ний для нее в ра­мках рас­смот­ри­вае­мых об­сто­я­тель­ств; к их чис­лу от­но­сят­ся на­ци­о­наль­ность по­тер­пев­ше­го лица, ме­сто, где истец по­тер­пел уще­рб, в от­ли­чие от ме­ста со­вер­ше­ния дей­ствия или без­дей­ствия. Что ка­са­ет­ся уще­рба соб­ствен­но­сти, то ос­но­ва­нием для от­пра­в­ле­ния пра­во­су­дия мо­жет яв­лять­ся фи­зи­че­ское по­ло­же­ние или *situs* не­дви­жи­мой или дви­жи­мой соб­ствен­но­сти, ко­то­рой был на­не­се­н уще­рб, в от­ли­чие от ме­ста со­вер­ше­ния про­ти­во­пра­в­но­го дея­ния или без­дей­ствия или до­пу­ще­ния ха­лат­но­сти или пре­не­бре­же­ния не­об­хо­ди­мой обя­зан­но­стью со­блю­дать ос­то­рож­ность. Пред­став­ля­ет­ся вполне пра­виль­ным и не без ос­но­ва­ния, что в ра­мках на­ци­о­наль­но­го за­ко­но­да­тель­ства и ре­ги­о­наль­ных кон­вен­ций, со­дер­жа­щих по­ло­же­ния в от­но­ше­нии дан­но­го кон­крет­но­го изъ­я­тия, по­сто­ян­но обу­слов­ли­ва­ет­ся осу­ще­ств­ле­ние за­ко­но­вой ю­ри­с­дик­ции, ос­но­ван­ной на *locus delicti com­missi*, и воз­мож­ное и оправ­дан­ное осу­ще­ств­ле­ние по­доб­ной ю­ри­с­дик­ции да­же в от­но­ше­нии уще­рба, на­не­се­но­го в ре­зуль­та­те та­ких ви­дов дея­тель­но­сти, ко­то­рые, как пра­ви­ло, под­па­да­ют под ка­те­го­рию *acta jure imperii*, а так­же так или ина­че в ре­зуль­та­те ви­дов дея­тель­но­сти, ко­то­рые не но­сят ко­мер­че­ско­го ха­рак­те­ра, не­за­ви­си­мо от то­го, клас­сифи­ци­ру­ют­ся они или нет как *acta jure gestionis*. Раз­ни­ца между *jus imperii* и *jus gestionis*, или между дву­мя ви­да­ми дея­тель­но­сти, вме­няе­мы­ми го­су­дар­ству, по всей ви­ди­мо­сти, име­ет лишь не­су­ще­ствен­ное зна­че­ние или вооб­ще не име­ет ни­ка­ко­го зна­че­ния в от­но­ше­нии дан­но­го изъ­я­тия, ко­то­рое пред­на­зна­че­но для то­го, что­бы по­зво­ли­ть в ра­мках обыч­но­го раз­би­ра­тель­ства обес­пе­чить удо­вле­тво­ре­ние ис­ка лица, ко­то­рое по­стра­да­ло в ре­зуль­та­те при­чи­не­ния ему или его умер­ше­му пред­шес­т­вен­ни­ку или его соб­ствен­но­сти фи­зи­че­ско­го уще­рба, что да­ет ос­но­ва­ние для су­деб­но­го прес­ле­до­ва­ния. Ос­но­ва­нием для пред­ъяв­ле­ния ис­ка яв­ля­ет­ся на­не­се­ние или при­чи­не­ние фи­зи­че­ско­го уще­рба, за ко­то­рый от­веч­а­ет ка­ко­е­ли­бо ино­стран­ное го­су­дар­ство; не­смот­ря на то что мес­тные су­деб­ные вла­сти до сих пор неохот­но от­пра­в­ля­ли пра­во­су­дие.

3. ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЮРИСДИКЦИИ ИЛИ ОТКАЗА В ИММУНИТЕТЕ

68. С самого начала следует отметить, что, какой бы ни являлась правовая основа для существования юрисдикции или принятия этой юрисдикции со стороны *forum loci delicti commissi* или применения закона места совершения правонарушения, что не может быть поставлено под сомнение другими коллидирующими нормами права или выбором других применимых законодательств, основу для фактического осуществления юрисдикции в тех случаях, когда действие или бездействие, в отношении которых поступили претензии и которые вменяются какому-либо иностранному государству, нельзя обнаружить в рамках обычного международного права. Можно увидеть, что осуществление юрисдикции не предусматривается в традиционной практике государств в отношении разбирательства, в котором иностранное государство выступает в качестве ответчика. Тем не менее, по всей видимости, в рамках прецедентных законодательств стран, которые недавно приняли национальное законодательство, ограничивающее иммунитет в данной конкретной области, наблюдаются побудительные мотивы для появления тенденции к применению ограничительной доктрины, благодаря которой суды могут осуществлять юрисдикцию в случаях причинения личного ущерба или ущерба собственности на территории государства суда.

69. Можно выдвинуть многочисленные оправдания теоретического характера в поддержку осуществления юрисдикции или в пользу отсутствия государственного иммунитета в подобных условиях. Какой бы ни была деятельность государства, приведшая к личному ущербу и ущербу собственности на территории другого государства, либо в связи с *acta jure imperii* либо в связи с *acta jure gestionis*, факт остается фактом: пострадали ни в чем не повинные лица и им был причинен ущерб, независимо от того, было ли действие или бездействие преднамеренным или непреднамеренным или даже допущенным по небрежности или в результате случайности. Осуществление юрисдикции судом того места, где был причинен ущерб, является, возможно, наилучшей гарантией справедливого и незамедлительного правосудия. В подобных случаях можно рассчитывать на адекватное удовлетворение иска, поскольку суд в действительности является *forum conveniens* или действительно наиболее реальной и подходящей судебной властью, обладающей бесспорным правом осуществлять юрисдикцию и устанавливать или опровергать доказательства ответственности и сумму компенсации. Вопросы, касающиеся причины или отдаленной причинной связи нанесенного ущерба, а также справедливой суммы возмещения или степени нанесенного ущерба, могут быть наиболее эффективно решены компетентным судом того места, где был причинен ущерб и в соответствии с законодательством этого места (*lex loci*).

70. Совершенно очевидно, что обратное является в такой же степени убедительным. Неосуществление юрисдикции в подобном случае может привести к вакууму. В результате этого будет не только ощущаться нехватка в более надлежащем законодательстве, которое следует применять в подобных случаях, но и довольно трудно будет найти более подходящий компетентный суд для рассмотрения подобного дела, в результате чего создается положение, подобное сидению между двумя стульями. Отсутствие компетентной судебной власти, а также применяемого в таких случаях законодательства лишит пострадавшую сторону соответствующих правовых средств защиты и адекватной помощи или возможных средств обращения за помощью, в результате чего пострадавшая сторона будет оставлена на милость иностранного государства, которое, возможно, пожелает, а возможно и нет, выплатить компенсацию либо на добровольной основе, либо *ex gratia*. В интересах обеспечения правопорядка и справедливости необходимо, чтобы по-прежнему имелись в распоряжении обычные правовые средства судебной защиты, независимо от государственного или частного характера ответчика. Это легче сказать, чем претворить в жизнь, поскольку в действительности, как это будет показано ниже, суды настойчиво стремятся ограничить иммунитет в данной конкретной области, основывая свое ограничение на виде деятельности, проводимой соответствующими государственными учреждениями или институтами, или непосредственной связи с государственной деятельностью, которая, можно сказать, является подлинно *jure imperii* в отличие от актов *jure gestionis*. Подобные попытки не привели к достаточно четким и определенным результатам. Поэтому необходимо по-прежнему консультироваться относительно практики государств по данному конкретному вопросу.

71. Какой бы ни была наметившаяся тенденция в практике государств, авторы ограничительных теорий пытаются ограничить и установить рамки для государственных иммунитетов на том основании, что, в частности, гражданская ответственность иностранного государства должна подлежать местной юрисдикции, если был причинен ущерб собственности, были понесены человеческие жертвы или причинен личный ущерб на территории суда. Основная задача заключается в защите пострадавших сторон, которые являются гражданами или жителями государства суда, или иностранцами, или туристами, временно проживающими на территории государства, которое тем не менее обязано предусматривать приемлемые меры правовой защиты в целях безопасности и благополучия находящихся на их территории лиц, а также материального имущества.

72. В большинстве случаев на карту прямо не ставится суверенитет государства, ответственного за ущерб, который был причинен пострадавшему лицу. Государство, ведущее деятельность на тер-

ритории другого государства, обязано уважать внутреннее законодательство и правовые нормы этого государства и полностью соблюдать все основные нормы. В случае преднамеренного или непреднамеренного нарушения местных законов ответственность за выплату компенсации за причиненный ущерб должна сопровождаться фактической выплатой подобной компенсации. В частности, основная ответственность государства в большинстве случаев дорожных происшествий предусматривается в рамках страхового покрытия в соответствии с существующим требованием большинства местных норм в отношении дорожного движения и дорожных правил. Выплату компенсации страховой компании от имени иностранного государства уже никто не рассматривает как публичное оскорбление иностранного государства или принимающего правительства. Все стороны должны быть удовлетворены, включая особенно потерпевших, которые пострадали в результате дорожного происшествия.

73. В рамках области, определяемой как ущерб личности и ущерб собственности, основное внимание уделяется вопросам несчастных случаев со смертельным исходом, ущерба личности или ущерба собственности, такой как средства передвижения, мотоциклы или недвижимые объекты, связанных с дорожными авариями. Тем не менее сфера этой области несколько шире, и она также охватывает такие происшествия, как нападение и избиение, умышленное нанесение ущерба собственности, поджоги и даже убийство, в том числе по политическим мотивам. Правосудие должно не просто отправляться, но и иметь конкретное выражение.

74. В стремлении отправлять правосудие необходимо проявлять осторожность, чтобы основополагающий принцип международного права, а именно принцип государственного иммунитета, не был принесен в жертву без каких-либо достаточных оснований на это и оправдывающих обстоятельств. Хотя в общем плане вполне можно представить ежедневную деятельность государств, которая покрывается страховым полисом в случае пожара или несчастного случая, или других стихийных бедствий, или бедствий, которые вменяются учреждению или институту какого-либо государства, тем не менее не следует исключать возможность того, что по-прежнему существует необходимость в государственном иммунитете, особенно в таких случаях, когда государство осуществляет деяние исключительно в области военного права, как, например, проведение военных операций или военных учений или маневров, а также в случае подавления мятежа, нарушений общественного порядка, гражданской войны или гражданских волнений, которые, как правило, не предусматриваются в рамках страхового покрытия в мирное время.

75. Суверенитету или правительственной власти иностранного государства не бросается вызов в тех случаях, когда подобно любой другой ответственной стороне государство, нанесшее физический ущерб лицам или собственности, призывается к тому, чтобы оказать помощь и содействие пострадавшей стороне. Человечность и сострадание вполне совместимы с государственностью или суверенитетом. Человечность также заслуживает защиты со стороны международного права. Долгом каждого территориального государства является защита неприкосновенности и безопасности отдельного лица и его собственности. Предоставление возможности страховой компании удовлетворить претензии к какому-либо иностранному государству никоим образом не умаляет какого-либо суверенного права или полномочий правительства. Государство с развитой системой социального обеспечения предусматривает меры по обеспечению благополучия и безопасности каждого лица, а также необходимые средства правовой защиты для лиц, которым был причинен личный ущерб. Ответственная сторона, кто бы это ни был, должна также компенсировать ущерб, причиненный материальному имуществу. В этой связи государство является высокоуважаемой и довольно ответственной стороной. И на самом деле здесь не встает вопрос о суверенном равенстве.

В. Практика государств

1. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, ПРЕДШЕСТВОВАВШАЯ НАЦИОНАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

76. До вступления в силу законодательства по этому вопросу в 70-х годах и в принципе до принятия и ратификации международных конвенций об иммунитете государств практика государств в этой области не носила единообразного характера и не являлась последовательной. Изъятие по принципу «ущерб личности и ущерб собственности» является сравнительно малоизвестным в рамках судебных систем, предусматривающих «абсолютный» иммунитет, к числу которых главным образом относятся системы стран общего права, таких как Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Новая Зеландия и другие члены Содружества. Практика социалистических государств в данной конкретной области по существу является неизвестной. В целом имеется мало свидетельств государственной практики, в рамках которой допускается или отклоняется государственный иммунитет в отношении разбирательства, касающегося «ущерба личности и ущерба собственности».

77. Тем не менее следует отметить, что в ряде стран, в которых в рамках судебной практики наблюдается тенденция в пользу менее абсолютного или более ограничительного принципа в от-

ношении государственного иммунитета, предпринимаются попытки, направленные на оправдание осуществления юрисдикции компетентными судами на том основании, что действие или бездействие в данном случае относится к государственными актам *jure gestionis*, но никак не к актам *jure imperii*. С другой стороны, в рамках аналогичных «ограничительных» судебных систем иммунитет признается в тех случаях, когда суды считают, что действия, в результате которых был нанесен ущерб собственности или ущерб личности и в отношении которых поступила жалоба, осуществлялись *jure imperii*.

78. Так, например, в Бельгии по делу *S. A. «Eau, gaz, électricité et applications» c. Office d'aide mutuelle* (1956)⁸³ Апелляционный суд Брюсселя поддержал ссылку на иммунитет: разбирательство касалось имевшего место в марте 1945 года дорожное происшествие с английским военным грузовиком, который вез военнопленных из отпуска. В то время, когда произошло это дорожное происшествие, английские войска участвовали в военных операциях в Бельгии. Суд заявил:

Что касается союзных воюющих сторон, которые вели военные действия на территории Бельгии, то иммунитет от юрисдикции, которым пользуются иностранные государства, действующие *jure imperii*, исключает предъявление к ним иска в рамках бельгийских судов⁸⁴.

79. Апелляционный суд Шлезвига в Федеративной Республике Германии придерживался подобного общего подхода и предоставил юрисдикционный иммунитет по делу *Immunity of the United Kingdom from Jurisdiction (Germany)* (1957)⁸⁵. Истец, являвшийся транспортным подрядчиком, заявил о том, что его здоровью был нанесен ущерб, когда он выполнял работы по контракту, заключавшиеся в сборе и вывозе определенных видов оружия и военных самолетов из советского сектора. Суд установил тесную связь между событиями, которые привели к предъявлению истцом претензий, и исполнением английской армией суверенных функций.

80. В этой связи, следуя ограничительной тенденции, отмечаемой в практике многих государств, египетские суды постоянно признают иммунитет от юрисдикции в отношении актов *jure imperii*. Был отмечен ряд судебных дел, касающихся действий членов вооруженных сил одного иностранного государства в Египте. Суды часто принимали во внимание иммунитет в судебных делах, касающихся несчастных случаев, в результате которых был нанесен ущерб собственности, или касающихся столкновений между частными автомобилями и военными грузовиками, управляемыми должностными лицами иностранного государства при выполнении ими их

государственной обязанности⁸⁶. С другой стороны, египетские суды отказывали в предоставлении иммунитета в отношении преступлений, совершенных членами иностранных вооруженных сил, в тех случаях, когда те не находились «при исполнении служебных обязанностей»⁸⁷. Так, в деле *Guebali v. Colonel Mei*⁸⁸ было принято решение о том, что французская армия не пользуется иммунитетом от гражданской юрисдикции даже в вопросах, связанных с выполнением военной миссии⁸⁹.

81. В состоявшемся совсем недавно разбирательстве, касающемся автодорожного происшествия, которое произошло в результате небрежного управления автомобилем, принадлежавшим одному иностранному государству, австрийский верховный суд вынес разъясняющее решение, основанное на представляющем интерес анализе решающих фактов. Так, в деле *Holubek v. the Government of the United States* (1961)⁹⁰ в защиту обвиняемого выдвигался аргумент, что перевозка почты для посольства и от его имени является осуществлением «суверенного акта» правительством Соединенных Штатов. Австрийский верховный суд, проведя различие между актом *jure imperii* и актом *jure gestionis*⁹¹, постановил,

⁸⁶ См., например, дело *Dame Galila Bassionni Amrane c. G. S. John Esq.* (1932) (*Journal du droit international* (Clinet), Paris, 62e année, 1935, p. 195; *Annual Digest...*, 1931—1932, *op. cit.*, p. 174, case No. 90; *Annual Digest...*, 1933—1934, *op. cit.*, p. 187, case No. 74); ср. более позднее дело *Joseph Aboulebol c. Etat hellénique* (1948) (*The American Journal of International Law*, Washington, D. C., vol. 44, 1950, p. 420), в котором иммунитет, по-видимому, с полным основанием был признан в отношении действий агентов иностранного государства, совершенных не только при исполнении ими служебных обязанностей или миссии, но также при исполнении государственных функций.

⁸⁷ См., например, дело *Ministère public c. Constantin Tsoukharis* (1943) (*Bulletin de législation et de jurisprudence égyptiennes*, Alexandrie, 55e année, 1942—1943, p. 89; *Annual Digest...*, 1943—1945, London, 1949, vol. 12, p. 150, case No. 40); дело *Efstratios Gounaris c. Ministère public* (1943) (*Bulletin de législation et de jurisprudence égyptiennes...*, 1942—1943, p. 156; *Annual Digest...*, 1943—1945, *op. cit.*, p. 152, case No. 41); дело *Manuel Malero c. Ministère public* (1943) (*Bulletin de législation et de jurisprudence égyptiennes...*, 1942—1943, p. 41 et 125; *Annual Digest...*, 1943—1945, *op. cit.*, p. 154, case No. 42). См. также дело *Georges Triandafilou c. Ministère public* (1942) (*The American Journal of International Law*, Washington, D. C., vol. 39, 1945, p. 345).

⁸⁸ *Dame Safia Guebali c. Colonel Mei* (1943) (*Bulletin de législation et de jurisprudence égyptiennes...*, 1942—1943, p. 120; *Annual Digest...*, 1943—1945, *op. cit.*, p. 164, case No. 44).

⁸⁹ См. дело *Hénon c. Gouvernement égyptien* (1947) (*Bulletin de législation et de jurisprudence égyptiennes*, Alexandrie, 59e année, 1946—1947, p. 225; *Annual Digest...*, 1947, London, 1951, vol. 14, p. 78, case No. 28), в котором суд признал иммунитет от юрисдикции агентов иностранного государства в отношении реквизиции виллы по распоряжению одного из министерств этого государства.

⁹⁰ *Juristische Blätter*. Wien, Jahrgang 84, 1962, S. 43; *International Law Reports*, London, 1970, vol. 40, p. 73; решение верховного суда воспроизводится по-английски в *United Nations, Materials on jurisdictional immunities...*, pp. 203—207.

⁹¹ Суд заявил:

Какой-либо акт следует рассматривать как частный

⁸³ *Pasicrisie belge*, Bruxelles, 1957, 2^e partie, p. 88; *International Law Reports*, 1956, London, 1960, vol. 23, p. 205.

⁸⁴ *Pasicrisie...*, p. 89.

⁸⁵ *International Law Reports*, 1957, London, 1961, vol. 24, p. 207.

что тот акт, на основе которого истец представил иск о возмещении ущерба, не представлял собой сбор почты, а являлся управлением обвиняемым автомобилем, и поэтому последний является лишь одним из автомобилистов. На этом основании было отказано в предоставлении иммунитета. Суд отметил:

Поэтому мы должны всегда рассматривать сам акт, совершенный государственными органами, а не его мотивы или цели. Мы всегда должны расследовать совершенный государством акт, в результате которого предъявляется претензия. Вопрос о том, носит ли какой-либо акт частный или суверенный характер, должен всегда решаться в результате проведения судебного разбирательства, то есть с учетом характера совершенного акта или его соответствующей правовой связи⁹².

82. Не комментируя на данном этапе общую применимость подобного мерил или критерия «характера акта» в качестве основы для проведения различия между актами, в отношении которых существует государственный иммунитет, и актами, на которые не распространяется юрисдикционный иммунитет государств, вполне очевидным является то, что комплекс различных сторон и аспектов какого-либо акта, как, например, управление автомобилем или сбор почты, или перевозка дипломатического багажа, можно рассматривать по-разному, под различными углами и с разных точек зрения, что приведет к различным результатам и даже диаметрально противоположным выводам.

2 СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

83. После принятия рядом стран в течение последних примерно 10 лет национального законодательства следует ожидать, что судебная практика в этих странах будет осуществляться в соответствии с их национальными законами. Как будет показано ниже (пункты 86—95), прецедентное право юрисдикционных систем некоторых стран, таких как Соединенные Штаты, Соединенное Королевство, Австрия, Кипр, Пакистан, Канада, Сингапур и Южная Африка, которое в прошлом почти неизменно тяготело к более абсолютной доктрине государственного иммунитета, после введения более ограничительного законодательства об иммунитете, возможно, и в этой конкретной области склонится к ограничительной тенденции.

акт в тех случаях, когда правительство действует через посредство своих учреждений так же, как может действовать частное лицо. Какой-либо акт следует рассматривать как суверенный акт в тех случаях, когда государство исполняет законодательный или административный акт (выносит решение, имеющее обязательный характер). Суверенными актами являются такие акты, в отношении которых отсутствует равенство между сторонами и когда вместо равенства существует зависимость одной стороны от другой (United Nations, *Materials*, p. 205).

⁹² *Ibid.*

84. Одним из уместных случаев, который заслуживает упоминания в этой связи, является решение окружного суда округа Колумбия Соединенных Штатов по делу *Letelier v. Republic of Chile* (1980)⁹³. В сентябре 1976 года бывший посол и министр иностранных дел Чили Орlando Летельер и его помощник Ронни Моффит погибли в Вашингтоне во взорвавшейся машине, где было установлено взрывное устройство. Два года спустя их наследники и личные представители возбудили гражданский иск против Чили, стремясь получить компенсацию за деликтный ущерб, связанный с их смертью⁹⁴. Истцы заявили, что бомба, взорвавшая машину Летельера, была подложена определенными лицами, действовавшими по указанию и при помощи ответчиков: Республики Чили, ее разведывательной службы — Национального разведывательного центра (НРЦ) и некоторых агентов и должностных лиц НРЦ⁹⁵. В предварительном заключении суд заявил, что он обладает предметной юрисдикцией⁹⁶, и также постановил, что закон о суверенных иммунитетах иностранных государств 1976 года⁹⁷, позволяющий иностранному государству претендовать на иммунитет в связи с некоторыми перечисленными некоммерческими деликтами и действиями, основанными на «дискреционных функциях», не обеспечивает защиты от ответственности в тех случаях, когда иностранное государство приказывает своим агентам осуществить вероломное убийство или другие акты политического терроризма в Соединенных Штатах⁹⁸. В своем решении от 5 ноября 1980 года суд присудил наследникам и личным представителям потерпевших компенсацию финансового ущерба в размере приблизительно 4,9 млн. долларов США⁹⁹. Решение по этому делу представляет собой четкий прецедент для присуждения финансовой компенсации против иностранного государства в связи

⁹³ United States of America, *Federal Supplement*, 1980, vol. 488, p. 665. См. по этому поводу интересную статью Н. D. Collums, «The Letelier case: Foreign sovereign liability for acts of political assassinations», *Virginia Journal of International Law*, Charlottesville, Va., vol. 21, 1981, p. 251.

⁹⁴ Истцы выдвинули пять оснований для предъявления иска: 1) заговор с целью лишения жертв их конституционных прав в нарушение статьи 1985 раздела 42 Кодекса законов Соединенных Штатов Америки (1976 год); 2) нападение с нанесением телесных повреждений, приведших к смерти; 3) небрежная перевозка и взрыв взрывчатых веществ; 4) вероломное убийство наследников в нарушение международного права; 5) нападение на Летельера, лица, пользовавшегося международной защитой в соответствии со статьей 112 раздела 18 Кодекса Соединенных Штатов Америки (1976 год), которое явилось непосредственной причиной его смерти и смерти Моффитта (*Federal Supplement*, vol. 488, p. 666).

⁹⁵ Имена отдельных ответчиков *ibid.*, pp. 665—666. Параллельно возбужденные уголовные иски: *United States v. Sepúlveda* (1 августа 1978 года), *United States v. Sampol* (2 апреля и 23 марта 1979 года), *United States v. Diaz* (2 апреля 1979 года), *ibid.*, p. 666, note 1.

⁹⁶ В соответствии со статьями 1330, 1332, пункт a, 1391, пункт f, 1441, пункт d, и 1602—1611 раздела 28 Кодекса Соединенных Штатов Америки (1976 год).

⁹⁷ Раздел 1605, пункт a, 5, A (см. пункт 87, ниже).

⁹⁸ *Federal Supplement*, vol. 488, p. 673.

⁹⁹ См. *Federal Supplement*, 1981, vol. 502, p. 259.

с доказанными актами политического насилия в Соединенных Штатах. В будущем определение вопросов государственного иммунитета, очевидно, будет осуществляться в рамках закона 1976 года, являющегося «единственным и исключительным комплексом норм», а не на основе более традиционных понятий «публичных актов» или актов *jure imperii*, которые были выработаны до 1976 года. Иностранные государства не могут более претендовать на иммунитет в связи с публичными актами, когда имеют место вероломные убийства и другие акты официально санкционированного насилия против лиц на территории Соединенных Штатов¹⁰⁰. Другими словами, закон 1976 года не предоставляет иностранным государствам разрешение или свободу действий для совершения вероломных убийств и других противозаконных актов¹⁰¹.

85. В то же время в других разрешенных делах, в которых суды могли применить в соответствии с разделом 1605, пункт а, 5, закона 1976 года изъятие о некоммерческих деликтах, эти суды заявляли об отсутствии юрисдикции. Так, об отсутствии юрисдикции было заявлено в деле *Yesenin-Volpin v. Novosti Press Agency, Tass Agency and The Daily World* (1978)¹⁰², в котором против двух советских служб прессы был выдвинут иск о диффамации в связи со статьями, которые печатались за границей, однако распространялись в Соединенных Штатах. Суд постановил, что Агентство печати «Новости» является «учреждением или институтом» Советского государства и имеет право на иммунитет¹⁰³. Исключение из иммунитета было невозможным, поскольку иски о диффамации конкретно исключены из этой области общего изъятия¹⁰⁴. Таким же образом в деле *Upton et al. v. Empire of Iran* (1978)¹⁰⁵ суд отказался осуществлять юрисдикцию, ввиду того что обвал крыши здания в 1974 году в аэропорту Тегерана, принадлежащего иранскому правительству, произошел за пределами территории Соединенных Штатов¹⁰⁶. В деле *Carey v. National Oil Corporation* (1978)¹⁰⁷ суд отказался осуществлять юрисдикцию на том основании, что изъятие

из иммунитета в связи с гражданскими правонарушениями неприменимо к искам, влекущим за собой вмешательство в права по контрактам¹⁰⁸. Поэтому дело Летельера является первым случаем применения изъятия из иммунитета в связи с «ущербом личности и ущербом собственности», которое привело к отказу в иммунитете в связи с актом политического убийства. Далеко идущие последствия решения в деле Летельера еще предстоит увидеть в будущей практике судов Соединенных Штатов¹⁰⁹.

3. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

а) Национальное законодательство

86. Поскольку развитие прецедентного права государств в значительной степени предопределяется недавним принятием национального законодательства об иммунитете государств, которое признает общее изъятие «ущерба личности и ущерба собственности», необходимо и целесообразно рассмотреть соответствующие положения этих законодательных актов.

87. Как было ясно показано на примере судебных решений в Соединенных Штатах Америки, в законе о суверенных иммунитетах иностранных государств 1976 года¹¹⁰ содержится интересное и всеобъемлющее положение, которое гласит:

Раздел 1605. Общие изъятия из юрисдикционного иммунитета иностранного государства

а) Иностранное государство не пользуется иммунитетом от юрисдикции судов Соединенных Штатов или штатов в любом случае...

5. не затрагиваемом каким-либо иным образом в пункте 2, выше¹¹¹, в котором изыскивается денежная компен-

¹⁰⁸ В этом деле нью-йоркская корпорация выступала против ливийского правительства и подконтрольной ему национальной и нефтяной компании; нью-йоркская корпорация добивалась получения возмещения за ущерб, причиненный ей аннулированием контрактов на поставку нефти ливийской компанией в результате установления эмбарго на нефть арабскими странами в 1973—1974 годах; это расторжение контрактов со стороны Ливии явным образом носило характер «политического» акта (*ibid.*, pp. 1099—1100). Решение окружного суда было подтверждено, но по другим мотивам, Апелляционным судом второго округа в 1979 году (*per curiam*), (*Federal Reporter, 2d Series*, 1979, vol. 592, p. 673).

¹⁰⁹ См. Collums, *loc cit.* (сноска 93, выше), pp. 263—266. Можно поставить под вопрос правильность разбивки на пять категорий актов чисто политического и публичного характера, принятой в деле *Victory Transport Inc., v. Comisaria General de Abastecimientos y Transportes* (1964) (*Federal Reporter, 2d Series*, 1965, vol. 336, p. 354, особенно стр. 360, и *International Law Reports*, London, 1967, vol. 35, p. 110).

¹¹⁰ См. сноску 66, выше.

¹¹¹ «2) в котором действие основано на коммерческой деятельности, осуществляемой в Соединенных Штатах иностранным государством; или на действии, совершенном в Соединенных Штатах в связи с коммерческой деятельностью иностранного государства в любом месте; или на действии, совершенном за пределами территории Соединенных Штатов в связи с коммерческой деятельностью иностранного государства в любом другом месте, и это действие вызывает непосредственные последствия в Соединенных Штатах».

¹⁰⁰ Некоторые другие случаи политических убийств и террористических актов см., например, *Time*, vol. 116, No 5, 4 August 1980, p. 36; и *Newsweek*, 19 May 1980, p. 38.

¹⁰¹ См. сноску 98, выше.

¹⁰² *Federal Supplement*, 1978, vol. 443, p. 849.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 854 (цитируется статья 1603, пункт b, Foreign Sovereign Immunities Act).

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 855. Суд также постановил, что изъятие из иммунитета в силу «коммерческой деятельности» в соответствии со статьей 1605, пункт а, 2, также неприемлемо, поскольку рассматривавшаяся деятельность носила «публичный или правительственный», а «не коммерческий» характер.

¹⁰⁵ *Federal Supplement*, 1979, vol. 459, p. 264.

¹⁰⁶ Суд отметил, что небрежность обвиняемого, если бы таковая и имела место, привела бы лишь к «косвенному ущербу в Соединенных Штатах» (*ibid.*, pp. 265—266). Решение подтверждено апелляционным судом в 1979 году (*Federal Reporter, 2d Series*, 1980, vol. 607, p. 494).

¹⁰⁷ *Federal Supplement*, 1978, vol. 453, p. 1097.

сация со стороны иностранного государства за личный ущерб или смерть или ущерб или потерю собственности, происшедшие в Соединенных Штатах и вызванные противоправным действием или бездействием этого иностранного государства или любого должностного лица или служащего этого иностранного государства при исполнении его должностных или служебных обязанностей; однако настоящий пункт не применяется:

- А) к любому иску, основанному на осуществлении или использовании или неосуществлении или неиспользовании дискреционной функции, независимо от того, имело ли место злоупотребление этим дискреционным правом, или
- В) к любому иску, возникающему в результате злонамеренного судебного преследования, злоупотребления процессом, диффамации, клеветы, искажения фактов, обмана или вмешательства в права по контракту.

88. Более краткое и менее подробное положение содержится в законе об иммунитете государств 1978 года Соединенного Королевства (State Immunity Act, 1978)¹¹². Раздел 5 этого закона гласит:

Изъятия из юрисдикционного иммунитета

...

5. Государство не пользуется иммунитетом в отношении судебного разбирательства, связанного

- а) со смертью или личным ущербом; или
- б) с ущербом или потерей материальной собственности, вызванными действием или бездействием в Соединенном Королевстве.

89. Весьма похожее, если не идентичное, положение можно найти в более недавнем законодательстве стран Азии, южной части Африки и Северной Америки, пользующихся обычным правом или принадлежащих к Содружеству, в частности в разделе 7 сингапурского закона об иммунитете государств 1979 года (State Immunity Act, 1979)¹¹³, в разделе 6 южноафриканского закона об иммунитете иностранных государств 1981 года (Foreign States Immunities Act, 1981)¹¹⁴ и в разделе 6 канадского закона об иммунитете государств 1982 года (Canadian State Immunities Act, 1982)¹¹⁵. Интересно отметить, что в этой связи канадский закон точно соответствует формулировке английского закона, однако в отношении «договоров о найме» английское решение в нем не было принято. С другой стороны, пакистанский декрет об иммунитете государств 1981 года (State Immunity Ordinance, 1981)¹¹⁶ не включает смерть, ущерб личности и ущерб собственности как общее изъятие из государственного иммунитета. Поскольку считалось, что практика общего права, особенно в Соединенном Королевстве, благоприятствовала наиболее общему принципу государственного иммунитета, это относительно резкое изменение позиции существенно отражается на законодательной и су-

дебной практике других юрисдикций обычного права во всем мире.

90. Следует далее отметить, что национальное законодательство, касающееся государственного иммунитета, обязательно затрагивает вопрос о сфере применения и объеме предметной юрисдикции. Так, в то время как английский закон 1978 года основывает юрисдикцию на *locus delicti commissi*, подобные же законы в других юрисдикционных системах общего права содержат нечто большее, чем незначительные отклонения. Представляется, что сингапурский закон 1979 года и южноафриканский закон 1981 года следуют этому принципу в отношении места совершения действия или бездействия на территории государства суда, канадский же закон, с другой стороны, основывает юрисдикцию на месте смерти или потери собственности или нанесения ущерба лицу и собственности в Канаде. Законодательство Соединенных Штатов, более сходное с канадским законодательством, очевидно, делает больший упор на место нанесения «личного ущерба или смерти или ущерба или потери собственности» в Соединенных Штатах в результате действия или бездействия «иностранного государства или любого должностного лица или служащего этого иностранного государства при исполнении его должностных или служебных обязанностей». Законодательство Соединенных Штатов некоторым образом определяет ответственности на счет иностранного государства за действие или бездействие его должностного лица или служащего. Это общее изъятие в свою очередь является предметом многих изъятий в отношении причин действия, которые в других юрисдикциях вряд ли будут основываться на физическом ущербе лицу или собственности или на смерти или потере собственности. Представляется, что конечный результат будет в значительной степени аналогичным, если фактически не таким же самым, поскольку трудно себе представить возможность нанесения физического ущерба лицу или собственности в результате какого-либо другого действия или бездействия, помимо преднамеренного, небрежного и случайного. Рассматриваемая область охватывает физический ущерб лицу, который может послужить причиной смерти или нетрудоспособности или других телесных повреждений, и физический ущерб материальной собственности или материальному наследуемому имуществу, в отличие от нематериальных прав, и даже полную потерю или разрушение такой материальной собственности. По своему определению, эта область исключает диффамацию, дискредитацию и клевету, однако, вероятно, включает более строгую ответственность съемщиков недвижимой собственности, владельцев опасной собственности и владельцев животных, во всяком случае в отношении физического ущерба или ущерба собственности, являющегося результатом нарушения строгого обязательства о попечении.

¹¹² См. сноску 65, выше.

¹¹³ См. сноску 68, выше.

¹¹⁴ См. сноску 70, выше. Здесь используется выражение «*tangible property*» (материальная собственность).

¹¹⁵ См. сноску 67, выше.

¹¹⁶ См. сноску 69, выше.

91. Хотя нынешняя практика государств, которые приняли законодательство, ограничивающее иммунитет в этой конкретной области, еще только зарождается и будет развиваться в дальнейшем, следует предположить, что другие государства, которые ратифицировали международную конвенцию, содержащую подобные ограничения, будут обязаны применять ограничительную практику также и в этой конкретной области. Так, можно считать, что Австрия, Бельгия и Кипр приняли решение об ограничении государственного иммунитета в этой конкретной области¹¹⁷.

b) Международные конвенции

i) Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств

92. В Европейской конвенции 1972 года об иммунитете государств¹¹⁸, вступившей в силу между Австрией, Бельгией и Кипром 11 июня 1976 года в соответствии с пунктом 2 статьи 36, содержится следующее положение:

Статья 11

Договаривающееся государство не может требовать иммунитета от юрисдикции другого договаривающегося государства в разбирательстве, которое связано с возмещением физического ущерба лицу или ущерба материальной собственности, если действие, причинившее физический или материальный ущерб, имело место на территории государства суда и если лицо, нанесшее физический или материальный ущерб, находилось на этой территории в момент совершения этого действия.

93. Это положение позволяет также определить или делимитировать основания для предъявления иска, которые ограничиваются физическим ущербом лицу или материальной собственности; необходимо отметить, что *locus delicti commissi* находится на территории государства суда. Территориальная юрисдикция в отношении совершения действий, нанесших физический или материальный ущерб, усиливается также в результате наличия еще одного территориального требования, в соответствии с которым лицо, совершившее или же не совершившее действие, будь это должностное лицо или сотрудник иностранного государства, к которому применимы положения об ответственности, должно было физически присутствовать на территории в тот момент, когда такое действие или бездействие имело место. Это двойное требование позволяет государству суда получить прочные основания для применения общепризнанной юрисдикции и осуществлять ее даже в случае разбирательства, затрагивающего иностранное государство.

¹¹⁷ Государства, ратифицировавшие Европейскую конвенцию 1972 года об иммунитете государств (см. сноски 73, 74 и 75, выше).

¹¹⁸ См. сноску 39, выше.

ii) Проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств

94. Последствия статьи 11 Европейской конвенции 1972 года во всех их аспектах пока еще не подвергались оценке с точки зрения практики государств, ратифицировавших и осуществляющих ее, однако в национальных законодательствах государств, поддерживающих ограничительный принцип в этой области, уже существуют многочисленные положения на этот счет. В качестве примера региональных усилий, направленных на закрепление этой ограничительной тенденции, можно привести последний проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств (1983 год)¹¹⁹. Одно из положений этого проекта гласит:

Статья 6

Государства не заявляют об иммунитете от юрисдикции в случае:

...
е) разбирательства, касающегося утраты и ущерба или ответственности за причинение вреда, связанной с деятельностью, упомянутой в пункте 1 статьи 5.

95. В пункте 1 статьи 5 проекта межамериканской конвенции предусматривается, что

государства не заявляют об иммунитете в отношении исков, касающихся торговой или коммерческой деятельности, предпринимаемой в государстве суда.

Согласно этому положению, отправным моментом предметной юрисдикции также является место, где в пределах государства суда произошла утрата или был нанесен ущерб. Кроме того, исковая сила ограничивается в нем ответственностью за причинение вреда, связанной с торговой или коммерческой деятельностью, предпринимаемой иностранным государством на территории государства суда. Если попытаться уточнить вышесказанное, то *locus delicti commissi*, как представляется, может служить приемлемым в международном масштабе критерием для допущения юрисдикции, а также соответствующей основой для ее возможного осуществления, если речь идет о том, чтобы общее изъятие из иммунитета государств получило в их будущей практике всеобщее признание.

4 МНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

96. Хотя проводить анализ мнений правоведов в отношении непосредственно этой области «нанесения физического ущерба личности или материального ущерба собственности» как изъятия из иммунитета государств пока еще преждевременно, тем не менее можно сделать вывод о том, что

¹¹⁹ См. сноску 77, выше.

современные авторы, неизменно выступающие за ограничительную тенденцию, как представляется, все больше сходятся в своих взглядах. Как в этой, так и в других конкретных областях, где были приняты законодательные документы и региональные конвенции, ограничивающие иммунитет государств, правоведы могут без труда найти основания для такого ограничения. Если государство того пожелает, оно может принять законодательство, регулирующее иммунитеты иностранных государств, с перечислением действий, связанных с признанием местной юрисдикции¹²⁰. Существует, однако, серьезная опасность того, что изменения в области права не обязательно будут следовать этой или аналогичной схеме, если государства будут склонны принимать свои национальные законодательства без учета разрабатываемых международных норм. Даже региональные конвенции, применяемые исключительно среди договаривающихся государств, могут обусловить возникновение ограничительных принципов для третьих государств, после того как участвующие страны перейдут к осуществлению своих обязательств по региональному договору, принимая национальные законодательства, которые так или иначе будут применимы также и к иностранным государствам, в том что касается осуществления территориальной юрисдикции или предметной юрисдикции, тесно связанной с территорией государства суда или обусловливаемой широкими контактами с государством территории.

97. Эта ограничительная тенденция явно прослеживается в проектах статей конвенции об иммунитете государств, подготовленных Ассоциацией международного права на ее Конференции 1982 года¹²¹, являющейся своего рода международным форумом юристов, представляющих самые различные социальные и правовые системы всех районов мира. Особого внимания заслуживает то, что поддержка ограничительной тенденции непосредственно в этой области носит коллективный характер. Так, в проекте предусматривается:

Статья III. Изъятие из иммунитета от судебного разбирательства

Иностранное государство не обладает иммунитетом от юрисдикции государства суда предпринимать судебное разбирательство в следующих случаях:

...

- Г. Когда основание для предъявления иска связано с:
1. смертью или нанесением физического ущерба личности; или
  2. нанесением ущерба собственности или ее утратой.

¹²⁰ См., например, цитированные выше труды следующих авторов: Мапп (сноска 79), Brownlie (сноска 80) и Sinclair (там же).

¹²¹ См. сноску 81, выше.

Подразделы 1 и 2 не применяются, если действие или бездействие, явившиеся причиной смерти, физического или материального ущерба, не имели места полностью или частично в государстве суда.

...

98. Предметная юрисдикция, таким образом, очевидно, связана с *locus delicti commissi*. Преследуемая здесь цель состоит не столько в том, чтобы регулировать вопросы коллизии права или юрисдикций в рамках международного частного права, сколько в том, чтобы обеспечить в международном публичном праве соответствующее основание, а также приемлемую международную норму для осуществления территориальной юрисдикции государством суда в разбирательстве, направленном против иностранного государства в этой конкретной области.

5. НАМЕТИВШАЯСЯ ТЕНДЕНЦИЯ

99. В условиях дальнейшего укрепления мнения правоведов и расширения практики государств, склоняющихся к осуществлению юрисдикции при наличии соответствующей предметной юрисдикции в разбирательствах против иностранных государств, связанных с нанесением физического ущерба личности и ущерба собственности, все более отчетливо проявляется формирующаяся тенденция к обеспечению судебной защиты лиц в связи с нанесением им физического ущерба или же с утратой принадлежащей им собственности или причинением ей вреда. Проблема, стоящая перед международным сообществом, заключается не столько в том, чтобы сузить или ограничить применение иммунитета государств, сколько в том, чтобы найти пути, позволяющие обеспечивать осуществление территориальной юрисдикции в общепризнанной области. Формирующаяся тенденция может привести к путанице и беспорядку, если международное сообщество не вмешается на этом этапе, каким-либо образом укажет и определит то, что может быть необходимо для согласования и переориентации этой тенденции в нужном направлении с получением более благоприятных результатов для всех заинтересованных сторон, суверенных иностранных государств, а также потерпевших индивидуумов.

С. Формулировка проекта статьи 14

100. В рамках усилий, направленных на то, чтобы разработать проект статьи, содержащей это общее изъятие, надлежащее место должна занять складывающаяся в международных консультативных заключениях тенденция, отражающая все расширяющуюся практику государств, как юридическую и законодательную, так и правительственную. В этой связи, вероятно, необхо-

димо достаточно точно охарактеризовать некоторые основные элементы. Рассматриваемая область четко охватывает «ущерб личности», включая потерю жизни или физический ущерб или телесные повреждения, нанесенные лицу, а также «ущерб собственности», включая утрату или полное уничтожение материальной собственности. Из факта существования различных видов физического ущерба, нанесенного лицу или собственности, следует, что основания для предъявления иска могут быть обусловлены любой деятельностью, предпринимаемой иностранным государством или одним из его органов, учреждений или институтов в рамках государства суда. Точно так же очевидным представляется и то, что нанесение ущерба личности или физического ущерба собственности может быть намеренным или случайным или же являться результатом небрежного или неосторожного поведения и может вести к возникновению ответственности иностранного государства либо в связи с гражданским правонарушением, обычно рассматриваемым в таких случаях в рамках юрисдикций общего права, например нападением, избиением, небрежностью или дорожным происшествием, либо в связи с каким-либо другим гражданским иском, предъявленным вследствие нанесения ущерба личности или собственности. Нанесение ущерба репутации или же клевета не рассматриваются как ущерб личности в физическом смысле, точно так же как препятствие осуществлению договорных прав или каких-либо других прав, включая экономические или социальные права, не может рассматриваться как ущерб материальной собственности. Здесь также необходимо четко указать территориальную связь, с тем чтобы не наделять государство суда экстерриториальной юрисдикцией, то есть распространяющейся за пределы установленного предметной юрисдикцией, с целью обеспечить средство защиты для возмещения ущерба личности или ущерба собственности, поскольку такие средства в государстве суда в распоряжении не имеются.

101. Статью 14 можно было бы сформулировать следующим образом:

**Статья 14. Ущерб личности
и ущерб собственности**

При отсутствии соглашения об ином государство не обладает иммунитетом от юрисдикции судов другого государства в отношении разбирательства, касающегося ущерба личности или смерти или ущерба материальной собственности или ее утраты, если действие или бездействие, явившиеся причиной ущерба личности или ущерба собственности в государстве суда, имели место на этой территории, и лицо, нанесшее ущерб личности или ущерб собственности, находилось на ней в то время, когда это произошло.

**СТАТЬЯ 15. (Право собственности, владение
и пользование собственностью)**

А. Общие соображения

**1. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ «ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ,
ВЛАДЕНИЯ И ПОЛЬЗОВАНИЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ»
КАК ИЗЪЯТИЯ ИЗ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВ**

102. Как это видно из пункта 3 статьи 7 части II (Общие принципы), «разбирательство в суде государства должно рассматриваться как направленное против другого государства, поскольку это разбирательство имеет в виду лишить это другое государство его собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет»¹²². Таким образом, здесь допускается ссылка на иммунитет государства, даже если разбирательство не направлено непосредственно против иностранного государства, а лишь имеет в виду лишить это государство его собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет. На данном этапе, не касаясь вопроса об иммунитете государства в отношении его собственности от конфискации или исполнительного производства, достаточно лишь отметить, что государство обладает иммунитетом, если разбирательство затрагивает его право собственности или если таким образом оказывается затронутым пользование собственностью, которой оно владеет или управляет.

103. Юрисдикционный иммунитет государства в отношении его права собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет, является признанным в качестве общего принципа. Цель настоящего проекта статьи заключается в том, чтобы определить и очертить рамки его применения. Конечно, возможность разбирательства, имеющего в виду лишить иностранное государство его собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет, в целом будет вследствие применения принципа государственного иммунитета исключаться. Однако здесь существуют различные категории обстоятельств или случаев, в которых разбирательство будет допустимым, даже если оно может затрагивать право собственности, на которое будет ссылаться иностранное государство, или же пользование собственностью, которой это государство владеет или управляет.

104. Прежде всего может быть предпринято такое разбирательство, которое касается собственности иностранного государства или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет и которая находится на территории государства суда, если оно не имеет в виду лишить иностранное государство его права собственности или же пользования ею, а направлено лишь на то,

¹²² См. сноску 12, выше.

чтобы надлежащим образом зарегистрировать документы о передаче правового титула на собственность или же установить факт наличия или добиться регистрации сервитутов или залога или других сборов, связанных с этой собственностью.

105. Для целей объявления иммунитета государством в разбирательстве, касающемся его права собственности или пользования собственностью, которой оно владеет или управляет, государству может потребоваться доказательство наличия прав, что может охватывать либо право собственности, либо право на пользование собственностью, наряду с фактическим владением ею или эффективным контролем над ней. Одно лишь доказательство в настоящее время является недостаточным для установления юрисдикционного иммунитета в подобном случае, если право собственности государства или его право на пользование собственностью не признается сторонами, участвующими в споре, или если государство не может представить *prima facie* свидетельства правового титула или подтверждение ссылки на имеющиеся права. Пока такие ссылки на имеющиеся права не подтверждены, суд может осуществлять юрисдикцию, но, как только устанавливается право собственности государства или подтверждается его право на пользование собственностью, в силу вступает общий принцип иммунитета государств, и судебное разбирательство может быть возобновлено, лишь если на него по-прежнему распространяется действие одного из изъятий, содержащихся в части III. Что касается собственности, то здесь речь идет об очевидном изъятии, которое должно найти свое отражение в рассматриваемом проекте статьи 15. Сфера действия и применение этого важного освященного временем изъятия определяется более четко после проведения более подробного изучения и анализа связанных с этим важных вопросов.

2. ПРЕОБЛАДАЮЩАЯ ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА SITUS — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР

106. Один из важных аспектов *par in parem impregium non habet* отражен в положении о том, что внетерриториальной власти не может принадлежать право осуществлять *impregium* в рамках *territorium* другого суверенного государства, если, конечно, территориальный суверен не дал очевидного согласия на такое осуществление, которое должно быть весьма ограниченным с точки зрения времени и масштабов. В противном случае неограниченная уступка в осуществлении внетерриториальной суверенной власти будет сопряжена с ущербом самому существованию территориального суверенитета. Поэтому общепризнанная суверенная власть в отношении лиц и собственности, находящихся или присутствующих на территории государства, должна при-

надлежать самому государству территории. Таким образом, право государства территории вести дела, принимать законы или разрешать споры, касающиеся лиц или собственности в рамках границ его территории, не может оспариваться никаким другим государством. Никто не может оспаривать осуществление территориальной юрисдикции над лицами и собственностью в рамках признанной основы и в соответствии с другими принципами международного права, такими как режим в отношении иностранцев, принцип недискриминации или права человека.

107: Что касается собственности, особенно недвижимой собственности, то государство *situs* осуществляет в этом отношении верховную власть как неотъемлемую часть своего суверенитета. Действительно, концепция собственности и других прав собственности может существовать лишь в рамках правовой системы *situs* и она неизбежно становится в своей основе составляющей понятия территориального суверенитета самого государства *situs*. Это, как представляется, выдвигает закономерную норму международного права, что позднее покажет индуктивный подход, избранный в рамках данного исследования (ниже, пункты 116—137).

108. Хотя осуществление государством суверенной власти в отношении своих граждан и должностных лиц, учреждений или институтов при проведении ими деятельности за границей или на территории другого государства является возможным, подобный контроль или власть, основанные на национальном характере или личном качестве, практически отсутствуют, если речь идет о собственности, находящейся за пределами его территориальных границ, особенно если данная собственность, как движимая, так и недвижимая, находится на территории другого государства. Государство имеет право требовать от своих граждан уплаты налогов или выполнения традиционных национальных функций, однако оно не может рассчитывать на то, чтобы распространить аналогичную власть, законодательную, административную или даже юридическую, на собственность, находящуюся за пределами действия его территориальной власти. Это представляется тем более справедливым, если собственность находится на территории другой суверенной власти, не говоря уже о тех случаях, когда речь идет о недвижимой собственности, подпадающей под действие *lex situs* и территориального суверенитета местного суверена. Преобладающая власть государств *situs* является решающим фактором в определении вопроса об имеющейся юрисдикции.

3. ПРИОРИТЕТ LEX SITUS — ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ

109. Если власть государства, в котором находится предмет иска, доминирует в любом случае или в большинстве случаев, когда наблю-

дается перекрещивание или совпадение и даже коллизия юрисдикций, это, по всей видимости, является еще одним основанием для доминирования или примата власти государства территории. Несомненно, что в данном случае будет применяться *lex situs*, поскольку наиболее приемлемым законом является закон той страны, в которой находится сама собственность. Более того, режим или правовая взаимосвязь в отношении земли или недвижимой собственности с ее особой историей, своими тонкостями и сложностями развивались в соответствии с потребностями общества территории, его традициями, привычками и обычаями. Каждая система земельного права или права, касающегося недвижимой собственности, является единственной в своем роде. Ее исключительная сфера применения не может оспариваться, поскольку собственность и другие имущественные права или интересы не могут существовать и не существуют за пределами рамок и сферы действия *lex situs*. Доминирование *lex situs* и его исключительное применение в отношении собственности неизбежно привели к установлению и осуществлению территориальной юрисдикции суда той страны, где находится предмет иска (*forum rei sitae*); при отсутствии какой-либо альтернативной или противоречащей системы права ни закон своей страны (*lex patriae*), ни закон другой страны, где происходит судебное разбирательство (*lex fori*), не могут заменять или отменять ни юрисдикцию *forum rei sitae*, ни исключительную сферу применения *lex situs*.

110. Ввиду явного приоритета территориальной юрисдикции и исключительной сферы применения внутреннего права, регулирующего правовые отношения, касающиеся собственности, особенно недвижимой, а также в значительной степени движимой собственности, это исключение уже давно признается и допускается в практике государств. Государства не пользуются иммунитетом от юрисдикции судов другого государства в отношении разбирательства, касающегося некоторых видов или категорий дел, связанных с применением внутреннего права государства, в котором находится предмет иска. Во всяком случае *forum rei sitae* является наиболее подходящим судом, компетентным применять внутреннее право государства, в котором находится предмет иска. Права и интересы иностранного или «экстерриториального» государства в отношении собственности, расположенной в пределах территории того государства, где находится предмет иска, могут признаваться лишь в соответствии с внутренним правом государства территории. Если внутреннее право является доминирующим и иностранные государства могут пользоваться правами и интересами только в силу осуществления внутреннего права государства в котором находится предмет иска, и с помощью судебной власти этого государства, единственно разумным решением является признание определяющей или

решающей власти государства территории. Можно утверждать, что «экстерриториальное» государство отказалось от иммунитета или само признало юрисдикцию государства территории, когда вопросы прав на собственность в пределах того государства, где находится предмет иска, должны решаться судебной властью или местным сувереном и когда единственным применимым законом является внутреннее право (*lex situs*).

111. Альтернативные решения или настойчивые ссылки на принцип иммунитета государств привели бы лишь к хаосу и абсурдной ситуации. Возник бы правовой вакуум, поскольку права и интересы «экстерриториальной» власти не будут иметь правовой основы без признания и соблюдения ею внутреннего права государства территории. Фактически это является точным и правильным применением принципа *par in parem jurisdictionem non habet*. «Экстерриториальное» государство неправомочно вводить новую правовую систему в пределах территориальных рамок другого суверенного государства. Отсюда следует, что единственным внутренним законом, который доминирует при таких обстоятельствах, является закон той страны, в которой находится предмет иска. При необходимости такую исключительную ситуацию можно рассматривать с точки зрения другого государства или «экстерриториальной» власти как изъятие из его в ином случае действенного иммунитета от юрисдикции.

4. ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВ НА СОБСТВЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ В СОТВЕТСТВИИ С ВНУТРЕННИМ ПРАВОМ ГОСУДАРСТВА, В КОТОРОМ НАХОДИТСЯ ЭТА СОБСТВЕННОСТЬ

112. Если государство приобретает собственность в форме прав владения или других имущественных прав и эта собственность, будь то движимая или недвижимая, расположена на территории другого государства, приобретение такой собственности возможно лишь в силу применения внутреннего права или частного права того государства, где расположена эта собственность. Другое государство или «экстерриториальное» государство, являясь иностранным, должно полностью признавать и соблюдать местное или территориальное внутреннее законодательство, которое безусловно регулирует правовую взаимосвязь между иностранным государством и приобретенной таким образом собственностью. Нарушение норм внутреннего права государства, в котором находится эта собственность, представляет собой утрату юридических прав на собственность в соответствии с действующей системой. Это относится в первую очередь к недвижимой собственности, которая не может менять своего местоположения, в то время как движимая собственность может быть вывезена с той территории, где она находилась, и регулироваться другой систе-

мой внутреннего права. Во всяком случае внутреннее право государства, в котором находится собственность, регулирует вопросы приобретения и утраты собственности, включая правовой титул и другие имущественные права.

113. В соответствии с внутренним правом государства, в котором находится собственность, эта собственность может приобретаться различными способами, например путем купли-продажи, на основании права приобретательной давности, или *usucapio longi temporis*, путем наследования по завещанию или при отсутствии завещания уступки прав или передачи бесхозяйного имущества. Таким образом, вопросы правового титула, владения и других имущественных прав решаются главным образом на основании внутреннего права того государства, в котором находится собственность.

114. Кроме того, именно судебная власть по месту нахождения собственности представляется полностью компетентной применять *lex situs*, и именно в силу полномочий суда той страны, в которой находится предмет иска (*forum rei sitae*), решаются вопросы или споры, касающиеся правовых титулов, владения или приобретения собственности. При разбирательстве, касающемся установления прав владения или других имущественных прав, таких как траст-фонд, недвижимая собственность или банковские счета, стороны, заинтересованные в определении их прав или их *legitima portio* (законной доли), добровольно являются в суд. Здесь отсутствует элемент принуждения или, как гласит старое английское выражение, «привлечения к суду иностранного суверена против его воли». Если иностранное государство вмешивается в разбирательство или выступает в качестве третьей стороны, оно делает это на добровольной основе, поскольку такое расследование часто не направлено против какой-либо из сторон, а лишь имеет целью определить характер и объем правовых интересов всех затрагиваемых сторон. Если иностранное государство соглашается на участие в разбирательстве и на вынесение судом решения по вопросу о его правах и правовых титулах в соответствии с внутренним правом государства, в котором находится предмет иска, иностранное государство свободно поступать таким образом или быть представленным в компетентном суде. Если, однако, иностранное государство не считает необходимым или обязательным поступать таким образом, оно может отказаться от участия в разбирательстве, рискуя при этом утратить свой законный правовой титул или собственность.

115. Что касается движимого имущества, то существуют различные виды собственности, которые могут ввозиться на территорию другого государства или вывозиться за ее пределы. В настоящее время уже недостаточно, чтобы иностранное государство попросту заявило о своем

правовом титуле, и от него может потребоваться представление свидетельств для доказательства правового титула или установления его владения или собственности или его права на использование. Это приобретает еще большую важность в случае, если данная собственность является морским или воздушным судном, вертолетом или космическим кораблем или даже спутником связи или космической лабораторией. Хотя существуют специальные режимы международного публичного права, регулирующие многие из этих вопросов, такие как ответственность запускающего государства за нанесенный ущерб и обязательство возвращать космические объекты¹²³, более реальные и важные вопросы правовых титулов, прав и интересов собственности в соответствии с внутренним правом по-прежнему решаются в каждой конкретной ситуации судом, обладающим признанной компетенцией, который в большинстве случаев, даже в отношении движимой собственности, по-прежнему является судом *forum sitae*, то есть судом государства, на территории которого эта собственность расположена или находится во время разбирательства.

В. Практика государств

1. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

116. Судебная практика в области «права собственности, владения и пользования собственностью» в качестве изъятия из иммунитета государств хорошо известна. Именно в этой связи можно выделить зону, в которой встречается значительно меньше спорных случаев изъятия из иммунитета государств. По причинам, которые явствуют из вышеприведенных общих соображений, государственная практика, по-видимому, подтверждает, что иммунитет не учитывается при разбирательстве судом государства, в котором находится данная собственность, дел о владении этой собственностью и ее приобретении или правовом титуле на нее в соответствии с внутренним правом этого государства.

117. Прямым подтверждением этого является решение окружного токийского суда по делу *Limbin Hteik Tin Lat v. Union of Burma* (1954)¹²⁴. Это разбирательство было связано со спором в отношении правового титула на участок земли в Токио. Суд постановил, что Япония обладает юрисдикцией и что суд компетентен вести разбирательство, в котором ответчиком является иностранное государство. Суд указал:

¹²³ См. Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (United Nations, *Treaty Series*, vol. 961, p. 196).

¹²⁴ *International Law Reports*, London, 1966, vol. 32, p. 124; воспроизводится в United Nations, *Materials on jurisdictional immunities...*, pp. 339—340.

На государство не распространяется осуществление власти другого государства и, таким образом, не распространяется юрисдикция другого государства в вопросах гражданского иска. Это необходимо отметить в качестве общепринятого принципа международного права. Однако в иске, касающемся недвижимости, широко признается тот факт, что исключительная юрисдикция принадлежит государству, в котором находится собственность, и поэтому необходимо указать, что иностранное государство может быть подчинено юрисдикции другого государства¹²⁵.

118. Точное изложение прецедентного права Англии было дано начальником архивов канцлерского суда лордом Деннингом при рассмотрении дела *Thai—Europe Tapioca Service Ltd. v. Government of Pakistan, Ministry of Food and Agriculture, Directorate of Agricultural Supplies* (1975)¹²⁶ в его решении, подтверждающем ограничительную теорию, предложенную им при рассмотрении дела *Rahimtoola v. Nizam of Hyderabad* (1957)¹²⁷. Выразив свое согласие с основным принципом, заключающимся в том, что «в случае отсутствия согласия суды этой страны не будут возбуждать судебного разбирательства, для того чтобы поддержать иск, предъявленный иностранному суверену, о возвращении долгов или возмещении убытков», лорд Деннинг изложил четыре существующих в прецедентном праве Соединенного Королевства исключения:

Иммунитет отсутствует, во-первых, в отношении земли, находящейся в Англии;

во-вторых, в отношении капиталов, переданных в доверительное управление Англии, или денежных средств, предназначенных для расплаты с кредиторами;

в-третьих, в отношении долгов, возникших в Англии в связи с услугами, оказанными ее собственностью в этой стране;

в-четвертых, когда иностранные суверены вступают в коммерческую сделку с торговцем в Англии и возникает спор, который должным образом подпадает под юрисдикцию английских судов¹²⁸.

119. Неоспоримая обоснованность высказываний и замечаний лорда Деннинга была признана даже за пределами Соединенного Королевства¹²⁹. Что касается ранее рассмотренного

¹²⁵ Суд также указал:

«...недвижимость является объектом, на который преимущественно распространяется территориальный суверенитет государства ее местонахождения, и этот факт считается столь же заслуживающим внимания, как и любой вопрос международной вежливости; поэтому уже давно признается, что иск, непосредственно затрагивающий недвижимость, подпадает под исключительную юрисдикцию государства, на территории которого она находится. Поэтому необходимо отметить, что этот принцип признается в качестве применимого в исках, стороной в которых является иностранное государство, а также в исках, стороной в которых является частное лицо».

¹²⁶ *The All England Law Reports, 1975, vol. 3, p. 961.*

¹²⁷ *United Kingdom, The Law Reports, House of Lords, 1958, p. 379.*

¹²⁸ *Loc. cit.* (сноска 126, выше), pp. 965—966. См. также решение Верховного суда Онтарио по делу *Harold W. M. Smith v. United States Securities and Exchange Commission* (1976) (*International Legal Materials, Washington, D. C., vol. XV, 1976, p. 319.*)

¹²⁹ См., например, постановление судьи Оуэна в апелляционном суде Квебека по делу *Venne v. Democratic Republic of Congo* (196) (*Canada, The Dominion Law Reports, Third Series, Toronto, 1969, vol. 5, p. 128.*)

изъятия торговой или коммерческой деятельности из иммунитета государств, то это положение было подтверждено палатой лордов при рассмотрении дела *1 Congreso del Partido* (1981)¹³⁰. Первые три исключения относятся к конкретной области настоящего проекта статей, а именно: к недвижимой и движимой собственности, включая траст-фонды.

120. Концепция «управления собственностью по доверенности» в том виде, в каком она трактовалась канцлерским судом и другими судами права справедливости, долгое время в судебной практике Англии рассматривалась как основание для изъятия из иммунитета. Соответствующее судебное разбирательство может быть возбуждено даже в том случае, если иностранное правительство имеет определенные интересы в траст-фондах. При рассмотрении дела *Duke of Brunswick v. King of Hanover* (1844)¹³¹ начальник архивов канцлерского суда лорд Лэнгдейл считал возможным «привлечь иностранного суверена к административному разбирательству, поскольку это не означает, что он обязан принимать участие в этом разбирательстве, — ему лишь предоставляется возможность лично подтвердить свои интересы». Равным образом судьей Дж. Моэмом было отмечено по делу *Russian Bank for Foreign Trade* (1933)¹³², что, хотя судебное разбирательство касалось денежных средств, на которые Советское правительство имело определенные права, это обстоятельство не помешало канцлерскому отделению Высокого суда правосудия выполнить свой долг.

121. Концепция «управления собственностью по доверенности» явилась также новой основой для отправления канцлерскими судами правосудия при возбуждении исков против третьих сторон в отношении находящейся в их распоряжении государственной собственности в тех случаях, когда эта собственность может рассматриваться как траст-фонды, находящиеся на хранении доверенной стороны. Фактически такое решение было принято лордом Хатерли при рассмотрении дела *Larivière v. Morgan* (1872)¹³³, касавшегося поставки боеприпасов правительству Франции во время франко-прусской войны. По поручению французского правительства Морганом в одном из английских банков был открыт счет, предназначенный для погашения всех дого-

¹³⁰ См. сноску 30, выше.

¹³¹ *House of Lords Cases, London, 1851, vol. II (1848—1850), p. 1;* см. также постановление лорда Радклифа по делу о золотых слитках *United States of America and Republic of France v. Dollfus Mieg et Cie S. A. and Bank of England* (*The All England Law Reports, 1952, vol. 1, p. 572, особенно стр. 589.*)

¹³² *United Kingdom, The Law Reports, Chancery Division, 1933, p. 745.* Суд взял на себя право отправлять правосудие, несмотря на то что Советское правительство, вероятно, могло вмешаться в это разбирательство для того, чтобы подтвердить свое право на определенную часть фондов.

¹³³ *United Kingdom, The Law Reports, Chancery Appeal Cases, 1972, vol. VII, p. 550.*

ворных обязательств этого правительства. Апелляционный суд отказал в иммунитете, ибо, по его мнению, банковский счет является собственностью, переданной в управление по доверенности, а дело было возбуждено против Моргана не как агента иностранного государства, а как доверенного лица. Как представляется, палата лордов одобрила такую концепцию «управления собственностью по доверенности»¹³⁴. Этот же принцип применялся и при рассмотрении последующих дел¹³⁵.

122. Ссылка на английский прецедентное право, в котором признается действительность рассматриваемого изъятия из иммунитета, имеет определенное значение и с точки зрения традиционной связи английской судебной практики с почти что неограниченным принципом суверенного иммунитета. Нет ничего удивительного в том, что подобные исключения признаются и в прецедентном праве других стран, например в Италии, в судебной практике которой проводится разграничение между государством как «политической властью» (*potere politico*) и государством как «гражданским лицом» (*persona civile*). Так, например, в начале 1882 года такая двойная правосубъектность государства была признана при рассмотрении дела *Morellet v. Governo Danese*¹³⁶, когда кассационным судом Турина было проведено разграничение между государством как политическим образованием и «юридическим лицом» (*сogro togale*) и отмечено, что, выступая в качестве последнего, государство должно «приобретать собственность и владеть ею, оно должно заключать контракты, подавать иски и становиться объектом исков — словом, оно должно осуществлять гражданские права аналогичным образом, как и любое другое юридическое или частное лицо»¹³⁷.

123. В соответствии с прецедентным правом государств, применяющих ограничительно принцип иммунитета государств, разрешается возбуждать дела, касающиеся прав или интересов иностранного правительства или операций, связанных с недвижимой собственностью, находящейся на территории государства суда¹³⁸.

¹³⁴ *Morgan v. Larivière* (1875) (*The Law Reports, English and Irish Appeal Cases*, 1875, vol. VII, p. 423).

¹³⁵ См., например, *Haile Selassie v. Cable and Wireless Limited* (1937) (*The Law Reports, Chancery Division*, 1938, p. 545), апелляция по этому делу (1938 год) (*ibid.*, p. 839); *Nizam of Hyderabad and another v. Jung and others* (1956) (*The All England Law Reports*, 1957, vol. 1, p. 257); и *Rahimtoola v. Nizam of Hyderabad* (1957), *loc. cit.* (сноска 127, выше), pp. 392—398 (Viscount Simonds).

¹³⁶ *Loc. cit.* (сноска 33, выше), pp. 130—131.

¹³⁷ *Idem*; цитируется в Harvard Law School, *Research in International Law*, sec. III, «Competence of Courts in regard to Foreign States», Cambridge, Mass., 1932, издано в качестве *Supplement to the American Journal of International Law*, Washington D. C., vol. 26, 1932, pp. 481—482.

¹³⁸ См., например, дело *S. E. Echref Badnjevic ès qualité de Ministre de Yougoslavie en Egypte c. W. R. Fanner* (1947) (*Journal du droit international*, Clunet Paris, 73e à 76e années, 1946—1949, p. 113), в котором смешанным судом Каира не был признан иммунитет в отношении покупки

2. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

124. Судебная практика в этой конкретной области, как представляется, в большей мере регламентирована и носит более последовательный характер в отношении установленного изъятия из иммунитетов государств, хотя по каждому конкретному вопросу в рамках прецедентного права каждой страны не принимается одинаковых судебных решений. Было бы нежелательным и нецелесообразным рассчитывать на то, что каждая судебная система должна возбуждать судебные процессы по каждому конкретному вопросу. В этой связи правительственная практика различным образом дополняет судебную практику, в частности путем подготовки ответов на вопросники и принятия конкретных национальных законов по каждому рассматриваемому вопросу.

а) Мнения правительств

125. На основе полученных на вопросник ответов¹³⁹ представляется возможным собрать интересную информацию, свидетельствующую о том, что правительства в теории и на практике поддерживают рассматриваемое изъятие из иммунитета. Так, например, в Венгрии, являющейся социалистической страной, государственный иммунитет регулируется в соответствии с пунктом а раздела 56 закона-декрета № 13 от 1979 года, в котором исключается юрисдикция суда или других государственных властей венгерского государства¹⁴⁰. Однако земельная собственность иностранного государства в Венгрии находится под исключительной юрисдикцией венгерского суда или другой общественной власти¹⁴¹.

126. Такая ограничительная концепция была принята и на Мадагаскаре. В соответствии со статьей 29 указа № 62-041 от 19 сентября 1962 года:

Собственность регулируется законом той страны, в которой она расположена.

В частности, недвижимое имущество, находящееся на Мадагаскаре, даже в том случае, если оно принадлежит иностранцам, регулируется в соответствии с малагасийским законодательством.

В соответствии с этим положением, если движимое или недвижимое имущество находится на Мадагаскаре, то пра-

иностранной дипломатической миссией недвижимого имущества для использования в качестве отеля для дипломатов. См. дело *Republic of Latvia Case* (1955) (*International Law Reports*, 1955, London, 1958, vol. 22, p. 230), в котором Апелляционный суд Западного Берлина подтвердил решение Реситуционной палаты (1953 год) на том основании, что «этот принцип не применяется в тех случаях, когда иностранное государство вступает с другими государствами или их гражданами в имущественные отношения, когда оно вступает не в своем суверенном качестве, а лишь исключительно как держатель прав и обязанностей в области частного права, действуя в области гражданского права и особенно вступая в коммерческие сделки».

¹³⁹ См. сноску 29, выше.

¹⁴⁰ Текст воспроизводится по-английски в *United Nations, Materials on jurisdictional immunities.*, p. 17.

¹⁴¹ См. ответ Венгрии на вопрос 1, *ibid.*, p. 575.

во собственности иностранного государства или другие связанные с ним права на это имущество регулируются в соответствии с малагасийским законодательством.

Что касается наследования по завещанию:

то, если оно касается недвижимого имущества, оно регулируется законом той страны, в которой расположено это имущество;

если оно касается движимого имущества, оно регулируется законом страны, в которой проживал покойный (статья 31 указа № 62-041 от 19 сентября 1962 года).¹⁴²

127. Подобные мнения были высказаны и другими правительствами в их ответах на вопросник, например правительствами Того, Португалии и Тринидада и Тобаго. Так, по мнению Того:

Если иностранное государство владеет движимым или недвижимым имуществом в Того или наследует его по завещанию, то для подтверждения права собственности это государство обязано представить доказательство, предусматриваемое тоголезским законом. Однако если недвижимое или движимое имущество предназначено для использования в дипломатических или иных аналогичных целях, то оно является экстерриториальным и неприкосновенным¹⁴³.

128. Португалией в ее ответе на вопросник были отмечены следующие случаи изъятия из иммунитета государств:

На основании так называемого классического принципа португальские суды считают, что такой иммунитет существует, за исключением тех случаев:

когда иск касается недвижимой собственности;
когда существует явный или скрытый отказ от иммунитета;

когда допускается исключение на основании *forum hereditatis*¹⁴⁴.

129. Не менее показательным является и ответ, представленный Тринидадом и Тобаго:

Исключения или ограничения, предусматриваемые общим правом Тринидада и Тобаго и признаваемые правительственной практикой в Тринидаде и Тобаго в отношении юрисдикционных иммунитетов иностранных государств и их собственности, относятся к:

- i) искам, связанным с находящимися под юрисдикцией земельными владениями (например, иски о взыскании ренты от процентов по закладным);
- ii) искам, возбуждаемым каким-либо местным бенефициарием в отношении находящихся под юрисдикцией траст-фондов¹⁴⁵.

b) Национальное законодательство

130. За последние примерно десять лет было принято большое число национальных законов, признающих или подтверждающих существование исключения, касающегося собственности, находящейся в государстве суда. Эти положения отнюдь не являются идентичными и не всегда связаны с одними и теми же вопросами.

131. Так, например, в законе о суверенных иммунитетах иностранных государств 1976 года

Соединенных Штатов Америки (*Foreign Sovereign Immunities Act of 1976*)¹⁴⁶ содержатся два не связанных друг с другом положения, касающихся собственности:

Раздел 1605. Общие исключения из судебного иммунитета иностранного государства

a) Иностранное государство не освобождается от юрисдикции судов Соединенных Штатов в любом случае:

- 3) когда права на имущество, изъятое в нарушение международного права, являются предметом спора, и это имущество или любое имущество, обмененное на такое имущество, находится в Соединенных Штатах в связи с коммерческой деятельностью, осуществляемой в Соединенных Штатах иностранным государством; или это имущество или любое другое имущество, обмененное на такое имущество, находится во владении или в распоряжении агентства или юридического лица иностранного государства, и это агентство или юридическое лицо занимается коммерческой деятельностью в Соединенных Штатах;
- 4) когда права на имущество в Соединенных Штатах, возникшие в связи с наследованием или получением в дар, или в связи с правом на недвижимое имущество, находящееся в Соединенных Штатах, являются предметом спора;

132. Положение, аналогичное вышеприведенному разделу, более подробно раскрывается в законе об иммунитете государств 1978 года Соединенного Королевства (*State Immunity Act of 1978*)¹⁴⁷. Раздел 6 этого закона гласит:

Изъятия из юрисдикционного иммунитета

6. 1) На государство не распространяется иммунитет в отношении судебного разбирательства, касающегося:

a) любого права государства на недвижимую собственность или владения и пользования такой собственностью в Соединенном Королевстве; или

b) любого обязательства государства, возникающего в связи с его правом на недвижимую собственность или владением или использованием такой собственностью.

2) На государство не распространяется иммунитет от судебного разбирательства, касающегося любого права этого государства на движимую и недвижимую собственность, если это право возникло в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности.

3) Тот факт, что государство обладает правом на любую собственность или требует предоставления такого права, не лишает суд возможности осуществлять в отношении его любую юрисдикцию, касающуюся собственности умерших или умственно неполноценных лиц или касающуюся неплательеспособности, ликвидации компаний или распоряжения имуществом на началах доверительной собственности.

4) Суд может возбудить дело против юридического лица, не являющегося государством, несмотря на то что судебное разбирательство имеет отношение к собственности:

a) которая находится во владении или под контролем государства; или

b) о праве на которую заявляет государство, если государство не обладает иммунитетом в тот момент, когда против него возбуждается судебное разбирательство, или в случае, описанном в вышеупомянутом пункте b, если иск не признается и не поддерживается доказательствами, достаточными при отсутствии опровержения.

¹⁴² Ответ Мадагаскара на вопрос 14, *ibid.*, p. 583.

¹⁴³ Ответ Того на вопрос 14, *ibid.*, p. 609.

¹⁴⁴ Ответ Португалии на вопрос 3, *ibid.*, p. 592.

¹⁴⁵ Ответ Тринидада и Тобаго на вопрос 11, *ibid.*, p. 612.

¹⁴⁶ См. сноску 66, выше.

¹⁴⁷ См. сноску 65, выше.

133. Далее следует отметить, что соответствующие положения встречаются также и в разделе 8 закона об иммунитете государств 1979 года Сингапура (State Immunity Act, 1979)¹⁴⁸, в разделе 7 декрета об иммунитете государств 1981 года Пакистана (State Immunity Ordinance, 1981)¹⁴⁹, в разделе 7 закона об иммунитете иностранных государств 1981 года Южной Африки (Foreign States Immunities Act, 1981)¹⁵⁰, в разделе 8 закона об иммунитете государств 1982 года Канады (Canadian State Immunity Act of 1982)¹⁵¹.

с) Международные конвенции

i) Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств

134. Европейская конвенция 1972 года об иммунитете государств¹⁵² содержит два соответствующих положения:

Статья 9

Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции суда другого договаривающегося государства, если судебные разбирательства касаются:

а) его прав или интересов в отношении недвижимой собственности или его пользования или владения недвижимой собственностью; или

б) его обязательства, вытекающего из его прав или интересов в отношении недвижимой собственности, или пользования или владения недвижимой собственностью и ответственность находится на территории государства суда.

Статья 10

Договаривающееся государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции суда другого договаривающегося государства, если судебные разбирательства касаются права на движимую или недвижимую собственность, возникающего в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности.

135. Статья 9 предусматривает отсутствие иммунитета при судебных разбирательствах, касающихся прав и обязательств государства в отношении недвижимой собственности или в связи с недвижимой собственностью, расположенной на территории государства суда. «Владение» не всегда рассматривается как право в том смысле, которым этот термин наделяется в

¹⁴⁸ См. сноску 68, выше. Раздел 8 идентичен разделу 6 закона Великобритании, разделу, который послужил ему моделью.

¹⁴⁹ См. сноску 69, выше. Раздел 7 пакистанского декрета озаглавлен «Владение, собственность и использование имущества».

¹⁵⁰ См. сноску 70, выше. В пункте 2 раздела 7 исключается судебное разбирательство, касающееся права иностранного государства на собственность, используемую для целей дипломатического или консульского представительства, а также пользования и владения этой собственностью.

¹⁵¹ См. сноску 67, выше. Раздел 8 ограничивается судебным разбирательством, касающимся права государства на собственность, возникшего в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности.

¹⁵² См. сноску 39, выше.

некоторых правовых системах. Термины «право», «пользование» и «владение» требуют широкого толкования. Эта статья охватывает судебные разбирательства, касающиеся прав иностранного государства на недвижимое имущество в государстве суда, включая ипотечные закладные, нарушение общественного порядка, нарушение владения недвижимым имуществом или другой неправомерный договор об использовании, аренде или сдаче в наем, владение или выселение, арендную плату или платежи за пользование собственностью и ответственность занимающего недвижимую собственность. Статья 10 предусматривает отсутствие иммунитета при судебных разбирательствах, касающихся прав, возникающих в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности, которые в некоторых правовых системах рассматриваются как право наследования, в то время как в других как право конфискации имущества, не имеющего владельца.

ii) Проект межамериканской конвенции о юрисдикционном иммунитете государств

136. Последний проект межамериканской конвенции о юрисдикционных иммунитетах государств (1983 г.)¹⁵³ содержит краткое положение относительно этого изъятия из иммунитета.

Статья 6

Государства не ссылаются на иммунитет от юрисдикции:

б) в судебных разбирательствах в отношении распределения собственности, будь она гражданского, торгового или коммерческого характера;

с) в исках, касающихся недвижимой собственности, расположенной в государстве суда, за исключением, предусмотренных международными договорами или дипломатической или консульской практикой;

137. Подпункт с также устанавливает юрисдикцию относительно местонахождения или географического расположения недвижимой собственности при условии соблюдения ограничений, предусмотренных двусторонними или многосторонними соглашениями, или дипломатической или консульской практикой. Он не включает движимую собственность. Подпункт б касается другого вида судебных разбирательств — распределении собственности гражданского, торгового или коммерческого характера.

3. МНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

138. В данной конкретной области судебных разбирательств, касающихся прав на собственность, в особенности на недвижимую собственность, расположенную в государстве суда, мнения специалистов практически совпадают; они обычно выступают в пользу принятия и осуще-

¹⁵³ См. сноску 77, выше.

ствления юрисдикции компетентным судебным органом государства суда. Эта относительно четкая тенденция правовых точек зрения отражает менее спорную практику государств в отношении признания юрисдикции и отказа в предоставлении иммунитета в интересах отправления правосудия. Мнения специалистов были выражены на таких международных совещаниях юристов, как совещание Института международного права в 1952 году¹⁵⁴ и недавно, в 1982 году, состоявшееся совещание Ассоциации международного права.

139. Проект конвенции об иммунитете государств, принятый Ассоциацией международного права в 1982 году¹⁵⁵, содержит следующее положение:

Статья III. Изъятие из иммунитета при судебном разбирательстве

Иностранное государство не пользуется иммунитетом от юрисдикции государства суда проводить судебное разбирательство в следующих случаях:

...
D. Когда причина этой меры связана с:

1. правами или интересами иностранного государства в отношении недвижимой собственности или его владением или использованием недвижимой собственностью в государстве суда; или
2. обязательствами иностранного государства, вытекающими из его прав или интересов в отношении недвижимой собственности, или его владения или пользования недвижимой собственностью в государстве суда; или
3. правами или интересами иностранного государства в отношении движимой или недвижимой собственности в государстве суда, возникающими в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности.

4. УСТАНОВЛЕННОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

140. В такой значительно менее спорной области, как конкретная область «права собственности, владения и пользования собственностью» государствами, рассматриваемой в настоящее время, можно сделать вывод о том, что существует установленное общее исключение из иммунитета государств. Этот вывод подкрепляется предшествующим обзором государственной практики — судебной, правительственной, а также законодательной. Мнения международных специалистов в области права свидетельствуют в пользу такого утверждения. Проблема скорее состоит не в преодолении политического или психологического барьера, а в определении, дели-

митации и возможном разграничении масштабов применения этого общего исключения и его результатов. В целях разработки соответствующей формулировки этого проекта статьи, возможно, потребуется дальнейший анализ.

С. Формулировка проекта статьи 15

141. Содержание этого проекта статьи должно охватывать как недвижимую, так и движимую собственность государства или собственность, в отношении которой государство имеет претензии или интерес. Статья также должна охватывать пользование собственностью, находящейся во владении или под контролем иностранного государства. Судебные разбирательства могут касаться прав, а также обязательств иностранного государства в отношении собственности, расположенной в государстве суда. Они могут также касаться прав и интересов иностранного государства, возникающих в государстве суда в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности. Это положение также должно предусматривать возможность заявления иностранного государства относительно его права на собственность или любых других претензий в отношении рассматриваемой собственности¹⁵⁶ и проводить разграничение между различными случаями, когда суд отклоняет или признает такие претензии, или когда суд может в связи с этим отказать в предоставлении иммунитета или предоставить его и прекратить осуществление дальнейшей юрисдикции после рассмотрения или установления доказательств права собственности, достаточных при отсутствии опровержения, или права на владение или эффективный контроль над рассматриваемой собственностью или ее использование, которое является предметом спора. Имеются также основания для изъятия из этого исключения особого статуса дипломатических и консульских помещений.

142. Статью 15 можно было бы сформулировать следующим образом:

Статья 15. Право собственности, владение и пользование собственностью

1. При отсутствии соглашения об ином государство не обладает иммунитетом от юрисдикции судов другого государства в отношении разбирательств, касающихся:

¹⁵⁴ См., например, мнения, выраженные членами Института по поводу окончательных доклада и проекта резолюций, Е. Lémonop, «L'immunité de juridiction et d'exécution forcée des Etats étrangers» (*Annuaire de l'Institut de droit international*, 1952, Bâle, vol. 44, t. I, p. 5 et seq.). См. также Р. Jessup (докладчик по проекту института Harvard Law School о компетенции судов в отношении иностранных государств), *op. cit.* (сноска 137, выше).

¹⁵⁵ См. сноску 81, выше.

¹⁵⁶ См., например, дело о золотых слитках (1952 год) (см. сноску 131, выше); дело *Hong Kong Aircraft: Civil Air Transport Inc. v. Central Air Transport Corp.* (1953) (United Kingdom, *The Law Reports, House of Lords*, 1953, p. 70); ср. решение в суде первой инстанции сэра Лесли Гибсона (1950 год) (*International Law Reports*, 1950, London, 1956, vol. 17, p. 173, case No. 45); и дело *Juan Ysmael & Co. v. Government of the Republic of Indonesia* (1954) (*The Law Reports, House of Lords*, 1955, p. 72).

а) любого права или интереса государства в отношении недвижимой собственности, расположенной в государстве суда, либо владения или пользования ею, либо любого обязательства государства, возникающего в связи с его интересом, владением или пользованием любой недвижимой собственностью, расположенной в государстве суда; или

б) любого права или интереса государства в отношении любой недвижимой или движимой собственности в государстве суда, возникающего в связи с наследованием, получением в дар или приобретением брошенной собственности; или

с) распределения имущества в связи с собственностью умерших или умственно неполноценных лиц или неплатежеспособностью, ликвидацией компаний или управлением доверительной собственностью, в отношении которых государ-

ство имеет или претендует на право или интерес в отношении какой-либо собственности; или

д) любой собственности, находящейся во владении или под контролем государства или в отношении которой государство заявляет о своем праве или интересе, если иск не признается или не поддерживается доказательствами, достаточными при отсутствии опровержения, а судебные разбирательства были возбуждены против юридического лица, не являющегося государством, если само государство не обладает иммунитетом в случае возбуждения против него судебного разбирательства.

2. Пункт 1 не наносит ущерба иммунитетам государств в отношении их собственности от наложения ареста и приведения решения в исполнение или неприкосновенности помещений дипломатических или специальных миссий или консульских помещений.

ДОКУМЕНТ A/CN.4/371

Меморандум, представленный г-ном Николаем А. Ушаковым

[Подлинный текст на русском языке]
[11 мая 1983 года]

Комиссия международного права внесла значительный вклад в дело кодификации и прогрессивного развития международного права. Как свидетельствует ее многолетний опыт, для успешного решения поставленных перед Комиссией задач необходимо тщательное и всестороннее исследование рассматриваемых ею проблем, выявление общепризнанных международно-правовых норм, подлежащих кодификации, на основе анализа международной практики государств, решений международных судебных инстанций, а также международно-правовой доктрины. Необходимо также должным образом учитывать основные принципы современного международного права, в частности воплощенные в Уставе ООН, поскольку они преимущественно имеют императивный характер.

Все это, разумеется, относится и к теме об юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, поскольку рассматриваемые в ее рамках вопросы затрагивают фундаментальные основы международного права.

Специальный докладчик г-н Сучариткул пред- ставил Комиссии в 1979—1982 годах четыре до- лада¹, в которых он стремился следовать выше- указанному обычному для Комиссии подходу к рассматриваемой проблеме. Они представляют существенный интерес и содержат богатый мате- риал.

Однако ряд заключений Специального док- ладчика не представляются нам обоснованными. В особенности это касается мнения Специаль- ного докладчика о наметившейся якобы общей тенденции в пользу концепции «ограниченного» или «функционального» иммунитета государств.

Эта концепция или теория противоречит ос- новным принципам международного права и от- вергается многими государствами, на что мы в своих выступлениях не раз обращали внимание членов Комиссии. Следовательно, она не может, по нашему мнению, быть положена в основу

¹ Предварительный доклад: *Ежегодник...*, 1979 год, том II (часть первая), стр. 261, документ A/CN.4/323; второй доклад: *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть первая), стр. 227, документ A/CN.4/331 и Add. 1; третий доклад: *Ежегодник...*, 1981 год, том II (часть первая), стр. 155, документ A/CN.4/340 и Add. 1; четвертый доклад: *Ежегод- ник...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 264, документ A/CN.4/357.

кодификации норм об иммунитетах государств и их собственности. Это вытекает, по нашему мнению, из нижеследующих соображений.

I

1. Принцип иммунитета государства от ино- странной юрисдикции является общепризна- ным принципом международного права. Это по- ложение настолько укоренилось в международ- ном праве, что оно безоговорочно признается всеми без исключения государствами, в том числе в практике их судебных органов, а также в международно-правовой доктрине всех без исключения стран.

Даже те государства, которые придержи- ваются в последнее время теории «функцио- нального иммунитета», признают и утверждают принцип иммунитета государства от иностранной юрисдикции. Отказ в иммунитете в случае сле- дования теории «функционального иммунитета» обосновывается тем, что государство в данном случае якобы выступало не как государство (суверен, носитель государственной власти), а как частное лицо.

2. Является также, бесспорно, общепризна- ным, что в основе иммунитета государств ле- жат основополагающие принципы международ- ного права, в частности принципы суверенитета и суверенного равенства государств.

Из государственного суверенитета, как неотъ- емлемого свойства каждого государства, из су- веренного равенства государств и их взаимной независимости непреложно следует, что ни одно государство не может осуществлять свою юрис- дикцию, то есть власть, над другими государ- ствами. Это и выражается в международном праве принципом иммунитета государств, суще- ство которого заключается именно в неподчи- нении одного государства власти другого го- сударства.

Таким образом, иммунитет государств суще- ствует как следствие их суверенитета, коль скоро государства продолжают оставаться суве- ренными. Он не зависит от каких-либо приво- дящих условий или обстоятельств, в том числе от развития функций государства.

3. В контексте принципа иммунитета государства от иностранной юрисдикции термин «юрисдикция» означает, по нашему мнению, сферу суверенной власти государства — законодательной, исполнительной, судебной и иной. В таком же смысле этот термин употребляется и в большинстве многосторонних международных конвенций.

Принцип иммунитета государства от иностранной юрисдикции лежит ныне в основе многих многосторонних кодификационных конвенций, касающихся различных сфер международных отношений. И все они в определенном смысле взаимосвязаны.

4. Комиссия на данном этапе своей работы решила ограничить свою задачу применительно «к иммунитету» государства и его собственности от юрисдикции судов другого государства», то есть судебным иммунитетом государств, что вполне допустимо. Однако Комиссия не может отвлекаться от того, как этот вопрос решен в действующих конвенциях.

В частности, в статье 31 Венской конвенции 1961 года о дипломатических сношениях² установлено, что дипломатический агент пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции. Он пользуется также иммунитетом от гражданской и административной юрисдикций во всех случаях, когда он выступает от имени аккредитующего государства. Иначе говоря, Конвенция исходит из полного иммунитета государства, в частности в отношении судебной юрисдикции другого государства. Аналогичные положения наличествуют и в других конвенциях. Они хорошо известны.

Мы хотим тем самым подчеркнуть, что принцип иммунитета государств не может применяться или толковаться по-разному.

II

5. Принцип иммунитета государств, как отмечено выше, является бесспорно общепризнанным принципом международного права, выражающим и утверждающим суверенитет государств в международном общении.

Однако иногда задаются вопросы, не ведет ли предоставление иммунитета иностранному государству к ограничению суверенитета государства, предоставляющего такой иммунитет. Задавался таким вопросом применительно к судебному иммунитету государств и Специальный докладчик.

Однако ставить так вопрос можно лишь с точки зрения концепции так называемого «абсолютного суверенитета», которой придерживались в прошлом некоторые авторы, исходившие

из того, что государство ничем не связано в своих отношениях с другими государствами и исключительно по своему усмотрению устанавливает порядок своих отношений с другими государствами.

Из такого представления о суверенитете вполне логично следует вывод о том, что только одно государство может быть признано суверенным, ибо суверенитет какого-либо другого государства уже одним фактом своего существования означает ограничение абсолютного суверенитета первого государства.

Такая концепция ведет фактически к признанию суверенитета лишь наиболее могущественного государства, к сведению суверенитета исключительно к отношениям силы и к отрицанию суверенитета всех других государств.

6. На самом деле суверенитет государства понимается как неотъемлемое свойство каждого государства. Реальный суверенитет имеет своим пределом суверенитет всех остальных государств. Добровольно и взаимно взятые государствами международные обязательства уважать суверенитет других государств, в том числе обязательство любого государства соблюдать иммунитет других государств в сфере своей юрисдикции, есть не ограничение суверенитета, а его утверждение в качестве основополагающего универсального принципа межгосударственного общения.

Именно поэтому строгое соблюдение принципа иммунитета государства от иностранной юрисдикции имеет столь большое значение для обеспечения уважения суверенитета всех государств и каждого из них в отдельности.

Соблюдая иммунитет других государств, каждое государство ожидает соблюдения этими другими государствами своего собственного иммунитета.

7. Отметим также, что иммунитет от иностранной юрисдикции вовсе не означает, что государство, пользующееся иммунитетом, может не считаться с правопорядком другого государства в сфере юрисдикции этого государства. Наоборот, оно обязано строго соблюдать внутренний правопорядок другого государства. В частности, оно может совершать только такие действия в сфере правопорядка другого государства, которые допускаются последним. Каждое государство обязано также не вмешиваться во внутренние дела другого государства.

III

8. Все без исключения государства, а также международно-правовая доктрина всех стран, как указывалось выше, безусловно признают принцип иммунитета государства от иностранной юрисдикции.

² United Nations, *Treaty Series*, vol. 500, p. 154.

9. Однако некоторые государства в лице их судебных органов стали в ряде случаев, особенно в последние десятилетия, исходить в своей деятельности из концепции так называемого «функционального иммунитета». Существование этой концепции заключается в утверждении, что государство, в зависимости от осуществляемых им функций, может якобы выступать в различных качествах и соответственно либо пользоваться, либо не пользоваться иммунитетом. Такую теорию иногда называют также теорией «ограниченного» или «относительного иммунитета».

В последние годы некоторые государства приняли также законодательство, исходящее из этой концепции. В частности, это относится, по всей видимости, к Акту о суверенных иммунитетах иностранных государств 1976 года Соединенных Штатов Америки (*Foreign Sovereign Immunities Act of 1976*)³.

10. Согласно концепции «функционального иммунитета» следует якобы различать действия государства, являющиеся проявлениями государственной или публичной власти (*jure imperii*), и действия государства, имеющие частный или коммерческий характер (*jure gestionis*). В шом изложении речь идет о деятельности государства, носящей «публично-правовой характер», и об его деятельности, имеющей «частно-правовой характер».

Однако указанная концепция явно несостоятельна по многим основаниям.

11. Прежде всего она не соответствует действующему международному праву, которое исходит из суверенитета и суверенного равенства во всех сферах их взаимоотношений — политических, экономических (торгово-экономических), социальных, научно-технических, культурных и иных. В своих внешних отношениях государство всегда выступает как *imperium* (государственная власть), то есть как носитель государственной или публичной власти.

12. Государство едино, его нельзя расщепить, как едина и государственная власть. Все органы и представительства государства выступают от лица государственной власти в пределах своих прав и обязанностей, установленных государством. Ни один из органов государства не может быть исключен из общей системы, обособлен или противопоставлен другим органам. Совокупная компетенция органов государства охватывает все полномочия, необходимые для осуществления функций государства.

Таким образом, в частности, торговые представительства государства, когда они имеются, выступают, как и другие его органы, от имени государства и пользуются иммунитетом от иностранной юрисдикции.

Экономическая деятельность или экономическая функция государства, в том числе так называемая коммерческая деятельность государства, является не менее важной для любого государства, в том числе с капиталистической экономикой, чем его другие функции. Государство осуществляет экономическую деятельность не как какое-то частное лицо, а именно как государство, как суверен, носитель публичной власти.

Государственный сектор экономики имеется сейчас, очевидно, во всех государствах. В социалистических государствах государственный сектор национальной экономики является преобладающим. Для этих государств экономическая функция государства (в СССР она именуется хозяйственно-организаторской) стала одной из главных. Во многих новых независимых государствах, сбросивших колониальное иго, государственный сектор экономики приобретает все большее развитие.

Таким образом, выделять и обособливать так называемую коммерческую деятельность государства, как не относящуюся к его государственной деятельности, нет абсолютно никаких оснований.

13. С той же определенностью это можно констатировать в отношении разделения деятельности государства на публично-правовую и частноправовую.

Что касается социалистических стран, то рассуждения об их «частноправовой» деятельности вообще лишены какого-либо смысла.

Даже в условиях капиталистических государств нет каких-либо норм или критериев, на основании которых можно было бы провести границу между публично-правовой и частноправовой деятельностью государства. Поэтому практика судов тех государств, которые пытаются проводить теорию функционального иммунитета, весьма разнохарактерна, противоречива и непоследовательна.

14. Далее, вообще недопустимо, чтобы суд входил в рассмотрение деятельности иностранного государства и квалифицировал ее тем или иным образом, вопреки мнению самого этого государства. Это является недопустимым вмешательством во внутренние и внешние дела государства.

15. Наконец, некоторые положения концепции функционального иммунитета уподобляют государство физическим лицам, отказывая государству в иммунитете в отношении таких действий, которые якобы доступны и частным лицам. Однако это также в корне ошибочно.

Государство, заключая гражданско-правовую сделку, выступает не в качестве юридического лица, а в качестве особого субъекта гражданского права. И в этом случае оно действует не

³ *United States Code, 1976 Edition, vol. 8, title 28, chap. 97, p. 206.*

в интересах личной выгоды каких-либо частных лиц, а в государственных интересах, в целях экономического и социального развития своего общества, своего народа. Поэтому уподоблять действия государства действиям юридических лиц нет никаких оснований.

16. Следовательно, теория «функционального иммунитета», по нашему мнению, явно несостоятельна. Она направлена на подчинение одного государства судебной власти другого государства, что в корне противоречит принципам суверенитета, суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние и внешние дела.

IV

17. Что же касается позиции государств, то она, как нам представляется, неправильно отражается или неправильно толкуется в докладах Специального докладчика.

Многие государства, возможно, большинство государств, не разделяют или отвергают концепцию функционального иммунитета. Поэтому говорить о какой-либо наметившейся общей тенденции в пользу указанной концепции явно ошибочно.

Так, из 29 государств, приславших в соответствии с просьбой Комиссии свои ответы на соответствующий вопросник, информацию и материалы⁴, 14 предоставляют полный иммунитет и 4 государства не имеют соответствующего законодательства или практики.

То же следует и из обсуждения подлежащих разделов докладов Комиссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, которое показывает, что большая группа государств здесь выступает против указанной концепции.

18. На соответствующую судебную практику некоторых государств можно сослаться только в том случае, как мы отметили в Комиссии, когда с ней согласно государство, иммунитет которого не признается судом. Нам представляется, что в большинстве случаев государства выступали по этому поводу с протестом. Во всяком случае, реакция государств на судебные решения в докладах Специального докладчика не отражена.

19. Специальный докладчик явно неправильно толкует, в частности, договорную практику СССР и других социалистических стран, как якобы свидетельствующую о том, что торговая деятельность государства исключается из иммунитета.

⁴ См. United Nations, *Materials on Jurisdictional Immunities of States and Their Property* (в продаже под № E/F.81.V.10), pp. 555 et seq., sect. V.

Договорная практика СССР свидетельствует об обратном. По многим торговым договорам СССР добровольно согласился на подчинение своих торговых представительств иностранной судебной юрисдикции по сделкам, совершенным или гарантированным торговым представительством в стране пребывания. За пределами же указанного добровольного согласия СССР его торговые представительства пользуются принадлежащим им как государственным органам иммунитетом от иностранной судебной юрисдикции.

Отметим также, что с 30-х годов Советский Союз вообще практически не заключает торговых сделок с иностранными физическими или юридическими лицами. Такие сделки заключаются советскими внешнеторговыми объединениями и другими юридическими лицами национального права, которые в качестве таковых никаким иммунитетом от иностранной юрисдикции не пользуются.

20. Таким образом, позиция и практика государств отнюдь не однозначна. Никакого вывода из нее о якобы наметившейся тенденции в пользу концепции ограниченного иммунитета сделать нельзя. По меньшей мере, она требует дополнительного углубленного изучения.

V

21. Ошибочно, как нам представляется, и мнение Специального докладчика о том, что в современной доктрине среди ныне здравствующих авторов нет сторонников абсолютного или полного иммунитета государств, и что мнение доктрины якобы единодушно склоняется в пользу ограничения иммунитета государств в отношении их торговой или коммерческой деятельности.

22. Прежде всего советская международно-правовая доктрина твердо и единодушно высказывается в пользу полного иммунитета государства от иностранной юрисдикции как следствия суверенитета государств, их независимости и равноправия. Концепции функционального иммунитета и другие теории ограниченного иммунитета подвергаются глубокой критике, показывающей их теоретическую несостоятельность. Мы сами уделили этому определению внимание в нашем труде, опубликованном в 1963 году под заглавием «Суверенитет в современном международном праве»⁵. Таково же, как нам представляется, положение в международно-правовой доктрине других социалистических стран.

23. Далеко не единодушна в этом вопросе и международно-правовая доктрина западных стран. Многие западные авторы выступали или выступают против концепции функционального

⁵ М., Институт международных отношений, 1963.

иммунитета и других теорий ограниченного суверенитета. Сошлемся лишь на один пример — труд Яна Броунли, озаглавленный в русском переводе, изданном в Москве в 1977 году, «Международное право»⁶ (в оригинале — Jan Brownlie, *Principles of Public International Law*, 2nd ed., Oxford, Clarendon Press, 1973). Нам легче его цитировать по-русски.

Так, приведя некоторые аргументы авторов в пользу концепции ограниченного иммунитета, Ян Броунли пишет:

Такие аргументы имеют под собой некоторое основание, но при более внимательном рассмотрении оказывается, что все они в той или иной степени не убедительны. Во-первых, отношение многих юристов к «суверену на рынке» основывается на таких концепциях относительно роли государства и значения государственной собственности, которые неприменимы даже в отношении многих стран с современной капиталистической экономикой. Именно этот политический аспект и делает затруднительным нахождение логического обоснования для применения ограничительного принципа: как подчеркивается в литературе, экономическая деятельность государства остается государственной деятельностью. С этой точки зрения было бы даже более логично совсем обойтись без иммунитета⁷.

Несколько далее автор говорит:

Ни практика государств, ни аргументы принципиального характера не оправдывают замены широкого принципа иммунитета каким-либо иным принципом, и остается признать, что поиски альтернативы до сих пор оказывались неудачными⁸.

Таково положение с доктриной.

VI

24. Достаточно очевидно, что попытки подчинить одно государство судебной власти другого

⁶ Броунли Я. Международное право. Пер. с англ., М., «Прогресс», 1977.

⁷ Там же, стр. 473.

⁸ Там же, стр. 474.

государства ведут лишь к ненужным противоречиям и трениям между государствами. В то же время соблюдение иммунитета иностранных государств отнюдь не является препятствием для развития взаимовыгодных международных торговых связей, в том числе между государствами с различными социальными системами.

25. Каждое государство имеет возможности достаточно оградить свои интересы, в том числе в сфере своей судебной юрисдикции.

Во-первых, государство может не допускать, чтобы его физические или юридические лица заключали сделки с иностранными государствами.

Во-вторых, оно может в договорном порядке получить согласие другого государства на подчинение его местной юрисдикции по определенной категории дел.

В-третьих, оно может потребовать, чтобы его физические или юридические лица заключали бы сделки только под условием включения в контракт с иностранным государством положения о разрешении споров судом или коммерческим арбитражем.

За государством остается право в надлежащих случаях дипломатической защиты своих физических и юридических лиц. Имеются и другие возможности.

VII

26. Вышеизложенное показывает, что тот путь кодификации, который основывался бы на концепциях ограниченного суверенитета, явно не обоснован и неплодотворен.

Проблема нуждается, по меньшей мере, в дальнейшем углубленном изучении.

СТАТУС ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЕРА И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ, НЕ СОПРОВОЖДАЕМОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ КУРЬЕРОМ

[Пункт 3 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/372 и ADD.1 и 2

Информация, полученная от правительств

[Подлинный текст на английском, испанском,
русском и французском языках]
[11 мая, 2 и 9 июня 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	74
Австрия	74
Венесуэла	74
Германии, Федеративная Республика	74
Египет	74
Индонезия	75
Кения	75
Кипр	75
Колумбия	75
Малави	76
Румыния	77
Союз Советских Социалистических Республик	77
Швеция	78

ПРИМЕЧАНИЕ

Многосторонние конвенции, упомянутые в настоящем документе:

Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года) Далее именуемая «Венская конвенция 1961 года»	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 500, p. 246.
Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года) Далее именуемая «Венская конвенция 1963 года»	<i>Ibid.</i> , vol. 596, p. 359.
Конвенция о специальных миссиях (Нью-Йорк, 8 декабря 1969 года)	Организация Объединенных Наций, <i>Юридический ежегодник, 1969 год</i> (в продаже под № R.71.V.4), стр. 170. <i>Там же</i> , 1975 год (в продаже под № R.77.V.3), стр. 118.
Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (Вена, 14 марта 1975 года) Далее именуемая «Венская конвенция 1975 года»	

Введение

1. На своей тридцать четвертой сессии в 1982 году Комиссия международного права по предложению Специального докладчика просила Секретариат подтвердить просьбу Генерального секретаря к государствам о предоставлении дополнительной информации о национальных законах и постановлениях и других административных актах, а также о процедурах и рекомендуемой практике, судебных решениях, арбитражных постановлениях и дипломатической корреспонденции, касающихся дипломатического права и режима курьера и почты¹. В соответствии с просьбой Комиссии Юрисконсульт Организации Объединенных Наций направил правительствам государств циркулярное письмо от 21 сентября 1982 года, в котором он предложил им предоставить соответствующую информацию или обновить информацию, предоставленную ранее, не позднее 20 января 1983 года.

2. Ниже воспроизводятся ответы правительств государств-членов, полученные до июня 1983 года.

¹ *Ежегодник.., 1982 год, том II (часть вторая), стр. 149, пункт 248.*

Австрия

[Подлинный текст на английском языке]
[17 января 1983 года]

... В отношении просьбы о предоставлении информации, касающейся режима дипломатических курьеров и почты, [постоянное представительство Австрии при Организации Объединенных Наций] имеет честь сообщить, что с момента предоставления Австрией информации в 1981 году¹ не было принято никаких дополнительных соответствующих законодательных актов и не было осуществлено никаких изменений в административных положениях.

¹ См. *Ежегодник.., 1982 год, том II (часть первая), стр. 305 и далее, документ A/CN.4/356 и Add.1—3.*

Венесуэла

[Подлинный текст на испанском языке]
[2 июня 1983 года]

... В отношении предложения Специального докладчика о предоставлении информации о законах, постановлениях, процедурах и практике, а также о судебных и арбитражных решениях и дипломатической переписке по вопросу о режиме дипломатических курьеров и почты правительство Венесуэлы сообщает, что единственным юридическим документом, применяемым в стране в указанной области, является Венская конвенция 1961 года о дипломатических сношениях.

Кроме того, правительство Венесуэлы сообщает, что ему неизвестно о каких-либо судебных или арбитражных решениях в отношении режима, предоставляемого в стране дипломатическому курьеру и дипломатической почте.

...

Германии, Федеративная Республика

[Подлинный текст на английском языке]
[29 ноября 1982 года]

Соответствующие инструкции, которые изложены в циркуляре федерального министра внутренних дел; направленном соответствующим федеральным учреждениям и учреждениям земель, и которые были сообщены нотой постоянного представителя № 127 от 23 марта 1982 года¹, по-прежнему применяются. Никаких новых положений, касающихся права курьера, принято не было.

¹ См. *Ежегодник.., 1982 год, том II (часть первая), стр. 318, документ A/CN.4/356 и Add. 1—3.*

Египет

[Подлинный текст на английском языке]
[1 декабря 1982 года]

Что касается обращения с дипломатическим курьером и дипломатической почтой, то правительство Египта придерживается пунктов 1, 2,

4, 5, 6 и 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, которая стала неотъемлемой частью египетского законодательства после присоединения Египта к этой Конвенции 9 июля 1964 года. Это находится в соответствии со статьей 151 Конституции Египта.

Индонезия

[Подлинный текст на английском языке]
[28 февраля 1983 года]

1. Правительство Республики Индонезии ратифицировало Венскую конвенцию 1961 года и Венскую конвенцию 1963 года законом Индонезии от 25 июня 1982 года. Индонезия предоставляет дипломатическому курьеру и дипломатической почте режим, предусмотренный положениями этих конвенций и обычным международным правом, с учетом принципов взаимности.

2. Правительство Индонезии предоставляет назначенным дипломатическим курьерам «многократную въездную визу», которая имеет силу в течение шести месяцев.

3. В циркулярных письмах министерства иностранных дел Республики Индонезии № D.0433/78/44 от 11 апреля 1978 года и № 1201/80/41 от 2 октября 1980 года было указано, что опечатанная дипломатическая почта освобождается от досмотра и может быть получена в аэропорту сразу же по прибытии.

4. Если дипломатическая почта не забирается по прибытии и направляется на хранение, то действует процедура выдачи, изложенная в правительственном постановлении № 8 от 1957 года, касающемся выдачи дипломатических материалов.

5. В решении директора «Перум Ангаса Пура» * № SKEP. DU. 106/K.U. 2013/81 от 12 ноября 1981 года предусмотрено, что дипломатическая почта иностранного представителя может быть получена должностным лицом, назначенным представителем, по предъявлении специального пропуска, выдаваемого «Перум Ангаса Пура».

6. Что касается специального пропуска, о котором говорится в пункте 5, выше, то в циркулярном письме министерства иностранных дел № D.0260/82/44 от 24 февраля 1982 года предусмотрено, что любому иностранному представителю может быть выдано не больше 2 (двух) специальных пропусков.

7. В случае если должностное лицо, уполномоченное получить дипломатическую почту, не имеет при себе специального пропуска, ему не-

обходимо обратиться к должностным лицам аэропорта.

8. Официальным дипломатическим курьером Республики Индонезии является должностное лицо, имеющее дипломатический паспорт, а также имеющее при себе удостоверение, уведомляющее о том, что данное должностное лицо является дипломатическим курьером, и описание перевозимых материалов.

9. Дипломатическая почта, направляемая правительством Индонезии, имеет соответствующие знаки, как это предусмотрено Венской конвенцией 1961 года.

Кения

[Подлинный текст на английском языке]
[16 марта 1983 года]

1. Кения является участником двух конвенций о дипломатических и консульских сношениях, и эти конвенции имеют в Кении силу закона, как это предусмотрено в этих двух документах.

2. Кения приветствует любые меры, которые содействовали бы неприкосновенности несопровождаемой почты, которая является методом связи, наиболее широко используемым развивающимися странами.

Кипр

[Подлинный текст на английском языке]
[3 февраля 1983 года]

На Кипре вся дипломатическая почта отправляется авиапочтой и не сопровождается дипломатическим курьером. Что касается статуса дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, то правительство Кипра считает, что защита, предусматриваемая статьями 27—40 Венской конвенции 1961 года, является достаточной и что нет реальной необходимости разрабатывать дополнительные или более подробные новые нормы. По мнению правительства, существующие нормы являются достаточно полными и точными для того, чтобы охватить потребности и при надлежащем применении гарантировать осуществление дипломатических сношений между государствами.

Колумбия

[Подлинный текст на испанском языке]
[18 февраля 1983 года]

1. Что касается режима дипломатических курьеров и почты, то в Колумбии применяется Венская конвенция 1961 года, конкретно статья

* Смешанная компания национальных аэропортов.

27 и пункт 3 статьи 40. Эти вопросы также регулируются статьей 33 декрета № 2017 от 1968 года (органический статут министерства иностранных дел)¹ и статьями 49—54 декрета № 3135 от 1956 года, «в котором определяются привилегии и прерогативы дипломатических агентов в Колумбии»².

2. Кроме того, в соглашении, заключенном между министерством иностранных дел и авиаконпанией «Авиаанка», предусмотрено положение о перевозке курьера и почты на маршрутах, обслуживаемых упомянутой компанией.

3. В национальном законодательстве не имеется специальных положений, административных актов, процедур, судебных решений или арбитражных постановлений, касающихся предмета запроса.

¹ Republica de Colombia, *Diario Oficial*, Bogota, 5 agosto 1964, No. 32568.

² Union Panamericana, *Documentos y Notas sobre Privilegios e Inmunidades con referencia especial a la Organización de los Estados Americanos*, Washington, D. C., p. 275.

Малави

[Подлинный текст на английском языке]
[18 января 1983 года]

1. Правилами, которых придерживается правительство Малави в данном вопросе, являются нормы, содержащиеся в Венской конвенции 1961 года, в частности в ее статье 27, хотя это и не было непосредственно закреплено национальным законодательством государства. Законодательство по вопросу о дипломатических и консульских сношениях, которое по-прежнему применяется в Малави, было принято в январе 1964 года. В это время вышеупомянутая Конвенция еще не применялась в качестве закона ни в Ньясаленде, ни в Соединенном Королевстве. После получения независимости Малави стала участником этой Конвенции, присоединившись к ней 19 мая 1965 года. Однако, как указывалось выше, положения Конвенции пока еще не были непосредственно опубликованы в соответствии с национальным законодательством, несмотря на тот факт, что они, как правило, применяются в качестве закона в сношениях Малави с другими странами.

2. В настоящее время положение характеризуется тем, что принятое в 1964 году законодательство о дипломатических и консульских сношениях по большей части устарело, и принимаются меры (на министерском уровне) к тому, чтобы просить правительство отменить его и заменить новым законодательством. В новое законодательство, которое, как ожидается, будет принято к следующему году, будут включены положения Венских конвенций 1961—1963 го-

дов, а также соответствующих протоколов к ним.

3. Что же касается конкретно вопроса «Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером», то правительство Малави придерживается следующей практики, основанной на статье 27 Венской конвенции 1961 года:

Режим, предоставляемый правительству Малави другими правительствами

Вся дипломатическая почта Малави, направляемая в представительства государства за рубежом и из них, не сопровождается дипломатическим курьером. Насколько можно судить по фактам, ей предоставляется иммунитет от какого-либо досмотра; так, она никогда не вскрывается и не досматривается каким-либо иным образом. Поскольку правительство Малави никогда не посылало дипломатической почты в сопровождении курьера, в этом отношении оно не может поделиться каким-либо опытом и не может сказать, какой режим предоставляли бы другие страны ее курьерам, если бы такие курьеры провозили дипломатическую почту через территорию этих стран по пути в представительства Малави за рубежом и из них. Конкретно имеются в виду такие страны, как Кения, Эфиопия, Замбия, Зимбабве, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Южная Африка, Мозамбик и Федеративная Республика Германии, в которых Малави имеет представительства и в которые (или из которых) дипломатические курьеры доставляли бы дипломатическую почту, если бы она сопровождалась курьерами.

Режим, предоставляемый другим правительствам правительством Малави

Правительство Малави в полной мере предоставляет режим, установленный в пунктах 3, 5 и 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, всем представительствам, аккредитованным на ее территории. Таким образом, дипломатическая почта, сопровождаемая или не сопровождаемая дипломатическим курьером, не вскрывается и не задерживается при ее ввозе в Малави. Дипломатические курьеры защищаются правительством с момента их въезда в Малави: им предоставляется режим высокопоставленного лица в аэропортах и они пользуются личной неприкосновенностью, то есть курьеры не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме, если они ограничиваются выполнением своих обязанностей. В тех случаях, когда дипломатическая почта не сопровождается дипломатическим курьером, а поручается командиру экипажа гражданского самолета, направляющегося в международные аэропорты Малави (аэропорты Камузу или Чилека), представитель-

ства могут направить своих сотрудников принять дипломатическую почту непосредственно и беспрепятственно от командира самолета.

4. Настоящий вопрос обсуждается в Организации Объединенных Наций не первый год. Он был включен в повестку дня Шестого комитета Генеральной Ассамблеи еще в 1978 году. Большинство стран выступают за то, чтобы международные нормы, содержащиеся в статье 27 Венской конвенции 1961 года, были изменены, так чтобы они стали более подробными нормами о режиме, предоставляемом дипломатической почте, когда она не сопровождается дипломатическим курьером, и обеспечили более конкретные иммунитеты таким курьерам.

5. Правительство Малави считает, что пока ему следует просто следить за развитием событий. После принятия нового закона парламентом правительство Малави соответственно внесет все необходимые поправки в него и, если это потребует, приведет его положения в соответствие с любыми существенными изменениями к имеющимся нормам по этому вопросу, которые могут быть сделаны в результате проводимых в настоящее время в Организации Объединенных Наций переговоров.

Румыния

[Подлинный текст на французском языке]
[23 мая 1983 года]

1. Социалистическая Республика Румыния является участником большинства международных конвенций и договоров, регулирующих статус дипломатического курьера и дипломатической почты: Конвенции 1946 года о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций¹, Конвенции 1947 года о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений², Венской конвенции 1961 года, Венской конвенции 1963 года и Конвенции 1973 года о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов³.

С другой стороны, целесообразно уточнить, что положения национального законодательства Румынии разрабатывались с учетом положений конвенций, подписанных Социалистической Республикой Румынией, а также международной практики, признанной государствами в этой об-

ласти. Так, в статьях 186—191 главы VI Таможенных правил (утвержденных декретом Государственного совета № 337 от 26 ноября 1981 года)⁴, озаглавленной «Ввоз и вывоз из страны имущества дипломатическими представительскими и консульскими учреждениями, аккредитованными в Социалистической Республике Румынии, а также их членами», регламентируются статус дипломатической и консульской почты, условия, которые должны удовлетворяться для признания и использования дипломатической и консульской почты, а также освобождения такой почты от таможенного контроля при ввозе и вывозе ее из страны, возможность перевозки дипломатической и консульской почты командиром гражданского воздушного судна и т. д.

2. Правительство Социалистической Республики Румынии поддерживает продолжение рассмотрения Комиссией международного права вопросов, касающихся статуса дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, с целью разработки проектов статей, на основе которых можно было бы приступить к подготовке и принятию соответствующего международного правового документа. Правительство Румынии считает, что при этом можно было бы всесторонне и единообразно регламентировать статус дипломатического курьера и не сопровождаемой дипломатической почты, опираясь на практику, которой придерживаются государства в данной области, что имело бы положительные последствия для установления и поддержания хороших отношений между государствами. Решение вопроса о статусе курьера и дипломатической почты путем унификации и введения в общее употребление определенной практики позволит избежать неясностей и недоразумений, в результате чего будет обеспечено такое поведение государств, которое гарантирует законность и стабильность, столь необходимые для развития доверия и сотрудничества между ними. Тем самым Комиссия сделала бы важный шаг с точки зрения кодификации норм в этой чрезвычайно деликатной области отношений между государствами.

3. В практике Социалистической Республики Румынии не известны случаи назначения одного и того же лица в качестве дипломатического курьера двумя или несколькими государствами.

⁴ Romania, Chamber of Commerce and Industry, Bucharest, Publicom, 1982, pp. 140—142.

¹ Министерство иностранных дел СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, Выпуск XV, М., Государственное издательство политической литературы, 1957, стр. 32.

² United Nations, *Treaty Series*, vol. 33, p. 314.

³ Резолюция 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1973 года, приложение; см. также Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1973 год* (в продаже под № R.75.V.1), стр. 100.

Союз Советских Социалистических Республик

[Подлинный текст на русском языке]
[28 февраля 1983 года]

Приводимая ниже информация представлена в дополнение к информации, направленной ра-

нее Секретариату Организации Объединенных Наций»¹.

1. Верховным Советом СССР 24 ноября 1982 года приняты Закон СССР «О государственной границе СССР» и Постановление «О введении в действие Закона СССР „О государственной границе СССР“»².

2. Статья 12 Закона СССР «О государственной границе СССР» устанавливает следующее:

Пропуск лиц, следующих через Государственную границу СССР, осуществляется пограничными войсками по действительным документам на право въезда в СССР или выезда из СССР.

Пропуск транспортных средств, грузов и иного имущества через Государственную границу СССР производится в соответствии с законодательством Союза ССР и международными договорами СССР.

В соответствии с международными договорами СССР может быть установлен упрощенный порядок пропуска лиц, транспортных средств, грузов и иного имущества через Государственную границу СССР.

3. В связи с принятием указанных актов с 1 марта 1983 года утрачивает силу «Положение об охране государственной границы СССР» от 5 августа 1960 года, которое упоминалось в переданной ранее информации³.

¹ Ежегодник..., 1982 год, том II (часть первая), стр. 305, документ A/CN.4/356 и Add. 1—3.

² «Правда», 26 ноября 1982 года.

³ Документ A/CN.4/356 и Add. 1—3 (см. список 1, выше), Союз Советских Социалистических Республик, раздел 1, пункт 4.

Швеция

[Подлинный текст на английском языке]
[24 февраля 1983 года]

*Нота Швеции от 17 января 1973 года в ответ на вскрытие дипломатической почты принимающим государством*¹

Посольство Королевства Швеции свидетельствует свое уважение Министерству иностран-

¹ Сообщена в вербальной ноте постоянного представительства Швеции при Организации Объединенных Наций.

ных дел Республики... и, ссылаясь на ноту Министерства № 5/73 от 3 января 1973 года относительно некоторых мер, которые должны быть приняты в целях борьбы с незаконным перевозом валюты... в ходе осуществляемого в настоящее время в... обмена валюты, имеет честь заявить следующее:

Понимая проблемы, стоящие перед властями... в нынешней ситуации, Посольство должно выразить свое глубокое беспокойство в связи с предусмотренными в ноте Министерства мерами, которые могут быть истолкованы как посягательство на неприкосновенность не только данного Посольства, но также Правительства, которое оно имеет честь представлять.

В частности, Посольство обращает внимание Министерства на серьезность мер, касающихся официальной корреспонденции и дипломатической почты, которые противоречат обычному международному праву, а также статье 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях, участником которой является также Республика... Международное право, регулирующее дипломатические сношения, запрещает какое-либо нарушение неприкосновенности официальной корреспонденции и дипломатической почты, независимо от того, следует ли она в министерство иностранных дел или из него, или между его представительствами. В связи с этим Посольство по поручению своего Правительства имеет честь информировать Министерство, что оно не может согласиться с вскрытием и инспекцией официальной корреспонденции и дипломатической почты.

Кроме того, исходя из положений статей 29 и 36 той же Венской конвенции, Посольство выражает уверенность, что власти... будут также воздерживаться от личного досмотра и инспекции личного багажа дипломатических сотрудников данного посольства, которые, возможно, будут въезжать в... в течение шестинедельного периода обмена валюты.

ДОКУМЕНТ A/CN.4/374 и ADD.1—4

Четвертый доклад о статусе дипломатического курьера
и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером,
подготовленный Специальным докладчиком г-ном Александром Янковым

[Подлинный текст на английском языке]
[18 мая, 1, 10, 16 и 28 июня 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Конвенции и соглашения, цитируемые в настоящем докладе . . . . .</i>	82
ВВЕДЕНИЕ	84
	<i>Пункты</i>
	1—5
<i>Разделы</i>	
I. РАССМОТРЕНИЕ ШЕСТЫМ КОМИТЕТОМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ПРОЕКТОВ СТАТЕЙ ОБ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЯХ И О СТАТУСЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЕРА	86
А. Прения по теме в целом	86
В. Комментарий по различным проектам статей, представленным Специальным докладчиком	87
II. ПРОЕКТЫ СТАТЕЙ О ВОЗМОЖНОСТЯХ, ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ КУРЬЕРУ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ КУРЬЕРУ AD HOC	89
А. Возможности, предоставляемые дипломатическому курьеру	90
1. Общие возможности	90
<i>Статья 15. Общие возможности . . . . .</i>	91
2. Въезд на территорию принимающего государства и государства транзита и свобода передвижения и сношений дипломатического курьера	91
<i>Статья 16. Въезд на территорию принимающего государства и государства транзита . . . . .</i>	94
<i>Статья 17. Свобода передвижения . . . . .</i>	94
<i>Статья 18. Свобода сношений . . . . .</i>	94
<i>Статья 19. Обеспечение временными жилыми помещениями . . . . .</i>	94
В. Привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическому курьеру	94
1. Неприкосновенность дипломатического курьера	94
а) Неприкосновенность личности	95
<i>Статья 20. Неприкосновенность личности . . . . .</i>	99
б) Неприкосновенность временных помещений и личных транспортных средств	99
<i>Статья 21. Неприкосновенность временных жилых помещений . . . . .</i>	102
<i>Статья 22. Неприкосновенность транспортных средств . . . . .</i>	102
2. Иммунитет от юрисдикции	102
<i>Статья 23. Иммунитет от юрисдикции . . . . .</i>	115
3. Освобождения, предоставляемые дипломатическому курьеру и дипломатическому курьеру ad hoc	116
а) Освобождение от личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа	118

<i>Разделы</i>	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
<i>Статья 24. Освобождение от личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа . . . . .</i>	165	121
<i>b) Освобождение от сборов и налогов . . . . .</i>	166—169	122
<i>Статья 25. Освобождение от сборов и налогов . . . . .</i>	169	122
<i>c) Освобождение от личных и государственных повинностей . . . . .</i>	170—174	122
<i>Статья 26. Освобождение от личных и государственных повинностей . . . . .</i>	174	123
<i>d) Изъятие, относящееся к социальному обеспечению . . . . .</i>	175—178	123
<i>Статья 27. Изъятие, относящееся к социальному обеспечению . . . . .</i>	178	124
C. Срок действия возможностей, привилегий и иммунитетов	179—212	124
1. Срок действия	179—189	124
<i>Статья 28. Срок действия привилегий и иммунитетов . . . . .</i>	189	126
2. Отказ от иммунитета	190—212	126
<i>Статья 29. Отказ от иммунитета . . . . .</i>	212	131
III. ПРОЕКТ СТАТЬИ О СТАТУСЕ КОМАНДИРА ЭКИПАЖА ГРАЖДАНСКОГО САМОЛЕТА ИЛИ КАПИТАНА ТОРГОВОГО СУДНА, КОТОРОМУ ВВЕРЕНЫ ПЕРЕВОЗКА И ДОСТАВКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ	213—243	131
A. Вводные замечания	213—215	131
B. История разработки соответствующих положений кодификационных конвенций	216—228	132
C. Краткий аналитический обзор практики государств	229—237	134
D. Основные составные элементы статуса командира экипажа гражданского самолета или капитана торгового судна	238—243	136
<i>Статья 30. Статус командира экипажа гражданского самолета, капитана торгового судна или уполномоченного члена экипажа . . . . .</i>	243	137
IV. ПРОЕКТЫ СТАТЕЙ О СТАТУСЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ	244—365	138
A. Вводные замечания	244—249	138
B. Указание статуса дипломатической почты	250—273	139
1. Внешние знаки и необходимые документы, указывающие на официальный статус дипломатической почты	250—256	139
2. Краткий аналитический обзор практики государств	257—273	140
<i>Статья 31. Указание статуса дипломатической почты . . . . .</i>	273	143
C. Содержание дипломатической почты	274—289	143
1. Сфера охвата и практическое значение правил, определяющих содержание дипломатической почты	274—275	143
2. Практика государств в области требований, касающихся содержания дипломатической почты	276—289	144
<i>Статья 32. Содержание дипломатической почты . . . . .</i>	289	147
D. Статус дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна	290—299	147
1. Практическое значение данного вида дипломатической почты	290—292	147
2. Основные характеристики дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или члену экипажа	293—297	147
3. Обязательства принимающего государства или государства транзита	298—299	148
<i>Статья 33. Статус дипломатической почты, вверенной командиру гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному члену экипажа . . . . .</i>	299	149
E. Статус дипломатической почты, отправляемой через посредство почтовых служб или с использованием других средств	300—321	149
1. Вводные замечания	300	149
2. Использование почтовых служб для отправки дипломатической почты	301—302	149

Разделы	Пункты	Стр.
3. Практика государств, включая международные соглашения и внутренние правила, касающиеся использования почтовых служб	303—311	150
4. Позиция Всемирного почтового союза	312—317	152
5. Дипломатическая почта, пересылаемая обычными видами наземного, воздушного или морского транспорта	318—321	154
<i>Статья 34. Статус дипломатической почты, отправляемой через посредство почтовой службы или с использованием других средств . . . . .</i>	321	154
F. Общие возможности, предоставляемые дипломатической почте	322—325	155
<i>Статья 35. Общие возможности, предоставляемые дипломатической почте . . . . .</i>	325	155
G. Неприкосновенность дипломатической почты	326—349	155
1. Вводные замечания	326—327	155
2. История развития принципа неприкосновенности дипломатической почты	328—337	156
3. Современная практика государств, относящаяся к неприкосновенности дипломатической почты	338—341	157
4. Содержание принципа неприкосновенности дипломатической почты	342—349	159
<i>Статья 36. Неприкосновенность дипломатической почты . . . . .</i>	349	160
H. Освобождение от таможенного и иного досмотра	350—355	160
1. Юридическое основание и объем освобождения от таможенного и иного досмотра	350—352	160
2. Современная практика государств	353—355	160
<i>Статья 37. Освобождение от таможенного и иного досмотра . . . . .</i>	355	161
I. Освобождение от таможенных пошлин и всех сборов и налогов	356—360	161
1. Объем освобождений	356—357	161
2. Договорная практика и национальное законодательство государств в отношении освобождения от таможенных пошлин, сборов и налогов	358—360	162
<i>Статья 38. Освобождение от таможенных пошлин и всех сборов и налогов . . . . .</i>	360	162
J. Меры защиты в обстоятельствах, препятствующих доставке дипломатической почты	361—365	162
<i>Статья 39. Меры защиты в обстоятельствах, препятствующих доставке дипломатической почты . . . . .</i>	365	163
V. ПРОЕКТЫ СТАТЕЙ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЧАСТИ IV: РАЗЛИЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	366—403	164
A. Вводные замечания	366—368	164
B. Обязанности государства транзита в случае форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств	369—380	164
<i>Статья 40. Обязанности государства транзита в случае форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств . . . . .</i>	380	166
C. Непризнание государств или правительств или отсутствие дипломатических или консульских отношений	381—395	166
<i>Статья 41. Непризнание государств или правительств или отсутствие дипломатических или консульских отношений . . . . .</i>	395	169
D. Связь настоящих проектов статей с другими конвенциями и международными соглашениями	396—403	169
<i>Статья 42. Связь настоящих статей с другими конвенциями и международными соглашениями . . . . .</i>	403	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	404	171

Конвенции и соглашения, цитируемые в настоящем докладе

МНОГОСТОРОННИЕ КОНВЕНЦИИ

Источник

Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года) Далее именуемая «Венская конвенция 1961 года».	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 500, p. 146.
Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года) Далее именуемая «Венская конвенция 1963 года»	<i>Ibid.</i> , vol. 596, p. 359.
Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года)	Организация Объединенных Наций, <i>Юридический ежегодник, 1969 год</i> (в продаже под № R.71.V.4), стр. 193.
Конвенция о специальных миссиях (Нью-Йорк, 8 декабря 1969 года)	<i>Там же</i> , стр. 170.
Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (Вена, 14 марта 1975 года) Далее именуемая «Венская конвенция 1975 года»	<i>Там же, 1975 год</i> (в продаже под № R.77.V.3), стр. 118.

КОНСУЛЬСКИЕ КОНВЕНЦИИ

Опубликована в издании

Договаривающиеся стороны *	Дата подписания	United Nations, <i>Treaty Series</i> или № регистрации	Министерство иностранных дел СССР, Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., «Международные отношения»
			Выпуск Год выпуска Стр.
Австрия — Румыния	24 сентября 1970 г.	vol. 848, p. 69	
Бельгия — Венгрия	9 июля 1976 г.	17197	
Бельгия — Польша	11 февраля 1972 г.	vol. 950, p. 21	
Бельгия — Соединенное Королевство	8 марта 1961 г.	vol. 523, p. 17	
Бельгия — СССР	12 июля 1972 г.	vol. 981, p. 308	
Бельгия — США	2 сентября 1969 г.	vol. 924, p. 71	
Бельгия — Турция	28 апреля 1972 г.	vol. 1029, p. 183	
Бельгия — Чехословакия	15 июня 1976 г.	17139	
Болгария — Австрия	14 мая 1975 г.	15660	
Венгрия — Болгария	26 ноября 1971 г.	vol. 902, p. 123	
Венгрия — Германская Демократическая Республика	28 июня 1972 г.	vol. 902, p. 37	
Венгрия — Корейская Народно-Демократическая Республика	5 октября 1970 г.	vol. 892, p. 69	
Венгрия — Куба	24 июля 1969 г.	vol. 892, p. 13	
Венгрия — США	7 июля 1972 г.	vol. 902, p. 177	
Венгрия — Чехословакия	17 мая 1973 г.	vol. 986, p. 117	
Греция — Болгария	31 мая 1973 г.	vol. 965, p. 245	
Греция — Венгрия	18 марта 1977 г.	17962	
Греция — Польша	30 августа 1977 г.	17871	
Греция — Соединенное Королевство	17 апреля 1953 г.	vol. 191, p. 151	
Монголия — Германская Демократическая Республика	12 октября 1973 г.	vol. 943, p. 3	
Монголия — Соединенное Королевство	21 ноября 1975 г.	15183	
Монголия — Чехословакия	3 июня 1976 г.	15930	
Польша — Австрия	2 октября 1974 г.	16848	
Польша — Куба	12 мая 1972 г.	16845	
Польша — Монголия	31 мая 1973 г.	16855	
Польша — Румыния	24 марта 1973 г.	16583	
Польша — СССР	27 мая 1971 г.	vol. 831, p. 3	
Румыния — Бельгия	1 июля 1970 г.	vol. 931, p. 63	
Румыния — Венгрия	18 марта 1959 г.	vol. 417, p. 3	

* Первое упомянутое государство-сторона — государство, зарегистрировавшее конвенцию.

Опубликована в издании

Министерство иностранных дел СССР, Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, М., «Международные отношения»

Договаривающиеся стороны *	Дата подписания	United Nations, Treaty Series или № регистрации	Выпуск	Год выпуска	Стр.
Румыния — Германская Демократическая Республика	15 июля 1958 г.	vol. 387, p. 133			
Румыния — Испания	5 января 1967 г.	vol. 642, p. 103			
Румыния — Италия	8 августа 1967 г.	vol. 847, p. 3			
Румыния — Корейская Народно-Демократическая Республика	2 ноября 1971 г.	vol. 889, p. 31			
Румыния — Куба	31 мая 1971 г.	vol. 881, p. 101			
Румыния — Монголия	29 апреля 1967 г.	vol. 710, p. 237			
Румыния — Соединенное Королевство	11 сентября 1968 г.	vol. 789, p. 3			
Румыния — СССР	14 марта 1972 г.	vol. 881, p. 153			
Румыния — США	5 июля 1972 г.	vol. 890, p. 109			
Соединенное Королевство — Болгария	13 марта 1968 г.	vol. 681, p. 273			
Соединенное Королевство — Венгрия	12 марта 1971 г.	vol. 824, p. 3			
Соединенное Королевство — Германская Демократическая Республика	4 мая 1976 г.	15524			
Соединенное Королевство — Дания	27 июня 1962 г.	vol. 562, p. 75			
Соединенное Королевство — Испания	30 мая 1961 г.	vol. 562, p. 169			
Соединенное Королевство — Мексика	20 марта 1954 г.	vol. 331, p. 21			
Соединенное Королевство — Монголия	21 ноября 1975 г.	15183			
Соединенное Королевство — Норвегия	22 февраля 1951 г.	vol. 326, p. 209			
Соединенное Королевство — Польша	23 февраля 1967 г.	vol. 813, p. 261			
Соединенное Королевство — Франция	31 декабря 1951 г.	vol. 330, p. 143			
Соединенное Королевство — Чехословакия	3 апреля 1975 г.	15520			
Соединенное Королевство — Япония	4 мая 1964 г.	vol. 561, p. 25			
СССР — Ангола	26 мая 1976 г.		XXXV	1981	40
СССР — Бенин	16 декабря 1976 г.		XXXV	1981	53
СССР — Болгария	12 декабря 1957 г.	vol. 302, p. 21			
СССР — Болгария	6 мая 1971 г.	vol. 897, p. 147			
СССР — Венгрия	24 августа 1957 г.	vol. 318, p. 3			
СССР — Венгрия	20 марта 1971 г.	vol. 897, p. 91			
СССР — Гвинея	23 апреля 1976 г.		XXXIII	1979	49
СССР — Гвинея-Бисау	16 апреля 1976 г.		XXXIII	1979	61
СССР — Германская Демократическая Республика	10 мая 1957 г.	vol. 285, p. 135			
СССР — Индия	29 ноября 1973 г.		XXXI	1977	82
СССР — Италия	16 мая 1967 г.	vol. 936, p. 35			
СССР — Кипр	8 февраля 1978 г.		XXXV	1981	94
СССР — Куба	15 июня 1972 г.	vol. 897, p. 301			
СССР — Мексика	18 мая 1978 г.		XXXV	1981	106
СССР — Мозамбик	31 марта 1977 г.		XXXV	1981	115
СССР — Монголия	5 апреля 1972 г.	vol. 914, p. 129			
СССР — Норвегия	7 декабря 1971 г.	vol. 941, p. 33			
СССР — Острова Зеленого Мыса	27 ноября 1976 г.		XXXIV	1980	38
СССР — Румыния	4 сентября 1957 г.	vol. 318, p. 55			
СССР — Сирийская Арабская Республика	3 июня 1976 г.		XXXV	1981	133
СССР — Соединенное Королевство	2 декабря 1965 г.	vol. 655, p. 259			
СССР — Сомали	19 ноября 1971 г.	vol. 897, p. 205			
СССР — Чехословакия	27 апреля 1972 г.	vol. 897, p. 249			
СССР — Эфиопия	6 мая 1977 г.		XXXIII	1979	37
СССР — Япония	29 июля 1966 г.	vol. 608, p. 93			
США — Болгария	15 апреля 1974 г.	vol. 998, p. 99			
США — Ирландия	1 мая 1950 г.	vol. 222, p. 107			
США — Китай	17 сентября 1980 г.	не зарегистрирована**			
США — Корейская Республика	8 января 1963 г.	vol. 493, p. 105			
США — Польша	31 мая 1972 г.	vol. 925, p. 31			
США — Франция	18 июля 1966 г.	vol. 700, p. 257			
Финляндия — Венгрия	24 августа 1971 г.	vol. 859, p. 3			
Финляндия — Польша	2 июня 1971 г.	vol. 858, p. 97			
Финляндия — Румыния	30 июня 1971 г.	vol. 897, p. 3			
Франция — Алжир	24 мая 1974 г.	18952			
Франция — Болгария	22 июля 1968 г.	vol. 747, p. 375			
Франция — Камерун	13 ноября 1960 г.	vol. 741, p. 65			

** Текст опубликован в *International Legal Materials*, Washington, D. C., vol. XIX, No. 5. September 1980, p. 1119.

Договаривающиеся стороны *	Дата подписания	United Nations, Treaty Series или № регистрации	Опубликована в издании		
			Выпуск	Год выпуска	Стр.
Франция — Камерун (Объединенная Республика)	21 февраля 1974 г.	vol. 999, p. 49			
Франция — Польша	20 февраля 1976 г.	15886			
Франция — Румыния	18 мая 1968 г.	vol. 747, p. 203			
Франция — Сенегал	29 марта 1974 г.	16158			
Франция — Тунис	28 июня 1972 г.	vol. 939, p. 219			
Франция — Чехословакия	22 января 1969 г.	vol. 771, p. 61			
Чехословакия — Германская Демократическая Республика	24 мая 1957 г.	vol. 292, p. 327			
Чехословакия — Италия	10 октября 1975 г.	17905			
Чехословакия — Кипр	12 мая 1976 г.	17836			
Чехословакия — Югославия	24 июня 1963 г.	vol. 496, p. 3			
Швеция — Румыния	12 февраля 1974 г.	20537			
Швеция — Соединенное Королевство	14 марта 1952 г.	vol. 202, p. 157			
Япония — США	22 марта 1963 г.	vol. 518, p. 179			

ОБМЕН НОТАМИ

Договаривающиеся стороны	Дата обмена	Опубликованы в	
		United Nations, Treaty Series или № регистрации	
Австралия — Китай	18 сентября 1978 г.	19630	
Бразилия — Аргентина	6 июля 1961 г.	vol. 657, p. 117	
Бразилия — Венесуэла	30 января 1946 г.	vol. 65, p. 107	
Бразилия — Уругвай	16 декабря 1944 г.	vol. 65, p. 305	
Соединенное Королевство — Доминиканская Республика	1 и 9 августа 1956 г.	vol. 252, p. 121	
Соединенное Королевство — Мексика	27 сентября 1946 г.	vol. 91, p. 161	
Соединенное Королевство — Нидерланды	30 ноября 1951 г.	vol. 123, p. 177	
Соединенное Королевство — Норвегия	23 декабря 1946 г.	vol. 70, p. 269	
Соединенное Королевство — Норвегия	15 января 1947 г.	vol. 11, p. 187	
Эквадор — Бразилия	15 ноября 1946 г.	vol. 72, p. 25	

Введение

1. Четвертый доклад на рассматриваемую тему следует структуре проекта статей, предложенной Специальным докладчиком в его трех предыдущих докладах¹ и в предварительном поряд-

¹ Три предыдущих доклада Специального докладчика следующие:

a) предварительный доклад, представленный Комиссии на ее тридцать второй сессии в 1980 году: *Ежегодник.., 1980 год*, том II (часть первая), стр. 263, документ A/CN.4/335;

b) второй доклад, представленный Комиссии на ее тридцать третьей сессии в 1981 году: *Ежегодник.., 1981 год*,

ке принятой Комиссией. Эта структура проекта состоит из четырех частей: часть I: общие положения; часть II: статус дипломатического курье-

том II (часть первая), стр. 189, документ A/CN.4/347 и Add. 1 и 2;

c) третий доклад, представленный Комиссии на ее тридцать четвертой сессии в 1982 году: *Ежегодник.., 1982 год*, том II (часть первая), стр. 323, документ A/CN.4/359 и Add. 1.

Относительно структуры проекта статей см. предварительный доклад, пункт 60; второй доклад, пункт 7; третий доклад, пункт 10.

ра, дипломатического курьера *ad hoc* и командира гражданского самолета или капитана судна, перевозящего дипломатическую почту; часть III: статус дипломатической почты, включая дипломатическую почту, не сопровождаемую дипломатическим курьером; часть IV: различные положения, включая положения об обязательствах третьего государства в случаях форс-мажора или непредвиденных обстоятельств и о взаимосвязи между настоящими проектами статей и существующими многосторонними конвенциями в области дипломатического права, а также другие положения².

2. Во втором докладе содержатся проекты статей 1—6 части I проекта (Общие положения)³. Эти проекты статей, за исключением проектов статей 2 и 6, пересмотренные Специальным докладчиком в его третьем докладе⁴, были переданы Редакционному комитету⁵.

3. В третьем докладе основное внимание было сосредоточено на некоторых вопросах, касающихся статуса дипломатического курьера. Как Специальный докладчик отметил в этом докладе⁶, понятие статуса дипломатического курьера в узком смысле включает положения, касающиеся подтверждения статуса, назначения, гражданства и функций. Далее в докладе он отмечал, что понятие статуса курьера также могло бы иметь более широкое значение, оправдывающее включение положений о правах и обязанностях дипломатического курьера, в том числе о возможностях, привилегиях и иммунитетах, предоставляемых ему при выполнении им своих функций. Проекты статей, представленные в третьем докладе, касались статуса дипломатического курьера только в узком смысле этого понятия и поэтому относились к подтверждению статуса (статья 7), назначению дипломатического курьера (статья 8), назначению одного и того же лица двумя или несколькими государствами в качестве дипломатического курьера (статья 9), гражданству дипломатического курьера (статья 10), функциям (статья 11), началу выполнения функций (статья 12), прекращению функций (статья 13) и лицам, объявлен-

ным *pop grata* или неприемлемыми (статья 14). Эти проекты статей были также переданы Редакционному комитету⁷.

4. В настоящем докладе Специальный докладчик преследует следующие цели: а) завершить рассмотрение части II проекта статей, посвященного статусу дипломатического курьера, и представить Комиссии проекты статей о возможностях, привилегиях и иммунитетах дипломатического курьера и о статусе командира гражданского самолета или капитана судна; б) рассмотреть статус дипломатической почты, сопровождаемой или не сопровождаемой дипломатическим курьером, и представить относящиеся к этим вопросам проекты статей, которые составляют часть III; в) представить проекты статей, составляющие часть IV (Различные положения) и касающиеся: i) обязанностей третьих государств в случаях форс-мажора или непредвиденных обстоятельств; ii) режима дипломатического курьера и дипломатической почты в случае непризнания государств или правительств или отсутствия дипломатических или консульских отношений; и iii) взаимосвязи этих проектов статей с другими конвенциями и международными соглашениями в области дипломатического права, относящегося к статусу дипломатического курьера и дипломатической почты. Таким образом, весь комплекс проектов статей о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты в том виде, в каком Специальный докладчик его разработал, будет представлен для первого чтения.

5. В настоящем докладе изучение вопросов, касающихся рассматриваемой темы, будет строиться на той же функциональной концепции статуса дипломатического курьера и дипломатической почты. Учитывая многоцелевой характер службы курьера и предназначения почты в отношении самых различных официальных представительств — постоянных дипломатических представительств и консульских учреждений, специальных миссий, постоянных представительств при международных организациях и делегаций на международных конференциях, — предлагается применить тот же всеобъемлющий и единообразный подход ко всем видам курьеров и почты. В предыдущих докладах уже проводился широкий аналитический обзор подготовительной работы по составлению четырех конвенций кодификационного характера⁸, заключенных под эгидой Организации Объединенных Наций и касающихся, в частности, статуса дипломатиче-

² Структура, принятая Комиссией после рассмотрения на ее тридцать второй сессии предложений Специального докладчика [*Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 176 и 177, пункт 170]. См. также замечания или предложения, сделанные членами Комиссии на этой сессии [*Ежегодник...*, 1980 год, том I, стр. 300, 1634-е заседание, пункт 38 (г-н Рейтер); стр. 313, 1636-е заседание, пункт 19 (г-н Эвенсен); стр. 320—322, 1637-е заседание, пункт 7 (г-н Фрэнсис), пункт 16 (г-н Тиам) пункты 24—26 (г-н Рифаген) и пункт 29 (сэр Фрэнсис Вэллет)].

³ Документ A/CN.4/347 и Add. 1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 49, 211, 217, 225 и 231.

⁴ Документ A/CN.4/359 и Add. 1 (см. сноску 1, выше), пункты 19, 42 и 56.

⁵ *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 149, пункт 249.

⁶ Документ A/CN.359 и Add. 1 (см. сноску 1, выше), пункт 61.

⁷ См. сноску 5, выше.

⁸ Венская конвенция 1961 года, Венская конвенция 1963 года, Конвенция о специальных миссиях и Венская конвенция 1975 года, далее именуемые «кодификационные конвенции» или «кодификационные конвенции в области дипломатического права» (см. стр. 82, выше, сведения об этих документах).

ского курьера и дипломатической почты⁹. Поэтому в настоящем докладе большой упор будет сделан на рассмотрение практики государств, включая национальное законодательство и международные соглашения. В этой связи особое

⁹ См. особенно второй доклад (см. сноску 1, выше), содержащий, с одной стороны, аналитический обзор четырех конвенций, которые явились правовой основой единообразного режима, регулирующего статус дипломатических и консульских курьеров, курьеров специальных миссий и постоянных представительств и курьеров делегаций при международных организациях, и, с другой стороны, обширный исторический обзор эволюции понятий дипломатической почты, консульской почты и почты специальных миссий, постоянных представительств и делегаций на международных конференциях.

внимание будет уделено изучению заключенных в последнее время договоров по рассматриваемой теме. Во многих случаях необходимо будет выйти за рамки существующих норм, с тем чтобы попытаться ликвидировать некоторые имеющиеся в них пробелы и предложить новые положения, которые в большей мере соответствовали бы динамике современных официальных сношений. В этой работе по кодификации и прогрессивному развитию норм, регулирующих статус дипломатического курьера и дипломатической почты, предлагается придерживаться эмпирического и прагматического подхода, как это делалось в отношении проектов статей, уже представленных к настоящему времени.

I. Рассмотрение Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи проектов статей об общих положениях и о статусе дипломатического курьера

A. Прения по теме в целом

6. Прения о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты в Шестом комитете на тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи со всей очевидностью продемонстрировали то значение, которое придается этой теме государствами-членами. Следует отметить, что среди представителей, выступавших по вопросу о работе Комиссии международного права, более сорока высказали свою точку зрения по этой теме в целом и сделали замечания по находящимся на рассмотрении различным проектам статей. Было высказано много полезных наблюдений и критических замечаний, требующих внимательного изучения.

7. Большинство ораторов, обсуждавших статус дипломатического курьера и дипломатической почты, отметили важное значение свободы сношений между государствами и их представительств за рубежом в качестве основополагающего принципа международного права и одной из предпосылок нормального функционирования этих представительств. В этой связи было отмечено, что нынешняя работа по статусу дипломатического курьера и дипломатической почты имеет практическое значение, особенно в свете технического прогресса в области средств, используемых для официальных сношений. Некоторые представители отметили, что возросшее число злоупотреблений привилегиями и иммунитетами курьера и почты привели к тому, что международные соглашения в этой области уже не соответствуют современным условиям, и что это оправдывает разработку и принятие международно-правового документа, кодифицирующего нормы в данной области. Было отмечено, что

Комиссии следует продолжать работу над этой темой более активно и на первоочередной основе в целях ее скорейшего и успешного завершения¹⁰.

8. В то же время некоторые представители высказали сомнения относительно необходимости уделения в настоящее время непосредственного внимания кодификации этого вопроса, поскольку существующие на этот счет правовые нормы уже достаточно устоялись. Было также отмечено, что не увеличение числа правовых норм, а желание соблюдать их гарантирует их реализацию¹¹.

9. Несколько представителей указали на то, что они воздержатся от конкретных комментариев до тех пор, пока Комиссия не завершит разработку проектов статей по этой теме. Было также отмечено, что более развернутые комментарии могли бы быть представлены после того, как Комиссия рассмотрит статус дипломатической почты и возможные злоупотребления им¹².

10. В этом множестве самых различных мнений относительно значения и практической целесообразности разработки темы о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты преобладает тенденция к признанию практической важности и необходимости кодификации конкретных норм по этой теме. Прения, состоявшиеся в Шестом комитете на тридцать восьмой

¹⁰ См. «Тематическое резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать седьмой сессии, подготовленное Секретариатом» (A/CN.4/L.352), пункты 186, 187 и 189.

¹¹ Там же, пункт 188.

¹² Там же, пункт 186.

сессии Генеральной Ассамблеи, служат тому еще одним подтверждением.

11. Были также высказаны общие замечания по различным аспектам темы в целом, включая вопрос о сфере ее охвата и той методологии, которую следует использовать в проводимой в настоящее время работе. Некоторые представители полагали, что проекты статей должны также распространяться на курьеров и почту, используемые для официальных целей международными организациями¹³. Высказывались также мнения о том, что сфера применения проектов статей должна быть расширена с тем, чтобы включить в нее сношения признанных национально-освободительных движений¹⁴. В то же время некоторые представители подчеркивали, что расширение сферы применения проектов статей является неоправданным и не позволит сделать их общеприемлемыми¹⁵.

12. С учетом мнений, высказанных в Шестом комитете и в Комиссии, Специальный докладчик предлагает на данном этапе работы над этой темой ограничить сферу применения проектов статей курьерами и почтой, используемыми государствами, как это было предложено в третьем докладе¹⁶. Он напоминает, что в проект статьи 2 включены положения о гарантиях, особенно в отношении курьеров и почты, используемых международными организациями, с тем чтобы их интересы были учтены.

13. Всеобъемлющий и единообразный подход, применяемый ко всем видам курьеров и почты, используемых государствами, получил одобрение. Однако одной делегацией было высказано мнение, что

¹³ Там же, пункт 193. См. также заявление представителя Бразилии (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 47-е заседание, пункт 4*); заявление представителя Алжира (*там же, 48-е заседание, пункт 39*); заявление представителя Ирака (*там же, 50-е заседание, пункт 60*); и заявление представителя Заира (*там же, 51-е заседание, пункт 28*).

¹⁴ См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 193, а также заявление представителя Германской Демократической Республики (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 40-е заседание, пункт 73*); заявление представителя Ливийской Арабской Джамахирии (*там же, 49-е заседание, пункт 55*); и заявление представителя Заира (*там же, 51-е заседание, пункт 30*). См. также противоположное мнение, выраженное по этому поводу представителем Израиля (*там же, 47-е заседание, пункт 18*).

¹⁵ См., например, заявление представителя Франции, который отметил, что

«любая попытка вынести эти положения за пределы действия положений о дипломатическом курьере и не сопровождаемой дипломатической почте *stricto sensu* может нанести ущерб успеху такого мероприятия, которое, по мнению его делегации, имеет большое значение» (*там же, 38-е заседание, пункт 21*).

Некоторые представители в более общих чертах выразили свое согласие в отношении сферы применения и структуры проекта статей в том виде, в каком они представлены Специальным докладчиком.

¹⁶ Документ A/CN.4/359 и Add. 1 (см. сноску 1, выше), пункты 16—18, где изложены основные доводы в пользу

применимые нормы по охране этих сношений, по крайней мере в тех или иных целях, отдельно рассматриваются в Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях [и что] действие различных признанных норм, определяющих соответствующий режим, не должно подрываться положениями проекта, касающимися статуса дипломатической почты¹⁷.

Это заявление касается проблемы неприкосновенности дипломатической почты и консульской почты, как это предусмотрено, соответственно, в пункте 3 статьи 27 Венской конвенции 1961 года и в пункте 3 статьи 35 Венской конвенции 1963 года. Этот вопрос был довольно подробно рассмотрен Специальным докладчиком в его втором докладе¹⁸ и будет рассмотрен вновь в настоящем докладе в связи с проектом статей о неприкосновенности дипломатической почты и ее освобождении от проверки электронными или механическими средствами.

14. Некоторые представители приветствовали стремление Комиссии достичь справедливого равновесия между требованиями о конфиденциальном характере почты и интересами безопасности и другими законными интересами принимающего государства и государства транзита¹⁹. При рассмотрении вопроса о статусе дипломатической почты, в частности ее неприкосновенности, Специальный докладчик намерен исходить из этой основополагающей предпосылки гармоничного сочетания интересов.

15. Были высказаны и некоторые другие общие комментарии и предложения, которые в настоящем докладе будут рассмотрены ниже в связи с конкретными вопросами, касающимися проектов статей.

V. Комментарии по различным проектам статей, представленным Специальным докладчиком

16. Четырнадцать проектов статей, представленных Специальным докладчиком, были в целом одобрены как основа для правового документа, кодифицирующего относящиеся к данной теме нормы. Однако один представитель придерживался того мнения, что проекты статей в некоторых случаях слишком детализированы²⁰, в то

сохранения сферы применения проектов статей в том виде, в каком она сформулирована в пересмотренном проекте статьи 1.

¹⁷ Заявление представителя Соединенных Штатов Америки (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 52-е заседание, пункт 37*).

¹⁸ Документ A/CN.4/347 и Add. 1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 168—173.

¹⁹ См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 192. См. также заявление представителя Ливийской Арабской Джамахирии (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 49-е заседание, пункт 55*); заявление представителя Пакистана (*там же, 51-е заседание, пункт 80*); и заявление представителя Шри-Ланки (*там же, пункт 86*).

²⁰ См. заявление представителя Германской Демократической Республики (*там же, 40-е заседание, пункт 72*); см. также «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 190.

время как другой представитель считал, что проекты статей о статусе дипломатического курьера (статьи 7—14), по-видимому, излишне тяготеют к отождествлению дипломатического курьера с персоналом дипломатического представительства²¹. Эти критические замечания, высказанные в общих выражениях, будут учтены Специальным докладчиком в его дальнейшей работе над проектами статей.

17. Некоторые замечания по конкретным проектам статей касались в основном чисто редакционных вопросов, которые следует довести до сведения Редакционного комитета, когда он будет рассматривать соответствующие проекты статей, подготовленные Специальным докладчиком. Поэтому в настоящем докладе они рассматриваться не будут. Это касается замечаний по проектам статей 1—4, 6, 8, 12 и 14 и по некоторым аспектам положений, содержащихся в этих статьях²².

18. Некоторые замечания по конкретным проектам статей имели толковательный характер, и их уместнее рассмотреть в комментариях к этим проектам. Это касается замечания одного представителя в отношении термина «дипломатический курьер», который считал, что этим термином должны охватываться лица, которым поручена перевозка почты не только представительств посылающего государства, но и из этих представительств в посылающее государство²³. Именно этот смысл и имеет проект статьи 1, в котором говорится о сношениях «государств... со* своими дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями...» и об «официальных сношениях этих миссий... с* посылающим государством или между собой*» посредством дипломатических курьеров и дипломатической почты...». По нашему мнению, очевидно наличие *двусторонних сношений*. Другое замечание толковательного характера касалось проекта статьи 4 в связи со сношениями со специальными миссиями, постоянными представительствами при международных организациях и делегациями на международных конференциях, когда отсутствуют дипломатические отношения между посылающим и принимающим государством или государством транзита²⁴. Проект статьи 4 содержит формулировку общего прин-

ципа свободы сношений посредством дипломатических курьеров и дипломатической почты и поэтому предусматривает общие обязательства государства пребывания и государства транзита разрешать и охранять на их территории свободные сношения без каких-либо условий. Тем не менее следует отметить, что в части IV (Различные положения) предусматривается конкретный проект статьи по этому вопросу. Замечание по пункту 2 b статьи 6 также можно рассматривать как замечание толковательного характера и его можно включить в комментарий к этой статье. Оно касается толкования термина «третье государство» и состоит в том, что этот термин неуместен, поскольку положение этого пункта касается «других государств, которые являются участниками договора»²⁵. Термин «третье государство» в пункте 2 b статьи 6 касается государств, которые не являются участниками заключенного между двумя или более государствами соглашения об изменении объема предоставляемых, привилегий и иммунитетов, предоставляемых их дипломатическим курьерам и дипломатической почте. Это уточнение, видимо, необходимо включить в комментарий к проекту статьи 6.

19. Ряд замечаний касался начала и прекращения функций дипломатического курьера (проекты статей 12 и 13). Было отмечено, что функции дипломатического курьера начинаются не при пересечении границы государства транзита или принимающего государства, а когда он начал поездку по территории принимающего государства, и что он должен находиться под защитой с этого момента²⁶. Очевидно, что, как отмечалось в третьем докладе, началом выполнения официальной функции дипломатического курьера считается момент его назначения или получения им задания, однако для принимающего государства или государства транзита моментом начала выполнения функций дипломатического курьера считается момент его въезда на их территорию. С этого момента он пользуется возможностями, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми ему этими государствами для осуществления им своих официальных функций²⁷. Возможно, надо уточнить, что, хотя моментом начала выполнения функций курьера является момент, когда ему поручается хранение, транспортировка и доставка почты, для принимающего государства и государства транзита его функции начинаются с момента его

²¹ См. заявление представителя Испании (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 48-е заседание, пункт 102*); см. также «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 197.

²² См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункты 198—202, 204, 207 и 209.

²³ См. заявление представителя Ямайки (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 40-е заседание, пункт 39*); см. также «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 198.

²⁴ См. заявление представителя Израиля (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 47-е заседание, пункт 19*); см. также «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 201.

²⁵ См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 202.

²⁶ См. заявление представителя Испании (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 48-е заседание, пункт 103*); и заявление представителя Израиля (*там же, 47-е заседание, пункт 19*); см. также «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 207.

²⁷ Документ A/CN.4/359 и Add.1 (см. сноску 1, выше), пункт 112.

въезда на их территорию. Что касается прекращения функций дипломатического курьера, то было высказано мнение, что пункты *a* и *b* статьи 13 требуют дополнительного уточнения. По пункту *a* о прекращении функций курьера по выполнению им своей задачи отмечалось, что даже после доставки курьером дипломатической почты его статус не должен резко изменяться на статус обыкновенного иностранца в принимающем государстве и он должен по-прежнему пользоваться необходимой защитой²⁸. В этой связи необходимо уточнить, что функции дипломатического курьера прекращаются после доставки почты в конечный пункт назначения или после его возвращения в страну происхождения. Следует также уточнить, что пункт *b* статьи 13 касается уведомления посылающим государством принимающего государства о том, что функции дипломатического курьера прекращаются в случае отзыва или отстранения, как отмечалось в третьем докладе²⁹. Поэтому в нормальных условиях, когда миссия курьера завершена, уведомление об этом не является необходимым, и оно не предусмотрено в проекте статьи, подготовленном Специальным докладчиком. Такое уточнение можно включить в комментарий к статье, с тем чтобы избежать какой-либо неясности.

²⁸ См. заявление представителя Чили (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 44-е заседание, пункт 92*); см. также «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 208.

²⁹ Документ A/CN.4/359 и Add. I (см. сноску 1, выше), пункт 122.

20. Один представитель полагал, что пункт 2 проекта статьи 14 является неуместным и излишним, поскольку решение о назначении или направлении другого дипломатического курьера в случаях, когда предыдущий курьер был объявлен *persona non grata* или неприемлемым, относится к компетенции посылающего государства. Было высказано мнение о том, что проект статьи в его нынешнем виде может быть истолкован как налагающий на посылающее государство обязательство заменить дипломатического курьера, объявленного *persona non grata* или неприемлемым³⁰. Замена дипломатического курьера в этом случае необходима для нормального осуществления официальных сношений между соответствующими государствами. Конкретное упоминание об этом в пункте 2 проекта статьи 14 является следствием этого. Оно отражает тот факт, что дипломатический курьер может осуществлять свои функции на территории принимающего государства лишь с согласия этого государства.

21. Был высказан ряд замечаний, касающихся статуса дипломатической почты, особенно в отношении ее содержания и мер защиты от возможных злоупотреблений³¹. Их можно рассмотреть в последующих частях этого доклада в связи с соответствующими проектами статей, которые будут внесены на рассмотрение.

³⁰ См. «Тематическое резюме...» (A/CN.4/L.352), пункт 209.

³¹ См. заявление представителя Индии (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 46-е заседание, пункт 92*); и заявление представителя Занра (*там же, 51-е заседание, пункт 29*).

II. Проекты статей о возможностях, привилегиях и иммунитетах, предоставляемых дипломатическому курьеру и дипломатическому курьеру *ad hoc*

22. Характер и объем возможностей, привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическому курьеру для осуществления им своих функций, лежат в основе вопроса о его правовом статусе. Они всегда рассматривались как важнейшие правовые средства защиты свободы сношений между посылающим государством и его официальными представительствами за рубежом. Значение данной проблемы следует также рассматривать в тесной связи с возможностями, привилегиями и иммунитетами, которые должны предоставляться дипломатической почте в качестве основного инструмента официальных сношений, ибо очевидно, что защита личности дипломатического курьера является необходимым условием неприкосновенности и безопасности доверенной ему дипломатической почты.

23. Начиная с первоначальной стадии составления проекта Венской конвенции 1961 года и до последней договорной практики государств данный вопрос всегда рассматривался в качестве центрального вопроса, относящегося ко всей правовой системе дипломатических сношений в целом и статусу любого официального курьера в частности. Очевидно, что составители четырех кодификационных конвенций исходили из того, что курьер, вне зависимости от того, каким курьером он является, должен всегда пользоваться защитой принимающего государства и государства транзита и что он должен пользоваться определенными правами при выполнении им своей задачи. Этот принцип был далее подтвержден в консульских и других соглашениях, заключенных большим числом государств. В це-

лом охват этого принципа, очевидно, подразумевает следующее:

во-первых, заинтересованные государства должны разрешать въезд и свободное передвижение дипломатического курьера на своей территории и его сношения с посылающим государством и его представительствами, когда это необходимо, и должны предоставлять ему другие возможности, необходимые для выполнения им своих функций;

во-вторых, заинтересованные государства должны относиться к курьеру с должным уважением и должны принять все необходимые меры для его защиты и защиты вверенной ему дипломатической почты, а также для предотвращения любых посягательств на его личность, свободу и возможности выполнения им его официальных функций;

в-третьих, курьер должен пользоваться определенными иммунитетами и освобождениями, предоставляемыми ему при выполнении им своих функций;

в-четвертых, возможности, привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическому курьеру, должны быть такими же, что и для консульских и других официальных курьеров.

24. В основу проекта статей о статусе дипломатического курьера, который будет представлен в настоящем докладе, лягут эти основополагающие соображения. Поэтому настоящая часть доклада будет состоять из следующих основных разделов:

1. *Возможности*, включая общие возможности, въезд на территорию принимающего государства или государства транзита, свободу передвижения и сношений, а также возможности для временного проживания дипломатического курьера.

2. *Привилегии и иммунитеты*, включая неприкосновенность личности курьера и его временного жилья, а также транспортных средств, иммунитет от юрисдикции и различные освобождения, предоставляемые ему при выполнении им своих функций.

3. *Сроки, на которые предоставляются возможности*, привилегии и иммунитеты, а также вопрос об отказе от иммунитета.

25. Изучение вопроса о возможностях, привилегиях и иммунитетах следует проводить в соответствии с уже установившейся концепцией всеобъемлющего и единообразного режима для всех видов курьеров и курьеров *ad hoc*. В отношении последнего необходимо учитывать некоторые особенности статуса дипломатического курьера *ad hoc*, как это указано во втором докладе³².

³² Документ A/CN.4/347 и Add. 1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 111—115.

А. Возможности, предоставляемые дипломатическому курьеру

1. ОБЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

26. Дипломатический курьер в качестве официального должностного лица посылающего государства при осуществлении им своих функций на территории принимающего государства или государства транзита может нуждаться в связи со своей поездкой в определенной помощи. Возможности, которые могут быть ему необходимы, в данном случае могут включать различную помощь и содействие, которые предоставляются курьеру властями принимающего государства или государства транзита для выполнения им своих функций быстро и без излишних затруднений. Некоторые из этих возможностей можно предусмотреть заранее ввиду их насущного характера и повторяемости, в то время как другие могут быть случайными, непредвиденными или специфическими по своему характеру, в связи с чем их трудно конкретно оговорить в проекте статьи. Кроме того, было бы нежелательно устанавливать какой-либо исчерпывающий перечень возможностей, предоставляемых курьеру.

27. Такой подход, при котором дается общее положение о возможностях наряду с отдельными положениями по некоторым возможностям, использовался в четырех кодификационных конвенциях. В статье 25 Венской конвенции 1961 года говорится об обязательстве принимающего государства «предоставлять все возможности для выполнения функций представителя». Статья 28 Венской конвенции 1963 года составлена в соответствии с этим положением и использует ту же формулировку. То же касается и статьи 22 Конвенции о специальных миссиях, в которой говорится об обязательстве предоставлять «возможности, необходимые». Статьи 20 и 51 Венской конвенции 1975 года также используют формулировку «все необходимые возможности». Основным требованием в отношении характера и объема общих возможностей является наличие их тесной зависимости от потребностей, связанных с надлежащим осуществлением курьером своих функций. Такие возможности могут предоставляться центральными или местными властями в зависимости от обстоятельств. Они могут быть техническими либо административными по своему характеру, связанными с допуском или въездом на территорию принимающего государства или государства транзита, а также с помощью в получении транспортных средств либо других аналогичных возможностей, связанных с перевозкой дипломатической почты и обеспечением ее безопасности.

28. Ссылку на общие возможности, предоставляемые дипломатическому курьеру, также можно найти в материалах, относящихся к подготовительной работе над кодификационными кон-

венциями, которая привела к составлению вышеупомянутых статей. В этой связи следует отметить о пункте 1 проекта статьи 16, представленного Комиссии на ее десятой сессии Специальным докладчиком по вопросам дипломатических сношений и иммунитетов; этот пункт гласил:

1. Принимающее государство должно предоставлять все необходимые возможности для обеспечения работы миссии. В частности, оно должно разрешать и защищать любые средства сношений между миссией и министерством иностранных дел посылающего государства либо между консульствами и гражданами этого государства на территории принимающего государства, включая курьеров, имеющих паспорта *ad hoc*, а также закодированные или шифрованные депеши³³.

29. Никакие другие проекты статей не содержат конкретных положений относительно общих возможностей, предоставляемых дипломатическому курьеру при выполнении им своих функций. Поэтому дальнейшее обсуждение этого вопроса не проводилось. В ходе подготовительной работы над другими кодифицированными конвенциями не было каких-либо трудностей с принятием положений относительно общих возможностей, идентичных либо аналогичных по своей формулировке статье 25 Венской конвенции 1961 года.

30. В практике государств, как об этом свидетельствуют национальное законодательство и международные соглашения, внимание, как правило, сосредоточивается на некоторых конкретных возможностях. В большинстве случаев предоставление общих возможностей предполагается, хотя имеется несколько примеров, когда они конкретным образом оговорены³⁴. В консульских конвенциях, обзор которых провел Специальный докладчик, данный вопрос не рассматривается.

31. Принимая во внимание практическую необходимость положения относительно общих возможностей, предоставляемых дипломатическому курьеру, и учитывая тот факт, что в существующих договорах нет таких положений, Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и утверждение следующий проект статьи об общих возможностях:

³³ Ежегодник..., 1957 год, том I, стр. 74 англ. текста, 398-е заседание, пункт 27.

³⁴ См., например, Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик [воспроизводится в Ежегоднике..., 1982 год, том II (часть первая), стр. 315, документ A/CN.4/356 и Add. 1—3], статья 9 которого, в частности, предусматривает:

«Надлежащие органы СССР и союзных республик оказывают дипломатическим курьерам всемерное содействие для обеспечения беспрепятственного следования их к месту назначения и сохранности перевозимой ими дипломатической почты».

Статья 15. Общие возможности

Принимающее государство и государство транзита должны предоставлять дипломатическому курьеру возможности, необходимые для выполнения им своих официальных функций.

2. ВЪЕЗД НА ТЕРРИТОРИЮ ПРИНИМАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА И ГОСУДАРСТВА ТРАНЗИТА И СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И СНОШЕНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЕРА

32. Допуск дипломатического курьера на территорию принимающего государства либо проезд его по территории государства транзита являются необходимыми условиями для выполнения им своих функций. Возможности въезда или транзита, предоставляемые курьеру принимающим государством или государством транзита, являются необходимым условием выполнения курьером той задачи, которая на него возложена, а именно транспортировки и доставки дипломатической почты. Поэтому обязательство государств разрешать въезд на свою территорию дипломатических курьеров уже хорошо утвердилось в международном праве и в практике государств в качестве необходимого элемента принципа свободы сношений в официальных целях, осуществляемых посредством дипломатических курьеров и дипломатической почты. Очевидно, что если дипломатическому курьеру будет отказано в праве въезда на территорию принимающего государства, то он не сможет выполнить свои функции.

33. Возможности въезда на территорию принимающего государства или государства транзита, предоставляемые такими государствами дипломатическому курьеру, зависят в большой степени от того режима, который устанавливается для пересечения их национальных границ иностранцами в целом и членами иностранных дипломатических или других миссий и официальными делегациями в частности. Основная цель этих возможностей состоит в обеспечении беспрепятственного и быстрого прохождения иммиграционных и других проверочных инстанций на границе. Там, где режим допуска на территорию требует въездных или транзитных виз для всех иностранцев или граждан определенных стран, они должны предоставляться дипломатическому курьеру компетентными властями принимающего государства или государства транзита по возможности быстрее и в конечном счете при соблюдении меньших формальностей. Имеется богатая практика государств, установившая посредством национального законодательства и международных соглашений в отношении упрощенной процедуры выдачи дипломатическим курьерам специальных виз, действительных на

множество поездок в течение длительного периода времени³⁵.

34. Свобода передвижения и поездок в пределах территории принимающего государства или государства транзита является еще одним необходимым условием для надлежащего выполнения дипломатическим курьером своих функций. Она также является важным элементом общего принципа свободы дипломатических сношений. Любое препятствие на пути свободного передвижения и поездок неизбежно приводит к задержке в доставке дипломатической корреспонденции и, таким образом, негативно воздействует на официальные сношения. Лайонс в своей статье о личных иммунитетах дипломатических агентов, касаясь свободы передвижения дипломатического курьера, отмечает:

[Он] должен пользоваться степенью свободы передвижения, аналогичной той, которой пользуется сам посол. Эта привилегия, по существу, принадлежит послу и переносится на курьера, так как это необходимо для скорейшей и беспрепятственной доставки делеши посла, что отвечает его интересам и пожеланиям³⁶.

35. Возможности, предоставляемые принимающим государством или государством транзита дипломатическому курьеру для оказания ему содействия в его передвижении по их территории, могут носить административный или чисто технический характер. Власти принимающего государства или государства транзита обязаны оказывать дипломатическому курьеру необходимую помощь с целью преодоления возможных трудностей и препятствий, которые могут быть вызваны обычными мерами полицейского, таможенного или другого досмотра или контроля во время его поездки. Предполагается также, что для получения соответствующих средств транспорта курьер, когда он обращается с такой просьбой, должен рассчитывать на помощь и содействие властей принимающего государства или государства транзита. Обычно дипломатический курьер сам принимает все необходимые меры для проезда по всему маршруту следования при выполнении своих обязанностей. В особых обстоятельствах при возникновении трудностей, которые могут задержать его следование и которые могут быть преодолены с помощью или

³⁵ Среди многих примеров можно упомянуть о практике правительства Индонезии, которое предоставляет «многократные въездные визы» дипломатическим курьерам сроком на 6 месяцев (см. стр. 75, выше, документ A/CN.4/372 и Add. 1 и 2). Можно также отметить, что в Венской конвенции 1975 года содержится специальное положение (статья 79) о въезде на территорию государства пребывания сотрудников постоянных представительств и членов делегаций, а также членов их семей, живущих вместе с ними. В той же статье (статья 79, пункт 2) предусматривается, что визы, если таковые требуются, выдаются любому из вышеупомянутых лиц в возможно более короткий срок.

³⁶ A. V. Lyons, «Personal immunities of diplomatic agents», *The British Year Book of International Law*, 1954, London, vol. 31, p. 334, цитируется в M. Whiteman, *Digest of International Law*, Washington (D. C.), U. S. Government Printing Office, 1970, vol. 7, p. 179.

при содействии со стороны местных властей, он может быть вынужден обратиться с просьбой об оказании содействия к властям государства, в котором он находится.

36. Свобода передвижения и поездок влечет за собой право дипломатического курьера использовать любые имеющиеся средства транспорта и выбирать любой подходящий маршрут на территории принимающего государства или государства транзита. Однако могут быть установлены некоторые ограничения в отношении доступа в некоторые районы территории этих государств. Такое ограничение свободы передвижения и поездок иностранных граждан, включая сотрудников дипломатических и иных представительств, является общепризнанным в международном праве и в государственной практике. Так, в статье 26 Венской конвенции 1961 года говорится:

Поскольку это не противоречит законам и правилам о зонах, въезд в которые запрещается или регулируется по соображениям государственной безопасности, государство пребывания должно обеспечивать всем сотрудникам представительства свободу передвижения по его территории.

Аналогичные положения о свободе передвижения и поездок содержатся в статье 34 Венской конвенции 1963 года, в статье 27 Конвенции о специальных миссиях и в статье 26 Венской конвенции 1975 года.

37. Обычно такие ограничения в национальных законах и правилах устанавливаются соответствующими государствами на взаимной основе. Упомянутые выше правила и положения, относящиеся к зонам, въезд в которые запрещается или регулируется по соображениям национальной безопасности, должны применяться также к дипломатическим курьерам. Более того, учитывая тот факт, что свобода передвижения и поездок дипломатического курьера обусловлена его функцией по перевозке дипломатической почты, следует предположить, что он должен следовать наиболее подходящим маршрутом, который, как правило, должен представлять собой наиболее удобный путь для безопасной, своевременной и экономной доставки почты к месту назначения.

38. Возможности, предоставляемые принимающим государством или государством транзита дипломатическому курьеру, должны также включать обязательство оказывать ему при необходимости помощь в его сношениях с властями посылающего государства и его представителями, расположенными в пунктах, которые встречаются на пути его следования или включены в его путевой лист. Это право дипломатического курьера вытекает из нормы о свободе сношений посылающего государства посредством дипломатических курьеров и дипломатической почты, которая предусмотрена в четырех кодификационных конвенциях и является общепризнанной в международном праве и в го-

сударственной практике. В этой связи уместно сослаться на примечание к статье 35 (Свобода сношений) проекта статей о консульских сношениях и иммунитетах, принятого Комиссией на ее тринадцатой сессии в 1961 году. В примечании содержатся следующие имеющие отношение к рассматриваемому вопросу замечания:

3) Что касается средств для сношений, то в этой статье указано, что консульство может пользоваться всеми подходящими средствами, включая дипломатических или консульских курьеров, дипломатическую или консульскую вализу и закодированные или шифрованные депеши. При составлении этой статьи Комиссия исходила из существующей практики, согласно которой используется, как правило, обслуживание, предоставляемое дипломатическими курьерами, то есть курьерами, посылаемыми министерством иностранных дел представляемого государства или его дипломатическим представителем. При помощи этих дипломатических курьеров поддерживаются сношения консульства с дипломатическим представителем представляемого государства или с посредствующим учреждением, играющим роль пункта для приема и распределения дипломатической почты, с властями представляемого государства и даже с дипломатическими представительствами и консульствами представляемого государства в третьих государствах. Во всех этих случаях применяются правила, регулирующие отправку дипломатических курьеров и определяющие их юридическое положение. Консульская вализа может или быть частью вализы дипломатической, или быть переносима в качестве отдельной вализы, указываемой в списке дипломатического курьера. Этой последней процедуре отдается предпочтение в тех случаях, когда консульская вализа должна быть передана консульству на пути следования курьера³⁷.

39. По своему объему и содержанию возможности, которые должны предоставляться для осуществления дипломатическим курьером свободы сношений, могут в зависимости от случая быть не одинаковыми. Однако необходимо принять во внимание некоторые основные характеристики. Прежде всего, свободу сношений следует представлять в непосредственной связи с функциями курьера. Это может быть случаем, когда, находясь в пути или в пункте временной остановки, дипломатический курьер столкнется с необходимостью непосредственно связаться с компетентными властями посылающего государства или его представительствами за границей для получения инструкций или для извещения их о задержке или отклонении от первоначального маршрута, либо для передачи любой другой информации, касающейся осуществления им своих функций. Во-вторых, предоставление дипломатическому курьеру свободы сношений влечет за собой обязательство принимающего государства или государства транзита содействовать тому, чтобы курьер при необходимости мог пользоваться всеми подходящими публичными средствами связи, включая телефон, телеграф, телекс и другие имеющиеся средства. Совершенно очевидно, что в нормальных обстоятельствах, когда средства связи в целом общедоступны, подобной просьбы об оказании содействия принимающим государством или государством транзи-

та может не поступить. Поэтому просьба об оказании содействия должна быть обоснована имеющимися трудностями и препятствиями, которые курьер не в состоянии преодолеть без непосредственной помощи или содействия со стороны властей принимающего государства или государства транзита. Очевидно, что подобные чрезвычайные случаи на практике могут быть весьма малочисленными, однако только этот факт не исключает возможности, что помощь может потребоваться.

40. В двусторонних консульских конвенциях, заключенных до и после вступления в силу кодификационных конвенций, принятых под эгидой Организации Объединенных Наций, предусматривается, как правило, свобода сношений в более широком смысле. Следует отметить, что в последнее время положение о свободе сношений заняло видное место в договорной практике. Консульское учреждение имеет право вступать в сношения со своим правительством или дипломатическим представительством посылающего государства и с другими консульскими учреждениями посылающего государства. Например, в пункте 1 статьи 16 Консульской конвенции между Чехословакией и Кипром (1976 год) говорится следующее:

1. Консульство имеет право обмениваться сообщениями со своим правительством, дипломатическими представителями посылающего государства и другими консульствами посылающего государства, где бы они ни находились...

41. В ряде двусторонних соглашений конкретно указывается, что принимающее государство должно разрешать и охранять свободу сношений для всех официальных целей³⁸. В одном из соглашений указывается, что принимающее государство разрешает и охраняет свободу сношений консульского учреждения для всех официальных целей в соответствии с принятой международной практикой³⁹, в другом просто говорится, что принимающее государство признает право консульства вступать в сношения и оказывать в этих целях содействие⁴⁰. В большинстве соглашений,

³⁸ См., например, консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Турция (1972 год); Греция и Венгрия (1977 год); Греция и Польша (1977 год); Польша и Куба (1972 год); Соединенное Королевство и Франция (1951 год); Соединенное Королевство и Чехословакия (1975 год); Соединенные Штаты Америки и Ирландия (1950 год); Соединенные Штаты Америки и Китай (1980 год); Соединенные Штаты Америки и Корейская Республика (1963 год); СССР и Германская Демократическая Республика (1975 год); СССР и Индия (1973 год); СССР и Италия (1967 год); СССР и Мозамбик (1977 год); СССР и Норвегия (1971 год); СССР и Сирийская Арабская Республика (1976 год); Франция и Болгария (1968 год); Швеция и Соединенное Королевство (1951 год); и обмен нотами между правительством Австралии и правительством Китайской Народной Республики об учреждении генеральных консульств (1978 год).

³⁹ Обмен нотами между правительством Австралии и правительством Китайской Народной Республики (1978 год).

⁴⁰ См. Консульскую конвенцию между СССР и Островами Зеленого Мыса (1976 год).

³⁷ Ежегодник..., 1961 год, том II, стр. 111 англ. текста, документ A/4843, глава II, раздел IV.

за немногими исключениями⁴¹, предусматривается, что при пользовании обычными средствами связи к консульству применяются те же тарифы, что и к дипломатическому представительству.

42. Что касается практических возможностей, которые могут предоставляться дипломатическому курьеру принимающим государством или государством транзита для осуществления им своих функций на их территории, то следует упомянуть, что в определенных обстоятельствах при наличии соответствующей просьбы ему оказывается содействие в получении временных помещений. Обычно дипломатический курьер сам решает все проблемы практического характера, которые могут возникнуть в ходе его поездки. Однако в некоторых особых ситуациях дипломатический курьер может оказаться не в состоянии найти временные помещения, удобные для него самого и для защиты дипломатической почты, и в этих случаях будет вынужден либо изменить свой первоначальный маршрут, либо сделать остановку в определенном месте. В этом исключительном случае к принимающему государству или государству транзита может быть обращена просьба оказать ему помощь в получении таких временных помещений. Чрезвычайно важно, чтобы дипломатический курьер и перевозимая им дипломатическая почта помещались в безопасном месте, защищенном от всякого вторжения или доступа к нему со стороны не имеющих на то разрешения лиц, которые могут угрожать безопасности и неприкосновенности дипломатической почты. Поэтому положение о предоставлении принимающим государством или государством транзита соответствующих возможностей для должного выполнения дипломатическим курьером своих функций, возможно, является оправданным.

43. В свете вышеупомянутых соображений относительно различных возможностей, которые должны быть предоставлены дипломатическому курьеру, Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и утверждение следующие проекты статей:

Статья 16. Въезд на территорию принимающего государства и государства транзита

1. Принимающее государство и государство транзита должны разрешать дипломатическому курьеру въезжать на их территории при выполнении им своих официальных функций.

2. Въездные или транзитные визы, если они требуются, должны предоставляться дипломати-

⁴¹ См. консульские конвенции, которые заключили между собой следующие страны: Греция и Венгрия (1977 год); Греция и Польша (1977 год); СССР и Сирийская Арабская Республика (1976 год); и обмен нотами между правительством Австралии и правительством Китайской Народной Республики (1978 год).

ческому курьеру принимающим государством или государством транзита в возможно более короткий срок.

Статья 17. Свобода передвижения

Поскольку это не противоречит законам и правилам о зонах, въезд в которые запрещается или регулируется по соображениям государственной безопасности, принимающее государство и государство транзита должны обеспечивать дипломатическому курьеру при выполнении им своих официальных функций или при возвращении в посылающее государство свободу передвижения по их соответствующим территориям.

Статья 18. Свобода сношений

Принимающее государство и государство транзита должны, когда это необходимо, оказывать содействие сношениям дипломатического курьера всеми подходящими средствами с посылающим государством и его представительствами, как они указаны в статье 1, расположенными, в зависимости от случая, на территории принимающего государства или государства транзита.

Статья 19. Обеспечение временными жилыми помещениями

Принимающее государство и государство транзита должны, когда поступает соответствующая просьба, оказывать помощь дипломатическому курьеру в получении временных жилых помещений в связи с выполнением им своих официальных функций.

В. Привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическому курьеру

1. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЕРА

44. Неприкосновенность дипломатического курьера в более широком смысле включает его личную неприкосновенность, а также неприкосновенность его временных жилых помещений и личных средств транспорта, используемых при выполнении им своих функций. Поскольку эти основные виды неприкосновенности имеют специфические особенности и правовые последствия, их предлагается рассмотреть отдельно и изложить в отдельных проектах статей. Однако с самого начала следует подчеркнуть, что общим знаменателем, объединяющим эти виды неприкосновенности, являются защита личности курьера, а также лежащая в основе этого концепция функциональной природы неприкосновенности и тесная взаимосвязь с неприкосновенностью дипломатической почты.

45. Понимаемую таким образом неприкосновенность следует рассматривать в качестве основы

всего комплекса норм, регулирующих правовой статус дипломатического курьера. Следовательно, неприкосновенность дипломатического курьера должна рассматриваться в ее взаимосвязи со всеми возможностями, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми курьеру для выполнения им своих официальных функций. Поэтому неприкосновенность как систему норм следует рассматривать в соответствующей связи с другими нормами, такими как иммунитет от юрисдикции и предоставляемые курьеру освобождения от личного досмотра, проверки и инспекции, а также освобождения от личных повинностей и изъятие из законодательства о социальном обеспечении.

46. С учетом этих общих соображений относительно особенностей проблемы неприкосновенности и ее тесной связи с другими возможностями, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми дипломатическому курьеру, предлагается рассмотреть следующие основные аспекты неприкосновенности:

а) неприкосновенность личности дипломатического курьера;

б) неприкосновенность временных жилых помещений и личных средств транспорта, используемых курьером при выполнении им своих официальных функций.

а) Неприкосновенность личности

47. На нормы, касающиеся неприкосновенности личности дипломатического курьера, значительное влияние оказал принцип неприкосновенности дипломатического агента, который в международном праве и практике государств является общепризнанным принципом. В соответствии с этим принципом дипломатический агент пользуется личным иммунитетом и находится под правовой защитой принимающего государства и государства транзита. Основные составляющие элементы статуса неприкосновенности личности можно определить следующим образом:

1) лицо, пользующееся неприкосновенностью личности, не подлежит аресту, задержанию или иному ограничению его свободы в какой бы то ни было форме;

2) принимающее государство обязано относиться к такому лицу с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство;

3) лица, совершившие подобные посягательства, должны преследоваться и наказываться принимающим государством или государством транзита.

48. Принцип неприкосновенности личности применялся в отношении дипломатических курьеров

до принятия Венской конвенции 1961 года и других кодификационных конвенций в области дипломатического права. Вступление в силу Венской конвенции 1961 года и Венской конвенции 1963 года, несомненно, заложило правовую основу для всеобъемлющей и точной формулировки этого принципа во всех его аспектах, включая его связь со статусом дипломатического и консульского курьеров. В этой связи для целей настоящего исследования уместно, по-видимому, дать краткий обзор истории принятия положений Венской конвенции 1961 года, касающихся неприкосновенности личности дипломатического курьера⁴².

49. Первым проектом статьи, касающимся неприкосновенности личности дипломатического курьера, был проект статьи 16, подготовленный Специальным докладчиком по вопросу о дипломатических сношениях и иммунитетах в 1955 году. Этот текст предусматривал, что «курьер, сопровождающий депеши», должен пользоваться защитой принимающего государства, а также третьих государств⁴³. Пересмотренный проект статьи 16 был рассмотрен Комиссией на ее девятой сессии в 1957 году. По предложению одного из членов Комиссии на той же сессии Комиссии был принят предварительный текст в следующей формулировке:

Дипломатический курьер пользуется защитой государства пребывания. Он пользуется личной неприкосновенностью и не подлежит аресту или задержанию ни в административном, ни в судебном порядке⁴⁴.

Пункт 5 статьи 25 окончательного проекта, представленного Комиссией на ее десятой сессии в 1958 году, остался практически в той же формулировке, за тем исключением, что слова «не подлежит аресту или задержанию ни в административном, ни в судебном порядке» были заменены более простым выражением «не подлежит аресту или задержанию в какой-либо форме»⁴⁵. Пункт 3 статьи 39 этого текста также предусматривал, что «[третьи государства] должны предоставлять дипломатическим курьерам, следующим транзитом, те же неприкосновенность и защиту, которые обязано предоставлять государство пребывания»⁴⁶.

50. Конференция Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам 1961 года, в том что касается основного принципа неприкосновенности личности курьера, не добавила ничего нового к окончательному проекту Комиссии. Соединенные Штаты Амери-

⁴² См. также второй доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/347 и Add. 1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 63—70.

⁴³ *Ежегодник...*, 1955 год, том II, стр. 11 англ. текста, документ A/CN.4/91.

⁴⁴ Пункт 4 статьи 21, см. *Ежегодник...*, 1957 год, том II, стр. 138 англ. текста, документ A/3623, глава II, раздел II.

⁴⁵ *Ежегодник...*, 1958 год, том II, стр. 97 англ. текста, документ A/3859, глава III, раздел II.

⁴⁶ Там же, стр. 103 англ. текста.

ки представили поправку к пункту 5 проекта статьи 25 Комиссии, в которой предлагалось заменить слово «не подлежит аресту или задержанию в какой-либо форме» словами «в той же мере, что и член административно-технического персонала представительства»⁴⁷. Однако эта поправка не была принята Комитетом полного состава Конференции. Швейцария и Франция представили принятую впоследствии совместную поправку, в соответствии с которой дипломатический курьер должен пользоваться защитой государства пребывания лишь «при исполнении своих обязанностей»⁴⁸. Таким образом, пункт 5 статьи 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях, принятой Конференцией 1961 года, гласит:

Дипломатический курьер... пользуется при исполнении своих обязанностей защитой государства пребывания. Он пользуется личной неприкосновенностью и не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме.

51. Обязательство государств транзита предоставлять дипломатическим курьерам те же неприкосновенность и защиту, которые обязано предоставлять государство пребывания, предусмотрено в пункте 3 статьи 40 Венской конвенции 1961 года. В каждой из трех других конвенций используется аналогичная формулировка и предусматриваются обязательства принимающего государства и государства транзита, а именно: в пункте 5 статьи 35 и в пункте 3 статьи 54 Венской конвенции 1963 года — относительно консульского курьера; в пункте 6 статьи 28 и в пункте 3 статьи 42 Конвенции о специальных миссиях — относительно курьера специальной миссии; и в пункте 5 статьи 27 Венской конвенции 1975 года — относительно курьера представительства, а также в пункте 6 статьи 57 той же конвенции — относительно курьера делегации⁴⁹.

52. Составители этих конвенций, несомненно, исходили из того, что курьер, независимо от того, каким именно курьером он является, должен пользоваться защитой принимающего государства, а также, когда он следует транзитом, защитой третьего государства и что он должен пользоваться личной неприкосновенностью. Следовательно, курьер не подлежит аресту, задержанию или любому другому посягательству на его личность, а принимающее государство или государство транзита должно относиться к нему с должным уважением, учитывая его официальные функции.

⁴⁷ См. *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. II (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № 62.X.1), p. 23, doc. A/CONF.20/C.1/L.154, para. 6.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 39, doc. A/CONF.20/C.1/L.286, para. 2. Обсуждение в Комиссии двух предложенных поправок *ibid.*, vol. I (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № 61.X.2), p. 181; *Committee of the Whole*, 29th meeting, paras. 82—88.

⁴⁹ См. второй доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/347 и Add: 1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 74—104.

53. Таким образом, неприкосновенность личности дипломатического курьера по своему охвату и правовым последствиям приближается к неприкосновенности личности дипломатического агента, что в первую очередь вызвано функцией курьера по обеспечению сохранности, перевозке и доставке дипломатической почты и правовой защитой конфиденциального характера официальной корреспонденции. В этой связи можно напомнить, что на Конференции Организации Объединенных Наций по консульским сношениям 1963 года представитель Соединенного Королевства выступил против предложения Японии, в соответствии с которым консульскому курьеру был бы предоставлен лишь режим консульского должностного лица. Это предложение предусматривало лишь ограниченную неприкосновенность и иммунитеты, аналогичные тем, которые свойственны статусу консульского должностного лица. Возражая против предложения Японии, представитель Соединенного Королевства заявил, что «курьеры должны обладать полной неприкосновенностью, а не ограниченной неприкосновенностью, предоставляемой консульским должностным лицам»⁵⁰. Эта концепция полной личной неприкосновенности консульского курьера получила поддержку участников Конференции и была подтверждена в других кодификационных конвенциях, принятых в 1969 и 1975 годах.

54. Практика государств в данной области, как свидетельствуют национальное законодательство и международные соглашения, устанавливает неприкосновенность личности дипломатического курьера в качестве общего правила. Во всех консульских конвенциях предусмотрена неприкосновенность личности консульского курьера. Большинство из них предоставляют консульским курьерам такие же права, привилегии и иммунитеты, какие предоставляются дипломатическим курьерам, в число которых прежде всего входит неприкосновенность личности.

55. Существует немало примеров предоставления дипломатическому и консульскому курьеру одинакового режима вообще и применительно к их личной неприкосновенности в частности, что отражено в двусторонних соглашениях. Например, в пункте 3 статьи 16 Консульской конвенции между СССР и Соединенным Королевством (1965 год) предусматривается:

Лицам, занятым перевозкой консульских вализ, государством пребывания предоставляются те же права, привилегии и иммунитеты, что и дипломатическим курьерам предоставляемого государства⁵¹.

⁵⁰ *Official Records of the United Nations Conference on Consular Relations*, vol. I (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № 63.X.2), pp. 319—320, *Second Committee*, 13th meeting, para. 15.

⁵¹ См. также консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Венгрия (1976 год), статья 15, пункт 5; Венгрия и Чехословакия

Аналогичные или даже идентичные формулировки используются в нескольких консульских конвенциях. В некоторых из них говорится, что «консульские курьеры представляемого государства пользуются на территории государства пребывания теми же правами, привилегиями и иммунитетами, что и дипломатические курьеры»⁵². В других этот принцип излагается следующим образом: «Лицам, занятым перевозкой консульских вализ, государством пребывания предоставляются те же права, привилегии и иммунитеты, что и дипломатическим курьерам представляемого государства»⁵³.

56. Хотя можно презюмировать, что эти положения относятся также к дипломатическим или консульским курьерам *ad hoc*, Консульская конвенция между Соединенным Королевством и Германской Демократической Республикой (1976 год) конкретно предусматривает в пункте 4 статьи 17, что права, привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическим и консульским курьерам посылающего государства, «применяются также к консульским курьерам *ad hoc*, однако их права, привилегии и иммунитеты как таковые прекращают действовать по вручении консульской почты получателю»⁵⁴. Правила пропуска через государственную границу СССР дипломатической почты иностранных государств и личных вещей дипломатических курьеров также предусматривают, что ко-

гда дипломатическая почта вверена временному (*ad hoc*) дипломатическому курьеру, то

...применяются положения настоящих Правил, за тем исключением, что привилегии и иммунитеты, которыми пользуются дипломатические курьеры при исполнении своих обязанностей, прекращаются в момент доставки вверенной ему дипломатической почты по назначению⁵⁵.

57. В большинстве двусторонних консульских конвенций при ссылке на неприкосновенность личности дипломатического или консульского курьера конкретно предусматривается, что эти курьеры не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме, а их личная свобода не может ограничиваться. Для примера можно упомянуть о ряде конвенций, которые, хотя в них и используются различные формулировки, указывают на содержание термина «неприкосновенности личности» курьера.

58. В конвенции между Румынией и Испанией (1967 год), в пункте 4 статьи VII просто говорится, что «при исполнении своих обязанностей курьеры консульского и торгового представительства пользуются неприкосновенностью, не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме и пользуются защитой государства пребывания»⁵⁶. В консульской конвенции между Румынией и Соединенными Штатами (1972 год) предусмотрено в пункте 5 статьи 21: «при осуществлении своих функций консульский курьер пользуется защитой государства пребывания. Он пользуется личной неприкосновенностью»⁵⁷. В Консульской конвенции между Польшей и Кубой (1972 год) используется термин «лишение свободы» вместо термина «арест». В пункте 5 статьи 16 этой Конвенции предусмотрено, что «при осуществлении своих функций курьер пользуется защитой принимающего государства, личной неприкосновенностью и не подлежит лишению свободы». В Консульской конвенции между СССР и Мексикой (1978 год) используется в пункте 5 статьи 14 следующая формулировка:

Государство пребывания предоставляет консульским курьерам такую же защиту, как и дипломатическим курьерам. Они пользуются личной неприкосновенностью и не могут быть арестованы или задержаны в какой-либо форме.

59. Национальное законодательство, хотя оно и не является столь богатым в данной области, как договорная практика, тем не менее служит хорошим ориентиром в вопросе о признании режима неприкосновенности личности дипломати-

(1973 год), статья 15, пункт 2; Монголия и Чехословакия (1976 год), статья 14, пункт 3; Соединенное Королевство и Болгария (1968 год), статья 19, пункт 4; СССР и Ангола (1976 год), статья 13, пункт 3; СССР и Бенин (1976 год), статья 14, пункт 3; СССР и Гвинея (1976 год), статья 14, пункт 3; СССР и Гвинея-Бисау (1976 год), статья 13, пункт 3; СССР и Кипр (1978 год), статья 13, пункт 3; СССР и Мозамбик (1977 год), статья 13, пункт 3; СССР и Острова Зеленого Мыса (1976 год), статья 13, пункт 3; СССР и Сирийская Арабская Республика (1976 год), статья 14, пункт 3; СССР и Япония (1966 год), статья 17, пункт 3; Чехословакия и Кипр (1976 год), статья 16, пункт 4; Чехословакия и Югославия (1963 год), статья 15, пункт 2.

⁵² См. консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Венгрия и Соединенные Штаты Америки (1972 год), статья 14, пункт 4; Польша и Монголия (1973 год), статья 17, пункт 3; СССР и Венгрия (1971 год), статья 14, пункт 3; СССР и Куба (1972 год), статья 13; СССР и Монголия (1972 год), статья 13, пункт 3; СССР и Сомали (1971 год), статья 14, пункт 3; СССР и Чехословакия (1972 год), статья 13.

⁵³ См. консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Венгрия и Германская Демократическая Республика (1972 год), статья 14, пункт 3; Греция и Болгария (1973 год), статья 13, пункт 3; Монголия и Германская Демократическая Республика (1973 год), статья 14, пункт 3; Соединенное Королевство и Монголия (1975 год), статья 16, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Китай (1980 год), статья 12, пункт 4; СССР и Болгария (1971 год), статья 14, пункт 3; СССР и Италия (1967 год), статья 28, пункт 3.

⁵⁴ См. также Консульскую конвенцию между Бельгией и Чехословакией (1976 год), статья 18, пункты 5 и 6; и Консульскую конвенцию между Францией и Алжиром (1974 год), статья 13, пункты 5 и 6.

⁵⁵ Пункт 5 Празил; воспроизводится в *Ежегоднике...* 1982 год, том II (часть первая), стр. 316, документ A/CN.4/356 и Add. 1—3.

⁵⁶ См. также Консульскую конвенцию между СССР и Индией (1973 год), статья 14, пункт 5; и Консульскую конвенцию между Францией и Румынией (1968 год), статья 25, пункт 5.

⁵⁷ См. также в этой связи Консульскую конвенцию между Венгрией и Корейской Народно-Демократической Республикой (1970 год), статья 19, пункт 3.

ческого курьера. Некоторые государства применяют правило неприкосновенности просто на основе своих договорных обязательств по многосторонним и двусторонним соглашениям, участниками которых они являются, или признают его в качестве составной части общего международного права, в то время как другие включили это правило в свое национальное законодательство или постановления. В обоснование последнего случая можно привести некоторые типичные примеры конкретных положений, содержащихся в некоторых законах о режиме иностранных дипломатических агентов, включая дипломатических курьеров. Так, Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР предусматривает, что

дипломатический курьер пользуется при исполнении своих обязанностей личной неприкосновенностью; он не может быть подвергнут аресту или задержанию⁵⁸.

Аналогичным образом положения, принятые в Соединенных Штатах Америки (Foreign Service Regulations), предусматривают, в том что касается иммунитетов, предоставляемых лицам, доставляющим консульские депеши, что

консульские курьеры и лица, доставляющие депеши, находясь на службе своего правительства дипломатическим представителем, являются лицами, пользующимися привилегиями в той мере, в какой это необходимо для исполнения их конкретных обязанностей, будь то в государстве, в котором аккредитован такой представитель, или на территории третьего государства, с которым это правительство находится в состоянии мира⁵⁹.

60. Правила, представленные правительством Федеративной Республики Германии, добавляют новую грань к вопросу о личной неприкосновенности курьеров и включают время их транзита. Соответствующее положение гласит:

Курьеры и почта пользуются также неприкосновенностью и защитой в случаях транзита из направляющего государства⁶⁰.

61. Как отмечал в 1949 году в одном из своих трудов Г. Перрену, федеральный политический департамент Швейцарии классифицировал персонал дипломатических миссий, аккредитованных при федеральном правительстве, по четырем категориям. Дипломатические курьеры относятся к четвертой категории, которая пользуется дипломатическими привилегиями и иммунитетами не в полном объеме. Однако в 1931 году федеральный политический департамент заявил:

⁵⁸ Статья 9 Положения (см. сноску 34, выше).

⁵⁹ *Foreign Service Regulations of the United States of America*, Washington, D. C., U. S. Government Printing Office, January 1941, chap. III.1, note 5. См. также G. H. Hackworth, *Digest of International Law*, Washington, D. C., U. S. Government Printing Office, 1942, vol. IV, p. 621.

⁶⁰ Пункт 5 правил о курьерской службе (текст воспроизводится в *Ежегоднике... 1982 год*, том II (часть первая), стр. 305, документ A/CN.4/356 и Add. 1—3).

Мы пришли к заключению, что, хотя курьер и не принадлежит к дипломатическому персоналу в строгом смысле слова, он должен прежде всего в интересах беспрепятственного выполнения им своей задачи рассматриваться при осуществлении им своих функций как лицо неприкосновенное⁶¹.

62. Прецедентное право по вопросу о неприкосновенности дипломатического курьера представляет примеры некоторых прецедентов, которые были урегулированы по обычным дипломатическим каналам. Большинство из известных прецедентов имели место до заключения Венских конвенций 1961 и 1963 годов. Они касаются случаев задержания дипломатических курьеров или создания им неоправданных препятствий и задержек⁶².

63. Из признания принципа неприкосновенности дипломатического курьера может следовать вывод о том, что принимающее государство и государство транзита обязаны преследовать и наказывать лиц, которые посягают на неприкосновенность личности дипломатического курьера. Имеются прецеденты, которые свидетельствуют о праве посылающего государства требовать преследования и наказания лиц, находящихся под юрисдикцией принимающего государства или государства транзита, совершивших посягательство на личную неприкосновенность дипло-

⁶¹ G. Perrenoud, *Régime des privilèges et immunités des missions diplomatiques étrangères et des organisations internationales*, Lausanne, Librairie de l'Université, F. Rouge, 1949, p. 68 (цитата из доклада о деятельности Федерального совета за 1931 год).

⁶² См., например, протест, заявленный в 1943 году Соединенными Штатами министерству иностранных дел Испании в связи с задержанием американских дипломатических курьеров сотрудниками испанской таможни в испанской зоне Марокко. Этот инцидент привел в июне 1943 года к обмену нотами между послом Соединенных Штатов и министром иностранных дел Испании. В своей ноте протеста американский посол просил предоставить «официальные и твердые заверения в том, что впредь на таких курьеров не будет совершаться посягательств, и они не будут задерживаться каким бы то ни было образом». Он также просил «принять меры для наказания должностных лиц или сотрудников, ответственных за указанный инцидент». В своем ответе министр иностранных дел Испании утверждал, что курьеры «пытались провезти под видом официальных материалов два больших портфеля, которые не были закрыты и опечатаны дипломатическим представительством, а также не были включены в удостоверение на упомянутые пять мест вализы». В конце ноты министр «заверил Соединенные Штаты в том, что должным образом опечатанная официальная вализа, включенная в удостоверение, которое, как правило, выдается представительством Соединенных Штатов в Танжере, всегда уважалась и будет уважаться и в будущем». См. телеграмму № 1251 государственного секретаря Соединенных Штатов Холла американскому послу в Мадриде Хейзу от 2 июня 1943 года (MS. Department of State, File 121.67/3579); депешу № 1026 американского посла в Мадриде Хейза государственному секретарю Холлу от 24 июня 1943 года (*ibid.*/3686); ноту № 1014 посла Хейза министру иностранных дел Испании Хордане от 4 июня 1943 года (*ibid.*, encl. No.1); ноту министра иностранных дел Хорданы послу Хейзу от 16 июня 1943 года (*ibid.*, encl. No. 2) [тексты опубликованы в *Foreign Relations of the United States, 1943*, vol. IV, Washington, D. C., U. S. Government Printing Office, 1964, pp. 726—729; цитируются в Whiteman, *op. cit.* (сноска 37, выше), pp. 214—216].

матического курьера. Примером этому может служить инцидент, имевший место в 1943 году, когда дипломатические курьеры Соединенных Штатов Америки были задержаны испанскими властями в испанской зоне Марокко. В ноте испанскому министру иностранных дел от 2 июня 1943 года посол Соединенных Штатов просил «принять меры для наказания должностных лиц или сотрудников, ответственных за указанный инцидент»⁶³.

64. Другой случай произошел на 50 лет раньше, в 1893 году, между Францией и Испанией. Служащие испанской таможи в Ируне захватили почту и корреспонденцию курьера французского посольства в Мадриде и задерживали его в течение 24 часов. Французское правительство немедленно заявило решительный протест, и испанские власти освободили курьера и отстранили от занимаемой должности служащего таможи, участвовавшего в инциденте и виновного в задержании французского курьера⁶⁴.

65. Об ответственности принимающего государства транзита можно говорить и в других случаях нарушения норм международного обычного и договорного права, касающихся их обязательств по защите дипломатического курьера и дипломатической почты. Противоправное деяние государства, влекущее за собой его международную ответственность, может приписываться этому государству за действия любого государственного органа или лиц, действующих от имени этого государства. На принимающее государство или государство транзита может быть возложена обязанность принять меры превентивного и принудительного характера, включая преследование и наказание лиц, находящихся под его юрисдикцией и совершивших действия, представляющие собой посягательство на личную неприкосновенность дипломатического курьера. Для этого они обязаны будут принять на этот счет соответствующие внутренние законы и положения.

66. Эта обязанность принимающего государства или государства транзита является новым элементом защитных мер, который не был включен в четыре кодификационные конвенции в области дипломатического права. Соответствующие меры превентивного или принудительного характера могут быть законодательными или административными, такими как законы, постановления, инструкции, указы, процедуры или другие действия, предпринимаемые компетентными властями принимающего государства или государства транзита для защиты дипломатического курьера, в частности для защиты его личной неприкосновенности. Вполне очевидно, что обязательство такого рода прежде всего соот-

ветствует общим принципам, лежащим в основе ответственности государств за обеспечение надлежащих условий для нормального функционирования каналов дипломатических сношений и за противоправные действия его органов и лиц, действующих от его имени. Его следует также рассматривать в качестве правового требования и средства эффективной защиты неприкосновенности дипломатического курьера. Таким образом, дополнительное обязательство принимающего государства или государства транзита принимать все необходимые меры, включая издание национальных законов и положений о привлечении к ответственности и наказании находящихся под их юрисдикцией лиц, виновных в нарушении международного обязательства, является правовым следствием международной ответственности данного государства и в то же время имеет практическое значение для эффективной защиты неприкосновенности личности дипломатического курьера.

67. То же обязательство принимающего государства или государства транзита, о котором шла речь выше, должно быть также рассмотрено в связи со статусом дипломатической почты, а именно в связи с нарушениями неприкосновенности дипломатической почты. Однако в вопросе о нарушении статуса почты есть основание и для ответственности посылающего государства в случае нарушения его должностными лицами правил, касающихся содержания дипломатической почты. Эти конкретные проблемы, касающиеся статуса дипломатической почты и ее защиты, будут рассмотрены в настоящем докладе ниже.

68. В свете вышеприведенных соображений по вопросу о неприкосновенности личности дипломатического курьера Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и утверждение следующий проект статьи:

Статья 20. Неприкосновенность личности

1. Дипломатический курьер пользуется при исполнении своих обязанностей личной неприкосновенностью и не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме.

2. Принимающее государство или, в зависимости от случая, государство транзита должно относиться к дипломатическому курьеру с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство и должно преследовать и наказывать лиц, виновных в совершении таких посягательств.

b) *Неприкосновенность временных помещений и личных транспортных средств*

69. Неприкосновенность личности дипломатического курьера при выполнении им своих офи-

⁶³ См. предыдущую сноску.

⁶⁴ См. *Revue générale de droit international public*, Paris, t. 1, 1894, p. 60.

циальных обязанностей и неприкосновенность перевозимой им дипломатической почты требуют обеспечения во время поездки курьера определенных условий безопасности. Выше (пункт 42) отмечалось, что для обеспечения неприкосновенности курьера и почты, чрезвычайно важно, чтобы дипломатический курьер и почта помещались в безопасном месте, защищенном от всякого вторжения или доступа к нему со стороны не имеющих на то разрешения лиц, которые могут угрожать безопасности и неприкосновенности дипломатической почты.

70. Это требование о неприкосновенности временных помещений дипломатического курьера следует рассматривать как норму, вытекающую из официальной функции дипломатического курьера. Ее следует рассматривать как один из важных компонентов привилегий и иммунитетов, предоставляемых курьеру только в силу его обязанности обеспечить сохранность дипломатической почты и ее безопасную и быструю доставку к месту назначения. Этот функциональный подход к неприкосновенности временных помещений определяется общей концепцией о функциональном характере всех возможностей, привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическому курьеру для надлежащего выполнения им своих официальных функций.

71. Конкретной нормы, касающейся неприкосновенности временных помещений дипломатического курьера, нет ни в одной из четырех кодификационных конвенций, нет ее и в других международных соглашениях в области дипломатического или консульского права. Однако представляется вполне уместным вывести такую норму из аналогичных положений этих конвенций, касающихся статуса частной резиденции дипломатического агента, личных помещений членов специальных миссий, постоянных представительств при международных организациях или членов делегаций на международных конференциях. В статье 30 Венской конвенции 1961 года, являющейся типовым положением в этом вопросе, которое было использовано в других кодификационных конвенциях, предусматривается:

1. Частная резиденция дипломатического агента пользуется той же неприкосновенностью и защитой, что и помещения представительства.

2. Его бумаги, корреспонденция и, с исключениями, предусмотренными в пункте 3 статьи 31⁶⁵, его имущество равным образом пользуются неприкосновенностью.

⁶⁵ Пункт 3 статьи 31 касается применимости исполнительных мер в случаях исключения из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции, а именно в случаях: а) вещных исков, относящихся к частному недвижимому имуществу, находящемуся на территории государства пребывания, если только дипломатический агент не владеет им для целей представительства; б) исков, касающихся наследования, в отношении которых дипломатический агент выступает в качестве исполнителя завещания, попечителя над наследственным имуществом, наследника или отказополучателя как частное лицо, а не от имени аккредитующего государства; в) исков, относящихся к лю-

По образцу вышеупомянутого положения разработаны статья 30 Конвенции о специальных миссиях, касающаяся неприкосновенности личного помещения представителей посылающего государства в специальной миссии и членов ее дипломатического персонала, а также статьи 29 и 59 Венской конвенции 1975 года, касающиеся, соответственно, неприкосновенности «частной резиденции главы представительства и членов дипломатического персонала представительства» и «частных жилых помещений главы делегации, других делегатов и членов дипломатического персонала делегации».

72. Учитывая тот факт, что дипломатический курьер выполняет официальную обязанность, имеющую практическое значение для нормального функционирования дипломатических или других представительств посылающего государства на территории принимающего государства или государства транзита, его жилье должно пользоваться аналогичной защитой. Такой случай имеет место, когда курьер делает остановку в промежуточном пункте или в конечном пункте своей официальной поездки. Обычно курьеры размещаются в помещениях представительства, в частных квартирах, принадлежащих представительству или используемых им, или в частных жилых помещениях какого-либо сотрудника представительства. В таких случаях неприкосновенность временных помещений дипломатического курьера будет обеспечиваться на основании соответствующих положений вышеупомянутых конвенций и/или международного обычного права. Когда же временными помещениями дипломатического курьера являются гостиницы, мотели, дома для гостей, частные квартиры и другие аналогичные обычные помещения для размещения посетителей на временное проживание, то в этом случае должны применяться специальные нормы о неприкосновенности временных помещений дипломатического курьера.

73. Содержание нормы, касающейся неприкосновенности временных помещений курьера, должно складываться из нескольких важных элементов. *Во-первых*, эта норма должна включать положение, предусматривающее, что доступ официальных лиц принимающего государства или государства транзита в комнату или квартиру, используемую курьером, может быть разрешен только с его согласия. *Во-вторых*, на принимающем государстве или государстве транзита лежит обязанность принимать соответствующие законодательные, административные или иные меры для защиты дипломатического курьера и вверенной ему почты. Они должны обеспечивать неприкосновенность его временных жи-

бой профессиональной или коммерческой деятельности, осуществляемой дипломатическим агентом в государстве пребывания за пределами своих официальных функций.

лых помещений от вторжения не уполномоченных на то лиц. Такие меры защиты в отношении частной жизни, личной безопасности и сохранности имущества гостей в гостиницах и других жилых помещениях, открытых для посетителей, являются обычными для таких мест. Они считаются основными средствами поддержания правопорядка в общедоступных заведениях. Однако официальная функция курьера, а более конкретно — защита перевозимой им дипломатической почты, будет оправдывать принятие специальных мер защиты. В-третьих, неприкосновенность временных жилых помещений дипломатического курьера означает иммунитет от досмотра, обыска и других исполнительных мер.

74. Однако в определенных условиях эта норма может применяться с некоторыми исключениями и ограничениями. Так, досмотр или обыск временных помещений может быть осуществлен в том случае, когда имеются серьезные основания полагать, что в комнате или квартире, используемой курьером, помимо опечатанной дипломатической почты находятся предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами принимающего государства или государства транзита. В таких случаях досмотр помещений должен осуществляться только в присутствии дипломатического курьера и никоим образом не должен затрагивать неприкосновенность дипломатической почты. Положение такого рода имеет своей целью обеспечить, с одной стороны, соблюдение законов и правил принимающего государства или государства транзита и уважение их законных интересов, а с другой, — защиту неприкосновенности дипломатической почты. Можно добавить, что применение исключений из принципа неприкосновенности временных помещений дипломатического курьера не должно приводить к возникновению каких-либо необоснованных препятствий для отправки дипломатической почты или задержек.

75. Нормы, предлагаемые в отношении защиты неприкосновенности временных помещений могут соответственно применяться и к неприкосновенности личных транспортных средств, используемых дипломатическим курьером при исполнении им своих официальных функций. Такая защита, предоставляемая дипломатическому курьеру, хотя и является функциональной по своему характеру, может вытекать из принципа свободы передвижения и поездок, воплощенного в соответствующих положениях статьи 26 Венской конвенции 1961 года, статьи 34 Венской конвенции 1963 года, статьи 27 Конвенции о специальных миссиях и статей 26 и 56 Венской конвенции 1975 года.

76. Норма о защите неприкосновенности индивидуальных транспортных средств, используемых дипломатическим курьером, может быть также выведена из соответствующих положений

о защите транспортных средств дипломатических представительств, консульских учреждений и других представительств или делегаций при международных организациях, которые содержатся в кодификационных конвенциях⁶⁶.

77. Сфера применения нормы о защите личных транспортных средств является сравнительно ограниченной в отношении дипломатических курьеров. Как правило, курьеры пользуются общественным транспортом для своих поездок на большие расстояния. Когда они используют личные автомашины для поездок между городами в пределах одной и той же страны, например между Женевой и Берном, Нью-Йорком и Вашингтоном, Римом и Миланом, Парижем и Марселем и так далее, где посылающее государство может иметь дипломатические представительства и консульские учреждения или другие представительства, курьеры обычно пользуются транспортными средствами этих представительств. В таких случаях защита этой автомашины охватывается соответствующими положениями многосторонних конвенций или других соглашений. Таким образом, вопрос о применении специальной нормы в отношении неприкосновенности личных транспортных средств возникает только в том случае, когда курьер для исполнения своих функций использует свои собственные транспортные средства. Основным требованием для применения нормы неприкосновенности является использование личных транспортных средств для поездки курьера, везущего дипломатическую почту. В таком случае личное транспортное средство, используемое дипломатическим курьером для выполнения им своей официальной обязанности, не подлежит досмотру, обыску, реквизиции, конфискации или применению других исполнительных мер. Основанием для такого иммунитета является использование транспортного средства для официальных сношений посылающего государства с его представительствами на территории принимающего государства или государства транзита. Более того, любой досмотр, обыск, реквизиция, наложение ареста или другие исполнительные меры могут либо задержать доставку дипломатической почты, либо создать серьезную опасность для ее сохранности. Поэтому общая норма предусматривает неприкосновенность личных транспортных средств, используемых дипломатическим курьером только для исполнения им своих официальных функций, а не для частных поездок.

78. Однако, как и в случае с нормой неприкосновенности временных жилых помещений, используемых курьером, здесь есть некоторые исключения, применяемые в определенных усло-

⁶⁶ См. Венскую конвенцию 1961 года, статья 22, пункт 3; Венскую конвенцию 1963 года, статья 31, пункт 4; Конвенцию о специальных миссиях, статья 25, пункт 3; Венскую конвенцию 1975 года, статья 23, пункт 3.

виях. Условия, устанавливаемые для досмотра, осуществляемого компетентными властями принимающего государства или государства транзита, являются такими же, как и те, которые требуются для досмотра временных жилых помещений, а именно: а) наличие серьезных оснований полагать, что в личной автомашине, используемой курьером, перевозится не только дипломатическая почта и личный багаж курьера, но также и предметы, ввоз и вывоз которых запрещен или регулируется законами и карантинными правилами принимающего государства или государства транзита; б) досмотр или другие исполнительные меры должны осуществляться в присутствии дипломатического курьера и, когда это возможно, также в присутствии представителя дипломатического представительства или консульского учреждения посылającego государства на территории принимающего государства или государства транзита; в) такой досмотр и исполнительные меры не должны затрагивать неприкосновенность дипломатического курьера и вверенной ему дипломатической почты, равно как и вызывать необоснованные задержки и создавать препятствия для безопасной и своевременной доставки дипломатической почты.

79. Положения о неприкосновенности временных жилых помещений и личных транспортных средств, используемых дипломатическим курьером, имеют практическое значение как привилегии и иммунитеты функционального характера. Они могут способствовать дальнейшей разработке правовых рамок для норм, регулирующих статус дипломатического курьера.

80. Учитывая эти замечания и предложения, касающиеся неприкосновенности временных жилых помещений и личных транспортных средств, используемых дипломатическим курьером при исполнении им своих официальных функций, Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение следующие проекты статей:

Статья 21. Неприкосновенность временных жилых помещений

1. Временные жилые помещения, используемые дипломатическим курьером, неприкосновенны. Официальные лица принимающего государства или государства транзита не могут вступать в эти помещения, иначе как с согласия дипломатического курьера.

2. На принимающем государстве или государстве транзита лежит обязанность принимать надлежащие меры для защиты используемых дипломатическим курьером временных жилых помещений от вторжения.

3. Временные жилые помещения дипломатического курьера пользуются иммунитетом от до-

смotra или обыска, если только нет серьезных оснований полагать, что в нем находятся предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами принимающего государства или государства транзита. Такой досмотр или обыск должны проводиться только в присутствии дипломатического курьера с соблюдением того условия, что этот досмотр или обыск должен осуществляться без нарушения неприкосновенности личности дипломатического курьера или неприкосновенности перевозимой им дипломатической почты и не приведет к неоправданному задержкам или возникновению препятствий для доставки дипломатической почты.

Статья 22. Неприкосновенность транспортных средств

1. Личные транспортные средства, используемые дипломатическим курьером при выполнении им своих официальных функций, пользуются иммунитетом от досмотра, обыска, реквизиции, наложения ареста и исполнительных мер.

2. Когда имеются серьезные основания полагать, что в личном транспортном средстве, упомянутом в пункте 1, перевозятся предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами принимающего государства или государства транзита, компетентные власти этих государств могут осуществить досмотр или обыск этого личного транспортного средства с соблюдением того условия, что такой досмотр или обыск должен проводиться в присутствии дипломатического курьера и без нарушения неприкосновенности перевозимой им дипломатической почты и не приведет к неоправданному задержкам или возникновению препятствий для доставки дипломатической почты.

2. ИММУНИТЕТ ОТ ЮРИСДИКЦИИ

81. Прежде всего можно отметить, что Комиссия международного права уже затрагивала общий вопрос о юрисдикционных иммунитетах государств согласно дипломатическому праву, и в частности согласно четырем кодификационным конвенциям, при рассмотрении второго доклада г-на С. Сучариткуля, Специального докладчика по теме «Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности»⁶⁷. В этом докладе Специальный докладчик представил проект статьи 4 (Юрисдикционные иммунитеты, не подпадающие под сферу действия настоящих статей)⁶⁸, по поводу которого он отметил, что в практике государств юрисдикционные иммунитеты, которые признаются и предоставляются дипломатическим представителям, консульским учреж-

⁶⁷ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть первая), стр. 227, документ A/CN.4/331 и Add. 1.

⁶⁸ Там же, стр. 243, пункт 54.

дениям и другим официальным миссиям и делегациям и находящимся с визитом иностранным войскам, регулируются «международными или двусторонними конвенциями и общепризнанными нормами обычного международного права», и поэтому предлагал исключить юрисдикционные иммунитеты, предоставляемые согласно дипломатическому праву, «из сферы применения настоящих статей [о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности]»⁶⁹. Однако подчеркивалось, что иммунитеты, предоставляемые дипломатическим и другим представителям, их членам, различным категориям их сотрудников, а также их помещениям, включая неприкосновенность архивов, транспортных средств и средств связи, являются предметом отдельных конвенций, указанных выше⁷⁰, то есть четырех кодификационных конвенций.

82. В докладе Комиссии международного права о работе ее тридцать второй сессии, состоявшейся в 1980 году, отмечалось, что

по предложению Специального докладчика Комиссия, в частности, согласилась отложить рассмотрение этих статей [статьи 4 и 5] до того времени, когда она сможет рассмотреть оставшиеся проекты статей, которые будут предложены по этой теме⁷¹.

83. Представляется целесообразным сослаться на работу Комиссии по гораздо более широкой теме юрисдикционных иммунитетов государств в силу двух причин. Во-первых, это необходимо для того, чтобы в максимально возможной степени использовать все замечания или выводы, которые могут иметь отношение к юрисдикционным иммунитетам, предоставляемым дипломатическому курьеру, включая вопрос об отказе от иммунитета. Во-вторых, для того чтобы, когда это необходимо, согласовать точки зрения по одним и тем же вопросам, касающимся двух различных, но в некоторой степени взаимосвязанных тем, включенных в текущую программу работы Комиссии.

84. Рассмотрение вопроса о юрисдикционных иммунитетах, предоставляемых дипломатическому курьеру, и разработка соответствующих проектов статей по данному вопросу, как представляется, имеет определенное практическое значение, поскольку в действующих многосторонних и двусторонних договорах подобные положения отсутствуют. С другой стороны, практика государств показывает, что имеются случаи, хотя и немногочисленные, когда необходимо определить правовые рамки и последствия иммунитета от юрисдикции принимающего государства применительно к дипломатическим курьерам.

85. В этой области также было бы целесообразно исследовать правовые основы положений четырех кодификационных конвенций, касающихся

иммунитета от юрисдикции⁷², чтобы выяснить, в какой мере эти положения могут применяться к статусу дипломатического курьера. Статья 31 Венской конвенции 1961 года⁷³ послужила моделью статей о юрисдикционных иммунитетах, воплощенных в других трех конвенциях⁷⁴. Имеются, конечно, определенные различия, вытекающие из особенностей статуса консульских должностных лиц и консульских служащих, сотрудников специальных миссий, членов дипломатического персонала постоянных представительств при международных организациях и членов дипломатического персонала делегаций на международных конференциях, которые пользуются иммунитетом от уголовной, гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства пребывания.

86. Основное правило, изложенное в статье 31 Венской конвенции 1961 года, предусматривает, что дипломатические агенты пользуются иммунитетом от уголовной, административной и гражданской юрисдикции государства пребывания. В отношении иммунитета от гражданской и административной юрисдикции имеются три исключения: а) в случае вещных исков, касающихся частного недвижимого имущества, находящегося на территории государства пребывания, которым дипломатический агент не владеет от имени аккредитующего государства для официальных целей представительства; б) в случае исков, касающихся наследования, в отношении которых ди-

⁷² См. Венскую конвенцию 1961 года, статья 31; Венскую конвенцию 1963 года, статья 43; Конвенцию о специальных миссиях, статья 31; и Венскую конвенцию 1975 года, статья 30 и 60.

⁷³ Статья 31 Венской конвенции 1961 года гласит:

«Статья 31

1. Дипломатический агент пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания. Он пользуется также иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции, кроме случаев:

а) вещных исков, относящихся к частному недвижимому имуществу, находящемуся на территории государства пребывания, если только он не владеет им от имени аккредитующего государства, для целей представительства;

б) исков, касающихся наследования, в отношении которых дипломатический агент выступает в качестве исполнителя завещания, попечителя над наследственным имуществом, наследника или отказополучателя как частное лицо, а не от имени аккредитующего государства;

в) исков, относящихся к любой профессиональной или коммерческой деятельности, осуществляемой дипломатическим агентом в государстве пребывания за пределами своих официальных функций.

2. Дипломатический агент не обязан давать показаний в качестве свидетеля.

3. Никакие исполнительные меры не могут приниматься в отношении дипломатического агента, за исключением тех случаев, которые подпадают под подпункты а, б и в пункта 1 настоящей статьи, и иначе как при условии, что соответствующие меры могут приниматься без нарушения неприкосновенности его личности или его резиденции.

4. Иммунитет дипломатического агента от юрисдикции государства пребывания не освобождает его от юрисдикции аккредитующего государства.

⁷⁴ См. сноску 8, выше.

⁶⁹ Там же, стр. 242, пункт 49.

⁷⁰ Там же, стр. 242, пункт 51.

⁷¹ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 141, пункт 117.

пломатический агент выступает как частное лицо; и с) в случае исков, относящихся к любой профессиональной или коммерческой деятельности, осуществляемой дипломатическим агентом в государстве пребывания за пределами своих официальных функций. Это главное правило лежит в основе соответствующих положений других кодификационных конвенций, в том что касается дипломатического персонала специальных миссий и постоянных представительств при международных организациях⁷⁵.

87. Сотрудники административно-технического персонала дипломатических представительств, специальных миссий и постоянных представительств при международных организациях, если они не являются гражданами принимающего государства или постоянно в нем не проживают, должны пользоваться такими же иммунитетами от юрисдикции этого государства, за тем исключением, что иммунитет от гражданской и административной юрисдикции не распространяется на действия, совершенные за пределами исполнения их обязанностей. Так, согласно этому правилу, изложенному в соответствующих положениях кодификационных конвенций⁷⁶, административно-техническому персоналу предоставляется такой же иммунитет от уголовной юрисдикции принимающего государства, как и дипломатическим агентам и дипломатическим сотрудникам соответствующих представительств. С другой стороны, иммунитет от гражданской и административной юрисдикции ограничивается официальными функциями административно-технического персонала представительств.

88. В этом случае функциональная концепция относительно характера и объема юрисдикционных иммунитетов, предоставляемых административно-техническому персоналу, применяется также ко всем видам юрисдикции — уголовной, административной и гражданской, — когда речь идет о консульских должностных лицах и консульских служащих. В соответствии с пунктом 1 статьи 43 Венской конвенции 1963 года

консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций.

Таким образом, не проводится различия между характером и объемом юрисдикционных иммунитетов, предоставляемых консульскому должностному лицу при осуществлении им консульских функций, и иммунитетами, предоставляемыми консульскому служащему, занятому в административно-технических службах консульского учреждения. Следовательно, иммунитет консульского должностного лица от уголовной юрисдикции

принимающего государства следует рассматривать в связи с его официальными функциями.

89. Существует также пример другого аналогичного решения вопроса о юрисдикционных иммунитетах членов административно-технического персонала делегаций на международных конференциях. В соответствии с пунктом 2 статьи 66 Венской конвенции

члены административно-технического персонала делегаций, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, пользуются привилегиями и иммунитетами, указанными в статьях 58, 59, 60, 62, 63 и 64.

Перечисленные в вышеупомянутом положении статьи касаются вопроса об иммунитете от уголовной, административной и гражданской юрисдикции государства пребывания, который предоставляется главе делегации и другим делегатам и членам дипломатического персонала делегаций в отношении всех действий, совершаемых ими при осуществлении своих официальных функций.

90. Остановившись кратко на объеме юрисдикционных иммунитетов, предоставляемых членам дипломатических представительств, консульских учреждений и других миссий и делегаций, предлагается установить, в какой мере *ratione personae* и *ratione materiae* аналогичные иммунитеты могут предоставляться дипломатическому курьеру. К изучению этого вопроса необходимо подходить с осторожностью и осмотрительностью, чтобы избежать проведения необоснованной аналогии между статусом дипломатического курьера и статусом дипломатического персонала или полностью их отождествления. Основанием для этого необходимого различия в данном случае должен служить характер статуса курьера и его официальных функций. Во-первых, дипломатический курьер является лицом, которому поручается обеспечение сохранности дипломатической почты, ее перевозка и доставка в дипломатические или другие представительства посылающего государства, а также обратно из этих представительств в столицу посылающего государства. Во-вторых, поскольку срок пребывания дипломатического курьера на территории принимающего государства и государства транзита непродолжителен, период времени, в течение которого он осуществляет свои функции в данном государстве, ограничен, и поэтому предоставляемые ему привилегии и иммунитеты, включая юрисдикционные иммунитеты, носят временный характер. Дипломатический курьер может вступать в принимающем государстве или государстве транзита в крайне ограниченные по объему и правовым последствиям договорные или другие отношения, касающиеся прав собственности, коммерческих или финансовых сделок или профессиональной деятельности. Более того, дипломатический курьер, если учитывать строгий характер его официальных функций, так же как и сотрудники дипломатических представительств, консульских учреждений

⁷⁵ См. Конвенцию о специальных миссиях, статья 31; и Венскую конвенцию 1975 года, статья 30.

⁷⁶ См. Венскую конвенцию 1961 года, статья 37, пункт 2; Конвенцию о специальных миссиях, статья 36; и Венскую конвенцию 1975 года, статья 36, пункт 2.

и других миссий посылающего государства, не может заниматься профессиональной или другой приносящей доход деятельностью, которая по своему характеру не относится к его официальным функциям и даже несовместима с ними. В четырех кодификационных конвенциях имеются конкретные положения, предусматривающие, что члены дипломатических и других представительств не должны заниматься в принимающем государстве никакой профессиональной или коммерческой деятельностью в целях личной выгоды⁷⁷. Эти основные особенности функций дипломатического курьера, ограниченные по своему содержанию и продолжительности, имеют конкретное практическое значение с точки зрения объема предоставляемых ему привилегий и иммунитетов, включая юрисдикционные иммунитеты.

91. Учитывая эти специфические особенности функций дипломатического курьера, в частности их ограниченность и особенно их относительно небольшую продолжительность, можно отметить, что предоставляемые дипломатическому курьеру юрисдикционные иммунитеты в наибольшей степени сравнимы с иммунитетами, которые предоставляются персоналу специальных миссий. Еще более близким примером, по-видимому, могут служить юрисдикционные иммунитеты, предоставляемые членам делегации в соответствии со статьями 60 и 66 Венской конвенции 1975 года. Эти две статьи составлены по образцу статей 31 и 37 Венской конвенции 1961 года с необходимыми изменениями, учитывающими особенности статуса делегации на международной конференции.

92. Учитывая оговорки, сделанные выше (пункт 90) в отношении сходства между юрисдикционными иммунитетами, предоставляемыми членам персонала дипломатических представительств, и иммунитетами, предоставляемыми дипломатическому курьеру, представляется, что большинство наиболее важных элементов иммунитета от юрисдикции, применимых к статусу дипломатического курьера, содержится в статье 60 Венской конвенции 1975 года. Статья 60 предусматривает:

Статья 60. Иммунитет от юрисдикции

1. Глава делегации, другие делегаты и члены дипломатического персонала делегации пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания, а также иммунитетом от его гражданской и административной юрисдикции в отношении всех действий, совершенных ими при выполнении своих официальных функций.

2. Никакие исполнительные меры не могут приниматься в отношении таких лиц, за исключением тех случаев, когда они могут быть приняты без нарушения их прав в соответствии со статьями 58 и 59.

3. Такие лица не обязаны давать показания в качестве свидетелей.

⁷⁷ См. Венскую конвенцию 1961 года, статья 42; Конвенцию о специальных миссиях, статья 48; и Венскую конвенцию 1975 года, статья 39.

4. Ничто в настоящей статье не освобождает такие лица от гражданской и административной юрисдикции государства пребывания в отношении исков о возмещении убытков, причиненных несчастным случаем, вызванным транспортным средством, включая судно или летательный аппарат, которым пользуются данные лица или которое принадлежит им, если эти убытки не могут быть возмещены страховщиком.

5. Любой иммунитет таких лиц от юрисдикции государства пребывания не освобождает их от юрисдикции посылающего государства.

93. Как уже отмечалось в настоящем докладе (пункт 89), в соответствии с пунктом 2 статьи 66 указанной Конвенции членам административно-технического персонала делегации предоставляются такие же иммунитеты от уголовной, административной и гражданской юрисдикции, какими пользуются глава делегации, другие делегаты и члены дипломатического персонала делегации. В связи с этим было бы логично считать, что если юрисдикционные иммунитеты предоставляются членам административно-технического персонала делегации, то они могут быть предоставлены также дипломатическому курьеру в силу его официальных функций. Логическим обоснованием этого служит тот факт, что дипломатический курьер, которому поручены обеспечение сохранности, перевозка и доставка дипломатической почты, имеет доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и выполняет важные конфиденциальные обязанности, которые непосредственно связаны с нормальным функционированием практики дипломатических сообщений. Таким образом, его функции могут иметь даже большее значение, чем функции многих других членов дипломатического представительства. Поэтому очевидно, что дипломатический курьер должен пользоваться иммунитетами от местной юрисдикции такого же характера и в таком же объеме, как и иммунитеты, предоставляемые членам дипломатических представительств, специальных миссий, постоянных представительств или делегаций на международных конференциях.

94. Для подтверждения этого общего вывода, конечно, необходимо должным образом изучить международное право и практику государств. Предлагается прежде всего рассмотреть вопрос об иммунитете от местной уголовной юрисдикции, а затем проанализировать характер и объем иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции. Сюда относятся вопросы правовых последствий иммунитета в отношении исполнительных мер и гражданской ответственности за убытки, причиненные несчастным случаем, вызванным транспортным средством, которое использовалось лицом, пользующимся юрисдикционными иммунитетами в отношении действий, совершаемых в порядке осуществления его официальных функций на территории принимающего государства или государства транзита. Имеется и ряд других аспектов юрисдикционных иммунитетов, отраженных в положениях приведенной выше статьи 60 Венской конвенции 1975 года, ко-

торые также относятся к вопросу о юрисдикционных иммунитетах, которые могут предоставляться дипломатическому курьеру.

95. Предоставление членам дипломатического представительства иммунитета от уголовной юрисдикции принимающего государства и государства пребывания является принципом, который сложился в международном обычном и договорном праве еще до принятия Венской конвенции 1961 года. В статье 31 этой Конвенции этот основной принцип кодифицируется в качестве нормы, являющейся частью современного международного права и отраженной в многосторонних и двусторонних договорах. В основе этой нормы лежит концепция полного иммунитета от уголовной юрисдикции принимающего государства или государства транзита. Конкретные исключения из местной уголовной юрисдикции отсутствуют. Однако в силу не менее важного правового принципа всегда предполагалось, что лица, пользующиеся таким иммунитетом, обязаны уважать законы и правила принимающего государства или государства транзита. В соответствии со статьей 37 Венской конвенции 1961 года правило о полном иммунитете от местной уголовной юрисдикции распространяется на членов семьи дипломатического агента и сотрудников административно-технического персонала и членов их семей, если они не являются гражданами принимающего государства и постоянно в нем не проживают. В ходе подготовительной работы над кодификационными конвенциями в области дипломатического права это правило широко подерживалось и не оспаривалось. Почти в идентичной редакции оно включено в Конвенцию о специальных миссиях и Венскую конвенцию 1975 года. В статье 43 Венской конвенции 1963 года предусматривается, что

консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций.

Таким образом, предоставление юрисдикционных иммунитетов сотрудникам консульского учреждения, включая иммунитет от местной уголовной юрисдикции, обусловлено выполнением ими консульских функций. Концепция полного иммунитета от уголовной юрисдикции строго выдерживается также во всех других кодификационных конвенциях.

96. Правило абсолютного иммунитета от уголовной юрисдикции принимающего государства основано на общем признании основополагающего принципа суверенитета и суверенного равенства государств. Осуществление государством свободы сношений для всех официальных целей является одним из атрибутов его суверенитета. Таким образом, предоставление иммунитета от местной уголовной юрисдикции дипломатическим агентам и другим членам дипломатического представительства является важным элементом юрисдикци-

онных иммунитетов посылающего государства от юрисдикции принимающего государства.

97. Дипломатический курьер, который играет столь важную роль в осуществлении государством его права на официальные сношения, должен быть также причислен к должностным лицам направляющего государства, имеющим право на полный иммунитет от уголовной юрисдикции в силу конфиденциального характера его обязанностей на службе этого государства. Предоставление такого иммунитета дипломатическому курьеру соответствовало бы положениям статей 31 и 37 Венской конвенции 1961 года и аналогичным положениям, закрепленным в других кодификационных конвенциях в области дипломатического права. Полный иммунитет дипломатического курьера от местной уголовной юрисдикции принимающего государства или государства транзита следует также рассматривать как право, тесно связанное с правилом его личной неприкосновенности. Это представляет собой основное требование о защите личности курьера, позволяющее ему должным образом осуществлять свои официальные функции. Иммунитет от местной уголовной юрисдикции дипломатического курьера следует, естественно, рассматривать в связи с его обязанностью уважать международное право и законы и правила принимающего государства и государства транзита, как это предусмотрено в проекте статьи 5 нынешнего проекта статей.

98. Вопрос об иммунитетах от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства, предоставляемых членам дипломатических и других представительств посылающего государства, является гораздо более сложным, главным образом из-за правового характера и объема этих иммунитетов. В то время как в качестве нормы иммунитет от местной уголовной юрисдикции является абсолютным, иммунитеты от местной гражданской и административной юрисдикции ограничены либо системой конкретных исключений, либо общей формулой, выражающей принцип функционального иммунитета. Метод ограничительного применения общего принципа юрисдикционных иммунитетов, основанный на зависимости иммунитета от характера деятельности лица, пользующегося таким иммунитетом, или непосредственной связи с такой деятельностью, неизбежно поднимает ряд сложных вопросов. Во-первых, необходимо будет провести различие между действиями, совершаемыми в порядке осуществления официальных функций, и личными действиями, осуществляемыми вне связи с такими функциями. Определение характера и объема изъятий из иммунитетов от местной гражданской и административной юрисдикции для выявления тех официальных функций, которые исключаются из такой юрисдикции, может довольно часто ставить сложные проблемы толкования. Во-вторых, в таких случаях неизбежно возникает необходимость установить, кто будет иметь право определять характер рассмат-

риваемого действия и решать вопрос о применимости или неприменимости иммунитета от местной юрисдикции. Могут также возникнуть и другие связанные с этим вопросы, касающиеся, например, мер по исполнению судебных решений или гражданской ответственности за убытки, являющиеся результатом дорожных происшествий. Все эти проблемы имеют прямое отношение к иммунитету дипломатического курьера от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства транзита в отношении действий, совершаемых им в порядке осуществления им своих официальных функций. Краткий аналитический обзор правовых основ соответствующих положений кодификационных конвенций в области дипломатического права, отражающих функциональный метод, применяемый по отношению к иммунитетам от гражданской и административной юрисдикции, может быть полезен для целей рассматриваемого проекта статей.

99. Следует с самого начала отметить, что четыре кодификационные конвенции в области дипломатического права отражают функциональный подход к иммунитетам от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства, предоставляемым членам дипломатических представительств, консульских учреждений, а также других миссий или делегаций. В некоторых из этих конвенций содержатся положения, устанавливающие конкретные изъятия из иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции ⁷⁸, в то время как в других не имеется специальных положений об изъятиях, а используется более общая формула, предусматривающая, что соответствующие лица пользуются иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства пребывания в «отношении всех действий, совершаемых при выполнении их официальных функций» ⁷⁹. Функциональный подход применяется в отношении членов административно-технического персонала дипломатических и специальных миссий, а также консульских сотрудников консульского учреждения. В этом случае изъятия из иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции не являются конкретными. Они выражены в общей формуле, предусматривающей, что предоставляемый этим лицам иммунитет от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства «не распространяется на действия, совершенные

ими не при исполнении своих обязанностей» ⁸⁰. Можно добавить, что это выражение было предложено в качестве компромисса в 1961 году на Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам делегацией Соединенного Королевства, которая считала, что «члены административно-технического персонала должны обладать полным иммунитетом от уголовной юрисдикции, однако их иммунитет от гражданской юрисдикции не должен распространяться на действия, совершенные ими не при исполнении своих обязанностей» ⁸¹. Это положение было включено в пункт 2 статьи 37 Венской конвенции 1961 года, и после этого ему следовали все соответствующие статьи других конвенций в области дипломатического права.

100. Для цели настоящего исследования было бы, по-видимому, полезно дать аналитический обзор правовых аспектов истории разработки статьи 60 Венской конвенции 1975 года. По нашему мнению, эта статья по своему содержанию и форме вполне может служить моделью для проекта статьи об иммунитете дипломатического курьера от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства транзита в отношении действий, совершаемых им в порядке осуществления его официальных функций.

101. Вопрос о формулировании изъятий из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции государства пребывания, предоставляемого представителям на международных конференциях, явился предметом продолжительной дискуссии в Комиссии международного права в ходе ее двадцать второй и двадцать третьей сессий в 1970 и 1971 годах в связи с подготовкой проекта статей о привилегиях и иммунитетах членов делегаций на международных конференциях. На двадцать второй сессии Комиссии Редакционный комитет предложил альтернативные тексты А и В проекта статьи 73 об иммунитете от юрисдикции ⁸².

⁸⁰ По поводу иммунитетов, предоставляемых членам обслуживающего персонала представительства и делегации, в отношении действий, совершенных ими «при исполнении своих обязанностей», см. Венскую конвенцию 1961 года, статья 37, пункт 3; и Венскую конвенцию 1975 года, статья 66, пункт 3.

⁸¹ E. Denza, *Diplomatic Law, Commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations*, Dobbs Ferry, N. Y., Oceana Publications, 1976, p. 229. Дискуссии по поводу поправки Соединенного Королевства (A/CONF.20/L.20) и совместной поправки Соединенного Королевства и девяти других государств (A/CONF.20/L.21 и Add.2) приводятся в *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. I, pp. 36—37 and 39—41, tenth plenary meeting, paras. 1—6 and 30—56; pp. 47—49, twelfth plenary meeting, paras. 1—24. Текст вышеупомянутых поправок *ibid.*, vol. II, pp. 77—78.

⁸² *Ежегодник...*, 1970 год, том I, стр. 232—233, 1077-е заседание, пункт 93. На той же сессии Комиссия приняла оба варианта проекта статьи 73 (перенумерована в статью 100), см. *Ежегодник...*, 1970 год, том II, стр. 343—344, документ A/8010/Rev.1, глава II, раздел В.

⁷⁸ См., например, Венскую конвенцию 1961 года, статья 31, подпункты a, b и c пункта 1; Конвенцию о специальных миссиях, статья 31, подпункты a, b, c и d пункта 2; Венскую конвенцию 1975 года, статья 30, подпункты a, b и c пункта 1.

⁷⁹ В Венской конвенции 1963 года, статья 43, пункт 1, используется выражение «в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций», а в Венской конвенции 1975 года, статья 60, пункт 1, — выражение «в отношении всех действий, совершенных ими при выполнении своих официальных функций».

102. Альтернативный вариант А был составлен на основе статьи 31 Венской конвенции 1961 года и почти дословно следовал тексту статьи 31 Конвенции о специальных миссиях, приспособленному для делегации на международной конференции. В нем содержались четыре изъятия из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции государства пребывания, предоставляемого представителям делегации в органе или на конференции и членам дипломатического персонала посылающего государства, в случае:

а) вешных исков, относящихся к частному недвижимому имуществу, находящемуся на территории государства пребывания, если только данное лицо не владеет им от имени посылающего государства для целей делегации;

б) исков, касающихся наследования, в отношении которых данное лицо выступает в качестве исполнителя завещания, попечителя над наследственным имуществом, наследника или отказополучателя как частное лицо, а не от имени посылающего государства;

с) исков, относящихся к любой профессиональной или коммерческой деятельности, осуществляемой данным лицом в государстве пребывания за пределами его официальных функций;

д) исков о возмещении убытков, причиненных в результате несчастного случая, вызванного транспортным средством, используемым за пределами официальных функций данного лица.

В соответствии с пунктом 2 проекта статьи 77 о привилегиях и иммунитетах других лиц, также предложенным Редакционным комитетом, такой же иммунитет от юрисдикции предоставлялся членам административно-технического персонала делегации⁸³.

103. В альтернативном варианте В не содержалось конкретных изъятий из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции государства пребывания. Вместо этого в нем в общих выражениях предусматривалось, что представители и члены дипломатического персонала делегации

пользуются иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции государства пребывания в отношении всех действий, совершаемых при исполнении их официальных функций.

Представляя этот текст, Председатель Редакционного комитета отметил, что «вариант В является в некотором роде более ограничивающим предложением»⁸⁴. Этот вариант был основан на разделе 11 статьи IV Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций⁸⁵. Однако, как было верно разъяснено в комментарии Комиссии,

он придерживается положений этого раздела, поскольку он ограничивает иммунитет от гражданской и административной юрисдикции действиями, совершаемыми при исполнении официальных функций, но идет дальше положений этого раздела, поскольку в нем, как и в альтернативе А,

предусматривается полный иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания⁸⁶.

104. В шестом докладе об отношениях между государствами и международными организациями, представленном Специальным докладчиком на двадцать третьей сессии Комиссии в 1971 году, проект статьи 100 об иммунитете от юрисдикции, предоставляемом делегациям, был вновь дан в виде двух альтернативных текстов — А и В⁸⁷. Они были идеичны проекту статьи 100, предварительно принятому Комиссией⁸⁸. Мнения членов Комиссии относительно того, предпочесть ли первый или второй вариант, разделились. Именно по этой причине статья 100 была представлена на рассмотрение правительств и международных организаций в виде двух вариантов.

105. Те, кто выступал за вариант А, придерживались того мнения, что он обеспечивает большую защиту делегациям и является более точным, поскольку в нем формулируются конкретные изъятия, что сделало бы применение этого положения более эффективным. Они также выдвигали в качестве аргумента тот факт, что вариант А основан непосредственно на соответствующей статье Конвенции о специальных миссиях и поэтому отражает современные концепции в этой области и все возрастающее значение многосторонней дипломатии⁸⁹. Один из членов Комиссии высказал мнение, что в гражданских делах осуществление юрисдикции местными судами представляет собой полезное средство только в том случае, если ответчик может оставаться в течение длительного времени в государстве пребывания, и что, однако, это средство малоприменимо против человека, который находится проездом и проводит лишь небольшой период времени в данной стране, поскольку истец просто не будет иметь достаточно времени, чтобы предпринять какое-либо действие в гражданских судах⁹⁰.

106. Другие члены Комиссии отдали предпочтение варианту В, подчеркнув его достоинства и высказав мнение о том, что он имеет больше шансов на принятие правительствами. Они считали, что распространение привилегий и иммунитетов не только на постоянное дипломатическое представительство является нецелесообразным. Некоторые члены полагали, что вариант В в большей мере следует существующей практике и в большей степени соответствует Конвен-

⁸⁶ *Ежегодник...*, 1970 год, том II, стр. 344, документ A/8010/Rev.1, глава II, раздел В, комментарий к статье 100, пункт 1.

⁸⁷ *Ежегодник...*, 1971 год, том II (часть первая), стр. 153, документ A/CN.4/241 и Add.1—6.

⁸⁸ См. сноску 82, выше.

⁸⁹ Дискуссии по данному вопросу в Комиссии см. *Ежегодник...*, 1970 год, том I, стр. 232—235, 1077-е заседание, пункты 93—130; и *Ежегодник...*, 1971 год, том I, стр. 176—180, 1108-е заседание, пункты 51—88, и стр. 181—182, 1109-е заседание, пункты 1—17.

⁹⁰ *Ежегодник...*, 1971 год, том I, стр. 180, 1108-е заседание, пункт 84 (г-н Уштор).

⁸³ *Ежегодник...*, 1970 год, том I, стр. 237, 1078-е заседание, пункт 2.

⁸⁴ Там же, стр. 233, 1077-е заседание, пункт 95.

⁸⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1, p. 15.

циям 1946 и 1947 годов о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений⁹¹. Отмечалось также, что фактически вариант В устанавливает все гарантии, необходимые для функционирования делегаций. Один из членов Комиссии заявил в поддержку варианта В, что в нем

просто излагается более общий принцип, но трудно понять, какие действия, кроме тех, которые перечислены в пункте 2 варианта А, можно рассматривать как находящиеся за пределами официальных функций. Поэтому вариант В является более ограничительным по своему действию, так как в сомнительных случаях он предусматривает применение принципа, который не содержится в варианте А, но который в основном подлежит тем же исключениям⁹².

Высказывалось также мнение, что вариант В представляет собой «компромисс между теми, кто выступает за предоставление широких иммунитетов, и теми, кто хотел бы придерживаться структуры существующих документов»⁹³.

107. Комментарии и замечания правительств и международных организаций, а также прения в Шестом комитете по этому вопросу были сосредоточены на этих же моментах. Позиции, занятые в этом вопросе, не были окончательными. В своем комментарии к статье 61 (Иммунитет от юрисдикции)⁹⁴ окончательного проекта статей, представленного Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями в 1975 году, Комиссия отметила, что она пересмотрела текст статьи 100 предварительного проекта с учетом замечаний некоторых правительств. Указав, что ряд государств-членов отдали предпочтение варианту В, она вместе с тем отметила, что «большинство членов отдают предпочтение варианту А». Поэтому Комиссия включила в окончательный проект статью о предоставляемом делегациям иммунитете от юрисдикции, которая по своей сути была аналогична положениям варианта А статьи 100 предварительного проекта. Это решение соответствовало позиции Комиссии, согласно которой привилегии и иммунитеты членов делегации

должны основываться на выборочном сочетании соответствующих положений Конвенции о специальных миссиях и положений, касающихся представительств при международных организациях и содержащихся в части II данного проекта.

Комиссия разъяснила далее, что эта позиция отражает эволюцию института постоянных представительств при международных организациях и уподобление их статусу и иммунитетов дипломатическому статусу и иммунитетам. Комиссия далее выразила мнение о том, что

⁹¹ Там же, стр. 177, пункт 55 (г-н Кастрен), и стр. 179, пункт 70 (сэр Хэмфри Уолдок).

⁹² Ежегодник..., 1970 год, том I, стр. 234, 1077-е заседание, пункт 103 (г-н Евстатиадис).

⁹³ Ежегодник..., 1971 год, том I, стр. 178, 1108-е заседание, пункт 58 (г-н Кирней).

⁹⁴ По существу в статье 61 воспроизводится вариант А статьи 100 предварительного проекта.

в связи с временным характером их задачи делегации в органах международных организаций и на конференциях, создаваемых международными организациями, занимают в системе дипломатического права международных организаций положение, аналогичное положению специальных миссий в системе двусторонней дипломатии⁹⁵.

108. Дискуссия по вопросу о правовом характере и объеме иммунитета членов делегаций от гражданской и административной юрисдикции продолжилась на Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств. К статье 61 (Иммунитет от юрисдикции) были представлены три поправки⁹⁶. Только одна из них, представленная Нидерландами, была всесторонне обсуждена и в конечном счете поставлена на голосование; она содержала предложение о замене проекта статьи 61 текстом, основанным на варианте В статьи 100 предварительного проекта статей⁹⁷. После продолжительных и оживленных прений этот предложенный текст с внесенной в него устной поправкой был принят Конференцией⁹⁸ и впоследствии стал нынешней статьей 60 Венской конвенции 1975 года.

109. Аналитический обзор правовых аспектов истории разработки положений о юрисдикционных иммунитетах, и в частности иммунитета от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства пребывания, может послужить основой для изучения и разъяснения некоторых важных аспектов этой проблемы, имеющих прямое отношение к статусу дипломатического курьера. Для целей настоящего исследования было бы, по-видимому, более целесообразным по уже указанным причинам (см. пункты 90, 91, 93 и 97, выше) рассмотреть основные аспекты статьи 60 Венской конвенции 1975 года.

110. Ключ к толкованию выражения «в отношении всех действий, совершенных... при выполнении своих официальных функций» лицами, поль-

⁹⁵ См. *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями*, том II (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.75.V.12), стр. 45, комментарий к статье 61, пункт 4.

⁹⁶ Поправки: а) Пакистана (A/CONF.67/C.1/L.69), предусматривала исключение подпункта d пункта 1 статьи 61, касающегося исков о возмещении убытков, причиненных несчастным случаем, вызванным транспортным средством, и не была поставлена на голосование; б) Франции (A/CONF.67/C.1/L.86), предусматривала добавление в конце первой фразы пункта 1, касающегося иммунитета от уголовной юрисдикции, слов: «за исключением случаев, когда их застигают на месте преступления», и была снята до рассмотрения статьи; в) Нидерландов (A/CONF.67/C.1/L.95, устно пересмотренная), была принята (там же, стр. 150, пункты 524 и 525).

⁹⁷ Пункт 1 (касающийся юрисдикционных иммунитетов) поправки Нидерландов был принят 29 голосами против 23 при 15 воздержавшихся (там же, пункт 527 а).

⁹⁸ Там же, стр. 150—151, пункты 526—530; и там же, том I (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.75.V.11), стр. 316—323, *Комитет полного состава*, 32-е заседание и 33-е заседание, пункты 1—10.

зующимися иммунитетом от местной гражданской и административной юрисдикции, лежит в определении правового характера и содержания официального действия, которое следует отличать от частной деятельности соответствующего лица. В этом случае функциональный подход предполагает, что иммунитет предоставляется этому лицу не *in propria persona*, а как иммунитет, признаваемый за посылающим государством, и поэтому он ограничивается официальными действиями этого государства, совершаемыми от его имени уполномоченным им на то официальным лицом. Официальный характер таких действий может определяться либо международным договором или международным обычным правом, либо внутренними законами и положениями государства. Обычно основные функции иностранного представительства и его членов определяются в двусторонних или многосторонних договорах. Четыре кодификационные конвенции, а также Конвенция 1946 года о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций⁹⁹ и Конвенция 1947 года о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений¹⁰⁰ содержат специальные положения по этому вопросу¹⁰¹.

111. Имеется еще один метод определения различия между официальным действием *per se* и действием, хотя и совершаемым официальным лицом посылающего государства на территории принимающего государства, однако за пределами его официальных функций. По этому методу действия, совершаемые за пределами официальных функций соответствующего лица, конкретно излагаются и перечисляются как изъятия из иммунитета, предоставляемого этому лицу. Как уже отмечалось, этот метод применяется в некоторых кодификационных конвенциях (см. пункты 85, 86, 97, 101 и 102, выше).

112. Изъятия из иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции, указанные в подпунктах *a*, *b* и *c* пункта 1 статьи 31 Венской конвенции 1961 года и подпунктах *a*, *b*, *c* и *d* пункта 2 статьи 31 Конвенции о специальных миссиях, касаются личных прав в отношении частного недвижимого имущества; частного участия в исках, касающихся наследования; действий, связанных с любой профессиональной или коммерческой деятельностью, осуществляемой за пределами официальных функций; и исков о взыскании убытков, причиненных в результате несчастного случая, вызванного транспортным средством, используемым соответствующим лицом за пределами его офи-

циальных функций¹⁰². Однако можно рассмотреть другие действия, совершаемые лицом, пользующимся иммунитетом от местной гражданской юрисдикции, как, например, заключение им договоров, которые не были прямо или косвенно заключены как официальный акт посылающего государства. Так может обстоять дело в отношении аренды номера в гостинице, аренды автомобиля, использования услуг для перевозки и хранения личного багажа или заключения дипломатическим курьером во время его поездки договора об аренде или покупке. Обязательства, касающиеся оплаты счета в гостинице или покупки, совершенных курьером, и услуг, оказанных дипломатическому курьеру, хотя они и возникают при осуществлении им официальных функций и даже в связи с ними, не подлежат изъятию из местного законодательства. Основная причина для такого вывода состоит в том, что во всех этих случаях речь идет о покупках и оказанных соответствующему лицу услугах общего коммерческого характера, которые должны оплачиваться любым лицом, пользующимся имп. Это же правило применяется также к сборам, взимаемым за конкретные виды обслуживания, как это предусматривается в статье 34 *e* Венской конвенции 1961 года и соответствующих статьях других кодификационных конвенций в области дипломатического права. Следовательно, действия, связанные с такими покупками и услугами, нельзя рассматривать *per se* как действия, совершаемые курьером при выполнении им своих официальных функций, на которые распространяется иммунитет от местной гражданской и административной юрисдикции.

113. Следующий важный вопрос — это вопрос о том, кто имеет право проводить грань различия между официальным действием, не подпадающим под местную гражданскую и административную юрисдикцию, и частным актом, совершаемым официальным лицом посылающего государства *in propria persona*. На этот счет ни практика государств, ни правовая доктрина не предлагают единообразных решений. Надо отметить, что прецедентов в этой области довольно мало, хотя и имелись дела, в которых основным вопросом было определение того, являлось ли действие, ставшее предметом спора, официальным¹⁰³.

¹⁰² Вопрос об ответственности за убытки, причиненные несчастным случаем, вызванным транспортным средством, будет рассмотрен ниже (см. пункты 128—136, ниже).

¹⁰³ См., например, дела, упоминаемые в *Whiteman, op. cit.* (сноска 36, выше), p. 213: *Laterrade c. Sangro y Torrès* (1951) (*Recueil Sirey, Jurisprudence*, 1951, Paris, p. 155); *Juan Ysmael & Co. v. S. S. «Tasikmalaya»* (1952) (*International Law Reports*, 1952, London, 1957, vol. 19, Case No. 94, p. 400, особенно стр. 408). См. также *Arcaya v. Paéz* (1956) (*ibid.*, 1956, London, 1960, vol. 23, p. 436); *Maas v. Seelheim* (1936) (*Annual Digest and Reports of Public International Law Cases, 1935—1937*, London, 1941, vol. 8, p. 404); *Bigelow c. Princesse Zizianoff et autres* (1928) (*La Gazette du Palais, Paris, 1er sem. 1928, n° 125, p. 726*). Большинство этих дел касается различия между «офици-

⁹⁹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1, p. 15.

¹⁰⁰ *Ibid.*, vol. 33, p. 314.

¹⁰¹ См., например, Венскую конвенцию 1961 года, статьи 1, 3, 27, 39, 41 и др.; Венскую конвенцию 1963 года, статьи 1, 3, 5—8, 15, 17, 25, 35—38, 55 и др.; Конвенцию о специальных миссиях, статьи 1, 3, 13, 20, 28, 47 и др.; Венскую конвенцию 1975 года, статьи 1, 6, 7, 16, 27, 40, 57, 69, 77 и др.; Конвенцию о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, статьи III, IV и V.

114. Согласно одной доктрине, право решать вопрос о характере действия принадлежит принимающему государству. Это мнение было выдвинуто в подготовленном юридическим факультетом Гарвардского университета проекте конвенции о правовом статусе и функциях консулов, в котором говорится, что «принимающее государство решает, при сохранении за посылающим государством права оспаривать это решение с использованием дипломатических средств, было ли действие совершено при выполнении таких функций»¹⁰⁴.

115. Существует также доктрина, согласно которой как посылающее, так и принимающее государство имеют право определять, исходя из существа и обстоятельств каждого дела, совершается ли действие при выполнении официальных функций или за их пределами. Это мнение нашло отражение в третьем докладе Специального докладчика по вопросу о консульских сношениях и иммунитетах, представленном Комиссии международного права на ее тринадцатой сессии в 1961 году¹⁰⁵. Есть авторы, которые, придерживаясь этого мнения, тем не менее считают, что акт является официальным *per se* только в том случае, если и посылающее, и принимающее государство признают его как таковой на основании договора, сторонами которого они являются, а также на основании международного обычного права или законов и положений этих государств¹⁰⁶.

116. В связи с тем же вопросом, а именно: кто имеет право определять правовой характер действия, совершаемого официальным лицом посылающего государства на территории принимающего государства, Специальный докладчик по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями в

альными» или «консульскими» функциями и частной деятельностью, проводимой консульскими должностными лицами и служащими; по этому поводу см. L. T. Lee, *Vienna Convention on Consular Relations*, Leiden, Sijthoff, 1966, pp. 115—146, где приводится несколько дел.

¹⁰⁴ Статья 21 проекта конвенции, см. Harvard Law School, *Research in International Law*, sect. II «Legal Position and Functions of Consuls», Cambridge, Mass., 1932, опубликовано как *Supplement to the American Journal of International Law*, Washington, D. C., vol. 26, 1932, p. 198.

¹⁰⁵ Ежегодник..., 1961 год, том II, стр. 69 англ. текста, документ A/CN.4/137, «Замечания и предложения Специального докладчика» по поводу статьи 41 (Иммунитет от юрисдикции).

¹⁰⁶ Lee, *op. cit.* (конец сноски 103, выше), p. 121. Кроме того, автор утверждает:

«в других или смежных делах, однако, необходимо прямое или косвенное признание со стороны обоих государств того, что действие является «официальным». Такое признание со стороны посылающего государства может иметь форму подтверждения его дипломатическим представительством в принимающем государстве того, что определенное действие, совершенное его консулом, является «официальным», или выражаться в форме молчаливого согласия с такого рода заявлением со стороны главы консульского учреждения. Что касается принимающего государства, то этот вопрос может передаваться на решение соответствующего суда» (*ibid.*).

своим качестве эксперта-консультанта на Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств в 1975 году отдал предпочтение государству пребывания в определении официального характера действия. Отвечая на этот вопрос, он отметил:

«...В самом деле, трудно привести практические меры случаев [разграничения]..., потому что отсутствуют конкретные критерии для точного определения, когда член делегации действовал в рамках своих официальных обязанностей и когда нет. Поэтому будет необходимо для судов государства пребывания рассматривать этот вопрос в свете конкретных обстоятельств того или иного случая»¹⁰⁷.

117. В практике государств в этой области, хотя она и является весьма ограниченной, находят применение обе доктрины, то есть решение о характере действия принимается как посылающим, так и принимающим государством или только принимающим государством. Можно допустить, что в случае спора между посылающим и принимающим государством наиболее подходящим практическим способом решения проблемы такого рода будет дружеское решение вопроса через дипломатические каналы.

118. Следующая проблема, касающаяся иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции, связана с исполнительными мерами. Как следствие функционального иммунитета соответствующего лица исполнительные меры могут приниматься только в случаях, не связанных с действиями, осуществляемыми при выполнении официальных функций, то есть в случаях, не охватываемых иммунитетом, предоставляемым принимающим государством. Это положение является стандартным, и оно включено в пункт 3 статьи 31 Венской конвенции 1961 года и соответствующие статьи других кодификационных конвенций в области дипломатического права. Наиболее характерным положением, отражающим специфические особенности правового статуса и функций дипломатического курьера, является пункт 2 статьи 60 Венской конвенции 1975 года.

119. Норма, касающаяся предоставляемого дипломату иммунитета в отношении исполнительных мер, сложилась в международном праве задолго до Венской конвенции 1961 года. Она считается не только важным аспектом иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции, но также и следствием принципа неприкосновенности личности, резиденции и имущества дипломатического агента.

120. Таким образом, по своему характеру и объему иммунитет от исполнительных мер отражает функциональный подход к иммунитету от местной гражданской юрисдикции. Эта черта ис-

¹⁰⁷ Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями, том I, стр. 321, Комитет полного состава, 32-е заседание, пункт 35.

полнительных мер подчеркивается в положении пункта 3 статьи 31 Венской конвенции 1961 года, в котором прямо предусматривается, что «никакие исполнительные меры не могут приниматься в отношении дипломатического агента, за исключением тех случаев, которые подпадают под подпункты *a*, *b* и *c*», то есть исков, относящихся к частному недвижимому имуществу, личного участия в исках, касающихся наследования, и профессиональной и коммерческой деятельности за пределами официальных функций. Такое же положение включено в пункт 4 статьи 13 Конвенции о специальных миссиях.

121. Тесная органическая взаимосвязь между исполнительными мерами и иммунитетом от гражданской юрисдикции также находит свое отражение в положениях об иммунитете от гражданской юрисдикции, в которых вместо перечисления конкретных изъятий используется общая формулировка, определяющая функциональный характер этого иммунитета. Это касается пункта 2 статьи 60 Венской конвенции 1975 года, в котором просто предусматривается, что «никакие исполнительные меры не могут приниматься в отношении таких лиц», то есть глав делегаций, других делегатов и членов дипломатического персонала делегаций. В силу пункта 2 статьи 66 ставляется также членам административно-технического персонала делегаций.

122. В отношении исполнительных мер существует только то требование, что такие меры допускаются, если они не являются посягательством на неприкосновенность личности или резиденции соответствующего официального лица. Это фактически является подтверждением вторичного характера исполнительных мер по отношению к принципу неприкосновенности. Практическое значение этой нормы состоит в том, что если лицо, пользующееся иммунитетом от исполнительных мер, в силу решения местного суда теряет свои права или титулы на недвижимое имущество на территории принимающего государства, то такое лицо или член его семьи не подлежит выселению и к нему не могут быть применены никакие другие исполнительные меры, которые могут ограничить свободу личности защищенного лица, равно как и не может быть разрешен досмотр или обыск самого лица или его резиденции.

123. Норма, касающаяся иммунитета от исполнительных мер, должна также применяться и к дипломатическому курьеру. Во-первых, в силу своих официальных функций он имеет право пользоваться иммунитетом от местной гражданской и административной юрисдикции, по крайней мере на том же уровне, что и члены административно-технического персонала. Во-вторых, во всех кодификационных конвенциях конкретно предусматривается неприкосновенность личности курьера, а это означает, что он не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было

форме. В-третьих, очевидно, что принятие исполнительных мер неизбежно скажется на нормальном выполнении курьером своих официальных функций.

124. Еще одним элементом иммунитета от местной юрисдикции является освобождение дипломатического агента от обязанности давать показания в качестве свидетеля. Эта норма включена в пункт 2 статьи 31 Венской конвенции 1961 года и соответствующие положения других кодификационных конвенций в области дипломатического права, за исключением Венской конвенции 1963 года, в которой предусматривается, что применение этой нормы зависит от некоторых условий. Освобождение от дачи показаний в качестве свидетеля рассматривается также в рамках принципа неприкосновенности в том смысле, что нет правового обязательства давать показания в качестве свидетеля. Это означает, что дипломатический агент или лицо, пользующееся иммунитетом от юрисдикции в силу его официальных функций, если оно того пожелает или имеет необходимое разрешение посылающего государства¹⁰⁸, может дать показания по вопросам, выходящим за пределы его официальных функций. Освобождение от дачи показаний в качестве свидетеля не ограничивается изъятиями, которые предусмотрены для иммунитета от гражданской юрисдикции. Тот же режим применяется и к членам административно-технического персонала.

125. Очевидно, что дипломатический курьер, в силу конфиденциального характера его обязанностей и необходимости выполнения им своих функций как можно более оперативно, должен быть освобожден от обязательства давать показания в качестве свидетеля перед судебными или административными органами принимающего государства или государства транзита. Такое освобождение будет оправдано как в принципе и в силу его правового статуса, так и практической необходимостью скорейшей доставки дипломатической почты, лежащей в основе его официальных функций.

¹⁰⁸ В практике некоторых государств дипломатам не разрешается самостоятельно без соответствующих указаний принимать решение о даче показаний в качестве свидетелей в иностранных судах. В некоторых государствах имеются специальные положения на этот счет. Так обстоит дело не только тогда, когда дипломатическому агенту предлагается дать показания по вопросам, касающимся его функций, но также и в отношении показаний, которые находятся за пределами его официальных обязанностей или деятельности представительства. Так обстоит дело в практике Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и других государств. См., например, J. V. Moore, *A Digest of International Law*, Washington, D. C., U. S. Government Printing Office, 1906, vol. IV, p. 642. См. также в United Nations, *Legislative Series*, vol. VII, *Laws and Regulations regarding Diplomatic and Consular Privileges and Immunities* (Sales No. 58.V.3), законы и постановления Австрии (pp. 13—16), Колумбии (p. 65), Эквадора (p. 106), Гватемалы (p. 145), Гондураса (p. 152), Никарагуа (p. 222), СССР (p. 337).

126. Прецедентное право в этом вопросе является весьма скудным на примеры. Вероятно, это объясняется тем, что власти принимающих государств или государств транзита признают особый характер статуса и функций курьера и поэтому избегают случаев, когда от него можно потребовать дачи показаний.

127. В качестве примера позиции государств в данном вопросе мы можем привести дело *Juan Ysmael & Co. v. S. S. «Tasikmalaja»* (1952), когда один гонконгский суд издал приказ с требованием к профессиональному дипломатическому курьеру правительства Индонезии явиться в суд для перекрестного допроса в связи с данными им письменными показаниями. Курьер заявил об иммунитете от применения этой процедуры на том основании, что он является дипломатическим курьером с дипломатическим паспортом и как таковой должен быть постоянно готовым для перевозки официальных сообщений своего правительства по первому его требованию. Суд вынес следующее постановление:

Курьер находится в совершенно ином положении, чем консул. Он не пользуется официальным признанием и освобождается от гражданской и уголовной юрисдикции и пользуется специальной защитой только при выполнении им своих обязанностей. Я не вижу никаких причин, по которым г-н Памоерхардхо должен быть освобожден от присутствия на перекрестном допросе, и не могу себе представить, что в результате его присутствия в суде для перекрестного допроса возникнет какая-либо ситуация, которая могла бы помешать выполнению им своих обязанностей как курьера. Его заявление отклоняется, и ему предлагается явиться в суд для перекрестного допроса¹⁰⁹.

Однако впоследствии в ходе разбирательства суд признал, что «дипломатических курьеров нельзя заставить давать показания по вопросам, входящим в сферу их официальных обязанностей»¹¹⁰.

128. Одно из изъятий из иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции государства пребывания, перечисленных в подпункте *d* пункта 2 статьи 31 Конвенции о специальных миссиях и пункте 4 статьи 60 Венской конвенции 1975 года, касается исков о взыскании убытков, причиненных несчастным случаем, вызванным транспортным средством, включая судно или летательный аппарат, которым пользуется лицо, имеющее иммунитет от местной юрисдикции, или которое принадлежит такому лицу. Использование транспортных средств для личных или профессиональных целей стало частью повседневной жизни. Число дорожно-транспортных происшествий и нарушений неизбежно увеличивается, что ведет к росту числа исков. Необходимо регулировать вопросы ответственности за телесные повреждения и ущерб собственности в результате дорожных происшествий, в которых участвуют дипломатические агенты и другие лица, пользующиеся дипломатическим

иммунитетом, является очевидной. Тем не менее потребовалось некоторое время, прежде чем в этой области была осуществлена надлежащая кодификация международного права. В этой связи очень краткий обзор истории развития упомянутых выше норм указывает на стремительную эволюцию в этом вопросе за последние 20 лет.

129. На Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам в 1961 году делегация Нидерландов внесла предложение, предусматривающее юрисдикцию местных судов в отношении исков о взыскании убытков, причиненных несчастным случаем, вызванным транспортным средством, кроме тех случаев, когда в принимающем государстве можно предъявлять иск непосредственно страховой компании¹¹¹. Это предложение, по мнению многих делегаций, представляло собой существенный отход от других исключений из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции, которые имели, вне всякого сомнения, частный характер, поскольку они не были связаны с официальными функциями соответствующего лица¹¹². Вместе с тем использование транспортного средства рассматривалось как действие, тесным образом связанное с официальной деятельностью такого лица. На этом основании предложение Нидерландов принято не было.

130. Однако уже через два года на Конференции Организации Объединенных Наций по консульским сношениям дискуссия по этому вопросу пошла в ином направлении. Два специальных положения по этому вопросу были включены в принятую Конференцией Конвенцию о консульских сношениях. Одно из них имеет форму исключения из юрисдикционных иммунитетов, предоставляемых консульским должностным лицам и служащим, и предусматривает, что такой иммунитет неприменим в отношении гражданских исков «третьей стороны за вред, причиненный несчастным случаем в государстве пребывания, вызванным дорожным транспортным средством, судном или самолетом» (статья 43, пункт 2 *b*); при этом следует понимать, что эти транспортные средства принадлежат консульским должностным лицам или служащим консульства или используются ими. Другое положение, связанное с ответственностью за ущерб, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия (статья 56), предусматривает, что работники консульского учреждения должны соблюдать любые требования, предусматриваемые законами и правилами государства пребывания в отношении страхования от вреда, который может быть причинен третьим лицам в связи с ис-

¹⁰⁹ *Loc cit.* (см. сноску 103, выше), p. 408.

¹¹⁰ *Idem*, p. 410.

¹¹¹ *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. II, p. 27, document A/CONF.20/C.1/L.186/Rev.1.

¹¹² *Ibid.*, vol. I, pp. 166—170, *Committee of the Whole*, 27th meeting, paras. 19—65, and 28th meeting, paras. 1—27.

пользованием любого дорожного транспортного средства, судна или самолета.

131. Это исключение из местной гражданской и административной юрисдикции в отношении исков о взыскании убытков, причиненных в результате дорожно-транспортного происшествия, было впоследствии включено в международные соглашения и стало, таким образом, почти стандартным положением. Придерживаясь этой тенденции, некоторые государства ввели в свои внутренние законы и постановления требование относительно обязательного страхования на полную сумму ущерба.

132. Эта тенденция нашла свое дальнейшее подтверждение в пункте 2 *d* статьи 31 Конвенции о специальных миссиях. В число четырех конкретных исключений из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции входят «иски о взыскании убытков, причиненных в результате несчастного случая, вызванного транспортным средством, используемым за пределами официальных функций данного лица». Если в Венской конвенции 1963 года не предусматривается каких-либо условий для исключения в отношении гражданских исков о взыскании убытков, причиненных дорожным транспортным средством, судном или самолетом, то в Конвенции о специальных миссиях используется более ограничительный подход к сфере применения этого исключения. В соответствии с пунктом 2 *d* статьи 31 Конвенции исключение из иммунитета от гражданской и административной юрисдикции применимо лишь только в случае иска о взыскании убытков, причиненных в результате несчастного случая, вызванного транспортным средством, используемым за пределами официальных функций данного лица. Таким образом, это исключение неприменимо к дорожно-транспортным происшествиям, участниками которых были лица, выполнявшие в момент происшествия свои официальные обязанности.

133. По этому вопросу в Венской конвенции 1975 года использован несколько иной подход. Пункт 4 статьи 60, касающийся ответственности за ущерб, наносимый в результате несчастного случая, по нашему мнению, содержит некоторые новые элементы. Во-первых, он не ограничивает исключение из иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции лишь несчастными случаями, имевшими место за пределами выполнения официальных функций. Во-вторых, он особо предусматривает, что исключение распространяется *ratione personae* как на лицо, пользовавшееся транспортным средством, так и на владельца транспортного средства. В этом случае обеспечивается большая защита жертвы несчастного случая. Специальная ссылка на ответственность за ущерб, который не может быть возмещен страховщиком, является дополнительным средством защиты, позволяющим предотвратить любую несправедливость в отношении

пострадавшей стороны. Это предположение далее подкрепляется положениями статьи 70 той же Конвенции, касающейся страхования ответственности перед третьими лицами, аналогично тому, как это предусмотрено в статье 56 Венской конвенции 1963 года, о которой речь шла выше (пункт 130). Здесь вновь используется более широкая формулировка в отношении участвовавшего в несчастном случае транспортного средства, которым пользовались обладающие иммунитетом лица или которое им принадлежало. В таком случае транспортное средство, которое принадлежит лицу, обладающему иммунитетом от местной юрисдикции, но в момент несчастного случая использовалось другим лицом, не должно освобождаться от ответственности по гражданскому иску. С другой стороны, на дипломатического агента распространяется местная юрисдикция в том случае, если он арендовал транспортное средство, причинившее ущерб.

134. Учитывая все эти аспекты проблемы ответственности за убытки, причиненные в результате транспортного происшествия, представляется лишь логичным, что такой же режим должен применяться и к дипломатическому курьеру при выполнении им своих обязанностей. Хотя практика государств и соответствующее прецедентное право по данному вопросу весьма скудны на примеры, существует достаточно оснований, чтобы предусмотреть специальное положение относительно исключения из иммунитета от местной гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства транзита, предоставляемого дипломатическому курьеру при выполнении им своих официальных обязанностей. Практика государств в этом вопросе сама по себе не позволяет сделать определенный вывод. Большинство известных случаев имело место до принятия Венской конвенции 1961 года и других кодификационных конвенций в области дипломатического права. Можно считать, что большинство случаев, связанных с исками о возмещении убытков, причиненных членами дипломатических представительств и в редких случаях дипломатическими курьерами, разрешались через дипломатические каналы.

135. Те некоторые случаи, которые были переданы на рассмотрение суда, имели место до принятия кодификационных конвенций. Например, в деле *Laterrade v. Sangro y Torrès* (1951) ответчик заявил о дипломатическом иммунитете от юрисдикции суда по иску, вызванному дорожно-транспортным происшествием. Он утверждал, что, являясь консулом Испании, он пользуется иммунитетом от гражданской юрисдикции и что в момент несчастного случая он перевозил испанскую дипломатическую почту в качестве представителя правительства Испании и с согласия французских властей. Французский Апелляционный суд Парижа счел, что это заявление должно быть отвергнуто. Суд пришел к следующему выводу:

Перевозка дипломатической почты не является частью обычных функций консула. Заявление об иммунитете от юрисдикции в той степени, в которой оно основано на этом действии, не может быть поддержано судом¹¹³.

Однако из этого решения не ясно, как реагировал суд в случае профессионального дипломатического курьера, поскольку основным аргументом в этом решении было то, что, по мнению суда, перевозка дипломатической почты не является составной частью обычных функций консула. Здесь можно поставить вопрос о том, не следует ли предоставить курьеру *ad hoc*, каковым в данном случае являлся консул, ту же защиту, что и обычному дипломатическому курьеру. В любом случае малочисленные прецеденты по данному вопросу, как представляется, говорят о том, что дипломатическим курьерам предоставляется иммунитет от местной гражданской и административной юрисдикции и обеспечивается особая защита при исполнении ими своих официальных функций. По практическим причинам, однако, государства склонны разрешать любые споры в данной области через дипломатические каналы.

136. Последний вопрос, который необходимо рассмотреть в связи с иммунитетом от местной юрисдикции, предоставляемым дипломатическому курьеру принимающим государством или государством транзита, относится к правилу, в соответствии с которым такой иммунитет не освобождает курьера от юрисдикции посылающего государства. Это правило было включено в пункт 4 статьи 31 Венской конвенции 1961 года и в соответствующие статьи других кодификационных конвенций¹¹⁴. Это правило прочно утвердилось в международном обычном праве и во внутренних законах и не ставилось под вопрос в государственной практике. Действие юрисдикции посылающего государства в отношении его должностных лиц за рубежом является нормой, предназначенной для укрепления справедливости и правового порядка. Она предусматривает возможность для посылающего государства предлагать такую процедуру в качестве правового средства защиты истца из принимающего государства, чьи права в противном случае не могут быть защищены в силу иммунитета дипломатического агента. Эта норма также вытекает из наличия постоянных правоотношений между этим лицом и государством, гражданином которого оно является, даже если это лицо находится за рубежом.

137. Этот вопрос обсуждался на девятой сессии Комиссии международного права в 1957 году во время работы над проектом статей о дипломатических сношениях и иммунитетах. Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о подсудности дипломатического агента в судах по-

сылающего государства. Один из членов Комиссии предложил дополнительно развить эту норму, так чтобы компетентным судом являлся суд местонахождения правительства посылающего государства, если нет какого-либо другого суда, специально предусмотренного для этого по законам этого государства¹¹⁵. Этот вопрос продолжал обсуждаться в Комиссии на ее десятой сессии в 1958 году¹¹⁶ и на Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам в 1961 году¹¹⁷.

138. Хотя и нельзя говорить о том, что возбуждение истцом разбирательства против дипломата в суде его собственного государства представляет собой эффективное средство защиты, тем не менее полностью исключать возможность иска подобного рода нельзя. Конечно, такие случаи обычно более успешно разрешаются с использованием более прагматических и менее формальных дипломатических или политических средств. Однако, поскольку такая норма существует в кодификационных конвенциях в области дипломатического права, нет причин, по которым аналогичные положения не должны быть закреплены применительно к статусу дипломатического курьера.

139. В свете всех этих соображений по вопросу об иммунитете от юрисдикции, предоставляемом дипломатическому курьеру, Специальный докладчик вносит на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи.

Статья 23. Иммунитет от юрисдикции

1. Дипломатический курьер пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции принимающего государства или государства транзита.

2. Он пользуется также иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства транзита.

¹¹⁵ *Ежегодник...*, 1957 год, том I, стр. 105 англ. текста, 404-е заседание, пункт 29 (г-н Франсуа). Ср. резолюцию 1929 года Института международного права о дипломатических иммунитетах, статья 9 которой предусматривает: «Глава миссии, члены миссии, официально признанные в качестве таковых, и члены их семей, проживающие вместе с ними, не теряют предыдущего domicilio» (*Annuaire de l'Institut de droit international*, 1929, vol. II, p. 309).

Текст цитируется в Ph. Cahier, *Le droit diplomatique contemporain*, Genève, Droz, p. 459, и в Harvard Law School, *op. cit.* (сноска 104, выше), p. 187.

¹¹⁶ *Ежегодник...*, 1958 год, том I, стр. 153—154 англ. текста, 460-е заседание, пункты 47—63.

¹¹⁷ См. дискуссии на Конференции по поводу поправок к статье 29 (Юрисдикционный иммунитет), представленных Испанией (A/CONF.20/C.1/L.221), Нидерландами (A/CONF.20/C.1/L.186) и Венесуэлой (A/CONF.20/C.1/L.229), *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities...*, vol. I, pp. 166—172, *Committee of the Whole*, 27th meeting, paras. 18—65, and 28th meeting, paras. 1—27.

¹¹³ *Loc. cit.* (сноска 103, выше), p. 157.

¹¹⁴ См., например, Конвенцию о специальных миссиях, статья 31, пункт 5; Венскую конвенцию 1975 года, статья 30, пункт 4, и статья 60, пункт 5.

та в отношении всех действий, совершаемых им при выполнении своих официальных функций.

3. Никакие исполнительные меры не могут приниматься в отношении дипломатического курьера, за исключением тех случаев, на которые не распространяется пункт 2 настоящей статьи, и иначе как при условии, что соответствующие меры могут приниматься без нарушения неприкосновенности его личности, временных жилых помещений или вверенной ему дипломатической почты.

4. Дипломатический курьер не обязан давать показания в качестве свидетеля.

5. Ничто в настоящей статье не освобождает дипломатического курьера от гражданской и административной юрисдикции принимающего государства или государства транзита в отношении исков о взыскании убытков, причиненных несчастным случаем, вызванным транспортным средством, которым пользуется данный дипломатический курьер или которое принадлежит ему, если эти убытки не могут быть возмещены страховщиком.

6. Иммуниет от юрисдикции принимающего государства или государства транзита не освобождает дипломатического курьера от юрисдикции посылающего государства.

3. ОСВОБОЖДЕНИЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ КУРЬЕРУ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ КУРЬЕРУ AD NOS

140. В настоящем докладе уже отмечалось (пункт 24 *b*, выше), что привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическому курьеру, включают признание *неприкосновенности* личности курьера, его временного жилья и транспортных средств, а также *иммуниет от местной юрисдикции* и различные *освобождения*, предоставляемые ему при выполнении им своих функций. Первые два компонента привилегий и иммунитетов — неприкосновенность и иммуниет от юрисдикции — были рассмотрены вместе с соответствующими проектами статей 20, 21, 22 и 23 (пункты 68, 80 и 139, выше). Предлагается продолжить рассмотрение освобождений, которые должны предоставляться дипломатическому курьеру, и представить на рассмотрение соответствующие проекты статей.

141. Четыре кодификационные конвенции не содержат какого-либо правового определения общего понятия *возможностей*, *привилегий* и *иммунитетов*, и в них не предпринимается попытки провести грань различия между *привилегиями*, *иммунитетами* и *освобождениями*. В Венской конвенции 1961 года, которая послужила моделью для кодификации в этой области, предпочтение отдается либо общему термину «привилегии и иммунитеты», либо терминам «права»,

«возможности», «иммунитеты» или «освобождения» для каждого конкретного положения в зависимости от его существа. В то же время в Венской конвенции 1963 года, в которой применяется такой же подход, в главе II «Привилегии, привилегии и иммунитеты консульских учреждений, штатных консульских должностных лиц и других работников консульских учреждений» наряду с общим термином «привилегии и иммунитеты» в заголовках отдельных статей используются термины «преимущества», «неприкосновенность», «освобождения». В остальных конвенциях, а именно в Конвенции о специальных миссиях и в Венской конвенции 1975 года, применяется этот же подход. Этот индуктивный и прагматический метод вполне обоснован, ибо он ведет к разработке более точных положений с конкретным правовым содержанием.

142. Такая методология позволяет считать, что правовым понятием «иммуниет» или «освобождение» присущи некоторые нюансы, выражающиеся в виде нормы, предусматривающей определенные права и обязательства. Тем не менее практические правовые последствия и результаты остаются теми же. Известно, что в соответствии с международным обычным правом дипломатический иммуниет представляет собой правовое средство защиты от местной юрисдикции и исполнительных мер судебного или административного характера. *Дипломатический иммуниет* является правовой основой для неприкосновенности соответствующего лица, включая неприкосновенность его личности, переписки, помещений, имущества. *Освобождение* также означает, что лицо, которому оно предоставляется, освобождается от некоторых устанавливаемых законом обязанностей, которые при иных обстоятельствах распространяются на всех лиц. Таким образом, освобождение влечет за собой предоставление принимающим государством дипломатическим агентам и другим официальным лицам посылающего государства специальных прав, которые создают льготный режим, выражающийся в неприменении по отношению к соответствующим лицам внутригосударственных законов или правил.

143. Этот функциональный подход в равной степени применяется к различным видам привилегий, иммунитетов и освобождений, предоставляемых дипломатическому курьеру. В некоторых случаях такая функциональная необходимость проявляется более отчетливо в силу прямой связи между специальным правом, предоставляемым члену дипломатического представительства, и выполнением им своих официальных функций. В других случаях такое специальное право можно вывести из общих рамок положений, способствующих надлежащему выполнению официальных функций. Однако в обоих случаях освобождения, предоставляемые дипломатическому агенту или члену дипломатического представительства, а также дипломатическому курьеру,

необходимо рассматривать либо в связи с их воздействием непосредственно на выполнение официальных обязанностей соответствующими лицами, либо в качестве мер гостеприимства, которые ведут к созданию благоприятных условий для выполнения таких обязанностей.

144. Освобождения, предоставляемые дипломатическому агенту в отношении личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа, или освобождение от сборов и налогов, личных и государственных повинностей или социального обеспечения рассматриваются в некоторых публикациях в области международного права как «иммунитеты» или «привилегии». Можно отметить, что некоторые авторы используют оба термина, не проводя между ними никакого различия¹¹⁸, или даже определяют их как преимуществ, основанные на дипломатической вежливости¹¹⁹.

145. Освобождения от таможенных пошлин и досмотров, а также от налогов, сборов или обложений и другие освобождения рассматривались в обычном международном праве не как имеющие юридическую силу обязательство, а как вежливость, обычно проявляемая на основе взаимности. Эта концепция подтверждалась практикой государств, о чем свидетельствуют национальные законы и двусторонние соглашения. В правовой доктрине, господствовавшей в начале текущего столетия и даже несколько десятилетий назад, в качестве правовой природы освобождений считался принцип вежливости. Однако в недалеком прошлом в динамичном процессе кодификации дипломатического права произошли события, которые привели к существенным концептуальным

изменениям, имеющим практические последствия. Эта эволюция в развитии международного права затронула правовые основы освобождений, предоставляемых дипломатическим представителям и их персоналу. Предоставление таможенных и других фискальных освобождений и применение норм, определяющих их объем и сферу действия *ratione materiae* и *ratione personae*, входит в компетенцию каждого государства и регулируется его законами и постановлениями. Самое широкое распространение получила практика, в соответствии с которой разрешается свободный, без уплаты таможенных пошлин или досмотра, ввоз предметов, предназначенных для официального пользования. Эта норма была впоследствии расширена и распространена на предметы, предназначенные для личного пользования членов дипломатических представительств и их семей. Освобождения такого рода предоставляются и в некоторых других областях, не входящих в сферу действия таможенных и фискальных правил, таких, например, как личные и государственные повинности.

146. Наиболее важной вехой в кодификации и развитии дипломатического права в целом и норм, регулирующих дипломатические привилегии и иммунитеты, в частности явилась Конференция Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам, состоявшаяся в 1961 году. Еще в проектах статей о дипломатических сношениях и иммунитетах, подготовленных Комиссией международного права на ее девятой и десятой сессиях в 1957 и 1958 годах, содержались некоторые положения, касающиеся различных освобождений. В основе некоторых из них лежали замечания или предложения, представленные правительствами к разработанным Комиссией проектам статей¹²⁰ до начала Конференции, в то время как другие положения были предложены в виде поправок на самой Конференции¹²¹. Можно добавить, что рассмотрение этих проектов статей как в Комиссии, так и впоследствии на Конференции в целом не вызвало продолжительных прений и трудностей.

¹¹⁸ См., например, *Cahier, op. cit.* (сноска 115, выше), р. 277, где освобождения от уплаты местных пошлин и налогов рассматриваются как «фискальные привилегии» или как «фискальный иммунитет». См. также Lee, *op. cit.* (сноска 103, выше), р. 149, где выражение «*financial privileges*» используется для обозначения освобождения от налогов наряду с термином «освобождение». Некоторые авторы, например E. M. Satow в *A Guide to Diplomatic Practice*, 4th ed., London, Longmans, Green, 1957, р. 228, используют только термин «освобождение». В Советском Союзе в большинстве публикаций по данному вопросу в отношении освобождения от личных и имущественных налогов, пошлин и сборов используется термин «фискальный иммунитет», а в отношении освобождения от всех таможенных пошлин, налогов и соответствующих сборов при ввозе и вывозе членами дипломатического представительства предметов, предназначенных для официального или личного пользования, — термин «таможенные привилегии». См. «Международное право», отв. редактор Г. И. Тупкин, М., 1982, стр. 276.

¹¹⁹ См. *Parrenoud, op. cit.* (сноска 61, выше), р. 197, где освобождение от налогов определяется как «*facilité de simple courtoisie*» (просто мера вежливости). Ясно, что после принятия Венской конвенции 1961 года, по крайней мере для более чем 140 государств, являющихся участниками этой конвенции, освобождение от всех сборов и налогов в соответствии со статьями 28, 34, 36 и 37 необходимо рассматривать не просто как «меру вежливости», а как правовое обязательство.

¹²⁰ См., например, в «Отзывах правительств на проект статей о дипломатических сношениях и дипломатическом иммунитете, принятый Комиссией международного права на своей девятой сессии в 1957 году» (*Ежегодник... 1958 год*, том II, стр. 111 англ. текста, документ A/3859, приложение), предложения Люксембурга об освобождении от постановлений о социальном обеспечении (нынешняя статья 33), (*там же*, стр. 121 англ. текста); Нидерландов об освобождении от налогов, сборов, взимаемых представительством (нынешняя статья 28) (*там же*, стр. 123 англ. текста); и СССР об освобождении от личных повинностей (нынешняя статья 35) (*там же*, стр. 131 англ. текста). См. также статьи 26, 31, 32, 33 и 34 проекта, принятого Комиссией на ее десятой сессии в 1958 году (*там же*, стр. 91, 99 и 100 англ. текста).

¹²¹ См. *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. I, pp. 153—154, and 182—191 and 193, *Committee of the Whole*, 25th meeting, paras. 1—11; 30th meeting; 31st meeting, paras. 1—87; and 32nd meeting, paras. 1—13.

Некоторые из них были приняты единогласно¹²² или почти без возражений¹²³.

147. Важными факторами, которые заслуживают упоминания в связи с правовым характером и объемом освобождений, по нашему мнению, являются следующие: *a)* до принятия Венской конвенции 1961 года фискальные и другие освобождения обычно рассматривались как привилегии, вытекающие из принципа вежливости и основывающиеся на взаимности; *b)* некоторые изъятия, как, например, изъятия в отношении социального обеспечения, рассматривались как внутренние нормы, не применимые к иностранным делегациям в соответствии с международным правом; *c)* освобождение членов дипломатических представительств от налогов, хотя и признанное в практике государств, характеризовалось отсутствием необходимого единообразия и точности. Поэтому вполне можно утверждать, что Венская конвенция 1961 года при всех ее пробелах и недостатках явилась важным шагом вперед в деле кодификации и прогрессивного развития международного права. Она положила начало процессу, который повлиял на другие кодификационные конференции в области дипломатического права и который еще продолжается. Это достижение Венской конвенции 1961 года заслуживает особого упоминания в связи с тем, что освобождения, предоставляемые дипломатическим представителям и их сотрудникам в качестве привилегий, основанных на принципах вежливости и взаимности, были преобразованы в имеющие обязательный характер нормы современного международного права. Надо учитывать этот фактор при рассмотрении конкретных освобождений, предоставляемых членам дипломатических и других представительств, которые могут быть также предоставлены дипломатическому курьеру.

148. Среди освобождений, установленных в качестве правовых норм Венской конвенцией 1961 года и подкрепленных другими кодификационными конвенциями, есть четыре таких освобождения, которые имеют определенное отношение к статусу дипломатического курьера. Эти освобождения касаются: *a)* личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа; *b)* сборов и налогов; *c)* личных и государственных повинностей; и *d)* постановлений о социальном обеспечении, действующих в принимающем государстве. Предлагается рассмотреть их в этом порядке и представить соответствующие проекты статей.

¹²² Это относится к проекту статьи 26 (статья 28 Конвенции) об освобождении от налогов сборов, взимаемых представительством, которая была принята единогласно и без поправок (*ibid.*, p. 152, 24th meeting, para. 56).

¹²³ Это относится к положению об освобождении от таможенных пошлин (проект статьи 34), которое было сочтено императивной правовой нормой и включено в статью 36 Конвенции. Дискуссии в основном были посвящены применению этой нормы в рамках национальных законов и постановлений (*ibid.*, pp. 188—194, 31st meeting, para. 34—87).

149. Разработка проектов статей, касающихся тех освобождений, которые должны предоставляться дипломатическому курьеру, имеет практическое значение. Принимая во внимание тот факт, что в этой области не существует конкретных положений, в которых имелась бы конкретная ссылка на статус курьера, принятие некоторых норм в данной области может обеспечить хорошую правовую основу для предотвращения возможных злоупотреблений привилегиями и иммунитетам, предоставляемыми дипломатическому курьеру, не вызывая при этом сокращения объема его правовой защиты и не препятствуя подлежащему выполнению им своих официальных функций. Хорошо известно, что наиболее вероятными являются злоупотребления таможенными и фискальными привилегиями и иммунитетам. С другой стороны, необоснованные и излишние меры контроля и другие ограничения могут также использоваться в качестве предлога для посягательства на неприкосновенность личности курьера и сохранность и конфиденциальный характер вверенной ему дипломатической почты. Более того, наличие разумной правовой основы для освобождений, оправданных с точки зрения функциональной необходимости, может создать благоприятные условия для выполнения курьером своих официальных обязанностей. Следовательно, проекты статей в этой области должны основываться на эффективном равновесии между законными правами и интересами принимающего государства и государства транзита, с одной стороны, и посылающего государства — с другой.

a) Освобождение от личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа

150. Освобождение от личного досмотра или обыска и от таможенных пошлин и досмотра личного багажа связано с действием постановлений о процедурах въезда или выезда, применяющихся на пограничных контрольных пунктах. Фактически имеется два вида взаимосвязанных проблем, а именно: *a)* освобождение от личного досмотра, то есть обыска лица, осуществляемого путем проверки всего того, что имеется у него, включая его документы и личные вещи, и *b)* освобождение от действия таможенных постановлений, касающихся таможенного досмотра личного багажа, и разрешение на ввоз предметов, предназначенных для личного пользования, без таможенных пошлин, налогов и соответствующих сборов.

151. Законы и постановления, касающиеся допуска лиц и товаров через границу, включая иммиграционный, таможенный и санитарный контроль на пограничных контрольных пунктах, относятся к сфере действия национальной юрисдикции государства. Они имеют своей целью обеспечение безопасности, экономических, фискальных и других законных интересов государства. Поэтому освобождения от применения этих

законов и постановлений, предоставляемые дипломатическим агентам и другим официальным лицам посылающего государства и вытекающие из принципа иммунитета государств и свободы сношений для официальных целей, должны быть как можно более конкретными и находиться в соответствии с законами и постановлениями принимающего государства или государства транзита.

152. Эти основные соображения приобретают особое значение в настоящее время, когда незаконный оборот иностранной валюты, наркотиков, оружия и других товаров приобрел вызывающие тревогу масштабы. Так, например, распространение международного терроризма и случаев незаконного захвата самолетов и других видов воздушного пиратства послужило основанием для введения специальных мер, связанных с более тщательной проверкой пассажиров и их багажа, включая регулярное использование электронных и механических приборов для досмотра и проверки.

153. Статус дипломатического курьера как лица, на которое посылающим государством возложена исключительно конфиденциальная задача, необходимо, в том что касается условий его допуска на территорию посылающего государства или государства транзита, рассматривать с учетом этих основных соображений. Вопрос состоит в том, должен ли он быть освобожден от личного досмотра, в том числе осуществляемого на расстоянии при помощи электронных или других механических приборов. До настоящего времени в практике государств в этом вопросе не было единообразия. Согласно предварительной и ограниченной информации, которая имеется в настоящее время, в большинстве случаев дипломатические курьеры освобождаются от личного досмотра на въездных или выездных пунктах по их просьбе и после подтверждения их статуса. Эта практика обычно устанавливается на взаимной основе.

154. Главным основанием для освобождения дипломатического курьера от личного досмотра является признание его официальных функций, вытекающих из коренных принципов свободы сношений между государствами для официальных целей и неприкосновенности личности сотрудника, на которого возложено выполнение этих функций. Освобождение от личного досмотра рассматривается также как знак вежливости по отношению к официальному лицу государства и как знак доброй воли и обоснованной веры в то, что такое официальное лицо не будет заниматься незаконными действиями, ставящими под угрозу безопасность гражданской авиации, или совершать другие противоправные действия, направленные против принимающего государства или государства транзита. Таким образом, не забывая о причинах принятия мер против незаконной торговли и других злоупотреблений, можно

предположить, что практические соображения не будут оправдывать применение таких мер в отношении дипломатического курьера при выполнении им своих официальных функций. В противном случае это не может устранить подозрения посылающего государства относительно того, что досмотр, в том числе с применением современных механических приборов, преследует цель ознакомиться с делами, имеющими, как считается, конфиденциальный характер.

155. Освобождения от всех таможенных пошлин, налогов и соответствующих сборов в отношении предметов, предназначенных для официального пользования дипломатического представительства и личного пользования дипломатического агента или членов его семьи, были составной частью международного права задолго до принятия Венской конвенции 1961 года. Как уже отмечалось в настоящем докладе (пункты 145—147, выше), они рассматривались как таможенные привилегии, предоставляемые членам дипломатического представительства в силу принципа вежливости и на основе взаимности. Статья 36 Венской конвенции 1961 года придала им характер договорных норм современного международного права, ибо она предусматривает, что государство пребывания в соответствии с принятыми им законами и постановлениями разрешает ввозить такие предметы и освобождает их от всех таможенных пошлин и налогов. В этой же статье предусматривается, что личный багаж дипломатического агента освобождается от досмотра. Помимо того, что освобождения предоставляются в соответствии с законами и постановлениями принимающего государства, в статье 36 конкретно предусматриваются два исключения. Первое исключение касается складских сборов, сборов за перевозку и подобного рода услуг, на которые не распространяется освобождение от платежей. Второе исключение предусматривает, что досмотр личного багажа дипломатического агента может быть осуществлен, если имеются серьезные основания предполагать, что он содержит предметы, предназначенные не для официального или личного пользования, а для целей наживы, или предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами государства пребывания. Однако на этот случай предусмотрено одно важное требование в отношении применения такого изъятия. В соответствии с ним предусматривается, что досмотр должен производиться только в присутствии дипломатического агента или уполномоченного на то представителя посылающего государства.

156. Взятые вместе, положения статьи 36 относительно разрешения на ввоз и освобождения предметов, предназначенных для официального или личного пользования, от таможенных пошлин и налогов, а также относительно освобождения от досмотра личного багажа предусматрива-

ют предоставление режима таможенных привилегий. В то же время необходимо подчеркнуть, что этот режим применяется в соответствии с законами и постановлениями принимающего государства и на него распространяются изъятия и ограничения. Хотя упоминание о законах и постановлениях принимающего государства не является конкретным, подразумевается, что эти законы и постановления не имеют ограничительного характера и в основном касаются формальных и других процедурных требований, направленных на предотвращение возможных злоупотреблений в отношении не облагаемых пошлиной предметов или других освобождений.

157. В статье 36 Венской конвенции 1961 года были установлены стандартные нормы в данной области, на базе которых были разработаны положения других кодификационных конвенций в области дипломатического права¹²⁴. Положения статьи 36, касающиеся свободного ввоза предметов, предназначенных для официального или личного пользования, и освобождения от всех таможенных пошлин, налогов и связанных с этим сборов за такие предметы, а также досмотра личного багажа, могут быть применимы по отношению к дипломатическому курьеру, когда он выполняет свои официальные функции. Это утверждение подкрепляется практикой государств, о чем свидетельствуют национальные законы и правила, международные соглашения и дипломатическая переписка.

158. Большая часть национальных законов и правил касается таможенных привилегий и иммунитетов, предоставляемых личному багажу дипломатического курьера. Некоторые из них вошли в силу до принятия Венской конвенции 1961 года и прямо предусматривают режим взаимности¹²⁵. В законах и правилах, принятых после подписания Конвенции, просто указывается, что освобождение от таможенного досмотра распространяется также на личный багаж дипломатического курьера¹²⁶. Вместе с тем в неко-

торых национальных законах и правилах не имеется конкретных предложений о таможенном режиме дипломатического курьера. В редких случаях содержится конкретное указание на то, что личный багаж курьера не освобождается от таможенного досмотра¹²⁷.

159. В практике государств наблюдается явная тенденция предоставлять дипломатическим курьерам те же таможенные привилегии и иммунитеты, что и членам дипломатических миссий. Как отмечалось, подобная практика сложилась задолго до принятия Венской конвенции 1961 года и после этого неоднократно подтверждалась. В качестве примера можно было бы упомянуть национальное законодательство ряда государств по этому вопросу. В Кодексе федеральных правил Соединенных Штатов Америки конкретно указывается, что «сопровождаемому личному багажу дипломатического курьера иностранных государств предоставляются таможенные привилегии и иммунитеты, которыми пользуется иностранный персонал дипломатического ранга в соответствии с пунктом с, за исключением случаев, предусмотренных в специальных инструкциях комиссара Таможенного управления»¹²⁸. Пункт 9 Правил, принятых Советским Союзом в 1967 году, который касается личных вещей дипломатических курьеров, предусматривает, что «личные вещи дипломатических курьеров в пределах личной потребности пропускаются без таможенного досмотра»¹²⁹. Аналогичные положения относительно освобождения личного багажа курьера от таможенного досмотра включены в национальное законодательство Нидерландов, Бельгии и других государств¹³⁰. В постановлении федерального министерства внешней торговли Чехословакии о введении в действие закона о таможне № 44/1974 предусматривается, что освобождение от таможенного досмотра распространяется также на багаж дипломатических и консульских курьеров, если даже он ввозится или вывозится не тем видом транспорта, которым пользуются эти лица¹³¹.

160. В этой области имеется относительно ограниченное количество прецедентов. Однако большинство случаев, по которым имеется информация, за редким исключением служат подтверждением правила освобождения дипломатических

¹²⁴ См., например, Венскую конвенцию 1963 года, статья 50; Конвенцию о специальных миссиях, статья 35; и Венскую конвенцию 1975 года, статьи 35 и 65.

¹²⁵ См., например, таможенные правила Нидерландов и СССР, упоминаемые Satow, *op. cit.* (сноска 118, выше), pp. 236—239. В то же время имеются законы и правила в отношении освобождения дипломатического курьера от таможенного досмотра, которые были приняты до принятия Венской конвенции 1961 года и в которых не содержится специального упоминания о принципе взаимности. Это относится к правилам Бельгии, содержащимся в инструкции «Instruction du Ministère des finances concernant les immunités diplomatiques, 1955 (Administration des douanes et accises)», par. 86 à 90, воспроизведенной в United Nations, legislative series, vol. VII., pp. 45—46.

¹²⁶ См. статью 29 чехословацкого закона о таможне № 44/1974 от 24 апреля 1974 года и статьи 5 и 6 постановления федерального министерства внешней торговли от 25 ноября 1974 года о вступлении в силу вышеупомянутого закона, воспроизведенные в *Ежегоднике.., 1982 год*, том II (часть первая), стр. 319, документ A/CN.4/356 и Add.1—3. См. также раздел 10.29 рубрики 19, о таможенных пошлинах, Кодекса федеральных правил Соединенных Штатов

Аmericи [Code of Federal Regulations, Title 19 — Customs Duties (Revised as of January 1, 1968), Washington, D. C., 1968, p. 269].

¹²⁷ См. статью IV, пункт 3, правил Швейцарии «Règles appliquées par le Département politique fédéral en matière d'immunités et privilèges diplomatiques et consulaires», воспроизведенных в United Nations, legislative series, vol. VII., p. 307.

¹²⁸ Раздел 10.29, абзац f, рубрики 19 Кодекса (см. сноску 126, выше).

¹²⁹ См. *Ежегодник.., 1982 год*, том II (часть первая), стр. 316, документ A/CN.4/356 и Add.1—3.

¹³⁰ См. сноску 125, выше.

¹³¹ Статья 6 постановления (см. сноску 126, выше).

курьеров от таможенных пошлин, налогов и досмотра. В этой связи опыт Соединенных Штатов и некоторых других стран может послужить основой для такого вывода. В качестве примера можно было бы привести следующую дипломатическую переписку по данному вопросу.

161. В телеграмме, направленной государственным секретарем Соединенных Штатов Америки послу Турции, говорилось:

Что касается таможенных иммунитетов дипломатических курьеров, то представляется, что дипломатические курьеры не упоминаются в статье 425 а, 1, Таможенных правил 1931 года и что таким образом на них не распространяется привилегия освобождения их багажа и личных вещей от таможенного досмотра без специального на то разрешения. Однако в постановлении министерства финансов это министерство выразило готовность дать указания начальникам таможен в соответствующих портах въезда пропускать беспошлинно багаж и вещи дипломатических курьеров по просьбе государственного департамента в *каждом отдельном случае*. Представление подобной просьбы государственным департаментом будет, конечно, обуславливаться предоставленным такого же режима на основе взаимности¹³².

В другом сообщении заведующего ближневосточным отделом государственного департамента Соединенных Штатов полномочному министру Персии говорилось:

...им [дипломатическим курьерам] предоставляется право свободного ввоза, без досмотра их официальных документов, а также право на быстрое прохождение таможенных формальностей в отношении их самих и их личного багажа.

Другими словами, предоставляемое освобождение относится к провозимым курьером документам, а не к нему самому. После завершения своей миссии по доставке почты послу или министру курьер не имеет права на какие-либо дипломатические привилегии¹³³.

162. Можно также упомянуть дипломатическую переписку между правительством СССР и посольством Соединенных Штатов в Москве по этому же вопросу. Американский посол в Советском Союзе информировал в августе 1935 года государственный департамент о том, что советское правительство придерживается практики пропуска личного багажа американских дипломатических курьеров без досмотра, и предложил предоставить советским дипломатическим курьерам в Соединенных Штатах такой же льготный режим. На основании этого государственный департамент направил письмо министру финансов, в котором содержалась просьба о том, чтобы таможенные власти в Нью-Йорке были информированы о практике советского правительства и получили указания предоставлять советским курьерам все возможные преимущества при их въезде в Соединенные Штаты¹³⁴.

¹³² Телеграмма от 24 августа 1937 года (MS. Department of State, file 811.111 Diplomatic/10667), цитируется в Hackworth, *op. cit.* (сноска 59, выше), p. 622.

¹³³ Сообщение от 16 января 1930 года (MS. Department of State, file 701/159a), *idem*.

¹³⁴ Телеграмма № 353 от 16 августа 1925 года посла Соединенных Штатов Буллитта государственному секретарю Холлу; и письмо от 23 августа 1935 года помощника государственного секретаря Мура министру финансов (MS. Department of State, file 701.611/841), *idem*.

163. Вышеупомянутые случаи произошли до принятия и вступления в силу Венской конвенции 1961 года. Таким образом, принцип взаимности играл весьма важную роль. Положение изменилось после включения в Венскую конвенцию 1961 года специального положения о таможенных пошлинах и досмотре, которые представляют собой норму современного дипломатического права. Из этого не следует вывод о том, что принцип взаимности в таких вопросах потерял свое значение. Учитывая тот факт, что освобождения от всех таможенных пошлин, налогов и досмотра действуют в рамках национальных законов и правил и таким образом имеют факультативный характер, режим взаимности во многих случаях будет являться *modus operandi* общих норм дипломатического права, включенных в Венскую конвенцию 1961 года.

164. В национальных законах содержатся лишь некоторые положения относительно таможенного режима дипломатического курьера. Таким образом, статус дипломатического курьера в связи с таможенными вопросами остается неясным. Поэтому было бы целесообразно разработать некоторые конкретные нормы, регулирующие такие вопросы, как личный досмотр, таможенные пошлины и досмотр личного багажа применительно к статусу курьера. Эти же положения должны применяться *mutatis mutandis* к дипломатическому курьеру *ad hoc* в тех случаях, когда его собственный статус не обеспечивает ему лучшей правовой защиты.

165. С учетом вышеупомянутых соображений относительно личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа дипломатического курьера, Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и предварительное утверждение следующий проект статьи:

Статья 24. Освобождение от личного досмотра, таможенных пошлин и досмотра личного багажа

1. Дипломатический курьер освобождается от личного досмотра, включая досмотр, производимый с расстояния при помощи электронных или других технических средств.

2. Принимающее государство или государство транзита, в соответствии с принятыми законами и правилами, разрешает ввозить предметы, предназначенные для личного пользования дипломатическим курьером, и освобождает его от всех таможенных пошлин, налогов и связанных с этим сборов, за исключением сборов за хранение, перевозку и подобного рода услуги.

3. Личный багаж дипломатического курьера освобождается от досмотра, если нет серьезных оснований предполагать, что он содержит предметы, на которые не распространяются изъятия,

упомянутые в пункте 2 настоящей статьи, или предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами принимающего государства или государства транзита. В таких случаях досмотр должен производиться только в присутствии дипломатического курьера.

б) Освобождение от сборов и налогов

166. Освобождение от налогообложения входит в более широкую категорию финансовых привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическим представителям и их членам. Как и некоторые другие освобождения, в частности освобождение от таможенных пошлин и досмотра, освобождение от налогообложения в период до принятия Венской конвенции 1961 года применялось на основе взаимности. Действие этого правила находилось под влиянием национальных налоговых систем, в результате чего предоставляемые режимы отличались широким разнообразием. После принятия статьи 34 Венской конвенции 1961 года была установлена общая норма, в соответствии с которой дипломатические агенты освобождаются от всех налогов, сборов и пошлин, личных и имущественных, государственных, районных и муниципальных, с некоторыми конкретными исключениями. Эти исключения из освобождений от налогообложения касаются косвенных налогов, которые включаются в цену товаров или обслуживания, сборов и налогов на частное недвижимое имущество, находящееся на территории принимающего государства, пошлин на наследование, частной коммерческой и другой приносящей доход деятельности, а также сборов, взимаемых за конкретные виды обслуживания, включая регистрационные, судебные и реестровые пошлины. Положения, содержащиеся в статье 34, стали моделью для соответствующих статей других кодификационных конвенций¹³⁵.

167. Учитывая специфический характер официальных функций дипломатического курьера, короткий срок его пребывания на территории принимающего государства или государства транзита и весьма ограниченный объем его договорных или иных отношений, касающихся имущественных прав, становится очевидным, что изъятия из налогообложения также будут ограниченными. Этот аспект статуса курьера уже неоднократно подчеркивался в связи с вопросом о привилегиях и иммунитетах, которыми он может обладать (см. пункты 90 и 91, выше). Так, из шести конкретных исключений, перечисленных в статье 34 Венской конвенции 1961 года, лишь исключение из изъятия от косвенных налогов, которые включаются в цену товаров или обслу-

живания, и от сборов, взимаемых за конкретные виды обслуживания, будет иметь практическое значение для дипломатического курьера. Короткий срок пребывания дипломатического курьера в данной стране не дает ему практической возможности осуществлять частные права в отношении недвижимой собственности или частных доходов, которые могут подлежать налогообложению. В любом случае, если такое положение возникнет, дипломатический курьер должен подчиняться всем правилам, применимым по отношению к членам дипломатического представительства. Таким образом, на практике предоставление дипломатическому курьеру привилегий в отношении налогообложения не приведет к сколько-нибудь существенному ограничению фискальной юрисдикции принимающего государства, однако обеспечит ему режим, который будет соответствовать его статусу лица, выполняющего официальные функции.

168. Основная норма, относящаяся к освобождению от налогообложения, предоставляемому дипломатическому курьеру, не должна быть менее значимой по сравнению со стандартными положениями, применимыми в данном вопросе к членам дипломатического представительства. В соответствии с этой нормой дипломатический курьер должен получить освобождение от всех налогов, сборов и пошлин, личных и имущественных, государственных, районных или муниципальных. Единственное исключение из этого правила должно касаться таких косвенных налогов, которые обычно включаются в цену товаров или обслуживания, как, например, налог с оборота, налог на добавленную стоимость или любые другие суммы или сборы, взимаемые за конкретные виды обслуживания.

169. С учетом этих соображений Комиссии предлагается рассмотреть следующий проект статьи:

Статья 25. Освобождение от сборов и налогов

Дипломатический курьер освобождается от налогов, сборов и пошлин, личных и имущественных, государственных, районных и муниципальных, за исключением косвенных налогов, которые обычно включаются в цену товаров или обслуживания, и сборов, взимаемых за конкретные виды обслуживания.

с) Освобождение от личных и государственных повинностей

170. Освобождение от личных и государственных повинностей, как, например, повинностей в случае чрезвычайных ситуаций и военных повинностей, связанных с реквизицией или различными видами военной контрибуции, включая воен-

¹³⁵ См. Венскую конвенцию 1963 года, статья 49; Конвенцию о специальных миссиях, статья 33; Венскую конвенцию 1975 года, статьи 33 и 63.

ный постой, является нормой обычного права, имеющей длительную историю применения. Чтобы придать большую действенность этой норме, некоторые государства приняли национальное законодательство, предусматривающее освобождение дипломатических агентов от конкретных личных и государственных повинностей¹³⁶.

171. Советский Союз выступил с инициативой включения специального положения на этот счет в проект статей о дипломатических сношениях и дипломатическом иммунитете, подготовленный Комиссией международного права. В своем письменном отзыве советское правительство предложило включить в проект статью об освобождении от личных и государственных повинностей¹³⁷. В ответ на это предложение Специальный докладчик представил проект статьи, который был рассмотрен Комиссией на ее десятой сессии в 1958 году¹³⁸. На Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам в 1961 году Бельгия представила поправку к проекту этой статьи, которая была принята с некоторыми редакционными изменениями в качестве статьи 35 Венской конвенции о дипломатических сношениях. Эта статья предусматривает, что принимающее государство освобождает дипломатических агентов от всех личных и государственных повинностей, включая военные и другие повинности, такие как реквизиции, контрибуции и военный постой. Эта норма, которая подкрепляется государственной практикой и находится в соответствии с официальным статусом дипломатических агентов в силу пункта 2 статьи 37, применялась также по отношению к административно-техническому персоналу дипломатического представительства. Соответствующие положения других кодификационных конвенций¹³⁹ были построены на базе статьи 35 Венской конвенции 1961 года.

172. Применимость освобождения от личных и государственных повинностей по отношению к дипломатическому курьеру была бы вполне обоснованной, если учитывать официальный характер его функций. Обязанность курьера состоит в том, чтобы обеспечить сохранность и быструю доставку дипломатической почты к месту назначения. В силу характера его функций курьер является лицом, срок пребывания которого в данной стране весьма ограничен, и надлежащее осуществление его обязанностей требует быстрой доставки почты. Поэтому любые задержки, которые могут быть вызваны осуществлением личных

или иных гражданских повинностей, сделали бы невозможным своевременную доставку почты курьером. Функциональная необходимость, лежащая в основе освобождения дипломатического курьера от личных и государственных повинностей, представляется очевидной. Это освобождение должно применяться как по отношению к принимающему государству, так и по отношению к государству транзита и должно охватывать все виды дипломатических курьеров, включая дипломатических курьеров *ad hoc*.

173. Формулировку нормы, согласно которой принимающее государство или государство транзита освобождает дипломатического курьера от всех личных и государственных повинностей, не обязательно делать столь подробной и конкретной, как статью 35 Венской конвенции 1961 года. Обоснованием такого подхода прежде всего является краткость срока пребывания курьера, что на практике ограничивает вероятность того, что от курьера потребуются исполнение военных и других аналогичных повинностей, таких как реквизиции, контрибуции и военный постой.

174. С учетом этих соображений относительно освобождения от личных и государственных повинностей Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и предварительное утверждение следующий проект статьи:

Статья 26. Освобождение от личных и государственных повинностей

Принимающее государство или государство транзита освобождает дипломатического курьера от всех личных и государственных повинностей независимо от их характера.

d) *Изъятие, относящееся к социальному обеспечению*

175. Норма, в соответствии с которой на дипломатических агентов не распространяется законодательство принимающего государства в области социального обеспечения в отношении услуг, оказываемых посылающему государству, сформировалась относительно недавно. Поскольку, как это уже отмечалось (пункт 147), первоначально эта норма была включена во внутригосударственное законодательство, она рассматривалась как норма, не влекущая за собой международных обязательств.

176. Наиболее важным моментом в истории принятия этой нормы явилось предложение Люксембурга, изложенное в его письменном отзыве на проект статей о дипломатических сношениях и иммунитетах¹⁴⁰ и рассмотренное Комиссией международного права на ее десятой сессии в

¹³⁶ См., например, в United Nations, legislative series, vol. VII., законы и постановления Чехословакии (pp. 83—85), Дании (p. 101), Греции (pp. 136—137), Нидерландов (p. 199), Польши (pp. 269—275), Португалии (p. 288) и других государств.

¹³⁷ См. сноску 120, выше.

¹³⁸ Ежегодник..., 1958 год, том I, стр. 157—158 англ. текста, 461-е заседание, пункты 19—28.

¹³⁹ См. Венскую конвенцию 1961 года, статья 52; Конвенцию о специальных миссиях, статья 34; Венскую конвенцию 1975 года, статьи 34 и 64.

¹⁴⁰ См. сноску 120, выше.

1958 году¹⁴¹. Принятый впоследствии Комиссией проект статей предусматривал изъятие из законодательства принимающего государства в области социального обеспечения, распространяющееся на всех членов дипломатических представительств и членов их семей, за исключением тех работников, которые являются гражданами принимающего государства. На Конференции Организации Объединенных Наций 1961 года этот проект статьи был принят с поправкой Австрии¹⁴² и стал статьей 33 Конвенции. Эта статья послужила моделью для соответствующих статей других кодификационных конвенций¹⁴³.

177. Изъятие из законодательства принимающего государства или государства транзита в области социального обеспечения имело бы практическое значение для статуса дипломатического курьера в силу специфических особенностей, присущих его официальным обязанностям. Распространение на дипломатического курьера подобного изъятия может быть вполне оправданным, поскольку при выполнении своих официальных функций он постоянно переезжает из одного места в другое. Поэтому для принимающего государства или государства транзита было бы неоправданно требовать от курьера выплаты взносов в их фонды социального обеспечения. Поскольку предполагается, что дипломатический курьер уже выплачивает взносы в фонды социального обеспечения посылающего государства (например, на выплаты по медицинскому страхованию, страхованию по старости, инвалидности и т. д.), ему было бы чрезвычайно трудно выплачивать другие взносы в принимающем государстве, а затем вновь прекращать их выплату, когда ему приходится выезжать для выполнения своих официальных функций. Более того, это абсолютно соответствовало бы установившейся практике государств распространять подобное изъятие на всех членов дипломатического представительства, включая частных домашних работников, нанятых дипломатическим агентом, при условии что они не являются гражданами принимающего государства или не проживают в нем постоянно и что на них распространяется законодательство в области социального обеспечения, которое может действовать в посылающем государстве. В связи с этим дипломатический курьер в силу своих официальных функций и статуса обладает всеми характеристиками для того, чтобы на него распространялось изъятие из законодательства принимающего государства

или государства транзита в области социального обеспечения. В отношении курьера эта норма может быть сформулирована в сокращенном виде, если учитывать особые обстоятельства, при которых курьер выполняет свои обязанности, и в частности характер и продолжительность его функций.

178. С учетом этих соображений относительно изъятия из законодательства в области социального обеспечения, действующего в принимающем государстве или государстве транзита, Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

Статья 27. Изъятие, относящееся к социальному обеспечению

Постановления о социальном обеспечении, которые могут действовать в принимающем государстве транзита, не распространяются на дипломатического курьера в отношении услуг, оказываемых посылающему государству.

С. Срок действия возможностей, привилегий и иммунитетов

1. СРОК ДЕЙСТВИЯ

179. Под общей рубрикой, посвященной сроку действия возможностей, привилегий и иммунитетов, представляемых дипломатическому курьеру, предлагается рассмотреть две взаимосвязанные проблемы, касающиеся начала и окончания срока действия этих возможностей, привилегий и иммунитетов, а именно: срок действия как таковой и отказ от иммунитета от юрисдикции как особый случай прекращения действия такого иммунитета.

180. Проблемы, касающиеся срока действия возможностей, привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическому курьеру, тесно связаны с продолжительностью его функций. Поскольку данный аспект имеет особое значение для практической реализации соответствующих норм, касающихся личных преимуществ, привилегий и иммунитетов, возможно, было бы целесообразно более внимательно рассмотреть их взаимосвязь с функциями курьера. В этой связи предлагается рассмотреть подготовительную работу над пунктом 5 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, касающимся иммунитета дипломатического курьера, а также в определенной мере статью 39 этой Конвенции о сроке действия дипломатических привилегий и иммунитетов.

181. При разработке положения о дипломатическом курьере, предназначенного для включения в конвенцию о дипломатических сношениях,

¹⁴¹ Ежегодник..., 1958 год, том I, стр. 198 англ. текста, 467-е заседание, пункты 52—56.

¹⁴² *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. I, pp. 153—154, 182—183 and 193, *Committee of the Whole*, 25th meeting, paras. 1—11; 30th meeting, paras. 1—27; and 32d meeting, paras. 1—14. Текст поправки Австрии *ibid.*, vol. II, p. 35, document A/CONF.20/C.1/L.265.

¹⁴³ См. Венскую конвенцию 1963 года, статья 48; Конвенцию о специальных миссиях, статья 32; и Венскую конвенцию 1975 года, статьи 32 и 62.

Комиссия международного права на своей девятой сессии в 1957 году в целом исходила из того, что срок действия привилегий и иммунитетов курьера должен соответствовать времени осуществления им своих функций, однако мнения по вопросу о том, каким образом установить продолжительность этих функций, разделились. Один из членов Комиссии в своем выступлении заявил, что «дипломатические курьеры пользуются привилегией неприкосновенности лишь тогда, когда перевозят дипломатическую почту»¹⁴⁴. Однако, по мнению другого члена Комиссии, было бы

нецелесообразно ограничивать неприкосновенность дипломатических курьеров лишь периодом времени, в течение которого они перевозят дипломатическую почту. Дипломатические курьеры обычно переезжают из столицы одного государства в столицу другого государства, проводя в каждой из них непродолжительное время, и если они будут обладать неприкосновенностью лишь часть этого времени, то это лишь вызовет путаницу¹⁴⁵.

182. Специальный докладчик по вопросу о дипломатических сношениях и иммунитетах представил в 1958 году свой пересмотренный проект по вопросу о дипломатическом курьере (пункт 3 статьи 21), в котором содержалось следующее предложение:

Если такое лицо совершает поездку исключительно в качестве дипломатического курьера, оно пользуется личной неприкосновенностью в течение этой поездки¹⁴⁶.

Один из членов Комиссии высказал по этому поводу критическое замечание:

...выражение «в течение этой поездки» в новом тексте может толковаться таким образом, что курьер должен пользоваться личной неприкосновенностью и иммунитетом от ареста или задержания в течение промежутков времени между его поездками. Такие промежутки времени могут быть короткими или продолжительными в зависимости от удаленности учреждения, в которое направлен курьер; однако за исключением тех случаев, когда в течение такого промежутка времени курьер находится в отпуске, его неприкосновенность и иммунитеты не должны прерываться¹⁴⁷.

Хотя Специальный докладчик имел в виду, что «поездка» означает поездку в принимающее государство и поездку в обратном направлении, а также промежуток времени между ними, члены Комиссии в целом считали, что слова «в течение этой поездки» могут получить чрезмерно ограничительное толкование. В связи с этим поправка Специального докладчика была снята¹⁴⁸.

183. На Конференции Организации Объединенных Наций 1961 года этот вопрос не обсуждался. Однако в поправке, представленной совместно Францией и Швейцарией¹⁴⁹, в общих выражении

¹⁴⁴ *Ежегодник...*, 1957 год, том I, стр. 84 англ. текста, 400-е заседание, пункт 5 (г-н Франсуа).

¹⁴⁵ Там же, пункт 6 (г-н Тункин).

¹⁴⁶ *Ежегодник...*, 1958 год, том II, стр. 17 англ. текста, документ A/CN.4/116/Add.1.

¹⁴⁷ *Ежегодник...*, 1958 год, том I, стр. 140 англ. текста, 458-е заседание, пункт 2 (сэр Джеральд Фицморис).

¹⁴⁸ Там же, пункты 3—15.

¹⁴⁹ См. *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. II, pp. 38—39, document A/CONF.20/L.286.

ях предусматривалось, что дипломатический курьер должен пользоваться защитой «при исполнении своих обязанностей», что было отражено в пункте 5 статьи 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях. Таким образом была конкретно подтверждена основная посылка относительно того, что срок действия привилегий и иммунитетов дипломатического курьера зависит от «исполнения им своих обязанностей».

184. Другие три конвенции, в каждой из которых содержится положение, аналогичное вышеупомянутому, не добавили ничего нового к тому, что было установлено в Венской конвенции 1961 года. Единственным исключением являлся вопрос о сроке действия привилегий и иммунитетов дипломатического курьера *ad hoc*, предусмотренном в пункте 6 статьи 27, в котором говорится, что предоставленные ему иммунитеты прекращаются в момент доставки таким курьером порученной ему дипломатической почты по назначению. Основные характеристики правового статуса дипломатического курьера *ad hoc* уже были рассмотрены во втором докладе Специального докладчика¹⁵⁰.

185. Некоторые положения статьи 39 Венской конвенции 1961 года и соответствующие статьи других кодификационных конвенций имеют непосредственное отношение к проблемам, касающимся начала и окончания срока действия преимуществ, привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическому курьеру. Это служит главным основанием для проведения здесь краткого аналитического обзора истории разработки статьи 39, особенно в том, что касается важных моментов, когда начинается и кончается срок действия дипломатических привилегий и иммунитетов. Это также явится еще одним подтверждением тесной взаимосвязи между дипломатическими функциями и дипломатическими привилегиями и иммунитетами.

186. До принятия Венской конвенции 1961 года единых правил, регулирующих начало и окончание действия дипломатических привилегий и иммунитетов, не существовало. Государственная практика и правовая доктрина характеризовались многообразием предусмотренных на этот счет правил¹⁵¹. Комиссия на своих девятой и десятой сессиях, а затем Конференция Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам в качестве момента, с которого дипломатический агент имеет право на привилегии и иммунитеты, закрепили момент вступления его на территорию государства пре-

¹⁵⁰ Документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. справку I, выше), пункты 111—115.

¹⁵¹ Основные тенденции в отношении момента, с которого дипломат начинает пользоваться привилегиями и иммунитетами, состояли в том, что этот момент увязывался с уведомлением о назначении, с пересечением границы принимающего государства, либо с представлением верительных грамот и т. д.

бывания при следовании для занятия своего поста или, если он уже находится на этой территории, когда о его назначении сообщается компетентным властям принимающего государства¹⁵².

187. Нормы, касающиеся окончания действия дипломатических привилегий и иммунитетов, прочно утвердились в практике государств и признаются в обычном международном праве. Более точно эти нормы изложены в пунктах 2 и 3 статьи 39 Венской конвенции 1961 года, а именно: если функции соответствующего лица заканчиваются, то предоставленные ему привилегии и иммунитеты прекращаются в тот момент, когда он оставляет территорию принимающего государства, либо по истечении разумного срока для того, чтобы это сделать. Однако в отношении действий, совершенных таким лицом при осуществлении своих официальных функций, иммунитет сохраняется, то есть прекращение его функций и последующий отъезд из страны на иммунитете не отражаются. Причиной этого исключения является официальный характер действий, которые приписываются государству и дают право на иммунитет, предоставляемый этому государству в силу его суверенитета. Другой важный аспект срока действия дипломатических привилегий и иммунитетов касается привилегий и иммунитетов, предоставляемых членам семьи сотрудника представительства. В случае смерти сотрудника дипломатического представительства члены его семьи имеют право пользоваться привилегиями и иммунитетами до истечения разумного срока для выезда из страны. Моделью для данного положения послужила статья 24 Конвенции о дипломатических чиновниках, подписанной в Гаване 20 февраля 1928 года¹⁵³, на основе поправки, представленной Мексикой на Конференции Организации Объединенных Наций 1961 года¹⁵⁴.

188. Кодификационные конвенции в области дипломатического права не содержат специальных положений, касающихся срока действия преимуществ, привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическому курьеру. Подготовительная работа над статьей 27 Венской конвенции 1961 года, которая рассматривается выше в настоящем докладе (пункты 181—183), может служить лишь весьма общим руководством на этот счет. Одно это уже является достаточно

¹⁵² См. *Ежегодник...*, 1957 год, том II, стр. 142 англ. текста, документ A/3623, проект статьи 31; *Ежегодник...*, 1958 год, том II, стр. 103 англ. текста, документ A/3859, проект статьи 38; *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. I, p. 37, tenth plenary meeting, paras. 8—14, and pp. 206—208, *Committee of the Whole*, 35th meeting, paras. 1—24; *ibid.*, vol. II, p. 33, document A/CONF.20/C.1/L.251, and p. 37, document A/CONF.20/C.1/L.275/Rev.1.

¹⁵³ League of Nations, *Treaty Series*, vol. CLV, p. 271.

¹⁵⁴ См. *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. I, p. 208, *Committee of the Whole*, 35th meeting, paras. 11—12; *ibid.*, vol. II, p. 26, document A/CONF.20/C.1/L.181.

веской причиной для того, чтобы попытаться предложить некоторые правила, касающиеся начала и окончания действия привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатическим курьерам. Ввиду ограниченности государственной практики в этой области проект статьи, уточняющий срок действия привилегий и иммунитетов дипломатического курьера, может оказаться полезным.

189. С учетом вышеупомянутых соображений Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и предварительное утверждение следующий проект статьи:

Статья 28. Срок действия привилегий и иммунитетов

1. Дипломатический курьер пользуется привилегиями и иммунитетами с момента вступления его на территорию принимающего государства или государства транзита с целью осуществления своих официальных функций.

2. Если официальные функции дипломатического курьера заканчиваются, его привилегии и иммунитеты обычно прекращаются, когда он покидает территорию принимающего государства или, в зависимости от случая, государства транзита, или по истечении разумного срока для того, чтобы это сделать. Однако в отношении действий, совершенных курьером при выполнении своих официальных функций, иммунитет продолжает существовать.

2. ОТКАЗ ОТ ИММУНИТЕТА

190. Отказ от иммунитета от юрисдикции в качестве метода добровольного подчинения юрисдикции принимающего государства прямо затрагивает срок действия такого иммунитета, предоставляемого дипломатическому представительству посылающего государства и его членам. С этой точки зрения отказ от иммунитета от юрисдикции может рассматриваться в качестве одной из форм приостановления или прекращения действия дипломатических иммунитетов. Вместе с тем очевидно, что такой отказ представляет собой лишь один конкретный случай в рамках более широкой категории проблем, относящихся к прекращению действия преимуществ, привилегий и иммунитетов, предоставляемых принимающим государством иностранным представителям и их членам. Именно в этом контексте вопрос об отказе от иммунитета от юрисдикции рассматривается в настоящем докладе в рамках раздела, посвященного сроку действия преимуществ, привилегий и иммунитетов, которые могут быть предоставлены дипломатическому курьеру при осуществлении его официальных функций.

191. Для целей настоящего исследования будут делаться ссылки на общую доктрину отказа от

иммунитета от юрисдикции, которую подтверждают примеры из практики государств. Можно также добавить, что, как и в случае проблемы иммунитета от юрисдикции (см. пункты 81—83, выше), следует принять во внимание работу, проделанную Комиссией по теме «Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности»¹⁵⁵. Краткое рассмотрение проблемы отказа от иммунитета от юрисдикции применительно к статусу дипломатического курьера предлагается построить в первую очередь на базе аналитического обзора основных положений статьи 32 Венской конвенции 1961 года, представляющих собой модель для соответствующих статей других кодификационных конвенций¹⁵⁶. Целесообразно также рассмотреть пункт 5 статьи 31 и пункт 5 статьи 61 Венской конвенции 1975 года, поскольку в них содержится дополнительное положение о полюбовном урегулировании спора в том случае, если посылающее государство не отказывается от своего иммунитета.

192. Можно отметить, что статья 32 Венской конвенции 1961 года, посвященная отказу от иммунитета от юрисдикции, основана на имеющей фундаментальное значение концепции такого иммунитета в качестве выражения принципа суверенитета и суверенного равенства государств. В то же время по своему содержанию и действию статья 32 отражает основополагающую идею, которая воплощена в преамбуле к этой Конвенции и согласно которой

такие привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгоды отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления функций дипломатических представительств как органов, представляющих государства.

Эти две основополагающие концепции должны быть приняты во внимание при рассмотрении основных правовых характеристик отказа от иммунитета от юрисдикции вообще и применительно к статусу дипломатического курьера в частности.

193. Для ограниченных целей настоящего исследования основные проблемные области могут быть сведены к следующим вопросам, а именно: а) кто имеет право отказываться от иммунитета; б) каким образом должен осуществляться отказ; и с) какова область применения отказа.

194. Что касается первого вопроса, связанного с компетенцией на отказ от иммунитета от юрис-

¹⁵⁵ См. третий доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, представленный Комиссии на ее тридцать третьей сессии, в *Ежегоднике*, 1981 год, том II (часть первая), стр. 155 и далее, документ A/CN.4/340 и Add.1, пункты 50—71 (добровольное подчинение), пункты 72—81 (встречные иски) и пункты 82—92 (отказ).

¹⁵⁶ См. Венскую конвенцию 1963 года, статья 45; Конвенцию о специальных миссиях, статья 41; Венскую конвенцию 1975 года, статьи 31 и 61. Если вышеупомянутые статьи двух первых конвенций идентичны статье 32 Венской конвенции 1961 года, статьи 31 и 61 Венской конвенции 1975 года содержат дополнительный пункт (пункт 5) о разрешении дела в случае, когда посылающее государство не отказывается от иммунитета.

дикции, то пункт 1 статьи 32 Венской конвенции 1961 года и соответствующие статьи всех других кодификационных конвенций предусматривают в общих выражениях, что от иммунитета от юрисдикции членов дипломатического представительства «может отказаться аккредитуемое (посылающее) государство». Это положение находится в соответствии с доктриной юрисдикционных иммунитетов государств как атрибута их суверенитета. Однако в практике государств и в трудах юристов-международников наблюдаются значительные расхождения относительно того, какая инстанция уполномочена осуществлять право на отказ от иммунитета. На практике наиболее существенное расхождение наблюдалось в вопросе о том, во всех ли случаях центральный орган, например министерство иностранных дел, имеет право на отказ от иммунитета от юрисдикции, или же в некоторых случаях этим правом должны обладать глава представительства (миссии), другой дипломатический агент или член представительства, вовлеченный в данное конкретное дело. Возможные решения этой проблемы зависят главным образом от внутренних законов и правил, если такие законы и правила были приняты, или же, при отсутствии формального законодательства по этому вопросу, от установившейся практики и процедур. Некоторые государства предоставляют полномочия по отказу от иммунитета от юрисдикции главам представительств или их членам, однако лишь по предварительному указанию министерства в каждом конкретном или специальном случае¹⁵⁷. В таких случаях главы дипломатических и иных представительств или члены таких представительств должны запрашивать указания, прежде чем заявлять об отказе от иммунитета.

195. Проблему, связанную с полномочиями на отказ от иммунитета, следует также рассматривать в связи с правилами производства местного судебного органа, в котором было возбуждено разбирательство против члена дипломатического представительства. Они могут касаться требований относительно наличия компетенции для отказа от иммунитета от юрисдикции или относительно других условий представления доказательств уполномоченности на такой отказ. Таким образом, действенное и эффективное функционирование института отказа от иммунитета от юрисдикции может потребовать не только большей степени единообразия в отношении полномочий заявлять об отказе от такого иммунитета, но и согласования национальных правил и постановлений в отношении представления в суде доказательств уполномоченности на отказ.

196. Другим важным элементом юридических последствий заявления об отказе от иммунитета

¹⁵⁷ См., например, Denza, *op. cit.* (сноска 81, выше), р. 184, где упоминаются правила, применяемые в данном вопросе правительством Соединенного Королевства, согласно которым дипломатические представительства за границей должны запрашивать инструкции.

является то, что посылающее государство, сделав такое заявление, не может взять его обратно. Таким образом, заявление об отказе, сделанное согласно соответствующим требованиям и признанное или принятое соответствующим судом, лишает государство права заявлять об иммунитете либо до выяснения судом решения, либо в порядке апелляции. Этот вывод подтверждается многими примерами из государственной практики и был разъяснен в комментарии Комиссии международного права к статье 30 ее окончательного проекта о дипломатических сношениях и иммунитетах¹⁵⁸, которая стала статьей 32 Венской конвенции 1961 года.

197. Эти требования к осуществлению права на отказ от иммунитета от юрисдикции могут быть также применены к случаям, затрагивающим дипломатического курьера. Учитывая специфический характер функций дипломатического курьера и краткость его пребывания в государстве, в котором может быть возбуждено разбирательство, можно сделать вывод о целесообразности дополнения общего правила, содержащегося в статье 32, некоторыми конкретными элементами. Следует подчеркнуть, что право посылающего государства на отказ от иммунитета от юрисдикции может осуществляться от его имени главой или уполномоченным на то членом дипломатического представительства, консульского учреждения, специальной миссии, постоянного представительства или делегации этого государства на территории принимающего государства или государства транзита.

198. Методы отказа, предусмотренные положениями пунктов 2 и 3 статьи 32 Венской конвенции 1961 года, следуют модели, установленной в практике государств. Во-первых, эти положения четко устанавливают, что отказ может принимать две формы, а именно: определенно выраженный отказ в ходе судебного разбирательства, то есть отказ *in facie curiae*, или определенно выраженное обязательство отказаться от иммунитета, установленное в соглашении или контракте о подчинении юрисдикции¹⁵⁹. Во-вторых, пункт 3 статьи 32 предусматривает *подразумеваемый* отказ в результате возбуждения разбирательства лицом, пользующимся иммунитетом от юрисдикции, в отношении любого встречного иска, непосредственно связанного с основным иском. Такой подразумеваемый отказ имеет место либо в результате возбуждения судебного разбирательства или вступления в разбирательство без заявления об иммунитете от юрисдикции, либо в результате представления встречного иска¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Ежегодник..., 1958 год, том II, стр. 89 англ. текста, документ A/3859, глава III, раздел II.

¹⁵⁹ Ср. третий доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (см. сноску 155, выше), документ A/CN.4/340 и Add.1, пункты 86—89.

¹⁶⁰ Там же.

199. Вопрос о юридических последствиях *определенно выраженного*, либо *подразумеваемого* отказа был широко обсужден в Комиссии международного права в ходе подготовки проекта статей о дипломатических сношениях и иммунитетах. Основная проблема заключалась в том, следует ли считать определенно выраженный отказ единственным способом отказа от иммунитета, и в какой степени подразумеваемый отказ в ходе судебного разбирательства будет иметь силу¹⁶¹. В статье 30, пункт 3, своего окончательного проекта Комиссия заняла позицию, согласно которой:

В гражданских... делах отказ может быть положительным или молчаливым. Отказ предполагается состоявшимся, если дипломатический агент явился в качестве ответчика без ссылки на какой-либо иммунитет¹⁶².

Однако на Конференции Организации Объединенных Наций 1961 года было высказано мнение о том, что определенно выраженный отказ был бы более предпочтительным на практике. Такой подход нашел свое отражение в формулировке пункта 2 статьи 32, которая предусматривает, что «отказ должен быть *всегда* определенно выраженным»¹⁶³. Вместе с тем, как уже отмечалось, в пункте 3 этой же статьи устанавливается правило, согласно которому лицо лишается права ссылаться на иммунитет от юрисдикции в том случае, если оно возбудило разбирательство в отношении любого встречного иска, непосредственно связанного с основным иском. Некоторые авторы высказывали мнение о том, что это правило не соответствует концепции определенно выраженного отказа¹⁶⁴. Однако, по общему мнению и как следует из текста статьи 32, отказ от иммунитета от юрисдикции в отношении уголовного разбирательства должен быть всегда определенно выраженным.

200. Следует также отметить, что как в случае определенно выраженного отказа, так и в случае возбуждения разбирательства в отношении встречного иска требования в отношении действительности отказа и другие процедурные нормы должны соответствовать законам и правилам государства суда¹⁶⁵.

201. Следующим проблемным вопросом является *область применения* отказа от юрисдикционных иммунитетов и *последствия* такого отказа в отношении исполнения решения по гражданскому или административному делу.

¹⁶¹ Ежегодник..., 1957 год, том I, стр. 110—118 англ. текста, 405-е заседание, пункты 21 и далее, и 406-е заседание.

¹⁶² См. сноску 158, выше.

¹⁶³ См. дискуссии на Конференции по этому вопросу в *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. I, pp. 173—177. *Committee of the Whole*, 28th meeting, paras. 35—45, and 29th meeting, paras. 1—42. См. также поправку, представленную Польшей, *ibid.*, vol. II, p. 25, document A/CONF.20/C.1/L.171:

¹⁶⁴ См. Denza, *op. cit.* (сноска 81, выше), p. 186.

¹⁶⁵ См. третий доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (см. сноску 155, выше), документ A/CN.4/340 и Add.1, пункт 85.

202. В соответствии с положениями статьи 32 Венской конвенции 1961 года и соответствующих статей других кодификационных конвенций область применения отказа от иммунитета включает все виды юрисдикционных иммунитетов, то есть иммунитеты от уголовной, административной или гражданской юрисдикции. Этот вывод вытекает из четких положений статей о юрисдикционных иммунитетах, например статьи 31 Венской конвенции 1961 года. Иммунитеты от уголовной, административной или гражданской юрисдикции распространяются также на членов административно-технического персонала. В соответствии с этими положениями, а также с учетом официального характера функций дипломатического курьера в настоящем докладе было предложено, чтобы такие юрисдикционные иммунитеты представлялись также дипломатическому курьеру¹⁶⁶. Следовательно, отказ от иммунитета от юрисдикции должен охватывать все виды отказа от иммунитета в отношении дел, в которые может быть вовлечен дипломатический курьер.

203. Другой проблемой, касающейся последствий отказа от юрисдикционных иммунитетов, является такой отказ в отношении исполнения решения по уголовным, административным или гражданским делам, в которые вовлечен дипломатический курьер. Такие случаи будут рассмотрены отдельно, особенно отказ в отношении уголовных дел в отличие от отказа в отношении гражданских и административных дел.

204. Вопрос об отказе от иммунитета от уголовной юрисдикции принимающего государства или государства транзита следует также рассматривать в контексте всей совокупности юрисдикционных иммунитетов. Вместе с тем могут возникнуть некоторые конкретные проблемы, касающиеся отказа от иммунитета в отношении исполнения решения по уголовному делу. В этом случае следует принимать во внимание положения проекта статьи 20 о личной неприкосновенности (см. пункт 68, выше) и проекта статьи 23 об иммунитете от юрисдикции (см. пункт 139, выше). В соответствии с проектом статьи 20 дипломатический курьер при исполнении своих функций пользуется личной неприкосновенностью и не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме. Следовательно, нельзя говорить о наказании, нарушающем его личную неприкосновенность. Кроме того, в пункте 3 проекта статьи 23 предусматривается, что никакие исполнительные меры не могут приниматься в отношении дипломатического курьера, кроме как за действия, совершенные им за пределами его официальных функций, и иначе как при условии, что соответствующие меры могут приниматься без нарушения неприкосновенности его личности, временных жилых помещений или вверенной ему дипломатической почты. Как уже отмечалось в настоящем докла-

¹⁶⁶ См. пункт 139, выше, проект статьи 23 об иммунитете от юрисдикции дипломатического курьера.

де, эти положения основаны на статьях 27, 29 и 31 Венской конвенции 1961 года¹⁶⁷.

205. В Венской конвенции 1961 года и в других кодификационных конвенциях не делается попытки установить какую-либо специальную норму, регулирующую порядок отказа от иммунитета от юрисдикции в отношении уголовных дел в отличие от отказа от иммунитета в отношении исполнения решения по таким делам. Возможно, одной из причин этого является то, что с практической точки зрения трудно себе представить случай, когда эффективное исполнение решения по уголовному делу можно было бы отделить от самого разбирательства. Даже в том случае, когда делается заявление об отказе от иммунитета от уголовной юрисдикции принимающего государства, решение по уголовному делу против члена дипломатического представительства, предусматривающее в качестве наказания его арест, задержание или другие меры, нарушающие его неприкосновенность, не может быть исполнено. Отсутствие специального положения о необходимости особого отказа от иммунитета от юрисдикции в отношении уголовных дел позволяет также считать, что особого отказа в отношении исполнения решения не предусматривалось. Таким образом, отказ от иммунитета от уголовной юрисдикции нельзя рассматривать в отрыве от отказа от иммунитета в отношении исполнения решения по уголовным делам.

206. Однако, что касается гражданских и административных дел, которые возбуждены в принимающем государстве и стороной в которых является член дипломатического представительства, то в пункте 4 статьи 32 Венской конвенции 1961 года проводится различие между отказом от иммунитета от юрисдикции и отказом от иммунитета в отношении исполнения решения. Этот пункт предусматривает, что отказ от иммунитета от юрисдикции в отношении гражданского или административного дела не означает отказа от иммунитета в отношении исполнения решения, для чего требуется особый отказ. Эта норма сложилась в обычном международном праве еще до принятия Венской конвенции 1961 года и нашла свое подкрепление в практике государств. Тем не менее на Конференции Организации Объединенных Наций 1961 года были предложены некоторые поправки, предусматривавшие исключение или изменение этой нормы¹⁶⁸. В результате обсуждения на Конференции этого проекта статьи в него не было внесено каких-либо существенных изменений, и статья была принята в ее нынешнем виде.

207. В период после Конференции 1961 года, а также в связи с Венской конвенцией 1963 года

¹⁶⁷ См. пункты 47—68, 85—87, 91, 95—97, 119—121, 133—139, выше.

¹⁶⁸ См. сноски 163, выше, и *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. II, pp. 26 and 28, documents A/CONF.20/C.1/L.179 and Add.1 and A/CONF.20/C.1/L.200/Rev.1.

о консульских сношениях заявлялось также, что особый отказ от иммунитета в отношении исполнения решения подрывает цель отказа от иммунитета от юрисдикции в отношении гражданских дел. Некоторые критики этой нормы, называя ее «требованием о двойном отказе», считали, что в ряде случаев, когда заявления об отказе от иммунитета в отношении исполнения решения, налагающего определенное обязательство на кошула, не делается, допущение возможности второго отказа стало бы «насмешкой над правосудием»¹⁶⁹. Не вступая в полемику по этому вопросу, можно лишь отметить, что практика государств в период после конференций Организации Объединенных Наций 1961 и 1963 годов не дает каких-либо существенных оснований для того, чтобы поддерживать такие выводы. Кроме того, две конвенции в области дипломатического права, а именно Конвенция о специальных миссиях и Венская конвенция 1975 года, содержат соответствующие положения об отказе от иммунитета, составленные по образцу соответственно статьи 32 Венской конвенции 1961 года и статьи 45 Венской конвенции 1963 года. Это свидетельствует о том, что действенность этих двух последних статей не ставилась под сомнение.

208. Венская конвенция 1975 года о представительстве государств привнесла новый элемент в вопрос об отказе от иммунитета от юрисдикции в отношении гражданских дел. В статье 31 и 61 этой Конвенции было включено специальное положение о разрешении дел по гражданским искам в тех случаях, когда посылающее государство не отказывается от иммунитета от юрисдикции главы представительства, членов дипломатического персонала представительства и лиц, пользующихся иммунитетом от гражданской юрисдикции государства пребывания. Такое положение было включено в качестве метода справедливого разрешения споров средствами, иными чем судебное разбирательство.

209. Эта идея была основана на рекомендации, которая содержалась в принятой в связи с рассмотрением проекта статей о специальных миссиях резолюции 2531 (XXIV) Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1969 года, которая особо касалась вопроса об урегулировании гражданских исков. В свою очередь, эта рекомендация была основана на статье IV, раздел 14, Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций, которая предусматривает:

Привилегии и иммунитеты предоставляются представителям членов Организации не для личной выгоды отдельных лиц, а для того, чтобы обеспечить независимое выполнение ими своих функций, связанных с работой в Объединенных Нациях. Поэтому член Организации не только имеет право, но и обязан отказаться от иммунитета своего представителя в каждом случае, когда, по мнению члена Организации, иммунитет препятствует отправлению правосудия, причем

этот отказ может быть произведен без ущерба для цели, с которой иммунитет был предоставлен¹⁷⁰.

Это положение было воспроизведено *mutatis mutandis* в статье V, раздел 16, Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений¹⁷¹ в их отношениях с международными организациями и в других международных документах региональных организаций¹⁷².

210. В своем комментарии к пункту 5 статьи 62 (Отказ от иммунитета) проекта статей о представительстве государств в их отношениях с международными организациями, представленного Конференции Организации Объединенных Наций 1975 года, Комиссия международного права указала следующее:

...положение, изложенное в пункте 5, обязывает посылающее государство в отношении гражданского акта делать все возможное, чтобы добиться справедливого разрешения спора, если оно не желает отказаться от иммунитета соответствующего лица. Если, с одной стороны, положение пункта 5 оставляет решение вопроса об отказе от иммунитета на усмотрение посылающего государства, которое не обязано объяснять свое решение, оно, с другой стороны, налагает на это государство объективное обязательство, которое может дать государству пребывания основания для жалоб, если посылающее государство не выполнит его обязательство. Юридическое обязательство посылающего государства стремиться к справедливому разрешению спора может привести как в отношении делегаций, так и в отношении миссий к проведению консультаций и к использованию примирительной процедуры, предусмотренной статьями 81 и 82, к которой может прибегнуть государство пребывания, если посылающее государство не находит средства для разрешения спора¹⁷³.

211. Это положение следует, конечно, рассматривать в качестве одного из практических методов урегулирования споров по гражданским делам. Оно, по-видимому, предоставляет возможность использовать более эффективные средства для решения проблем при помощи процедуры, которая может являться менее формальной и более целесообразной. Учитывая специфический характер правового статуса и официальных функций дипломатического курьера, можно сделать вывод о том, что такой внесудебный метод полюбовного решения споров является более уместным.

212. В свете вышеприведенных соображений Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

¹⁷⁰ Министерство иностранных дел СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск XV, М., Государственное издательство политической литературы, 1957, стр. 35—36.

¹⁷¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 33, p. 319.

¹⁷² См. пункт 3 комментария Комиссии к статье 31 (Отказ от иммунитета) окончательного проекта статей о представительстве государств в их отношениях с международными организациями в *Официальных отчетах Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями*, том II, стр. 27.

¹⁷³ Там же, стр. 45—46, пункт 2 комментария.

¹⁶⁹ Lee, *op. cit.* (конец сноски 103, выше), p. 146.

Статья 29. Отказ от иммунитета

1. Посылающее государство может отказаться от иммунитета дипломатического курьера от юрисдикции. Отказ от иммунитета может быть санкционирован главой или компетентным членом дипломатического представительства, консульского учреждения, специальной миссии, постоянного представительства или делегации этого государства на территории принимающего государства или государства транзита.

2. Отказ должен быть всегда определенно выраженным.

3. Возбуждение дела дипломатическим курьером лишает его права ссылаться на иммунитет от юрисдикции в отношении любого встречного иска, непосредственно связанного с основным иском.

4. Отказ от иммунитета от юрисдикции для целей гражданского или административного судопроизводства не означает отказа от иммунитета в отношении исполнения решения, для чего требуется особый отказ.

5. Если посылающее государство не отказывается от иммунитета дипломатического курьера в отношении гражданского иска, оно прилагает все усилия для справедливого разрешения дела.

III. Проект статьи о статусе командира экипажа гражданского самолета или капитана торгового судна, которому вверены перевозка и доставка дипломатической почты

А. Вводные замечания

213. Как уже отмечалось во втором докладе Специального докладчика, использование экипажа самолета для перевозки и доставки дипломатической почты представляет собой значительное развитие современных дипломатических сношений¹⁷⁴. Таким образом, регламентация правового статуса командира экипажа гражданского самолета или капитана судна, которому поручена такая миссия, приобрела практическое значение. Анализ государственной практики со всей очевидностью указывает на широкое использование гражданской авиации в целях доставки дипломатической почты. Число государств, пользующихся подобным видом официальных сношений, значительно возросло, и теперь в эту категорию входят не только государства с ограниченными финансовыми ресурсами. Быстрая и более экономичная доставка дипломатической почты пилотами самолетов стала поистине всеобщей практикой. Это не означает, что практическое значение использования услуг профессиональных дипломатических курьеров или курьеров *ad hoc* уменьшилось. Хорошо известен тот факт, что государства, поручающие перевозку своей дипломатической почты командиру экипажа самолета, используют либо профессионального курьера, либо курьера *ad hoc* в тех случаях, когда для них важно обеспечить секретность содержания почты. Так, в ряде государств по-прежнему имеется обычная курьерская служба, играющая важную роль в сношениях министерств иностранных дел. Таким образом, широкое использование пилотов самолетов или капитанов гражданских судов для

доставки дипломатической почты следует рассматривать в рамках всей системы официальных сношений государств со своими представительскими за рубежом в качестве одного из средств официальных сношений.

214. Использование командиров экипажей гражданских самолетов, или капитанов торговых судов, или же в некоторых редких случаях водителей грузовиков для перевозки и доставки дипломатической почты повысило практическую необходимость разработки соответствующих норм, регулирующих подобный вид официальных сношений. Следует отметить, что необходимость в разработке таких норм отмечалась еще на раннем этапе работы Комиссии международного права, на ее девятой сессии, в 1957 году¹⁷⁵. Постановка этого вопроса в еще большей мере оправдана сейчас, когда использование дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, заняло столь видное место.

215. Основные проблемы, касающиеся правового статуса командира экипажа гражданского самолета или капитана торгового судна, можно было бы определить следующим образом: *a)* права и обязанности этих лиц в связи с перевозкой, обеспечением сохранности и доставкой почты, включая специальные соглашения или контракты, заключаемые в этих целях; *b)* режим, предоставляемый властями принимающего государства или государства транзита командиру экипажа или капитану, включая возможности и защиту, которой они пользуются; и *c)* условия и процедуры доступа к дипломатической почте уполномочен-

¹⁷⁴ Документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункт 116.

¹⁷⁵ См. *Ежегодник*, 1957 год, том I, стр. 83—84 англ. текста, 399-е заседание, пункты 82—87, и 400-е заседание, пункты 1—16.

ных лиц из дипломатического представительства соответствующего посылающего государства в целях непосредственного приема этой почты. Рассмотрение трех вышеупомянутых вопросов будет значительно облегчено, если проследить основные этапы разработки существующих положений по этому вопросу в четырех кодификационных конвенциях и дать аналитический обзор государственной практики, нашедшей свое выражение в международных соглашениях, национальном законодательстве и правилах.

В. История разработки соответствующих положений кодификационных конвенций

216. В своих двух предыдущих докладах¹⁷⁶ Специальный докладчик ссылался на подготовительную работу по вопросу о статусе командира экипажа гражданского самолета или капитана торгового судна. В них он также указывал на некоторые признаки намечающегося процесса кодификации в данной области. Однако он предлагает дополнить это рассмотрение новой информацией, которая могла бы послужить в качестве отправной точки для разработки проекта статьи, которая будет представлена на рассмотрение Комиссии.

217. В ходе рассмотрения Комиссией международного права статьи 21 проекта статей о дипломатических сношениях и иммунитетах один из членов Комиссии разделил пилотов, перевозящих дипломатическую почту, на три категории. Он отметил, что к первой категории относятся «обычные пилоты гражданских самолетов, перевозящие дипломатическую почту просто как часть полезной нагрузки самолета и не имеющие право на какие-либо дипломатические привилегии». Ко второй категории относятся «пилоты гражданских самолетов, аккредитованные также в качестве дипломатических курьеров». Он сказал, что подобные случаи являются весьма распространенными. По мнению этого члена Комиссии, такие пилоты пользуются привилегией неприкосновенности до того момента, пока они не передают дипломатическую почту представителю миссии, а эта формальность совершается, как правило, в самом аэропорту. Третья категория, которую он упомянул, является, по его словам, «совершенно новой категорией курьеров-пилотов, пользующихся самолетами, предоставленными посольствам с единственной целью перевозки дипломатической почты». Он привел в качестве примера посольство Соединенных Штатов Америки в Белграде, в чьем распоряжении некоторое время имелось два таких самолета, но, после того как это новшество стало применяться без предварительной договоренности с югославским правительством, последнее заявило про-

тест. Однако после дальнейшего рассмотрения этой проблемы стороны пришли к соглашению о том, что подобная практика соответствует международному праву. Он выразил мнение, что государства имеют право использовать любые средства сношений в отношениях со своими представительствами и что все гражданские самолеты имеют право пролета над территорией стран, подписавших конвенции ИКАО¹⁷⁷.

218. Другой член Комиссии выразил мнение, что командиры экипажей самолетов, перевозящие дипломатическую почту, находятся точно в таком же положении, как и обычные почталыоны, если только им не выдается дипломатический паспорт¹⁷⁸. Некоторые члены заявили, что если одно и то же лицо одновременно выполняет функции пилота и дипломатического курьера, то оно имеет право на защиту. Если же это лицо является обычным пилотом, а не аккредитованным курьером, оно не имеет права на защиту¹⁷⁹. Было также отмечено, что если посылающее государство избирает такое средство сношений, как самолет, что не дает возможности принимающему государству предоставить дипломатическому курьеру надлежащую защиту, то в таком случае посылающее государство может само нести ответственность за последствия¹⁸⁰. Некоторые члены считали, что использование пилотов самолетов в качестве курьеров поднимает важную правовую проблему. Эта проблема заключалась в том, что в соответствии с конвенциями ИКАО пилоты самолетов могут быть арестованы на личных основаниях, например в ситуации, когда они не имеют надлежащего подтверждения своего статуса или в случае ответственности перед третьими странами. Исходя из этого было заявлено, что пилоты, аккредитованные в качестве дипломатических курьеров, должны обладать иммунитетом от ареста на таких основаниях, хотя в то же время на них по-прежнему распространяется действие законодательства¹⁸¹. Председатель Комиссии отметил в то время, что, по его мнению, большинство членов Комиссии склонно полагать, что в случае использования пилотов коммерческих авиалиний в качестве дипломатических курьеров иммунитет распространяется только на саму дипломатическую почту, а не на пилота¹⁸².

219. В комментарии, принятом Комиссией на ее десятой сессии в 1958 году, к статье 25 проекта статей о дипломатических сношениях и иммунитетах в связи с вопросом о командире экипажа гражданского самолета, перевозящем диплома-

¹⁷⁷ Ежегодник..., 1957 год, том I, стр. 84 англ. текста, 400-е заседание, пункт 4 (г-н Бартош).

¹⁷⁸ Там же, пункт 2 (г-н Матин-Дефтари).

¹⁷⁹ Там же, пункт 8 (г-н Фердросс) и пункт 14 (г-н Сандстрем).

¹⁸⁰ Там же, пункт 11 (г-н Амаду).

¹⁸¹ Там же, пункты 12 и 13 (г-н Бартош, поддержанный г-ном Спирипулосом).

¹⁸² Там же, пункт 15.

¹⁷⁶ Второй доклад: документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 66, 86, 116—118; и третий доклад: документ A/CN.4/359 и Add.1 (там же), пункты 86 и 94.

тическую почту, было отмечено, что «он [командир] не считается дипломатическим курьером», что подобная ситуация отличается, однако, от довольно распространенного случая, когда дипломатический курьер пилотирует самолет, специально предназначенный для перевозки дипломатической почты, и что в последнем случае не имеется оснований предоставлять такому курьеру режим, отличный от режима курьера, перевозящего почту в автомобиле, который он ведет сам¹⁸³.

220. В пункте 7 статьи 28 Венской конвенции 1961 года говорится:

7. Дипломатическая почта может быть вручена командиру экипажа гражданского самолета, направляющегося в аэропорт, прибытие в который разрешено. Командир должен быть снабжен официальным документом с указанием числа мест, составляющих почту, но он не считается дипломатическим курьером. Представительство может направить одного из своих сотрудников принять дипломатическую почту непосредственно и беспрепятственно от командира самолета.

221. Комиссия вновь занялась рассмотрением вопроса о статусе командира экипажа гражданского самолета, которому поручена перевозка дипломатической почты, в ходе своей работы по вопросу о консульских сношениях и иммунитетах. Было решено, что проект статьи о консульских сношениях посредством использования консульского курьера и консульской вализы следует построить на основе статьи 27 Венской конвенции 1961 года¹⁸⁴.

222. На Конференции Организации Объединенных Наций по консульским сношениям и иммунитетам в 1963 году Италия представила поправку, касающуюся статуса командира экипажа самолета, перевозящего консульскую вализу. Эта поправка предусматривала исключение слов: «он [командир судна или самолета] не считается консульским курьером»¹⁸⁵ по той причине, что таким командирам «должны быть предоставлены определенные гарантии защиты»¹⁸⁶. Однако большинство делегатов высказалось за сохранение формулировки пункта 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, в соответствии с которой командир экипажа гражданского самолета «не считается дипломатическим курьером». Было отмечено, что статус командира экипажа, перевозящего консульскую вализу, не должен отличаться от статуса командира экипажа, перевозящего дипломатическую почту. Кроме того, было указано на то, что, в случае если командиру эки-

пажа будет вручена дипломатическая и консульская почта, может возникнуть путаница. В этих обстоятельствах представитель Италии представил пересмотренное предложение, в соответствии с которым командир экипажа, которому вручена почта, «считается курьером ad hoc». Однако эта поправка была отклонена на уровне комитета.

223. Таким образом, текст, принятый Конференцией (статья 35, пункт 7), был построен на основе пункта 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, но включает капитана судна в категорию лиц, которым может быть вручена консульская вализа. Следует подчеркнуть, что основным спорным вопросом в связи со статусом командира экипажа, перевозящего консульскую почту, являлся вопрос о правовой защите командира экипажа, включая проблему предоставления ему некоторых преимуществ, привилегий и иммунитетов при осуществлении его задачи по доставке почты.

224. Как уже отмечалось, некоторые делегации на конференциях Организации Объединенных Наций 1961 и 1963 годов выступили против предоставления личной неприкосновенности или иммунитета командиру экипажа гражданского самолета или капитану судна, поскольку их статус регулируется международными правилами гражданской авиации или морского судоходства. На Конференции Организации Объединенных Наций 1963 года одна из делегаций заметила, что в силу этих правил командир

несет многочисленные гражданские обязанности и ответственность за безопасность пассажиров и груза... Предоставление командиру экипажа иммунитетов и неприкосновенности как консульскому курьеру лишь в силу того, что он перевозит консульскую вализу, привело бы к возникновению противоречия в праве и было бы нецелесообразным с практической точки зрения. В случае предоставления такого иммунитета и неприкосновенности капитан был бы не способен осуществлять свои основные обязанности в качестве командира экипажа судна или самолета. Говорить о неприкосновенности можно лишь по отношению к самой консульской почте, на которую всегда распространяется иммунитет независимо от того, где она находится. Поскольку принцип неприкосновенности консульских архивов и документов применяется всегда, нет оснований предоставлять иммунитет командиру экипажа, который является просто таким же перевозчиком, как и находящийся под его началом самолет или судно. Сообщалось о случаях ареста в Индии в 1961 и 1962 годах по меньшей мере шести командиров экипажей самолетов и нескольких капитанов судов за незаконный ввоз золота в страну¹⁸⁷.

225. Пункт 6 статьи 35 окончательного проекта статей Комиссии о консульских сношениях, касающийся статуса командира экипажа, перевозящего консульскую вализу, был принят с поправкой, предусматривающей исключение в начале последнего предложения слов: «По согласованию с местными властями аэропорта»¹⁸⁸. Этот пункт с внесенными в него изменениями

¹⁸³ *Ежегодник...*, 1958 год, том II, стр. 97. англ. текста, документ A/3859, глава III, раздел II, пункт 6 комментария к статье 25.

¹⁸⁴ *Ежегодник...*, 1961 год, том II, стр. 111—112 англ. текста, документ A/4843, глава II, раздел IV, пункт 8 комментария к статье 35.

¹⁸⁵ *Official Records of the United Nations Conference on Consular Intercourse and Immunities*, vol. II (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № 64.X.I), p. 85, document A/CONF.25/C.2/L.102.

¹⁸⁶ *Ibid.*, vol. I, p. 328, *Second Committee*, 14th meeting, para. 43.

¹⁸⁷ *Ibid.*, p. 329, *Second Committee*, 15th meeting, para. 3.

¹⁸⁸ *Ibid.*, vol. II, p. 81, document A/CONF.25/C.2/L.75.

впоследствии стал пунктом 7 статьи 35 Венской конвенции 1963 года.

226. Пункт 7 статьи 28 проекта статей о специальных миссиях¹⁸⁹, а также пункт 7 статьи 27 проекта статей о постоянных представительствах¹⁹⁰ и пункт 8 статьи 97 проекта статей о представительстве государств в их отношениях с международными организациями¹⁹¹ были скопированы *mutatis mutandis* с упомянутого выше пункта 7 статьи 35 Венской конвенции 1963 года.

227. Мнения относительно правовой защиты командира экипажа гражданского самолета, которому вверена дипломатическая почта, были также высказаны в связи с рассмотрением настоящей темы. В ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее тридцать шестой сессии в 1981 году один представитель предложил предоставить командиру экипажа самолета, перевозящему почту, некоторую степень функционального иммунитета¹⁹². Этот вопрос был поднят на тридцать третьей сессии Комиссии в 1981 году в связи с рассмотрением второго доклада Специального докладчика. Отвечая на этот вопрос, Специальный докладчик отметил, что во всех многосторонних конвенциях, заключенных под эгидой Организации Объединенных Наций, имеется положение, *прямо* указывающее на то, что командир, которому вверяется почта, *не считается дипломатическим курьером или курьером какого-либо иного рода*. Специальный докладчик также отметил, что основное внимание должно быть уделено *безопасности и неприкосновенности* почты, а также *возможностям доступа* к самолету или судну, с тем чтобы обеспечить *непосредственный и беспрепятственный* прием почты¹⁹³.

228. В международном праве и в национальных законах и правилах, которые подкрепляются установившейся государственной практикой, командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна предоставляется вся полнота власти на борту самолета, летящего над открытым морем, или судна в открытом море, и их статус должным образом уважается также и в районах морского или воздушного пространства, находящихся под национальной юрисдик-

цией. Из этого следует, что командир экипажа самолета или капитан судна не нуждается в какой-либо дополнительной защите помимо той, которая предоставляется ему по международному праву и в соответствии с национальными законами и правилами. От командира экипажа или капитана не требуется доставлять почту за пределы самолета или судна, находящегося под его началом. Предоставление специальной правовой защиты было бы оправданным лишь в том случае, если от командира или капитана требовалось бы доставлять почту в дипломатическое представительство или в пункт, находящийся вне порта въезда на территории принимающего государства. В соответствии с международным правом и практикой государств дипломатическая почта должна приниматься уполномоченным сотрудником представительства посылающего государства *на борту самолета или судна*. Таким образом, при разработке соответствующих норм, регулирующих порядок отправки дипломатической почты при помощи гражданских самолетов или торговых судов, основное внимание следует уделить *условиям доступа к почте и непосредственного и беспрепятственного приема почты*. Вместе с тем к командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна, перевозящему дипломатическую почту, должны относиться с должным уважением и предоставлять специальные возможности для передачи почты уполномоченному сотруднику представительства посылающего государства или должностному лицу этого государства.

С. Краткий аналитический обзор практики государств

229. Практика государств, нашедшая свое выражение в международных соглашениях и национальных законах и правилах, предоставляет достаточный основной материал об осуществлении норм четырех кодификационных конвенций, касающихся статуса командира экипажа гражданского самолета, которому поручена перевозка и доставка дипломатической почты. Она свидетельствует о действительности существующих норм, однако в то же время указывает на необходимость их дальнейшей разработки, с тем чтобы создать прочную правовую основу для практического функционирования столь широко используемого средства официальных сношений. Практика государств в этом вопросе является в достаточной мере показательной и убедительной.

230. В ряде консульских конвенций содержатся положения, касающиеся статуса командира гражданского самолета или судна, перевозящего дипломатическую почту. В этих конвенциях в общем признается, что *консульская вализа может быть вверена командиру судна или гражданского самолета, направляющегося в порт или аэропорт, прибытие в который разрешено*. В них так-

¹⁸⁹ Ежегодник..., 1967 год, том II, стр. 361 англ. текста, документ A/6709/Rev.1, глава II, раздел D.

¹⁹⁰ Ежегодник..., 1968 год, том II, стр. 150 англ. текста, документ A/CN.4/203 и Add. 1—5. Эта статья впоследствии стала статьей 28, см. Ежегодник..., 1969 год, том II, стр. 12, документ A/CN.4/218 и Add.1.

¹⁹¹ Ежегодник..., 1970 год, том II, стр. 343, документ A/8010/Rev. 1, глава II, раздел B.

¹⁹² См. заявление представителя Польши, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать шестая сессия, Шестой комитет*, 48-е заседание, пункт 11; и «Тематическое резюме обсуждения, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать шестой сессии, подготовленное Секретариатом» (A/CN.4/L. 339), пункт 188.

¹⁹³ Документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 179 и 180.

же предусматривается, что командир должен быть снабжен *официальным документом с указанием числа мест, составляющих вализу*.

231. В большинстве таких конвенций устанавливается, что командир не считается консульским курьером в силу того, что он перевозит консульскую вализу. В них также предусматривается, что по согласованию с компетентными властями консульское учреждение может направить одного из своих работников *принять вализу непосредственно* от командира судна или самолета. Показательным в этом отношении является пункт 4 статьи 35 Консульской конвенции между Францией и Чехословакией (1969 год), который предусматривает:

4. Консульская вализа может быть вверена командиру судна или самолета, направляющегося в порт или аэропорт, прибытие в который разрешено. Он снабжается официальным документом с указанием числа мест, составляющих вализу, но не считается консульским курьером. По согласованию с компетентными местными властями консульское учреждение может направить одного из своих работников принять вализу непосредственно и беспрепятственно от командира судна или самолета или доставить ему вализу¹⁹⁴.

232. Вместе с тем в некоторых конвенциях вопрос о статусе командира судна или гражданского самолета, перевозящего консульскую вализу,

¹⁹⁴ См. соответствующие положения консульских конвенций, которые заключили между собой следующие государства: Австрия и Румыния (1970 год), статья 31, пункт 5; Бельгия и Венгрия (1976 год), статья 15, пункт b; Бельгия и СССР (1972 год), статья 19, пункт 3; Бельгия и Турция (1972 год), статья 19, пункт 3; Бельгия и Чехословакия (1976 год), статья 18, пункт 7; Болгария и Австрия (1975 год), статья 30, пункт 5; Венгрия и Болгария (1971 год), статья 14, пункт 4; Венгрия и Германская Демократическая Республика (1972 год), статья 14, пункт 4; Венгрия и Чехословакия (1973 год), статья 15, пункт 4; Греция и Венгрия (1977 год), статья 14, пункт 6; Греция и Польша (1977 год), статья 18, пункт b; Монголия и Чехословакия (1976 год), статья 14, пункт 4; Польша и Куба (1972 год), статья 16, пункт 6; Польша и Монголия (1973 год), статья 17, пункт 4; Польша и Румыния (1973 год), статья 31, пункт 6; Румыния и Италия (1967 год), статья 28, пункт 6; Румыния и СССР (1972 год), статья 24, пункт 4; Соединенное Королевство и Германская Демократическая Республика (1976 год), статья 17, пункт 5; Соединенное Королевство и Монголия (1975 год), статья 16, пункт 4; Соединенное Королевство и Чехословакия (1975 год), статья 16, пункт 4; Соединенные Штаты Америки и Болгария (1974 год), статья 14, пункт 5; Соединенные Штаты Америки и Китай (1980 год), статья 12, пункт 5; СССР и Бенин (1976 год), статья 14, пункт 4; СССР и Болгария (1971 год), статья 14, пункт 4; СССР и Венгрия (1971 год), статья 14, пункт 4; СССР и Гвинея (1976 год), статья 14, пункт 4; СССР и Гвинея-Бисау (1976 год), статья 13, пункт 4; СССР и Индия (1973 год), статья 14, пункт b; СССР и Кипр (1978 год), статья 13, пункт 4; СССР и Монголия (1972 год), статья 13, пункт 4; СССР и Сомали (1971 год), статья 14, пункт 4; СССР и Чехословакия (1972 год), статья 13; СССР и Эфиопия (1977 год), статья 13, пункт 4; Франция и Алжир (1974 год), статья 13, пункт 7; Франция и Польша (1976 год), статья 18, пункт b; Франция и Сенегал (1974 год), статья XI, пункт 7; Франция и Тунис (1972 год), статья 12, пункт 7; Чехословакия и Италия (1975 год), статья 26, пункт 5; Чехословакия и Кипр (1976 год), статья 16, пункт 5.

обходится молчанием¹⁹⁵. Представляется, что эти конвенции исходят из той предпосылки, что в данном случае будут применяться нормы, закрепленные в статье 35 Венской конвенции 1963 года.

233. Внутригосударственные законы и правила также дают некоторые сведения об основных тенденциях в практике государств в отношении перевозки дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером или дипломатическим курьером ad hoc, а вверяемой командиру гражданского самолета. Имеющиеся справочные материалы по данному вопросу подтверждают существование многочисленных норм по этому вопросу. Вместе с тем большая часть норм и правил, принятых рядом государств, соответствует международным нормам, воплощенным в четырех кодификационных конвенциях и в значительном числе двусторонних консульских и иных соглашений¹⁹⁶.

234. В качестве примеров можно привести несколько деталей из практики ряда государств. Так, в Финляндии:

В случае когда используется наземный или морской транспорт (для тяжелых грузов), в качестве курьеров могут использоваться капитаны финских судов или водители финских грузовиков¹⁹⁷.

В отношении «исключительно... секретных, служебных или срочных документов» положение о дипломатической почте, принятое в 1974 году правительством Испании, предусматривает:

Указанная почта вручается под расписку персоналу экипажей национальных авиакомпаний, который в месте назначения также под расписку передает ее... курьерам министерства иностранных дел. В исключительных случаях почта может быть вручена местному представителю испанской авиакомпании «Иберия»¹⁹⁸.

Аналогичные специальные соглашения были заключены в ряде других стран, например в Колумбии, где министерство иностранных дел подписало с авиакомпанией «Авианка» контракт, предусматривающий перевозку курьеров и поч-

¹⁹⁵ См. консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Польша (1972 год), статья 15, пункт 4; Бельгия и Турция (1972 год), статья 22, пункт 4; и Польша и СССР (1971 год), статья 13, пункт 4.

¹⁹⁶ См., например, правила Федеративной Республики Германии, относящиеся к курьерской службе и воспроизведенные в *Ежегоднике...*, 1982 год, том II (часть первая), ст. 318, документ A/CN.4/356 и Add. 1—3; статью 9 Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик, *там же*, стр. 314; пункт 4 Правил пропуска через государственную границу СССР дипломатической почты иностранных государств и личных вещей дипломатических курьеров, *там же*, стр. 316; раздел I, пункт 3 с информации, полученной от Югославии, *там же*, стр. 321.

¹⁹⁷ Пункт 5 информации, полученной от Финляндии, *там же*, стр. 319.

¹⁹⁸ Статья 3 Положения о дипломатической почте от 1 июля 1968 года, *там же*, стр. 310.

ты по маршрутам, обслуживаемым этой компанией¹⁹⁹.

235. Иногда внутренние законы и правила предусматривают необходимость заключения специальных международных соглашений о доставке дипломатической почты, вверяемой командиру экипажа гражданского самолета. Так, статья 22 указа № 4891 от 21 июня 1961 года, измененного указом № 3408 от 12 апреля 1966 года, правительства Аргентины предусматривает:

Дипломатическая почта государств, с которыми Республика подписала специальные соглашения, должна по-прежнему посылаться в соответствии с положениями этих соглашений. Дипломатические привилегии не распространяются на так называемые «приложения» к дипломатической почте, за исключением случаев, предусмотренных в специальных соглашениях. Конверты, запечатанные пакеты или коробки с дипломатической почтой, ввозимые в страну воздушным транспортом, должны направляться непосредственно таможенным властям аэропорта и доставляться должным образом уполномоченному лицу, имеющему соответствующее удостоверение личности. Эти опечатанные и помеченные пакеты должны направляться министерствами иностранных дел на имя глав соответствующих дипломатических представительств в Буэнос-Айресе. Грузы должны быть указаны в коносаменте²⁰⁰.

Аналогичное положение содержится в статье 52 указа № 3135 от 20 декабря 1956 года, принятого правительством Колумбии²⁰¹.

236. Поскольку командиры экипажей гражданских самолетов не имеют право на специальный режим и им не предоставляются какие-либо привилегии и иммунитеты, национальные законы и международные соглашения касаются главным образом мер, облегчающих доставку почты в аэропорту. Например, административные правила о дипломатической почте, содержащиеся в руководстве по дипломатической службе Финляндии, предусматривают:

Министерство иностранных дел имеет регулярное воздушное сообщение со всеми дипломатическими миссиями Финляндии и миссиями, возглавляемыми назначенными генеральными консулами. Поскольку в соответствии со статьей 27, пункт 7, Венской конвенции 1961 года командир воздушного судна не может считаться дипломатическим курьером, ему или члену экипажа, выступающему в роли курьера, вручается только перечень мест, составляющих почту, и удостоверение, указывающее общее число мест; при этом ему не выдается паспорт курьера. В инструкциях, направленных миссиям Финляндии, также подчеркивается, что курьерская почта должна доставляться непосредственно на самолет и получаться непосредственно с самолета²⁰².

237. Другим показательным примером из государственной практики в отношении передачи дипломатической почты, перевозимой командиром экипажа самолета, являются правила, принятые правительством Индонезии в 1978, 1980 и 1981 годах. В этих правилах предусматривается, что

опечатанная дипломатическая почта освобождается от досмотра и может быть получена в аэропорту сразу же по прибытии.

Если дипломатическая почта не забирается по прибытии и направляется на хранение, то действует процедура выдачи, изложенная в правительственном постановлении № 8 от 1957 года, касающемся выдачи дипломатических материалов²⁰³.

В этих правилах содержатся специальные нормы, касающиеся процедуры приема несопроводяемой почты. Лицо, которое уполномочено иностранным представительством принять дипломатическую почту, должно иметь специальный пропуск, выдаваемый компетентными индонезийскими властями (Perum Angkasa Pura). Непосредственный прием почты может быть произведен после предъявления специального пропуска. В правилах также содержатся специальные положения, касающиеся случаев, когда лицо, которому поручен прием дипломатической почты, не имеет специального пропуска. В любом случае основное внимание уделяется безопасности дипломатической почты и обеспечению возможностей для ее доставки.

D. Основные составные элементы статуса командира экипажа гражданского самолета или капитана торгового судна

238. Рассмотрение хода подготовительной работы по разработке кодификационных конвенций и краткий аналитический обзор практики государств в отношении использования воздушного или морского транспорта для доставки несопроводяемой дипломатической почты предоставляют достаточный справочный материал для того, чтобы сделать некоторые выводы в отношении статуса командира экипажа самолета или капитана торгового судна, перевозящего дипломатическую почту. Основопологающая норма по этому вопросу изложена в пункте 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года и в соответствующих статьях других кодификационных конвенций.

239. Использование командира экипажа гражданского самолета или капитана торгового судна в качестве лица, которому вверяется дипломатическая почта и поручается ее перевозка и доставка, является вопросом, составляющим часть современного международного права. Эти нормы общепризнаны и применяются главным образом по отношению к воздушным или морским судам, направляющимся регулярным рейсом в порт или аэропорт, прибытие в который разрешено, на территории принимающего государства. Можно предположить, что такое же правило будет применяться и к зафрахтованному самолету, следующему по установленному маршруту на территории принимающего государства, но используемого не на регулярной, а на специальной основе. Аналогичное правило может применяться по от-

¹⁹⁹ См. стр. 76, выше, документ A/CN.4/372 и Add.1 и 2.

²⁰⁰ См. Pan American Union, *Documents and Notes on Privileges and Immunities with special reference to the Organization of American States*, Washington, D. C., 1968, p. 235.

²⁰¹ *Ibid.*, p. 271.

²⁰² Пункт 4 информации, полученной от Финляндии, см. сноску 197, выше.

²⁰³ Пункты 3 и 4 информации, полученной от Индонезии, см. стр. 75, выше, документ A/CN.4/372 и Add.1 и 2.

пошению к торговым судам, используемым на специальной основе.

240. В пункте 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года и в подавляющем большинстве двусторонних соглашений прямо говорится о *командире экипажа* гражданского самолета или *капитане* судна как о лицах, которым поручается перевозка и доставка дипломатической почты. Вместе с тем во внутренних законах и правилах некоторых государств, а также в некоторых международных соглашениях предусматривается, что подобная задача может быть поручена также членам экипажа²⁰⁴. В таких случаях предполагается, что члены экипажа самолета или судна должным образом уполномочиваются командиром экипажа или капитаном действовать вместо них или от их имени. Это правило может дать возможность проявлять некоторую гибкость, которая оправдана по практическим соображениям.

241. Командир экипажа самолета или капитан торгового судна, которому поручена перевозка дипломатической почты, обладает специальным статусом, который признается в международном праве и в национальных законах и правилах. Ему выдается *официальный документ* с указанием числа мест, составляющих вверенную ему дипломатическую почту. Этот документ можно рассматривать как имеющий такой же характер, что и официальный документ, выдаваемый дипломатическому курьеру. Командир экипажа самолета и капитан судна не считаются дипломатическими курьерами или дипломатическими курьерами *ad hoc*, однако уже в силу того, что им поручена перевозка почты, они имеют право на то, чтобы власти принимающего государства относились к ним с должным уважением и предоставляли соответствующую помощь для передачи вверенной им дипломатической почты уполномоченному сотруднику дипломатического или иного представительства посылающего государства. Такая помощь должна предоставляться главным образом с целью облегчения *непосредственной и беспрепятственной* доставки дипломатической почты уполномоченным сотрудникам дипломатического представительства или другим должным образом уполномоченным должностным лицам посылающего государства, которым разрешается доступ к самолету или судну для приема дипломатической почты.

242. В тех случаях, когда самолет или судно перевозит дипломатическую почту из представительства посылающего государства в столицу этого государства, лицами, имеющими право на непосредственный прием почты, должны являться официальные лица, должным образом уполномоченные министерством иностранных дел или другим правительственным учреждением посылающего государства. Принимающее государство должно нести обязательство по принятию соот-

ветствующих норм и правил и установлению надлежащих процедур, позволяющих обеспечить быструю и беспрепятственную доставку дипломатической почты в порту въезда, находящемуся на его территории. *Непосредственный и беспрепятственный доступ* к самолету или судну должен обеспечиваться в целях *получения ввозимой* дипломатической почты в порту или аэропорту, прибытие в который разрешено, или для *передачи* командиру экипажа самолета, или капитану судна, или другому уполномоченному члену экипажа *вывозимой* дипломатической почты. В обоих случаях лицами, имеющими право *получать* или *передать* дипломатическую почту, должны являться уполномоченные сотрудники дипломатического представительства посылающего государства. Эта двоякая возможность *получения* дипломатической почты от командира или его экипажа или *передачи* дипломатической почты командиру или экипажу должна быть отражена в соответствующих положениях норм, регулирующих отправку дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна.

243. С учетом вышеупомянутых соображений Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

Статья 30. Статус командира экипажа гражданского самолета, капитана торгового судна или уполномоченного члена экипажа

1. Командир экипажа гражданского самолета, капитан торгового судна или уполномоченный член находящегося под их командой экипажа может быть использован для обеспечения сохранности, перевозки и доставки дипломатической почты посылающего государства в находящийся на установленном маршруте на территории принимающего государства порт или аэропорт, прибытие в который разрешено, или для обеспечения сохранности, перевозки и доставки направляемой в посылающее государство почты дипломатического представительства, консульского учреждения, специальной миссии, постоянного представительства или делегации посылающего государства на территории принимающего государства.

2. Командир, капитан или уполномоченный член экипажа, которому вверена дипломатическая почта, должен быть снабжен официальным документом с указанием числа мест, составляющих вверенную ему почту.

3. Командир, капитан или уполномоченный член экипажа не считается дипломатическим курьером.

4. Принимающее государство предоставляет командиру, капитану или уполномоченному чле-

²⁰⁴ См. практику Финляндии, пункт 234, выше.

ну экипажа, перевозящему дипломатическую почту, возможности для непосредственной и беспрепятственной доставки дипломатической почты сотрудникам дипломатического представительства

ва посылающего государства, которым принимающим государством разрешен доступ к самолету или судну для приема дипломатической почты.

IV. Проекты статей о статусе дипломатической почты

А. Вводные замечания

244. Проекты статей о статусе дипломатической почты представляют собой третью часть всего комплекса проектов статей, разработанных в рамках настоящей темы в соответствии со структурой проектов статей, предложенной Специальным докладчиком и предварительно одобренной Комиссией²⁰⁵. В этих проектах статей предусматривается охватить как дипломатическую почту, перевозимую дипломатическим курьером, так и дипломатическую почту, не сопровождаемую дипломатическим курьером, то есть почту, вверенную командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному на то члену экипажа, а также почту, отправляемую через посредство почтовых служб или других средств — наземных, воздушных или морских. Во всех случаях, когда идет речь о статусе дипломатической почты, необходимо иметь в виду эти два вида дипломатической почты, за исключением тех случаев, когда особый с правовой точки зрения характер несопровождаемой почты требует отдельного указания на конкретный характер такой почты. Кроме того, с самого начала необходимо указать, как и в случае со статусом дипломатического курьера, что Докладчик намерен продолжить рассмотрение вопросов, касающихся дипломатической почты, придерживаясь того же функционального подхода и учитывая многоцелевое назначение почты для всех видов официальных представительств — дипломатических представительств, консульских учреждений, специальных миссий, постоянных представительств при международных организациях и делегаций на международных конференциях²⁰⁶.

245. Статус дипломатической почты как важного средства для осуществления свободы сношений для всех официальных целей государства лежит в основе всего комплекса проектов статей в рамках рассматриваемой темы. Он отражает многие важные элементы статуса дипломатического курьера, так как официальная функция курьера состоит в том, чтобы обеспечивать сохранность почты и ее перевозку и доставку в место назна-

чения. Дипломатический курьер имеет право на некоторые возможности, привилегии и иммунитеты на территории принимающего государства или государства-транзита даже в тех случаях, когда он не перевозит дипломатическую почту и осуществляет переезд из одного представительства в посылающего государства в другое для получения дипломатической почты, которая будет ему вверена. Правовая защита, предоставляемая дипломатической почте в соответствии с национальным и международным правом, отражает возможности, привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическому курьеру для выполнения им своих официальных функций. Влияние такой специальной правовой защиты дипломатической почты на режим, предоставляемый дипломатическому курьеру, говорит о тесной, органической связи между статусом дипломатического курьера и статусом дипломатической почты; они неотделимы друг от друга и не могут рассматриваться в отдельности.

246. Возрастающее значение статуса дипломатической почты необходимо также рассматривать с точки зрения широко распространенной практики использования дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером. Размах такого рода дипломатических сношений и важное значение надлежащей защиты несопровождаемой дипломатической почты дополнительно подчеркивают необходимость разработки соответствующих норм, которые бы дополнили существующие нормы права в этой области. Ряд элементов правового статуса дипломатической почты по-прежнему вызывает неопределенность или проблемы, несмотря на существование многосторонних и двусторонних договоров о дипломатических сношениях. Поэтому необходимо разработать формулу, которая бы обеспечила надлежащую защиту конфиденциального характера дипломатических сношений посредством почты, а также законных интересов принимающего государства. Практика дает достаточно примеров злоупотреблений дипломатической почтой, чтобы оправдать принятие мер для обеспечения более справедливого равновесия между интересами посылающего государства и интересами принимающего государства. Однако в настоящее время нет тщательно разработанного свода международных норм, регулирующих статус почты, особенно режим тех преимуществ, привилегий и иммуните-

²⁰⁵ См. конец сноски 1, выше.

²⁰⁶ См. по этому поводу второй доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (сноска 1, выше), пункты 14—19; третий доклад, документ A/CN.4/359 и Add.1 (там же), пункт 7; и настоящий доклад, пункт 5.

тов, которые должны предоставляться дипломатической почте. Поэтому принятие соответствующих норм, касающихся статуса дипломатической почты, будет, можно надеяться, способствовать предотвращению возможных случаев злоупотребления дипломатической почтой и обеспечит создание эффективных правовых рамок для использования такого важного средства официальных сношений.

247. Уместно напомнить, что еще в своем втором докладе Специальный докладчик изложил основные элементы правового статуса дипломатической почты²⁰⁷. В число этих элементов входили следующие: *функция* почты как средства осуществления свободы сношений; *указание на статус* почты при помощи видимых внешних знаков; *содержание* почты; и *режим*, предоставляемый почте властями принимающего государства или государства транзита.

248. Поэтому предлагается рассмотреть следующие аспекты, касающиеся статуса дипломатической почты, и соответствующие проекты статей:

1) Указание на статус дипломатической почты, включая необходимые видимые внешние знаки и документы, указывающие на официальный характер почты (статья 31).

2) Нормы, касающиеся содержания дипломатической почты (статья 32).

3) Статус дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, то есть почты, вверенной командиру гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному на то члену экипажа (статья 33).

4) Статус дипломатической почты, отправляемой через посредство почтовых служб (статья 34).

5) Общие возможности, предоставляемые дипломатической почте (статья 35).

6) Неприкосновенность дипломатической почты (статья 36).

7) Освобождение от таможенного досмотра (статья 37).

8) Освобождение от таможенных пошлин и всех сборов и налогов (статья 38).

9) Меры защиты для предотвращения любого посягательства на дипломатическую почту и меры, принимаемые в случае прекращения функций дипломатического курьера (статья 39).

249. При рассмотрении вышеупомянутых вопросов докладчик намерен придерживаться той же прежней методики, то есть сделать краткий обзор работы по разработке соответствующих норм для четырех кодификационных конвенций и про-

вести анализ практики государств в области правовой защиты дипломатической и другой официальной почты, используемой государствами в их сношениях со своими представительствами за рубежом. В этой связи необходимо высказать два соображения. Во-первых, во втором докладе, подготовленном в 1981 году, содержится обширный анализ работы Комиссии начиная с 1955 года и трех кодификационных конференций Организации Объединенных Наций 1961, 1963 и 1975 годов, а также препий, проходивших в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1968 году в отношении понятия «дипломатическая почта» и ее основных компонентов²⁰⁸. Это означает, что упоминание о подготовительной работе будет ограничено только конкретно рассматриваемыми вопросами. Во-вторых, как уже отмечалось (пункт 243, выше), конкретные аспекты статуса дипломатической почты редко становились объектом внутригосударственного права и договорной практики государств. Прецедентов в этой области очень мало.

В. Указание статуса дипломатической почты

1. ВНЕШНИЕ ЗНАКИ И НЕОБХОДИМЫЕ ДОКУМЕНТЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

250. Есть два основных вопроса, непосредственно касающихся подтверждения официального характера дипломатической почты, а именно: *внешние характеристики* дипломатической почты и *официальные документы*, указывающие на статус почты. Кроме того, имеются некоторые другие физические характеристики дипломатической почты, например размер и вес дипломатической почты, или другие внешние характеристики, включая вид отправления, в частности конверт, вализа, мешок, сумка, коробка, чемодан или любой другой контейнер. Термин «дипломатическая почта» используется в качестве общего обозначения для всех пакетов, содержащих официальную корреспонденцию, документы или предметы, используемые для сношений между посылающим государством и его представительствами за рубежом. Также необходимо отметить, что основные требования и нормы, касающиеся подтверждения статуса, являются идентичными как для дипломатической почты, сопровождаемой дипломатическим курьером, так и для несопровождаемой почты. Тем не менее документы, указывающие на статус почты, должны обладать некоторыми специфическими характеристиками, специально разработанными для почты, отправляемой через посредство почтовых служб или вверяемой командиру гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному на то члену экипажа. Необходимо учитывать эти особенности второстепенного и технического характера

²⁰⁷ Документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2, пункт 159.

²⁰⁸ Там же, пункты 123—186.

при рассмотрении вопроса о подтверждении статуса почты.

251. В соответствии с давно сложившейся практикой государств дипломатическая почта всегда обозначалась при помощи некоторых *видимых внешних знаков*. Прежде всего дипломатическая почта должна быть опечатана сургучными печатями или опломбирована свинцовыми пломбами компетентным органом посылающего государства, обычно министерством иностранных дел. В некоторых случаях дипломатическая почта также закрывается на замок или застегивается при помощи застежек или всяких замков с указанием названия посылающего органа. Наиболее общепринятым видимым внешним знаком дипломатической почты является ярлык или наклейка с надписью «дипломатическая корреспонденция», «официальная корреспонденция» или «*expédition officielle*» с указанием отправителя и получателя.

252. В *официальных документах* необходимо указывать характер почты и число мест, составляющих почту. Когда дипломатическая почта перевозится дипломатическим курьером, курьер снабжается официальным документом, в котором подтверждается его статус как курьера и указывается число мест, составляющих перевозимую им дипломатическую почту. Этим документом может быть «паспорт курьера», «курьерский лист» или «удостоверение курьера» в соответствии с положениями, принятыми различными государствами²⁰⁹.

253. Когда дипломатическая почта вверяется командиру гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному на то члену экипажа, эти лица также должны быть снабжены официальным документом с указанием числа мест, составляющих почту. Цель такого документа состоит в подтверждении официального характера почты и места назначения. Что касается видимых внешних знаков для такого вида дипломатической почты, то они должны отвечать всем ранее указанным требованиям.

254. Дипломатическая почта, отправляемая через посредство почтовых служб в виде авиационных или наземных почтовых посылок или отправляемая морским и авиационным грузом, должна быть опечатана и иметь необходимые видимые внешние знаки. Официальными документами, подтверждающими характер почты, являются почтовые документы, выдаваемые принимающим почтовым ведомством, или документы на отправ-

²⁰⁹ Сведения о национальных правилах, касающихся официальных документов, используемых дипломатическими курьерами, содержатся в информации, полученной от правительств Секретариатом и опубликованной в *Ежегоднике...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 305, документ A/CN.4/356 и Add.1—3. В третьем докладе Специального докладчика (там же, стр. 342, документ A/CN.4/359 и Add.1, пункты 75 и 76) содержатся подробные сведения о различных формах и наименованиях официального документа, которым снабжается дипломатический курьер.

ку морского или авиационного груза с указанием числа мест и их получателя.

255. К числу других физических характеристик дипломатической почты относятся такие необязательные параметры, как максимальный размер или вес контейнера, содержащего официальную корреспонденцию, документы или предметы для официального пользования дипломатических или других представительств. Этот вопрос был обсужден в Комиссии международного права и на кодификационных конференциях, особенно в отношении дипломатической почты слишком большого размера или веса²¹⁰. Хотя в почтовых правилах обычно содержатся некоторые ограничения в отношении максимального веса или размера почтовых отправок, во всех других случаях этот вопрос должен решаться путем соглашения между соответствующими государствами. Исполнительный совет Всемирного почтового союза (ВПС) отметил, что до настоящего времени не было трудностей в области международных перевозок дипломатической почты, регулируемых двусторонними или многосторонними соглашениями.

256. Вопрос об упомянутых выше внешних характеристиках и необходимых документах, указывающих на официальный статус дипломатической почты, был рассмотрен при подготовке соответствующих положений четырех кодификационных конвенций. Их можно выявить при помощи краткого обзора подготовительной работы в этой области. Необходимо рассмотреть и практику государств, которая является еще одним важным источником информации по этому вопросу.

2. КРАТКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВ

257. В ходе подготовки проектов статей о дипломатических сношениях и иммунитетах в период с 1955 по 1958 год Комиссия международного права при рассмотрении вопроса о статусе дипломатической почты сосредоточила свое внимание на вопросе о неприкосновенности дипломатической почты. Тем не менее она иногда обсуждала и положения о подтверждении статуса и о внешних характеристиках почты. В проекте статей о дипломатических сношениях и иммунитетах, представленном Комиссии на ее десятой сессии в 1958 году Специальным докладчиком, пункт 2 статьи 21 был сформулирован следующим образом:

2. Дипломатическая почта, которая может содержать только дипломатические документы или предметы конфиденциального характера, предназначенные для официального пользования, должна быть снабжена печатью отправителя и иметь видимое указание на ее характер²¹¹.

²¹⁰ См. Ph. Cahier, *op. cit.* (сноска 115, выше), p. 213 et 214.

²¹¹ *Ежегодник...*, 1958 год, том II, стр. 17 англ. текста, документ A/CN.4/116/Add.1.

На той же сессии Комиссия приняла окончательный текст — пункт 4 статьи 25, который гласит:

4. Дипломатическая почта, на которой должны быть видимые внешние знаки, указывающие на ее характер, может содержать только дипломатические документы или предметы, предназначенные для официального пользования²¹².

В комментарии к этой статье Комиссия отметила:

В соответствии с пунктом 4 дипломатическая почта может быть определена как почта (мешок, вализа, конверт или любой другой вид пакета), содержащая документы и (или) предметы, предназначенные для официального пользования. В соответствии с измененным текстом этого пункта почта должна иметь видимые внешние знаки, указывающие на ее характер²¹³.

258. На Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитету 1961 года было предложено много поправок в отношении нескольких вопросов, касающихся статуса дипломатического курьера и дипломатической почты, однако они не изменили существа упомянутого выше текста, который был включен в качестве пункта 4 в статью 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях.

259. В ходе рассмотрения проектов статей о консульских сношениях и иммунитетах на двенадцатой сессии Комиссии в 1960 году Председатель Комиссии сделал одно замечание. Он отметил, что

консульская корреспонденция должна быть помещена в специальные конверты, имеющие внешние знаки и печати с указанием ее характера; однако было бы неразумно определять физические характеристики почты, содержащей консульскую корреспонденцию²¹⁴.

260. В окончательном проекте статей о консульских сношениях, представленном Комиссией Конференции Организации Объединенных Наций по консульским сношениям в 1963 году, в пункте 4 статьи 35 предусматривалось:

4. Все места, составляющие консульскую вализу, должны иметь видимые внешние знаки, указывающие на их характер, и могут содержать только официальную корреспонденцию и документы или предметы, предназначенные для официального пользования²¹⁵.

В Венской конвенции 1963 года не предусматривается каких-либо конкретных требований о маркировке почты, за исключением того, что она должна иметь «видимые внешние знаки». Этими внешними знаками не обязательно должна быть официальная печать представительства или посылающего правительства. Однако некоторыми государствами такие требования устанавливаются в качестве внутренней административной меры, и, как представляется, это стало общепринятым явлением.

²¹² Там же, стр. 96 англ. текста, документ A/3859, глава III, раздел II.

²¹³ Там же, пункт 4 комментария к статье 25.

²¹⁴ Ежегодник..., 1960 год, том I, стр. 31 англ. текста, 532-е заседание, пункт 32.

²¹⁵ См. *Official Records of the United Nations Conference on Consular Relations*, vol. II, p. 23.

261. В пункте 4 статьи 28 Конвенции о специальных миссиях воспроизводится *mutatis mutandis* соответствующее положение Венской конвенции 1963 года²¹⁶, так же как в статьях 27 и 57 Венской конвенции 1975 года²¹⁷ воспроизводятся *mutatis mutandis* соответствующие положения той же Конвенции 1963 года.

262. Договорная практика государств, касающаяся указания на официальный статус дипломатической, консульской и другой официальной почты, в основном строится на положениях четырех кодификационных конвенций. В нескольких консульских конвенциях конкретно предусматривается, что консульская почта должна быть легко опознаваемой при помощи некоторых специальных внешних знаков, указывающих на ее официальный характер. Ниже приводится ряд примеров, свидетельствующих об этом.

263. В Консульской конвенции между СССР и Соединенным Королевством (1965 год) предусматривается в пункте 2 статьи 16, что:

служебная переписка консульства независимо от того, какие средства связи им используются, и опечатанные вализы, имеющие видимые внешние знаки, указывающие на их официальный характер, являются неприкосновенными...²¹⁸.

²¹⁶ См. исторический обзор работы Комиссии по этой статье во втором докладе Специального докладчика, документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 147—153.

²¹⁷ Там же, пункты 156 и 157.

²¹⁸ См. также соответствующие положения консульских конвенций, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Польша (1972 год), статья 15, пункт 2; Бельгия и Соединенные Штаты Америки (1969 год), статья 18, пункт 2; Бельгия и СССР (1972 год), статья 19, пункт 2; Бельгия и Турция (1972 год), статья 22, пункт 2; Венгрия и Болгария (1971 год), статья 14, пункт 2; Венгрия и Германская Демократическая Республика (1972 год), статья 14, пункт 2; Венгрия и Соединенные Штаты Америки (1972 год), статья 14, пункт 3; Венгрия и Чехословакия (1973 год), статья 15, пункт 2; Греция и Болгария (1973 год), статья 13; Монголия и Германская Демократическая Республика (1973 год), статья 14, пункт 2; Монголия и Чехословакия (1976 год), статья 14, пункт 2; Румыния и Соединенные Штаты Америки (1972 год), статья 21, пункт 2; Румыния и СССР (1972 год), статья 24, пункт 2; Соединенное Королевство и Болгария (1968 год), статья 19, пункт 3; Соединенное Королевство и Венгрия (1971 год), статья 14, пункт 3; Соединенное Королевство и Германская Демократическая Республика (1976 год), статья 17, пункт 2; Соединенное Королевство и Монголия (1975 год), статья 16, пункт 2; Соединенное Королевство и Польша (1967 год), статья 21, пункт 3; Соединенное Королевство и Чехословакия (1975 год), статья 16, пункт 2; Соединенные Штаты Америки и Болгария (1974 год), статья 14, пункт 2; Соединенные Штаты Америки и Китай (1980 год), статья 12, пункт 2; Соединенные Штаты Америки и Польша (1972 год), статья 12, пункт 3; СССР и Бенин (1976 год), статья 14, пункт 2; СССР и Болгария (1971 год), статья 14, пункт 2; СССР и Венгрия (1971 год), статья 14, пункт 2; СССР и Гвинея-Бисау (1976 год), статья 13, пункт 2; СССР и Индия (1973 год), статья 14, пункт 2; СССР и Италия (1967 год), статья 28, пункт 2; СССР и Кипр (1978 год), статья 13, пункт 2; СССР и Куба (1972 год), статья 13, пункт 2; СССР и Мексика (1978 год), статья 14, пункт 3; СССР и Монголия (1972 год), статья 13, пункт 2; СССР и Норвегия (1971 год), статья 12, пункт 2; СССР и Сомали (1971 год),

Таким образом, это означает, что неприкосновенность служебной переписки зависит от ее надлежащей идентификации как таковой, а это, как отмечалось выше, обеспечивается при помощи видимых внешних знаков.

264. В Консульской конвенции между Румынией и Монголией (1967 год) предусматривается в пункте 3 статьи 18, что «консульская почта и ее компоненты, если она состоит из более чем одного места, должны иметь видимые внешние знаки, указывающие на их характер...», а в Конвенции между Румынией и Соединенным Королевством (1968 год) предусматривается в пункте 4 статьи 34, что «консульская почта и ее компоненты должны... иметь физические внешние знаки, указывающие на их официальный характер...». В Консульской конвенции между Чехословакией и Италией (1975 год) предусматривается в статье 23, что «места, составляющие консульскую почту, должны иметь видимые внешние знаки, указывающие на их характер...». Здесь необходимо отметить, что, хотя в конвенциях, упомянутых выше, используются различные термины, все они преследуют одну и ту же цель: легкую идентификацию официальной почты, вализ, мешков, коробок и других контейнеров, используемых для перевозки дипломатической или консульской корреспонденции и предметов, предназначенных для официального пользования²¹⁹.

265. Лишь в немногих двусторонних конвенциях ничего не говорится об указании статуса дипломатической или консульской почты. Это является веским доказательством наиболее распространенной договорной практики в этой области.

266. Кроме того, положения об указании официального статуса почты содержатся в национальных положениях и правилах многих государств. Например, в Положении о дипломатической почте, изданном правительством Испании, говорится:

(Продолжение сноски 218)

статья 14, пункт 2; СССР и Чехословакия (1972 год), статья 13; Финляндия и Венгрия (1971 год), статья 11, пункт 3; Финляндия и Польша (1971 год), статья 10, пункт 2; Чехословакия и Кипр (1976 год), статья 16, пункт 3.

²¹⁹ См. также соответствующие положения консульских конвенций, которые заключили между собой следующие государства: Австрия и Румыния (1970 год), статья 31, пункт 3; Бельгия и Венгрия (1976 год), статья 15, пункт 4; Бельгия и Чехословакия (1976 год), статья 18, пункт 4; Болгария и Австрия (1975 год), статья 30, пункт 3; Венгрия и Куба (1969 год), статья 25, пункт 4; Греция и Венгрия (1977 год), статья 14, пункт 3; Греция и Польша (1977 год), статья 18, пункт 3; Польша и Куба (1972 год), статья 16, пункт 3; Румыния и Бельгия (1970 год), статья 32, пункт 4; Румыния и Италия (1967 год), статья 28, пункт 4; Румыния и Корейская Народно-Демократическая Республика (1971 год), статья 20, пункт 3; СССР и Эфиопия (1977 год), статья 13, пункт 2; Франция и Болгария (1968 год), статья 13, пункт 3; Франция и Румыния (1968 год), статья 25, пункт 4; Франция и Тунис (1972 год), статья 12, пункт 4.

Почта состоит из одной или нескольких запечатанных вализ или одного или нескольких запечатанных конвертов. К каждой вализе прикрепляется или в заметном месте приклеивается этикетка с печатью министерства иностранных дел или посылающего представительства и с отметкой «дипломатическая почта». Дипломатическая почта может отправляться только министру иностранных дел, главам дипломатических миссий или главам консульских учреждений. Почта, отправленная другими департаментами или отправленная другим должностным лицам даже в пределах самого министерства иностранных дел, не носит такого характера и в этой связи не считается дипломатической почтой испанской или иностранной таможней²²⁰.

267. В постановлении правительства Чехословакии о вступлении в силу закона о таможне 1974 года предусматривается, что дипломатическая почта должна быть снабжена официальным документом, в котором должен указываться «вид упаковки» этой почты²²¹, а в министерской директиве правительства Корейской Республики говорится:

Газеты, книги и другие материалы могут быть отправлены авиационной или морской почтой в зависимости от их срочности. В таком случае они должны иметь видимый внешний знак «дипломатический груз» («diplomatic freight») ²²².

268. Правила пропуска через государственную границу СССР дипломатической почты иностранных государств и личных вещей дипломатических курьеров также предусматривают²²³:

Все места, составляющие дипломатическую почту, должны иметь видимые внешние знаки, указывающие на их характер, и они могут содержать только официальную корреспонденцию и документы или предметы, предназначенные для официального пользования.

Каждое место дипломатической почты должно быть опечатано сургучными печатями или опломбировано свинцовыми пломбами отправителя и иметь наклейку с надписью «expédition officielle».

В тех же правилах говорится, кроме того, что

вес пересылаемой дипломатической почты может быть ограничен на основе взаимности. Вес транзитной дипломатической почты не ограничен.

269. В циркулярной ноте о порядке получения и отправки дипломатической почты, направленной союзным секретариатом по иностранным делам всем дипломатическим представительствам в Белграде, говорится, что:

сопровождаемая и несопровождаемая дипломатическая почта должна иметь видимые внешние знаки (печать или пломбу, адрес отправителя и адрес получателя)²²⁴.

270. В Соединенных Штатах установлена особая практика в отношении дипломатической почты, курьеров и открытой почты, которая заре-

²²⁰ Статья 23 Положения от 1 июля 1968 года, воспроизводится в *Ежегоднике... 1982 год*, том II (часть первая), стр. 311, документ A/CN.4/356 и Add.1—3.

²²¹ Статья 7, пункт 2, Постановления от 25 ноября 1974 года, там же, стр. 320.

²²² Статья 29, пункт 4, Постановления об обращении с официальными документами 1962 года, там же, стр. 312.

²²³ Пункт 2 Правил, там же, стр. 316.

²²⁴ Циркулярная нота 949/80 от 12 мая 1980 года, там же, стр. 321.

гистрирована в меморандуме, подготовленном государственным департаментом в 1960 году²²⁵. Например, в отношении Советского Союза меморандум предусматривает, что

вся дипломатическая почта, направляемая в Советский Союз или из Советского Союза, должна быть в нормальном состоянии и не иметь разрывов или повреждений. Документация, включая визированные курьерские листы, должна быть абсолютно точной.

В отношении Испании в меморандуме говорится, что

в прошлом в этой стране требовалась абсолютно точная документация на дипломатическую почту, ввозимую в страну или вывозимую из страны, и проводился довольно регулярный досмотр личного багажа курьеров...

В случае Чехословакии в меморандуме указывается:

Накладные на несопровождаемые авиапакеты, направляемые в американское посольство в Праге, должны иметь особое указание на то, что их содержимое представляет собой официальную корреспонденцию и документы. Это требование не распространяется ни на какие другие страны.

Что касается Швейцарии, то в меморандуме обращается внимание на тот факт, что швейцарские власти настаивают на том, чтобы документация на все виды вализ, ввозимых в страну или вывозимых из страны, была абсолютно точной. Это относится также к Австрии. В отношении Аргентины в меморандуме говорится, что

служащие аргентинской таможни часто досматривают личный багаж дипломатических курьеров США. В результате этого Соединенные Штаты принимают ответные меры. До настоящего времени при ввозе дипломатической почты в эту страну и вывозе ее из страны проблем не возникало, за исключением случаев, когда такая почта упаковывалась в деревянные ящики. Другие страны, такие как Швейцария и Индия, также возражают против того, чтобы опечатанные деревянные ящики проходили по документам как дипломатическая почта.

271. В вышеупомянутом меморандуме государственного департамента изложены также некоторые общие правила. Например, в нем предусматривается, что

использование обычной международной почты для отправки официальных материалов ограничивается возможностью цензуры в стране отправителя и стране получателя, а также в тех странах, через которые должна пройти эта почта. Открытая почта используется Департаментом для отправки официальных материалов крайне редко...

272. В заключение можно отметить, что, как это подтверждается практикой государств, внутренние правила относительно указания статуса почты соответствуют действующим общим нормам договорного международного права. Очевидно также, что согласование этих правил и их дальнейшая разработка могли бы послужить полезной практической цели.

²²⁵ См. в Whiteman, *op. cit.* (сноска 36, выше), pp. 218—219; цитируемые здесь правила приводятся в пунктах 270 и 271 настоящего доклада.

273. В свете этих соображений относительно указания статуса дипломатической почты Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и предварительное утверждение следующий проект статьи:

ЧАСТЬ III

СТАТУС ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

Статья 31. Указание статуса дипломатической почты

1. Все места, составляющие дипломатическую почту, должны иметь видимые внешние знаки, указывающие на их официальный характер.

2. Все места, составляющие дипломатическую почту, если она не сопровождается дипломатическим курьером, также должны иметь видимое указание места назначения и получателя, а также любых промежуточных пунктов на пути следования или передаточных пунктов.

3. Допустимые максимальные размеры и вес дипломатической почты определяются по соглашению между посылающим государством и принимающим государством.

С. Содержание дипломатической почты

1. СФЕРА ОХВАТА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАВИЛ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

274. Сфера охвата правил, регулирующих содержание дипломатической почты, может включать в себя положения двух видов. Во-первых, имеются положения, которые в общих выражениях и в соответствии с пунктом 4 статьи 27 Венской конвенции 1961 года указывают на допустимое содержание официальной почты. Во-вторых, имеются положения относительно соответствующих превентивных мер, которые должны приниматься с целью обеспечить соблюдение правил о содержании дипломатической почты и исключить любые злоупотребления преимуществами, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми дипломатической почте в соответствии с международным и внутренним правом.

275. Эти два элемента, а именно: правила, касающиеся допустимого с правовой точки зрения содержания почты, и их эффективное соблюдение — имеют неоспоримое практическое значение для должного осуществления официальных сношений в интересах международного сотрудничества и взаимопонимания. Их строгое соблюдение позволит избежать взаимных подозрений: со сто-

роны принимающего государства, когда дипломатическая почта ввозится на его территорию, а со стороны посылающего государства в тех случаях, когда правила принимающего государства предусматривают определенные процедуры досмотра, включая использование современных средств проверки. К настоящему времени ни одной из многосторонних конвенций в области дипломатического права не предлагается действенных решений проблемы контроля в отношении допустимого с правовой точки зрения содержания дипломатической почты. С ростом числа случаев злоупотреблений эта проблема приобретает особое значение, что имеет определенные политические, экономические и другие последствия.

2. ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ТРЕБОВАНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ СОДЕРЖАНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

276. Вопрос о допустимом содержании дипломатической почты явился предметом особого рассмотрения при подготовке первых двух венских конвенций — Конвенции 1961 года и Конвенции 1963 года. Принятые впоследствии Конвенция о специальных миссиях и Венская конвенция 1975 года лишь следовали модели, установленной в двух предыдущих конвенциях. Подготовительная работа по этому вопросу была проведена Комиссией международного права на ее девятой и десятой сессиях в 1957 и 1958 годах. Пункт 2 статьи 21 проекта статей о дипломатических сношениях и иммунитетах, представленного Специальным докладчиком в 1958 году, предусматривал:

2. Дипломатическая почта... может содержать лишь дипломатические документы или предметы конфиденциального характера, предназначенные для официального пользования...²²⁶

277. Аналогичным образом в пункте 4 статьи 35 окончательного проекта статей о консульских сношениях, принятого Комиссией на ее тридцатой сессии в 1961 году, содержалась формулировка, подобная упомянутой выше формулировке пункта 2 статьи 21. В этом пункте говорилось, что консульская вализа может «содержать только официальную корреспонденцию и документы или предметы, предназначенные исключительно для официального пользования»²²⁷. В комментарии к этой статье говорилось, что консульскую вализу

можно определить как почту (мешок, коробка, сумка, конверт или любой пакет), содержащую официальную корреспонденцию, документы или предметы, предназначенные для официального пользования, или все это вместе взятое²²⁸.

278. В ходе обсуждения пункта 3 статьи 35 на Конференции Организации Объединенных Наций

²²⁶ См. сноску 211, выше.

²²⁷ См. *Official Records of the United Nations Conference on Consular Relations*, vol. II, p. 22.

²²⁸ *Ibid.*, p. 23, commentary of article 35, para: 5.

по консульским сношениям представитель Филиппин заявил, что пункт 3

обеспечивает гарантии против злоупотребления почтой, которая не должна содержать ничего, кроме официальной корреспонденции, и может быть вскрыта, если есть разумные основания подозревать, что это не так²²⁹.

279. Пункт 5 статьи 28 Конвенции о специальных миссиях был скопирован *mutatis mutandis* со статьи 27 Венской конвенции 1961 года. То же самое относится к пункту 4 статьи 27 и к пункту 5 статьи 57 Венской конвенции 1975 года, особенно применительно к делегациям в органах или на конференциях.

280. В четырех кодификационных конвенциях в области дипломатического права используются почти одни и те же формулировки в отношении требований, касающихся содержимого дипломатической, консульской или другой официальной почты. Таким образом, по-видимому, не имеется возражений в отношении сферы охвата правила, содержащегося в пункте 4 статьи 27 Венской конвенции 1961 года и в соответствующих положениях других кодификационных конвенций. В соответствии с этим правилом почта может включать не только официальные письма, доклады, инструкции, информацию и другие официальные документы, но и шифровальные или другие кодирующие или декодирующие устройства и шифровальные руководства, канцелярские принадлежности, такие как печати и другие предметы, используемые для делопроизводства, радиоаппаратуру, медали, книги, картины, звукозаписи, кинофильмы и произведения искусства, которые могут использоваться для развития культурных связей. Что касается книг, кинофильмов, экспонатов и т. п., то общепринятая практика состоит в том, что они отправляются обычной открытой почтой с указанием, что они предназначены для официальных целей представительства.

281. Договорная практика государств в основном соответствует правилам, регулирующим содержание дипломатической почты, которые изложены в кодификационных конвенциях. В некоторых консульских конвенциях конкретно оговаривается, что вализы, мешки и другие контейнеры содержат только официальную корреспонденцию и предметы, предназначенные исключительно для официального пользования²³⁰. В од-

²²⁹ *Ibid.*, vol. I, p. 29, 10th plenary meeting, para 8. См. также замечания в том же смысле представителя Белорусской ССР, *ibid.*, p. 31, para. 27.

²³⁰ См., например, консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Венгрия и Соединенные Штаты Америки (1972 год), статья 14, пункт 3; Румыния и Бельгия (1970 год), статья 32, пункт 4; Румыния и Соединенное Королевство (1968 год), статья 34, пункт 4; Соединенное Королевство и Венгрия (1971 год), статья 14, пункт 3; Соединенное Королевство и Германская Демократическая Республика (1976 год), статья 17, пункт 3; Соединенное Королевство и Монголия (1975 год), статья 16, пункт 2; Соединенное Королевство и Чехословакия (1975 год), статья 16, пункт 2; Соединенные Штаты Америки и Ирландия (1950 год), статья 10, пункт 3; Соединен-

них конвенциях вместо слова «содержат» используется выражение «могут содержать»²³¹, в других используется выражение «должны содержать...»²³². Помимо «корреспонденции и предметов», в некоторых конвенциях в эту категорию включаются также «документы», предназначенные исключительно для официального пользования консульства²³³.

282. В некоторых конвенциях делается лишь ссылка на содержание консульской вализы в контексте неприкосновенности самой консульской вализы. Например, в пункте 2 статьи 12 Консульской конвенции между Соединенным Королевством и Испанией предусматривается, что консульская вализа неприкосновена и может быть вскрыта лишь в присутствии уполномоченного представителя посылающего государства, «с тем чтобы удостовериться, что в ней не содержится ничего, кроме официальной корреспонденции»²³⁴. Отсюда следует, что консульская вализа

ные Штаты Америки и Корейская Республика (1963 год), статья 9, пункт 2; Франция и Тунис (1972 год), статья 12, пункт 4;

²³¹ См., например, консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Австрия и Румыния (1970 год), статья 31, пункт 3; Польша и Румыния (1973 год), статья 31, пункт 4; Румыния и Италия (1967 год), статья 28, пункт 4; Румыния и Корейская Народно-Демократическая Республика (1971 год), статья 20, пункт 3; Румыния и Куба (1971 год), статья 23, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Китай (1980 год), статья 12, пункт 2; Франция и Румыния (1968 год), статья 25, пункт 4; Чехословакия и Италия (1975 год), статья 26, пункт 3; Чехословакия и Кипр (1976 год), статья 16, пункт 3.

²³² См., например, консульские конвенции между Венгрией и Кубой (1969 год), статья 25, пункт 4; Румынией и Соединенными Штатами Америки (1972 год), статья 21, пункт 4; Соединенными Штатами Америки и Польшей (1972 год), статья 12, пункт 3.

²³³ См., например, консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Венгрия (1976 год), статья 15, пункт 4; Бельгия и Чехословакия (1976 год), статья 18, пункт 4; Греция и Венгрия (1977 год), статья 14, пункт 3; Греция и Польша (1977 год), статья 18, пункт 3; Румыния и Куба (1971 год), статья 23, пункт 2; Румыния и Монголия (1967 год), статья 18, пункт 3; Румыния и Соединенное Королевство (1968 год), статья 34, пункт 4; Франция и Польша (1976 год), статья 18, пункт 3.

²³⁴ См. также соответствующие положения консульских конвенций, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Соединенное Королевство (1961 год), статья 17, пункт 4; Бельгия и Соединенные Штаты Америки (1969 год), статья 18, пункт 3; Бельгия и Турция (1972 год), статья 22, пункт 3; Болгария и Австрия (1975 год), статья 30, пункт 3; Греция и Болгария (1973 год), статья 13, пункт 2; Соединенное Королевство и Норвегия (1951 год), статья 12, пункт 4; Соединенное Королевство и Франция (1951 год), статья 13, пункт 4; Соединенное Королевство и Япония (1964 год), статья 13, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Болгария (1974 год), статья 14, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Польша (1972 год), статья 12, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Франция (1966 год), статья 15, пункт 3; Финляндия и Польша (1971 год), статья 10, пункт 2; Финляндия и Румыния (1971 год), статья 29, пункт 2; Франция и Алжир (1974 год), статья 13, пункт 3; Франция и Болгария (1968 год), статья 13, пункт 3; Франция и Сенегал (1974 год), статья XI, пункт 3; Швеция и Румыния (1974 год), статья 30, пункт 3; Япония и Соединенные Штаты Америки (1963 год), статья 10, пункт 2.

может содержать лишь официальную корреспонденцию и предметы, предназначенные исключительно для официального пользования.

283. В постановлении федерального министерства внешней торговли Чехословакии о вступлении в силу закона от 25 ноября 1974 года о таможене № 44/1974 предусматривается, что «дипломатическая почта может содержать только дипломатические документы или предметы, предназначенные для официального пользования представителем»²³⁵, тогда как министерское постановление об обращении с официальными документами, опубликованное правительством Корейской Республики, устанавливает, что дипломатическая почта «содержит документы и предметы, предназначенные только для официального пользования», а затем определяет «официальное пользование» как пользование, охватывающее

a) официальные документы и материалы, необходимые для руководства представительствами за границей и для их дипломатических переговоров;

b) письма и другие материалы, необходимые для поддержания безопасности;

c) полуофициальную корреспонденцию и сообщения; и

d) другие материалы, которые признаны важными министром иностранных дел и главами представительств²³⁶.

В некоторых консульских конвенциях вместо подобных положений дается определение термина «официальная корреспонденция». Например, в пункте 2 статьи 28 Консульской конвенции между Румынией и Италией (1967 год) говорится, что «официальная корреспонденция» означает всю корреспонденцию, относящуюся к консульскому учреждению и его функциям²³⁷.

284. Правительство Югославии по этому поводу выразило следующую точку зрения:

Что касается содержимого, то в существующих конвенциях лаконично сказано, что дипломатическая почта «может содержать лишь дипломатические документы или предметы, предназначенные для официального пользования». До принятия Венской конвенции 1961 года о дипломатических сношениях преобладало мнение о том, что дипломатическая почта может содержать лишь «дипломатические документы», но не «предметы, предназначенные для официального пользования». По-видимому, существовали причины, в силу которых почти все государства придерживались решения, закрепленного в пункте 4 статьи 27 Венской конвенции 1961 года. Тем не менее правительство Югославии считает, что имеются основания для переоценки этого положения, с тем чтобы дипломатической почтой отправлялись лишь некоторые предметы для официального пользования. Как известно, ряд государств — участников Венской конвенции 1961 года приняли внутренние правила, предписывающие учитывать каждый предмет в отдельности и ог-

²³⁵ Статья 7, пункт 3, постановления от 25 ноября 1974 года; воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 320, документ A/CN.4/356 и Add.1—3.

²³⁶ Статья 25 Постановления об обращении с официальными документами, там же, стр. 311.

²³⁷ См. также Консульскую конвенцию между Францией и Алжиром (1974 год), статья 13, пункт 2; и Консульскую конвенцию между Францией и Болгарией (1968 год), статья 13, пункт 2.

раничивающие их число до трех-четырех; очевидно, эти государства не удовлетворены решением, содержащимся в существующих конвенциях²³⁸.

285. Помимо примеров из договорной практики и национальных правил, можно упомянуть и ряд конкретных случаев, касающихся содержания дипломатической почты. Некоторые из них имели место до принятия кодификационных конвенций Организации Объединенных Наций, а другие стали предметом дипломатической переписки и переговоров после вступления в силу Венской конвенции 1961 года и Венской конвенции 1963 года.

286. Например, в 1938 году американский кинематографист г-н де ла Варр, используя французскую дипломатическую почту, ввез в Соединенные Штаты кинофильмы без уплаты таможенных сборов. Дело рассматривалось большим жюри Федерального окружного суда южного округа города Нью-Йорка. Этот вопрос стал предметом дипломатической переписки между послом Франции в Соединенных Штатах г-ном Сент-Кантенном и исполняющим обязанности государственного секретаря Соединенных Штатов г-ном Уэлсом. Посол Франции выразил свое сожаление по этому вопросу и заверил, что злоупотребление дипломатической почтой было вызвано их «неосведомленностью об американских правилах или недостаточным контролем со стороны некоторых французских должностных лиц, отправивших данные кинофильмы дипломатической почтой», а не преднамеренным действием, направленным на «использование дипломатической почты американским бизнесменом для того, чтобы обмануть федеральные таможенные власти». В то же время посол признал ответственность французской стороны и заявил, что «правительство Франции приняло все необходимые меры для того, чтобы исправить нарушения, которые могли иметь место в использовании дипломатической почты, и не допустить их повторения в будущем...»²³⁹.

287. В 1973 году для борьбы с незаконным ввозом нигерийской валюты правительство Нигерии ввело на период продолжительностью в шесть недель начиная с 1 января 1973 года правила, разрешающие проведение таможенными властями обыска в целях предотвращения незаконного ввоза в страну местной валюты. В ноте, направленной министерством иностранных дел главам аккредитованных в Нигерии дипломатических и консульских представительств, говорилось, что эти меры «не наносят ущерба их имунитетам и привилегиям, которые Федеративная Республика Нигерия уважает в соответствии с Венской конвенцией 1961 года о дипломатических сношениях, а также Венской конвенцией 1963 года о консульских сношениях», но мини-

стерство хочет подтвердить, что «никакие пакеты или предметы, направленные в адрес любых лиц, дипломатических агентов, дипломатических или консульских представительств, организаций или учреждений, не освобождаются от обыска». В ноте протеста от 19 января 1973 года против решения Нигерии досматривать дипломатическую почту американское посольство указывало, что «опечатанные консульские вализы, мешки и другие контейнеры должны пользоваться неприкосновенностью в тех случаях, когда они не содержат ничего, кроме официальных сообщений, что удостоверяется ответственным учреждением посылающего государства»²⁴⁰. Этот случай скорее относится к проблеме неприкосновенности дипломатической почты, однако ставит также и некоторые вопросы относительно содержания почты.

288. Поскольку ни в одной из четырех кодификационных конвенций не содержится положений, направленных на решение проблем, связанных с контролем за содержанием дипломатической почты, было бы, по-видимому, целесообразно предусмотреть возможные правовые средства защиты против злоупотреблений, например, путем установления обязательства посылающего государства принимать надлежащие меры в целях предотвращения злоупотреблений и, в случае их совершения, преследовать и наказывать любых находящихся под его юрисдикцией лиц, ответственных за такое злоупотребление. Такое положение увеличило бы ответственность посылающего государства. В случае злоупотребления дипломатической почтой посылающее государство не только несет общую ответственность перед принимающим государством за нарушение своего договорного обязательства по международному праву, но также обязано организовать преследование и наказание лица, совершившего злоупотребление дипломатической почтой, в соответствии со своим внутренним правом. В связи с этим государствам следует принять внутренние правила и положения, с тем чтобы обеспечить преследование и наказание своих должностных лиц за злоупотребление дипломатической почтой. Такие меры могут носить законодательный и административный характер и приниматься в соответствии с внутреннегосударственным правом и международными обязательствами государства.

289. В свете этих соображений относительно требований, касающихся содержания дипломатической почты, Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

²³⁸ Раздел I, пункт 3 b информации, полученной от Югославии, *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 321, документ A/CN.4/356 и Add.1—3.

²³⁹ См. Whiteman, *op. cit.* (сноска 36, выше), pp. 217—218.

²⁴⁰ См. A. W. Rovine, «Contemporary practice of the United States relating to international law», *American Journal of International Law*, Washington, D. C., vol. 67, 1973, pp. 537—538.

Статья 32. Содержание дипломатической почты

1. Дипломатическая почта может содержать только официальную корреспонденцию и документы или предметы, предназначенные исключительно для официального пользования.

2. Посылающее государство должно принимать надлежащие меры для предотвращения отправки с его дипломатической почтой предметов, не относящихся к тем, которые упомянуты в пункте 1, и должно организовывать судебное преследование и наказание любых находящихся под его юрисдикцией лиц, виновных в злоупотреблении дипломатической почтой.

D. Статус дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна

1. ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДАННОГО ВИДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

290. Дипломатическая почта, не сопровождаемая дипломатическим курьером, приобрела видную роль в современных дипломатических сношениях. Частое использование этого вида дипломатической почты свидетельствует о широко распространенной практике государств, масштабы и значение которой постоянно возрастают. Среди различных видов несопровождаемой почты самое широкое распространение, несомненно, приобрела дипломатическая почта, вверяемая командиру экипажа или уполномоченному члену экипажа гражданского самолета. Этот вид дипломатической почты доказал свои практические преимущества и жизнеспособность в смысле экономии, скорости и относительной безопасности, поскольку, хотя она и не сопровождается курьером, она тем не менее находится под охраной ответственного лица. Услуги капитана пассажирского или торгового судна либо уполномоченного члена экипажа используются не столь часто, однако к их услугам прибегают в тех случаях, когда морская перевозка является самым удобным видом связи или когда перевозка крупногабаритных грузов морем более экономична. В некоторых случаях дипломатическая почта может быть вверена водителю грузовика, используемого для международной перевозки грузов²⁴¹.

291. Практическое значение дипломатической почты, не сопровождаемой профессиональным дипломатическим курьером или курьером *ad hoc*, подчеркивалось правительствами в письменных комментариях и в ходе обсуждения данного вопроса в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи²⁴². Использование дипломатической почты,

²⁴¹ См. сведения о практике Финляндии, упоминаемые в пункте 234, выше.

²⁴² *Ежегодник...*, 1979 год, том II (часть вторая), стр. 241—243, доклад Рабочей группы по статусу дипломатического

вверенной командиру экипажа или члену экипажа гражданского самолета, стало по экономическим соображениям почти обычной практикой среди развивающихся стран. Сегодня подобный вид дипломатической почты приобрел широкое распространение также в практике многих других государств.

292. Как было подчеркнуто выше (пункты 229—237) в связи со статусом командира экипажа гражданского самолета, капитана торгового судна или уполномоченного члена их экипажа, число двусторонних соглашений, содержащих специальные положения относительно отправки дипломатической или консульской почты, вверенной командиру экипажа или капитану, постоянно возрастает²⁴³. Следуя правилу, установленному в пункте 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, в этих двусторонних соглашениях содержатся некоторые специальные положения относительно несопровождаемой почты. Большинство из них содержат конкретную ссылку на: а) официальный документ, указывающий число мест, составляющих дипломатическую почту, и б) процедуры, которые следует соблюдать для беспрепятственного и непосредственного получения почты уполномоченным членом миссии из рук командира экипажа самолета или капитана судна²⁴⁴. В соответствии с этими основными нормами правила и постановления по данному вопросу. В некоторых случаях регулярное использование услуг авиакомпаний для пересылки дипломатической почты основывается на долгосрочных или специальных соглашениях между министерством иностранных дел и авиакомпаниями²⁴⁵. Как было подчеркнуто выше (пункт 235), некоторые государства заключили специальные соглашения, регулирующие практические процедуры, используемые для доставки дипломатической почты, вверенной командирам гражданских самолетов.

2. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ, ВВЕРЕННОЙ КОМАНДИРУ ЭКИПАЖА ГРАЖДАНСКОГО САМОЛЕТА, КАПИТАНУ ТОРГОВОГО СУДНА ИЛИ ЧЛЕНУ ЭКИПАЖА

293. С учетом практического значения дипломатической почты, вверенной командиру гражданского самолета, капитану судна или члену экипажа, было бы вполне обоснованным разработать некоторые более конкретные нормы, относящиеся к статусу такой почты и ее правовой защите,— нормы, которые повлекли бы за собой

курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, пункт 15 а.

²⁴³ См. сноску 194, выше.

²⁴⁴ Большинство двусторонних консульских конвенций также содержат специальные положения о том, что командир самолета или капитан судна, перевозящий дипломатическую почту, не считается дипломатическим курьером.

²⁴⁵ Это относится, например, к Испании и Колумбии, см. пункт 234, выше.

определенные обязательства для принимающего государства и государства-транзита. Эти нормы следует рассматривать совместно с нормами, касающимися статуса командира экипажа гражданского самолета, капитана торгового судна или уполномоченного члена экипажа, находящегося под их командой, как они предложены в статье 30 настоящего проекта статей (см. пункты 238—243, выше). Более того, они также должны содержать специальную ссылку на применимые к любой дипломатической почте общие требования относительно подтверждения ее статуса и содержания, о которых говорится в предложенных выше (пункты 250—289) статьях 31 и 32, а также на ее правовую защиту, включая преимущества, привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатической почте, сопровождаемой или не сопровождаемой дипломатическим курьером или дипломатическим курьером *ad hoc* (см. пункты 322—365, ниже).

294. Дипломатическая почта, вверенная командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному члену экипажа, должна отвечать тем же требованиям в отношении внешних знаков, что и почта, сопровождаемая курьером; она должна быть опечатана официальными сургучными печатями или опломбирована свинцовыми пломбами компетентным органом посылающего государства. Тот факт, что почта не сопровождается профессиональным курьером или курьером *ad hoc*, может потребовать даже большей предусмотрительности в отношении использования надлежащих запоров или специальных висячих замков, поскольку она перевозится в качестве груза, вверенного командиру, капитану или члену экипажа. Что касается *видимых внешних знаков*, то они также являются совершенно необходимыми для доказательства официального статуса несопровождаемой почты наряду с документом, указывающим число мест, составляющих дипломатическую почту, и получателя. Также обязательным требованием является необходимость снабжать почту биркой или наклейкой с указанием ее характера как официальной почты, а также отправителя и адресата. Предлагалось, кроме того, установить специальный цвет для несопровождаемой дипломатической почты с тем, чтобы ее можно было быстро обнаружить и облегчить прохождение таможенных и других формальностей на границе государства транзита или принимающего государства.

295. Совершенно ясно, что требования допустимого с точки зрения права содержания дипломатической почты в целом, изложенные в пункте 4 статьи 27 Венской конвенции 1961 года и включенные в пункт 1 статьи 32 настоящего проекта статей, должны быть в полном объеме применены ко всем видам несопровождаемой почты, включая почту, вверенную командиру экипажа самолета или капитану судна. Тем не менее эта норма имеет столь важное значение для должно-

го осуществления официальных сношений и предотвращения злоупотребления дипломатической почтой, что проект статьи о статусе этого вида дипломатической почты должен иметь специальную ссылку на обязательное требование к содержанию почты, согласно которому она должна включать только официальную корреспонденцию и документы или предметы, предназначенные исключительно для официального пользования.

296. Дипломатическая почта, вверенная командиру самолета, капитану судна или уполномоченному члену экипажа, должна пользоваться такой же степенью правовой защиты и такими же возможностями, привилегиями и иммунитетами, какие предоставляются принимающим государством или государством транзита дипломатической почте, сопровождаемой профессиональным курьером или курьером *ad hoc*. Как указывалось во втором докладе Специального докладчика, дипломатическая почта, не находящаяся под непосредственной и постоянной охраной дипломатического курьера, заслуживает даже более серьезных мер защиты и более благоприятного преференциального режима в целях обеспечения ее беспрепятственной и безопасной доставки²⁴⁶. На этот аспект статуса несопровождаемой почты указывали правительства в своих комментариях. Правило, относящееся к правовой защите и неприкосновенности такой почты, было подкреплено в последние десятилетия широко распространенной практикой государств²⁴⁷.

297. Одно из условий обеспечения должной сохранности несопровождаемой дипломатической почты заключается в том, чтобы такая почта вверялась командиру самолета или капитану судна в их качестве начальников или уполномоченному члену экипажа. Некоторые правительства в своих письменных замечаниях особо подчеркнули, что в последнем случае почта должна быть вверена лицу самого высокого ранга на самолете или судне²⁴⁸.

3. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРИНИМАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА ИЛИ ГОСУДАРСТВА ТРАНЗИТА

298. Очевидно, что основные требования для безопасной доставки несопровождаемой дипломатической почты состоят в обязательствах государства транзита или принимающего государства принять необходимые меры для обеспечения защиты дипломатической почты и ее скорейшей передачи по назначению. Эти меры могут быть законодательного или административного характера. Их содержание должно определяться функ-

²⁴⁶ Документ A/C.N.3/47 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункт 175.

²⁴⁷ См. сноску 242, выше.

²⁴⁸ См., например, письменные замечания Чили, пункт 15, в *Ежегоднике... 1979 год*, том II (часть первая), стр. 259, документ A/CN.4/321 и Add.1—7; и второй доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункт 177.

циональной необходимостью, лежащей в основе статуса дипломатической почты, и должно складываться из возможностей для безопасной и быстрой перевозки и доставки почты, ее неприкосновенности, освобождения от таможенного досмотра, пошлин и всех сборов и налогов, а также некоторых других мер защиты, которые могут быть необходимы в особых обстоятельствах. Как указывалось выше (пункты 229—237), практика государств, нашедшая свое отражение в международных соглашениях и национальных законах и правилах, предоставляет достаточный материал относительно применения вышеупомянутых норм. Следует подчеркнуть, однако, что применительно к обсуждаемому вопросу, то есть вопросу о безопасной доставке почты, эти нормы сводятся к общим правилам, связанным с неприкосновенностью почты и процедурой, которую надлежит соблюдать при получении почты уполномоченными членами миссии посылающего государства на погрузочно-разгрузочной площадке, грузовой платформе аэропорта по прибытии самолета или с борта самолета²⁴⁹. Поэтому представляется целесообразным разработать более конкретные нормы.

299. В свете вышеизложенных соображений относительно статуса дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному члену экипажа, Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

Статья 33. Статус дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному члену экипажа

Дипломатическая почта, вверенная командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному члену экипажа, должна отвечать всем требованиям, изложенным в статьях 31 и 32, и пользуется указанными в статьях 35—39 возможностями, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми дипломатической почте принимающим государством или государством транзита во время ее нахождения на их территории.

Е. Статус дипломатической почты, отправляемой через посредство почтовых служб или с использованием других средств

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

300. Другим видом несопровождаемой дипломатической почты является дипломатическая почта,

отправляемая по почтовым каналам или другими средствами, будь то наземный, воздушный или морской транспорт. Общей чертой подобного вида дипломатической почты является то, что она отправляется либо через посредство публичных почтовых служб, либо при помощи обычных коммерческих средств наземного, воздушного и морского сообщения или транспорта, то есть дипломатическая почта перевозится в виде грузов автомобилями, судами, поездами или самолетами. Тем не менее отправка дипломатической почты в виде, с одной стороны, писем, бандеролей или посылок, доставляемых почтовыми службами, и перевозка почты в виде грузов прочими средствами транспорта, с другой стороны, имеют определенные характерные особенности, которые следует принять во внимание. Поэтому предлагается рассмотреть вопрос об отправке дипломатической почты через публичные почтовые каналы отдельно от вопроса об использовании других средств наземного, воздушного или морского транспорта, при том условии, что в обоих случаях предметом рассмотрения является несопровождаемая дипломатическая почта.

**2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЧТОВЫХ СЛУЖБ
ДЛЯ ОТПРАВКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ**

301. Использование публичных почтовых служб и других обычных средств доставки грузов для отправки несопровождаемой дипломатической почты вошло в практику государств задолго до подписания Венской конвенции 1961 года. Нормы, регулирующие доставку подобного вида дипломатической почты, составляли часть обычного международного права и были включены в значительное число двусторонних соглашений и внутригосударственных правил. В то же время динамичное развитие и интенсификация современных дипломатических сношений повысили практическое значение норм, регулирующих отправку дипломатической почты через посредство почтовых служб и с использованием других средств. Вместе с тем можно отметить, что на Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам внимание было сосредоточено главным образом на дипломатической почте, вверяемой командиру экипажа гражданского самолета. Так, в то время как в пункте 7 статьи 27 Венской конвенции 1961 года содержится специальное положение об этом виде дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, в пункте 1 этой же статьи лишь в самых общих выражениях говорится о праве посылающего государства и его представительств использовать «все подходящие средства» сношений. Широкое понятие «все подходящие средства», безусловно, охватывает почтовые службы и другие средства сообщения и транспорта. Однако отсутствие каких-либо конкретных положений, касающихся таких средств отправки несопровождаемой дипломатической почты, оправдывает, как представляется, разра-

²⁴⁹ См. сведения о практике Индонезии, пункт 237, выше.

ботку проекта статьи о статусе подобного рода дипломатической почты.

302. Прежде чем переходить к рассмотрению конкретных особенностей дипломатической почты, отправляемой по публичным почтовым каналам или с использованием других средств, следует, во-первых, подчеркнуть, что основные требования относительно подтверждения специального статуса и содержания дипломатической почты должны в полной мере применяться и к данному виду несопровождаемой почты. Во-вторых, подобного вида дипломатической почте должен предоставляться такой же режим защиты, особенно в отношении ее неприкосновенности и быстрой доставки, что и режим, установленный для дипломатической почты, перевозимой профессиональными дипломатическими курьерами или курьерами *ad hoc*, или дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета, капитану торгового судна или уполномоченному члену экипажа, ибо для надлежащего осуществления официальных сношений крайне важно, чтобы несопровождаемая почта, отправляемая по почтовым каналам или с использованием других средств, доставлялась к месту назначения как можно скорее и без какого-либо посягательства на ее неприкосновенность.

3. ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ, ВКЛЮЧАЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И ВНУТРЕННИЕ ПРАВИЛА, КАСАЮЩИЕСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЧТОВЫХ СЛУЖБ

303. Краткий аналитический обзор практики государств в отношении использования обычных почтовых служб для отправки дипломатической почты может послужить основой для разработки тех конкретных положений на этот счет, которые будут предложены Специальным докладчиком. Указанная практика подкрепляется рядом международных соглашений, внутренними нормами и правилами и дипломатической корреспонденцией. Следует отметить, что двусторонние соглашения по рассматриваемому вопросу могут быть подразделены на три основные категории: а) консульские конвенции, содержащие лишь общее упоминание об использовании публичных или обычных средств сообщения (таких копивций много)²⁵⁰; б) консульские или другие двусторонние соглашения, в которых почтовые службы просто упоминаются в качестве одного из средств сношений и которые не содержат каких-либо конкретных положений об осуществлении

подобного рода дипломатических сношений²⁵¹; и с) специальные соглашения об отправке дипломатической корреспонденции почтой или об обмене дипломатической корреспонденцией посредством авиапочты²⁵². В некоторых государствах были также приняты специальные административные и почтовые правила, имеющие некоторое отношение к рассматриваемой теме²⁵³. Другим источником полезной информации о режиме дипломатической корреспонденции, отправляемой по почте в виде писем, бандеролей или посылок, являются решения руководящих органов ВПС, которые будут кратко рассмотрены в настоящем докладе.

304. В специальных соглашениях об отправке дипломатической почты по почтовым каналам, как правило, содержатся конкретные положения, касающиеся *внешних характеристик* почты, включая видимые внешние знаки, печати и предохранительные устройства, такие как внутренние и внешние замки и предохранительные застёжки. В соглашении между Соединенным Королевством и Мексикой от 27 сентября 1946 года преду-

²⁵¹ См., например, консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Бельгия и Соединенное Королевство (1961 год), статья 17, пункт 1; Соединенное Королевство и Франция (1951 год), статья 13, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Ирландия (1950 год), статья 10, пункт 2; Франция и Камерун (1960 год), статья 12; Чехословакия и Югославия (1963 год), статья 15; Швеция и Соединенное Королевство (1952 год), статья 12, пункт 3.

²⁵² См., например, ноты о дипломатической корреспонденции, которыми обменялись следующие государства: *Бразилия и Аргентина* — обмен нотами, составляющими соглашение об обмене официальной корреспонденцией посредством дипломатической почты (6 июля 1961 года); *Бразилия и Венесуэла* — обмен нотами, составляющими административное соглашение об обмене официальной корреспонденцией посредством авиапочты (30 января 1946 года); *Бразилия и Уругвай* — обмен нотами, составляющими административное соглашение об обмене дипломатической корреспонденцией в специальных вализах посредством авиапочты (16 декабря 1944 года); *Соединенное Королевство и Доминиканская Республика* — обмен нотами, составляющими соглашение об обмене через почтовые каналы без франкирования дипломатической почтой, содержащей несекретную корреспонденцию (1 и 9 августа 1956 года); *Соединенное Королевство и Мексика* — обмен нотами, составляющими соглашение о передаче дипломатической корреспонденции между Лондоном и Мехико (27 сентября 1946 года); *Соединенное Королевство и Нидерланды* — обмен нотами, составляющими взаимное соглашение об обмене через почтовые каналы без франкирования дипломатической почтой, содержащей несекретную корреспонденцию (30 ноября 1951 года); *Соединенное Королевство и Норвегия* — обмен нотами, составляющими соглашение о передаче посредством почты дипломатической корреспонденции (23 декабря 1946 года и 15 января 1947 года); *Эквадор и Бразилия* — обмен нотами, составляющими соглашение об обмене дипломатической корреспонденцией в специальных вализах посредством авиапочты (15 ноября 1946 года и 31 мая 1947 года).

²⁵³ См., например, *United States of America, Code of Federal Regulations, Title 39 — Postal Service (Revised as of August 1973)*, Washington, D. C., 1973, p. 63, part 56, para. 56.1, «Consular and commercial invoices»; Colombia, article 49 of the Decree No. 3135 of 20 December 1956 [Pan American Union, *op. cit.* (сноска 200, выше), p. 270]; Ecuador, article 13 of the Decree No. 1422 of 31 December 1963 (*idem*, p. 292).

²⁵⁰ Практически во всех консульских и других двусторонних соглашениях, упомянутых в ходе исследования рассматриваемой темы в предыдущих и настоящем докладах, содержится общее положение относительно использования «обычных средств сношений», «публичных средств сношений», «подходящих средств сношений» или «соответствующих средств сношений». См., например, консульские конвенции, упомянутые в сносках 194, 218, 219 и 233, выше.

смачивается: «Почта должным образом опечатывается и при желании закрывается на замки, ключи от которых хранятся в соответствующих министерствах иностранных дел и посольствах». Идентичные положения включены в соглашения между Соединенным Королевством и Нидерландами и Соединенным Королевством и Доминиканской Республикой. В ноте посольства Соединенного Королевства в Осло от 2 сентября 1947 года министерству иностранных дел Норвегии, направленной в ходе обмена нотами между правительствами этих стран по вопросу об отправке дипломатической корреспонденции через посредство почтовых служб, заявлялось следующее:

При этом понимается, что вализа, отправляемая авиапочтой, должна иметь четкие знаки, указывающие на то, что она предназначена для пересылки именно таким образом, а что касается почты, отправляемой норвежским самолетом в Лондоне, то она должна перевозиться самолетами компании «Бритиш юропнен эйрлайнз» или же компании «Норвиджен эйрлайнз», осуществляющими полеты из Лондона в Осло.

Со своей стороны, министерство иностранных дел Норвегии в своей ноте от 30 октября 1947 года подтвердило такое понимание воздушной перевозки четко обозначенной и опечатанной дипломатической почты. В соглашениях, заключенных Бразилией с Аргентиной, Венесуэлой, Уругваем и Эквадором, также содержатся указания на «специальную дипломатическую вализу» или «специальную вализу», снабженные внутренними замками, висячими замками, предохранительными застёжками и другими предохранительными устройствами, ключи и инструменты для вскрытия которых хранятся в министерствах иностранных дел посылающего государства или в его посольствах. В соответствии с преобладающей государственной практикой использование такого предохранительного оборудования является факультативным. Общее правило состоит в том, что дипломатическая почта, отправляемая по почтовым каналам, должна иметь видимые внешние знаки и печати, свидетельствующие о ее официальном характере.

305. В большинстве специальных соглашений об отправке дипломатической почты через посредство почтовых служб содержатся конкретные предложения, касающиеся максимальных размеров и веса грузов²⁵⁴. В некоторых соглашениях особо

²⁵⁴ Взаимно согласованные стандарты веса составляют от 2 до 30 и более кг, а стандарты размера — от 30×40 см до 124×66 см. В некоторых случаях установлены различные нормы для воздушных и наземных или морских отправок. В соглашениях между Бразилией и Аргентиной максимальный вес дипломатической почты установлен 15 кг, а ее максимальные размеры — 50×50 см; в соглашении между Бразилией и Венесуэлой — 5 кг и 60×40 см; в соглашении между Бразилией и Уругваем — 2 кг и 40×30 см; в соглашении между Эквадором и Бразилией — 2 кг и 40×60 см. В соответствии с обычной практикой Соединенного Королевства, нашедшей свое выражение в ряде специальных соглашений, вес дипломатической почты не должен превышать 66 фунтов (30 кг), а ее размеры — 49×26 дюймов (124×

указывается вид контейнера, например мешки, вализы, сумки, легкие сумки и пакеты и т. д., или материал, из которого делаются эти контейнеры, например брезент или другой более легкий материал²⁵⁵. В соглашении между правительством Эквадора и правительством Бразилии предусматривается, что каждой стране «разрешено отправлять авиапочтой не более 4 мешков в месяц»²⁵⁶. В ряде соглашений конкретно указывается, что они согласованы с международными почтовыми правилами, установленными ВПС.

306. Во всех рассматриваемых специальных соглашениях содержание дипломатической почты определяется такими общими терминами, как «дипломатическая корреспонденция», «официальная корреспонденция», «дипломатическая почта» и т. д., причем какие-либо требования, касающиеся допустимого содержания почты, конкретно не указываются. Одной из причин этого, возможно, является тот факт, что большинство этих соглашений были заключены до подписания Венской конвенции 1961 года. Вместе с тем очевидно, что содержащееся в пункте 4 статьи 27 этой Конвенции правило, касающееся содержания дипломатической почты, является частью обычного международного права и получило общее признание еще до заключения Конвенции. В указанных выше двусторонних соглашениях, как правило, используются термины «дипломатическая корреспонденция» или «дипломатическая почта», однако очевидно, что эти понятия охватывают также предметы, используемые в официальных целях. В специальных соглашениях об отправке дипломатической почты через посредство почтовых служб устанавливаются обязательства государств-участников и их почтовых администраций содействовать пересылке и доставке почты. В соглашениях между Бразилией и Аргентиной об обмене официальной почтой в дипломатических визитах от 6 июля 1961 года предусматривается:

Почтовые власти обеих стран принимают необходимые дополнительные меры для надлежащей пересылки почты и по общему соглашению и в свете практического опыта соответственно Бразилии и Аргентине устанавливаются дата и время передачи вализы, которая отправляется местными почтовыми отделениями в таких же почтовых мешках, которые используются для регулярного почтового сообщения между двумя странами.

307. В большинстве специальных соглашений также предусматриваются конкретные процедуры, направленные на содействие пересылке несопровождаемой дипломатической почты. В соответствии с этими соглашениями государства-участники обязуются заключить необходимые ад-

66 см) (см. обмен нотами между Соединенным Королевством и многими государствами, упомянутый в списке 252, выше).

²⁵⁵ См., например, обмен нотами между Бразилией и Венесуэлой, между Соединенным Королевством и Норвегией и между Эквадором и Бразилией (там же).

²⁵⁶ См., например, обмен нотами между Соединенным Королевством и Доминиканской Республикой и между Соединенным Королевством и Нидерландами (там же).

министративные соглашения со своими национальными или иностранными авиакомпаниями с целью обеспечения быстрой доставки дипломатической почты, отправляемой по почтовым каналам²⁵⁷. В некоторых случаях в соглашениях содержатся специальные положения об отправке на основе взаимности срочных писем, бандеролей и других почтовых отправлений, в отношении которых такой способ пересылки оправдан²⁵⁸.

308. Внутренние нормы и правила ряда государств, касающиеся пересылки дипломатической почты по почтовым каналам или с использованием других средств, соответствуют указанным выше специальным соглашениям. В некоторых случаях национальные административные нормы и правила построены на основе этих соглашений или направлены на их осуществление. Так, указ № 3135 правительства Колумбии от 20 декабря 1956 года в статье 49 постановляет:

Обмен дипломатической почтой регулируется специальными соглашениями между Колумбией и странами, имеющими дипломатические представительства в Боготе, или действующими правилами Всемирного почтового союза. Во всех случаях при этом понимается, что такая почта содержит только официальные документы или издания и что добавления к дипломатической почте, поступающей в Колумбию, не могут быть приняты²⁵⁹.

309. Указанием на официальный характер дипломатической почты, отсылаемой в виде почтового отправления, служат документы, которые выдаются почтовым учреждением по получении груза и отсылаются грузополучателю. Например, в Федеральных правилах Почтовой службы Соединенных Штатов содержится специальное положение (пункт 56.1) о «консульских и коммерческих счетах-фактурах», в котором указывается:

Во многих странах требуются специальные документы, которые подготавливаются отправителем и либо предъявляются получателем, либо прилагаются к отправлению²⁶⁰.

310. Этот обзор практики государств позволяет обнаружить некоторые важные аспекты рассматриваемой проблемы. Из него следует: а) определенные нормы, регулирующие пересылку дипломатической почты через посредство обычных почтовых служб, содержатся в международных соглашениях и национальных правилах; б) эти нормы применяются на основе взаимности между государствами — участниками специальных соглашений; и с) возможно, было бы более целесообразно попытаться унифицировать существующие нормы и расширить их область применения. Эта цель может быть достигнута путем процесса согласованной кодификации, как в рамках ВПС, так и вне его, в отношении международных

норм и правил, регулирующих пересылку дипломатической корреспонденции через посредство почтовых служб.

311. В таком случае ВПС мог бы изменить международные правила таким образом, чтобы они предусматривали специальный режим в отношении пересылки дипломатической почты. Процесс кодификации вне ВПС мог бы заключаться в разработке общих правовых рамок, предусматривающих расширение защиты дипломатической почты посредством двусторонних соглашений между государствами. Эти два метода являются не только взаимно сопоставимыми, но и неизбежно взаимозависимыми. Отсутствие прогресса в применении первого из них может, как будет разъяснено несколько ниже, вызвать необходимость сделать упор на втором методе, а именно на кодификации и развитии некоторых норм, регулирующих пересылку дипломатической почты по почтовым каналам. Необходимость такой кодификации становится еще более очевидной, если учесть тот факт, что в Венской конвенции 1961 года и в других кодификационных конвенциях в области дипломатического права не содержится конкретных положений по этому вопросу.

4. ПОЗИЦИЯ ВСЕМИРНОГО ПОЧТОВОГО СОЮЗА

312. Вопрос о пересылке дипломатической корреспонденции через посредство почтовых служб в качестве специальной категории «дипломатической почты» уже имеет свою собственную историю. Однако в данном докладе изложение истории изучения этого вопроса различными органами ВПС будет ограничено лишь весьма кратким обзором принятых Всемирным почтовым конгрессом и Исполнительным советом ВПС решений, имеющих отношение к рассматриваемой теме. Этот вопрос был впервые поднят в 1972 году и с того времени постоянно находится в поле зрения. В последний раз руководящий орган ВПС рассматривал его в ходе конгресса, проводившегося в Рио-де-Жанейро в 1979 году.

313. Всемирный почтовый конгресс, состоявшийся в 1974 году в Лозанне, в своем решении поручил Исполнительному совету «продолжить исследование пересылки официальной корреспонденции дипломатических представительств, консульств и межправительственных международных организаций по почте»²⁶¹. Это исследование, основанное на специальном вопроснике²⁶², разработанном Четвертым комитетом, который занимается вопросами доставки почтовой корреспонденции, было проведено Нидерландами

²⁵⁷ См., например, пункт 6 ноты № 83 посольства Бразилии в Монтевидео от 16 декабря 1944 года, направленной правительству Уругвая в ходе обмена нотами между этими двумя государствами (там же).

²⁵⁸ См. обмен нотами между Соединенным Королевством и Нидерландами (там же).

²⁵⁹ См. сноску 253, выше.

²⁶⁰ *Code of Federal Regulations, Title 39 — Postal Service (ibid.)*.

²⁶¹ См. *Les Actes de l'Union postale universelle, révisés à Lausanne 1974 et annotés par le Bureau international*, 2e fascicule, Berne, 1975, p. 297, décision C 42 (III 875).

²⁶² См. ВПС, документ CE/C 4—Дос. 22 (пункт 8 повестки дня майской сессии 1977 года Исполнительного совета). См. в особенности в пунктах 12—19 этого документа замечания запрошенных почтовых администраций.

в сотрудничестве с Международным бюро ВПС. Этим исследованием была охвачена 61 национальная почтовая администрация. Главная проблема состояла в том, чтобы выяснить возможность разработки международных правил о пересылке дипломатической почты путем создания в международной почтовой службе *новой категории почтовых отправлений* под названием «дипломатическая почта». С этой проблемой тесно связан вопрос о специальном режиме, который необходимо предоставить этой новой категории почтовых отправлений.

314. Значительное большинство (72%) почтовых администраций, мнение которых было запрошено, высказали ту точку зрения, что «дипломатическая почта», с учетом пункта 1 статьи 27 Венской конвенции 1961 года, может пересылаться по почте. Одна администрация отметила, что по причинам безопасности она хотела бы, чтобы были установлены гарантии анонимности этих отправлений в процессе обработки почты. Однако еще большее количество администраций, мнение которых было запрошено (80%), отказались увязывать принятие «дипломатической почты» международными почтовыми службами с созданием новой категории почтовых отправлений. Среди почтовых администраций, выступивших за создание такой новой категории отправлений, 13 администраций высказали мнение о том, что максимальный допустимый вес таких отправлений должен составлять от 2 до 30 кг, однако наиболее предпочтительным было бы установить предельный вес в 10 кг. Лишь две администрации выступили за предоставление дипломатической почте освобождения от уплаты почтовых сборов, причем, как указала одна из этих администраций, на взаимной основе, в то время как остальные 59 администраций выступили против предоставления такого освобождения. Что касается специального режима, то мнения по этому вопросу разделились, однако в большинстве оказались администрации, занявшие негативную позицию. Идея о помещении дипломатической почты в почтовые мешки специального цвета была также отвергнута.

315. Было выдвинуто предложение об установлении международных правил путем включения в акты факультативных положений о специальной категории «дипломатическая почта». По этому вопросу мнения разделились — 31 администрация выступила за, 27 против и 3 воздержались, — что служит свидетельством того, что такое предложение не получит значительной поддержки почтовых администраций. В то же время довольно значительное большинство выступило за международную пересылку дипломатической почты на основе двусторонних и многосторонних соглашений.

316. Результаты этого исследования были представлены на проходившем в 1979 году в Рио-де-Жанейро Всемирном почтовом конгрессе в связи с рассмотрением возможных поправок к статье

18, касающейся пересылки письменных отправок. Было отмечено, что почтовые администрации обязаны уважать средства сношений, имеющиеся в распоряжении дипломатических представительств, консульских учреждений, специальных миссий, постоянных представительств, делегаций государств при международных организациях в соответствии с Венской конвенцией 1961 года (статья 27), Венской конвенцией 1963 года (статья 35), Конвенцией о специальных миссиях (статья 28), Венской конвенцией 1975 года (статья 27). Конгресс принял к сведению выводы, содержащиеся в докладе Исполнительного совета, основанном на исследовании, которое было проведено во исполнение решения Конгресса в Лозанне. В докладе отмечалось, что большинство почтовых администраций, мнение которых было запрошено, выступили против создания новой категории почтовых отправлений. Вместе с тем, как отмечалось далее, почтовые администрации не имели возражений против пересылки «официальной корреспонденции», а также «дипломатической почты» по каналам почтовых служб, которые обрабатывали бы их в таком же порядке, как и другие письменные почтовые отправления. Наконец, было указано на то, что международная пересылка дипломатической почты по-прежнему должна регулироваться на основе двусторонних или многосторонних соглашений, которые могут заключаться почтовыми администрациями²⁶³. В своих выводах, представленных Конгрессу, Исполнительный совет подчеркнул, что

пересылка дипломатической почты на основе двусторонних соглашений, как это практиковалось до настоящего времени, никогда не вызвала жалоб со стороны соответствующих представительств и не была причиной возникновения каких-либо сложностей в их деятельности²⁶⁴.

317. Краткий обзор обсуждений, проходивших на различных сессиях органов ВПС в связи с рассмотрением вопроса о статусе дипломатической почты, пересылаемой по почтовым каналам, показывает, что, в то время как большинство почтовых администраций выступили против создания специальной категории почтовых отправлений для дипломатической почты, они не возражали против практики пересылки дипломатической почты по каналам международных почтовых служб и выступили за осуществление такой пересылки на основе двусторонних или многосторонних соглашений. В этой связи можно отметить, что нынешняя работа Комиссии международного права по рассматриваемой в настоящем докладе теме вполне может стать правовой основой для общих юридических рамок в отношении пересылки дипломатической почты по почтовым каналам.

²⁶³ См. *Les Actes de l'Union postale universelle révisés à Rio de Janeiro 1979 et annotés par le Bureau international*, 2e fascicule, Berne, 1980, p. 24 et 25.

²⁶⁴ ВПС, документ CE/C 4 — Doc. 22 (см. сноску 262, выше), пункт 22.

5. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОЧТА, ПЕРЕСЫЛАЕМАЯ ОБЫЧНЫМИ ВИДАМИ НАЗЕМНОГО, ВОЗДУШНОГО ИЛИ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА

318. Пересылка дипломатической почты в качестве грузов при помощи коммерческих средств наземного, воздушного или морского транспорта широко применялась в практике государств задолго до подписания Венской конвенции 1961 года. Подобный вид официальных сношений применялся, в частности, для пересылки тяжелых и объемных грузов или несекретной корреспонденции, документов и других предметов, таких как книги, экспонаты, фильмы и прочие предметы, предназначенные для официального использования дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями и другими миссиями.

319. В четырех кодификационных конвенциях не содержится конкретных положений, касающихся данного вида несопровождаемой дипломатической почты. Возможность использования такой дипломатической почты может, однако, быть выведена из пункта 1 статьи 27 Венской конвенции 1961 года и соответствующих положений других кодификационных конвенций, в которых говорится о «всех подходящих средствах», которые могут быть использованы для официальных сношений. Тем не менее некоторые аспекты правового статуса несопровождаемой дипломатической почты, пересылаемой при помощи обычных коммерческих средств транспорта, заслуживают специального рассмотрения.

320. Правила, применяемые по отношению к подтверждению статуса, внешним характеристикам, требованиям в отношении содержания почты и предоставляемому ей режиму, должны применяться *mutatis mutandis* к данному виду несопровождаемой дипломатической почты. В соответствии с установившейся практикой дипломатическая почта, пересылаемая в виде грузов железнодорожным, автомобильным, воздушным или морским транспортом, должна иметь официальные печати и другие видимые внешние знаки, а также при необходимости быть снабжена надлежащими предохранительными устройствами, такими как внутренние замки, висячие замки и предохранительные застёжки. Коносамент, прилагаемый к грузу, может быть использован в качестве документа, указывающего на статус дипломатической почты, грузоотправителя и грузополучателя. Некоторые внутренние правила прямо требуют, чтобы официальный характер груза был объявлен в коносаменте²⁶⁵. Несопровождаемая дипломатическая почта, пересылаемая наземным, морским или воздушным транспортом,

должна пользоваться неприкосновенностью и другими привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми любому виду дипломатической почты. Пересылка такой несопровождаемой почты налагает на принимающее государство или государство транзита, а также на их портовые, таможенные, транспортные, санитарные и другие власти определенные обязательства по обеспечению безопасной и быстрой доставки почты.

321. В свете вышележащих соображений относительно статуса дипломатической почты, отправляемой через посредство почтовых служб или с использованием других средств, Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и предварительное утверждение следующий проект статьи:

Статья 34. Статус дипломатической почты, отправляемой через посредство почтовой службы или с использованием других средств

1. Дипломатическая почта, отправляемая через посредство почтовой службы или с использованием других средств, будь то наземный, воздушный или морской транспорт, должна отвечать всем требованиям, предусмотренным в статье 31, и должна пользоваться указанными в статьях 30—39 преимуществами, привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми дипломатической почте принимающим государством или государством транзита во время нахождения на их территории.

2. Условия и требования в отношении международной пересылки дипломатической почты через посредство почтовых служб, включая видимые внешние знаки, максимальные размеры и вес почты, должны соответствовать международным правилам, установленным Всемирным почтовым союзом или определенным в соответствии с двусторонними или многосторонними соглашениями между государствами или их почтовыми администрациями. Почтовые власти принимающего государства или государства транзита должны содействовать безопасной и быстрой пересылке дипломатической почты, отправляемой через посредство их почтовых служб.

3. Условия и требования в отношении отправки дипломатической почты с использованием обычных средств транспорта, будь то наземного, воздушного или морского, должны соответствовать нормам и правилам, применимым к соответствующим средствам транспорта, а коносамент должен служить в качестве документа, указывающего на официальный статус дипломатической почты. Компетентные власти принимающего государства или государства транзита должны содействовать безопасной и быстрой пересылке дипломатической почты, отправляемой через порты этих государств.

²⁶⁵ См., например, статью 22 указа № 4891 правительства Аргентины от 21 июня 1961 года, измененного указом № 3408 от 12 апреля 1966 года (пункт 235, выше).

Ф. Общие возможности, предоставляемые дипломатической почте

322. Положение об общих возможностях следует применять ко всем видам дипломатической почты независимо от того, сопровождается ли она дипломатическим курьером. Можно только добавить, что на практике несопровождаемая дипломатическая почта, особенно почта, отправляемая через посредство почтовых служб или с использованием других средств транспорта, требует большего внимания к вопросам обеспечения ее безопасности и своевременной доставки. Поэтому в зависимости от используемых транспортных средств и конкретных обстоятельств общие возможности, предоставляемые дипломатической почте, всегда следует рассматривать исходя из функциональной необходимости и фактических потребностей в помощи.

323. Положение об общих возможностях также следует рассматривать в тесной связи со всеми другими положениями, в которых содержится прямое или косвенное упоминание о необходимости предоставления определенной помощи или оказания содействия со стороны принимающего государства или государства транзита и их властей для надлежащего функционирования официальных сношений путем использования дипломатической почты. Рамки общих возможностей должны определяться официальной функцией дипломатической почты и условиями, которые являются необходимыми для безопасной и быстрой доставки почты к месту ее назначения. Поскольку не только нецелесообразно, но и невозможно более конкретно указать, какими являются эти возможности, представляется желательным найти общую формулу вместо того, чтобы пытаться свести их к какому-либо перечислению. В соответствии с такой общей нормой на принимающем государстве и государстве транзита лежит обязанность предоставлять дипломатической почте независимо от того, сопровождается она дипломатическим курьером или нет, все возможности, необходимые для ее надлежащей доставки.

324. Очевидно, конечно, что такие возможности должны предоставляться прежде всего, когда это необходимо для скорейшей *перевозки и доставки почты*. В некоторых обстоятельствах для несопровождаемой дипломатической почты может потребоваться предоставление благоприятного или даже преференциального режима в случае скопления транспорта или других транспортных проблем. Предоставление специальных возможностей дипломатической почте может оказаться необходимым также в отношении *пропускных процедур и формальностей*, применяемых к поступающим и отправляемым грузам. В соответствующих проектах статей необходимо предусмотреть наиболее важные положения, касающиеся защиты дипломатической почты и предоставляемых ей иммунитетов, привилегий и освобождений.

325. В свете вышеизложенных соображений относительно общих возможностей, предоставляемых всем видам дипломатической почты, Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

Статья 35. Общие возможности, предоставляемые дипломатической почте

Принимающее государство и государство транзита должны предоставлять все возможности, необходимые для безопасной и быстрой перевозки и доставки дипломатической почты.

Г. Неприкосновенность дипломатической почты

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

326. Неприкосновенность дипломатической почты всегда являлась самым существенным элементом статуса этого важного средства сношений. Принцип, в соответствии с которым дипломатическая почта не подлежит вскрытию, досмотру или задержанию, был закреплен в качестве давно сложившейся и широко признанной нормы, и тем не менее он становился объектом возражений на том основании, что им злоупотребляют. Иммунитет от досмотра почты рассматривается как отрицание основного принципа неприкосновенности архивов и документов представительства, который является общепризнанным принципом обычного международного права. Тем не менее случаи предполагаемого злоупотребления им либо со стороны посылающего, либо со стороны принимающего государства часто являлись причиной споров. Дипломатическая почта в некоторых случаях использовалась для незаконного ввоза или вывоза иностранной валюты, наркотических средств, оружия или других предметов в нарушение существующих норм, касающихся допустимого содержания почты, что отрицательно сказывалось на законных интересах принимающих государств. С другой стороны, в некоторых случаях посылающие государства испытывали подозрения, поскольку считали, что требования о вскрытии дипломатической почты или ее досмотре или проверке при помощи современных электронных или технических средств ввиду предполагаемого незаконного содержания почты были вызваны стремлением раскрыть государственные секреты. Поэтому было бы целесообразно предложить формулу, в которой наряду с принципом неприкосновенности содержались бы и гарантийные положения превентивного характера, которые отвечали бы на законную озабоченность принимающего государства или государства транзита.

327. Основными нормами, лежащими в основе принципа правовой защиты дипломатической почты и ее неприкосновенности, являются соответствующие положения Венской конвенции

1961 года (к ним относятся статья 24 о неприкосновенности архивов и документов дипломатического представительства и пункт 3 статьи 27, гласящий, что «дипломатическая почта не подлежит ни вскрытию, ни задержанию») и соответствующие статьи других кодификационных конвенций в области дипломатического права. Другим важным источником является договорная практика государств и национальное законодательство, служащие в качестве основы для норм, которые будут представлены на рассмотрение.

2. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

328. В предыдущих докладах по данной теме содержится всеобъемлющий обзор подготовительной работы, связанной с Венской конвенцией 1961 года и другими кодификационными конвенциями, касающимися правового статуса дипломатической и другой почты и ее неприкосновенности²⁶⁶. Поэтому рассмотрение исторического развития положений о неприкосновенности дипломатической почты будет ограничено только некоторыми наиболее важными моментами, связанными с процессом кодификации в этой области.

329. Пункт 2 первоначального текста проекта статьи 16, который Специальный докладчик по вопросу о дипломатических сношениях и иммунитетах представил Комиссии на ее седьмой сессии в 1955 году, гласил:

2. Дипломатическая вализа освобождается от досмотра, если только нет весьма серьезных оснований предполагать, что она содержит незаконные предметы. Вализа может быть вскрыта только с разрешения министерства иностранных дел государства пребывания и в присутствии уполномоченного представителя представительства²⁶⁷.

330. Этот проект статьи широко обсуждался в Комиссии международного права. В результате первоначальный текст был снят и пересмотрен Специальным докладчиком. В основе пересмотренного проекта, представленного Комиссии на ее девятой сессии в 1957 году, лежала концепция абсолютной неприкосновенности. В нем просто предусматривалось, что «дипломатическая вализа освобождается от досмотра»²⁶⁸. Специальный докладчик, объясняя причины столь коренного изменения проекта статьи, заявил, что

он составил проект до того, как имел возможность изучить национальные законы по данному вопросу. Обнаружив, что ни в одном из многих национальных законов по вопросу о дипломатической почте не предусматривается каких-либо изъятий из принципа неприкосновенности*, он пришел к выводу, что будет лучше изложить в этой статье сам принцип и выяснить мнение Комиссии относительно того, включать ли в комментарий ограничение, аналогичное тому, которое он включил в свой первоначальный текст²⁶⁹.

²⁶⁶ См. второй доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/348 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункты 126—186.

²⁶⁷ *Ежегодник...*, 1955 год, том II, стр. 11 англ. текста, документ A/CN.4/91.

²⁶⁸ *Ежегодник...*, 1957 год, том I, стр. 74 англ. текста, 398-е заседание, пункт 27.

²⁶⁹ *Там же*, стр. 80 англ. текста, 399-е заседание, пункт 29.

331. В ходе рассмотрения пересмотренного текста в 1957 году некоторые члены Комиссии высказывались в пользу полной неприкосновенности почты при всех обстоятельствах, в то время как другие указывали на опасность злоупотребления почтой. В конечном итоге было достигнуто компромиссное решение на основе предложения Специального докладчика о том, что в проекте статьи следует изложить общий принцип неприкосновенности, а в комментарии отразить вопрос об ограничении²⁷⁰.

332. Таким образом, принятый Комиссией окончательный текст положений о неприкосновенности дипломатической почты гласил следующее:

Статья 35. Свобода сношений

3. Дипломатическая вализа не подлежит вскрытию или задержанию²⁷¹.

В соответствующей части комментария к этому положению отмечалось, что

Комиссия полагала, что указанию на неприкосновенность дипломатической вализы должно предшествовать более общее указание на неприкосновенность официальной корреспонденции представительства, отправляемой дипломатическими вализами или иначе...

Комиссия приняла во внимание, что дипломатические вализы в некоторых случаях вскрывались с разрешения министерства иностранных дел государства пребывания и в присутствии представителя соответствующего представительства. Учитывая, что государства должны были прибегать к таким мерам в исключительных случаях, когда были серьезные основания подозревать, что дипломатической вализой пользуются способом, противоречащим пункту 4 этой статьи, принося таким образом ущерб интересам государства пребывания, Комиссия желает тем не менее подчеркнуть то огромное значение, которое она придает соблюдению принципа неприкосновенности дипломатической вализы²⁷².

333. В 1961 году на Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитетам было внесено несколько поправок, направленных на ограничение тем или иным образом безусловной неприкосновенности дипломатической почты, как это предусматривалось в проекте статьи, представленном Комиссией международного права²⁷³. Так, в поправке Ганы предусматривалось право посылающего государства изымать невскрытую почту, в отношении которой имеется подозрение о том, что она содержит иные предметы, чем предметы, предназначенные для официального пользования²⁷⁴. Все

²⁷⁰ *Там же*, стр. 77—83 англ. текста, 398-е заседание, пункты 84—100, и 399-е заседание, пункты 1—77.

²⁷¹ *Ежегодник...*, 1958 год, том II, стр. 96 англ. текста, документ A/3859, глава III, раздел II.

²⁷² *Там же*, пункты 4 и 5 комментария.

²⁷³ *Official Records of the United Nations Conference on Diplomatic Intercourse and Immunities*, vol. II, p. 20, document A/CONF.20/C.1/L.125 (France); pp. 22—23, document A/CONF.20/C.1/L.151/Rev.2 (United Arab Republic), document A/CONF.20/C.1/154 (United States of America); p. 38, document A/CONF.20/C.1/L.286 (France and Switzerland).

²⁷⁴ *Ibid.*, p. 42, document A/CONF.20/C.1/L.294.

эти поправки были отклонены Конференцией²⁷⁵, и в результате проект текста, предложенный Комиссией, был принят в качестве пункта 3 статьи 27.

334. В ходе подготовительной работы над Конвенцией о консульских сношениях в 1957—1961 годах Комиссия международного права широко обсудила вопрос о неприкосновенности консульской вализы. По этому вопросу высказывались различные мнения. Некоторые члены Комиссии утверждали, что консульская вализа также содержит официальную корреспонденцию и поэтому она с полным правом должна пользоваться таким же режимом, как и дипломатическая почта²⁷⁶. Высказывалось также мнение о том, что в исключительных обстоятельствах консульская вализа может быть вскрыта. Однако подавляющее большинство высказывалось в пользу полной неприкосновенности консульской вализы. В итоге окончательный текст пункта 3 статьи 35, принятый Комиссией на ее тринадцатой сессии в 1961 году, гласил:

3. Консульская вализа, подобно вализе дипломатической, не подлежит ни вскрытию, ни задержанию²⁷⁷.

В своем комментарии к этому положению Комиссия отметила, что

консульская вализа не должна ни вскрываться, ни задерживаться. Это правило, изложенное в пункте 3, является логическим выводом из правила, предусматривающего неприкосновенность официальной консульской корреспонденции, архива и документов²⁷⁸.

Затем Председатель Редакционного комитета разъяснил, что слова «подобно вализе дипломатической» были включены потому, что консульские документы иногда отправляются с дипломатической почтой²⁷⁹.

335. В 1963 году на Конференции Организации Объединенных Наций по консульским сношениям к пункту 3 проекта статьи 35 было предложено несколько поправок, предусматривающих ограничение безусловной неприкосновенности консульской вализы²⁸⁰. Эти поправки были решительно отвергнуты представителями, отдававшими предпочтение тексту, предложенному Комиссией, в котором подтверждался принцип абсолютной неприкосновенности консульской вализы. Один из представителей заметил, например, что

²⁷⁵ *Ibid.*, vol. I, pp. 180—181. *Committee of the Whole*, 29th meeting, paras. 72—79.

²⁷⁶ *Ежегодник...*, 1960 год, том I, стр. 27—28 англ. текста, 531-е заседание, пункты 37—53.

²⁷⁷ *Ежегодник...*, 1961 год, том II, стр. 111 англ. текста, документ A/4843, глава II, раздел IV.

²⁷⁸ Там же, пункт 5 комментария.

²⁷⁹ *Ежегодник...*, 1961 год, том I, стр. 242 англ. текста, 619-е заседание, пункт 24.

²⁸⁰ *Official Records of the United Nations Conference on Consular Relations*, vol. II, p. 81, document A/CONF.25/C.2/L.73 (Federal Republic of Germany), document A/CONF.25/C.2/L.75 (South Africa); p. 83, document A/CONF.25/C.2/L.91 (Spain); p. 85, document A/CONF.25/C.2/L.108 (Nigeria).

также выражения, как «серьезные основания», используемые в этих поправках, оставляют много места для толкования со стороны принимающего государства и могут привести к злоупотреблениям и ограничению свободы сношений посылающего государства²⁸¹.

Другой представитель утверждал, что эти поправки только создадут дополнительные возможности для трений, подозрений и недоразумений²⁸².

336. Конференция приняла 46 голосами против 15 при 3 воздержавшихся²⁸³ комбинированную поправку, предложенную Федеративной Республикой Германии. В результате, хотя в пункте 3 статьи 35 и предусматривается, что «консульская вализа не подлежит ни вскрытию, ни задержанию», в нем допускается, однако, что «в тех случаях, когда компетентные власти государства пребывания имеют серьезные основания полагать, что в вализе содержится что-то другое, кроме корреспонденции, документов или предметов», предназначенных исключительно для официального пользования, «они могут потребовать, чтобы вализа была вскрыта в их присутствии уполномоченным представителем представляемого государства». Далее в этом пункте предусматривается, что в случае отказа со стороны властей представляемого государства выполнить это требование вализа возвращается в место отправления²⁸⁴. Очевидно, что в Венскую конвенцию 1963 года включено ограничение принципа неприкосновенности консульской почты. Как отмечалось Специальным докладчиком в его втором докладе, это ограничение «представляет собой серьезное отклонение от принципа свободы сношений для всех официальных целей и затрагивает неприкосновенность консульской вализы»²⁸⁵.

337. В последующих двух кодификационных конвенциях, а именно в Конвенции о специальных миссиях и Венской конвенции 1975 года, был отвергнут подход, использованный на этот счет в Венской конвенции 1963 года. Напротив, в них был подтвержден принцип абсолютной неприкосновенности почты специальной миссии (пункт 4 статьи 28) и почты постоянного представительства или делегации (пункт 3 статьи 27 и пункт 4 статьи 57) и был воспроизведен с соответствующими изменениями пункт 3 статьи 27 Венской конвенции 1961 года.

3. СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ, ОТНОСЯЩАЯСЯ К НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

338. В большинстве двусторонних консульских конвенций, в том числе в тех, которые были заключены после вступления в силу Венской конвенции 1963 года, предусматривается, что консуль-

²⁸¹ *Ibid.*, vol. I, p. 321, *Second Committee*, 13th meeting, para. 40.

²⁸² *Ibid.*, p. 324, para. 67.

²⁸³ *Ibid.*, p. 325, para. 79.

²⁸⁴ Document A/CONF.25/C.2/L.73, см. сноску 280, выше.

²⁸⁵ Документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункт 168.

ская почта неприкосновенна и что она не подлежит ни досмотру, ни задержанию властями принимающего государства²⁸⁶. Таким образом, несмотря на положение, содержащееся в пункте 3 статьи 35 Венской конвенции 1963 года, в них отражен принцип безусловной неприкосновенности дипломатической почты, изложенный в пункте 3 статьи 27 Венской конвенции 1961 года. Это, как представляется, является господствующей тенденцией в современной практике государств, что подтверждается многочисленными двусторонними соглашениями, заключенными между государствами, которые являются также участниками Венских конвенций 1961 и 1963 годов.

339. Однако есть ряд двусторонних конвенций, в которых предусматривается, что власти принимающего государства могут в особых случаях потребовать вскрытия опечатанной консульской вализы в их присутствии, с тем чтобы установить, что в ней не содержится ничего иного, кроме официальной корреспонденции. Например, в пункте 4 статьи 12 Консульской конвенции между Соединенным Королевством и Норвегией (1951 год) предусматривается:

4. Официальная консульская корреспонденция... неприкосновенна, и территориальные власти не должны подвергать ее досмотру или задержанию. Однако в особых случаях они могут потребовать вскрытия опечатанных консульских вализ, мешков и иных контейнеров в их присутствии консульским должностным лицом, с тем чтобы они могли убедиться в том, что эти контейнеры не содержат ничего иного, кроме официальной корреспонденции²⁸⁷.

²⁸⁶ См., например, консульские соглашения, упомянутые в сносках 251 и 252, выше, которые заключили следующие государства: Аргентина, Бельгия, Бразилия, Венесуэла, Доминиканская Республика, Ирландия, Камерун, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Уругвай, Франция, Чехословакия, Швеция, Эквадор и Югославия. См. также консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Польша и Австрия (1974 год), Румыния и Венгрия (1959 год), Румыния и Германская Демократическая Республика (1958 год), Соединенные Штаты Америки и Корейская Республика (1963 год), СССР и Болгария (1957 год), СССР и Венгрия (1957 год), СССР и Румыния (1957 год), Чехословакия и Германская Демократическая Республика (1957 год), Япония и Соединенные Штаты Америки (1963 год). Хотя в большинстве двусторонних соглашений просто говорится, что «консульская вализа неприкосновенна и не подлежит досмотру», в некоторых из них содержатся более конкретные положения по данному вопросу. Так, Консульская конвенция между Японией и Соединенными Штатами Америки (1963 год) предусматривает, что «опечатанные официальные вализы и другие официальные контейнеры неприкосновенны, когда ответственное должностное лицо посылающего государства удостоверяет, что в них содержится только официальные документы» (статья 10, пункт 2). Консульская конвенция между Соединенными Штатами Америки и Корейской Республикой (1963 год) содержит такое же положение (статья 9, пункт 2).

²⁸⁷ См. также консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Греция и Соединенное Королевство (1953 год), статья 12, пункт 4; Соединенное Королевство и Дания (1962 год), статья 11, пункт 4; Соединенное Королевство и Испания (1961 год), статья 12,

В некоторых консульских конвенциях также предусматривается, что в случае отказа выполнить требование о вскрытии официальной вализы «эта вализа или контейнер должны быть незамедлительно возвращены посылающим государством в место их отправления»²⁸⁸.

340. О позициях государств в отношении неприкосновенности дипломатической почты можно судить также по некоторым оговоркам, сделанным к пункту 3 статьи 27 Венской конвенции 1961 года Бахрейном, Кувейтом и Ливийской Арабской Джамахирией. Правительство Бахрейна заявило, что оно резервирует «за собой право вскрывать дипломатическую почту, если имеются основания предполагать, что она содержит предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом»²⁸⁹. В оговорках, сделанных Кувейтом и Ливийской Арабской Джамахирией, предусматривается, что указанные правительства имеют право потребовать вскрытия почты в присутствии официального представителя соответствующего дипломатического представительства и что в случае отказа властей посылающего государства выполнить это требование дипломатическая вализа должна быть возвращена в место отправления²⁹⁰.

341. Вышеупомянутые оговорки к пунктам 3 и/или 4 статьи 27 встретили возражения со стороны ряда государств — участников Конвенции²⁹¹, например Бельгии, Болгарии, Венгрии, Гаити, Монголии, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, СССР, Федеративной Республики Германии, Франции, Чехословакии. Эта реакция убедительно свидетельствует о значении, которое придается принципу неприкосновенности дипломатической почты.

пункт 2; Соединенное Королевство и Мексика (1954 год), статья 12, пункт 4; Соединенное Королевство и Франция (1951 год), статья 13, пункт 4.

²⁸⁸ См. консульские конвенции, которые заключили между собой следующие государства: Австрия и Румыния (1970 год), статья 31, пункт 2; Бельгия и Польша (1972 год), статья 15, пункт 3; Бельгия и Соединенные Штаты Америки (1969 год), статья 18, пункт 3; Бельгия и Турция (1972 год), статья 22, пункт 3; Болгария и Австрия (1975 год), статья 30, пункт 2; Греция и Болгария (1973 год), статья 13, пункт 2; Румыния и Италия (1967 год), статья 28, пункт 3; Румыния и Соединенные Штаты Америки (1972 год), статья 21, пункт 3; Соединенное Королевство и Япония (1964 год), статья 13, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Польша (1972 год), статья 12, пункт 3; Соединенные Штаты Америки и Франция (1966 год), статья 15, пункт 3; Финляндия и Польша (1971 год), статья 10, пункт 2; Финляндия и Румыния (1971 год), статья 29, пункт 2; Франция и Алжир (1974 год), статья 13, пункт 3; Франция и Болгария (1968 год), статья 13, пункт 4; Франция и Сенегал (1974 год), статья XI, пункт 3; Франция и Чехословакия (1969 год), статья 25, пункт 3; Швеция и Румыния (1974 год), статья 30, пункт 3.

²⁸⁹ *United Nations, Multilateral treaties in respect of which the Secretary-General performs depositary functions, Status as at 31 December 1982* (Sales No. E/F.83.V.6), p. 53,

²⁹⁰ *Ibid.*, p. 54.

²⁹¹ *Ibid.*, pp. 57 et seq.

4. СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

342. Содержание и юридические последствия принципа неприкосновенности дипломатической почты следует рассматривать в тесной взаимосвязи с более широким принципом неприкосновенности архивов и документов дипломатического представительства. Эта основополагающая норма международного права, изложенная в статье 24 Венской конвенции 1961 года, предусматривает, что «архивы и документы представительства неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения». Кроме того, пункт 2 статьи 27 той же Конвенции устанавливает, что «официальная корреспонденция представительства неприкосновена».

343. Применительно к дипломатической почте принцип неприкосновенности официальной корреспонденции представительства означал бы, что дипломатическая почта не подлежит ни вскрытию, ни задержанию. Это обязательство государства транзита или принимающего государства является важным условием, необходимым для защиты неприкосновенности почты и конфиденциального характера ее содержания. Ведь совершенно очевидно, что вскрытие почты уже само по себе является посягательством на ее неприкосновенность и конфиденциальный характер.

344. *Вскрытие дипломатической почты* властями принимающего государства по их требованию может производиться лишь с согласия посылающего государства. Однако в этом случае посылающее государство осуществляет свое суверенное право на отказ от иммунитета или на добровольное подчинение юрисдикции принимающего государства, в полной мере сознавая опасность, которой в этом случае будет подвергаться конфиденциальный характер дипломатической почты. Вскрытие дипломатической почты является одним из методов непосредственной проверки ее содержимого. Поэтому вскрытие дипломатической почты рассматривается как действие, несовместимое с принципом неприкосновенности дипломатической корреспонденции.

345. В последнее время акты международного терроризма в виде незаконного захвата воздушных судов и других актов воздушного пиратства, а также расширяющаяся незаконная торговля наркотиками вызвали необходимость принятия специальных мер по проверке пассажиров и досмотру их багажа в аэропортах и на пограничных контрольных пунктах. Для осуществления таких мер стали применяться современные технические средства обеспечения безопасности. К ним относятся рентгеноскопия ручной клади, использование магнитометров для выявления металлических предметов, а также другие электронные и механические средства досмотра и проверки. Таким образом дипломатическая почта может быть *проверена на расстоянии без вскрытия*. В этом случае возникает вопрос, совместим ли досмотр

такого рода со статьями 24 и 27 Венской конвенции 1961 года. Высказывалось мнение о том, что, поскольку проверка с использованием электронных устройств не включает досмотра вручную, она, по-видимому, не противоречила бы вышеупомянутой конвенции²⁹².

346. Однако вряд ли такое толкование будет удовлетворительным. Могут возникнуть вполне оправданные подозрения относительно того, что сложное современное оборудование, обладающее широким диапазоном технических возможностей, позволяет рассматривать и получать различного рода данные, которые могут нанести ущерб конфиденциальному характеру дипломатической почты. Таким образом, проверка, осуществляемая в виде досмотра вручную или при помощи технических средств, фактически является проверкой с целью установления содержания дипломатической почты и тем самым затрагивает неприкосновенность официальной корреспонденции. Как это уже отмечалось выше (пункт 332), признавая в своем комментарии к пункту 3 проекта статьи 25 (ставшей статьей 27 Венской конвенции 1961 года), что в исключительных случаях государства были вынуждены требовать вскрытия дипломатической почты в присутствии представителя соответствующего представительства, когда у них были серьезные основания подозревать, что почта используется в нарушение положений пункта 4 проекта статьи 5, Комиссия международного права, тем не менее подчеркнула первостепенное значение, которое она придает соблюдению принципа неприкосновенности дипломатической почты.

347. Поэтому предлагается принять принцип неприкосновенности дипломатической почты в качестве единообразной нормы. Эта норма должна быть общеприменимой, за исключением случаев, когда соответствующие государства на основе взаимности договорились ввести некоторые исключения в силу заключенных ими многосторонних или двусторонних соглашений. Однако и в этом случае будет применяться проект статьи 6 о недопущении дискриминации и о взаимности²⁹³. Современная практика государств содержит убедительные доказательства в этом отношении. В случае возникновения спора между властями принимающего государства или государства транзита, с одной стороны, и властями посылающего государства — с другой, относительно допустимого с правовой точки зрения содержания дипломатической почты одним из возможных решений может быть возвращение дипломатической почты в место ее отправления. Тем самым неприкосновенность почты будет соблюдена, и в то же время должным образом будет учтено законное бес-

²⁹² См. мнения министерства иностранных дел Австрии, изложенные в циркулярах, направленных дипломатическим миссиям, аккредитованным в Австрии, и воспроизведенные в *Ежегоднике...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 307, документ A/CN.4/356 и Add.1—3.

²⁹³ Текст см. *Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 141, сноска 309.

покойство принимающего государства или государства транзита. Такое решение вопроса может быть достигнуто путем соглашения между заинтересованными государствами.

348. Другой важный элемент нормы неприкосновенности дипломатической почты касается обязательства государства транзита или принимающего государства не задерживать дипломатическую почту в период ее нахождения на их территории. Задержание дипломатической почты является посягательством на неприкосновенность дипломатической корреспонденции и неизбежно приведет к задержке в ее доставке. Задержание почты, означающее, что в течение некоторого времени она будет находиться под непосредственным контролем властей государства транзита или принимающего государства, может вызвать подозрения относительно того, что в течение этого периода почта будет подвергнута несанкционированному досмотру, который несовместим с требованиями соблюдения ее конфиденциального характера. Кроме того, вполне очевидно, что задержание почты может нарушить первоначальный график ее перевозки и, таким образом, отсрочить ее доставку.

349. В свете вышеизложенных соображений относительно неприкосновенности дипломатической почты Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

Статья 36. Неприкосновенность дипломатической почты

1. Дипломатическая почта неприкосновенна в любое время и независимо от ее местонахождения на территории принимающего государства и государства транзита; если только соответствующие государства не договорились об ином, она не подлежит ни вскрытию, ни задержанию и должна освобождаться от любого досмотра, непосредственного или при помощи электронных или других технических средств.

2. Принимающее государство или государство транзита должно принимать все надлежащие меры для предупреждения любого посягательства на неприкосновенность дипломатической почты, а также преследовать в судебном порядке и наказывать находящихся под его юрисдикцией лиц, виновных в совершении такого посягательства.

Н. Освобождение от таможенного и иного досмотра

1. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ И ОБЪЕМ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТАМОЖЕННОГО И ИНОГО ДОСМОТРА

350. Освобождение дипломатической почты от таможенного и иных видов досмотра утвердилось в качестве нормы международного обычного

права задолго до принятия Венской конвенции 1961 года. Оно всегда рассматривалось в качестве важного составного элемента привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломатической корреспонденции. В Венской конвенции 1961 года и других кодификационных конвенциях в области дипломатического права отсутствует конкретное правило относительно такого освобождения. Однако это правило может вытекать из общего принципа неприкосновенности дипломатической почты. Этот вывод подтверждается также результатами подготовительной работы над проектом статьи, ставшей статьей 27 Венской конвенции 1961 года, а также практикой государств.

351. В пункте 2 статьи 16 проекта статей о дипломатических сношениях и иммунитетах (который явился основой соответствующего положения статьи 27), представленном Специальным докладчиком Комиссии на ее девятой сессии в 1957 году, говорилось:

2. Дипломатическая почта освобождается от досмотра²⁹⁴.

Обсуждение этого положения всегда касалось всех средств проверки почты, включая таможенный досмотр или проверку, осуществляемую другими властями, как, например, органами медицинского, фитосанитарного или ветеринарного контроля.

352. Хотя освобождение от таможенного и иных видов досмотра охватывается более широкими рамками неприкосновенности, оно заслуживает особого рассмотрения в силу его практического значения. Ряд двусторонних соглашений и внутреннее право некоторых государств указывают на то, что было бы целесообразно разработать специальное положение об освобождении от таможенного досмотра. Юридическим основанием для такого правила может служить принцип неприкосновенности дипломатической корреспонденции в целом и дипломатической почты в частности. Объем и юридические последствия этого освобождения должны определяться функциональной необходимостью ввиду функции дипломатической почты как одного из инструментов официальных сношений.

2. СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ

353. Некоторые государства приняли особые правила и постановления об освобождении дипломатической почты от таможенного досмотра или свободном пропуске ее через таможенную. Например, в Аргентине изданный 22 ноября 1955 года указ № 3437 в статье 17 предусматривает, что «таможенные власти должны беспрепятственно пропускать закрытые и опечатанные пакеты, которые содержат дипломатическую корреспонденцию и ввозятся в страну дипломатическим курьером».

²⁹⁴ Ежегодник..., 1957 год, том I, стр. 74 англ. текста, 398-е заседание, пункт 27.

ером»²⁹⁵, а указ № 4891, изданный 21 июня 1961 года, в статье 22 предусматривает аналогичную процедуру в отношении дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, которая прибывает в аэропорт²⁹⁶. В Австрии федеральный закон о таможенных правилах от 15 июня 1955 года в статье 172 постановляет, что

официальный багаж дипломатических курьеров при том условии, что он должным образом опечатан официальной печатью, пропускается через таможенную без досмотра, если характер, количество и вес пакетов, а также указанный на них адрес соответствуют описанию, содержащемуся в предъявляемом курьером листе, подготовленном отправляющей властью²⁹⁷.

В Колумбии законодательство, касающееся дипломатической почты, сопровождаемой курьером, или дипломатической почты, отправляемой по воздуху, предусматривает определенные привилегии и иммунитеты, включая освобождение от таможенного досмотра, на основе взаимности в соответствии со специальными двусторонними соглашениями²⁹⁸. В Финляндии закон № 271 о таможене от 8 сентября 1939 года в пункте 3 статьи 92 постановляет, что

любой пакет, мешок, сверток, чемодан, ящик и т. п., адресованный на имя главы посольства или самого посольства и перевозимый иностранным дипломатическим курьером, может допускаться на таможенную территорию беспошлинно и без досмотра, если он должным образом опечатан официальной печатью и указан в курьерском листе.

Пункт 4 статьи 92 того же закона предусматривает такой же режим для консульской вальзы²⁹⁹. Аналогичные правила приняты многими другими государствами³⁰⁰.

354. Освобождение от таможенного и иных видов досмотра при пересечении границы предусматривается также в ряде двусторонних соглашений, касающихся обмена дипломатической почтой, независимо от того, сопровождается эта почта дипломатическим курьером или нет.

355. В свете вышензложенных соображений относительно освобождения дипломатической почты от таможенного и иного досмотра. Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

²⁹⁵ Воспроизводится в United Nations, legislative series, vol. VII., p. 7.

²⁹⁶ См. сноску 200, выше.

²⁹⁷ Воспроизводится в United Nations, legislative series, vol. VII., p. 20.

²⁹⁸ Pan American Union, *op. cit.* (сноска 200, выше), pp. 270—271.

²⁹⁹ Воспроизводится в United Nations, legislative series, vol. VII., pp. 118—119.

³⁰⁰ См., например, постановления по данному вопросу, принятые Филиппинами (*ibid.*, p. 237); Швецией (*ibid.*, p. 302); Парагваем [Pan American Union, *op. cit.* (сноска 200, выше), p. 338].

Статья 37. Освобождение от таможенного и иного досмотра

Дипломатическая почта, независимо от того, сопровождается она дипломатическим курьером или нет, освобождается от таможенного и иного досмотра.

I. Освобождение от таможенных пошлин и всех сборов и налогов

1. ОБЪЕМ ОСВОБОЖДЕНИЯ

356. Как уже указывалось выше (пункты 155 и 166), освобождения от таможенных пошлин, налогов и всех связанных с этим сборов в отношении предметов, предназначенных для официального пользования дипломатических представительств, являлись составной частью международного обычного права задолго до заключения Венской конвенции 1961 года. Как правило, такие освобождения рассматривались как таможенные или фискальные привилегии, предоставляемые дипломатическим представительствам и их членам на основе *comitas gentium* и принципа взаимности. Статья 36 Венской конвенции 1961 года кодифицировала эту норму обычного права и превратила ее в договорную норму современного международного права. Это положение имеет прямое отношение к статусу дипломатической почты, в особенности в том, что касается финансовых привилегий и иммунитетов, предоставляемых почте в силу ее официальной функции. Так, среди предметов, освобождаемых от упомянутых в пункте 1 статьи 36 всех таможенных пошлин, налогов и сборов, взимаемых государством пребывания, «предметы, предназначенные для официального пользования представительства», указаны первыми. Дипломатическая почта, которая содержит официальную корреспонденцию, документы и предметы, предназначенные для официального пользования, как раз и относится к этой категории.

357. Под сферу действия этого освобождения подпадают и другие фискальные сборы и налоги, взимаемые государством транзита или принимающим государством в связи с ввозом или вывозом товаров. Такое освобождение, как правило, охватывает также сборы, связанные с таможенной очисткой или другими формальностями. Оно предоставляется в соответствии с законами и правилами соответствующего государства. Это освобождение может распространяться на государственные, районные или муниципальные сборы и налоги в соответствии с внутренними правилами и положениями принимающего государства или государства транзита. Освобождение от таможенных пошлин и связанных с этим сборов, а также от других сборов и налогов, взимаемых государством транзита или принимающим государством, не распространяется на сборы за хранение, перевозку, транспортировку, оказание

почтовых или других аналогичных услуг, предоставляемых в связи с передачей или доставкой дипломатической почты. Освобождение от некоторых из этих сборов за услуги, такие как почтовые или транспортные, также может предоставляться, но только на основе взаимности по договоренности между посылающим и принимающим государством или государством транзита.

2. ДОГОВОРНАЯ ПРАКТИКА И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН, СБОРОВ И НАЛОГОВ

358. Практика государств, связанная с освобождением от таможенных и других сборов в отношении дипломатической почты, является сравнительно ограниченной, но довольно показательной относительно общей тенденции в данном вопросе. В большинстве двусторонних соглашений³⁰¹ конкретно упоминается обмен дипломатической почтой посредством авиапочты или других почтовых каналов или посредством перевозки почты командиром экипажа гражданского самолета или капитаном торгового судна. В заключенном в форме обмена нотами соглашении между Бразилией и Аргентиной (1961 год) две страны согласились о том, что «дипломатические вализы двух стран, пересылаемые обычной почтой, освобождаются от любых пошлин и сборов». Аналогичным образом в административном соглашении между Бразилией и Уругваем (1944 год), которое было заключено в форме обмена нотами, предусматривается, что «дипломатическая почта Бразилии и Уругвая... освобождается от импортных и любых других пошлин...». Имеется ряд двусторонних соглашений, которые предусматривают освобождение от уплаты почтовых сборов. Следует с самого начала подчеркнуть, что в данном случае речь идет об освобождениях, предоставляемых на основе взаимности. Так, в заключенном в форме обмена нотами соглашении между Соединенным Королевством и Норвегией (1946 и 1947 годы) предусмотрено, что «никакие сборы не взимаются за принятие или пересылку [такой] дипломатической почты, которая пользуется всеми иммунитетами, обычно предоставляемыми соответственно британскими и норвежскими властями официальной почте, и такая почта является неприкосновенной». Заключенное в форме обмена нотами соглашение между Соединенным Королевством и Нидерландами (1951 год), в частности, также гласит, что «никакие сборы не взимаются за принятие и пересылку такой дипломатической почты...». Идентичные положения содержатся также в некоторых других соглашениях, заключенных Соединенным Королевством с Мексикой в 1946 году и с Доминиканской Республикой в 1956 году.

359. Некоторые государства приняли специальные правила и положения относительно освобож-

дения дипломатической почты от таможенных пошлин. Хорошим примером на этот счет является пункт 3 статьи 92 закона о таможне Финляндии от 1939 года, который предусматривает, что дипломатическая почта может допускаться на таможенную территорию беспошлинно и без досмотра, если она должным образом опечатана официальной печатью и указана в курьерском листе³⁰². Аналогичные нормы и правила существуют во внутреннем законодательстве многих других стран.

360. В свете вышеизложенных соображений Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

Статья 38. Освобождение от таможенных пошлин и всех сборов и налогов

Принимающее государство или государство транзита, в соответствии с законами и правилами, которые могут быть им приняты, должно разрешать ввоз, транзит и вывоз дипломатической почты и освобождать ее от таможенных пошлин и всех государственных, районных и муниципальных пошлин и налогов и связанных с этим сборов, за исключением сборов за хранение, перевозку и другие конкретные виды обслуживания.

J. Меры защиты в обстоятельствах, препятствующих доставке дипломатической почты

361. Целесообразно, по-видимому, рассмотреть определенные меры защиты, которые должны быть приняты принимающим государством или государством транзита в отношении дипломатической почты во время ее нахождения на его территории, когда сложились обстоятельства, при которых почта не может находиться под охраной лица, уполномоченного посылающим государством. Так, например, будет в случае прекращения функций дипломатического курьера до доставки им почты в конечный пункт назначения. Другим случаем, когда могут потребоваться защитные меры со стороны принимающего государства или государства транзита, является ситуация, в которой в результате несчастного случая или смерти либо по другим причинам курьер не в состоянии обеспечить сохранность вверенной ему дипломатической почты. Аналогичные обстоятельства могут также возникнуть в случае дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна.

362. Такие обстоятельства не обязательно должны иметь характер форс-мажорных или непредвиденных *stricto sensu*, хотя, вероятнее всего, они

³⁰¹ См. обмена нотами, упоминаемые в сноске 252, выше.

³⁰² См. сноску 299, выше.

будут носить именно такой характер. Логическое обоснование мер защиты заключается в том, что, независимо от характера факторов, препятствующих выполнению курьером своих функций, дипломатическая почта не должна оставаться без должной охраны и защиты ввиду ее важного значения как инструмента официальных сношений. Те же соображения относятся и к случаю, когда командир экипажа самолета или капитан судна по причинам, от него не зависящим, не в состоянии выполнить возложенную на него задачу, а именно осуществить доставку дипломатической почты в находящийся на установленном маршруте порт или аэропорт, прибытие в который разрешено, и передаче почты уполномоченному представителю миссии посылающего государства на территории принимающего государства.

363. Обстоятельства, которые упоминались выше, являются исключительными. Однако тот факт, что особые ситуации возникают редко, не должен препятствовать разработке нормы, которая может быть как необходимой, так и полезной. На практике специальные меры защиты безопасности дипломатической почты, независимо от того, что они носят чрезвычайный или спорадический характер, могут быть оправданы важностью защищаемых интересов. В исключительных случаях, когда почта не может находиться под охраной лица, которому она была вверена, она будет требовать защиты со стороны государства транзита или принимающего государства. Это обязательство может быть оправдано тем, что оно является отражением международного сотрудничества и солидарности государств в деле развития дипломатических сношений. Оно может вытекать из общего принципа свободы сношений для всех официальных целей, осуществляемых посредством дипломатического курьера и дипломатической почты. В соответствии с этим принципом принимающее государство и государство транзита обязаны содействовать официальным сношениям и обеспечивать их защиту в пределах своей территории.

364. Действия, предпринимаемые государством транзита или принимающим государством в особых обстоятельствах, будут прежде всего связаны с принятием надлежащих мер по защите безопасности почты и ее неприкосновенности. Это требует создания необходимых условий для должного хранения и охраны почты. Во-вторых, государство транзита или принимающее государство должно информировать компетентные власти посылающего государства о том, что почта, отправ-

ленная этим государством, в силу особых обстоятельств находится под его охраной. Когда посылающее государство имеет на территории принимающего государства или государства транзита дипломатическое представительство или консульское учреждение, такое уведомление следует направлять в его адрес. В случае отсутствия такого представительства или консульского учреждения на их территории власти принимающего государства или государства транзита, на территории которого находится дипломатическая почта, должны уведомить либо министерство иностранных дел посылающего государства, либо находящееся на его территории представительство другого государства, которое уполномочено представлять интересы посылающего государства. Аналогичная процедура должна использоваться и в тех исключительных обстоятельствах, когда почта, вверенная командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна, остается без его охраны и не может быть передана уполномоченному представителю посылающего государства.

365. В свете вышесказанных соображений относительно мер защиты в обстоятельствах, препятствующих доставке дипломатической почты, Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

**Статья 39. Меры защиты
в обстоятельствах, препятствующих
доставке дипломатической почты**

1. В случае прекращения функций дипломатического курьера до доставки им дипломатической почты в конечный пункт назначения, как указано в статьях 13 и 14, или в иных обстоятельствах, препятствующих выполнению им своих функций, принимающее государство или государство транзита должно принимать надлежащие меры с целью обеспечить неприкосновенность и безопасность дипломатической почты и должно незамедлительно уведомлять о случившемся посылающее государство.

2. В обстоятельствах, препятствующих доставке дипломатической почты в конечный пункт назначения, меры, предусмотренные в пункте 1, должны приниматься принимающим государством или государством транзита также в отношении дипломатической почты, вверенной командиру экипажа гражданского самолета или капитану торгового судна.

V. Проекты статей, относящиеся к части IV: различные положения

A. Вводные замечания

366. В соответствии со структурой настоящего проекта статей, которая была в предварительном порядке одобрена Комиссией международного права и в целом поддержана в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, часть IV проекта статей состоит из ряда различных положений общего характера (см. пункт 4, выше). В соответствии с господствующей договорной практикой, как о том свидетельствует ряд многосторонних соглашений, включая Венскую конвенцию 1963 года и Венскую конвенцию 1975 года, такие вопросы, как правило, включаются в главу «Общие положения»³⁰³.

367. Как было указано во введении к настоящему докладу (там же), различными положениями предполагается охватить лишь три вопроса; а именно: а) обязанности государства транзита в отношении курьера и почты в случае форс-мажора или непредвиденных обстоятельств; б) режим курьера и почты в случае непризнания посылающего государства или его правительства принимающим государством или государством транзита или в случае отсутствия дипломатических или консульских отношений между ними; и с) связь настоящего проекта статей с другими конвенциями в области дипломатического или консульского права, особенно с четырьмя кодификационными конвенциями и некоторыми другими соглашениями, относящимися к обсуждаемой теме.

368. Эта ограниченная сфера применения проекта статей части IV сведена исключительно к вопросам общего характера, непосредственно относящимся к статусу дипломатического курьера и дипломатической почты. Таким образом, другие вопросы общего характера, такие как положения о разрешении споров и заключительные положения, были на данной стадии работы над настоящей темой преднамеренно оставлены за рамками этой части проекта статей. Основной причиной для этого ограничительного подхода послужило то, что вопросы подобного рода наилучшим образом могут быть рассмотрены после того, как будет рассмотрен весь комплекс проектов статей, составляющих *sedes materiae* настоящей темы. Кроме того, представляется, что могут быть и некоторые другие положения общего характера, относящиеся к статусу курьера и почты, которые могут быть добавлены к перечню, предложенному Специальным докладчиком, и которые не касаются процедуры разрешения споров, применения особых норм в случае состояния войны или вооруженного конфликта или положений, от-

носящихся к подписанию, ратификации, присоединению, вступлению в силу, и других обычных заключительных положений.

B. Обязанности государства транзита в случае форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств

369. Для целей настоящего проекта статей термин «государство транзита» означает государство, по территории которого следуют дипломатический курьер и сопровождаемая им или несопровождаемая дипломатическая почта по пути в принимающее государство или из него. Такое понимание термина «государство транзита» было отражено в подпункте b пункта 1 статьи 3 настоящего проекта статей³⁰⁴. Как подчеркивал Специальный докладчик во втором докладе³⁰⁵, четыре кодификационные конвенции не содержали определения термина «государство транзита», и такой термин в них не употреблялся. Однако в них используется термин «третье государство» для обозначения государства, по территории которого следует транзитом курьер или почта. Так, пункт 3 статьи 40 Венской конвенции 1961 года и соответствующие статьи других кодификационных конвенций³⁰⁶ предусматривают:

3. Третьи государства должны предоставлять официальной корреспонденции и другим официальным сообщениям, следующим транзитом, включая закодированные или шифрованные депеши, ту же свободу и защиту, которая предоставляется государством пребывания. Они должны предоставлять дипломатическим курьерам, которым выдана виза, если таковая необходима, и дипломатической почте, следующей транзитом, ту же неприкосновенность и защиту, которую обязательно предоставлять государству пребывания.

370. Вполне очевидно, что в данном случае термин «третье государство» используется не в его обычном значении, когда под «третьим государством» понимается государство, не участвующее в тех или иных правовых отношениях или не являющееся стороной в договоре, как это определено в подпункте h пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, а означает государство, через территорию которого следует дипломатический курьер или дипломатическая почта, не сопровождаемая дипломатическим курьером, по пути в принимающее государство или из него.

371. Настоящий Специальный докладчик после обсуждения этого вопроса в Шестом комитете и затем в Комиссии международного права счел, что для целей рассматриваемой темы следует дать определение термина «государство транзита». Поэтому во втором докладе он подчеркнул, что «государство транзита должно быть опреде-

³⁰³ См., например, Венскую конвенцию 1963 года: «Глава IV. Общие постановления» (статьи 69—73); Венскую конвенцию 1975 года: «Часть V. Общие положения» (статьи 73—85); Венскую конвенцию о праве международных договоров: «Часть VI. Прочие постановления» (статьи 73—75).

³⁰⁴ См. *Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 144, сноска 318.

³⁰⁵ Документ A/CN.4/347 и Add.1 и 2 (см. сноску 1, выше), пункт 198.

³⁰⁶ См. статью 54, пункт 3, Венской конвенции 1963 года; статью 42, пункты 3 и 4, Конвенции о специальных миссиях; статью 81, пункт 4, Венской конвенции 1975 года.

лено как таковое, а не просто уподоблено третьему государству, то есть государству, не являющемуся ни посылающим, ни принимающим государством»³⁰⁷.

372. Специальный докладчик полагает, что в обычных условиях государство транзита известно заранее в соответствии с установленным маршрутом следования курьера, которому, если в этом есть необходимость, выдается транзитная виза. В случае почты, не сопровождаемой курьером и вверенной командиру экипажа гражданского самолета, совершающего регулярные рейсы, или капитану торгового судна, путь следования несопровождаемой почты также известен заранее, включая страны, через территорию которых она проследует транзитом.

373. Специальный докладчик счел, что термин «государство транзита» может быть более удобным, если учитывать особые характеристики, свойственные функциям дипломатического курьера и дипломатической почты. Курьер является находящимся в пути официальным должностным лицом, чьи функции состоят в доставке дипломатической почты из одного места в другое. Таким образом, для осуществления курьером своих функций государство транзита может иметь столь же важное значение, что и принимающее государство, и зачастую может значиться в путевом листе курьера даже чаще, чем принимающее государство. В этом случае целесообразно было бы не называть такое государство «третьим государством», а указать на присущее ему самостоятельное значение для осуществления официальных сношений в качестве государства транзита, используемого для этих сношений.

374. Указывалось также, что термин «третье государство» приобрел столь прочно установившееся правовое значение, что его использование в другом смысле может привести к путанице. Об этом говорилось в ходе обсуждения в Шестом комитете, когда было высказано мнение, что для целей настоящего проекта статей термин «третье государство» может вводить в заблуждение.

375. С учетом практического значения возможностей, привилегий и иммунитетов, предоставляемых государством транзита дипломатическому курьеру и дипломатической почте, государство транзита во всем комплексе проектов статей неизменно упоминалось одновременно с принимающим государством, поскольку очевидно, что для должного осуществления официальных сношений посредством дипломатических курьеров и дипломатической почты их защита государством транзита имеет ту же природу и значение, что и режим, который обязательно предоставлять им принимающее государство.

376. Определение государства транзита, хотя оно и касается в первую очередь государства,

территория которого используется для транзитного следования в принимающее государство или из него в соответствии с обычным маршрутом, тем не менее распространяется также на государство, транзит через территорию которого курьера или несопровождаемой почты первоначально не предполагается. Это относится к государству транзита, на территории которого дипломатический курьер или несопровождаемая дипломатическая почта вынужденно оказывается или находится в течение определенного времени в силу чрезвычайных или непредвиденных обстоятельств, таких как вынужденная посадка самолета, выход из строя средств транспорта, стихийное бедствие либо другие обстоятельства, не поддающиеся контролю курьера или перевозчика почты. В отличие от заранее известного государства транзита, которое выдало транзитную визу, если в ней была необходимость, государство транзита в случае форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств не может быть определено заранее. Оно вступает в действие только в чрезвычайной ситуации.

377. В этой связи может возникнуть вопрос — должно ли такое государство транзита предоставлять необходимую защиту и возможности, привилегии и иммунитеты, которые предоставляются принимающим государством или государством транзита, предусмотренными первоначально? До заключения Венской конвенции 1961 года правовая доктрина и практика государств характеризовались отсутствием единой твердой позиции относительно права транзита дипломатического агента и объема привилегий, предоставляемых ему государством транзита. Зачастую право транзита, то есть *jus transitus innoxii*, основывалось на двусторонних соглашениях, поскольку нормы международного обычного права в этой области не были общепризнанными. Право транзита получило правовое признание благодаря развитию интенсивных дипломатических сношений.

378. Венская конвенция 1961 года явилась, однако, первым многосторонним договором, установившим норму транзитного проезда членов дипломатических представительств и их семей, а также дипломатического курьера и дипломатической почты, нахождение которых на территории государства транзита вызвано чрезвычайными обстоятельствами. В соответствии с этой нормой государство транзита **обязано предоставлять** дипломатическому курьеру и дипломатической почте, следующим транзитом, ту же свободу передвижения, неприкосновенность и защиту, какие предоставляются принимающим государством.

379. Можно предположить, что на практике объем возможностей, привилегий и иммунитетов, предоставляемых государством транзита дипломатическому курьеру и дипломатической почте в исключительных случаях в результате форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств, будет более ограниченным. Наибольшее значение сре-

³⁰⁷ См. сноску 305, выше.

ди них будут иметь неприкосновенность и защита дипломатического курьера и дипломатической почты. Что касается возможностей, привилегий и иммунитетов, предоставляемых курьеру и почте, то приоритет будут иметь любые меры, направленные на содействие скорейшему возобновлению поездки курьера или перевозки несопровожаемой почты. В подобных условиях бедствия транзитная виза, если таковая требуется, должна выдаваться незамедлительно на месте без использования обычных процедур и формальностей.

380. В свете вышеизложенных соображений относительно обязанностей государства транзита в случае форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств Специальный докладчик представляет Комиссии на рассмотрение и предварительное утверждение следующий проект статьи:

ЧАСТЬ IV

РАЗЛИЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 40. Обязанности государства транзита в случае форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств

Если в силу форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств дипломатический курьер или дипломатическая почта вынужденно отклоняются от своего нормального маршрута следования и находятся в течение определенного периода времени на территории государства, которое первоначально не намечалось как государство транзита, это государство должно предоставлять ту же неприкосновенность и защиту, которые обязано предоставлять принимающее государство, и должно оказывать дипломатическому курьеру или дипломатической почте содействие, необходимое для продолжения их следования в конечный пункт назначения или для возвращения в посылающее государство.

С. Непризнание государств или правительств или отсутствие дипломатических или консульских отношений

381. Рассмотрев возможные последствия форс-мажорных или непредвиденных обстоятельств для режима, предоставляемого дипломатическому курьеру и дипломатической почте в чрезвычайных ситуациях, было бы, по-видимому, целесообразно рассмотреть также воздействие других исключительных ситуаций, таких как *непризнание* государства или правительства и *отсутствие* или *разрыв дипломатических или консульских отношений*. Здесь вновь мы сталкиваемся с последствиями исключительных обстоя-

тельств для осуществления официальных сношений посредством дипломатических курьеров и дипломатической почты. В рамки данной темы намеренно не включается состояние войны или вооруженного конфликта, хотя оно также охватывается более широкой концепцией исключительных ситуаций. Основной причиной для такого ограничительного подхода служит тот факт, что проблема вооруженного конфликта или состояния войны потребовала бы разработки не только общей нормы, но и целого комплекса применимых к различным ситуациям вооруженного конфликта или состояния войны специальных норм, которые составляют *jus ad bellum*.

382. Основная проблема, возникающая в связи с вышеупомянутыми исключительными ситуациями, сводится к следующему: должна ли обязанность предоставлять правовую защиту и другие возможности, привилегии и иммунитеты дипломатическому курьеру и дипломатической почте сохранять силу для участников того соглашения, которое могло бы произтекать из настоящего проекта статей, даже в тех случаях, когда государство пребывания, на территории которого располагается центральное учреждение какой-либо международной организации или проводится международная конференция, либо государство транзита не признают посылающее государство или его правительство. Такая же проблема возникает для вышеупомянутых государств при отсутствии или разрыве дипломатических или консульских отношений между ними. Хотя возможные последствия этих исключительных обстоятельств для режима курьера и почты одинаковы, имеются некоторые характерные особенности, заслуживающие того, чтобы отдельно рассмотреть случай непризнания и случай отсутствия или разрыва дипломатических и консульских отношений.

383. Норма, касающаяся непризнания государств или правительств, на кодификационных конференциях по дипломатическим и консульским сношениям 1961 и 1963 годов не рассматривалась. Комиссия международного права занималась этой проблемой в связи с подготовкой проекта статей о специальных миссиях на своей девятнадцатой сессии в 1967 году и предложила следующее специальное положение, содержащееся в пункте 2 проекта статьи 7:

2. Государство может направить специальную миссию в государство, которое оно не признает, или принять миссию такого государства³⁰⁸.

Однако это положение не было принято Шестым комитетом и впоследствии не было включено в Конвенцию о специальных миссиях.

384. Вопрос о непризнании рассматривался Комиссией также в другом контексте — при разра-

³⁰⁸ *Ежегодник...*, 1967 год, том II, стр. 350 англ. текста, документ A/6709/Rev.1, глава II, раздел D.

ботке проекта статей о праве международных договоров. В своем комментарии к проекту статьи 60 Комиссия заявила, что

...любые проблемы, которые могут возникнуть в области договоров вследствие непризнания какого-либо правительства, по-видимому, не носят такого характера, чтобы их следовало включать в изложение общих норм права договоров³⁰⁹.

385. Только на своей двадцать третьей сессии в 1971 году Комиссия сочла необходимым в связи с проектом статей об отношениях между государствами и международными организациями сформулировать специальную норму о непризнании государств или правительств и об отсутствии или разрыве дипломатических или консульских отношений³¹⁰. Это было сделано после рассмотрения на ее двадцать первой и двадцать второй сессиях в 1969 и 1970 годах проектов статей, в которых упоминались исключительные ситуации³¹¹.

386. В своем комментарии к статье 79 (Непризнание государств или правительств или отсутствие дипломатических или консульских отношений) окончательного проекта статей о представительстве государств в их отношениях с международными организациями Комиссия выразила мнение, что это положение не должно по своей форме следовать соответствующим положениям прежде принятых конвенций, то есть Венской конвенции 1961 года, Венской конвенции 1963 года и Конвенции о специальных миссиях. Комиссия далее подчеркнула, что в силу специфического характера отношений между государствами и международными организациями, в отличие от двусторонних межгосударственных отношений, необходимо рассмотреть эту проблему особо. Она заявила:

Непризнание или отсутствие дипломатических или консульских отношений между государством пребывания и посылающим государством не может, следовательно, иметь то же влияние, что и в их взаимных отношениях³¹².

Комиссия пришла к выводу о том, что

непризнание государством пребывания или посылающим государством другого государства или его правительства или отсутствие или разрыв дипломатических или консульских отношений между ними не затрагивает их *соответствующих* «прав и обязательств» в соответствии с настоящими статьями. Другими словами, права и обязательства государства пребывания и посылающего государства в соответствии с настоящими статьями не зависят от признания или существования дипломатических или консульских отношений на двустороннем уровне³¹³.

³⁰⁹ *Ежегодник.., 1966 год*, том II, стр. 260 англ. текста, документ A/6309/Rev.1, часть II, глава II, пункт I комментария.

³¹⁰ *Ежегодник.., 1971 год*, том II (часть вторая), стр. 119—124, документ A/CN.4/L.166.

³¹¹ Там же, стр. 123, пункт 21, и стр. 124, пункт 24.

³¹² *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств в их отношениях с международными организациями*, том II, стр. 58, пункт 5 комментария.

³¹³ Там же, пункт 7 комментария.

387. Представляется, что эти соображения имеют непосредственное отношение к статусу дипломатического курьера и дипломатической почты в исключительных ситуациях, когда посылающее государство и государство транзита или государство пребывания не признают друг друга. Следовательно, непризнание государства и правительства не должно использоваться в качестве основания для нарушения функционирования дипломатических отношений и отказа в защите дипломатическому курьеру и дипломатической почте. Отсутствие взаимного признания между соответствующими государствами не должно оказывать влияния на обязательство предоставлять возможности, привилегии и иммунитеты, предусмотренные в настоящем проекте статей.

388. С другой стороны, предоставление возможностей, привилегий и иммунитетов дипломатическому курьеру и дипломатической почте само по себе не должно означать признания посылающим государством принимающего государства или государства транзита или их правительств, а также признания государством пребывания или государства транзита посылающего государства или его правительства. Предоставление дипломатическому курьеру и дипломатической почте защиты и специального режима следует рассматривать как соблюдение принципа свободы официальных сношений, которая не связана с признанием государства или правительства. Это, конечно, не означает, что позиция одного государства по отношению к другому государству или правительству не может оказать политического влияния на применение этого принципа. Однако если государство в соответствии с каким-либо международным договором обязано уважать статус дипломатического курьера или дипломатической почты, которые должным образом наделены официальной функцией, то это государство должно нести обязательство предоставлять правовую защиту, несмотря на непризнание посылающего государства или его правительства. Сам по себе этот факт, однако, не означает какого-либо признания.

389. Отсутствие или разрыв дипломатических или консульских отношений в качестве еще одной исключительной ситуации с возможными последствиями для характера отношений между государствами рассматривались в ходе подготовки четырех кодификационных конвенций. В некоторых случаях такие последствия для дипломатических или консульских отношений подразумеваются в соответствующих положениях этих конвенций, а в других случаях о них говорится прямо. Венская конвенция 1961 года предусматривает, что установление дипломатических отношений является предпосылкой для учреждения по взаимному согласию постоянных дипломатических представительств. Поэтому в статье 45 этой Конвенции устанавливаются последствия разрыва дипломатических отношений либо окончатель-

ного или временного отозвания представительства для его помещений, имущества и архивов. В пункте 3 статьи 2 Венской конвенции 1963 года предусматривается:

3. Разрыв дипломатических отношений не влечет за собой *ipso facto* разрыва консульских сношений.

С другой стороны, в статье 7 Конвенции о специальных миссиях говорится:

Наличие дипломатических или консульских сношений не является необходимым для посылки или принятия специальной миссии.

390. Последствия разрыва дипломатических или консульских отношений рассматривались также в связи с действием какого-либо договора между двумя заинтересованными сторонами. Так, в статье 63 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров конкретно предусматривается:

Разрыв дипломатических или консульских отношений между участниками договора не влияет на правовые отношения, установленные между ними договором, за исключением случаев, когда наличие дипломатических или консульских отношений необходимо для выполнения договора.

Затем в статье 74 той же Конвенции устанавливается:

Разрыв или отсутствие дипломатических или консульских отношений между двумя или несколькими государствами не препятствует заключению договоров между этими государствами. Заключение договора само по себе не влияет на положение в области дипломатических или консульских отношений.

391. Как уже отмечалось (пункты 384—386, выше), Комиссия международного права, а позднее Конференция Организации Объединенных Наций по вопросу о представительстве государств уделили особое внимание правовым последствиям непризнания государств или правительств и отсутствия или разрыва дипломатических или консульских отношений для взаимных отношений между посылающим государством и государством пребывания. В статье 82 Конвенции 1975 года говорится следующее:

1. На права и обязанности государства пребывания и посылающего государства, предусмотренные в настоящей Конвенции, не влияет ни отказ одного из этих государств признать другое государство или его правительство, ни отсутствие или разрыв дипломатических или консульских отношений между ними.

2. Учреждение или сохранение представительства, направление или присутствие делегации или делегации наблюдателя или любое действие, совершенное во исполнение настоящей Конвенции, не подразумевают сами по себе ни признания посылающим государством государства пребывания или его правительства, ни признания государством пребывания посылающего государства или его правительства.

392. Нормы, касающиеся правовых последствий непризнания государства или правительства или отсутствия или разрыва дипломатических или консульских отношений, содержащиеся в кодификационных конвенциях, применимы к статусу дипломатического курьера и дипломатической поч-

ты. Являясь практическими средствами для осуществления официальных сношений, курьер и почта нуждаются в специальной защите и режиме, независимо от того, существуют ли дипломатические или консульские отношения между посылающим государством и государством пребывания, принимающим государством (в случае специальной миссии) или государством транзита. Официальные функции курьера и почты имеют столь большое значение, что отсутствие дипломатических отношений не должно препятствовать выполнению этих функций. Нормальное функционирование официальных сношений отвечает интересам поддержания международного сотрудничества и взаимопонимания, и в силу этого им следует содействовать даже в исключительных обстоятельствах.

393. Следовательно, принимающее государство, государство пребывания или государство транзита обязаны предоставлять дипломатическому курьеру и дипломатической почте необходимые возможности, привилегии и иммунитеты для надлежащего выполнения их функций. В этой связи представляется особенно целесообразным отметить нижеследующие замечания, сделанные по рассматриваемому вопросу одним из правительств в 1979 году:

Функции дипломатического курьера, хотя ему предоставляются привилегии и иммунитеты, аналогичные привилегиям и иммунитетам дипломатического агента, носят по существу скорее процедурный, чем политический характер; следовательно, разрыв или приостановление дипломатических отношений или отозвание представительств не должно решительно повлиять на функции курьера во время его проезда через государство транзита. Строго в соответствии с правом, это же положение будет оставаться в силе даже в случае вооруженного конфликта с такими государствами. В случае разрыва или приостановления дипломатических отношений с принимающим государством или отозвания дипломатических представительств дипломатический курьер будет действовать в качестве связующего звена между посылающим государством и дипломатическим представительством, давшим согласие представлять интересы этого государства; таким образом, подобные ситуации, связанные с нарушением нормальных двусторонних отношений, не будут служить помехой в выполнении курьером своих функций. В случае вооруженного конфликта создавшееся фактическое положение может помешать курьеру продолжить выполнение своих функций³¹⁴.

394. Оставляя в стороне проблему последствий состояния войны или вооруженного конфликта в силу уже указанных причин (пункт 381), можно, по-видимому, сказать, что в исключительных ситуациях, таких как непризнание либо отсутствие или разрыв дипломатических отношений, курьер может выполнить скромную, однако благородную функцию «вестника», благодаря которой исторически сложилось это его вполне заслуженное название. Следует добавить, что до принятия кодификационных конвенций, и особенно до начала последней мировой войны, отмечались случаи,

³¹⁴ См. замечания Чили, пункт 9, в *Ежегоднике...*, 1979 год, том II (часть первая), стр. 258, документ A/CN.4/321 и Add.1—7.

касающиеся последствий отозвания дипломатических представительств, разрыва или приостановления дипломатических отношений или вооруженных конфликтов для соблюдения неприкосновенности дипломатической почты³¹⁵. Однако практика государств была весьма неоднородной, особенно в ходе вооруженных конфликтов или во время войн, что вполне объяснимо.

395. В свете вышензложенных соображений Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи.

**Статья 41. Непризнание государств
или правительств или отсутствие
дипломатических или консульских отношений**

1. Непризнание посылающего государства или его правительства принимающим государством, государством пребывания или государством транзита либо отсутствие или разрыв дипломатических или консульских отношений между ними не влияют на возможности, привилегии и иммунитеты, предоставляемые дипломатическому курьеру и дипломатической почте в соответствии с настоящими статьями.

2. Предоставление в соответствии с настоящими статьями возможностей, привилегий и иммунитетов дипломатическому курьеру и дипломатической почте принимающим государством, государством пребывания или государством транзита само по себе не подразумевает признания посылающим государством принимающего государства, государства пребывания или государства транзита или их правительств, равно как оно не подразумевает признания принимающим государством, государством пребывания или государством транзита посылающего государства или его правительства.

**D. Связь настоящих проектов статей
с другими конвенциями
и международными соглашениями**

396. На данном этапе рассмотрение вопроса о связи настоящих проектов статей с четырьмя кодификационными конвенциями и другими международными соглашениями в области дипломатического или консульского права, которые имеют отношение к статусу дипломатического курьера или дипломатической почты, должно иметь предварительный и весьма временный характер. Пока не будет принято окончательного решения о форме и правовом характере этих статей, необходимо оставить открытым вопрос об их свя-

зи с другими договорами. Тем не менее, по-видимому, целесообразно представить на предварительное рассмотрение некоторые проекты положений, которые могут быть рассмотрены, когда будет завершена разработка проектов положений по данному вопросу.

397. Основные цели положения, касающегося связи настоящих проектов статей с существующими международными договорами в области дипломатического и консульского права, должны состоять в том, чтобы установить правовую связь норм, регулирующих статус дипломатического курьера и дипломатической почты, с четырьмя кодификационными конвенциями. Эту правовую связь можно сформулировать по-разному.

398. Прежде всего необходимо попытаться установить общую правовую основу для *когерентно* и как можно более единообразного режима курьера и почты. Это может быть достигнуто путем *согласования существующих правовых положений*, регулирующих статус различных видов курьеров и почты, используемых государствами для официальных сношений. В основе этого подхода лежит та посылка, что курьеры и почта используются для выполнения многоцельных функций в отношении различных миссий. Дипломатические курьеры и почта используются государствами для осуществления ими своего права сношений со своими дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями, постоянными представительствами при международных организациях и делегациями на международных конференциях. Однако по существу они служат реализации этих прав государств и поэтому должны пользоваться такой же степенью правовой защиты.

399. Во-вторых, настоящие проекты статей имеют своей целью *дополнить* четыре кодификационные конвенции в той мере, в какой это касается статуса дипломатического курьера и дипломатической почты, особенно в отношении использования несопровождаемой дипломатической почты. При разработке норм, регулирующих управление дипломатической почты гражданскими самолетами или торговыми судами или с использованием почтовых служб и других средств, необходимо учитывать практику государств, которая находит свое отражение в четырех кодификационных конвенциях и других международных соглашениях, а также в национальных правилах и постановлениях. Таким образом, настоящие проекты статей необходимо рассматривать в их связи с основными нормами, установленными договорной практикой и национальным законодательством. В этой связи предлагается разработать настоящие проекты статей в качестве *вспомогательных норм*, особенно в отношении Венской конвенции 1961 года и других кодификационных конвенций.

³¹⁵ См. дела, имевшие место в период с 1869 по 1940 год, в Moore, *op. cit.* (сноска 108, выше), pp. 696—701; и Hackworth, *op. cit.* (сноска 59, выше), pp. 624—629.

400. Поэтому при кодификации и прогрессивном развитии норм, регулирующих осуществление официальных сношений посредством дипломатических курьеров или дипломатической почты, необходимо во всех случаях брать в качестве основы и отправного пункта существующие многосторонние конвенции и другие международные соглашения. В то же время настоящие проекты статей не должны препятствовать государствам заключать международные соглашения, которые могут тем или иным образом касаться статуса дипломатического курьера и дипломатической почты.

401. Этот гибкий подход к связи между настоящими проектами статей и другими международными договорами в области дипломатического и консульского права, как представляется, подтверждается международным правом, и в частности соответствующими положениями Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров и кодификационными конвенциями. В этой связи определенное значение, вероятно, имеют положения о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, содержащиеся в статье 30 Венской конвенции 1969 года, и статья 41 этой же Конвенции, касающаяся соглашений об изменении многосторонних договоров между участниками таких договоров. Однако для целей настоящего проекта статей необходимо придавать особое значение тем кодификационным конвенциям, в которых содержатся конкретные положения об их связи с другими международными соглашениями. В этом контексте следует упомянуть о статье 73 Венской конвенции 1963 года, в которой предусматривается, что эта Конвенция не отражается на других международных соглашениях, действующих между участвующими в ней государствами, и что она не препятствует государствам заключать международные соглашения, подтверждающие, дополняющие, распространяющие или расширяющие положения этой Конвенции. Аналогичное положение включено в статью 4 Венской конвенции 1975 года, в которой отмечается, что положения данной Конвенции не наносят ущерба другим действующим международным соглашениям между государствами или между государствами и международными организациями универсального характера и что они не препятствуют заключению других международных соглашений относительно представительства государств.

402. Проект положения, касающегося связи между настоящим проектом статей и кодифика-

ционными конвенциями и другими международными соглашениями, можно рассматривать не только в качестве *правовой связи* с этими конвенциями и соглашениями, но также и в качестве *гарантийного положения* в отношении вытекающих из них прав и обязанностей государств и в отношении их неотъемлемого суверенного права заключать другие соглашения. Можно считать, что в последнем случае соглашения, заключенные позднее, могут для соответствующих сторон изменить положения статей о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты, не затрагивая прав и обязанностей других государств — участников этих статей, а также при том условии, что эти изменения не будут касаться положений, отступление от которых было бы несовместимым с эффективной реализацией объекта и целей статей о курьере и почте.

403. В свете вышеизложенных соображений относительно связи между настоящими проектами статей и кодификационными конвенциями в области дипломатического права и другими международными соглашениями в этой области Специальный докладчик представляет на рассмотрение и предварительное утверждение Комиссии следующий проект статьи:

**Статья 42. Связь настоящих статей
с другими конвенциями
и международными соглашениями**

1. Настоящие статьи дополняют положения о курьере и почте, содержащиеся в Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года, Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года, Конвенции о специальных миссиях от 8 декабря 1969 года и Венской конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера от 14 марта 1975 года.

2. Положения настоящих статей не наносят ущерба другим действующим международным соглашениям между участвующими в них государствами.

3. Ничто в настоящих статьях не препятствует государствам заключать международные соглашения, касающиеся статуса дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером.

* * *

Заключение

404. Представление проектов статей по части IX (Различные положения) завершает работу по формулированию проектов статей по рассматриваемой теме, как это первоначально намечалось Специальным докладчиком. В ходе исследования данной темы была предпринята попытка придерживаться прагматического подхода к рассмотрению практики государств в целях установления на основании функциональной необходимости областей, в которых складываются нормы позитивного права. Предложения, касающиеся кодификации существующих норм, и предложения *de lege ferenda* были вызваны практической потребностью создания всеобъемлющей правовой основы для функционирования официальных сношений. При этом особое внимание уделялось возрастающей роли дипломатической почты, перевозимой курьерами *ad hoc* или вверяемой командиру или уполномоченному на то члену экипажа гражданского самолета, а также роли дипломатической почты, отправляемой по почтовым каналам или другими транспортными средствами. Цель разработки всей группы проектов статей состояла в том, чтобы попытаться создать когерентный правовой режим, регулирующий различные виды курьеров и почты, который обеспечил бы надлежащее равновесие между законными интересами посылающего государства и интересами принимающего государства или государства транзита. Докладчик считает, что это станет основой для жизнеспособного международного режима, регулирующего современные дипломатические сношения.

ПРОЕКТ КОДЕКСА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

[Пункт 4 повестки дня]

ДОКУМЕНТ А/CN.4/364

Первый доклад о проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дуду Тиамом

СОДЕРЖАНИЕ

	Пункты	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	1—5	173
<i>Глава</i>		
I. ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	6—28	174
А. Период после первой мировой войны	7—23	174
В. Период после второй мировой войны	24—28	177
II. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТА КОДИФИКАЦИИ	29—48	178
А. Какие преступления охватываются кодификацией?	30—41	178
1. Различия между преступлениями согласно международному праву и преступлениями согласно внутреннему праву	31—35	178
2. Различия между политическими преступлениями и уголовными преступлениями	36—41	180
В. Субъекты права	42—48	182
III. МЕТОДИКА КОДИФИКАЦИИ	49—58	184
IV. ПОДГОТОВКА КОДЕКСА	59—68	188
V. ВЫВОДЫ	69—70	191

Введение

1. В резолюции 36/106 от 10 декабря 1981 года Генеральная Ассамблея вновь поручила Комиссии международного права рассмотреть вопрос о преступлениях против мира и безопасности человечества и предложила ей возобновить работу в целях дальнейшей разработки проекта кодекса, в котором были бы учтены новые события в области международного права.

2. В соответствии с этой просьбой Комиссия на своей тридцать четвертой сессии назначила Специального докладчика и обратилась к нему с просьбой представить вводный доклад по этому вопросу¹.

3. Действительно, на данном этапе настоящий доклад может иметь лишь исследовательский характер. Речь идет о том, чтобы мы все вместе по-

ставили определенный ряд вопросов, ответами на которые будет руководствоваться Специальный докладчик. Кодификация темы «Преступления против мира и безопасности человечества» предполагает, что заранее будут отброшены некоторые варианты и приняты определенные необходимые решения по вопросам, поставленным в следующем пункте.

4. Какова сфера охвата вопроса? Какого метода следует придерживаться при его кодификации? Необходимо ли претворять кодекс в жизнь? Другими словами, следует ли ограничиться лишь составлением простого перечня преступлений против мира и безопасности человечества, оставляя в стороне все проблемы, связанные с конкретным применением кодекса, или же необходимо рассмотреть вопрос о мерах наказания и об органе международной уголовной юстиции, правомочном применять кодекс? Таковы вопро-

¹ Ежегодник..., 1982 год, том II (часть вторая), стр. 150, пункты 252—256.

сы, над которыми Специальный докладчик предлагает Комиссии подумать вместе с ним. Однако прежде он полагает необходимым вкратце обрисовать развитие политических и теоретических проблем, связанных с данным вопросом.

5. Поэтому помимо исторического обзора в настоящем доклад входят три части: сфера применения проекта кодификации, методика кодификации, претворение кодекса в жизнь.

ГЛАВА I

История кодификации международного уголовного права

6. Необходимость разработки уголовного кодекса международного сообщества и создания органа международной уголовной юстиции возникла сразу же после первой мировой войны. В основном можно выделить два периода в развитии международного уголовного права: а) период после первой мировой войны, б) период после второй мировой войны.

А. Период после первой мировой войны

7. Именно из-за отсутствия международного уголовного кодекса и общепризнанных норм, необходимых для организации суда над лицами, виновными в международных преступлениях, бывшему императору Германии Вильгельму II удалось спасти жизнь, поскольку правительство Нидерландов сослалось тогда на принцип *nullo crimine sine lege*, для того чтобы не выдавать бывшего монарха суду союзников. Однако злодеяния, совершенные в ходе первой мировой войны, побудили политических деятелей выступить с многочисленными заявлениями о том, что военные преступления не должны остаться безнаказанными. В частности, разрушения, произведенные отступавшими германскими войсками, вынудили французское правительство выступить 4 октября 1918 года с предостережением относительно того, что систематические нарушения норм права и гуманности, а также действия, противоречащие международным законам и принципам цивилизации, повлекут за собой гражданскую, финансовую и уголовную ответственность совершивших их лиц.

8. Именно в результате этого предостережения 23 февраля 1919 года была создана Комиссия по вопросу об ответственности инициаторов войны и о санкциях. Признав право каждого воюющего государства предавать суду лиц, включая глав государств, признанных виновными в нарушении законов и обычаев войны, эта Комиссия предложила создать подлинный международный суд для расследования преступлений, совершенных против лиц различных национальностей, и репрессий в лагерях военнопленных из союзных войск, а также противоправных действий во ис-

полнение незаконных приказов гражданских или военных властей противника, касавшихся армии или гражданского населения. Хотя за этим предложением и не последовало конкретных действий, оно ознаменовало собой важный этап в теоретической разработке такого понятия, как международная уголовная юстиция.

9. Доклад Комиссии по вопросу об ответственности был одобрен, но ряд ее членов высказали оговорки, которые свели на нет положения, касающиеся международной уголовной юстиции. Авторы оговорок подчеркивали, что ни один документально оформленный закон, ни одна международная конвенция не рассматривают в качестве международных преступлений нарушения законов и обычаев войны. Они также указывали, что действия суверенов влекут за собой их политическую, но не уголовную ответственность.

10. Таким образом, дискуссии, развернувшиеся вокруг вопроса об ответственности бывшего императора Вильгельма II, проходили в неблагоприятной обстановке. Несмотря на исследования профессоров Франсуа Ларнода и Альбера де ла Праделя, которые уже тогда полагали, что уголовная ответственность глав государств, в том числе и бывшего императора, может существовать и рассматриваться международным судом, авторы Версальского договора отвергли концепцию правовой ответственности бывшего императора.

11. В статье 227 Версальского договора² говорится в конечном счете лишь о его политической ответственности:

«Союзные и Объединившиеся Государства предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров.

Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права за-

² Версальский мирный договор, полный перевод с французского подлинника под редакцией проф. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина, М., Литиздат НКВД, 1925, стр. 83; цитируемая выдержка из Версальского договора (часть VII, Санкции) воспроизводится в United Nations. *Historical survey of the question of international criminal jurisdiction*, memorandum submitted by the Secretary-General (Sales No. 1949. V. 8), p. 60, appendix 3.

щиты. Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих Держав, а именно: Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией.

Суд будет судить по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали*. Ему будет надлежать определить наказание, которое, по его суждению, должно быть применено.

12. Совершенно очевидно, что уголовное преследование по причине лишь нарушения международной морали никак не могло быть осуществлено, и правительство Нидерландов легко доказало его неправомерность, отвергнув требование о выдаче бывшего императора.

13. В конечном счете от положений статей 227 и 230 Версальского договора, в которых предусматривалось создание международной системы наказания за преступления против мира и посягательства на правила ведения войны, ничего не осталось. Ничего, за исключением ценности юридического прецедента.

14. Однако следует отметить значительные усилия ученых-юристов в период между двумя войнами. Импульс этим теоретическим разработкам придала деятельность юридических ассоциаций, в частности Ассоциации международного права, Межпарламентского союза и Международной ассоциации уголовного права, где в долгих теоретических спорах сталкивались ученые и идеи, где идеализм все же преобладал над реализмом, но именно этим ассоциациям принадлежит заслуга постановки проблемы уголовного наказания за международные правонарушения и открытие тем самым пути к решениям, которые были приняты в 1945 году после второй мировой войны и о которых речь пойдет далее. Хью Беллот, граф Анри Картон де Вьярт, Анри Донпедье де Вабр³, Никола Политис, Кинтиллиано Сальданья, Мегалос Калояни, Веспасиан В. Пелла⁴ оставили заметный след на пройденном пути⁵.

15. На тридцать первой Конференции Ассоциации международного права в 1922 году Хью Беллот выдвинул предложение о срочной необходимости создания Постоянной палаты международного уголовного правосудия. В 1924 году он представил Ассоциации проект, который был принят с поправками в 1926 году⁶. Проект пред-

усматривал создание в рамках Постоянной палаты международного правосудия уголовной палаты, в компетенцию которой входило бы расследование преступных нарушений законов и обычаев войны и дел, переданных на ее рассмотрение Советом или Ассамблеей Лиги Наций.

16. В это же время Межпарламентский союз по инициативе Веспасиана В. Пеллы⁷ рассмотрел эту проблему в 1924 году и годом позже на конференции в Вашингтоне принял резолюцию, в которой рекомендовалось предоставить Постоянной палате международного правосудия полномочия выносить решения относительно международных правонарушений и преступлений⁸. В соответствии с этой резолюцией преступления, совершенные государствами, подлежали расследованию этим судебным органом в составе всех палат, а преступления, совершенные отдельными лицами, должны были передаваться на рассмотрение специальной палаты. Эта же конференция поручила также подкомиссии разработать репрессивный кодекс наций.

17. Наконец, Международная ассоциация уголовного права уже в 1926 году, в год своего создания, включила в повестку дня своего первого конгресса вопрос о международном уголовном правосудии. Она также выступала за то, чтобы Постоянной палате международного правосудия была предоставлена уголовная компетенция. В 1928 году Международная ассоциация международного права приняла проект статута о создании уголовной палаты в рамках Постоянной палаты международного правосудия⁹. Имя автора этого проекта Веспасиана В. Пеллы связано также с проектом международного уголовного кодекса, разработка которого была поручена ему тремя организациями и который был опубликован 15 марта 1935 года под названием Всемирный репрессивный кодекс¹⁰.

18. Ганс Кельзен, со своей стороны, выдвигал идею создания международной организации, которая заменила бы Лигу Наций и одним из органов которой был бы международный суд с пол-

Conference, Vienna, 1926, London, 1927, p. 126. Текст проекта статута международного уголовного суда, принятый Ассоциацией, воспроизводится в United Nations, *Historical survey of the question of international criminal jurisdiction...*, p. 61, appendix 4.

⁷ Pella, «La criminalité de la guerre d'agression et l'organisation d'une répression internationale», rapport présenté à la vingt-troisième Conférence de l'Union interparlementaire, *Compte rendu de la XXIIIe Conférence*, Washington et Ottawa, 1925, p. 205.

⁸ *Ibid.*, p. 24 à 29; текст воспроизводится в United Nations, *Historical survey of the question of international criminal jurisdiction...*, p. 70, appendix 5.

⁹ Проект статута, принятый Ассоциацией в 1928 году и пересмотренный в 1946 году, воспроизводится в United Nations, *Historical survey of the question of international criminal jurisdiction...*, p. 75, appendix 7. См. также Pella, *La guerre-crime et les criminels de guerre*, Paris, Pedon, 1946, p. 129, 2e éd., Neuchâtel, Editions de la Baconnière, 1964.

¹⁰ Pella, «Plan d'un code répressif mondial», *Revue internationale de droit pénal*, Paris, 12e année, 1935, p. 348.

³ Donnedieu de Vabres, *Introduction à l'étude du droit pénal international*, Paris, Sirey, 1922, p. 36; *Les principes modernes du droit pénal international*, Paris, Sirey, 1928, p. 403 et suiv.; «La Cour permanente de justice internationale et sa vocation en matière criminelle», *Revue internationale de droit pénal*, Paris, vol. 1, 1924, p. 175.

⁴ Pella, *La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir*, 2e éd., Bucarest, Imprimerie de l'Etat, 1926; «La répression des crimes contre la personnalité de l'Etat», *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1930-III*, Paris, Sirey, 1931, t. 33, p. 677.

⁵ См. J.-B. Herzog, *Nuremberg: un échec fructueux?*, Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1975, p. 25 à 31.

⁶ См. «Rapport du Comité sur la Cour permanente internationale criminelle», ILA, *Report of the Thirty-fourth*

номочиями судить лиц, виновных в незаконном применении силы или совершении военных преступлений, а также полномочиями рассматривать дела, переданные ему на апелляцию национальными судами в случаях нарушения международного права¹¹.

19. Однако усилия теоретиков, как бы похвальны они ни были, оставались бесплодными. Наряду с теорией и дипломатия без излишнего шума, как это она часто делает, прореагировала на озабоченность международного сообщества по поводу угроз миру, которые были характерны для периода между двумя войнами. То здесь, то там возникали конфликты, и не только на европейском континенте,— где имели место реокупация Рейнской области (1936 год), гражданская война в Испании (1936 год), аннексия Австрии (1938 год),— но также в Азии: захват Маньчжурии японскими войсками (1931 год); в Латинской Америке: война между Боливией и Парагваем (1932 год); и в Африке: вторжение в Эфиопию (1935 год). В течение этого периода усилия дипломатии были направлены на организацию системы коллективной безопасности посредством объявления агрессивной войны вне закона.

20. Достаточно лишь упомянуть о Женевском протоколе от 2 октября 1924 года, который закрепил принцип обязательного арбитража и впервые квалифицировал агрессивную войну как международное преступление¹². Следует также отметить декларацию от 24 сентября 1927 года, принятую на восьмой Ассамблее Лиги Наций, в которой повторялась формулировка 1924 года и агрессивная война рассматривалась как преступление¹³. К сожалению, протокол 1924 года не был ратифицирован, а декларация 1927 года была лишь сводом принципов без какой-либо системы санкций.

21. Тем не менее весь этот процесс нашел наиболее конкретное выражение в Договоре от 27 августа 1928 года об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога)¹⁴, на основе которого был учрежден Нюрнбергский международный военный трибунал; на день объявления войны в 1939 году в этом Договоре участвовали 63 государства, в том числе Германия, Италия и Япония. Однако, хотя в Пакте Бриана-Келлога война объявлялась вне закона, она не рассматривалась как преступление, по крайней мере согласно теории, которая лежала в основе Версальского договора и кото-

рая не позволила обвинить Вильгельма II по каким-либо другим соображениям, кроме моральных и политических.

22. Однако наряду с тенденцией к всеобщему запрещению войны реализм диктовал необходимость продолжать ее регламентацию. Так был подписан Вашингтонский договор от 6 февраля 1922 года относительно применения во время войны подводных лодок и удушливых газов¹⁵. В статье 3 этого Договора предусматривалось, что нарушение законов войны будет рассматриваться как преступление. Однако Вашингтонский договор никогда не применялся, поскольку не был ратифицирован. Были также приняты другие довольно известные соглашения и конвенции: Женевский протокол от 17 июня 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств¹⁶; Протокол, дополняющий положения Гаагской декларации от 29 июля 1899 года¹⁷; Женевская конвенция от 27 июня 1929 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях¹⁸. Эти документы подтвердили и усилили положения Гаагской конвенции 1907 года¹⁹. Все же следует отметить, что в интересующем нас вопросе эти различные документы с самого начала имели один и тот же недостаток: они устанавливали запреты, но не предусматривали при этом мер наказания. Профессор Доннедье де Вабр относил их к категории *leges imperfectae*, которые налагают моральные или политические обязательства без каких-либо действительных санкций.

23. Таким образом, накануне второй мировой войны международное сообщество как в области теории, так и в сфере дипломатии и политики пыталось защитить международный порядок с помощью права. Однако история кодификации была связана с конкретными событиями, имевшими, к сожалению, опасный и трагический характер. Так, убийство в Марселе в 1934 году короля Югославии Александра и президента Барту вновь взволновало мир. Франция, поддержанная другими европейскими странами, решила тогда передать эту проблему на рассмотрение Лиги Наций. Однако она была рассмотрена лишь с точки зрения терроризма²⁰, весьма узкой точки зрения, но свидетельствующей о том, что кодификация международного уголовного права зачастую бывает связана с действительностью и, к сожалению, во многом зависит от теку-

¹¹ Kelsen, *Peace through Law*, Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1944, pp. 127 *et seq.*, annexes I and II.

¹² Протокол о мирном урегулировании международных споров, принятый пятой Ассамблеей Лиги Наций (League of Nations, *Official Journal, Special Supplement No. 21*, p. 21).

¹³ Декларация об агрессивных войнах (*ibid.*, No. 54, p. 155).

¹⁴ League of Nations, *Treaty Series*, vol. XCIV, p. 57.

¹⁵ M. O. Hudson, ed., *International Legislation*, Washington (D. C.), 1931, vol. II (1922—1924), p. 794, No. 66.

¹⁶ League of Nations, *Treaty Series*, vol. XCIV, p. 67.

¹⁷ J. B. Scott, ed., *Les Conventions et Déclaration de la Haye de 1899 et 1907*, 3-d ed., New York, Oxford University Press, 1918, p. 225.

¹⁸ League of Nations, *Treaty Series*, vol. CXVIII, p. 305.

¹⁹ Scott, *op cit.*, p. 100.

²⁰ См. С. Eustathiadès, *La Cour pénal internationale pour la répression du terrorisme et le problème de la responsabilité internationale des Etats*, Paris, Pedon, 1936.

шего момента. Инициатива Франции привела к принятию Международной конференцией по борьбе с терроризмом Конвенции от 16 ноября 1937 года о создании международного уголовного суда²¹. Однако события, предшествовавшие второй мировой войне, помешали ратификации Конвенции и вступлению ее в силу.

В. Период после второй мировой войны

24. В первое время после второй мировой войны этот вопрос практически не получил какого-либо развития. Важные декларации, в частности Сент-Джеймская декларация от 13 января 1942 года, подписанная правительством Великобритании и различными правительствами, находившимися в эмиграции в Лондоне²², Межсоюзническая декларация от 17 декабря 1942 года, опубликованная одновременно в Лондоне, Москве и Вашингтоне²³, и Московская декларация от 30 октября 1943 года²⁴ от имени «большой тройки» указывали на необходимость «наказать посредством организованного правосудия» лиц, виновных в военных преступлениях. Союзные державы приняли торжественное обязательство впредь не проявлять нерешительности и не повторять ошибок, которые были характерны для позиции союзников после первой мировой войны. Кроме этих уже упомянутых политических деклараций следует отметить, что с юридической точки зрения наиболее важным актом является Соглашение от 8 августа 1945 года о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси и Устав Международного военного трибунала, содержащийся в приложении к указанному Соглашению²⁵. Эти два документа составили Нюрнбергскую систему. Позднее был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока, а 19 января 1946 года был принят его Устав²⁶.

25. Разумеется, Нюрнбергская система представляет собой важный прецедент, к которому мы еще вернемся. Однако достойно сожаления, что судебный орган, созданный на ее основе, был случайным, временным и носил специальный характер. Критические высказывания в отношении Нюрнбергской системы слишком хорошо извест-

ны, чтобы их повторять здесь. Ее подвергали критике за нарушение принципа *nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*, поскольку вину были вменены определенные деяния, а меры наказания были определены после совершения этих деяний. Нюрнбергскую систему критиковали за то, что на ее основе побежденные были отданы на суд победителей и был учрежден судебный орган для конкретного случая, в то время как гарантия прав подсудимых и их право на защиту требовали, чтобы преступления и меры наказания были определены заранее. Нет необходимости вступать сейчас в дискуссию. Следует лишь констатировать, что с интересующей нас точки зрения эта проблема по-прежнему не решена, хотя после этого важного события прошло почти полвека, и, с тех пор как погасли огни в судебном зале Нюрнберга, дискуссия не получила развития и оживает, по-видимому, лишь в связи с более или менее случайными событиями или кризисами.

26. Атмосфера почти религиозного идеализма, сложившаяся после трагических событий второй мировой войны, вызванное ими стремление к самоанализу и самосозерцанию заставило человечество после этой беспрецедентной катастрофы взглянуть на самого себя. В этих условиях руководители стран мира призвали предпринять ряд шагов, которые наряду с историческими решениями Нюрнберга и Токио были бы направлены на недопущение повторения подобных событий. Обращение к праву, примат которого, как представляется, был признан, рассматривалось тогда как средство борьбы с международными преступлениями и прежде всего как средство их предотвращения. Имело место стремление определить на будущее принципы, которыми отныне должны были руководствоваться в своих действиях люди и государства. Вполне естественно, что прежде всего взоры обратились на решения Нюрнбергского трибунала, чтобы найти в них принципы, которыми руководствовался этот высший международный судебный орган.

27. В соответствии с резолюцией 177 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 года эта задача была возложена на Комиссию международного права. Дискуссия в Комиссии развернулась главным образом вокруг вопроса о том, являются ли принципы, провозглашенные в решениях Нюрнбергского трибунала и в его Уставе, принципами международного права. Комиссия пришла к выводу, что принципы Нюрнберга были закреплены самой Генеральной Ассамблеей и что, следовательно, задача Комиссии заключается лишь в том, чтобы выявить и сформулировать их, что она и сделала. Однако наряду с этой задачей Генеральная Ассамблея в той же резолюции также поручила Комиссии составить проект «кодекса законов о преступлениях против мира и безопасности человечества». Проект ко-

²¹ League of Nations, document C.547(1). M.384(1).1937.V, воспроизводится в United Nations, *Historical survey of the questions of international criminal jurisdiction*, p. 88, appendix 8.

²² См. *History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War*, London, H. M. Stationery Office, 1948, pp. 89, and 90.

²³ *Ibid.*, p. 106.

²⁴ См. United Nations, *The Charter and judgment of the Nürnberg tribunal—History and Analysis*, memorandum submitted by the Secretary-General (Sales No. 1949.V.7), p. 87, appendix I.

²⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 82, p. 302.

²⁶ *Documents on American Foreign Relations*, Princeton University Press, 1948, vol. VIII (July 1945—December 1946), pp. 354 et seq.

декса, подготовленный Комиссией в 1951 году²⁷, был представлен Генеральной Ассамблее на ее шестой сессии, но его рассмотрение было перенесено Ассамблеей на следующую сессию. На седьмой сессии в 1952 году Генеральная Ассамблея решила снять со своей повестки дня вопрос о проекте кодекса и передать его на рассмотрение Комиссии. С некоторыми изменениями проект был снова представлен Генеральной Ассамблее на ее девятой сессии в 1954 году²⁸. Однако Ассамблея отложила его рассмотрение на том основании, что кодекс тесно связан с определением агрессии, разработка которого была поручена

²⁷ См. доклад Комиссии о работе ее третьей сессии, *Ежегодник...*, 1951 год, том II, стр. 134 и далее англ. текста, документ A/1858, пункт 59.

²⁸ См. доклад Комиссии о работе ее шестой сессии, *Ежегодник...*, 1954 год, том II, стр. 151—152 англ. текста, документ A/2693, пункт 54.

Специальному комитету, а его доклад еще не был завершен²⁹.

28. В итоге, после многочисленных перипетий Генеральная Ассамблея в резолюции 33/97 от 16 декабря 1978 года просила Генерального секретаря предложить заинтересованным государствам-членам и организациям представить замечания по проекту, а также просила его представить доклад на ее тридцать пятую сессию в 1980 году³⁰. Так обстояло дело с этим вопросом к моменту принятия резолюции 36/106 от 10 декабря 1981 года, упомянутой в пункте I настоящего доклада.

²⁹ Резолюция 897 (IX) Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1954 года.

³⁰ A/35/210 и Add. 1 и 2 и Add. 2/Corr. 1.

ГЛАВА II

Сфера применения проекта кодификации

29. Для того чтобы определить сферу применения предусмотренного кодекса, надо ответить на два существенно важных вопроса: какие именно преступления? какие именно субъекты права?

А. Какие преступления охватываются кодификацией?

30. Необходимо рассмотреть два вида различий:

a) между преступлениями согласно международному праву и преступлениями согласно внутреннему праву;

b) между политическими преступлениями и уголовными преступлениями.

1. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ СОГЛАСНО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ СОГЛАСНО ВНУТРЕННЕМУ ПРАВУ

31. Необходимо различать преступления согласно международному праву, то есть такие преступления, определение которых относится к области международного права независимо от каких бы то ни было норм внутреннего права, и другую категорию преступлений, последствия и результаты которых не ограничиваются территорией одного государства, но которые в принципе не являются преступлениями согласно международному праву. Сотрудничество государств в области пресечения преступлений этой последней

категории иногда становилось источником путаницы, которую необходимо было устранить. Большая скорость транспортных средств и различных средств сообщения создала благоприятные условия для международного бандитизма. Лица, виновные в совершении многочисленных уголовных преступлений, сегодня широко используют эти средства для того, чтобы избежать правосудия в тех странах, где они совершили злодеяния. Сложилась определенная система взаимопомощи, когда преступники из различных стран предоставляют друг другу убежище, обмениваются информацией и таким образом обрекают на неудачу действия национальных правоохранительных органов.

32. Для того чтобы противостоять этому явлению, государства были вынуждены наладить сотрудничество, особенно необходимое потому, что в силу прочно укоренившейся традиции принцип территориальности уголовного законодательства считается основным принципом современного уголовного права. Таким образом, в рамках внутреннего права получила развитие отрасль, которую неверно называют, по крайней мере во французской терминологии, международным уголовным правом и которая в действительности является чисто внутренней отраслью, поскольку она связана с изучением внутренних законов, определяющих компетенцию иностранных органов юстиции, а также практику признания решений за пределами территории того государства, где они были вынесены. Такое ошибочное представление могло возникнуть в результате того, что

различные страны вынуждены были, в силу необходимости развития сотрудничества в этой области, придать гибкость твердому принципу территориальности уголовного законодательства; таким образом, эту отрасль права назвали «международным уголовным правом». Однако преступления, на которые распространяется эта отрасль права, являются, по сути дела, преступлениями согласно внутреннему праву, а органы юстиции, компетентные рассматривать их,— внутренними органами, и если эти преступления и могут классифицироваться как международные преступления, то лишь посредством принятия конвенции или в силу обстоятельств, которые сопутствовали совершению таких преступлений. Этим-то они и отличаются от собственно международно-правовых преступлений, которые непосредственно относятся к области международного права независимо от воли государств.

33. Некоторые авторы³¹ считают, что становление нового международного порядка ослабит принцип суверенитета государств и как неизбежное его следствие — принцип территориальности уголовного законодательства и что отрасль права, о которой только что говорилось и в рамках которой рассматриваются коллизии законов и компетенций, равно как и относящиеся к этому вопросу конвенции, перестанет существовать, поскольку появится новая отрасль, сфера охвата которой будет расти, ибо она будет касаться все расширяющейся области собственно международно-правовых преступлений, на которые не распространяются коллизии законов и компетенций. Сферой охвата этой новой отрасли права, по поводу названия которой существуют разногласия³², станет единый мир, мир, не имеющий границ, где правонарушения будут рассматриваться сами по себе, без привязки к какой-либо территории. Этот идеальный мир, возможно, является делом будущего. Здравый смысл требует, чтобы мы придерживались реальности сегодняшнего дня, а она совершенно иная. Она характеризуется многообразием источников и причин совершения международного преступления, что обуславливает наличие различных аспектов этого понятия.

34. Наряду с преступлениями, являющимися международными по своей природе, то есть такими, которые относятся непосредственно к области международного права, имеют место преступления, которые являются таковыми в силу какой-либо конвенции, и международные преступления, которые подпадают под эту категорию только в силу обстоятельств, сопутствующих их совершению. «Существование» такого рода разрушает единство понятия международ-

ного преступления, поскольку в нем можно выделить три различные категории. К первой категории преступлений, категории собственно международно-правовых преступлений, или преступлений, международных по своей природе, относятся преступления, представляющие собой посягательства на священные понятия, на принципы цивилизации, которые должны охраняться как таковые, например права человека, мирное сосуществование государств. Во имя защиты этих принципов рабство, агрессия, колонизация, апартеид и т. п. рассматриваются в международном праве как преступления. К этой категории преступлений можно отнести и преступления, которые наносят ущерб общему наследию человечества, например окружающей среде. Ко второй категории относятся преступления, которые стали международными лишь в силу необходимости их пресечения и которые вследствие принятых конвенций были вынесены за национальные рамки и стали рассматриваться в международном плане. И наконец, в третью категорию входят случаи, когда в силу стечения обстоятельств правонарушения согласно внутреннему праву переходят в область международного права. Это происходит в тех случаях, когда государство совершает правонарушение или становится его соучастником. В действительности, конечно же, это различие проявляется не так четко. Преступления, международные по своей природе, иногда становятся предметом конвенции, например Конвенции о принудительном или обязательном труде³³, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации³⁴. Однако появлению конвенции часто предшествует осуждение той или иной деятельности, и конвенция лишь закрепляет моральную эволюцию. Так обстоит дело, например, в случае с осуждением рабства. Кроме того, третья категория преступлений ни в коей мере не носит характера *suí generis*, поскольку она охватывает преступления, которые являются внутренними преступлениями и интернационализация которых является лишь следствием участия какого-либо государства в их совершении. Данную категорию, которая не имеет никаких специфических характеристик, можно было бы не принимать во внимание. Однако в интересах полноты анализа о ней необходимо упомянуть.

35. Таким образом, вполне очевидно, что ценность предполагаемого различия является относительной. Между тем, такое различие позволяет поставить существенно важный вопрос. Какая категория преступлений охватывается процессом кодификации? Представляется, что в 1954 году Комиссия прежде всего имела в виду первую категорию, а именно преступления, международ-

³¹ См., в частности, Pella, *La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir*, op. cit.

³² Эту отрасль права предлагается назвать межгосударственное уголовное право, универсальное уголовное право, наднациональное уголовное право или международное уголовное право.

³³ Конвенция № 29, принятая 28 июня 1930 года Генеральной конференцией МОТ на ее четырнадцатой сессии, МОТ, *Конвенции и рекомендации, 1919—1966 годы*, Женева, 1966, стр. 197.

³⁴ Конвенция, подписанная в Нью-Йорке 7 марта 1966 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 660, p. 240.

ные по своей природе, то есть преступления, которые относятся непосредственно к области международного права, но не охватываются никакой международной конвенцией, или преступления, которые хотя и являются предметом конвенции, могли бы считаться преступлениями согласно международному праву, даже если бы такой конвенции не было. В таком случае возникает вопрос, сохранит ли Комиссия свою предыдущую позицию. И действительно, как уже было указано, миру и безопасности человечества могут угрожать правонарушения, которые необязательно являются преступлениями, международными по своей природе. Но Комиссия на своей третьей сессии в 1951 году решила не рассматривать эти правонарушения. Таким образом, она оставила в стороне такие вопросы, как пиратство, подделка денежных знаков, повреждение подводных кабелей. Теперь дискуссия возобновляется. Перечисленные преступления могут стать международными преступлениями, когда они совершаются государством или при его участии, а некоторые из них приобрели такой размах, что можно задаться вопросом, не перешли ли они из области внутреннего права в область международного права и не стали ли они преступлениями, международными по своей природе. Так, например, обстоит дело с угоном самолетов. В любом случае можно видеть, что различие между преступлениями согласно внутреннему праву и преступлениями согласно международному праву является относительным и зачастую произвольным. Мы вернемся к нему при рассмотрении метода кодификации. Во всяком случае, возникает вопрос, станет ли Комиссия придерживаться такого разграничения, как она это делала в 1954 году.

2. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И УГОЛОВНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

36. Комиссия международного права в проекте кодекса, разработанном в 1954 году, встала на ту точку зрения, что категория преступлений против мира и безопасности человечества «должна включать только те преступления, в которых имеется политический элемент и которые угрожают или препятствуют поддержанию международного мира и безопасности»³⁵. С тех пор это различие между уголовными и политическими преступлениями подвергалось суровой критике. Прежде всего следует отметить, что иногда трудно провести грань между «политическим» и «неполитическим». А если она и существует, она подвижна и неуловима. Трудно определить политические мотивы деяния. Государства, исходя из своих философских, моральных или идеологических позиций, по-разному определяют политический характер и мотивы какого-либо деяния. «Граница между истиной и заблуждением про-

ходит по Пиренеям»,— гласит древняя поговорка, а Бальзак облек эту мысль в выразительную саркастическую форму: «Заговорщики, потерпевшие поражение,— это бандиты. Победив, они становятся героями». Более того, сегодняшнее заблуждение может стать истиной завтра. Кладбища заполнены жертвами безрассудства и фанатизма современников этих жертв. Отмечалось также, что перенос понятия из области внутреннего права — понятия политического преступления — в область международного права чреват опасностью. Во внутреннем праве политическое преступление определяется как деяние, направленное против какой-либо формы правления или определенного политического строя государства. В этом смысле пресечение такого преступления относится исключительно к области внутреннего правопорядка этого государства.

37. Более того, политический элемент часто считают элементом, который ведет к смягчению и гуманизации условий заключения и обращения с лицами, виновными в совершении политических преступлений. По-прежнему остается в моде тенденция делать из политических преступников героев и надевать на них терновый венец. Некоторые страны проявляют к ним снисходительность, которая сдерживает и усложняет международное сотрудничество в области пресечения этого типа правонарушений и делает выдачу преступников практически невозможной. В современном мире, то есть в мире, разделенном на различные идеологические и политические системы, пресечение политических преступлений на универсальной основе представляется делом нереальным. Попытаться опровергнуть истинность этих утверждений — занятие тщетное. Однако не в этом заключается наибольшая слабость позиции Комиссии. В действительности большинство преступлений против мира и безопасности человечества совершается по политическим мотивам. Нацизм, породивший зверские преступления второй мировой войны, был политической доктриной, в основе которой лежала идеология, построенная на концепции превосходства одной расы и одной нации и господства одного государства. Для очистки совести большинство преступлений глобальных масштабов прикрывают верой и идеями. Следовательно, политическое преступление может касаться как внутреннего, так и международного правопорядка. Однако не все преступления против мира и безопасности человечества обязательно имеют политическое содержание. Серьезный ущерб окружающей человека среде может наноситься ради извлечения выгоды, и его причиной может стать беспредельный эгоизм. Такого рода посягательства являются преступлениями против мира и безопасности человечества, если в силу своей серьезности и масштабов они наносят ущерб основным интересам международного сообщества. Можно также считать, что авторы Устава Нюрнбергского трибунала сосредоточили внимание не столько на по-

³⁵ См. доклад Комиссии о работе ее третьей сессии (сноска 27, выше), стр. 134 англ. текста, пункт 58 а.

литическом содержании правонарушений, сколько на степени их серьезности, на их отвратительном характере, масштабах и последствиях для международного сообщества.

38. В любом случае Комиссии следовало бы вновь подумать над этой важной проблемой, чтобы определить, какие преступления относятся к категории преступлений против мира и безопасности человечества и по каким критериям их можно квалифицировать как таковые. Политический критерий представляется недостаточным. Некоторые политические преступления относятся лишь к области внутреннего правопорядка. И наоборот, некоторые уголовные преступления в силу своих масштабов и последствий для международного сообщества не могут не затрагивать область международного правопорядка. Нельзя, например, утверждать, что торговля наркотиками, которая в настоящее время часто организована во всемирных масштабах и угрожает здоровью человека вообще, а не только здоровью граждан определенной страны, не является в некоторых случаях международным преступлением. Когда же эта торговля организована при соучастии какого-либо государства, она может стать преступлением против мира и безопасности человечества. Однако мотивы, которые стоят за этой торговлей, в подавляющем большинстве случаев носят корыстный характер. Подобным же образом обстоит дело и с изготовлением фальшивых денег. Случаи организованного государством изготовления фальшивых денег не являются чисто гипотетическими. Этот вопрос уже обсуждался 10 июня 1926 года в Совете Лиги Наций в связи с обнаружением в Венгрии предприятия по изготовлению фальшивых французских банкнот достоинством в 1000 франков. Многие тогда считали, что изготовление фальшивых денег при подобных обстоятельствах «относится к средствам, которые являются совершенно недопустимыми в международных отношениях, и что, если подобные факты повторяются, найдется международный форум» для их пресечения³⁶. Этот случай был положен в основу Международной конвенции от 20 апреля 1929 года по борьбе с подделкой денежных знаков³⁷, Конвенции, которая предусматривала скорее международную защиту всех валют, нежели налаживание сотрудничества, позволяющего каждому государству охранять свою собственную валюту. С другой стороны, большое значение имело упоминание о международном форуме.

39. Из вышесказанного следует, что преступление против мира и безопасности человечества может совершаться как по политическим, так и по чисто эгоистическим мотивам и что критерий

³⁶ League of Nations, *Official Journal*, 7th year, No. 7, July 1926. *Minutes of the fortieth session of the Council* (7—10 June 1926), Fourth meeting (public), p. 871, особенно стр. 873.

³⁷ *Id. Treaty Series*, vol. CXII, p. 371.

определения этих преступлений следует искать в другом. Комиссия, несомненно, придет к выводу о необходимости искать этот критерий в положениях статьи 19 части I проекта статей об ответственности государств³⁸. В соответствии с пунктом 2 этой статьи международное преступление является результатом нарушения международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается международным сообществом в целом как преступление. Прилагательные «основополагающие» и «жизненно важные» определяют степень серьезности международно-противоправного деяния, которая связана с объективным и субъективным критериями.

40. Объективный критерий — это жизненно важные интересы международного сообщества. Субъективный критерий — это оценка правонарушения самим международным сообществом. Именно этот субъективный элемент, иными словами, оценка правонарушения международным сообществом, то есть то, как оно его воспринимает, вынуждает переносить правонарушение из сферы внутренней в сферу международную и квалифицировать его как преступление согласно международному праву. В действительности дело обстоит именно так даже в национальных уголовных законодательствах. Именно по степени серьезности правонарушения, как она оценивается в коллективном сознании национального общества, это правонарушение определяется как преступление или как деликт; при этом роль закона состоит в закреплении этого субъективного элемента *a posteriori*.

41. Хотя в статье 19 дается общее определение международного преступления, в ней нет определения преступления против мира и безопасности человечества — понятие, которое имеет свои характерные черты. Специальный докладчик анализирует это понятие ниже. В любом случае, учитывая вышесказанные соображения, можно видеть, насколько трудно определить сферу охвата данной темы. Та область, которая в 1954 году не была объектом кодификации, сегодня покажется ее составной частью. Переход от внутреннего правопорядка к международному происходит в результате неумолимого сдвига, часто под влиянием *jus cogens*. Столь же часто вмешательство государств во все более расширяющиеся сферы жизни также ведет к тому, что их деятельность переходит из внутренней сферы в международную. С другой стороны, как будет видно, сама сложность понятия преступления против мира и безопасности человечества, равно как и многообразие источников этого преступления, затрудняет определение сферы охвата темы.

³⁸ *Ежегодник.., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 32.*

В. Субъекты права

42. Небезынтересно знать, на каких субъектов права можно возложить международную уголовную ответственность. Комиссия приняла решение ограничить круг таких субъектов индивидуумами, исключив из сферы своего исследования проблему уголовной ответственности других субъектов, в частности государств. Таким образом, она встала на точку зрения Нюрнбергского трибунала, который утверждал, что именно люди, а не какие-то абстрактные субъекты совершают преступления, наказания за которые должны носить характер международно-правовых санкций.

43. По этому вопросу ведется интересная теоретическая дискуссия. Надо сразу отметить, что эта проблема по-разному рассматривается в гражданском и уголовном праве. Если в гражданском праве субъектом права в международном плане является государство, то с точки зрения уголовного права, напротив, субъектом международного права является индивидуум. Такая перестановка субъектов послужила поводом для бурного обмена мнениями в Шестом комитете, когда он приступил к изучению Нюрнбергского принципа I в том виде, в каком он был определен Комиссией международного права³⁹. В принципе I, согласно которому всякое лицо, совершившее какое-либо действие, представляющее собой международное преступление, несет за него ответственность и подлежит наказанию, одни хотели видеть признание индивидуума в качестве субъекта международного права. Другие, напротив, считали, что правосубъектность индивидуума должна ограничиваться областью международного уголовного права, в которой к тому же она оправдана лишь тем фактом, что уголовное право признает только ответственность конкретного лица. Международная правосубъектность индивидуума является исключением, связанным с самим характером уголовного права. Правило же по-прежнему заключается в том, что главным субъектом международного публичного права является государство. Конвенции, устанавливающие непосредственные отношения между индивидуумом и международным правом, по-прежнему являются исключением. По правде говоря, проблема индивидуума как субъекта международного права выходит за рамки данного исследования, которое ограничивается международным уголовным правом. Единственный вопрос, который нас в данном случае интересует, заключается в том, чтобы выяснить, могут ли юридические лица привлекаться к международной уголовной ответственности. Этими юридическими лицами могут быть либо группы или ассоциации, либо государства. Несмотря на

занятую Нюрнбергским трибуналом позицию, по этому вопросу среди юристов единодушия нет. Наблюдается усиление противоположной тенденции, согласно которой нельзя по-прежнему игнорировать вопрос об уголовной ответственности юридических лиц.

44. Проблема уголовной ответственности юридических лиц возникает не только в международном, но и во внутреннем праве. В настоящее время в праве некоторых стран признается, что, например, коммерческие компании могут привлекаться к ответственности за уголовные правонарушения, в частности за экономические преступления, и на них могут налагаться денежные штрафы. Сама Комиссия, как известно, недавно приняла уже упоминавшуюся статью 19 (пункт 39, выше) проекта статей об ответственности государств, в пункте 2 которой речь идет о международных преступлениях. В статье 19 перечисляется ряд правонарушений, рассматриваемых в качестве международных преступлений: агрессия, установление или сохранение силой колониального господства, рабство, геноцид, апартеид, правонарушения, связанные с защитой и сохранением окружающей среды. Впрочем, этот перечень является иллюстративным и может быть продолжен. Включение указанной статьи в проект статей об ответственности государств свидетельствует о возобновлении дискуссии. Действительно, возникает вопрос, необходимо ли сегодня придерживаться прежней позиции Комиссии, которая заключалась в том, что в ее проекте кодекса 1954 года государства были изъяты из сферы кодификации. Если это уже не так, то Комиссии придется внести значительные изменения в проект 1954 года, и тем самым долгим теоретическим дискуссиям, несомненно исключительно интересным, но, по-видимому, бесконечным, между сторонниками и противниками уголовной ответственности государств будет положен конец.

45. В своем труде *La Criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir* Пелла уже рассматривал вопрос о привлечении этих высоких субъектов права, каковыми являются государства, к уголовной ответственности⁴⁰. Понятие преступного государства, с трудом воспринимавшееся в начале века, благодаря кропотливым исследованиям и настойчивости Пеллы вызывает все больший интерес. Необходимость понятия уголовной ответственности государства оправдывается тем, что меры принуждения, предусматривающие применение силы, если они иногда требуются, например, для прекращения агрессии, не рассматриваются как акты правосудия. Государство-агрессор всегда будет считать, что оно ус-

³⁹ См. доклад Комиссии о работе ее второй сессии, *Ежегодник*, 1950 год, том II, стр. 374 англ. текста, документ A/1316, «Формулировка Нюрнбергских принципов».

⁴⁰ *Op. cit.*; см. также того же автора «La responsabilité internationale pénale des personnes morales», *Actes du deuxième Congrès international de droit pénal*, Bucarest, octobre 1929, Paris, Godde, 1930, p. 582.

тупило силе, а не праву. Оно будет считать себя побежденным, а не виновным. Поэтому понятие уголовной ответственности государств вводит важный моральный элемент, заключающийся в том, что оно вынуждает виновное государство осознать свою ошибку перед международным сообществом. Кроме того, по мнению того же автора, государство — это не просто абстрактное понятие. Опираясь на хорошо известные теории коллективной психологии и коллективной воли, согласно которым любая группа людей обладает чувствами, рефлексам и волей, отличным от чувств, рефлексов и воли ее членов, Пелла нашел в этих элементах обоснование теории уголовной ответственности государства, вытекающей из коллективной воли нации. Эта воля, по мнению Пеллы, выражается через посредство конституционных органов государства, в частности, при принятии таких важных решений, как объявление войны. Выступая против афоризма Наполеона, согласно которому коллективное преступление не влечет ничьей ответственности, Пелла полагает, что уголовная ответственность государства ставит каждого индивидуума перед угрозой санкций, которые способны уменьшить международную преступность. Необходимо признать, что понятие преступного государства вызывает все больший интерес. Однако не менее очевидна и трудность применения этого понятия на практике. Если не считать решений, которые могут быть приняты согласно главе VII Устава Организации Объединенных Наций и которые, собственно говоря, являются не уголовными санкциями, а мерами, то принудить какое-либо государство трудно. Заставить какое-либо государство предстать перед международным уголовным судебным органом, если оно, увы, не побеждено, представляется по крайней мере перепальным. Комиссия должна будет вновь высказаться по этой важной проблеме и заявить, намерена ли она пуститься в эту увлекательную авантюру, граничащую с научной фантастикой, по крайней мере при нынешней организации мира. Заставить государство сойти с высокого пьедестала, на котором оно рассматривалось в прошлом как божество, с тем чтобы превратить его в обычное создание, способное на ошибки и заблуждения, предписать ему образ поведения и этику, которых необходимо придерживаться под угрозой применения судебных наказаний, — это, несомненно, означает совершить полный переворот в идеях и концепциях, господствовавших до сих пор.

46. Иногда высказывалось мнение, что в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала содержится в зародыше идея уголовной ответственности преступных организаций, рассматриваемых в качестве групп, то есть в качестве юридических лиц. Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям единогласно приняла 16 мая 1945 года рекомендацию С.105(1), в пункте *b* которой правительствам ре-

комендовалось предавать коллективному или индивидуальному суду всех, кто, входя в эти преступные банды, каким-либо образом участвовал в преступлениях, совершавшихся коллективно какими-либо группами, образованиями или соединениями⁴¹. Именно под влиянием этой рекомендации был разработан Устав Нюрнбергского международного военного трибунала⁴², и в частности его статья 6, в которой предусматривалось, что международный судебный орган компетентен судить главных военных преступников как обвиняемых индивидуально или как членов организации. От этого положения до вывода о том, что преступные организации могли предстать перед уголовным судебным органом, оставался лишь один шаг. Однако было бы опасно решиться на него. Статьи 9 и 10 являются достаточно убедительными и дают представление о том, что в Уставе Нюрнбергского трибунала ни в коей мере не ставилась цель возложить уголовную ответственность на преступные организации как на юридические лица. В действительности эти статьи просто предоставляли высокому Трибуналу полномочия объявлять какую-либо конкретную организацию преступной. Объявление ее преступной должно было являться предварительным условием для любого преследования ее членов национальными судебными органами. Во время суда, проходившего отдельно от судебных процессов над обвиняемыми, шесть национал-социалистских организаций были объявлены преступными. Объявление какой-либо организации преступной было только предпосылкой, необходимым условием для индивидуального преследования ее членов. Поэтому нельзя лишь на основе существования вышеупомянутых статей делать вывод о наличии хотя бы малейшей тенденции к признанию международной уголовной ответственности юридических лиц. Однако научные споры после Нюрнберга не утихли. Даже трудность добиться того, чтобы какое-либо государство понесло вынесенное по приговору суда наказание, не заставила отступить сторонников теории ответственности юридических лиц. Против юридических лиц, утверждают они, можно применять санкции, соответствующие их природе: предупреждение, штраф. Государствам можно предписать демонтировать военные заводы. К ним можно применить нечто вроде *capitis diminutio*, что уменьшит их правоспособность (например, лишить их права производить определенные виды вооружений). На сегодняшний день судебного прецедента, предусматривающего подобные меры, не существует. Нюрнбергский трибунал судил не государства. В отношении государств решения принимались правительствами государств-победителей, а не их судебными органами.

⁴¹ См. *History of the United Nations War Crimes Commission, op. cit.*, p. 296.

⁴² См. сноску 25, выше.

47. Трудной проблемой, разумеется, является проблема отличия наказаний от санкций. О наказаниях можно говорить лишь в том случае, если они вытекают из судебного решения; санкция, напротив, может быть результатом акта, не носящего судебного характера. Следует также отметить, что в настоящее время проявляется тенденция чаще использовать термин «меры» или «контрмеры», для того чтобы квалифицировать действия, предпринимаемые каким-либо государством или международной организацией в ответ на действия, способные причинить ущерб, или в целях их недопущения. По мнению некоторых авторов, это различие имеет лишь чисто теоретическое значение. Профессор Доннедье де Вабр в своем докладе первому Международному конгрессу по уголовному праву в 1925 году писал:

Наказания [выносимые в отношении государства] не отличаются по своей природе от экономических, финансовых или военных мер, предусматриваемых в статье 16 Устава [Лиги Наций] в качестве средства принуждения...⁴³.

Поддерживая это мнение, швейцарский юрист Жан Гравэн писал⁴⁴:

Санкция, называют ли ее «наказанием» или «мерой», является санкцией, ибо важно не ее название, а она сама.

⁴³ *Premier Congrès international de droit pénal, Bruxelles, 20—29 juillet 1926, Actes du Congrès, Paris, Goddard, 1927, p. 408.*

⁴⁴ Ответ на вопросник Международной ассоциации уголовного права и Международной юридической ассоциации (ноябрь 1949 года). См. также «Principes fondamentaux d'un code répressif des crimes contre la paix et la sécurité de l'humanité», *Revue de droit international de science diplomatique et politique* (A. Sottile), Genève, 28e année, 1950, p. 381 et 382.

Пусть она предупреждает и карает, пусть она будет ошутимой и заставит искупить вину, пусть она устрашает или сдерживает, служит примером, исправляет и препятствует повторению преступления, и если она имеет все эти различные последствия, то тем лучше. Однако есть ли необходимость любой ценой добиваться того, чтобы как «наказание» она имела одни последствия, а как «мера» — другие и чтобы эти последствия были свойственны только одной или только другой форме санкции.

...

Санкции против государства — будь то дипломатические, политические, экономические или военные — многочисленны; государство, имеющее значительные материальные, территориальные, моральные ценности и привилегии, может быть существенно ущемлено в пользовании всеми этими благами вследствие принятия различных мер: от разрыва дипломатических отношений до наложения секвестра на его собственность, разрушения сооружений и демонтажа заводов; от блокады, эмбарго и бойкота до крупных штрафов, введения налогов и конфискации имущества; от высадки десанта до военной оккупации.

Однако, несмотря на мнение видного юриста, приходится признать, что наказания и меры, хотя они зачастую и приводят к одному и тому же результату, не имеют одинаковой природы и одинаковой правовой основы. Кроме того, меры могут быть превентивными, а наказания, напротив, выносятся *a posteriori*.

48. Как бы то ни было, Комиссия должна сгласовать свои позиции, приведя свой проект кодекса 1954 года о преступлениях против мира и безопасности человечества в соответствие со статьей 19 части I проекта об ответственности государств. Теперь, видимо, необходимо высказать несколько кратких замечаний о методе, которого следует придерживаться при разработке проекта.

ГЛАВА III

Методика кодификации

49. Первое замечание, которое приходит на ум при рассмотрении проекта кодекса, разработанного Комиссией международного права в 1954 году, — это отсутствие общей части, если не считать утверждения о том, что преступления против мира и безопасности человечества являются международно-правовыми преступлениями. Комиссия воздержалась от определения критерия, который позволял бы выявлять преступления против мира и безопасности человечества в широкой гамме международно-правовых преступлений. Кроме того, в проекте не отражены принципы уголовного права, например, норма *nulla poena sine lege*, а также теория оправданных действий (законная самооборона и участие в действиях, рекомендованных или предпринимаемых Организацией Объединенных Наций) или же теория смягчающих обстоятельств. Несом-

ненно, Комиссия имела законное право считать, что некоторые общие принципы права являются сегодня неотъемлемой частью общего международного публичного права.

50. Однако в отношении принципа *nulla poena sine lege* мотивы, которыми руководствовалась Комиссия, не кажутся уж столь простыми. Вначале Комиссия подтвердила этот принцип в проекте статьи 5, сформулированном следующим образом:

Наказание за любое преступление, определяемое в настоящем кодексе, устанавливает суд, которому подсуден обвиняемый индивидуум, принимая во внимание тяжесть данного преступления⁴⁵.

⁴⁵ См. доклад Комиссии о работе ее третьей сессии (сноска 27, выше), стр. 137 англ. текста.

В дальнейшем Комиссия опустила этот проект статьи 5, отложив обсуждение вопроса о наказании до последующего рассмотрения вопроса о претворении кодекса в жизнь, а конкретнее говоря, вопроса об органе уголовного правосудия. Следует, однако, сказать, что это решение придает разработанному проекту довольно странный вид. Он выглядит как каталог, как простой перечень преступлений и не предусматривает каких-либо мер. Уголовный кодекс, не предусматривающий санкций, столь же бесполезен для современного общества, как и мумии фараонов. Принцип *nulla poena sine lege* делает его неприменимым. Этот принцип, подтвержденный во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года (пункт 2 статьи 11), является одной из основ уголовного правосудия⁴⁶. Именно им руководствовались голландские власти, отказавшись выдать бывшего императора Вильгельма II суду союзников после войны 1914—1918 годов, на нем основывалась и критика в отношении решений Нюрнбергского трибунала. Жан-Андре Ру, почетный советник кассационного суда Франции, писал:

Принцип *nulla poena sine lege*, от которого весьма известные авторы, по-видимому, легко отказались, должен, напротив, регулировать уголовное право в отношениях между нациями так же, как он регулирует все области национального уголовного права. Чем выше пост занимает лицо, которое совершило правонарушение и которому угрожает судебное преследование, тем конкретнее должны быть условия, регулирующие его ответственность и определяющие меры его наказания⁴⁷.

Несомненно, применение принципа *nulla poena sine lege* представляется деликатным делом в области международного права, учитывая разнообразие национальных правовых систем. Однако поскольку преступления против мира и безопасности человечества являются одними из наиболее одиозных и самых чудовищных преступлений, по-видимому, нетрудно определить наказание за них, руководствуясь самыми суровыми мерами наказания, предусмотренными в национальных законодательствах.

51. Что касается законной самообороны, то речь идет о понятии, закрепленном в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций, в которой говорится о «неотъемлемом праве на индивидуальную или коллективную самооборону». Разумеется, не следует забывать о тех спорах, которые вызывает понятие законной самообороны, учитывая как саму концепцию, так и трудности установления законности самообороны в каждом конкретном случае. Сама Комиссия не решилась дать какое-либо его определение в своем проекте статей об «ответственности госу-

дарств»⁴⁸ ввиду споров, которые вызывает это правовое понятие. Она ограничилась лишь констатацией наличия этой основополагающей нормы как в Уставе Организации Объединенных Наций, так и в обычном международном праве. Тем не менее возникает проблема: должны ли вышеупомянутые понятия содержаться и в проекте уголовного кодекса? Несомненно, как уже говорилось, в проекте статей об ответственности государств имеются соответствующие статьи об обстоятельствах, исключающих противоправность какого-либо международно-противоправного деяния. Однако не следует забывать, что этот проект касается скорее гражданской ответственности, тогда как наш проект касается уголовной ответственности, хотя зачастую оба эти понятия имеют один и тот же источник — правонарушение. В любом случае, Комиссии следует решить, будет ли она придерживаться первоначального метода или же намерена теперь выработать какой-либо критерий и изложить общие принципы уголовного права в виде нескольких вводных статей.

52. Определение критерия имело бы еще одно преимущество. Оно, возможно, позволило бы связать предлагаемый перечень в единую цепь, в непрерывную нить и тем самым четко показало бы неограниченный и преходящий характер этого перечня. Как уже отмечалось, превращение правомерного действия в неправомерное зачастую происходит незаметно, и определенная практика и определенные обычаи, издавна считавшиеся незыблемыми, оказываются в «лавке древностей». Еще недавно некоторые серьезные авторы и даже духовные лица узаконивали в своих трудах право на колонизацию⁴⁹, а колониальное право обязательно входило в программы университетов. Следовательно, любой перечень международных преступлений должен наводить на мысль о том, что он является временным и зависящим от обстоятельств. Уже в период между Нюрнбергом и 1954 годом, датой разработки первого проекта Комиссии, были отмечены значительные изменения. Изменения происходили в период с 1954 года до настоящего времени. Когда в 1947 году Комиссии международного права было поручено выявить принципы, содержащиеся в Уставе Нюрнбергского трибунала и в его решении, она выделила в рамках принципа VI правонарушения, которые в то время считались международно-правовыми преступлениями⁵⁰. Речь шла в первую очередь об агрессии, о нарушении законов и обычаев войны и о преступлениях против человечества, но только «если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при совершении какого-либо преступления против мира или како-

⁴⁶ Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года.

⁴⁷ См. Pella, *La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir*, op. cit., p. cxxxii, «enquête internationale».

⁴⁸ См. статью 30 и комментарии к этой статье части I проекта статей об ответственности государств, *Ежегодник.., 1979 год*, том II (часть вторая), стр. 154 и далее.

⁴⁹ J. Folliet, *Le droit de colonisation: étude de morale sociale et internationale*, Paris, Bloud et Gay, 1933.

⁵⁰ См. сноску 39, выше.

го-либо военного преступления или в связи с таковыми».

53. Комиссия уже в 1954 году значительно расширила перечень упоминаемых преступлений и, более того, ликвидировала необходимую связь преступлений против мира и военных преступлений с преступлениями против человечества, а это условие требовалось для того, чтобы указанные преступления рассматривались как правонарушения. Таким образом, в проекте 1954 года были определены и закреплены новые преступления против мира и безопасности человечества. Речь шла о:

a) вторжениях вооруженных банд на территорию какого-либо государства, организуемых или поощряемых, или же допускаемых властями другого государства;

b) деятельности, направленной на разжигание гражданской войны в каком-либо государстве, когда такая деятельность предпринимается или поощряется, или же допускается властями другого государства;

c) террористической деятельности, когда она предпринимается, поощряется или допускается властями какого-либо государства в целях совершения террористических актов на территории другого государства;

d) действиях властей какого-либо государства в нарушение обязательств, вытекающих из договора, целью которого является обеспечение международного мира и безопасности посредством сокращения или ограничения вооружений, военной подготовки или укреплений или посредством других ограничений подобного характера;

e) аннексии властями какого-либо государства территории другого государства в нарушение норм международного права;

f) вмешательстве во внутренние или внешние дела какого-либо государства посредством мер экономического или политического принуждения с целью навязать свою волю или получить какие-либо преимущества;

g) действиях властей какого-либо государства или частных лиц, совершаемых с намерением уничтожить полностью или частично ту или иную национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.

54. Удовлетворяет ли современным требованиям этот перечень, разработанный в 1954 году, помимо перечня, вытекающего из Устава Нюрнберга? Может ли он рассматриваться как исчерпывающий применительно к общим принципам международного права и современному состоянию мирового общественного сознания? Или же, напротив, необходимо расширить сферу наших исследований? Ответ, по-видимому, не вызывает сомнений. Мы его только что приводили. В по-

следней четверти столетия международное сообщество осознало факт возникновения ряда новых императивных норм, которые стали категорическими императивами и которые сформулированы в резолюциях Организации Объединенных Наций. Так, например, мы говорили о деколонизации. Так, кроме того, возникла необходимость охранять суверенитет народов над своими богатствами и природными ресурсами. Аналогичным образом, использование для нужд исследования современных методов и техники, если его не контролировать, подвергает человечество серьезным опасностям. В этой связи появились новые аспекты проблемы окружающей среды, и отныне они касаются сферы международного общественного порядка. Если брать другие области, то в сфере кодификации вошли проблемы расовой сегрегации. Сфера кодификации представляет собой нечто вроде магнитного поля, которое притягивает все, что грозит расстроить или нарушить международный общественный порядок. Так и превращение правомерного в неправомерное все чаще и чаще происходит под действием этой силы притяжения.

55. Несомненно, в нашем вопросе, который относится к сфере уголовного права, изложение общей нормы было бы недостаточно. Принцип *cul in crimine sine lege* требует, чтобы всякое противоправное деяние было точно определено и инкриминировано; лишь после этого оно может рассматриваться как уголовно наказуемое. Поэтому не случайно рассмотрение проекта кодекса 1954 года было поставлено в зависимость от разработки определения агрессии. Однако, с другой стороны, простого перечисления преступных деяний без их отнесения к какому-либо общему принципу, видимо, недостаточно. Мог бы возникнуть соблазн принять это перечисление за исчерпывающий перечень, в который нельзя вносить изменения, в то время как рассматриваемый нами вопрос относится к стремительно развивающейся области. После 1954 года многие вопросы стали предметом конкретных деклараций и конвенций, которые регулируют эти вопросы и регламентируют деятельность отдельных лиц и государств. Необходимость включения этих вопросов в нынешний проект иногда ставилась под сомнение из-за опасения, что тогда кодекс будет дублировать эти конвенции. Комиссия обсудит этот вопрос. Если она придет к выводу, что все преступления против мира и безопасности человечества должны быть включены в сферу охвата нашего вопроса, независимо от их источника (*ius cogens*, договор, обычай), то необходимо вновь обратиться к соответствующим конвенциям и извлечь из них элементы, представляющие пользу для настоящей кодификации. Кроме того, высказывается следующее соображение: в ряде конвенций не предусмотрено никакого уголовного наказания за деяния, квалифицируемые ими как преступления, или предусматриваются лишь незначительные наказания. Это относится, напри-

мер, к Токійской конвенции от 14 сентября 1963 года о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна⁵¹, а Гаагская конвенция от 16 декабря 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов⁵², хотя и квалифицирует подобные правонарушения как преступления, не предусматривает никаких уголовных наказаний и оставляет решение этого вопроса на усмотрение государств. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды⁵³ (Стокгольмская декларация) является не более чем кодексом, определяющим нормы поведения, но не существует ни одной конвенции, предусматривающей какие-либо санкции, которая регулировала бы этот вопрос. Список примеров может быть продолжен.

56. Следует также отметить, что некоторые вопросы, регулируемые конвенциями и не включенные в 1954 году в сферу действия кодификации, в настоящее время при новом рассмотрении, возможно, стали бы объектом кодификации. В 1950 году Комиссия пришла к мнению, что пиратство не относится к числу преступлений против мира и безопасности человечества. Как же тогда рассматривать, например, захват воздушного судна, о котором только что говорилось? Рассмотрим одно из правонарушений, называемое, может быть неудачно, «воздушным пиратством», мотивом которого является не жажда наживы или личная выгода; зачастую оно основано на чисто политических соображениях. Когда захват судна осуществляется отдельными лицами, действующими с поощрения или при пособничестве какого-либо государства, имеет место деяние, которое в зависимости от его масштабов и последствий, может поставить под угрозу мир и безопасность человечества. Поэтому Специальный докладчик считает, что подобное правонарушение, независимо от того, какие конвенции его регулируют, должно рассматриваться как преступление согласно международному праву, как правонарушение, которое по своей природе подпадает под это право. Несомненно, речь идет о сложной ситуации, в которой одновременно имеют место два различных деяния: деяние, само по себе наносящее ущерб, то есть захват воздушного судна, и наказуемое в соответствии с Гаагской конвенцией от 10 декабря 1970 года, и противоправное деяние какого-либо государства, влекущее за собой гражданскую ответственность этого государства за нанесение ущерба другому государству. Однако проблема уголовной ответственности государства, совершившего противоправное деяние, могла бы рассматриваться и с точки зрения его

соучастия в преступлении согласно международному праву. Подобная ситуация может поставить под угрозу мир и безопасность человечества.

57. Здесь мы попадаем в промежуточную зону, где правонарушения не имеют четко выраженного характера и где переход от внутреннего порядка к порядку международному почти незаметен. В этих условиях установление критерия, позволяющего определить преступление против мира и безопасности человечества, становится почти неосуществимой задачей. Если, как уже говорилось, Комиссия будет придерживаться позиции, занятой ею в 1954 году, то задача окажется менее трудной: преступлением против мира и безопасности человечества будет считаться любое преступление, которое по своей природе относится к сфере международного права, в силу того, что оно наносит ущерб одному из высоких принципов цивилизации. И напротив, если Комиссия придет к мнению, что преступлениями против мира и безопасности человечества считаются не только международные преступления, являющиеся таковыми по своей природе, но и преступления, относящиеся к сфере международного права в силу какого-либо договора, то ее задача окажется более сложной. Что же говорить о ситуации, которая сложится, если Комиссия желает рассмотреть все случаи, когда какое-либо государство совершает международное преступление или является его соучастником? Действительно, в подобном случае придется пересмотреть все международное уголовное право, ибо любое преступление может рассматриваться как международное преступление, если в его совершении участвует какое-либо государство. Как писал декан Малори в предисловии к прекрасно составленному пособию Клода Ломбуа, «не существует внутренних по своему характеру преступлений, так как все они могут стать международными, как только появится какой-либо внешний элемент»⁵⁴. Вместе с тем, не входя в такие подробности, Комиссия, несомненно, рассмотрит возможность охвата кодификацией всей договорной области, в которой преступления считаются международными не по своей природе, а по желанию государств. Если подобный подход покажется ей неуместным, она не изменит позицию, занятую ею в 1954 году, и тем самым дискуссия будет облегчена.

58. Во всяком случае, следует констатировать, что размеры сферы применения зависят от избранного критерия. Критерии определения преступления против мира и безопасности человечества могут быть следующие: а) узкий критерий: преступление, являющееся международным по своей природе; б) более широкий критерий: всякое преступление, являющееся международным по своей природе или в силу какого-либо

⁵¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 704, p. 219.

⁵² *Ibid.*, vol. 860, p. 118.

⁵³ См. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 5—16 июня 1972 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.73.II.A14), глава I.

⁵⁴ C. Lombois, *Droit pénal international*, 2e éd., Paris, Dalloz, 1979, p. v.

договора; с) еще более широкий критерий, на основании которого можно добавить к этим двум критериям всякое преступление, совершающееся при участии какого-либо государства. Однако в любом случае во вступительную часть проекта

кодекса следовало бы, по возможности, включить общий раздел, который содержал бы сведения о критерии, положенном в основу кодификации, и тем самым позволил бы лучше определить рамки темы.

ГЛАВА IV

Подготовка кодекса

59. Проблемы создания международного уголовного кодекса и органа международной юстиции тесно связаны. Связь эта такова, что один элемент не может развиваться в отрыве от другого. Однако Комиссия сочла своим долгом в первую очередь заняться вопросом о правонарушениях и лишь позже взяться за рассмотрение вопроса о наказаниях. Подобный подход в конечном счете привел к тому, что Комиссия исключила из своего проекта кодекса 1954 года статью 5, касающуюся нормы *nulla poena sine lege* (см. пункт 50, выше), решив, что эта норма больше связана с применением наказания и, следовательно, с учреждением органа международной юстиции. Однако применение наказания предполагает также наличие какой-то шкалы наказаний. Об этом мы уже говорили.

60. Перед Комиссией открывалось несколько путей: либо самой установить наказания применительно к каждому виду преступления, либо, как это имело место в Нюрнберге, оставить данный вопрос на усмотрение судей, либо, наконец, воспользоваться каким-либо национальным законодательством. Вопрос остается открытым. И все же какой-то орган юстиции необходим. Создание органа международной уголовной юстиции является наиболее деликатным вопросом, причем не потому, что мысль о его создании нереальна. Сама Комиссия на один из вопросов, заданных Генеральной Ассамблеей⁵⁵, ответила, что создание такого органа возможно и желательно⁵⁶. На практике был разработан ряд проектов, касающихся этого вопроса. Мы уже говорили о них при описании истории проблемы кодификации. С самого начала не прекращается спор между реалистами и идеалистами о реальной возможности создания такого органа юстиции и обеспечения эффективности его деятельности. Пелла в журнале *Revue générale de droit international public* писал:

На протяжении четверти века мы постоянно твердим, что разработать международный уголовный кодекс и от-

казаться от создания органа, призванного претворять его в жизнь, — это значит разработать международно-правовые нормы, заранее согласившись с тем, что их применение будет зависеть от военных успехов, носящих изменчивый характер, а не от устойчивых факторов в виде уже существующей и носящей постоянный характер международной юстиции⁵⁷.

Председатель второй сессии Комиссии международного права Жорж Селль 9 июня 1950 года заявил:

Если такой судебный орган не будет создан, какова же тогда польза от определения Нюрнбергских принципов... Одновременное создание международного органа явилось бы осуществлением идеи об учреждении настоящего международного суда, правомочного судить всех военных преступников, к какой бы партии они ни принадлежали⁵⁸.

Кстати говоря, именно благодаря этому выступлению Комиссия приняла решение положительно ответить на поставленный вопрос. Изучив доклады Р. Дж. Альфаро⁵⁹ и А. Е. Ф. Сандстрема⁶⁰, Комиссия даже предложила создать отдельный уголовный судебный орган, вместо того чтобы организовывать какое-то подразделение в рамках уже существующего судебного аппарата⁶¹.

61. В развитие этого предложения Генеральная Ассамблея постановила своей резолюцией 489 (V) от 12 декабря 1950 года создать комитет в составе представителей 17 государств-членов с целью разработать «предложения относительно учреждения и статута международного уголовного суда». Основой работы этого комитета 17-ти должны были послужить один или несколько предварительных проектов, разработанных Генеральным секретарем. 31 августа 1951 года Комитет высказался в поддержку проекта соз-

⁵⁷ Pella, «La codification du droit pénal international», *Revue générale de droit international public*. Paris, t. LVI, 1952, p. 415.

⁵⁸ *Ежегодник... 1950 год*, том I, стр. 22 англ. текста, 43-е заседание, пункт 41.

⁵⁹ *Там же*, том II, стр. 1 англ. текста, документ A/CN.4/15.

⁶⁰ *Там же*, стр. 20 англ. текста, документ A/CN.4/20.

⁶¹ *Там же*, том I, стр. 23 и далее англ. текста, 44-е заседание, и доклад Комиссии о работе ее второй сессии (сноска 39, выше), стр. 379 англ. текста, пункты 141—145.

⁵⁵ Резолюция 260 В (III) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1948 года.

⁵⁶ См. доклад Комиссии о работе ее второй сессии (сноска 39, выше), стр. 379 англ. текста, пункт 140.

дания международного уголовного суда⁶². Этот проект был разослан правительствам, однако лишь немногие из них прислали свои замечания.

62. Новому Комитету, созданному с той же целью в 1952 году⁶³, было поручено пересмотреть проект, разработанный в 1951 году, указать его последствия и одновременно определить отношения между судом, который мог быть создан, и органами системы Организации Объединенных Наций⁶⁴. После продолжительных прений Генеральная Ассамблея в 1954 году в конечном итоге постановила отложить рассмотрение указанного проекта до тех пор, пока не будет представлен доклад другого Комитета — Комитета по вопросу об определении агрессии⁶⁵. Таким образом, Ассамблея выразила мнение, что предварительным условием разработки кодекса преступлений против мира и безопасности человечества является определение агрессии. Этот вопрос вновь был поднят в 1974 году, когда на рассмотрение Генеральной Ассамблеи был предложен проект определения агрессии⁶⁶; однако вопрос вновь был передан Шестому комитету для его увязывания с вопросом о кодексе преступлений против мира и безопасности человечества.

63. Таким образом, может возникнуть вопрос, существует ли выход из этого порочного круга, в котором рассмотрение одного из этих двух проектов ставится в зависимость от рассмотрения другого. В связи с этим представляется уместным рассмотреть вопрос о том, не следует ли Комиссии разработать проект создания органа международной юстиции как необходимое и обязательное дополнение к проекту кодекса. По этому вопросу Комиссия могла бы запросить мнение Генеральной Ассамблеи. Следует, однако, отметить, что превратности, выпавшие на долю проекта создания международного уголовного суда, также связаны со скептическим отношением к нему многих людей и, несомненно, с современной международной обстановкой. Совсем недавно этот скептицизм был выражен в недвусмысленной фразе, в которой звучит злая насмешка: «...международный трибунал типа Нюрнбергского является скорее элементом психодрамы, в которой действуют сверхъестественные силы, нежели поистине полезным судебным

органом»⁶⁷. Авторы этого утверждения идут еще дальше, заявляя, что они считают бесполезной любую попытку организовать судебное преследование в отношении международных преступлений, поскольку, по их мнению, превентивные меры и a posteriori меры по возмещению убытков являются более эффективным средством, чем репрессивные меры. Они считают, что «военные преступления и войны против человечества и мира посягают на характер совершившегося факта, что лишает смысла всякое осуждение», и, чтобы не превратиться во врача, пытающегося вернуть к жизни умершего, следует заниматься скорее их предупреждением, нежели лечением. Не может не вызвать удивление подобное негативное отношение ко всякому органу международной уголовной юстиции. Однако это мнение представляет собой выражение чувства бессилия, которое охватило многих людей и стало препятствием на пути всех усилий. Говорят также о недостаточной назидательной силе наказаний, которые выносились бы этим судебным органом, «даже если бы они дополнялись международным церемониалом» и даже если бы их вынесение одновременно сопровождалось «ритуалом заклинания зла, способным удовлетворить травмированное общественное мнение».

64. Не соглашаясь с крайностями, присутствующими в подобных суждениях, некоторые авторы ссылаются на отсутствие международной принудительной силы. Однако сторонники создания органа международной юстиции приводят в поддержку своей позиции статьи 94 и 39 Устава Организации Объединенных Наций, в первой из которых говорится о выполнении решений Международного Суда, а во второй — о мерах, предусматриваемых в главе VII Устава. Было также отмечено, что невозможно добиться выдачи преступника соответствующим государством, если не считать случая, когда это государство терпит поражение.

65. И наконец, было подчеркнуто, что создание международного уголовного суда противоречило бы принципу суверенитета государств и вытекающему из него принципу территориальности уголовного законодательства. Это, как мы уже видели, самый слабый из аргументов. В самом деле, в настоящее время общепризнано, что существуют международный порядок и преступления согласно международному праву. Определение этих преступлений и наказание за них — действия, связанные не с суверенитетом государств, а с международным порядком. Кроме того, в современной обстановке создание этого органа не отделимо от разработки конвенций, участниками которых обязательно должны стать все государства.

66. Что касается принципа территориальности уголовного законодательства, то в настоящее

⁶² См. Доклад Комитета по международной уголовной юстиции о своей сессии, проходившей с 1 по 31 августа 1951 года [Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, седьмая сессия, Дополнение № 11 (A/2136), приложение I, «Проект статута международного уголовного суда»].

⁶³ Резолюция 687 (VII) Генеральной Ассамблеи от 5 декабря 1952 года.

⁶⁴ См. Доклад Комитета 1953 года по международной уголовной юстиции, 27 июля — 20 августа 1953 года [там же, девятая сессия, Дополнение № 12 (A/2645)].

⁶⁵ Резолюция 898 (IX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1954 года.

⁶⁶ См. Доклад Специального комитета по вопросу об определении агрессии, 11 марта — 12 апреля 1974 года [там же, двадцать девятая сессия, Дополнение № 19 (A/9619)]. Определение агрессии было принято на основе этого доклада; резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, приложение.

⁶⁷ M. F. Furet, J. C. Martinez et H. Dorandeu, *La guerre et le droit*, Paris, Pedon, 1979, p. 294.

время он допускает исключения, вызываемые необходимостью осуществления международного сотрудничества в целях пресечения бандитизма. В этой связи иногда делаются ссылки на теорию активного и пассивного субъекта в уголовном законодательстве и теорию реальной защиты либо для того, чтобы позволить государству применять свое законодательство к правонарушениям, совершенным его гражданами за рубежом, либо для того, чтобы обеспечить их защиту, когда они становятся жертвами правонарушений, совершенных за рубежом, либо для того, чтобы применить свое законодательство к правонарушениям, наносящим государству ущерб, не учитывая при этом ни *lex loci delicti commissi*, ни законодательства страны, гражданином которой является лицо, совершившее преступление. В тех случаях, когда правонарушение по своим масштабам создает угрозу материальным и духовным интересам всего человечества, применялся даже принцип универсальности. Именно этот принцип был положен в основу Устава Нюрнбергского международного трибунала. Конечно же, всякое сравнение относительно, однако принцип суверенитета государств может прекрасно сосуществовать с международным порядком, являющимся основой международного уголовного права.

67. Однако Комиссии следует выработать четкую позицию и определить свою задачу, поскольку роль Специального докладчика на данном этапе состоит лишь в том, чтобы выявить имеющийся круг вопросов и получить на них ответы. Кроме того, Комиссия поступит, может быть, правильно, как об этом только что было сказано (пункт 63, выше), если обратится к Генеральной Ассамблее с вопросом относительно сроков своих полномочий, а также необходимости разработки устава органа международной юстиции. Если ответ Ассамблеи будет положительным, то, как представляется, Комиссия едва ли справится с этой задачей в период действия своего нынешнего мандата, учитывая, что в ее повестке дня имеются и другие вопросы. Однако Комиссия, может быть, придет к мнению, как это уже имело место в 1954 году, что до создания органа международной юстиции вынесением наказаний за правонарушения могли бы заниматься национальные судебные органы. Этой точкой зрения, безусловно, не следует пренебрегать. Однако нельзя недооценивать и ее недостатки. Ибо возможны два случая: либо правонарушителей будут судить их национальные суды, что зачастую неосуществимо до тех пор, пока правонарушители находятся во главе государства или правительства. И найдется ли в этом случае иной выход, чем ждать смены режима или внутренних волнений, чтобы арестовать и судить виновных? Либо эта задача бу-

дет поручена судебным органам непосредственно пострадавших государств, и в этом случае гарантии объективности и беспристрастности могут быть значительно ослаблены. Жюль Бадеван, подписавший от имени Франции Конвенцию 1937 года о создании международного уголовного суда⁶⁸ для пресечения терроризма, говорил, касаясь вопроса о национальных судебных органах:

Процедура судебного разбирательства, процедура, в соответствии с которой судебные органы будут оценивать факты, может оказаться сложной; доказательства, авторитетность которых может оказаться спорной, процедура вынесения решения судебными органами — все эти элементы могут получить различную оценку в разных странах. А способ оформления судом своего постановления и содержание вынесенного им решения могут породить политическую напряженность между страной, на территории которой был совершен террористический акт, и страной, вынесшей судебное решение⁶⁹.

При рассмотрении случаев подобного рода как раз и может оказаться полезной, во имя поддержания доброго согласия между государствами, передача дела судьям, беспристрастность и независимость которых не вызывают никакого сомнения. Кроме того, необходимым условием обеспечения целостности международного публичного права является согласованность судебных решений, которой трудно добиться в отсутствие органа международной юстиции. Что же говорить, наконец, о случаях, когда дело касается уголовной ответственности не отдельных лиц, а государства? Трудно представить, чтобы одно государство осуществляло суд в отношении уголовных деяний, совершенных другим государством.

68. Таково краткое и, несомненно, неполное описание аргументов, высказываемых за или против создания международного уголовного суда. Теперь слово за Комиссией. В случае, если Комиссия займется этим вопросом, и только в этом случае, возникнут проблемы технического характера, о которых на данной стадии Специальный докладчик упоминает лишь мимоходом. Речь идет об организационных проблемах; проблемах процедурного характера; проблемах, связанных с правом прямого наследования, проведенном расследовании, судебного разбирательства; проблемах защиты, гражданского иска, обжалования судебных решений, исполнения решений и т. п. Рассматривать эти проблемы, конечно же, преждевременно, поскольку их рассмотрение зависит от того, будет ли разработан статут международного уголовного суда.

⁶⁸ См. сноску 21, выше.

⁶⁹ League of Nations, *Proceedings of the International conference on the repression of terrorism*, Geneva, November 1st to 16th, 1937 (publication No. 1938.V.3), p. 59.

ГЛАВА V

Выводы

69. Мы провели краткий обзор проблем, возникших в связи с кодификацией в области преступлений против мира и безопасности человечества. Как говорилось в ходе тридцать четвертой сессии, речь идет о вводном докладе, в котором предпринята попытка сделать обзор, разумеется неполный, проблем, с тем чтобы узнать общее мнение и получить ответы. Эти проблемы касаются:

а) сферы охвата данного вопроса, и в частности:

1) природы преступлений (Какие преступления являются объектом кодификации? В чем состоят отличительные особенности преступления против мира и безопасности человечества? Что отличает их от других международных преступлений? Всегда ли в них должен присутствовать политический элемент?);

2) субъектов права (частных лиц? групп? государств или всей совокупности этих субъектов?);

б) метода:

дедуктивного метода (Следует ли исходить из общего определения преступления против мира и безопасности человечества?);

индуктивного метода (Следует ли искать в позитивном праве, в частности в международных конвенциях, то, что рассматривается в настоящее время как преступление против мира и безопасности человечества?);

с) подготовки кодекса:

Следует ли браться за проблему разработки кодекса, то есть проблему создания органа международной уголовной юстиции и правил процедуры, необходимых для его функционирования?

70. Вот вопросы, по которым Специальный докладчик хотел бы узнать мнение Комиссии и получить ее предложения. Впрочем, он хорошо понимает, что не смог охватить все вопросы. Однако если настоящий доклад послужит предметом широкой и серьезной дискуссии, Специальный докладчик будет считать, что достиг цели.

ДОКУМЕНТ A/CN.4/369 и ADD.1 и 2

Комментарии и замечания правительств, полученные в соответствии с резолюцией 37/102 Генеральной Ассамблеи

[Подлинные тексты на английском и испанском языках]
[19 апреля, 27 мая и 17 июня 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	192
Суринам	193
Уругвай	193
Чехословакия	193

ПРИМЕЧАНИЕ

Текст проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Комиссией в 1954 году, воспроизводится в *Ежегоднике.., 1983 год*, том II (часть вторая), стр. 11, пункт 33.

Введение

1. 16 декабря 1982 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 37/102, в постановляющей части которой говорится следующее:

Генеральная Ассамблея,

...

1. *предлагает* Комиссии международного права продолжать свою работу с целью дальнейшей разработки проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в соответствии с пунктом 1 резолюции 36/106 Генеральной Ассамблеи и с учетом решения, содержащегося в пункте 255 доклада Комиссии международного права о работе ее тридцать четвертой сессии;

2. *просит* Комиссию международного права представить в соответствии с резолюцией 36/106 Генеральной Ассамблеи на ее тридцать восьмой сессии предварительный доклад, касающийся, в частности, сферы применения и структуры проекта кодекса;

3. *просит* Генерального секретаря вновь предложить государствам-членам и соответствующим международным

межправительственным организациям представить или дополнить свои комментарии и замечания по проекту кодекса с целью их представления Комиссии международного права;

4. *постановляет* включить в предварительную повестку дня своей тридцать восьмой сессии пункт, озаглавленный «Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества».

2. 17 января 1983 года Генеральный секретарь направил записку правительствам государств-членов и письмо соответствующим международным межправительственным организациям с просьбой представить комментарии и замечания по этой теме.

3. Ответы, полученные в конце июня 1983 года от трех государств-членов, воспроизводятся ниже.

Суринам

{Подлинный текст на английском языке}
[8 марта 1983 года]

Республика Суринам считает, что проект кодекса, разработанный Комиссией международного права в 1954 году, является приемлемой основой для будущей работы.

При осуществлении дальнейшей работы следует учитывать такие новые международно-правовые документы, которые были приняты после разработки проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, как:

Определение агрессии¹;

Конвенция 1968 года о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества²;

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций³;

Декларация о предотвращении ядерной катастрофы⁴, провозглашающая, что государственные деятели, которые первыми прибегнут к использованию ядерного оружия, совершат тяжчайшее преступление против человечества;

Резолюция 37/77 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1982 года, озаглавленная «О запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия», в которой Генеральная Ассамблея призывает постоянных членов Совета Безопасности, а также другие важные в военном отношении государства сделать аналогичные по содержанию заявления об отказе от создания новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия⁵.

Кроме того, особое внимание следует уделить Дополнительным протоколам 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв вооруженных конфликтов⁶.

Уругвай

{Подлинный текст на испанском языке}
[13 июня 1983 года]

Поскольку речь идет о проекте кодекса, он должен регулировать самым исчерпывающим

¹ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, приложение.

² United Nations, *Treaty Series*, vol. 754, p. 86.

³ Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1970 года, приложение.

⁴ Резолюция 36/100 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 года.

⁵ Пункт 3 части А резолюции.

⁶ См. Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник*, 1977 год (в продаже под № R.79.V.1), стр. 135.

образом противоправные деяния, совершаемые против мира и безопасности человечества.

В этой связи представляется целесообразным:

1. Разработать определение, указывающее основные элементы, которые характерны для таких действий или бездействий, не исключая возможности конкретного упоминания некоторых таких преступлений.

2. Кроме того, упомянуть в проекте те правонарушения, которые определены в конвенциях и резолюциях Организации Объединенных Наций.

3. Предусмотреть в проекте положения о компетенции международного судебного органа, о производстве дел, особенно положения, касающиеся доказательств и их оценки, а также о применимых санкциях.

4. Разграничить различные категории международно-противоправных деяний, исходя из содержания нарушенного обязательства, поскольку это влечет за собой применение различных режимов международной ответственности.

5. Распространить применение принципа ответственности за преступления, предусмотренные в статье I проекта, на юридические лица, поскольку действия, затрагивающие мир и безопасность человечества, могут быть совершены индивидуумами, государствами и другими субъектами международного права и другими организациями.

6. Предусмотреть, что непосредственное наказание индивидуумов или органов государства, которым вменяется одно из этих преступлений, не исключает международной ответственности государства и других субъектов международного права, которым принадлежит этот орган; эта ответственность будет иметь особый характер ввиду последствий противоправного деяния, а также с учетом субъекта, который может ссылаться на эти последствия.

7. В случаях, когда преступление совершается международной организацией, которая не является государством или другим субъектом международного права, предусмотреть возможность объявления этой организации незаконной с точки зрения международного права.

Чехословакия

{Подлинный текст на английском языке}
[17 мая 1983 года]

1. Чехословацкая Социалистическая Республика подтверждает свою искреннюю заинтересованность в возобновлении работы над кодексом преступлений против мира и безопасности человечества.

2. Позиция Чехословакии, которая поддерживает разработку кодекса, а также ее подход к ос-

повным затрагиваемым вопросам, были изложены в ее письменных ответах¹. Мнение Чехословакии было также изложено в заявлениях представителей этой страны в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на тридцать пятой сессии 8 октября 1980 года, тридцать шестой сессии 30 ноября 1981 года и тридцать седьмой сессии 24 ноября 1982 года².

¹ A/35/210, стр. 8, и A/37/325, стр. 16.

² *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать пятая сессия, Шестой комитет, 15-е заседание, пункты 40—43; там же, тридцать шестая сессия, Шестой комитет,*

3. Что касается курса, которого следует придерживаться в дальнейшем, по мнению Чехословацкой Социалистической Республики, срочность разработки кодекса требует, чтобы помимо Комиссии международного права рассмотрением вопроса в качестве отдельного пункта занялся также Шестой комитет Генеральной Ассамблеи и чтобы этому вопросу было уделено первоочередное внимание.

62-е заседание, пункты 1—6; там же, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 54-е заседание, пункты 73—77.

ПРАВО НЕСУДОХОДНЫХ ВИДОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДОТОКОВ

[Пункт 5 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/367*

Первый доклад по вопросу о праве несудоходных видов использования международных водотоков, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Йенсом Эвенсеном

[Подлинный текст на английском языке]
[19 апреля 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

Глава	Пункты	Стр.
I. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДЫДУЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДОКЛАДЧИКОВ	1—48	197
II. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ РАБОТЫ	49—65	205
Примерный план проекта конвенции	65	209
III. ВВОДНЫЕ СТАТЬИ (глава I проекта)	66—79	210
<i>Статья 1. Объяснение (определение) термина «система международного водотока», как он применяется в настоящей Конвенции . . . . .</i>		210
Комментарий к статье 1	67—75	210
<i>Статья 2. Сфера применения настоящей Конвенции . . . . .</i>		211
Комментарий к статье 2	76	211
<i>Статья 3. Государства системы . . . . .</i>		211
Комментарий к статье 3	77	212
<i>Статья 4. Соглашения о системе . . . . .</i>		212
Комментарий к статье 4	78	212
<i>Статья 5. Стороны для переговоров и для заключения соглашений о системе . . . . .</i>		212
Комментарий к статье 5	79	212
IV. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВ СИСТЕМЫ (глава II проекта)	80—101	213
<i>Статья 6. Система международного водотока — разделяемый природный ресурс. Использование такого ресурса . . . . .</i>		213
Комментарий к статье 6	81—86	213
<i>Статья 7. Справедливое участие в использовании системы международного водотока и ее вод . . . . .</i>		214
Комментарий к статье 7	87—93	214
<i>Статья 8. Определение разумного и справедливого использования . . . . .</i>		215
Комментарий к статье 8	94—98	216
<i>Статья 9. Запрещение деятельности в отношении системы международного водотока, наносящей ощутимый ущерб другим государствам системы . . . . .</i>		216
Комментарий к статье 9	99—101	216
V. СОТРУДНИЧЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДОТОКОВ (глава III проекта)	102—151	217
<i>Статья 10. Общие принципы сотрудничества и управления . . . . .</i>		218
Комментарий к статье 10	107—110	219

* Включает документ A/CN.4/367/Corr.1.

<i>Глава</i>	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
<i>Статья 11. Уведомление других государств системы. Содержание уведомления . . . . .</i>		219
<i>Комментарий к статье 11 . . . . .</i>	111—115	219
<i>Статья 12. Сроки ответа на уведомление . . . . .</i>		220
<i>Комментарий к статье 12 . . . . .</i>	116—119	220
<i>Статья 13. Процедуры в случае протеста . . . . .</i>		221
<i>Комментарий к статье 13 . . . . .</i>	120—127	221
<i>Статья 14. Несоблюдение государствами системы положений статей 11—13 . . . . .</i>		222
<i>Комментарий к статье 14 . . . . .</i>	128—130	222
<i>Статья 15. Управление системами международных водотоков. Создание комиссий . . . . .</i>		222
<i>Комментарий к статье 15 . . . . .</i>	131—137	223
<i>Статья 16. Сбор, обработка и распространение информации и данных</i>		224
<i>Комментарий к статье 16 . . . . .</i>	138—148	225
<i>Статья 17. Специальные просьбы о предоставлении информации и данных . . . . .</i>		226
<i>Комментарий к статье 17 . . . . .</i>	149	226
<i>Статья 18. Специальные обязательства в отношении информации о чрезвычайных ситуациях . . . . .</i>		226
<i>Комментарий к статье 18 . . . . .</i>	150	226
<i>Статья 19. Информация закрытого характера . . . . .</i>		226
<i>Комментарий к статье 19 . . . . .</i>	151	226
VI. ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ, ЯВЛЕНИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ, ОПАСНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ, ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ УЧАСТКИ (глава IV проекта)	152—198	227
<i>Статья 20. Общие положения о защите окружающей среды . . . . .</i>		227
<i>Комментарий к статье 20 . . . . .</i>	155—164	228
<i>Статья 21. Цели защиты окружающей среды . . . . .</i>		229
<i>Комментарий к статье 21 . . . . .</i>	165	229
<i>Статья 22. Определение «загрязнения» . . . . .</i>		229
<i>Комментарий к статье 22 . . . . .</i>	166	229
<i>Статья 23. Обязательство по предотвращению загрязнения . . . . .</i>		230
<i>Комментарий к статье 23 . . . . .</i>	167—173	230
<i>Статья 24. Сотрудничество между государствами системы по защите от загрязнения. Предотвращение и снижение степени загрязнения . . . . .</i>		231
<i>Комментарий к статье 24 . . . . .</i>	174—175	231
<i>Статья 25. Чрезвычайные обстоятельства, касающиеся загрязнения . . . . .</i>		231
<i>Комментарий к статье 25 . . . . .</i>	176	232
<i>Статья 26. Предотвращение стихийных бедствий, связанных с водными источниками, и борьба с ними . . . . .</i>		232
<i>Комментарий к статье 26 . . . . .</i>	177—183	232
<i>Статья 27. Регулирование систем международного водотока . . . . .</i>		233
<i>Комментарий к статье 27 . . . . .</i>	184—185	233
<i>Статья 28. Безопасность систем международного водотока, гидротехнических установок и сооружений . . . . .</i>		234
<i>Комментарий к статье 28 . . . . .</i>	186—190	234
<i>Статья 29. Предпочтительные виды использования . . . . .</i>		235
<i>Комментарий к статье 29 . . . . .</i>	191—198	235
<i>Статья 30. Определение систем международного водотока или отдельных его частей как охраняемых национальных или региональных участков</i>		236
<i>Комментарий к статье 30 . . . . .</i>	199	237
VII. УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ (глава V проекта)	200—231	237
<i>Статья 31. Обязанность урегулировать споры мирными средствами . . . . .</i>		238
<i>Комментарий к статье 31 . . . . .</i>	207	238
<i>Статья 32. Урегулирование споров путем консультаций и переговоров</i>		238
<i>Комментарий к статье 32 . . . . .</i>	208—210	239

Глава	Пункты	Стр.
Статья 33. <i>Исследование и посредничество</i>		239
Комментарий к статье 33	211—212	239
Статья 34. <i>Согласительная процедура</i>		240
Комментарий к статье 34	213—216	240
Статья 35. <i>Функции и задачи согласительной комиссии</i>		241
Комментарий к статье 35	217—221	241
Статья 36. <i>Результаты доклада согласительной комиссии. Разделение расходов</i>		242
Комментарий к статье 36	222—223	242
Статья 37. <i>Разбирательство в Международном Суде, другом международном суде либо постоянном или специальном арбитраже</i>		242
Комментарий к статье 37	224—230	242
Статья 38. <i>Обязательный характер разбирательства</i>		243
Комментарий к статье 38	231	243
VIII. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ КОНВЕНЦИЯМИ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ (глава VI проекта)	232—234	243
Статья 39. <i>Взаимоотношение с другими конвенциями и международными соглашениями</i>		244
Комментарий к статье 39	234	244

ГЛАВА I

Деятельность предыдущих Специальных докладчиков

1. Г-н Ричард Д. Кирней был назначен первым Специальным докладчиком по вопросу о «Праве несудоходных видов использования международных водных путей»*. Он представил свой доклад по этому вопросу Комиссии на ее двадцать восьмой сессии в 1976 году¹. Доклад послал вводный характер, и в нем рассматривался, в частности, вопросник², распространенный в 1974 году среди государств — членов Организации Объединенных Наций по просьбе Комиссии международного права³. В докладе вкратце обсуждался вопрос об определении термина «международные водные пути». В докладе также рассматривалась концепция несудоходных видов использования водотоков. В вопросе D своего вопросника Комиссия международного права дала перечень подобных видов использования вод под тремя рубриками: а) сельскохозяйственные виды использования; б) экономические и коммерческие виды использования; и с) бытовые и общественные ви-

ды использования. В этой связи Специальный докладчик подчеркивал, что

...отдельные виды использования, перечисленные в каждой рубрике, начиная от орошения до производства энергии, рыболовства и лодочного спорта, служат наглядным примером широкой деятельности человека, для осуществления которой необходима вода⁴.

2. В вопроснике поднимался вопрос о том, следует ли включать в подобное исследование такие проблемы, как, например, проблемы борьбы с наводнениями и эрозиями почвы, хотя ни борьбу с наводнениями, ни борьбу с эрозией почвы нельзя рассматривать в качестве «использования» воды как природного ресурса. Государства, ответившие на вопросник, выступили за включение проблем борьбы с наводнениями и эрозией почвы в данное исследование. Ряд государств предложили также рассмотреть проблемы седиментации. Другие выступили за подход, в рамках которого Комиссии следует начать свою работу, уделив основное внимание аспектам загрязнения международных водных путей.

3. Специальный докладчик в качестве наглядных примеров сложных проблем, связанных с разработкой правовых принципов в отношении использования международных водных путей, упомянул различные международные документы.

* Впоследствии вместо термина «водные пути» стал часто использоваться термин «водотоки».

¹ Ежегодник..., 1976 год, том II (часть первая), стр. 234, документ A/CN.4/295.

² Там же, стр. 192, документ A/CN.4/294 и Add.1, пункт 6.

³ См. доклад Подкомитета по праву несудоходных видов использования международных водных путей, принятый Комиссией на ее двадцать шестой сессии, Ежегодник..., 1974 год, том II (часть первая), стр. 373, документ A/9610/Rev.1, глава V, приложение, пункт 30.

⁴ Документ A/CN.4/295 (см. сноску 1, выше), пункт 14.

Однако в его докладе никаких проектов статей предложено не было.

4. Второй Специальный докладчик — в настоящее время судья Международного Суда г-н Стивен М. Швель — представил свой первый доклад по этому вопросу Комиссии на ее тридцать первой сессии в 1979 году⁵. В главе I этого доклада содержался представляющий интерес анализ «некоторых особых свойств вод». В частности, было подчеркнуто, что

одним из наиболее необычных свойств воды... является ее ограниченное, но всегда возобновляемое количество... [и что] количество пресной воды в системах водных путей распределено в мире неравномерно. Поэтому наряду с тем, что общие запасы пресной воды являются, пожалуй, вполне достаточными для удовлетворения текущих потребностей человека, во многих районах ощущалась значительная нехватка водных ресурсов, а в других районах имелся их значительный избыток⁶.

5. В конце главы I делается следующий вывод:

Не мешает повторить, что вода является уникальным веществом. Описанные выше свойства — постоянство количества, самоочищение и изменяющийся сток — определяют исключительный во многих отношениях характер воды. ...Вода является высокоэффективным растворителем, способным растворять около половины всех химических элементов. Она обладает способностью поглощать тепло и поэтому является неисчерпаемым источником энергии, когда она освобождает тепло⁷.

6. В главе II, озаглавленной «Вилы использования международных водных путей», наряду с концепцией международного водосборного бассейна рассматривался вопрос об определении термина «международные водные пути». Специальный докладчик отметил, что члены Комиссии пришли к единодушному мнению о том, «что на начальном этапе работы Комиссии необходимо добиваться определения значения термина «международные водные пути». По мнению Комиссии, напротив,

следует приступить к формулированию общих принципов, применимых к правовым аспектам использования* этих водных путей. При этом необходимо сделать все возможное для разработки норм, которые будут поддерживать неустойчивое равновесие* между нормами, носящими слишком подробный* характер и поэтому неприменимыми в общем плане, и нормами, носящими слишком общий характер* и являющимися поэтому неэффективными*⁸.

7. Обсуждения в рамках Шестого комитета Генеральной Ассамблеи свидетельствуют о том, что эти руководящие принципы до сих пор имеют силу. нынешний Специальный докладчик будет учитывать эти принципы в своей работе по данному вопросу. В резолюции 2669 (XXV) от 8 декабря 1970 года Генеральная Ассамблея рекомендовала, чтобы изучение осуществлялось в целях прогрессивного развития данного вопроса, а также его кодификации; нынешний Специальный

докладчик будет придерживаться этой рекомендации.

8. В главе II Специальный докладчик также рассматривал сферу применения проекта статей по вопросу о международных водных путях⁹. Он отмечал, что по ряду причин «отдается предпочтение ограниченному содержанию статьи о сфере применения, несмотря на то что это приводит к значительной двусмысленности». Затем Специальный докладчик вкратце остановился на своей точке зрения в отношении термина «использование». На основе изучения данного вопроса в рамках главы II второй Специальный докладчик предложил статью I, озаглавленную «Сфера применения настоящих статей».

9. В главе III, озаглавленной «Соглашения о пользовании», Специальный докладчик подробно рассмотрел разнообразие международных речных систем. Он отметил, что

по размерам они колеблются от таких огромных речных систем, как Конго, Амазонка, Миссисипи и Ганг, каждая из которых собирает воды с площади более чем 1 млн. квадратных километров, до самых маленьких рек. Многие из них находятся в аридных зонах земли, поэтому их поверхностный сток является прерывистым и полностью исчезает в сухой период. Многие другие реки находятся в районах водной избыточности, поэтому главной проблемой является не нехватка воды, а ее избыток в виде наводнений... Короче говоря, почти во всех частях мира имеются международные водные пути, а это означает, что их физические особенности и человеческие потребности, которым они служат, подвержены таким же сильным колебаниям, которые наблюдаются по всему миру в других отношениях.

Каждый водный путь является уникальным. Каждый водный путь характеризуется множеством специальных видов использования, которые отличаются от видов использования любой другой системы¹⁰.

10. После более подробного рассмотрения Хельсинкских правил использования вод международных рек¹¹, а также Конвенции о производстве гидравлической энергии, затрагивающей более чем одно государство¹², Специальный докладчик представил шесть проектов статей по вопросу о соглашениях о пользовании: статью 2 (Государства-пользователи), статью 3 (Соглашения о пользовании), статью 4 (Определение), статью 5 (Участники соглашений о пользовании), статью 6 (Соотношение настоящих статей и соглашений о пользовании) и статью 7 (Действительность в отношении определенного международного водного пути).

11. В главе IV Специальный докладчик рассмотрел вопросы, касающиеся сбора данных и

⁹ Там же, стр. 181 и 182, пункты 56—60.

¹⁰ Там же, стр. 184, пункты 63 и 64.

¹¹ Правила, принятые Ассоциацией международного права на ее пятьдесят второй Конференции, состоявшейся в Хельсинки в 1966 году. См. I.L.A., *Report of the Fifty-second Conference, Helsinki, 1966*, London, 1967, p. 484 et seq. Текст Хельсинкских правил (за исключением главы IV, касающейся «Судоходства») воспроизводится в *Ежегоднике... 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 155 и далее, документ A/CN.4/274, пункт 405.

¹² Конвенция, принятая в Женеве 9 декабря 1923 года (League of Nations, *Treaty Series*, vol. XXXVI, p. 75).

⁵ *Ежегодник... 1979 год*, том II (часть первая), стр. 165, документ A/CN.4/320.

⁶ Там же, стр. 172, пункт 24.

⁷ Там же, стр. 173, пункт 31.

⁸ Там же, стр. 175, пункт 35.

обмена данными о международных водотоках между прибрежными государствами. Он показал на примерах из практики государств, что соглашения отличаются по степени конкретности в отношении сбора, анализа и обмена данными; затем в рамках предварительной работы он представил три проекта статей по этим важным вопросам, а именно: статью 8 (Сбор данных), статью 9 (Обмен данными) и статью 10 (Расходы по сбору и обмену данными).

12. В 1980 году на тридцать второй сессии Комиссии Специальный докладчик представил второй доклад по этому вопросу¹³. В главе I этого доклада Специальный докладчик напомнил, что, как он указывал ранее, «для обеспечения взаимодействия между физическими законами, регулирующими воды, и правовыми нормами, регулирующими пользование пресной водой, водосборный бассейн следует рассматривать как единицу, для которой должны разрабатываться такие нормы»¹⁴. Тем не менее в ходе обсуждений в рамках Комиссии и Шестого комитета Генеральной Ассамблеи по вопросу о международных водотоках были высказаны мнения в поддержку различных точек зрения. Во время этих обсуждений представители ряда государств высказали точку зрения о том, что

предыдущие концепции, как определение в Заключительном акте Венского конгресса (1815 год) международных рек, следует сохранять и повсеместно применять лишь в целях судоходства¹⁵.

В этой связи Специальный докладчик считал целесообразным по мере возможности продолжать разработку статей, первоначально не определяя термина «международный водный путь»¹⁶.

13. Нынешний Специальный докладчик разделяет точку зрения о том, что определение термина «международные водотоки», основанное на концепции «водосборного бассейна», не получит достаточной поддержки в рамках Генеральной Ассамблеи и поэтому целесообразно рекомендовать это определение в качестве отправного пункта для предлагаемого проекта конвенции по данному вопросу. Второй Специальный докладчик отметил большое разнообразие водотоков. Очевидным является географическое и гидрологическое разнообразие различных водотоков. Вполне очевидными являются и соответствующие политические вопросы, а также фактические и правовые проблемы, которые различаются в зависимости от водотоков. Так, второй Специальный докладчик признал, что

необходимо принять такой метод решения проблем водных путей, который бы позволил разработать повсеместно применимые принципы в столь гибких рамках, чтобы их мож-

но было приспособить к уникальным аспектам* отдельных водных путей¹⁷.

Специальный докладчик вновь обратился к вопросу об определении термина в главе II своего второго доклада¹⁸.

14. Нынешний Специальный докладчик считает, что определение термина «международные водотоки», основанное на доктринальном подходе к данному вопросу, привело бы к обратным результатам независимо от того, основано ли это определение на концепции международного водосборного бассейна или на других концепциях, имеющих доктринальный характер. При определении термина «международные водотоки» не следует преследовать задачу создания суперструктуры, на основе которой можно было бы выкристаллизовать или устанавливать правовые принципы. В рамках подобного подхода полностью игнорировалась бы задача, заключающаяся в разработке повсеместно применимых принципов в столь гибких рамках, чтобы их «можно было приспособить к уникальным аспектам» каждого отдельно международного водотока.

15. С другой стороны, могла бы оказаться целесообразной попытка сформулировать определение термина «международные водотоки» для проекта конвенции. Нынешний Специальный докладчик вновь обратился к этому вопросу в главе III данного доклада.

16. В главе I своего второго доклада Специальный докладчик также коснулся обсуждения этого вопроса на тридцать первой сессии Комиссии в 1979 году, а также обсуждения этого вопроса в рамках Шестого комитета в ходе рассмотрения им доклада Комиссии о работе ее сессии 1979 года¹⁹.

17. В главе II второго доклада Специальный докладчик пересмотрел проекты статей, представленные в первом докладе, с учетом обсуждений, которые состоялись в рамках Комиссии и Шестого комитета в 1979 году. Несмотря на некоторое различие в точках зрения, представлялось вполне оправданным сделать следующие выводы в результате состоявшихся обсуждений:

...существовало общее мнение относительно необходимости разработать такие положения, которые определили бы сферу применения проекта статей, определили бы взаимосвязь между работой Комиссии и соглашениями по отдельным водным путям, а также касались бы сбора и обмена важной информацией²⁰.

18. Специальный докладчик подчеркнул, что в ходе обсуждений появился новый элемент. В ряде выступлений внимание обращалось на необходимость определить на раннем этапе термин «международные водные пути». В этой связи следует отметить, что подобные точки зрения выска-

¹³ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть первая), стр. 180, документ A/CN.4/332 и Add.1.

¹⁴ Там же, пункт 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, пункт 3.

¹⁸ Там же, пункты 32—39.

¹⁹ Там же, пункты 11—26.

²⁰ Там же, пункт 32.

зывались в ходе последующих обсуждений данного вопроса в Шестом комитете, например на тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи в 1982 году, хотя в ходе этой сессии упомянутый вопрос подробно не обсуждался.

19. В отношении спорного вопроса об использовании водных путей Специальный докладчик не считал целесообразным «проводить различия между использованием водного пути и использованием водами водного пути»²¹. Нынешний Докладчик разделяет точку зрения о том, что, проводя подобное различие, вряд ли можно достичь положительных результатов в работе Комиссии по данному вопросу. Подобное различие было бы нечетким и даже искусственным. Если Комиссия будет рассматривать только вопрос об использовании водных путей, а не вопрос о пользовании водами водных путей, то деятельность Комиссии будет носить настолько ограничительный характер, что лишит проект конвенции его полезного и срочного характера. Подобное узкое определение исключило бы, по словам Специального докладчика, приведенным в его втором докладе, «все виды пользования, зависящие от отвода или извлечения воды из водного пути...»²². Поэтому Специальный докладчик и Комиссия высказались, разумеется, за более широкое определение.

20. Нынешний Специальный докладчик разделяет также выраженную во втором докладе точку зрения о том, что озера (и каналы) являются в географическом плане частью ряда международных водотоков. Этот подход аналогичным образом отражен в рамках международных соглашений, регулирующих международные водотоки²³.

21. В разделе В главы II Специальный докладчик представил и прокомментировал пересмотренные тексты ранее представленных статей. В своем первом докладе (см. пункт 10, выше) он внес концепции «государства-пользователя» и «соглашения о использовании». В своих пересмотренных проектах статей²⁴ он внес новые концепции «системы международных водных путей» (статья 1) и «государства системы» (статья 2). Он указал, что концепции были пересмотрены, в частности, для того чтобы ясно показать, что международный водный путь не следует рассматривать «лишь как трубу, по которой течет вода», с тем чтобы «не дискутировать до бесконечности о том, какие виды использования необходимо рассматривать и следует ли включать в исследование озера (и каналы)»²⁵. Специальный докладчик представил документацию в доказательство того, что концепция «системы международных водных путей» или «системы рек» широко применяется в международных отношениях.

²¹ Там же, пункт 40.

²² Там же, пункт 41.

²³ Там же, пункт 48.

²⁴ Там же, пункты 52 и 59.

²⁵ Там же, пункт 52.

22. На основе нового подхода второй Специальный докладчик представил Комиссии в своем докладе шесть проектов статей²⁶. В статье 1 (Сфера применения настоящих статей) представлена концепция «системы международных водных путей». В результате подобного изменения в статье 2 излагается концепция «государства системы». Специальный докладчик предложил географический подход, определив «государство системы» в качестве государства, «через территорию которого протекают воды системы международного водного пути». Он подчеркнул, что этот подход отличается от подхода, отраженного в рамках статей II и III Хельсинкских правил, где концепция «водосборного бассейна» в сочетании с точным определением этого термина служит гидрологической основой для подхода, принятого в Хельсинки. Специальный докладчик также подчеркнул, что формулировка, содержащаяся в статье 2 о государствах системы, не предназначена для определения вопроса о том, является ли «государством системы» такое государство, с территории которого подземные воды попадают в систему международного водного пути». Подобное решение следует принимать лишь после решения следующих вопросов: «а) следует ли принимать концепцию водосборного бассейна в качестве меры, определяющей сферу применения проекта статей, и б) в случае отрицательного ответа следует ли включать какие-либо положения, касающиеся почвенных вод в проект статей...»²⁷.

23. Специальный докладчик пересмотрел статью 3, посвятив ее вопросу о «значении терминов». Он не стремился дать определение соответствующих терминов, а поднял конкретные вопросы, которые следует рассмотреть на последующих этапах в зависимости от будущих решений о том, следует ли придерживаться доктринального подхода в отношении речных бассейнов в качестве основы для разработки проектов статей.

24. В предложенной статье 4 содержатся положения относительно «соглашений о системе». Ввиду большого разнообразия водотоков Специальный докладчик отметил вытекающие из этого трудности, связанные с разработкой общих принципов, которые применялись бы повсеместно к различным водотокам во всем мире. Он также считал, что «решение об использовании подхода, связанного с рамочной конвенцией, имеет большое значение для упорядоченной разработки свода статей»²⁸. Помимо вопроса об изменении выражения «соглашение о пользовании» на «соглашение о системе» в рамках статьи 4 рассматривались два вопроса, которые до сих пор оставались открытыми в первом докладе, а именно: в какой степени государства системы обязаны вести переговоры и заключать соглашения о системе и должно ли соглашение о системе приме-

²⁶ Там же, пункты 52—139.

²⁷ Там же, пункт 62.

²⁸ Там же, пункт 69.

пяться ко всей системе водотока или же соглашения о системе можно заключать в отношении подсистем и других участков системы? Предложенный текст оставляет возможность заключать подобные частные соглашения. Специальный докладчик установил общий принцип для обязательства заключать соглашение о системе в рамках общего обязательства государств в соответствии с международным правом решения важных вопросов путем ведения переговоров в духе доброй воли. Или, как заявил об этом Международный Суд в отношении дел, связанных с *континентальным шельфом Северного моря (North Sea Continental Shelf Cases)*,

...как известно членам Суда... обязательство о ведении переговоров... представляет собой всего-навсего особый случай применения принципа, лежащего в основе всех международных отношений, который, кроме того, признается в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций в качестве одного из методов мирного урегулирования международных споров...²⁹

25. Обязательство в соответствии с международным правом вести переговоры в духе доброй воли для решения крупных проблем вытекает не только из требований обычного международного права, но, как об этом заявил Международный Суд в отношении дел, связанных с *континентальным шельфом Северного моря*, представляет собой «случай применения принципа, лежащего в основе всех международных отношений», который, кроме того, признается в Уставе Организации Объединенных Наций, а также в международной юриспруденции, включая прецеденты Международного Суда и до него — Постоянной палаты международного правосудия³⁰, и в практике государств.

26. Однако в контексте статьи 4 вопрос заключается в том, должно ли обязательство, касающееся заключения «соглашений о системе», выходить за рамки обязательства вести переговоры в духе доброй воли, например, путем включения также обязательства прибегать к другим средствам мирного разрешения споров в соответствии со статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций. Специальный докладчик касается этих проблем в своем втором докладе, в котором он приводит цитаты из «Проекта принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами», подготовленного ЮНЕП³¹. В пункте 2 принципа 11 этого проекта предусматривается:

²⁹ Решение от 9 февраля 1969 года, *I.C.J. Reports 1969*, p. 47.

³⁰ См. консультативное заключение от 15 октября 1931 года по делу о *железнодорожном сообщении между Литвой и Польшей*, P. C. I. J., *Series A/B*, No. 43, p. 116. См. также дело *об озере Лану* [United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XII (в продаже под № 63.V.3), p. 281].

³¹ Текст воспроизводится ниже, стр. 247, документ A/CN.4/L.353, раздел В.

2. В случае, если переговоры или иные средства, не имеющие обязательной правовой силы, не привели к урегулированию спора в течение приемлемого срока, необходимо, чтобы государства применили соответствующую процедуру урегулирования, которая ими взаимно согласована, предпочтительнее заранее. Процедура должна быть оперативной, эффективной и обязательной.

27. Рассматривая положения пункта 2 статьи 4, Специальный докладчик остановился на возможности или необходимости соглашений о подсистемах в отношении отдельных водотоков. Он подчеркивает, что возможность заключать соглашения о подсистемах в отношении отдельных участков международных водотоков приобретает особое значение в случае «наличия трех или более государств системы, поскольку при этом проще и удобнее иметь дело лишь с одним участком водного пути»³². Ряд действующих соглашений о водотоках ограничивается каким-либо участком системы водотоков. Вполне очевидной является необходимость заключать подобные соглашения о подсистемах, а также такие соглашения, действие которых распространяется на ограниченные районы. В этом контексте Специальный докладчик сделал следующее замечание:

В случае с такими системами водных путей, как Инд, Ла-Плата и Нигер, различия между подсистемами являются столь же ярко выраженными, как и различия между отдельными водными системами. По всей видимости, соглашения о подсистемах легче заключать, чем соглашения, касающиеся системы водного пути в целом, особенно если речь будет идти о значительном числе государств³³.

28. Однако очевидным является также то, что необходимость заключать ограниченные соглашения не сводится лишь к географическим ограничениям. Значительное число международных соглашений о водотоках заключается в целях регулирования деятельности в рамках конкретных проектов, программ или видов использования, а не в целях регулирования определенных подсистем или географически разграниченных участков какого-либо международного водотока. Ряд отдельных соглашений, регулирующих производство гидроэлектроэнергии, относятся к числу функционально ограниченных соглашений о водотоках.

29. Действие некоторых заключенных соглашений распространяется на один проект или один конкретный участок системы международного водотока. Однако имеются также примеры, когда подобные функционально ограниченные конвенции носят также общий характер. В этой связи можно также упомянуть Женевскую конвенцию 1923 года о производстве гидравлической энергии, затрагивающем более чем одно государство³⁴. Проекты положений в отношении соглашений о системе должны разрабатываться с учетом различных видов двусторонних, многосторонних

³² Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункт 95.

³³ Там же, пункт 101.

³⁴ См. сноску 12, выше.

и географически или функционально ограниченных соглашений.

30. Статья 5, предложенная во втором докладе, касалась вопроса о «сторонах, принимающих участие в переговорах и заключении соглашений о системе». В своих комментариях Специальный докладчик отметил, что в статье «рассматривается вопрос о праве участвовать в переговорах о соглашениях, а не вопрос об обязательстве вести переговоры, который рассматривался в статье 4. Если существует обязательство вести переговоры, то существует и дополнительное право принимать участие в переговорах. Статья 5 ограничивается выявлением государств, которые могут осуществить это право...»³⁵.

31. Специальный докладчик предложил в качестве условия для осуществления права участвовать в переговорах и заключать соглашения о системе, чтобы пользование водами системы международных водотоков и их потребление соответствующими государствами могли подвергаться «в ощутимой степени»³⁶ воздействию со стороны предлагаемого соглашения о системе, хотя подобное соглашение может применяться лишь к какому-либо из участков этой системы. Критерию «в ощутимой степени» может недоставлять научной, технической и математической точности. По мнению нынешнего Специального докладчика, вряд ли можно разработать «научную, техническую или математическую» формулу, позволяющую в большей или меньшей степени автоматически применять ее к огромному разнообразию элементов, которые связаны с данным вопросом, а также к конкретным проблемам, которые, несомненно, будут возникать время от времени в отношении соответствующего пользования водами системы международных водотоков или их потребления различными государствами системы. Более гибкий подход, присущий формулировке «в ощутимой степени», рекомендуется в качестве руководящего принципа для решения широкого круга совершенно различных вопросов, которые возникнут в этой области международного права и международных отношений. Для юристов представляется вполне обычным признание того неоспоримого факта, что человеческое общество и, особенно, международные отношения являются настолько динамичными и настолько различными по своему характеру, что правовые нормы, которым присущи необходимая гибкость и подверженность изменениям и поправкам с учетом бесконечного множества случаев и явлений, предпочтительнее тяжелых и закрепленных формул. Нынешний Специальный докладчик выражает сомнение, что группа экспертов сможет на основе научных, технических или математических соображений разработать формулу, которая будет в большей степени

приемлемой, нежели критерий «в ощутимой степени».

32. В своем первом докладе Специальный докладчик изложил достаточно подробные предложения по вопросу о сборе данных (статья 8), об обмене данными (статья 9) и о расходах по сбору и обмену данными (статья 10) (см. пункт 11, выше). Во втором докладе Специальный докладчик пересмотрел свой подход и представил в рамках новой статьи 6 свое предложение в отношении сбора и обмена информацией. По мнению Специального докладчика, соответствующие проекты статей, предложенные в первом докладе, являлись «слишком конкретными для того, чтобы использовать их в рамочном соглашении». С другой стороны, он подчеркнул, что «необходимость в сборе и обмене информацией является настолько насущной, что она может и должна быть выражена в форме основополагающего обязательства»³⁷. Нынешний Специальный докладчик разделяет точку зрения второго Специального докладчика о том, что не следует подвергать сомнению необходимость в общем принципе, касающемся сбора и обмена данными и другой информацией.

33. В главе III своего второго доклада Специальный докладчик достаточно подробно изложил вопрос о воде в качестве разделяемого природного ресурса. Он подчеркнул, что концепция разделяемых природных ресурсов и сотрудничества между государствами в отношении взаимовыгодных предприятий, а также использования подобных разделяемых природных ресурсов получила широкое признание, в том числе и в Организации Объединенных Наций. Рассматривая воды системы международного водотока в качестве «основного вида разделяемых природных ресурсов»³⁸, Специальный докладчик сформулировал в статье 7 в качестве *первого* основного принципа, регулирующего пользование водой системы международного водотока, что такая вода является разделяемым природным ресурсом.

34. Наглядный, но в то же время краткий анализ выводов, которые следует сделать с учетом того факта, что воды системы международного водотока должны рассматриваться как разделяемые природные ресурсы, содержится в Плане действий, принятом в Мар-дель-Плате Конференцией Организации Объединенных Наций по водным ресурсам, состоявшейся в 1977 году³⁹. Рекомендация 85 этого Плана действий гласит:

85. Страны, разделяющие водные ресурсы, при соответствующей поддержке международных учреждений и других вспомогательных органов по просьбе заинтересованных стран должны изучать существующие и доступные методы управления разделяемыми водными ресурсами и сотруд-

³⁷ Там же, пункт 130.

³⁸ Там же, пункт 141.

³⁹ См. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам, Мар-дель-Плата, Аргентина, 14—25 марта 1977 года (E/CONF.70/29).

³⁵ Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункт 107.

³⁶ Там же, пункты 115—123.

ничать в разработке программ, механизма и учреждений, необходимых для скоординированного освоения таких ресурсов. Области сотрудничества могут с согласия заинтересованных сторон включать планирование, освоение, регулирование, управление, охрану окружающей среды, использование, сохранение и т. д. Подобное сотрудничество должно быть основным элементом в усилиях по преодолению основных препятствий, таких как отсутствие денежных средств и квалифицированной рабочей силы, а также острая необходимость в разработке природных ресурсов⁴⁰.

Для этой цели рекомендовалось, чтобы страны, разделяющие международные водотоки, проводили исследования, создавали объединенные комитеты, поощряли осуществление совместных образовательных программ и программ по подготовке специалистов, поощряли обмен опытом между заинтересованными странами и проводили совещания представителей комиссий международных и межгосударственных рек и т. д.

35. В Планах действий признается также необходимость в тесном международном сотрудничестве между государствами, расположенными по течению одного и того же водотока. Так, в рекомендации 90 говорится:

90. В случае с разделяемыми водными ресурсами необходимо, чтобы государства сотрудничали, признавая растущую экономическую, экологическую и физическую взаимосвязь в рамках международных границ. Такое сотрудничество в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права должно осуществляться на основе равноправия, суверенитета и территориальной целостности всех государств...⁴¹.

В рекомендации 91 предусматривается:

91. Что касается использования, освоения и управления разделяемыми водными ресурсами, то в национальной политике необходимо учитывать право каждого государства, разделяющего ресурсы, на равноправное использование таких ресурсов как средства укрепления уз солидарности и сотрудничества⁴².

36. Интересно также отметить, что в пункте *b* рекомендации 93 подтверждается существование «общепринятых принципов международного права в отношении использования, освоения и управления разделяемыми водными ресурсами» при отсутствии двусторонних и многосторонних соглашений. Что касается сбора и обмена информацией и данными, то пункт *g* рекомендации 93 предусматривает «полностью использовать систему Организации Объединенных Наций при проведении обзора, сбора, распространения и содействия обмену информацией и опытом...»⁴³.

37. При рассмотрении концепции разделяемого природного ресурса Специальный докладчик изучил вынесенное в 1929 году Постоянной палатой международного правосудия решение по делу *River Oder case*⁴⁴. Он подчеркнул, что решение

Палаты является примечательным тем, что «Постоянная палата подтвердила принцип «общности интересов прибрежных государств» в отношении международных водотоков⁴⁵. Это решение может представлять определенный интерес, поскольку в ходе разбирательства рассматривались притоки реки Одер, хотя решение Палаты касается лишь аспектов судоходства на этой реке и было принято в значительной степени на основе толкования статей 341 и 343 Версальского договора.

38. После того как в январе 1981 года г-н Швельбель был избран судьей Международного Суда, он представил в 1982 году третий доклад о праве несудоходных видов использования международных водотоков, начатый до того, как г-н Швельбель вышел из состава членов Комиссии⁴⁶. Он представил третий доклад с целью облегчить работу Комиссии по изучению данного вопроса в соответствии с рекомендацией Генеральной Ассамблеи, изложенной в пункте 4 *e* ее резолюции 35/163 от 15 декабря 1980 года.

39. Третий доклад является монументальным трудом. Нынешний Специальный докладчик изучил его с глубоким удовлетворением и вниманием. Этот доклад является незаменным в том плане, что в нем представлен широкий круг источников и ряд проектов статей по данному вопросу и в самом начале дается шесть проектов статей, которые были в предварительном порядке одобрены Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году⁴⁷. В число принятых статей входят следующие: «Сфера применения настоящих статей» (статья 1); «Государства системы» (статья 2); «Соглашения о системе» (статья 3); «Стороны для переговоров и для заключения соглашений о системе» (статья 4); и «Использование вод, которые представляют собой разделяемый природный ресурс» (статья 5). Дополнительная статья X была также принята на предварительной основе, для того чтобы с самого начала отметить, что положения предложенных статей «не затрагивают действующих договоров, относящихся к данной системе международного водотока или к любой ее части, к какому-либо проекту или использованию»⁴⁸.

40. Рассмотрев пять первых статей, которые были предварительно одобрены Комиссией, Специальный докладчик представил в своем третьем докладе одиннадцать других статей, для того чтобы дать Комиссии полный свод предложений для «кодификации и, в определенной степени,

⁴⁵ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть первая), стр. 215, документ A/CN.4/332 и Add.1, пункт 190.

⁴⁶ Ежегодник..., 1982 год, том II (часть первая), стр. 87, документ A/CN.4/348.

⁴⁷ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 111 и далее.

⁴⁸ Комиссия дополнила предварительно принятые статьи примечанием, в котором излагается предварительное понимание его значения термина «система международного водотока» (там же, стр. 109, пункт 90).

⁴⁰ Там же, стр. 63.

⁴¹ Там же, стр. 65.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 65 и 66.

⁴⁴ *Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder, Judgment No. 16 of 10 September 1929, P. C. I. J., Series A, No. 23.*

прогрессивного развития международного права по этому вопросу»⁴⁹.

41. Одиннадцать проектов статей, предложенных в рамках третьего доклада, касаются следующих вопросов: «Справедливое участие» (статья 6); «Определение справедливого использования» (статья 7); «Ответственность за ощутимый ущерб» (статья 8); «Сбор, обработка и распространение информации и данных» (статья 9); «Загрязнение и защита окружающей среды» (статья 10); «Предотвращение стихийных бедствий и борьба с ними» (статья 11); «Регулирование международных водотоков» (статья 12); «Безопасность водных ресурсов и гидротехнических установок» (статья 13); «Отказ от заранее установленного преимущества вида использования» (статья 14); «Административное управление» (статья 15); «Принципы и процедуры предупреждения и урегулирования споров» (статья 16).

42. Для проектов статей, представленных в третьем докладе, характерен всесторонний подход к рассматриваемым вопросам, а также подробное составление проектов. Технические и правовые знания, на основе которых разрабатывались проекты статей, являются практически исчерпывающими. Таким образом, третий доклад является значительным достижением в этой области. Для ученых, занимающихся этим вопросом, данный труд имеет исключительную ценность: в нем содержится исчерпывающая информация в отношении источников. Доклад всегда будет источником мысли и вдохновения. Доклад во многом помог нынешнему Специальному докладчику во время подготовки настоящего доклада. Однако предложения, содержащиеся в третьем докладе, могут иногда показаться слишком подробными, и поэтому их толкование и практическое применение статей могут быть затруднительными при решении конкретных вопросов. Возможно, следует также учитывать и тот факт, что соответствующие вопросы имеют исключительно деликатный характер как в политическом, так и в правовом плане. Кроме того, для каждой системы международных водных путей помимо общих черт характерны определенные особенности, а также ряд конкретных и особых проблем, связанных с управлением и освоением систем международных водотоков в целом.

43. Нынешний Специальный докладчик попытался в рамках настоящего доклада сформулировать эти принципы несколько другим образом, для того чтобы представить тексты различных положений в более доступной форме. Он также придерживается несколько иной точки зрения в отношении существа проблемы. Однако в ходе разработки ряда статей нынешний Специальный докладчик в значительной степени руководство-

вался положениями третьего доклада предыдущего Специального докладчика и во многих случаях использовал формулировки, которые содержатся в третьем докладе. В данном контексте нынешний Специальный докладчик натолкнулся на одну трудную задачу, а именно: Комиссия не приняла никакого решения в отношении третьего доклада по вполне объяснимой причине, так как после ухода г-на Швелеба в отставку в качестве Специального докладчика ни на тридцать третьей сессии 1981 года, ни на тридцать четвертой сессии 1982 года не было Специального докладчика по этому вопросу. Кроме того, третий доклад не обсуждался и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи.

44. Несмотря на исчерпывающий характер проектов статей, которые были представлены в рамках третьего доклада, предыдущий Специальный докладчик считал, что ряд вопросов был оставлен в стороне⁵⁰. Помимо возможных статей о конкретных видах использования он упомянул о «законности отвода воды за пределы системы международного водотока», о сложных вопросах разделения расходов, например, «в отношении получения и обработки данных для совместных исследований, проектирования, строительства и эксплуатации сооружений», подготовки технического и управленческого персонала, мер по защите и контролю (структурных и неструктурных) и т. д. Нынешний Специальный докладчик также упоминает чрезвычайно важный вопрос об использовании, защите и контроле в отношении общих ресурсов грунтовых вод. Еще одним вопросом, который он не рассматривал в форме проекта статьи в рамках своего третьего доклада, является «охрана естественного или имеющего эстетическое значение водотока». В этом контексте следует привести следующее замечание:

Можно надеяться, что все большее число государств будет действовать с учетом необходимости предотвратить возможную утрату этих бесценных и невозполнимых, в случае нанесения им ущерба, элементов своего наследия. Правительства многих государств могут, несомненно, пожелать выделить некоторые водотоки или значительные участки таких водотоков для сохранения на основе специального правового режима. В некоторых случаях государства системы могут объединить усилия для сохранения особо ценных участков международных водотоков⁵¹.

45. Один принципиальный вопрос, решение которого было весьма затруднительным для нынешнего Специального докладчика, заключается в некоторых аспектах безопасности водных ресурсов и гидротехнических установок, рассматриваемых в статье 13⁵². Совершенно очевидно, что проблема общественной безопасности, возникающая в связи с возможными повреждениями, неправильным управлением, естественными разрушениями и форс-мажорными обстоятельствами, даже диверсиями в отношении водотоков или

⁴⁹ Документ A/CN.4/348 (см. список 46, выше), пункт 500 а.

⁵⁰ Там же, пункты 513—516.

⁵¹ Там же, пункт 519.

⁵² Там же, пункт 415.

установок сопряжена с проблемами, которые могут иметь исключительно важное значение. В статье 13, которая превосходно составлена и в которой содержатся достаточно хорошо обоснованные замечания, предыдущий Специальный докладчик коснулся серьезных и имеющих непосредственное отношение к данному вопросу проблем. Нынешний Специальный докладчик полностью разделяет его точку зрения и обеспокоенность, и он вряд ли может выразить какие-либо серьезные оговорки относительно составления этого проекта статьи.

46. Однако нынешний Специальный докладчик видит одну имеющую принципиальный характер серьезную трудность в связи с данной статьей. В пунктах 2, 3, 5 и 6 рассматриваемые вопросы касаются не только использования, управления и освоения систем международных водотоков при обычных обстоятельствах и в мирное время. В этих пунктах достаточно подробно рассматривается вопрос об их охране во время вооруженных конфликтов. Таким образом, в рамках этой статьи содержатся принципы, характерные для права войны, и принципы, касающиеся гражданских войн (немеждународных вооруженных конфликтов). Вполне очевидным является то, что предлагаемые положения по этому вопросу соответствуют духу и смыслу Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны⁵³ и двух Дополнительных протоколов к ним, принятых в 1977 году⁵⁴. Учитывая значительные трудности, с ко-

⁵³ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года о защите жертв войны (United Nations, *Treaty Series*, vol. 75).

⁵⁴ Протокол I, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и Протокол II, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, принятые в Женеве 8 июня 1977 года Конференцией по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период

торыми столкнулась Женевская дипломатическая конференция 1977 года, вряд ли представляется целесообразным включать вопросы, касающиеся права вооруженных конфликтов, в рассматриваемый проект конвенции. Подобные усилия можно легко расценить как попытки внести поправки или изменения в Протокол I, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Это может привести к появлению непредвиденных трудностей в работе Комиссии. Если возникнет необходимость, то Комиссия может предложить специальные поправки к Женевским протоколам 1977 года в соответствии с определенными положениями, содержащимися в статье 13 и изложенными в третьем докладе. Нынешний Специальный докладчик не будет высказывать своего мнения о том, следует ли выступать с подобным предложением.

47. Первый и второй доклады предыдущего Специального докладчика широко обсуждались в рамках Комиссии и Шестого комитета Генеральной Ассамблеи в 1979 и 1980 годах, и в результате этого обсуждения шесть вышеупомянутых статей были в предварительном порядке приняты Комиссией в 1980 году (см. пункт 39, выше). Предыдущий Специальный докладчик использовал эти шесть проектов статей в качестве отправного пункта для разработки других статей, представленных им в третьем докладе.

48. Нынешний Специальный докладчик разделяет точку зрения о том, что шесть статей, принятых Комиссией, хотя и на предварительной основе, должны служить отправным пунктом в его работе по данному вопросу.

вооруженных конфликтов [Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1977 год* (в продаже под № R.79.V.1), стр. 135 и далее].

ГЛАВА II

Краткое изложение работы

49. В заявлении на открытии Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам в Мар-дель-Плате 14 марта 1977 года Генеральный секретарь Конференции г-н Абдель Мегид подчеркнул, что

фактом современной жизни является то, что между многими странами существуют значительные разногласия в отношении проблем разделяемых водных ресурсов. Представляется, что в деле управления и освоения этих ресурсов не может быть достигнуто никакого значительного прогресса, пока не будет разработана более эффективная система или рамки, на основе которых различные национальные позиции, интересы или подходы могут быть согласованы, с тем чтобы облегчить сотрудничество.

Он далее выразил надежду на то, что

эти разделяемые ресурсы будут рассматриваться как связи, содействующие развитию уз единства, солидарности и братства между государствами с одной судьбой⁵⁵.

50. Государство, конечно же, должно иметь право пользоваться теми водами системы международного водотока, которые находятся в пределах его границ. Однако фактом является и то, что зачастую все разумные и полезные виды ис-

⁵⁵ *UNITAR News*, vol. IX, 1977, *The United Nations and Water*, p. 10.

пользования ресурсов всеми государствами системы не могут быть реализованы в полной мере ввиду того, что в результате этого могут возникнуть противоречия, зачастую очень серьезные, в видах использования. В таких случаях требуются корректировка и согласование. Одна из главных целей проводимой по этому вопросу работы должна заключаться в разработке принципов и правил для таких корректировок и согласования на основе принципа «равенства прав» и применения в той или иной форме концепции «справедливой доли». Однако необходимое согласование и коррективы смогут быть осуществлены лишь путем сотрудничества между соответствующими государствами на двусторонней или многосторонней основе или в рамках организаций.

51. Существует большое число различных видов использования международных водотоков. До начала технической революции международные водотоки представляли интерес главным образом с точки зрения навигации. Эти аспекты в основном не входят в сферу деятельности, порученной Комиссии. Так, согласно пункту 2 статьи 1, которая была принята Комиссией в предварительном порядке, навигационные аспекты будут приниматься во внимание, когда другие виды использования этих вод «отражаются на судоходстве или затрагиваются судоходством».

52. В своем вопроснике 1974 года Комиссия предложила государствам представить замечания по различным видам использования пресных вод под тремя заголовками: сельскохозяйственные виды использования; экономические и коммерческие виды использования; и бытовые и общественные виды использования (см. пункт 1, выше). Возможно, такая разбивка видов использования целесообразна в качестве иллюстрации к основным категориям использования вод и водотоков. Кроме того, из вопросника ясно следует, что между многочисленными видами использования водотока существует состояние взаимозависимости, которое требует единства усилий.

53. Наиболее важными сельскохозяйственными видами использования являются орошение обрабатываемых земель, которое в зависимости от обстоятельств может потреблять значительное количество пресной воды, и получение воды для внутреннего потребления и обеспечения водой домашнего скота в прилежащих хозяйствах. Рыболовство и разведение рыбы могут также служить важными источниками производства продовольствия или получения дохода. Нехватка воды для сельскохозяйственных целей остается одной из непреодолимых проблем в области достижения самостоятельности в производстве продуктов питания. При том, что обработке подвергается около одной десятой части суши, в настоящее время орошается лишь около одной шестой части этой обрабатываемой земли. «И все же на этих самых орошаемых землях производится 40—50

процентов всего объема сельскохозяйственной продукции. Поэтому ясно, что во избежание в будущем голода следует орошать все большие площади земель»⁵⁶.

54. Во многих частях мира сплав леса все еще играет важную роль в лесоводстве, а затопление сельскохозяйственных земель, в частности в целях заилвания, имеет большое значение как естественный метод внесения удобрений. Сельскохозяйственное использование водотоков может иметь серьезные последствия. Орошение может требовать значительного объема воды и тем самым затрагивать другие виды использования. Применение искусственных или естественных удобрений, а также отходы скотоводства могут привести к загрязнению.

55. С началом технической революции значительно расширилось использование водотоков и их вод в экономических и промышленных целях, что связано с вытекающими из этого вредными последствиями и возможными конфликтами из-за столкновения интересов (в связи с различными видами использования) соседних прибрежных государств. Одним из основных экономических видов использования, который зачастую может иметь последствия для других видов использования и для других государств, также пользующихся общим водным ресурсом, являются гидроэлектростанции. Однако проекты по получению гидроэлектроэнергии представляют собой и наиболее обнадеживающие примеры тесного сотрудничества соседних прибрежных государств в совместной деятельности и в рамках двусторонних или многосторонних соглашений относительно дружественного сотрудничества и упорядоченной постройки и эксплуатации энергетических установок на международном водотоке.

56. Промышленная деятельность может иметь серьезные последствия для других законных видов использования международных водотоков ввиду значительного потребления или серьезного загрязнения воды в результате использования водотока или его притоков как средства удаления отходов, выхода для сточных вод и т. д.

57. Положение в области ресурсов пресной воды в XX веке еще более обостряется в результате демографического взрыва и все усиливающейся тенденции к концентрации населения в городах или густонаселенных районах. Вследствие этого потребности в пресной воде для внутренних целей доведены до предела, и в то же время необходимость удаления отходов и сточных вод из таких населенных центров налагает тяжелое бремя на гидрологическую среду.

58. Ввиду описанного выше положения использование водотоков в целях отдыха и в общественных целях также расширится.

⁵⁶ *Ibid.*

59. Рассмотрение различных возможных видов использования международных водотоков полезно в том плане, что в ходе такого изучения можно выделить проблематичные районы и конфликты, возникающие при таком многообразии видов использования. Однако обсуждение и работа Комиссии были направлены на разработку общих принципов и правил, основанных на опыте изучения различных видов использования, а не на разработку конкретных правил для отдельных видов использования. Таково мнение и большинство членов Шестого комитета, выраженное в ходе тридцать четвертой сессии Генеральной Ассамблеи⁵⁷. Этот подход был выражен предыдущим Специальным докладчиком в его третьем докладе следующим образом:

Однако, по мнению большинства делегаций, результаты работы Комиссии должны быть направлены на то, чтобы обеспечить, за исключением судоходных видов использования, разработку общих принципов и правил, регулирующих использование международных водотоков при отсутствии соглашений между заинтересованными государствами, а также обеспечить руководящие принципы для заключения в будущем конкретных соглашений. Это означает, что статьи, разработанные Комиссией, должны содержать общие принципы, а также остаточные нормы, регулирующие вопросы по существу, которые не охвачены такими соглашениями⁵⁸.

60. Один из вопросов, который встает в связи со сферой применения проектов статей, заключается в том, следует ли рассматривать термин «ненавигационные виды использования международных водотоков» в более узком смысле или разработка принципов и правил по этому вопросу должна включать вопросы более широкого характера. Как показывает вопросник, Комиссия обратила внимание на некоторые вопросы более широкого характера, чем те, которые были затронуты в перечне конкретных вопросов. Так, Комиссия просила государства представить свои замечания по таким вопросам, как борьба с наводнениями и эрозия. Государства, приславшие ответы на этот вопросник, поддержали применение более всеобъемлющего подхода. Существует несколько неотложных проблем широкого характера, которые могут возникнуть в связи с использованием водотоков или воздействовать на виды использования в силу сезонных или долгосрочных последствий таких проблем для водотока или окружающей суши. Ряд таких элементов может подпадать под категорию опасных явлений естественного характера. Два предыдущих Специальных докладчика придерживались мнения, что широкий круг этих вопросов нашел свое отражение в проекте статей⁵⁹. Нынешний Специальный докладчик разделяет эту точку зрения.

⁵⁷ См. второй доклад предыдущего Специального докладчика, документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункты 19—26.

⁵⁸ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 2.

⁵⁹ См. доклад первого Специального докладчика, документ A/CN.4/295 (см. сноску 1, выше), пункты 14—20, и три доклада второго Специального докладчика: первый доклад, документ A/CN.4/320 (см. сноску 4, выше),

61. В своем втором докладе предыдущий Специальный докладчик предложил следующую формулировку статьи 1 (Сфера применения настоящих статей):

1. Настоящие статьи применяются к пользованию водными системами международных водных путей, а также к таким связанным с системами международных водных путей проблемам, как борьба с наводнениями, эрозия, седиментация и интрузия соленой воды⁶⁰.

Содержащаяся в данной формулировке ссылка на такие проблемы, как «борьба с наводнениями, эрозия, седиментация и интрузия соленой воды», несомненно, подразумевалась в качестве примера более широкого подхода.

62. Несколько иначе был сформулирован пункт 1 статьи 1, которая в предварительном порядке была принята Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году.

Настоящие статьи применяются к использованию систем международных водотоков и их вод в иных, чем судоходство, целях и к мерам сохранения при таком использовании этих систем водотоков и их вод*⁶¹.

Представляется, что такое изменение формулировки в большей степени ориентирует статью на конкретные задачи, чем первоначальное предложение, и поэтому может пользоваться более широкой поддержкой.

63. В своем третьем докладе предыдущий Специальный докладчик подробно рассмотрел следующие вопросы: загрязнение и защита окружающей среды (статья 10), предотвращение стихийных бедствий и борьба с ними (статья 11), регулирование международных водотоков (статья 12), безопасность водных ресурсов и гидротехнических установок (статья 13). Эти предложения являются ярким свидетельством того, какое значение эти вопросы имеют для государств, совместно использующих системы международных водотоков, а также для разумного и эффективного управления водотоками. В число рассматриваемых в третьем докладе отрицательных явлений, связанных с водным хозяйством, входят: *наводнения и борьба с наводнениями*⁶²; *ледовые условия*, ущерб в результате которых «вызывает не меньшую озабоченность, чем ущерб от наводнений, у многих государств системы, расположенных в северных широтах»⁶³; проблемы *водосбора*; в отношении которых в докладе подчеркивается, что меры «по улучшению и обеспечению достаточного водосбора» являлись предметом «многих международных соглаше-

пункт 58; второй доклад, документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункты 46 и 47; и третий доклад, документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 243—430.

⁶⁰ Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункт 52.

⁶¹ *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 111.

⁶² Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 339—349 и 372—374.

⁶³ Там же, пункты 350—352.

ний»⁶⁴; *перекрытие стока*, осуществляемое с помощью искусственных сооружений, таких как дамбы, плотины и другие объекты, как и препятствия, возникшие из-за природных явлений, таких как оползни, землетрясения, седиментация и заторы при сплаве, которые могут представлять собой постоянную опасность для многих международных водотоков⁶⁵; *авульсия* — явление, при котором «водоток резко меняет свое русло и пробивает себе новое»⁶⁶; *седиментация (заиливание)*, которая зачастую является одной из основных проблем системы международного водотока, как это подчеркивается в докладе:

Так как эти наносы постоянно переносятся вниз по течению, они постепенно заполняют водоемы, разрушаются нерестильща, водозаборные устройства и установки по очистке воды забиваются илом либо выходят из строя, русла заиливаются, что ведет к уменьшению глубины фарватеров и гаваней, ухудшает прохождение света, необходимо для жизни водных организмов, и использование водотока в целях отдыха оказывается невозможным. Возникает необходимость в дорогостоящих работах по дноуглублению и фильтрации, объем которых часто оказывается ошеломляюще большим...⁶⁷.

Эрозия тесно связана с седиментацией. Меры по борьбе с эрозией направлены на защиту речных берегов и прилегающих земель от эрозии, возникающей под воздействием сил речных течений и потоков. Эрозия служит основным источником седиментации. Таким образом, борьба с этими двумя явлениями тесно взаимосвязана⁶⁸. *Вторжение соленой воды*, проникновение морской воды вверх по течению от устья водотока, а также в горизонты грунтовых вод «оказывают серьезное отрицательное воздействие на целый ряд систем международных водотоков»⁶⁹. Что касается *засухи и других стихийных бедствий*, то в докладе Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам было обращено внимание на тот факт, что «отрицательные [экономические] последствия связанных с водой стихийных бедствий в развивающихся странах более дорогостоящи, чем общий объем всей двусторонней и многосторонней помощи, предоставляемой этим странам»⁷⁰. Коснувшись вопроса о засухе и борьбе с наводнениями, Конференция подчеркнула тот очевидный факт, что надлежит «планировать наперед и координировать необходимые меры...»⁷¹. В работе, необходимой для смягчения ущерба от засухи, в качестве ключевого элемента следует рассматривать скоординированное освоение водных ресурсов и управление ими, а также прогнозирование засухи на дол-

госрочной основе. Нынешний Специальный докладчик разделяет выраженную в третьем докладе точку зрения, согласно которой

статьи, предлагаемые Комиссией, должны содержать положения, отражающие эту озабоченность применительно к системам международных водотоков⁷².

Опустынивание или подобные вредные изменения окружающей среды, вызванные деятельностью человека или естественными отрицательными явлениями, во многих случаях могут быть тесно связаны с отсутствием эффективного руководства и управления системами водотока в сочетании с другими факторами, такими как чрезмерная вырубка лесов⁷³. *Связанные с водным хозяйством явления, представляющие опасность для здоровья людей*, стали причиной растущей озабоченности, особенно для развивающихся стран. К сожалению, некоторые виды освоения водотоков, возможно, привели к росту связанных с водой заболеваний. Эта все более усложняющаяся проблема рассматривалась в ряде соглашений и консультаций о системе, касавшихся руководства и управления системами международных водотоков⁷⁴. В качестве примера в третьем докладе приводится статья VIII Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки от 3 июля 1978 года, которая гласит:

Договаривающиеся стороны принимают решение содействовать координации работы нынешних, служб здравоохранения в их соответствующих территориях в бассейне реки Амазонки и принимать другие соответствующие меры для улучшения санитарных условий в этом регионе и

⁷² Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 378.

⁷³ Там же, сноска 649.

⁷⁴ В своем третьем докладе (там же, сноска 510) предыдущий Специальный докладчик представил весьма интересное резюме заболеваний, связанных с водой. Широкий круг мероприятий в области водных ресурсов сказался на увеличении числа случаев возникновения заболеваний, связанных с водой. Создание озер, водохранилищ, каналов орошения и осушения, а также значительного количества не отвечающих необходимым требованиям систем сброса загрязненной воды способствует наличию и распространению таких заболеваний. За последние годы новые ирригационные системы и водохранилища оказались идеальной средой для обитания улиток, переносчиков шистозомоза. Этой тяжелой болезнью кишечника и мочевых путей поражено около 250 млн. человек в мире. В некоторых районах, где осуществлены проекты по созданию оросительных каналов и водохранилищ, от этой болезни страдает до 80 процентов всего населения. Кроме того, отмечается ряд других серьезных заболеваний, связанных с водой. К числу этих заболеваний можно отнести малярию, филяриатоз (слоновость) и желтую лихорадку, передаваемую москитами. Онхоцеркоз (речная слепота) — еще одна болезнь, связанная с водой и передаваемая мухами; парагонимоз — болезнь, распространяемая улитками. Распространению этих заболеваний способствует слабое управление проведением мероприятий в области водных ресурсов и воздействие урбанизации на водную среду и качество воды. К числу типичных болезней, связанных с загрязнением воды испражнениями, относятся холера, тиф, лихорадка, амёбные инфекции и бактериальная дизентерия. В наименее развитых странах почти 1,5 млрд. человек подвергаются опасности заболеть ввиду отсутствия запасов питьевой воды и средств удаления отходов.

⁶⁴ Там же, пункты 353—358.

⁶⁵ Там же, пункты 359—364.

⁶⁶ Там же, пункт 365.

⁶⁷ Там же, пункты 366 и 367.

⁶⁸ Там же, пункты 368 и 369.

⁶⁹ Там же, пункт 370.

⁷⁰ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам... (см. сноску 39, выше), стр. 128, часть третья, пункт 100.

⁷¹ Там же, стр. 49, часть первая, рекомендация 62.

совершенствовать методы профилактики и борьбы с эпидемическими заболеваниями⁷⁵.

64. Положения статьи 13, предлагаемой в третьем докладе, были рассмотрены выше (пункты 45 и 46). Они посвящены вопросам защиты и безопасности разделяемых водных ресурсов, а также установок и сооружений в международных водотоках. В этой статье главным образом рассматривается вопрос о террористических актах, диверсиях и ситуациях, связанных с войной или вооруженными конфликтами. Нынешний Специальный докладчик испытывает сомнения в целесообразности включения в настоящий проект статьи, имеющей такую направленность. Однако имеются другие аспекты безопасности и контроля, которые по праву могут быть отражены в проекте конвенции, а именно аспекты, связанные с общими условиями и нормами безопасности для создания, поддержания в рабочем состоянии и управления установками и сооружениями; методы осуществления технического контроля; создание разумных режимов общественной безопасности, включая защиту участков и т. д. Некоторые ориентиры по этим вопросам можно найти в двусторонних или многосторонних соглашениях, таких как Женевская конвенция 1923 года о производстве гидравлической энергии, затрагивающем более чем одно государство⁷⁶.

65. Основываясь на работе предыдущего Специального докладчика и на соображениях, изложенных в данном докладе, Специальный докладчик предлагает следующий примерный план проекта конвенции:

Примерный план проекта конвенции

ГЛАВА I. ВВОДНЫЕ СТАТЬИ

Статья 1. Объяснение (определение) термина «система международного водотока», как он применяется в настоящей Конвенции

Статья 2. Сфера применения настоящей Конвенции

Статья 3. Государства системы

Статья 4. Соглашения о системе

Статья 5. Стороны для переговоров и для заключения соглашения о системе

ГЛАВА II. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВ СИСТЕМЫ

Статья 6. Система международного водотока — разделяемый природный ресурс. Использование такого ресурса

Статья 7. Справедливое участие в использовании системы международного водотока и ее вод

Статья 8. Определение разумного и справедливого использования

⁷⁵ Текст Договора был распространен в качестве документа Генеральной Ассамблеи под условным обозначением A/35/580 (будет опубликован в United Nations, Treaty Series, No. 19194).

⁷⁶ См. сноску 12, выше.

Статья 9. Запрещение деятельности в отношении системы международного водотока, наносящей ощутимый ущерб другим государствам системы

ГЛАВА III. СОТРУДНИЧЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДОТОКОВ

Статья 10. Общие принципы сотрудничества и управления

Статья 11. Уведомление других государств системы. Содержание уведомления

Статья 12. Сроки ответа на уведомление

Статья 13. Процедуры в случае протеста

Статья 14. Несоблюдение государствами системы положений статей 11—13

Статья 15. Управление системами международных водотоков. Создание комиссий

Статья 16. Сбор, обработка и распространение информации и данных

Статья 17. Специальные просьбы о предоставлении информации и данных

Статья 18. Специальные обязательства в отношении информации о чрезвычайных ситуациях

Статья 19. Информация закрытого характера

ГЛАВА IV. ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ, ЯВЛЕНИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ, ОПАСНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ, ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Статья 20. Общие положения о защите окружающей среды

Статья 21. Цели защиты окружающей среды

Статья 22. Определение загрязнения

Статья 23. Обязательство по предотвращению загрязнения

Статья 24. Сотрудничество между государствами системы по защите от загрязнения. Предотвращение и снижение степени загрязнения

Статья 25. Чрезвычайные обстоятельства, касающиеся загрязнения

Статья 26. Предотвращение стихийных бедствий, связанных с водными источниками, и борьба с ними

Статья 27. Регулирование систем международного водотока

Статья 28. Безопасность систем международного водотока, гидротехнических установок и сооружений

Статья 29. Предпочтительные виды использования

Статья 30. Определение систем международного водотока или отдельных его частей как охраняемых национальных или региональных участков

ГЛАВА V. УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ

Статья 31. Обязанность урегулировать споры мирными средствами

Статья 32. Урегулирование споров путем консультаций и переговоров

Статья 33. Расследование и посредничество

Статья 34. Согласительная процедура

Статья 35. Функции и задачи согласительной комиссии

Статья 36. Результаты доклада согласительной комиссии. Разделение расходов

Статья 37. Разбирательство в Международном Суде, другом международном суде либо постоянном или специальном арбитраже

Статья 38. Обязательный характер разбирательства

ГЛАВА VI. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 39. Взаимоотношение с другими конвенциями и международными соглашениями

ГЛАВА III

Вводные статьи

[Глава I проекта]

66. В главе I проекта статей Специальный докладчик рассматривает вводные статьи проекта. Статьи 2 — 5 соответствуют статьям 1 — 4, принятым в предварительном порядке Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году. В статье I Специальный докладчик предпринял первую попытку объяснить (определить) термин «система международного водотока». При этом он в основном опирался на согласованное Комиссией примечание, «в котором излагается предварительное понимание ею значения термина „система международного водотока“»⁷⁷.

ГЛАВА I

ВВОДНЫЕ СТАТЬИ

Статья 1. Объяснение (определение) термина «система международного водотока», как он применяется в настоящей Конвенции

1. «Система международного водотока» есть система водотока, обычно состоящая из компонентов пресных вод, находящихся в двух или нескольких государствах.

Водотоки, которые целиком или частично подвержены появлению и исчезновению на более или менее регулярной основе в результате сезонных или других причин естественного характера, таких как осадки, таяние, сезонная авульсия, засуха или подобные явления, регулируются положениями настоящей Конвенции.

Дельты, устья рек и другие подобные формации с солоноватой или соленой водой, составляющие естественную часть системы международного водотока, также регулируются положениями настоящей Конвенции.

2. В той мере, в какой часть или части системы водотока в одном государстве системы не затрагиваются использованием или не затрагивают использование системы водотока в другом государстве системы, такие части не рассматриваются как часть системы международного водотока в целях настоящей Конвенции.

Комментарий к статье 1

67. Специальный докладчик в статье 1 предпринимает попытку объяснить (определить) термин «система международного водотока», как он

применяется в настоящем проекте. Основой для данного предложения является примечание Комиссии, «в котором излагается предварительное понимание ею значения термина „система международного водотока“».

68. Специальный докладчик столкнулся с вопросом о том, должен ли критерий для системы международного водотока заключаться в том, что ее компоненты находятся «в двух или нескольких государствах» или что два или несколько государств осуществляют «суверенитет» над этой системой водотока. Специальный докладчик пришел к тому мнению, что предложенный Комиссией в вышеупомянутом примечании критерий географического характера более предпочтителен, нежели критерий «суверенитета».

69. В хорошо известных Хельсинкских правилах, которые были приняты Ассоциацией международного права 20 августа 1966 года⁷⁸, концепция «международного бассейна» сформулирована в статьях I и II следующим образом:

Статья I

Общие нормы международного права, изложенные в настоящих главах, применяются к использованию вод международных бассейнов, за исключением случаев, когда конвенцией, соглашением или обязательным обычаем государств бассейна предусматривается иное.

Статья II

Международным бассейном является географический район, находящийся на территории двух или более государств и определяемый границами водосборной площади системы вод, включая поверхностные и подземные воды, текущие к общему конечному водоему.

70. В статье III Хельсинкских правил содержится следующее определение термина «государство бассейна».

Статья III

«Государством бассейна» является государство, территория которого включает часть международного бассейна.

71. По ряду причин против концепции «международного бассейна» в ходе обсуждения были высказаны возражения как в Комиссии, так и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи. Была выражена озабоченность по поводу того, что термин «международный бассейн» может означать несколько догматический подход ко всем водотокам, независимо от их особых характеристик и независимо от широкого разнообразия вопросов и особых обстоятельств каждого случая. Также

⁷⁷ См. сноску 48, выше.

⁷⁸ См. сноску 11, выше.

было выражено опасение по поводу того, что в концепции «бассейна» слишком большое внимание уделяется районам суши, расположенным в пределах водосборной площади, а это указывает на то, что физический район поверхности бассейна может регулироваться нормами международного права водных ресурсов.

72. Поэтому предыдущий Специальный докладчик ввел концепции «системы международного водотока» и «государств системы». В этой связи он заявил, что, по его мнению, термин «система» более предпочтителен, нежели термин «бассейн» или «водосборный бассейн», и отличается от них главным образом в том плане, что заостряет внимание на водах, их использовании и их взаимозависимости. Термин «система водотока» достаточно всеобъемлющ и может включать помимо рек, озер и притоков другие компоненты, такие как каналы, потоки, ручьи, а также водоносные горизонты и грунтовые воды. В то же время этот термин является достаточно гибким и в каждом конкретном случае и в каждом конкретном проблематичном районе позволяет определять, какие компоненты затрагиваются принципами, предусмотренными в отношении систем международных водотоков вообще и в отношении конкретных систем водотока в частности. Кроме того, с точки зрения Специального докладчика, концепция «системы водотока» является признанной концепцией, которая используется в практике государств, специалистами, а также в комментариях по этому вопросу⁷⁹. Комиссия согласилась с его точкой зрения.

73. Представленное в статье 1 объяснение (определение) носит чисто описательный характер. Из этой статьи нельзя вывести никаких юридических норм или принципов. Взаимозависимость различных компонентов системы международного водотока является неизбежным следствием самого порядка вещей. В последующих статьях на основе такой взаимозависимости будут предложены принципы юридического характера, имеющие главным образом вид системы принципов.

74. С точки зрения Специального докладчика, целесообразно со всей определенностью упомянуть, что термин «система международного водотока» охватывает водотоки, появляющиеся или исчезающие на более или менее регулярной основе в результате сезонных причин или других причин естественного характера. Очевидным признаком такого «сезонного» водотока, как правило, являются русла рек. В засушливых районах такой вид водотока может иметь особое значение. По мнению Специального докладчика, в статье 1 следует также упомянуть дельты, устья рек и подобные формации с солоноватой или соленой водой. Во многих случаях такие формации составляют не только естественную, но и весьма

важную часть системы международного водотока. Помимо очевидного вопроса о навигационном использовании такие районы могут иметь огромное значение для других видов использования и представлять собой проблемные районы также и по другим причинам, например значение районов как путей миграции анадромных рыб⁸⁰, проникновение соленой воды в водоносные горизонты и грунтовые воды, седиментация, наводнения и т. д.

75. Предлагаемый пункт 2 статьи 1 соответствует первому предложению пункта 3 «примечания» Комиссии (см. пункт 66, выше).

Статья 2. Сфера применения настоящей Конвенции

1. Настоящая Конвенция применяется к использованию систем международных водотоков и их вод в иных, чем судоходство, целях и к мерам управления, руководства и сохранения при таком использовании этих систем водотоков и их вод.

2. Использование вод систем международных водотоков для судоходства не входит в сферу применения настоящей Конвенции, за исключением тех случаев, когда другое использование этих вод затрагивает судоходство или затрагивается судоходством.

Комментарий к статье 2

76. Статья 2 дословно повторяет статью 1, принятую в предварительном порядке Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году⁸¹, за исключением сделанного Специальным докладчиком незначительного добавления в пункте 1. (выражение «к мерам сохранения» было расширено и в новом варианте гласит: «к мерам управления, руководства и сохранения»)⁸².

Статья 3. Государства системы

Для целей настоящей Конвенции государство, на территории которого находятся компоненты/часть вод системы международного водотока, есть государство системы.

⁸⁰ Статья 66 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года свидетельствует о значении, которое придается вопросам, касающимся запасов анадромных видов рыб, таких как лосось и морская форель. См. Доклад третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, том XVII (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.84.V.3), документ A/CONF.62/122.

⁸¹ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 113.

⁸² Краткий комментарий к этой статье содержится в третьем докладе предыдущего Специального докладчика, документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 15 и 16.

⁷⁹ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 512.

Комментарий к статье 3

77. Статья 3 дословно повторяет статью 2, принятую в предварительном порядке Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году⁸³, однако Специальный докладчик предлагает заменить слово «часть» словом «компоненты». Это возможное изменение было указано следующим образом: «компоненты/часть». Возможно, это несколько разъяснит концепцию «государства системы».

Статья 4. Соглашения о системе

1. Соглашение о системе есть соглашение между двумя или несколькими государствами системы о применении или приспособлении положений настоящей Конвенции к характеристикам и видам использования данной системы международного водотока или ее части.

2. Соглашение о системе должно указать воды, к которым оно применяется. Оно может касаться всей системы международного водотока или какой-либо ее части или какого-либо специального проекта, программы или использования при условии, что это использование не наносит в ощутимой степени ущерба использованию вод системы международного водотока другими или другими государствами системы.

3. В той мере, в какой этого могут потребовать конкретные виды использования системы международного водотока, государства системы должны добросовестно предпринять переговоры в целях заключения соглашения или соглашений о системе.

Комментарий к статье 4

78. Статья 4 дословно повторяет статью 3, в предварительном порядке принятую Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году⁸⁴. Общие достоинства этого текста статьи очевидны. Тот факт, что статье, касающейся соглашений о системе, было выделено такое место в вводных статьях, еще больше подчеркивает важность заключения соглашений о системе с точки зрения эффективного и упорядоченного управления, руководства и сохранения различных систем международных водотоков и справедливого и бес-

⁸³ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 113.

⁸⁴ Там же.

пристрастного распределения их ресурсов среди государств системы. Предыдущий Специальный докладчик представил подробные замечания по соглашениям о системе в своем втором докладе⁸⁵ и в своем третьем докладе⁸⁶. Эти вопросы были также рассмотрены выше, в главе I настоящего доклада (пункты 24—29).

Статья 5. Стороны для переговоров и для заключения соглашений о системе

1. Всякое государство какой-либо системы международного водотока имеет право участвовать в переговорах и стать стороной любого соглашения о системе, которое применяется к этой системе международного водотока в целом.

2. Государство системы, чье использование вод системы международного водотока может быть в ощутимой степени затронуто осуществлением предлагаемого соглашения о системе, которое будет применяться лишь к части системы или специальному проекту, программе или использованию, имеет право участвовать в переговорах о таком соглашении в той мере, в какой использование этим государством затрагивается другим использованием, как это предусмотрено в статье 3 настоящей Конвенции.

Комментарий к статье 5

79. Статья 5 дословно повторяет статью 4, принятую в предварительном порядке Комиссией на ее тридцать второй сессии в 1980 году⁸⁷. Эта статья вкратце рассматривалась в главе I настоящего доклада (пункты 30 и 31). Предыдущий Специальный докладчик высказал замечания по этой статье в своем втором докладе⁸⁸, в частности касающиеся значения термина «в ощутимой степени». Он также рассматривал эту статью в своем третьем докладе⁸⁹.

⁸⁵ Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункты 69—104.

⁸⁶ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 18—22.

⁸⁷ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 115.

⁸⁸ Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункты 105—123.

⁸⁹ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 23—26.

ГЛАВА IV

Общие принципы: права и обязанности государств системы

[Глава II проекта]

80. В этой главе Специальный докладчик рассматривает статьи 6—9, образующие главу 9 проекта статей и касающиеся «Общих принципов», а именно общего принципа о том, что система международного водотока должна рассматриваться как разделяемый природный ресурс, который следует использовать и распределять на справедливой основе среди соответствующих государств системы (статьи 6 и 7). В статье 8 Специальный докладчик стремится наметить основные направления в определении того, что является справедливым и разумным использованием. В статье 9, дополняющей статьи 6 и 8, говорится, в частности, что деятельность в отношении международной системы водотока, которая наносит ощутимый ущерб другим государствам системы, запрещена. Эти четыре статьи были разработаны в качестве общих принципов, которые обязательны для государств системы, если не предусмотрено иного в настоящем проекте конвенции или в соглашениях государств системы или иным образом. По мнению Специального докладчика, эти статьи являются выражением преобладающих принципов в международном праве в отношении прав и обязанностей прибрежных государств международной системы водотока.

ГЛАВА II

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ: ПРАВА
И ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВ СИСТЕМЫ**Статья 6. Система международного водотока —
разделяемый природный ресурс.
Использование такого ресурса**

1. В той мере, в какой использование системы международного водотока и ее вод на территории одного государства системы затрагивает использование системы водотока или ее вод на территории другого государства системы или других государств системы, эта система водотока и ее воды для целей настоящей Конвенции есть разделяемый природный ресурс. Каждое государство системы имеет право на разумное и справедливое участие (в пределах своей территории) в использовании этого разделяемого ресурса.

2. Система международного водотока и ее воды, которые составляют разделяемый природный ресурс, должны использоваться государствами системы в соответствии со статьями настоя-

щей Конвенции или другими соглашениями или договоренностями, заключенными в соответствии со статьями 4 и 5.

Комментарий к статье 6

81. В статье 6 изложен основной принцип в отношении систем международных водотоков, в частности о том, что они должны рассматриваться как разделяемый природный ресурс и являются им, причем как сама система, так и ее воды. В отношении этого разделяемого природного ресурса каждое из государств системы имеет право на разумную и справедливую долю. Этот основной принцип в том виде, в каком он изложен в предлагаемой статье 6, является кодификацией преобладающих принципов международного права, исходя из обычного международного права — о чем свидетельствует богатая практика государств, — общих принципов права (в том числе закрепленных в статьях 1 и 2 Устава Организации Объединенных Наций), а также исходя из самой природы вещей.

82. Настоящая формулировка статьи 6 заимствована главным образом из статьи 5, в предварительном порядке принятой Комиссией на тридцать второй сессии в 1980 году⁹⁰, с некоторыми незначительными уточнениями и поправками.

83. В Хельсинкских правилах⁹¹ этот принцип сформулирован в статье IV следующим образом:

Каждое государство бассейна имеет на своей территории право на разумное и справедливое участие в использовании вод международного бассейна.

84. В комментарии к этой статье были сделаны следующие соответствующие замечания:

Эта статья отражает ключевой принцип международного права в этой области о том, что каждое государство бассейна, находящееся в международном бассейне, имеет право на разумное использование вод этого бассейна. Оно отказывается от позиции неограниченного суверенитета, примером чему служит «доктрина Хармона», которая приводилась в поддержку предложения о том, что государства имеют безоговорочное право на владение и использование вод международной реки, протекающей по его территории; из этой позиции вытекает логический вывод о том, что никакое государство не имеет права требовать постоянного притока вод из государств бассейна.

«Доктрина Хармона» не нашла широкой поддержки среди государств и была отвергнута почти всеми государствами...⁹²

⁹⁰ Ежегодник..., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 117.

⁹¹ См. сноску 11, выше.

⁹² См. достаточно подробный комментарий, касающийся отказа от «доктрины Хармона», в третьем докладе предыдущего Специального докладчика, документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), сноска 98.

85. Отправной точкой разработки и осуществления положений, содержащихся в предлагаемой статье 6, является не только суверенитет государств, но и равенство государств и их обязательство действовать в духе доброй воли по отношению друг к другу, уважая территориальную целостность, содействуя развитию дружественных отношений и добрососедству. Кроме того, статья основана на том очевидном факте, что система международного водотока должна рассматриваться как единое целое и должна управляться с учетом этой концепции, с тем чтобы она наилучшим образом служила людям и способствовала сохранению окружающей среды.

86. В пункте 1 статьи 6 внесено дополнительное предложение, согласно которому каждое государство системы имеет право на разумное и справедливое участие — в пределах своей территории — в отношении выгод от использования этого водотока как разделяемого природного ресурса. Нынешний Специальный докладчик разделяет мнение, выраженное в третьем докладе предыдущего Специального докладчика, о том, что в английском тексте формулировке «equitable participation» следует отдать предпочтение перед формулировкой «equitable share», содержащейся в статье IV Хельсинкских правил. Слово «participation» правильно выражает двойственный аспект участия государств системы. Оно означает право на использование, а также обязанность вносить соответствующий вклад в дело необходимого управления системой водотока и ее сохранения для оптимального распределения на разумной и справедливой основе выгод, извлекаемых из использования системы международного водотока⁹³. В связи с бесконечным разнообразием систем водотоков и широким спектром видов их использования и проблем, возникающих в этой связи, государства системы должны по мере необходимости заключать соглашения по использованию систем, носящие общий или конкретный характер.

Статья 7. Справедливое участие в использовании системы международного водотока и ее вод

Система международного водотока и ее воды должны осваиваться, использоваться и разделяться государствами системы разумным и справедливым образом на основе доброй воли и взаимоотношений добрососедства в целях достижения их оптимального использования при надлежащей защите и контроле системы водотока и ее компонентов.

Комментарий к статье 7

87. В статье 7 рассматриваются некоторые аспекты концепции «разделяемого природного ресурса». Из природного единства каждой систе-

мы международного водотока следует единство цели, которое государства системы должны проявлять в духе «доброй воли и взаимоотношений добрососедства». Это вытекает также из утвердившихся принципов международного права, о чем свидетельствует ряд двусторонних или многосторонних соглашений о системе, действующих во всех регионах мира. В связи с разнообразием характера водотоков, а также широким спектром интересов, задач и политических обстоятельств эти принципы в силу необходимости должны быть облечены в форму «правовых норм».

88. Из этой концепции вытекают необходимость и обязательства государств системы сотрудничать в деле освоения, использования и распределения системы международного водотока, причем делать это на разумной и справедливой основе. Лишь в таких рамках политической воли и практического сотрудничества государства системы смогут достичь окончательной цели в деле рационального использования системы международного водотока и управления ею, и в частности смогут добиться оптимального использования системы водотока и ее компонентов, а также необходимого контроля за ними и их защиты. Для достижения этих целей государства системы должны сотрудничать как соседи в духе доброй воли и дружественных взаимоотношений. Поступая таким образом в столь важной и политически сложной области, как управление системой международного водотока и ее рациональное использование, они еще больше расширят и укрепят свои добрососедские взаимоотношения и, несомненно, взаимозависимость государств и братство народов.

89. Конкретное управление системой международного водотока и ее рациональное использование являются, несмотря на свой в значительной степени политический и тонкий дипломатический характер, по существу практической задачей, чаще всего состоящей в повседневной работе. Это — конкретная задача, зависящая от обстоятельств в каждом конкретном случае. Разнообразие и своеобразие этих особых обстоятельств и деталей неизмеримо велики. При разработке этих статей цель Комиссии должна в первую очередь заключаться в разработке принципов — некоторые из них должны носить обязательный характер — путем кодификации уже установившихся принципов международного права; другие же принципы, выражающие правовые идеи более прогрессивного характера, должны представить основные направления мысли для отражения их в двусторонних или многосторонних соглашениях о системе. По мнению Специального докладчика, положения, содержащиеся в статье 7, относятся к первой категории принципов.

90. Предыдущий Специальный докладчик показал в своих докладах, каким образом международные и национальные суды применяли эти

⁹³ Там же, пункты 87—90.

общие принципы в отношении конкретных судебных дел⁹⁴. Так, в решении по делу *Lago Lanos* от 16 ноября 1957 года относительно спора между Францией и Испанией⁹⁵ арбитражный суд пришел к следующему заключению:

Суд считает, что прибрежное государство, расположенное в верхнем течении, согласно правилам доброй воли обязано учитывать различные соответствующие интересы, стремиться всячески удовлетворить их, не ущемляя своих собственных интересов, и показывать, что в этом вопросе оно действительно стремится согласовать интересы другого прибрежного государства со своими собственными⁹⁶.

91. В связи с этим арбитражный суд сделал упор на обязательства прибрежных государств проводить реальные и эффективные переговоры. Суд подчеркнул, что среди процедур решения спорных вопросов, которых должны придерживаться прибрежные государства, переговоры играют важную роль. Он также подчеркнул, что такие переговоры «нельзя сводить к чисто формальным требованиям, таким как принятие к сведению жалоб, протестов или нот с выражением сожаления со стороны государства, находящегося в нижнем течении...»⁹⁷.

92. По делу *Donauversinkung* (1927) суд конституционного права Германии выразил применяемые принципы международного права следующим образом:

Ни одно государство не должно существенным образом препятствовать нормальному использованию [международной] реки его соседом... Применение этого принципа регулируется обстоятельствами каждого конкретного случая. Интересы данных государств должны быть справедливым образом сопоставлены друг с другом. Необходимо рассматривать не только абсолютный ущерб, причиненный соседнему государству, но и соотносить преимущество, достигнутое одной страной, с ущербом, причиненным другой⁹⁸.

93. Различные аспекты общего принципа, излагаемого в статье 7, будут более конкретно рассмотрены в последующих проектах статей.

Статья 8. Определение разумного и справедливого использования

1. При определении, использует ли государство систему водотока или ее воды разумным и справедливым образом в соответствии со статьей 7, необходимо учитывать все соответствующие факторы, будь они общего или конкретного характера, в отношении соответ-

ствующей системы водотока. К таким факторам относятся:

a) географический, гидрографический, гидрологический и климатический факторы совместно с другими соответствующими обстоятельствами, относящимися к данной системе водотока;

b) особые потребности данного государства системы в отношении использования или рассматриваемых видов использования в сравнении с потребностями других государств системы, включая уровень экономического развития всех данных государств системы;

c) обеспечение государством системы притока воды в систему по сравнению с таким притоком из других государств системы;

d) освоение и сохранение данным государством системы водотока и ее вод;

e) другие виды использования системы водотока и ее вод данным государством по сравнению с видами использования, применяемыми другими государствами системы, включая эффективность таких видов использования;

f) сотрудничество с другими государствами системы в осуществлении проектов и программ по обеспечению оптимального использования системы водотока и ее вод, ее защиты и контроля над ней;

g) загрязнение рассматриваемым государством системы водотока в целом и как последствие конкретного вида использования, если таковое имеет место;

h) другие виды вмешательства или отрицательные последствия, если таковые имеют место, подобного использования для видов использования или интересов других государств системы, включая, однако не ограничивая этим, отрицательные последствия для существующих видов использования такими государствами системы водотока или ее вод и влияние на меры защиты и контроля, осуществляемые другими государствами системы;

i) наличие у данного государства и других государств системы альтернативных водных ресурсов;

j) рамки и виды сотрудничества, установившегося между данным государством системы и другими государствами системы в осуществлении программ и проектов, касающихся рассматриваемого использования и других видов использования системы международного водотока и ее вод, с тем чтобы обеспечить оптимальное использование, разумное управление этой системой, ее защиту и контроль над ней.

2. При определении в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи вопроса о том, является ли вид использования разумным или справедли-

⁹⁴ Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункты 73—89, и документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 44—48.

⁹⁵ См. сноску 30, выше. Значительные выдержки из решения арбитражного суда воспроизводятся в *Ежегоднике.., 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 194 англ. текста и далее, документ A/5409, пункты 1055—1068.

⁹⁶ Пункт 22 решения арбитражного суда.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Annual Digest of Public International Law Cases, 1927—1928*, London, 1931, vol. 4, Case No. 86, p. 128, особенно стр. 131.

вым, соответствующие государства системы должны проводить переговоры в духе доброй воли и добрососедства в целях решения нерешенных проблем.

Если соответствующие государства системы не способны достичь соглашения путем переговоров в рамках разумного периода времени, они должны прибегнуть к процедурам мирного решения споров, предусмотренным в главе V настоящей Конвенции.

Комментарий к статье 8

94. В статье 8 Специальный докладчик привел примеры факторов, которые могут влиять на определение того, были ли выполнены положения, содержащиеся в статье 7, в отношении конкретных случаев. При разработке настоящих предложений Специальный докладчик использовал предыдущие двусторонние и многосторонние соглашения о системе⁹⁹, Хельсинкские правила 1966 года и статью 7, предложенную в третьем докладе, который представил предыдущий Специальный докладчик¹⁰⁰.

95. Соответствующие положения, содержащиеся в статье V Хельсинкских правил¹⁰¹, предусматривают следующее:

1. Понятие «разумное и справедливое участие» по смыслу статьи IV должно определяться в свете всех соответствующих факторов в каждом отдельном случае.

2. Соответствующие факторы, которые необходимо учитывать, включают следующие аспекты:

a) географию бассейна, включая, в частности, размер водосборной площади на территории каждого государства бассейна;

b) гидрологию бассейна, включая, в частности, прилив воды с территории каждого государства бассейна;

c) климат, влияющий на бассейн;

d) прошлое использование вод бассейна, включая, в частности, существующее использование;

e) экономические и социальные потребности каждого государства бассейна;

f) население, зависящее от вод бассейна, в каждом государстве бассейна;

g) сравнительные расходы на другие возможные средства удовлетворения экономических и социальных потребностей каждого государства бассейна;

h) наличие других ресурсов;

i) избежание бесполезного расходования воды при использовании вод бассейна;

⁹⁹ См., в частности, соглашения, указанные в третьем докладе предыдущего Специального докладчика, документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 99—105, и в докладе Генерального секретаря о правовых проблемах, связанных с эксплуатацией и использованием международных рек, опубликованном в *Ежегоднике...*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 57—187 англ. текста, документ A/5409, часть вторая.

¹⁰⁰ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 106.

¹⁰¹ См. сноску 11, выше.

j) практическую осуществимость выплаты компенсации одному или нескольким государствам бассейна в качестве средства урегулирования конфликта при использовании;

k) степень возможного удовлетворения потребностей государства бассейна без значительного ущерба для другого государства бассейна.

3. Значение, которое должно быть придано каждому фактору, подлежит определению в зависимости от его важности, по сравнению с другими соответствующими факторами.

96. Факторы, приведенные в пункте 1 предлагаемой статьи 8, отнюдь не являются исчерпывающими, однако служат примером ряда основных факторов. В равной степени очевидно, что упомянутые факторы могут оказаться неприменимыми в отношении конкретного случая.

97. В пункте 2 статьи 8 говорится об обязательстве приступить к переговорам незамедлительно и с мирными намерениями, действуя в духе доброй воли и добрососедства, с тем чтобы решить проблемы, которые возникли в отношении видов использования системы водотока. Само собой разумеется, что любое соответствующее государство системы может обратиться с просьбой о начале таких переговоров. Поэтому Специальный докладчик счел излишним специально упоминать об этом.

98. Во втором подпункте пункта 2 говорится о том, что соответствующие государства системы обязаны прибегать к существующим процедурам мирного урегулирования споров в случае, если стороны не способны найти решение путем переговоров. Это обязательство вытекает из общих принципов международного права, что, в частности, закреплено в пунктах 3 и 4 статьи 2 и в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций. Такие процедуры мирного решения споров предусмотрены также в главе V настоящего проекта.

Статья 9. Запрещение деятельности в отношении системы международного водотока, наносящей ощутимый ущерб другим государствам системы

Государство системы должно воздерживаться и не допускать видов использования и деятельности (в рамках своей юрисдикции) в отношении системы водотока, которые могут нанести ощутимый ущерб правам или интересам других государств системы, если в соглашении о системе или другом соглашении не предусмотрено иное.

Комментарий к статье 9

99. Принцип, содержащийся в статье 9, является основной нормой международного права, касающейся систем международных водотоков. Поэтому он представляет собой кодификацию признанного принципа международного права.

В статье X Хельсинкских правил 1966 года¹⁰², касающейся загрязнения, предусмотрено следующее:

1. Согласно принципу справедливого использования вод международного бассейна государство:

а) должно не допускать никаких новых видов загрязнения воды и никакого увеличения степени существующего загрязнения воды в международном бассейне, которое причинило бы *существенный ущерб** на территории другого государства бассейна, и

б) должно принимать все разумные меры для ликвидации существующего загрязнения воды в международном бассейне, с тем чтобы на территории другого государства бассейна не возникло *существенного ущерба**.

100. Эта проблема рассмотрена в ряде двусторонних и многосторонних соглашений о системе и в других соглашениях. Поэтому в Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация), принятой 16 июня 1972 года¹⁰³, в принципе 21 предусматривается, что

в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы,

а также, что они

несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля *не наносила ущерба** окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции.

Слова «не наносила ущерба» использованы без дальнейшего пояснения. В других договорах применяется термин «злоупотребление правами». Этот термин совсем недавно был использован в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву¹⁰⁴, в статье 300 которой рассматриваются вопросы, связанные с «добросовестностью и незлоупотреблением правами».

¹⁰² То же.

¹⁰³ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 5—16 июня 1972 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.73.II.A.14), глава I.

¹⁰⁴ См. сноску 80, выше.

В Асунсьонском законе 1971 года¹⁰⁵ государства бассейна реки Ла-Плата предусмотрели в пункте 2 резолюции № 25, что «каждое государство может использовать воды этих рек в соответствии со своими потребностями при условии того, что это не нанесит какого-либо *значительного ущерба* какому-либо другому государству бассейна этой реки». Та же терминология («ощутимый ущерб») была использована в законе Сантьяго 1971 года в отношении гидрологических бассейнов¹⁰⁶, а также в Декларации Буэнос-Айреса 1971 года о водных ресурсах¹⁰⁷. Однако в статуте 1975 года о реке Уругвай, принятом Аргентиной и Уругваем¹⁰⁸, в статье 35 предусматривается, что стороны должны использовать почвы и леса, а также подземные воды и притоки рек таким образом, чтобы «не нанести *ощутимого вреда** режиму реки и качеству ее воды». В других документах используются такие формулировки, как «наносщие ущерб» («detrimental to»), «являющиеся серьезным вмешательством» («seriously to interfere with»), «серьезно изменяющие» («seriously modify»), «оказывающие значительное воздействие» («significantly affect») или «наносщие значительный ущерб» («perjuicio sensible») и т. д.

101. Специальный докладчик разделяет мнение предыдущего Специального докладчика о том, что формулировка «ощутимый ущерб» может служить надлежащим критерием¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Принят 3 июня 1971 года на четвертом совещании министров иностранных дел государств бассейна реки Ла-Плата. Соответствующие выдержки из этого документа приводятся в *Ежегоднике...*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 111—113, документ A/CN.4/274, пункт 326.

¹⁰⁶ Подписан 26 июня 1971 года между Аргентиной и Чили. То же, стр. 113, пункт 327.

¹⁰⁷ Подписан 9 июля 1971 года между Аргентиной и Уругваем. То же, стр. 114, пункт 328.

¹⁰⁸ Подписан 26 февраля 1975 года. См. Uruguay, Ministerio de Relaciones Exteriores, *Actos Internacionales Uruguay-Argentina, 1830—1980*, Montevideo, 1981, p. 593.

¹⁰⁹ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 111—156. См. также пункты 9—14 комментария к статье 4, в предварительном порядке принятой Комиссией [*Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 120].

ГЛАВА V

Сотрудничество и управление в области использования систем международных водотоков

[Глава III проекта]

102. В данной главе Специальный докладчик рассматривает главу III проекта статей, включающую статьи 10—19, и касающуюся сотрудничества и управления в области использования систем международных водотоков.

103. Исходя из того, что система международного водотока является разделяемым природным ресурсом, важное значение имеет сотрудничество между государствами системы по обеспечению эффективного хозяйственного и административ-

ного управления такими системами водотоков для оптимального использования этих бесценных ресурсов и разумного и справедливого их разделения между государствами системы. Все шире также признается необходимость в разумном организационном закреплении такого межгосударственного и международного сотрудничества. Вместе с тем некоторые участники Межрегионального совещания международных речных организаций, созванного Организацией Объединенных Наций в Дакаре в мае 1981 года, также выразили опасение в связи с тем, что,

если комиссии по использованию международных рек и озер будут наделены слишком широкими полномочиями, это вызовет появление своего рода надгосударственной власти, что неприемлемо для многих правительств¹¹⁰.

104. Наряду с этим на Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам, которая проходила в Мар-дель-Плате в марте 1977 года, как и на вышеупомянутом Межрегиональном совещании в Дакаре, подчеркивалась важность сотрудничества и создания необходимых организаций в качестве основы для такого сотрудничества в международном и/или региональном плане и для конкретных систем водотоков. Так, в рекомендации 85 принятого в Мар-дель-Плате Плана действий предусматривается:

85. Страны, разделяющие водные ресурсы, при соответствующей поддержке международных учреждений и других вспомогательных органов по просьбе заинтересованных стран должны изучать существующие и доступные методы управления разделяемыми водными ресурсами и сотрудничать в разработке программ, механизма и учреждений, необходимых для скоординированного освоения таких ресурсов. Области сотрудничества могут с согласия заинтересованных сторон включать планирование, освоение, регулирование, управление, охрану окружающей среды, использование и сохранение, прогнозирование и т. д. Подобное сотрудничество должно быть основным элементом в усилиях по преодолению основных препятствий, таких как отсутствие денежных средств и квалифицированной рабочей силы, а также острая необходимость разработки прирочных ресурсов¹¹¹.

105. На вышеупомянутых конференциях неоднократно подчеркивалась срочная необходимость в оказании технической и финансовой поддержки в создании таких организационных механизмов. Так, в выводах Межрегионального совещания международных речных организаций в Дакаре указывалось:

12. ...с целью содействия расширению сотрудничества между соседними государствами и в случаях, когда заинтересованные государства обращаются с просьбой о создании новых и укреплении организационных механизмов, желательно, чтобы Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций укреплял поддержку в рамках Департамента по техническому сотрудничеству в целях развития для

удовлетворения различных потребностей таких организаций и заинтересованных государств¹¹².

106. В статье 10 Специальный докладчик предлагает общие положения по сотрудничеству и управлению. Этот вопрос излагается более подробно в статье 15, которая касается управления системами международных водотоков. В статьях 11—14 рассматриваются обязательства государства системы уведомлять другие государства о планах проведения новых проектов, программ или строительства, относящихся к системе водотока, а также последствия протестов против таких планов и несоблюдения процедуры, изложенной в этих статьях. Эти вопросы рассматривались в пунктах 3—9 статьи 8, предложенной предыдущим Специальным докладчиком в его третьем докладе¹¹³. Статьи 16—19 касаются вопросов, относящихся к сбору, обработке и распространению информации и данных.

ГЛАВА III

СОТРУДНИЧЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОДОТОКОВ

Статья 10. Общие принципы сотрудничества и управления

1. Государства системы, разделяющие систему международного водотока, устанавливают в практически осуществимой степени сотрудничество в отношении видов использования, проектов и программ, связанных с такой системой водотока, в целях обеспечения оптимального использования, защиты и регулирования системы водотока. Такое сотрудничество осуществляется на основе равенства, суверенности и территориальной целостности всех государств системы.

2. Государства системы должны проводить консультации (переговоры) и обмениваться информацией и данными на регулярной основе относительно административного и хозяйственного управления таким водотоком и других аспектов, представляющих региональный интерес в отношении систем водотока.

3. Государства системы создают, при необходимости, совместные комиссии или аналогичные учреждения или механизмы в качестве средства содействия осуществлению мер и задач, предусмотренных в настоящей Конвенции.

¹¹⁰ United Nations, *Experiences in the Development and Management of International River and Lake Basins, Resources/Water Series No. 10* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.82.II.A.17), p. 12, part one, «Report of the Meeting», para 39.

¹¹¹ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам... (см. сноску 39; выше), стр. 63.

¹¹² United Nations, *Experiences in the Development...* (см. сноску 110, выше), p. 15, part one, «Report of the Meeting», para. 49.

¹¹³ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 156.

Комментарий к статье 10

107. Специальный докладчик считает важным в самом начале главы III изложить общий принцип сотрудничества между государствами системы международного водотока. Исходя из концепции разделяемого природного ресурса, а также из того, что каждая система водотока во многих аспектах представляет собой «неделимую единицу», такое сотрудничество является необходимым для упорядоченного использования, административного и хозяйственного управления системами международных водотоков. Предыдущий Специальный докладчик изложил этот принцип следующим образом:

В последние годы многие международные органы заняли четкую позицию в поддержку укрепления сотрудничества между государствами одной и той же системы в связи с осознанной потребностью более рационального использования мировых разделяемых водных ресурсов. Так, Комитет по природным ресурсам Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций получил доклад от Генерального секретаря, в котором отмечается, что произошел сдвиг от раннего периода минимальной международной координации к более активному подходу в свете «быстрого развития и растущего усложнения обществ во многих частях мира... Многочисленные и нередко вызывающие конфликты виды использования, а также растущие глобальные потребности привели к необходимости комплексного подхода к освоению речных бассейнов с учетом растущей экономической, а также физической взаимозависимости, выходящей за пределы национальных границ»¹¹⁴.

108. Нынешний Специальный докладчик при выработке общего принципа сотрудничества между государствами системы счел целесообразным включить установленный принцип, согласно которому такое сотрудничество осуществляется на основе равенства, суверенности и территориальной целостности всех государств системы.

109. В пункте 2 статьи 10 было признано естественным указать на проведение консультаций (переговоров) и обмен информацией и данными на регулярной основе в качестве важнейшей части общего принципа сотрудничества. Эти вопросы рассматриваются более подробно в последующих статьях главы III проекта.

110. Положение о совместных комиссиях, или аналогичных учреждениях, или механизмах отражает широко распространенную практику прибрежных государств создавать совместные комиссии или межгосударственные комитеты в многосторонних или двусторонних соглашениях о системе, с тем чтобы активизировать и организационно закрепить необходимое сотрудничество между государствами системы¹¹⁵. Эти вопросы рассматриваются более подробно в статье 15, ниже.

¹¹⁴ Там же, пункт 79.

¹¹⁵ См. *Ежегодник.., 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 215—220 англ. текста, документ A/5409, приложение II, разделы B, C и D; и стр. 69—114, документ A/CN.4/274, часть вторая.

Статья 11. Уведомление других государств системы. Содержание уведомления

1. Прежде чем государство системы примет, утвердит или разрешит осуществление проекта или программы или изменение или расширение существующих проектов и программ в отношении использования, сохранения, защиты или управления системы международного водотока, которые могут причинить ощутимый ущерб правам или интересам другого государства или других государств системы, данное государство системы направляет в кратчайший возможный срок должное уведомление соответствующему государству системы или государствам системы о таких проектах или программах.

2. Уведомление содержит, среди прочего, достаточные технические и другие необходимые спецификации, информацию и данные, с тем чтобы другое государство или другие государства системы смогли как можно точнее оценить и определить потенциальную возможность ощутимого ущерба от таких намечаемых проектов или программ.

Комментарий к статье 11

111. Принцип надлежащего уведомления, изложенный в статье 11, является, по мнению Специального докладчика, выражением одного из распространённых принципов международного права. Данный принцип уведомления довольно подробно излагается в настоящей и последующих статьях, с тем чтобы конкретизировать обязательства государств системы, которые вытекают из общего принципа. Принцип уведомления других государств должен действовать не только в случаях, когда государство системы планирует новые сооружения, проекты или программы, которые могут причинить ощутимый ущерб правам или интересам других государств системы, но также в случаях изменения или расширения существующих сооружений, проектов или программ, которые могут причинить такой ущерб.

112. Представляется также очевидным, что такое уведомление должно содержать надлежащую информацию, данные и спецификации, с тем чтобы другие государства системы могли как можно точнее оценивать потенциальную возможность вредных последствий.

113. Обязанность уведомлять другие государства системы, предусмотренная в статье 11, была сформулирована следующим образом в пункте 2 статьи XXIX Хельсинкских правил¹¹⁶:

2. Государство, независимо от его расположения в бассейне, должно, в частности, направить любому другому государству бассейна, интересы которого могут быть существенно затронуты, уведомление о любом предполагаемом строительстве или установке, которые могли бы изменить

¹¹⁶ См. сноску 11, выше.

режим бассейна таким образом, что это могло бы привести к спору... Это уведомление должно включать также основные факты, которые позволили бы получателю определить возможное влияние предполагаемого изменения.

114. В своей резолюции об использовании неморских международных вод для целей иных, чем судоходство, принятой в Зальцбурге в 1961 году, Институт международного права аналогичным образом предусмотрел в статье 5, что «работы или использование», которые серьезно затрагивают возможность использования этих же вод другими государствами, «могут проводиться только после предварительного уведомления заинтересованных государств»¹¹⁷. Принцип уведомления закреплен также в ряде соглашений между государствами системы.

115. Предложение, аналогичное статье 11, было сделано в пункте 3 статьи 8, предложенной предыдущим Специальным докладчиком в его третьем докладе¹¹⁸.

Статья 12. Сроки ответа на уведомление

1. В уведомлении, направленном в соответствии со статьей 11, уведомляющее государство системы предоставляет получающему государству или получающим государствам системы время не менее шести месяцев с момента получения уведомления для изучения и оценки потенциальной возможности ощутимого ущерба в результате осуществления запланированного проекта или программы и для сообщения о своем аргументированном решении уведомляющему государству системы.

2. В случае, если получающее государство или получающие государства системы считают, что для правильной оценки сопряженных проблем необходима дополнительная информация, данные или спецификации, оно как можно скорее информирует об этом уведомляющее государство системы. Обоснованные просьбы о таких дополнительных данных или спецификациях как можно скорее удовлетворяются уведомляющим государством, и стороны договариваются о разумном продлении срока, указанного в пункте 1 настоящей статьи, для правильной оценки ситуации с учетом имеющегося материала.

3. В периоды, обусловленные в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, уведомляющее государство не может начинать проект и программу, о которых говорится в уведомлении, без согласия соответствующего государства системы или соответствующих государств системы.

¹¹⁷ См. *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1961, *Bâle*, 1962, vol. 49, t. II, pp. 381—384; текст резолюции воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 202 англ. текста, документ A/5409, пункт 1076.

¹¹⁸ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 156.

Комментарий к статье 12

116. Принцип уведомления включает в себя обязанность предоставлять получающему государству или получающим государствам системы разумное время для изучения и оценки полученной информации и возможных последствий для такого другого государства или таких других государств осуществления запланированного проекта или программы. В равной мере разумно предоставить получающим государствам возможность потребовать дополнительную необходимую информацию и данные. В таких случаях, которые вполне возможны, необходимо в разумных пределах продлевать срок. Представляется в равной мере разумным и то, что уведомляющее государство не может начать работу по запланированному проекту или программе до истечения предусмотренного срока, если только получающее государство или получающие государства не дадут своего согласия на это.

117. Пункт 3 статьи XXIX Хельсинкских правил¹¹⁹ предусматривает:

3. Государство, посылающее уведомление... должно предоставить получателю уведомления *время, достаточное** для оценки возможных последствий предполагаемого строительства или установки и изложения своего мнения по этому вопросу государству, пославшему это уведомление.

118. Выражение «достаточное время» отражало бы довольно гибкий критерий времени в общем правовом принципе, касающемся уведомления. В пункте 4 статьи 8 своего третьего доклада нынешний Специальный докладчик предложил заменить ссылку на «достаточное время» ссылкой на конкретный период не менее шести месяцев¹²⁰. Нынешний Специальный докладчик считает целесообразным конкретизировать срок таким образом. Поэтому он включил в пункт 1 статьи 12 ссылку на «время не менее шести месяцев», добавив при этом слова «с момента получения уведомления».

119. Тем не менее критерий «достаточного времени» по-прежнему остается основным ориентиром в международном праве. Это предполагает и формулировка «не менее шести месяцев». Срок в шесть месяцев предлагается как достаточный минимальный период. Весьма вероятно, что в сложных обстоятельствах этот срок может оказаться слишком коротким для надлежащей оценки содержащихся в уведомлении информации и данных, а также последствий осуществления запланированного проекта или программы для получающего государства. В таких случаях период в шесть месяцев может не соответствовать «достаточному времени» и должен быть соответственно продлен.

¹¹⁹ См. сноску 11, выше.

¹²⁰ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 156.

Статья 13. Процедуры в случае протеста

1. Если государство системы, получив уведомление в соответствии со статьей 12, информирует уведомляющее государство о своем определении, что указанные в уведомлении проект или программа могут причинить ощутимый ущерб правам или интересам данного государства системы, стороны без ненужной задержки начинают консультации и переговоры в целях установления и определения ущерба, который может быть причинен в результате осуществления запланированного проекта или программы. Они должны по возможности достичь договоренности в отношении таких коррективов и изменений в проекте или программе или договориться о других решениях, которые бы либо устранили возможные причины нанесения любого ощутимого ущерба для другого государства системы, либо иным образом давали бы такому государству разумное удовлетворение.

2. Если стороны не в состоянии достичь такой договоренности путем консультаций и переговоров в течение разумного периода времени, они без задержки прибегают к урегулированию спора другими мирными средствами в соответствии с положениями настоящей Конвенции, соглашений о системе или другого соответствующего соглашения или договоренности.

3. В случаях, когда применяется пункт 1 настоящей статьи и не решены возникшие проблемы путем договоренности между заинтересованными сторонами, уведомляющее государство не приступает к осуществлению запланированного проекта или программы, пока не будут соблюдены положения пункта 2 настоящей статьи, за исключением обстоятельств, когда уведомляющее государство считает, что осуществление проекта или программы является совершенно неотложным и что дальнейшая задержка может причинить ненужный вред или ущерб уведомляющему государству или другим государствам системы.

4. Претензии на возмещение причиненного вреда или ущерба в связи с такими чрезвычайными ситуациями урегулируются добросовестно и по-добрососедски на основе процедур мирного урегулирования, предусмотренных в настоящей Конвенции.

Комментарий к статье 13

120. В предлагаемой статье 13 рассматривается ситуация, когда получающее государство системы определяет, что проект или программа, запланированные уведомляющим государством системы, может причинить ощутимый ущерб его интересам. В пределах срока, установленного в уведомлении в соответствии со статьей 12 или согласованного между сторонами, оно должно информировать уведомляющее государство о своем

определении, что запланированный проект или программа может причинить «ощутимый ущерб» его интересам, и изложить разумные основания для такого определения.

121. В несколько иной форме этот принцип был также предложен предыдущим Специальным докладчиком в пункте 5 статьи 8, содержащейся в его третьем докладе¹²¹. Такая же идея отражена в пункте 3 статьи XXIX Хельсинкских правил, в которой говорится, что получающее государство системы, получив такое «уведомление», излагает «свое мнение по этому вопросу государству, пославшему это уведомление» (см. пункт 112, выше).

122. Обязанность государств системы начать консультации и переговоры по этим вопросам без ненужной задержки вытекает из общих положений международного права, а также из других положений настоящего проекта конвенции (см. пункты 24 — 26, выше).

123. Целью таких переговоров будет главным образом внесение изменений в запланированные проекты или программы, с тем чтобы устранить причины любого ощутимого ущерба или иным образом дать протестующему государству системы разумное удовлетворение. Предыдущий Специальный докладчик изложил это положение в своем третьем докладе следующим образом:

Норма... не требует изменений с целью устранения любого ущерба для другого государства системы; необходимы лишь такие изменения, которые позволят устранить недопустимый *ощутимый* ущерб... Современные многоцелевые проекты и программы предусматривают при соответствующих и согласованных обстоятельствах добровольный отказ от использования или выгоды со стороны одного из государств системы, с тем чтобы позволить добиться максимальных общих выгод комплексного проекта или программы, или ряда объектов и программ. Государство системы, ограничивающее свои конкретные виды использования или выгоды или даже отказывающееся от них, обычно получает компенсацию в размере понесенного ущерба; такая компенсация может иметь финансовый характер или же иметь форму поставок электроэнергии, мер по борьбе с наводнением, расширения другого вида использования или другой компенсации¹²².

124. Изложенные в пункте 2 статьи 13 положения о том, что стороны должны прибегать к другим мирным средствам процедуры урегулирования, если консультации и переговоры окажутся неуспешными, вытекают из основных принципов международного права, которые неоднократно упоминаются в проекте конвенции.

125. В пункте 3 статьи 13 предусматривается, что уведомляющее государство не приступает к осуществлению запланированного проекта или программы до тех пор, пока не будут урегулированы возникшие проблемы. Этот принцип признается также как принцип международного права в соответствии с концепцией добросовестных и добрососедских отношений. Институт между-

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, пункт 162.

народного права в резолюции об использовании неморских международных вод, принятой в Зальцбурге в 1961 году, изложил этот принцип следующим образом:

В ходе переговоров каждое государство должно, в соответствии с принципами добросовестности, воздерживаться от производства работ или таких видов использования, которые являются предметом спора, или от принятия любых других мер, которые могли бы обострить спор или еще больше затруднить достижение договоренности¹²³.

126. Специальный докладчик предложил предусмотреть исключение из главного правила, изложенного в пункте 3 и 4 предусматривающего, что запланированный проект или программа могут начаться при соблюдении следующих двух условий: программа или проект должны быть «совершенно неотложными» и «дальнейшая задержка может причинить ненужный вред или ущерб уведомляющему государству или другим государствам системы».

127. Предлагаемый пункт 4 статьи 13 является следствием неотложных ситуаций.

Статья 14. Несоблюдение государствами системы положений статей 11—13

1. Если государство системы, получив уведомление в соответствии со статьей 11, не сообщает уведомляющему государству системы в срок, предусмотренный в статье 12, о своем определении, что запланированный проект или программа может причинить ощутимый ущерб его правам или интересам, уведомляющее государство системы может приступить к выполнению проекта или программы в соответствии со спецификациями и данными, переданными в уведомлении.

В таких случаях уведомляющее государство системы не несет ответственности за последующий ущерб другому государству или другим государствам системы при условии, что уведомляющее государство действует в соответствии с положениями настоящей Конвенции и что нет оснований считать, что выполнение проекта или программы может причинить ощутимый ущерб другому государству или другим государствам системы.

2. Если государство системы приступает к выполнению проекта или программы без соблюдения положений статей 11—13, оно несет ответственность за ущерб, причиненный правам или интересам других государств системы в результате осуществления данного проекта или программы.

Комментарий к статье 14

128. Положения, предложенные в статье 14, касаются в пункте 1 случая, когда получающее государство системы не сообщает в течение уста-

новленного срока уведомляющему государству системы о своем определении, что запланированный проект или программа может причинить ощутимый ущерб его интересам. Предыдущий Специальный докладчик рассматривал этот вопрос в своем третьем докладе (пункт 6 статьи 8)¹²⁴.

129. В пункте 2 статьи 14 рассматриваются вопросы, возникающие в случае, если государство системы приступает к выполнению проекта без направления предусмотренных уведомлений другим государствам системы. Предлагаемыми последствиями такого несоблюдения является то, что государство системы будет нести ответственность за любой ущерб, причиненный другим государствам системы в результате осуществления указанного проекта или программы. Предыдущий Специальный докладчик предложил этот принцип в своем третьем докладе (пункт 9 статьи 8)¹²⁵.

130. Положениями пункта 2 статьи 14 не охватываются острые чрезвычайные ситуации. Применение этих положений и положений статьи 13, особенно пункта 3, к таким ситуациям зависело бы от особых обстоятельств чрезвычайного положения.

Статья 15. Управление системами международных водотоков. Создание комиссий

1. Государства системы в случаях, когда считается целесообразным для рационального регулирования, управления, защиты и контроля системы международного водотока, создают постоянный организационный механизм или, где это необходимо, укрепляют существующие организации или органы для внедрения системы регулярных совещаний и консультаций, разработки предложений и рекомендаций экспертов и введения других процедур принятия решений в целях содействия оптимальному использованию и защите системы международного водотока и ее вод и контролю за ними.

2. С этой целью государства системы должны создавать, где это практически осуществимо, двусторонние, многосторонние или региональные совместные комиссии по водотокам и договариваться о режиме эксплуатации, финансирования и основных задачах таких комиссий.

Такие комиссии могут, в частности, выполнять следующие функции:

а) собирать, проверять и распространять информацию и данные об использовании, защите и сохранении системы или систем международного водотока;

¹²⁴ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 156.

¹²⁵ Там же.

¹²³ См. сноску 117, выше.

b) предлагать и возбуждать расследования и исследования относительно использования, защиты и контроля;

c) контролировать на непрерывной основе систему международного водотока;

d) рекомендовать государствам системы меры и процедуры, необходимые для оптимального использования и эффективной защиты системы международного водотока и контроля за системой;

e) служить форумом для консультаций, переговоров и других процедур мирного урегулирования, которые поручаются государствами системы таким комиссиям;

f) предлагать и применять системы контроля и предупреждения в отношении загрязнения, других экологических последствий водопользования, стихийных бедствий или других опасностей, которые могут причинить вред или ущерб правам или интересам государств системы.

Комментарий к статье 15

131. В истории административного и хозяйственного управления системами международных водотоков наблюдается четкая тенденция в направлении организационного закрепления механизмов такого административно-хозяйственного управления и контроля. Эта тенденция проявляется как в практике государств, так и в деятельности организаций системы Организации Объединенных Наций. В своем третьем докладе предыдущий Специальный докладчик охарактеризовал такое положение следующим образом:

Многие системы международных водотоков уже регулируются постоянными организационно-правовыми механизмами, приспособленными к потребностям участвующих государств системы и к особенностям разделяемых водных ресурсов. Этот шаг вперед, от разовых или спорадических переговоров и заключения соглашений по дипломатическим каналам к поставленному на твердую организационно-правовую основу сотрудничеству, охватывающему обмен данными, исследования, анализ и разработку проектов и программ, свидетельствует о готовности сторон фактически «управлять» своими разделяемыми водными ресурсами и делать это с учетом технических соображений и более комплексно, чем это было бы возможно без подобных мероприятий. Организации, занимающиеся регламентацией международных рек и озер, весьма различны по своим возможностям и кругу ведения и претерпели значительные изменения со времени своего создания¹²⁶.

132. Важность организации сотрудничества государств в управлении водными ресурсами была подчеркнута Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды в рекомендации 51¹²⁷, которая изложена в следующей формулировке:

¹²⁶ Там же, пункт 453.

¹²⁷ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды.. (см. сноску 103, выше), глава II, «План мероприятий в отношении окружающей человека среды».

Заинтересованным правительствам рекомендуется рассмотреть вопрос о создании комиссии по речным бассейнам или другого соответствующего механизма для осуществления сотрудничества между заинтересованными государствами относительно водных ресурсов, которые подпадают под юрисдикцию нескольких стран.

...

c) подобные соглашения, если заинтересованные государства сочтут их необходимыми, позволят осуществить на региональном уровне:

- i) сбор, анализ гидрологических данных и обмен ими с помощью общепринятого международного механизма;
  - ii) совместное проведение программ по сбору данных для использования их в целях планирования;
  - iii) оценку влияния существующих видов водопользования на окружающую среду;
  - iv) совместное изучение причин и симптомов проблем, связанных с водными ресурсами, с учетом технических, экономических и социальных аспектов контроля за качеством воды;
  - v) рациональное использование водных ресурсов как ценного составного элемента окружающей среды, включая программу контроля за качеством;
  - vi) обеспечение юридической и административной защиты права на воду и права на подачу иска;
  - vii) предотвращение и разрешение споров в отношении охраны водных ресурсов и управления ими;
  - viii) финансовое и техническое сотрудничество в связи с совместными ресурсами;
- d) для внедрения в практику вышеуказанных предложений необходим созыв региональных конференций.

133. На Межрегиональном совещании международных речных организаций, состоявшемся в Дакаре в мае 1981 года, также подчеркивалась важность создания международных учреждений для проведения и координации сотрудничества между государствами системы. В рабочем документе с оценкой опыта международной совместной комиссии Канады и Соединенных Штатов комиссия выделила следующие принципы создания совместных комиссий по водотокам:

a) создание такой постоянно действующей совместной комиссии, в которой был бы установлен абсолютный паритет между странами, несмотря на весьма значительные различия размеров их населения и экономики. Таким образом, их правительства получают гарантию в том, что комиссия будет сбалансированным форумом, в рамках которого можно будет разрешать проблемы;

b) включение положения, предусматривающего, что комиссия устанавливает свои собственные правила процедуры...;

c) разработка такой структуры комиссии..., которая давала бы просторные рамки для широкого официального и неофициального обмена информацией между правительствами. Такая структура служит форумом, стимулирующим должностные лица с одинаковыми обязанностями... работать совместно и лучше знать друг друга, чем в случае, если бы комиссия не существовала...;

d) разработка в комиссии такого процесса, который позволял бы правительствам снять политическую окраску с трудноразрешимых проблем. Это зачастую выступает в качестве буфера между двумя сторонами... Процесс совме-

стного установления фактов, как правило, дает правительствам возможность иметь общую базу данных...;

е) создание такого механизма, который мог бы привлечь внимание правительств на вызывающих беспокойство вопросах, которые могут и не попадать в поле зрения правительств. Таким образом, комиссия играет определенную роль в оказании помощи правительствам в процессе уведомления и консультаций относительно намечаемых мероприятий в одной стране, которые могут иметь отрицательное воздействие в другой стране¹²⁸.

134. Помимо общих положений, предлагаемых в пункте 1 проекта статьи 15, Специальный докладчик попытался отразить упомянутые выше соображения в предлагаемом им пункте 2 данной статьи. Специальный докладчик воздерживается от внесения предложений о том, каким образом будут финансироваться такие комиссии, совместные механизмы или совместные проекты и программы и как будут распределяться расходы между государствами системы. Эти весьма сложные вопросы широко обсуждались на Дакарском совещании. Вместе с тем, как указывается в докладе Совещания,

обсуждение выявило трудности даже в вопросе исчисления выгод и затрат (включая экологические издержки). Помимо критериев распределения долей в совместных проектах, указывалось, например, на относительность воздействия инфляции на различные компоненты, на проблемы выбора уровней цен на продукцию (при расчете выгод ирригации), а также на проблемы обменных курсов валют государств-участников; другие упомянутые проблемы включали «факторы отставания» в компонентах многоцелевых проектов, вступающих в действие на различных по времени ступенях, а также трудность реалистической оценки расширения судоходства и других видов использования, которые становятся возможными благодаря осуществлению намечаемых крупных проектов в развивающихся регионах¹²⁹.

135. Выводы, сделанные на Дакарском совещании в отношении темы III «Экономические и прочие соображения», включали следующие моменты:

1. Какой-либо согласованной или общеприемлемой методологии или формулы для распределения доходов не существует. Ассигнования, гибкость предоставления которых таким образом сохраняется, должны распределяться с учетом принципов справедливости; при этом необходимо принимать во внимание характер работы, которую предстоит осуществить, доходы и возможности практического использования, получаемые каждым из участников, а также права, потребности и возможности каждого участника. Далее было высказано предложение относительно того, что компетентные органы Организации Объединенных Наций могли бы разработать полезные основополагающие принципы и методы в качестве руководящих указаний для комиссий по освоению бассейнов и [для] государств-участников...

2. Мнения в отношении процедур распределения расходов разделились. Было признано, что, поскольку каждый бассейн является единственным в своем роде, нормы распределения должны разрабатываться в каждом отдельном случае с учетом выводов, содержащихся в предыдущем пункте¹³⁰.

136. Из вышесказанного следует, что двусторонние или многосторонние соглашения или спе-

циальные договоренности, касающиеся конкретных проектов, программ или вопросов, практически не могут служить ориентиром в этом вопросе. В некоторых случаях, касающихся совместного строительства гидроэлектростанций двумя государствами системы, применялась формула распределения поровну затрат и издержек между этими государствами. Часто встречаются и другие формулы. Формулу распределения поровну затрат и издержек можно также встретить и в таких видах использования, как ирригация. Ряд договоров или соглашений предусматривают справедливую основу, совместное пользование водами на справедливой и разумной основе, принципы международного права, общую договоренность в каждом конкретном случае, справедливую долю и т. д., что говорит о том, что нельзя извлечь какой-либо конкретной формулы из практики государств и что нормы распределения должны выработываться в каждом отдельном случае с учетом конкретных обстоятельств и особенностей ситуации.

137. Предыдущий Специальный докладчик рассматривал вопрос об организационных механизмах в статье 15, представленной в его третьем докладе¹³¹.

Статья 16. Сбор, обработка и распространение информации и данных

1. Для обеспечения необходимого сотрудничества между государствами системы, оптимального использования системы водотока, а также справедливого и разумного распределения видов его использования между такими государствами каждое государство системы по мере возможности собирает и обрабатывает имеющуюся на его территории необходимую информацию и данные о гидрологических, гидрогеологических или метеорологических условиях, а также другую соответствующую информацию и данные, в частности, об уровне вод и сбросе водотока, выходе и запасах подземных вод, необходимых для правильного управления водотоком, о качестве воды на постоянной основе, информацию и данные о мерах борьбы с наводнениями, отложениях и других естественных опасностях, а также о загрязнении или других проблемах охраны окружающей среды.

2. Государства системы по мере возможности предоставляют другим государствам системы соответствующую информацию и данные, упомянутые в пункте 1 настоящей статьи. С этой целью государства системы должны по мере необходимости заключать соглашения о сборе, обработке и распространении такой информации и данных. С этой целью государства системы могут договориться о создании совместных ко-

¹²⁸ United Nations, *Experiences in the Development...* (см. сноску 110, выше), p. 202, part three, «Selected papers prepared by international river organizations...».

¹²⁹ *Ibid.*, p. 16, part one, «Report of the Meetings», para. 54.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 19, para. 69.

¹³¹ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 452—471.

миссий или специальных (региональных) или общих центров данных, которым поручается производить сбор, обработку и распространение данных на регулярной и своевременной основе, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи.

3. Государства системы или совместные миссии или центры данных, предусмотренные в пункте 2 настоящей статьи, по мере практической осуществимости и выполнимости, передают в Организацию Объединенных Наций или соответствующие специальные учреждения информацию и данные, получаемые согласно настоящей статье.

Комментарий к статье 16

138. В целом признается, что сбор, обработка и распространение информации и данных являются важным условием для эффективного контроля и управления системами международных водотоков; такой сбор и обмен информацией и данными является важной частью комплексного подхода к использованию системы водотока государствами системы, а также сотрудничества, необходимого для такого подхода.

139. Так, на Межрегиональном совещании международных речных организаций, состоявшемся в Дакаре в 1981 году, был сделан следующий вывод в отношении темы II «Прогресс в области совместных мероприятий»:

11. Создание надлежащей и надежной базы данных считается неременным условием для рационального планирования и осуществления проектов и программ. Поскольку сбор, обработка и распространение данных для сложных систем разделяемых водных ресурсов являются дорогостоящим и непрерывным процессом, представляется весьма важным, чтобы государства системы договорились довольно конкретно о характере данных, необходимых для различных целей... Что касается основных гидрологических данных и оперативной информации, то здесь всегда нужен свободный и широкий поток информации на своевременной основе¹³².

140. Был также сделан следующий вывод:

12. С учетом желательности активизации обмена информацией и опытом между организациями по использованию международных рек или озер в различных регионах и с целью содействия расширению сотрудничества между соседними государствами и... создания новых или укрепления организационных механизмов желательно, чтобы Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций усиливал поддержку в рамках Департамента по техническому сотрудничеству в целях развития для удовлетворения различных потребностей таких организаций и заинтересованных государств¹³³.

141. На своей сорок восьмой Конференции, состоявшейся в Нью-Йорке в 1958 году, Ассоциация международного права приняла следующую рекомендацию в отношении обмена данными и информацией:

¹³² United Nations, *Experiences in the Development...* (см. сноску 110, выше), p. 15, part one, «Report of the Meeting», para. 49.

¹³³ *Ibid.*

3. Прибрежные государства должны предоставлять соответствующим учреждениям Организации Объединенных Наций и друг другу гидрологическую, метеорологическую и экономическую информацию, особенно в отношении стока, количества и качества воды, дождевых и снежных осадков, водяного столба и движения грунтовых вод¹³⁴.

142. В статье XXIX Хельсинкских правил¹³⁵ Ассоциация международного права сформулировала в пункте 1 следующее дополнительное правило:

1. В целях предупреждения возникновения споров между государствами бассейна... рекомендуется, чтобы каждое государство бассейна предоставляло другим государствам бассейна надлежащую реально доступную информацию о водах бассейна, находящихся на его территории, и их использовании, а также о деятельности, связанной с этими водами.

143. В Плана действий, принятом в Мар-дель-Плате, значение сотрудничества с международными организациями по сбору данных о состоянии речных бассейнов и их обмену было подчеркнуто в рекомендации 93 г:

Полностью использовать систему Организации Объединенных Наций при проведении обзора, сбора, распространении и содействии обмену информацией и опытом по этому вопросу. Организовать деятельность системы таким образом, чтобы предоставлять согласованную и целенаправленную помощь государствам и комиссиям по речным бассейнам, запрашивающим такую помощь¹³⁶.

144. Положения о сборе и распространении информации и данных содержатся в ряде двусторонних и многосторонних договоров¹³⁷. Предыдущий Специальный докладчик рассматривает этот вопрос в главе IV своего первого доклада¹³⁸, в своем втором докладе¹³⁹ и — более подробно — в своем третьем докладе, содержащем проект статьи 9 по этому вопросу¹⁴⁰.

145. Предложенная статья 16 содержит общие положения, касающиеся сбора, обработки и распространения информации и данных. Положения, касающиеся специальных просьб о предоставлении информации и данных, предлагаются в статье 17. Статья 18 содержит положения, касающиеся обязанности предоставлять информацию о чрезвычайных положениях, а статья 19 касается правил в отношении закрытой информации.

146. Согласно пункту 1 статьи 16 государства системы по мере возможности собирают и обрабатывают соответствующую информацию и

¹³⁴ ILA, *Report of the Forty-eighth Conference, New York, 1958*, London, 1959, p. ix.

¹³⁵ См. сноску 11, выше.

¹³⁶ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам... (см. сноску 39, выше), стр. 66, часть первая.

¹³⁷ См. третий доклад предыдущего Специального докладчика, документ A/CN.4/348, (см. сноску 46, выше), пункты 218—229.

¹³⁸ Документ A/CN.4/320 (см. сноску 4, выше), пункты 111—136.

¹³⁹ Документ A/CN.4/332 и Add.1 (см. сноску 13, выше), пункты 124—139.

¹⁴⁰ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункты 187—230.

данные на их территории в отношении системы международного водотока. Ограничения в этом обязательстве, выраженные словами «по мере возможности», касаются не только фактических возможностей, но и того обстоятельства, что на это обязательство распространяются в разумных пределах экономические, а также другие соображения. Перечисление соответствующей информации и данных, содержащихся в последней части пункта 1, не носит исчерпывающего характера.

147. Обязанность предоставлять такую информацию и данные другим государствам системы предусмотрена в пункте 2. Эта обязанность также ограничивается критерием «по мере возможности». В пункте 2 предлагается заключать специальные соглашения, касающиеся такого сбора, обработки и распространения информации и данных, и предусматривается возможность поручать такие задачи совместным комиссиям или другим центрам данных.

148. В пункте 3 данной статьи предусматривается, что собираемая и обрабатываемая таким образом информация и данные должны предоставляться соответствующим учреждениям Организации Объединенных Наций. Это положение является следствием поручаемых соответствующим учреждениям Организации Объединенных Наций задач по оказанию помощи государствам системы в предоставлении информации и данных, а также в предоставлении им технической помощи или помощи экспертов вообще или в отношении специальных проектов или проблем.

Статья 17. Специальные просьбы о предоставлении информации и данных

Если одно государство системы запрашивает у другого государства системы информации и данные в отношении соответствующей системы водотока, не предусмотренные положениями статьи 16, другое государство системы по получении такой просьбы предпринимает все возможные усилия по быстрому удовлетворению этой просьбы. Запрашивающее государство возмещает другому государству разумные издержки по сбору, обработке и передаче такой информации и данных, если не обусловлено иное.

Комментарий к статье 17

149. Положения, содержащиеся в этой статье, были предложены предыдущим Специальным докладчиком во втором предложении пункта 1 статьи 9, содержащейся в его третьем докладе¹⁴¹.

Статья 18. Специальные обязательства в отношении информации о чрезвычайных ситуациях

Государство системы должно самым быстрым имеющимся способом информировать другое

затрагиваемое государство или другие затрагиваемые государства системы о чрезвычайных ситуациях или инцидентах, о которых ему стало известно и которые возникли в отношении системы разделяемого водотока как внутри, так и за пределами его территории, которые могут привести к серьезной опасности для жизни людей или причинению материального ущерба или к другому бедствию в другом государстве или других государствах системы.

Комментарий к статье 18

150. Обязанность, которая вытекала бы из этого предложения в отношении чрезвычайных ситуаций более серьезного характера, также вытекает из принципа добросовестных и добрососедских отношений. У Специального докладчика были сомнения относительно формулировки этого специального обязательства: «государство информирует» или «государство должно информировать». Его первой реакцией было употребить слово «должно», не ослабляя обязанности информировать другие государства. Такая специальная обязанность имеет сильный моральный и гуманитарный оттенок, придающий ей больший вес, чем узкая юридическая обязанность. Специальный докладчик считает, что употребление слова «должно» более правильно передавало бы такой смысл и назначение. Кроме того, в конкретных районах водотоков, где могут возникнуть такие чрезвычайные ситуации, следует договориться и разработать конкретные механизмы раннего предупреждения. Предыдущий Специальный докладчик рассматривал эти вопросы в пункте 7 статьи 9, предложенной в его третьем докладе¹⁴².

Статья 19. Информация закрытого характера

1. Информация и данные, охрана которых считается государством системы жизненно важной по соображениям национальной безопасности или другим причинам, не подлежат распространению другим государствам системы, организациям или учреждениям. Государство системы, содержащее в тайне такую информацию или данные, добросовестно сотрудничает с другими государствами системы, предоставляя по мере практической возможности существенную информацию и данные по затрагиваемым вопросам.

2. Если государство системы по другим соображениям считает, что распространение информации или данных должно носить конфиденциальный или закрытый характер, другие государства системы выполняют такую просьбу добросовестно и по-добрососедски.

Комментарий к статье 19

151. Эти вопросы рассматривались предыдущим Специальным докладчиком в пункте 6 статьи 9

¹⁴¹ Там же, пункт 230.

¹⁴² Там же, пункты 230 и 241.

его третьего доклада. В порядке комментария он указал, в частности:

В этом случае, когда речь идет о разделяемых водных ресурсах, подлинные потребности в области информации и данных необходимо сбалансировать с несомненной заинтересованностью государства системы в соблюдении секретности в вопросах оборонного характера. Однако эти воп-

росы оборонного характера не ограничены информацией стратегического или военного порядка. В этой связи также ставился вопрос о «торговых секретах», национальных или корпоративных, а также о нежелании раскрывать некоторые аспекты экономического планирования или местных социально-экономических условий¹⁴³.

¹⁴³ Там же, пункт 239.

ГЛАВА VI

Защита окружающей среды, загрязнение, явления, опасные для здоровья, опасные природные явления, регулирование и безопасность, предпочитаемые виды использования, национальные или региональные участки

[Глава IV проекта]

152. В этой главе Специальный докладчик рассматривает экологические аспекты. В статье 20 он предлагает общие положения о защите окружающей среды, а в статье 21 — положения о целях такой экологической защиты систем международных водотоков. В статьях 22—25 он рассматривает особую проблему загрязнения систем международных водотоков. Так, в статье 22 предлагается определение «загрязнения». В статье 23 содержатся положения, предусматривающие обязанность предотвращать загрязнение. В статье 24 речь идет об особой необходимости для государств, имеющих одну и ту же систему водотоков, сотрудничать в принятии защитных мер в целях предотвращения и уменьшения загрязнения. В статье 25 содержатся положения о чрезвычайных ситуациях.

153. В статьях 26—28 Специальный докладчик вносит предложения относительно предупреждения и уменьшения других опасностей, связанных с водотоками и вызванных главным образом такими естественными причинами, как наводнения, ледовая обстановка и другие препятствия, осаждение наносов, отрыв суши, недостаточный дренаж и вторжение соленой воды, а также бедствия, вызванные засухой. В статье 26 содержатся общие положения о предупреждении опасных явлений, связанных с водотоками, и контроле за ними; статья 27 касается регулирования международных водотоков в этих целях. В статье 28 содержатся положения о мерах безопасности.

154. В статье 29 рассматривается вопрос о предпочитаемых видах использования. Статья 30 касается проблем, которые все очевиднее проявляются в последние годы, а именно вопроса о закреплении за системами международных водотоков или их частями статуса охраняемых национальных или региональных участков.

ГЛАВА IV

ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ, ЯВЛЕНИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ, ОПАСНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ, ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

Статья 20. Общие положения о защите окружающей среды

1. Государства системы — индивидуально и коллективно — принимают, насколько это возможно, необходимые меры по защите окружающей среды системы водотока от неоправданного ущерба, деградации или разрушения или от серьезной опасности такого ущерба, деградации или разрушения вследствие причин или действий, подпадающих под их контроль и юрисдикцию, или вследствие естественных причин, которые можно регулировать в разумных пределах.

2. Государства системы — индивидуально или совместными усилиями — принимают необходимые меры и устанавливают режимы в целях управления совместной системой водотока и окружающими районами и справедливого использования их для защиты водной среды, включая экологию окружающих районов, от изменений или перемен, которые могут нанести значительный ущерб такой окружающей среде или соответствующим интересам государств системы.

3. Государства системы — индивидуально или совместными усилиями — согласно положениям настоящей Конвенции и другим соответствующим

щим принципам международного права, включая принципы, вытекающие из Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, принимают необходимые меры по максимально возможной защите морской среды от значительной деградации или ущерба, вызываемых системой международного водотока.

Комментарий к статье 20

155. Влияние современной техники на природную среду, оказываемое и на системы международных водотоков, и стремление обеспечить защиту от такого влияния и вредных последствий и уменьшить их находят отражение в ряде конвенций и соглашений, принятых в последнее время не только в связи с вопросом о защите от вредного загрязнения, но и в связи с более широкими экологическими аспектами.

156. Так, в Европейской водной хартии, провозглашенной в 1968 году¹⁴⁴, содержатся, в частности, следующие замечания и рекомендации в отношении сохранения природы и природных ресурсов систем международных водотоков:

...

убежденный в том, что прогресс современной цивилизации ведет в некоторых случаях ко все большему уменьшению природных ресурсов,

сознавая, что вода является одним из важнейших природных ресурсов,

...

принимает и провозглашает... принципы настоящей Хартии...:

1. Без воды нет жизни. Вода — драгоценное благо, необходимое для всех видов человеческой деятельности

...

Она необходима человеку как питье и пища; она необходима ему в гигиенических целях и как источник энергии, как производственное сырье и как транспортное средство; она необходима ему для отдыха, потребности в котором возрастают в современных условиях жизни.

...

VI. Сохранение соответствующего растительного покрова, предпочтительно лесного, имеет чрезвычайно важное значение для сохранения водных ресурсов

Необходимо сохранять растительный покров, предпочтительно лесной, и, как только он убывает, заменять его как можно скорее.

Сохранение лесов является чрезвычайно важным фактором для стабилизации водосточных бассейнов и их гидрологического режима...

157. Можно привести еще два следующих примера, когда выражалась озабоченность не только в отношении загрязнения, но и в отношении окружающей среды в более широком смысле. В Договоре 1973 года о реке Ла-Плате и ее мор-

¹⁴⁴ Хартия была принята в 1967 году Консультативной ассамблеей и Советом министров Европейского совета и провозглашена 6 мая 1968 года в Страсбурге; текст воспроизводится в *Ежегоднике... 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 137—138, документ A/CN.4/274, пункт 373.

ской границе¹⁴⁵ стороны обязались «охранять и сохранять водную среду» вообще «и, в частности, препятствовать ее загрязнению». В статуте 1975 года о реке Уругвай¹⁴⁶ большое значение придается экологическим аспектам. Так, согласно статье 35:

Стороны обязуются принимать соответствующие меры, с тем чтобы управление почвенными и лесными ресурсами, использование подземных вод и вод, вытекающих из притоков реки, не приводило к изменению, которое нанесет значительный ущерб режиму реки или качеству ее вод.

Кроме того, в статье 36 говорится:

Стороны будут координировать через посредство Комиссии соответствующие меры, направленные на то, чтобы избежать нарушения экологического равновесия...

158. В 1977 году на Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам широко обсуждались вопросы окружающей среды, здравоохранения и контроля за загрязнением. Особо упомянув о воздействии широкомасштабных проектов освоения водных ресурсов на окружающую среду и об их возможных отрицательных последствиях для здоровья людей, Конференция в своей рекомендации 35 Плана действий, принятого в Мар-дель-Плате, подчеркнула необходимость «производить оценку последствий различных видов водопользования для окружающей среды, поддерживать меры, направленные на борьбу с передаваемыми посредством воды заболеваниями, а также охранять экосистемы»¹⁴⁷.

159. Вопрос об окружающей среде подробно обсуждался также на Межрегиональном совещании в Дакаре в 1981 году. В документах совещания дается следующее резюме прений:

Имело место широкое обсуждение вопроса о необходимости экологических исследований с упором на положительные, а также на отрицательные последствия проектов для окружающей среды. Однако многие участники высказали мнение, что требования, предъявляемые в промышленно развитых странах в отношении объема собираемых данных, ложатся слишком тяжелым бременем на планирование, если их применять в развивающихся странах. Хотя воздействие на окружающую среду может иногда выражаться в нанесении долгосрочного ущерба базе ресурсов, одновременно подчеркивалось, что возникают серьезные затруднения при распространении опыта в области окружающей среды из одного экологического района в другой. Экологические проблемы необходимо увязывать с целями развития»¹⁴⁸.

160. Специальный докладчик учел эти различные соображения в попытках выработать общие положения о защите окружающей среды в пунктах 1 и 2 предлагаемой статьи 20.

¹⁴⁵ *International Legal Materials*, Washington, D. C., vol. XIII, No 2, 1974, pp. 259—260; см. также *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 82, документ A/CN.4/274, пункт 121.

¹⁴⁶ См. сноску 108, выше.

¹⁴⁷ *Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по водным ресурсам...* (см. сноску 39, выше), стр. 31, часть I.

¹⁴⁸ *United Nations, Experiences in the Development...* (см. сноску 110, выше).

161. В пункте 3 предлагаемой статьи 20 содержится ссылка на обязательства, которые государства приняли в части XII Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву¹⁴⁹ в отношении «защиты и сохранения морской среды». Сюда относятся статьи 194, 197 и 207.

162. Так, в пунктах 1 и 5 статьи 194 о мерах по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды предусматривается:

1. Государства в соответствии со своими возможностями — индивидуально или, в зависимости от обстоятельств, совместно — принимают все совместимые с настоящей Конвенцией меры, которые необходимы для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из любого источника, используя для этой цели наилучшие практически применимые средства, имеющиеся в их распоряжении, и стремятся согласовывать свою политику в этом отношении.

...

5. Меры, принимаемые в соответствии с настоящей Частью, включают меры, необходимые для защиты и сохранения редких или уязвимых экосистем, а также естественной среды, видов рыб и других форм организмов, запасы которых истощены, подвергаются угрозе или опасности.

163. В пункте 1 статьи 207 речь идет об угрозе загрязнения из находящихся на суше источников:

1. Государства принимают законы и правила для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из находящихся на суше источников, в том числе рек, эстуариев, трубопроводов и водотводных сооружений, принимая во внимание согласованные в международном порядке нормы, стандарты и рекомендуемые практику и процедуры.

164. Положения настоящего доклада, касающиеся охраны морской среды, в целом соответствуют пункту 8 статьи 10, предложенной предыдущим Специальным докладчиком в его третьем докладе¹⁵⁰. В пункте 2 этой статьи дается определение термина «защита окружающей среды». Специальный докладчик посчитал целесообразным не включать в свой проект статей определение данного термина. По его мнению, определение, данное в вышеупомянутой статье, в любом случае является чрезмерно ограничительным.

Статья 21. Цели защиты окружающей среды

Меры и режимы, установленные в соответствии со статьей 20, среди прочего, предназначаются в той мере, в какой это возможно, для:

- a) охраны здоровья людей;
- b) сохранения качественного и количественного состава вод системы международного водотока на уровне, необходимом для использования

их в качестве питьевой воды, а также для других бытовых целей;

c) обеспечения использования вод в целях орошения, а также в промышленных целях;

d) охраны, сохранения и развития водных ресурсов, включая фауну и флору;

e) обеспечения, насколько это возможно, использования системы водотока для организации мест отдыха, уделяя особое внимание охране здоровья людей и учитывая эстетические соображения;

f) обеспечения, насколько это возможно, использования вод домашними и дикими животными.

Комментарий к статье 21

165. Перечисление, приведенное в настоящей статье, не является исчерпывающим. Оно также не определяет каких-либо качественных характеристик или относительной важности различных способов использования вод. Значение различных способов использования вод в отношении защиты окружающей среды может колебаться в зависимости от водотока, и любое указание на общий приоритет того или иного способа использования не представляется возможным или разумным. Способы использования вод, конкретно перечисленные в настоящей статье, упоминаются также в других соглашениях¹⁵¹.

Статья 22. Определение «загрязнения»

Для целей настоящей Конвенции «загрязнение» означает любое физическое, химическое или биологическое изменение состава или качества вод системы международного водотока посредством привнесения в воды человеком, прямо или косвенно, веществ, организмов или энергии, которое приводит к пагубным последствиям для здоровья, безопасности или благополучия человека, для использования воды в каких-либо полезных целях или для сохранения и защиты окружающей среды, включая охрану фауны, флоры и других природных ресурсов системы водотока и прилегающих районов.

Комментарий к статье 22

166. Предложенное в настоящей статье определение термина «загрязнение» соответствует определениям, применяемым после проведения в Стокгольме в июне 1972 года Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам

¹⁴⁹ См. сноску 80, выше.

¹⁵⁰ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 312.

¹⁵¹ См., в частности, проект Европейской конвенции о защите пресной воды от загрязнения, подготовленный в 1969 году в рамках Европейского совета (см. сноску 155, выше).

окружающей человека среды. Данное определение в целом аналогично определению, предложенному предыдущим Специальным докладчиком в пункте 1 статьи 10, фигурирующей в его третьем докладе¹⁵².

Статья 23. Обязательство по предотвращению загрязнения

1. Ни одно из государств системы не может загрязнять или допускать загрязнения вод системы международного водотока в таких количествах, какие приводят или могут привести к нанесению ощутимого ущерба правам или интересам других государств системы с точки зрения их права на справедливое использование таких разделяемых водных ресурсов или любого другого вредного воздействия в пределах их территории.

2. В том случае, когда в результате загрязнения, исходящего с территории одного из государств системы, наносится ущерб или вред другим государствам системы, причем характер такого загрязнения менее серьезен, чем это определяется в пункте 1 настоящей статьи, государство системы, с территории которого исходит такого рода загрязнение, принимает разумные меры по предотвращению или уменьшению такого загрязнения. Соответствующие государства системы проводят консультации в целях достижения соглашения в отношении принятия необходимых мер и покрытия разумной величины расходов по предотвращению или уменьшению такого загрязнения.

3. Государство системы не обязано предотвращать загрязнение, исходящее с территории другого государства системы, чтобы избежать причинения ощутимого ущерба третьему государству системы в результате такого загрязнения. Государства системы, насколько это возможно, в срочном порядке обращают внимание государства, вызвавшего загрязнение, и государств, находящихся под угрозой такого загрязнения, на создавшееся положение, его причины и последствия.

Комментарий к статье 23

167. Обязательство по предотвращению загрязнения международного водотока в настоящее время всесторонне разработано в международном праве, что подтверждается практикой государств в отношении все увеличивающегося числа двусторонних и многосторонних документов. Статья 42 статута 1975 года¹⁵³, регулирующего исполь-

зование реки Уругвай, является характерным примером положений, содержащихся в такого рода договорах:

Каждая сторона несет ответственность перед другой стороной за ущерб, причиненный загрязнением, вызванным в результате ее действий или действий физических или юридических лиц, находящихся на ее территории.

168. В статье X Хельсинкских правил¹⁵⁴ содержатся следующие положения, касающиеся загрязнения международного водотока:

1. Согласно принципу справедливого использования вод международного бассейна государство:

a) не должно допускать никаких новых видов загрязнения воды и никакого увеличения степени существующего загрязнения воды в международном бассейне, которое причинило бы существенный ущерб на территории другого государства бассейна, и

b) должно принимать все разумные меры для ликвидации существующего загрязнения воды в международном бассейне, с тем чтобы на территории другого государства бассейна не возникло существенного ущерба.

169. В статье 2 проекта Европейской конвенции о защите пресной воды от загрязнения¹⁵⁵, содержащегося в приложении к рекомендации 555, принятой Консультативной ассамблеей Европейского совета 12 мая 1969 года, предусматривается:

1. Договаривающиеся государства принимают меры в целях снижения существующих уровней загрязнения и предотвращения любой новой формы загрязнения воды или повышения существующих уровней загрязнения воды, которые причиняют или могут причинить существенный вред или ущерб на территории другого Договаривающегося государства.

170. В статьях 2 и 3 проекта Европейской конвенции 1974 года о защите международных водотоков от загрязнения¹⁵⁶ Специальный комитет экспертов предложил следующие положения:

Статья 2

Каждая Договаривающаяся сторона будет стараться принимать в отношении всех находящихся на ее территории наземных вод все соответствующие меры для снижения существующих уровней загрязнения и предупреждения новых форм загрязнения.

Статья 3

1. Каждая Договаривающаяся сторона обязуется принимать в отношении международных водотоков:

a) все меры, необходимые для предупреждения новых форм загрязнения воды или любого увеличения степени существующего загрязнения воды;

b) меры, направленные на постепенное снижение существующих уровней загрязнения воды.

171. В трех упомянутых выше проектах документов, по всей видимости, проводится различие между двумя категориями загрязнения: существующим загрязнением и новыми формами загряз-

¹⁵⁴ См. сноску 11, выше.

¹⁵⁵ Текст частично воспроизводится в *Ежегоднике... 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 139—141, документ A/CN.4/274, пункт 374.

¹⁵⁶ То же, стр. 142—145, пункт 377.

¹⁵² Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 312.

¹⁵³ См. сноску 108, выше.

нения. Последние события указывают на то, что такого рода различие между уже существующими и новыми источниками загрязнения является неприемлемым. Нельзя допускать наносащего ущерб загрязнения системы международного водотока независимо от того, существовал ли источник такого загрязнения в течение определенного периода времени или же он является новым. Загрязнение системы международного водотока, наносащее ощутимый ущерб другим государствам системы, не может приобретать «характер закрепленного права».

172. В пункте 1 статьи 23 Специальный докладчик предлагает запретить загрязнение, наносащее ощутимый ущерб другим государствам системы. Пункт 2 данной статьи касается загрязнения, которое носит менее серьезный характер. Однако даже в этом случае соответствующее государство системы принимает разумные меры по предотвращению или сокращению загрязнения. В таких случаях может возникнуть вопрос о покрытии разумной величины расходов. Соответствующее государство системы проводит консультации в целях достижения соглашения о покрытии такого рода расходов.

173. В пункте 3 предусматривается, что государство системы не обязано предотвращать загрязнение, исходящее с территории другого государства. Однако ему следует в срочном порядке обратить внимание государства, вызвавшего загрязнение, и государств, которым угрожает такого рода загрязнение, на создавшееся положение. Проблемы, перечисленные в статье 23, рассматривались предыдущим Специальным докладчиком в пунктах 3 и 4 статьи 10, предложенной в его третьем докладе¹⁵⁷.

Статья 24. Сотрудничество между государствами системы по защите от загрязнения. Предотвращение и снижение степени загрязнения

1. Государства системы международного водотока осуществляют сотрудничество посредством проведения регулярных консультаций и совещаний или создания своих совместных региональных или международных комиссий или учреждений в целях обмена на регулярной основе надлежащей информацией и данными по вопросам загрязнения соответствующей системы водотока, а также принятия мер и режимов, необходимых для осуществления надлежащего контроля и защиты системы водотока и окружающей среды от загрязнения.

2. Соответствующие государства системы при необходимости проводят консультации и переговоры в целях составления всеобъемлющего перечня загрязнителей, внесение которых в воды системы международного водотока запрещено,

ограничено или поставлено под контроль. Там, где это целесообразно, они устанавливают процедуры и механизмы, необходимые для эффективного осуществления данных мер.

3. Государства системы учреждают по мере необходимости программы, предусматривающие необходимые меры и сроки для борьбы с загрязнением и предотвращения или сокращения степени загрязнения соответствующей системы международного водотока.

Комментарий к статье 24

174. В предлагаемой статье 24 дается общая характеристика сотрудничества между государствами системы по контролю и защите системы водотока от загрязнения. Практика создания перечня загрязнителей одобрена в пункте 2 данной статьи. В настоящее время на практике существует по меньшей мере два вида таких перечней: «черный» перечень загрязнителей, запрещенных для внесения в моря, реки (или грунтовые воды), и «серый» перечень загрязнителей, на которые не распространяется такого рода абсолютное запрещение, однако внесение которых поставлено под соответствующий контроль. На практике существуют несколько отличных подходов к категории «перечней» и к содержанию каждого «перечня».

175. Принципы, предложенные в настоящей статье 24, были рассмотрены предыдущим Специальным докладчиком в пунктах 7, 10 и 11 статьи 10, предложенной в его третьем докладе¹⁵⁸.

Статья 25. Чрезвычайные обстоятельства, касающиеся загрязнения

1. Если в результате загрязнения или нанесения аналогичного ущерба системе международного водотока или его окружающей среде возникает чрезвычайная ситуация, то государство или государства системы, в рамках юрисдикции которых создалось такое чрезвычайное положение, в самом срочном порядке доводят информацию о таком чрезвычайном положении до сведения всех государств системы, которым может быть нанесен ущерб таким чрезвычайным положением, а также любую другую соответствующую информацию и данные, которые могут иметь отношение к создавшемуся положению.

2. Государство или государства, в рамках юрисдикции которых создалось такое чрезвычайное положение, в срочном порядке принимают необходимые меры по предотвращению, нейтрализации или уменьшению опасности или ущерба, вызванного таким чрезвычайным положением. Другие государства системы должны в

¹⁵⁷ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 312.

¹⁵⁸ Там же.

разумных пределах оказать помощь по предотвращению, нейтрализации или уменьшению опасности и воздействия, вызванных чрезвычайным положением, а также получить от государства или государств, на территории которых возникло чрезвычайное положение, разумную компенсацию за расходы, связанные с принятием такого рода мер.

Комментарий к статье 25

176. В данной статье дается ссылка на общие положения в отношении чрезвычайных обстоятельств, предложенные в статье 18, выше. Обязательства, изложенные в статье 25, являются более широкими в том, что касается правовых обязанностей по информированию других государств и обязательств по предоставлению другим государствам системы всей соответствующей информации и данных. В пункте 2 предусматривается, что другие государства системы должны в разумной степени оказывать помощь по предотвращению, нейтрализации или уменьшению опасности и воздействия, вызванных «инцидентом», который повлек за собой чрезвычайные обстоятельства, связанные с загрязнением. Это положение вытекает из принципа взаимного доверия и добрососедских отношений. С другой стороны, они должны получить от государства, вызвавшего загрязнение, разумную компенсацию за расходы, связанные с такого рода мерами по предотвращению.

Статья 26. Предотвращение стихийных бедствий, связанных с водными источниками, и борьба с ними

1. Государства системы осуществляют сотрудничество в соответствии с положениями настоящей Конвенции в целях предотвращения и устранения связанных с водной стихией бедственных положений и явлений в той мере, в какой этого требуют специальные обстоятельства. Такого рода сотрудничество должно, в частности, предусматривать принятие совместных мер и установление режимов, включая инженерные и неинженерные меры и эффективный контроль, в рамках соответствующей системы международного водотока, за условиями, которые могут привести к возникновению бедственных положений и явлений, таких как наводнение, скопление льдов и возникновение прочих заторов, заиление, авульсия, эрозия, недостаточный водосбор, засуха и вторжение соленых вод.

2. Государства системы осуществляют эффективный и своевременный обмен информацией и данными и создают системы раннего предупреждения в целях содействия предотвращению или ликвидации последствий чрезвычайных положений, вызванных связанными с водной сти-

хий бедственными обстоятельствами и явлениями, касающимися системы международного водотока.

Комментарий к статье 26

177. По мнению Специального докладчика, помимо предложенных выше статей в отношении общих принципов охраны окружающей среды, борьбы с загрязнением и ликвидацией его последствий в настоящий документ целесообразно включить статью об устранении и предотвращении стихийных бедствий, связанных с использованием водных источников и вызванных главным образом природными явлениями, такими как наводнение, скопление льдов, заиление и движение наносов, авульсия, проблемы водосбора, засуха и вторжение соленых вод. К сожалению, «слишком многие районы мира подвержены опасности возникновения таких стихийных бедствий, как наводнение и засуха...»¹⁵⁹.

178. В ходе проведенного в Дакаре в 1981 году Межрегионального совещания международных речных организаций неоднократно подчеркивалось, что опасные положения и ущерб, связанные с наводнениями и засухой, вызывают особую озабоченность. Эти проблемы были следующим образом суммированы в выводах, касающихся темы II (Прогресс в области совместных мероприятий):

5. Вопросы предупреждения и смягчения последствий наводнений, засухи и других стихийных бедствий и отрицательных результатов деятельности человека вызывают все большее беспокойство среди сотрудничающих государств ввиду многочисленных изменений в водоразделах, происходящих все более быстрыми темпами; поэтому следует осуществить новые или более широкие мероприятия для эффективного решения проблем, связанных с пагубными последствиями опасностей, обусловленных состоянием водных ресурсов. Международные речные и озерные организации являются теми органами, которым надлежит начать исследование и подготовить рекомендации, разработать чрезвычайные планы и действия и наладить системы оповещения, а также проводить необходимые регулярные обзоры условий и адекватности принимаемых мер¹⁶⁰.

179. На своей пятьдесят пятой конференции, состоявшейся в Нью-Йорке в 1972 году, Ассоциация международного права приняла статью о борьбе с наводнениями¹⁶¹. В статье 2, в частности, предусматривалось:

Государства бассейна сотрудничают в осуществлении мер по борьбе с наводнениями в духе добрососедства и с надлежащим учетом их интересов и благосостояния в качестве государств бассейна.

В статье 3 предусматривалось, что сотрудничество между государствами бассейна в области

¹⁵⁹ H. M. Neghassi, «The Mar del Plata Action Plan» *UNITAR News...*, (см. сноски 55, выше), p. 15.

¹⁶⁰ United Nations, *Experiences in the Development...* (см. сноски 110, выше), p. 14, part one, «Report of the Meeting», para. 49.

¹⁶¹ См. International Law Association, *Report of the Fifty-fifth Conference, New York, 1972*, London, 1973, pp. xvi and xvii; текст воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 160, документ A/CN.4/274, пункт 409.

борьбы с наводнениями может включать, в частности, сбор соответствующих данных и обмен ими, планирование и разработку соответствующих мер и осуществление мер по борьбе с наводнениями, прогнозы наводнений и связь для оповещения о наводнениях.

Согласно пункту 1 статьи 4:

1. Государства бассейна должны оповещать друг друга в кратчайший срок о любых явлениях, таких как сильные дожди, неожиданное таяние снега, и о любых других событиях, способных вызвать наводнение, а также об опасном поднятии уровня воды на их территории.

180. В многочисленных заключенных после второй мировой войны соглашениях государства системы приняли положения, направленные специально на принятие мер по предотвращению наводнений, эрозии и засухи. Такие меры включают обмен информацией и данными о паводках, ледоходах или о любой другой опасности, которая может возникнуть на реке¹⁶²; создание служб оповещения и вменение в обязанности компетентных служб «поддержание непрерывной связи» в случае предупреждения о наводнении до тех пор, пока «чрезвычайное положение не будет отменено»¹⁶³; проведение необходимой работы «с целью ведения борьбы с наводнениями и эрозией», а также проведение исследований и разработка планов работы, необходимых для создания «постоянных каналов для отвода избыточных вод»¹⁶⁴; устранение препятствий, затрудняющих естественный сток воды¹⁶⁵; строительство и укрепление плотин; создание осушительных систем и строительство насосных станций¹⁶⁶. Другие примеры приводятся в докладе Генерального секретаря за 1963 год и в его дополнительном докладе за 1974 год¹⁶⁷, а также в третьем докладе предыдущего Специального докладчика¹⁶⁸.

¹⁶² См. Соглашение между Югославией и Болгарией от 4 апреля 1958 года о водном хозяйстве, статья 8 [см. *Ежегодник*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 121—122 англ. текста, документ A/5409, пункт 516].

¹⁶³ См. Договор между Францией и Федеративной Республикой Германии от 27 октября 1956 года об урегулировании саарского вопроса, статья 9 (*там же*, стр. 185 англ. текста, документ A/5409, пункт 998).

¹⁶⁴ См. обмен нотами, которые представляют собой соглашение от 9 ноября 1961 года, касающееся создания Межнациональной комиссии по вопросам границ и водных ресурсов, между Гватемалой и Мексикой (*там же*, стр. 74, документ A/CN.4/274, пункт 70).

¹⁶⁵ См. Договор между СССР и Польшей от 15 февраля 1961 года о режиме советско-польской государственной границы, сотрудничестве и взаимной помощи по пограничным вопросам, статья 16 (*там же*, стр. 90—91, документ A/CN.4/274, пункт 181).

¹⁶⁶ См. Протокол между Грецией и Турцией, касающийся окончательной ликвидации споров по вопросу о выполнении гидротехнических работ по устройству русла реки Марицы на обоих берегах, от 19 января 1963 года (*там же*, стр. 93, документ A/CN.4/274, пункт 206).

¹⁶⁷ *Там же*, стр. 57 и далее англ. текста, документ A/5409, часть II, и стр. 69 и далее, документ A/CN.4/274, часть II.

¹⁶⁸ Документ A/CN.4/348 (см. список 46, выше), пункты 337—387.

181. В пункте 1 статьи 26 Специальный докладчик предлагает государствам системы взять на себя общее обязательство по осуществлению сотрудничества в соответствии с положениями настоящей Конвенции, принципами взаимного доверия и добрососедских отношений, а также, в разумных и возможных границах, в целях предотвращения и устранения связанных с водной стихией бедственных обстоятельств, главным образом «природных бедствий». Основные виды стихийных бедствий уже конкретно упоминались, однако такое перечисление не является исчерпывающим.

182. В пункте 2 Специальный докладчик предложил сделать особую ссылку на своевременный обмен информацией и данными в отношении таких бедствий и на создание с этой целью систем раннего предупреждения в отношении связанных с водной стихией бедственных обстоятельств и явлений.

183. Предыдущий Специальный докладчик рассматривал эти вопросы в статье 11 своего третьего доклада¹⁶⁹.

Статья 27. Регулирование систем международного водотока

1. Для целей настоящей Конвенции «регулирование» означает принятие на постоянной основе мер по контролю, увеличению, уменьшению или изменению каким-либо другим образом потока вод в системе международного водотока. Такого рода меры могут включать, в частности, накопление, высвобождение, изменение потока воды путем строительства дамб, водохранилищ, запруд, каналов, плотин, насосных систем или других гидросооружений.

2. Государства системы осуществляют сотрудничество в духе взаимного доверия и добрососедства при оценке потребностей и возможностей для регулирования водной системы в целях обеспечения оптимального и справедливого использования разделяемых ресурсов водотока. Они осуществляют сотрудничество в составлении соответствующих планов для такого рода регулирования и проводят переговоры в целях достижения соглашения о принятии и соблюдении — в индивидуальном порядке или совместно — надлежащих положений и мер, а также по проведению работ и покрытию расходов по регулированию водотока.

Комментарий к статье 27

184. Эффективное регулирование или «контролирование» систем международного водотока в целях оптимального использования и разумного и справедливого распределения такого рода об-

¹⁶⁹ Там же, пункт 379.

щих ресурсов является основной целью всех соглашений в рамках системы. В статье 27 Специальный докладчик предложил конкретизировать обязательство по осуществлению сотрудничества для достижения поставленных целей посредством непрерывного и постоянного осуществления мер, строительства сооружений и установки оборудования. Как уже упоминалось выше, по мнению Специального докладчика, невозможно установить общую формулу для покрытия расходов на осуществление такого рода мер в силу существования самых разнообразных условий, касающихся различных систем водотока, а также возможностей, необходимости и желательности их регулирования. Государствам системы следует достичь соглашения по этим вопросам, а также по всем другим проблемам сотрудничества в данной области. Здесь также следует применить принцип взаимного доверия и добрососедских отношений.

185. Предыдущий Специальный докладчик рассмотрел вопросы регулирования международного водотока в статье 12, предложенной в его третьем докладе¹⁷⁰.

Статья 28. Безопасность систем международного водотока, гидротехнических установок и сооружений

1. Государства системы делают все от них зависящее для сохранения и защиты систем международного водотока, а также относящихся к ним гидротехнических установок и сооружений.

2. С этой целью государства системы осуществляют сотрудничество и проводят консультации для заключения соглашений, касающихся:

a) соответствующих общих и специальных условий и технических данных для создания, эксплуатации и содержания участков, установок, сооружений и предприятий систем международного водотока;

b) создания соответствующих норм безопасности и охраны для защиты системы водотока, ее разделяемых ресурсов и соответствующих участков, установок, сооружений и предприятий от опасностей, вызванных силами природы, преднамеренными или халатными действиями, или опасностей, связанных со строительными неполадками, неправильной эксплуатацией или другими причинами.

3. Государства системы в максимально возможной степени обмениваются информацией и данными, касающимися вопросов охраны и безопасности, рассматриваемых в настоящей статье.

Комментарий к статье 28

186. В статье 13 своего третьего доклада¹⁷¹ предыдущий Специальный докладчик рассмотрел вопрос о «безопасности водных ресурсов и гидротехнических установок». В пункте 1 этой статьи он затронул вопрос о преднамеренном отравлении водных ресурсов и о запретах, предусмотренных в этом контексте в Протоколе I (статья 54, пункт 2) и Протоколе II (статья 14) 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв международных вооруженных конфликтов¹⁷². В пунктах 2 и 3 статьи 13 рассматривался вопрос о разрушениях и ущербе в результате вооруженного нападения «в мирное время или в период вооруженного конфликта» (разрушение гидротехнических сооружений и т. д.), а также вопрос о запрещении использования таких установок и сооружений «при подготовке или проведении наступательных военных операций». В пункте 4 содержались положения о защите от «террористических диверсионных актов». В пункте 5 говорится, что государства системы «в период вооруженного конфликта» создают в сотрудничестве с другими государствами системы системы предупреждения для целей информирования государства или государств системы об угрозе или возникновении опасного явления, относящегося к водным ресурсам, в связи с вооруженным конфликтом. Необходимость в таких положениях, несомненно, существует. В то же время Специальный докладчик выражает сомнение относительно целесообразности включения этих положений в настоящий проект. Упомянутые два Протокола к Женевским конвенциям 1949 года были включены после продолжительных и сложных переговоров. Специальный докладчик выражает опасение, что включение таких положений может рассматриваться как внесение поправок или дополнений в оба протокола, что вновь вызовет дискуссии о принципах и правилах, касающихся международных и внутренних вооруженных конфликтов. Таким образом, выступая за положения, сформулированные в этом духе, он не будет включать их в первый проект статей, пока не получит указания от Комиссии международного права и Шестого комитета Генеральной Ассамблеи. Он затронул этот вопрос выше в настоящем докладе (см. пункт 46).

187. С другой стороны, Специальный докладчик считает необходимым включить в проект общие положения, касающиеся безопасности систем международного водотока, их создания, эксплуатации и содержания. Такие предложения содержатся в статье 28 настоящего проекта. В пункте 1 предусматривается, что государства системы делают все от них зависящее в целях поддержания и защиты систем международного водотока. В этих целях в подпункте *a* пункта 2 предусмат-

¹⁷⁰ Там же, пункт 389.

¹⁷¹ Там же, пункт 415; см. также пункты 390—430.

¹⁷² См. сноски 53 и 54, выше.

ривается, что государства системы осуществляют сотрудничество и проводят консультации между собой, с тем чтобы определить конкретные условия и технические аспекты создания, эксплуатации и содержания участков, например, путем создания правил и положений, справочников, руководств по эксплуатации и инспекции и т. д.

188. В подпункте *b* пункта 2 предусматривается создание необходимых норм безопасности и мер по охране в целях защиты системы водотока и ее предприятий, установок и т. д. от природных бедствий, а также «преднамеренных или халатных действий». В эту формулировку также включены акты терроризма и диверсий. Следует принять разумные меры, с тем чтобы обеспечить максимально возможную защиту. Однако и при этом могут происходить инциденты. К сожалению, даже наиболее эффективные меры защиты и контроля не могут полностью исключить возможность нанесения ущерба в результате, например, террористических или диверсионных актов.

189. В третьем докладе предыдущий Специальный докладчик предложил в пункте 6 статьи 13 следующее положение:

6. В мирное время и в период вооруженного конфликта запрещается прекращение, путем отвода или другими средствами, подачи воды из какого-либо государства системы с целью поставить под угрозу жизнь гражданского населения или жизнеспособность окружающей среды¹⁷³.

190. Нынешний Специальный докладчик обдумал вопрос о том, следует ли включить подобного рода положение в предлагаемую статью 28. Однако он пришел к выводу, что это нецелесообразно. По его мнению, из имеющихся принципов международного права, а также из положений настоящего проекта ясно следует, что такие акции будут представлять собой грубые нарушения действующих принципов, касающихся систем международного водотока, таких как принцип разделяемых водных ресурсов, принцип разумного и справедливого использования и распределения, принцип тесного сотрудничества между государствами системы в духе доброй воли и добрососедских отношений. Следовательно, такой пункт, отражающий одну довольно необычную ситуацию, которая является частью обширной и сложной проблемы, вероятно, будет ослаблять защиту, предусмотренную в более общих положениях настоящего проекта. Однако внимание Комиссии международного права обращается на положения пункта 6 статьи 13, предложенной предыдущим Специальным докладчиком.

Статья 29. Предпочтительные виды использования

1. При установлении систем или режимов справедливого участия в использовании системы

¹⁷³ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 415.

международного водотока и его ресурсов всеми государствами системы ни одному конкретному виду или видам использования не отдается предпочтения по сравнению с другими справедливыми видами использования, за исключением тех случаев, когда это предусмотрено в соглашениях о системе, других соглашениях или других правовых принципах и обычаях, применимых к данной системе водотока.

2. При решении вопросов, связанных со спорными видами использования, потребности и последствия различных видов использования рассматриваются по сравнению с потребностями и последствиями других соответствующих видов использования с целью определения оптимального вида использования разделяемых ресурсов водотока и разумного и справедливого распределения этих ресурсов между государствами системы с учетом всех аспектов, связанных с конкретной системой водотока.

3. Строительство и эксплуатация установок и сооружений ведутся таким образом, чтобы не наносить ощутимого ущерба другим справедливым видам использования системы водотока.

4. В случае возникновения вопроса в связи со спорными или предпочтительными видами использования системы международного водотока государства системы в соответствии с принципами доброй воли и добрососедских отношений воздерживаются от проведения работ на установках, сооружениях и в других проектах, связанных с водотоком, и от принятия мер, связанных с соответствующими спорными видами использования, которые могут воспрепятствовать решению данных вопросов.

Комментарий к статье 29

191. Исторически в соглашениях между прибрежными государствами основное внимание уделялось такому виду использования, как судоходство. Даже сегодня особое внимание уделяется навигационным аспектам в ряде международных рек. Тем не менее за последние годы вопросы навигации стали утрачивать в какой-то степени свое наиважнейшее значение, по мере того как все более утверждались другие виды использования и иные интересы. Такое изменение было отражено в комментариях Ассоциации международного права к статье VI Хельсинкских правил¹⁷⁴.

Предпочтительный вид использования. Исторически судоходству отдавалось предпочтение перед другими видами использования вод, независимо от последующих потребностей отдельного водосборного бассейна. Но за последние 25 лет в результате технической революции и демографического взрыва, которые привели к быстрому росту несудоходных видов использования, судоходные виды использования утратили представляемую ранее исключительность. В настоящее время ни судоходство, ни любой другой вид

¹⁷⁴ См. сноску 11, выше.

использования не пользуются таким преимуществом. Водосборный бассейн необходимо рассматривать на индивидуальной основе и, исходя из этого, определять, какие виды использования являются наиболее важными в данном бассейне или, в зависимости от случая, в отдельных частях данного бассейна.

192. Соответственно Ассоциация международного права предложила следующий принцип в статье VI:

Какой-либо вид использования или категория видов использования не имеют заранее установленного преимущества перед другим видом или категорией видов использования.

193. Взаимосвязь между судоходством и другими видами использования систем международного водотока, где существует или может существовать судоходство, была вкратце описана предыдущим Специальным докладчиком в его первом докладе следующим образом:

...в настоящем проекте статей необходимо рассмотреть вопрос о воздействии судоходства на другие виды использования вод, а также вопрос о воздействии других видов использования на судоходство. Потребности судоходства сказываются на количестве и качестве вод, пригодных для других видов использования. Судоходство может приводить и зачастую приводит к загрязнению водных путей и требует поддержания поверхности воды на определенном уровне; судоходство также требует наличия проходов через имеющиеся на водном пути препятствия и вокруг них. Взаимосвязи между судоходными и несудоходными видами использования водных путей являются настолько многочисленными, что на любом водном пути, где используется или должно быть внедрено судоходство, инженеры и администраторы, ответственные за развитие этого водного пути, не могут отделить навигационные потребности и последствия от потребностей и последствий других гидротехнических проектов¹⁷⁵.

194. Это мнение разделила Комиссия международного права, которая, исходя из предложения предыдущего Специального докладчика, приняла в предварительном порядке следующие положения, содержащиеся в пункте 2 статьи 2, представленной в настоящем докладе (см. пункт 75, выше):

2. Использование вод системы международных водотоков для судоходства не входит в сферу применения настоящей Конвенции, за исключением тех случаев, когда другое использование этих вод затрагивает судоходство или затрагивается судоходством.

195. Это исходное положение, хоть и ограниченное по своему характеру, повлечет за собой то, что некоторые положения настоящего проекта будут затрагивать вопросы судоходства. Таким образом, положения, содержащиеся в статье 4, о соглашениях системы могут предусматривать, что соглашения системы могут включать судоходство в число видов использования, охватываемых таким соглашением. Аналогичным образом положения статьи 5 могут в силу своего характера также применяться к судоходству. Должно быть также очевидно, что положения, предложенные в настоящем докладе в статье 6, касающиеся системы международного водотока как разделяе-

мого природного ресурса, могут также применяться к видам навигационного использования. Это очевидное положение было вкратце изложено предыдущим Специальным докладчиком:

Следует отметить, что понятие «использование» в данной статье [статья 6 в настоящем докладе] не ограничивается несудоходными видами использования, да и логически не может быть ими ограничено. Хотя здесь неуместно говорить о специфике регулирования... судоходных видов использования, статус разделяемого ресурса подразумевает коллизии между различными видами использования и тесно связанные с ними проблемы, такие, например, как загрязнение, охрана окружающей среды, меры общественной безопасности и работы по благоустройству водотоков. Судоходство связано или может быть связано с каждым из этих аспектов...¹⁷⁶.

196. В статье 29 Специальный докладчик рассматривает вопросы «предпочтительных видов использования». В пункте 1 этой статьи предусмотрено, что «ни одному конкретному виду или видам использования не отдается предпочтения по сравнению с другими справедливыми видами использования, за исключением тех случаев, когда это предусмотрено в соглашениях о системе, других соглашениях или других правовых принципах и обычаях, применимых к данной системе водотока». Эти положения применяются ко всем видам использования, включая судоходство и взаимосвязь судоходства с другими видами использования.

197. Пункт 2 статьи 29, касающийся вопроса о регулировании спорных видов использования, также предусматривает, что все соответствующие виды использования должны рассматриваться в сравнении друг с другом. Пункты 3 и 4 не требуют дополнительных комментариев.

198. Предыдущий Специальный докладчик рассмотрел эти вопросы в статье 14 (Отказ от заранее установленного преимущества вида использования), представленной в его третьем докладе¹⁷⁷.

Статья 30. Определение систем международного водотока или отдельных его частей как охраняемых национальных или региональных участков

1. Государство или государства системы могут по санитарно-экологическим, историческим, эстетическим или иным соображениям объявить систему водотока или его часть охраняемыми национальными или региональными участками.

2. Другие государства системы и региональные и международные организации или учреждения в духе доброй воли и добрососедских отношений сотрудничают и оказывают помощь такому государству или государствам системы

¹⁷⁶ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 437.

¹⁷⁷ Там же, пункт 451.

¹⁷⁵ Документ A/CN.4/320 (см. сноску 5, выше), пункт 61.

в сохранении, защите и содержании такого охраняемого участка или участков в их естественном состоянии.

Комментарий к статье 30

199. Экологические проблемы ощущаются все более остро часто в связи с защитой флоры и фауны или в связи с требованиями местных этнических групп и народностей о сохранении их окружения и образа жизни. Сохранение таких

рек или речных участков является относительно новым аспектом движения за охрану окружающей среды, но это движение во многих странах оказалось довольно эффективным. «Можно надеяться, что все большее число государств будет действовать с учетом необходимости предотвратить возможную утрату этих бесценных и невозполнимых, в случае нанесения им ущерба, элементов своего наследия»¹⁷⁸.

¹⁷⁸ Там же, пункт 519.

ГЛАВА VII

Урегулирование споров

[Глава V проекта]

200. В настоящей главе Специальный докладчик будет рассматривать вопросы урегулирования споров, касающиеся толкования и применения предлагаемой конвенции. Очевидным исходным положением являются основные принципы, сформулированные в статье 2 Устава Организации Объединенных Наций, особенно в пунктах 3 и 4, о том, что все государства — члены Организации Объединенных Наций, безусловно, обязаны разрешать «свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость» (пункт 3) и воздерживаться «в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения» против других государств (пункт 4). Мирные средства, о которых говорится в настоящей главе, упоминаются в главе VI, в частности в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций о мирном разрешении споров.

201. Специальный докладчик предлагает для главы V проекта статей следующие статьи: статья 31 (Обязанность урегулировать споры мирными средствами); статья 32 (Урегулирование споров путем консультаций и переговоров); статья 33 (Расследование и посредничество); статьи 34 и 35 (Согласительная процедура и функции и задачи согласительной комиссии); статья 36 (Результаты доклада согласительной комиссии. Разделение расходов); статьи 37 и 38 (Разбирательство в Международном Суде, другом международном суде либо постоянном или специальном арбитраже и обязательный характер разбирательства).

202. Помимо обязательств, которые возлагаются на государства — члены Организации Объединенных Наций в соответствии с вышеупомянутыми положениями Устава Организации Объеди-

ненных Наций и Статута Международного Суда, Специальный докладчик использовал ряд двусторонних договоров о дружбе и торговле или судебном урегулировании, а также ряд многосторонних и международных конвенций, таких как Общий акт (мирное разрешение международных споров) Лиги Наций от 26 сентября 1928 года¹⁷⁹; Пересмотренный общий акт о мирном разрешении международных споров, принятый Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 28 апреля 1949 года¹⁸⁰, и Европейская конвенция 1957 года о мирном урегулировании споров¹⁸¹. Значительный интерес в качестве прецедента для мирного урегулирования споров в связи с системой международного водотока представляют главы Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву и приложения к ней¹⁸². Эти вопросы затрагиваются в части XV об «Урегулировании споров». В разделе 5 части XI Конвенции, посвященной «Району», рассматриваются вопросы урегулирования споров и консультативных заключений, касающихся споров, связанных с деятельностью в районе. Кроме того, в четырех приложениях подробно рассматривается вопрос о мирном урегулировании споров. Так, приложение V посвящено «согласительной процедуре»; приложение VI — «Статуту Международного трибунала по морскому праву» в составе 21 судьи; приложение VII — «арбитражу» и приложение VIII — «специальному арбитражу».

203. В разделе 2 части XV Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву предусматриваются обязательные процедуры,

¹⁷⁹ League of Nations, *Treaty Series*, vol. XCIII, p. 343.

¹⁸⁰ United Nations, *Treaty Series*, vol. 71, p. 101.

¹⁸¹ Совершена в Страсбурге 29 апреля 1957 года в рамках Европейского совета (*ibid.*, vol. 320, p. 243).

¹⁸² См. сноску 80, выше.

влекущие за собой обязательные решения (статья 286 и последующие). Однако в разделе 3 предусматривается ряд ограничений в применении таких обязательных процедур и исключений из их применения (статья 297 и последующие). Конвенция также предусматривает обязательные согласительные процедуры в некоторых ситуациях (см. статью 297, пункты 2*b* и 3*b*, *c* и *d*, и статью 298, пункт 1*a*, *i*). Положения части XV Конвенции, несмотря на свой несколько непоследовательный и туманный характер, являются смелыми и далеко идущими в обеспечении обязательных процедур урегулирования для такого универсального международного документа.

204. У Специального докладчика имелись определенные сомнения относительно целесообразности включения процедур обязательного урегулирования, в особенности тех процедур в настоящем проекте, которые касаются обязательной силы судебного решения. После некоторых размышлений он счел нецелесообразным вводить такую обязательную юрисдикцию. Основной целью настоящего проекта является разработка рамочного соглашения. Ряд принципов, предложенных в отношении сути соглашения, были разработаны в качестве обязательных принципов международного права, которые по своему характеру применяются к спорам в связи с управлением системами международного водотока и их использованием. Другие положения рекомендуются в качестве ориентации поведения прибрежных государств. Специальный докладчик далее предусматривает, что для усиления применимости предлагаемых принципов к конкретным системам водотока соглашения должны охватывать по возможности максимальное число участников. Помимо твердых обязательств об урегулировании споров мирными средствами и проведения с этой целью переговоров, консультаций и тесного сотрудничества на основе доброй воли и добрососедских отношений соглашения системы должны предусматривать обязательные процедуры урегулирования, такие как комиссии по расследованию, согласительные комиссии и в более серьезных случаях использование обязательной силы решений международных судов или арбитражных трибуналов. Являясь сторонником обязательных международных процедур, Специальный докладчик не считает, что установление такой обязательной юрисдикции в абсолютной форме в предлагаемом рамочном соглашении является наилучшим средством достижения цели. Статьи, содержащиеся в настоящей главе, отражают это мнение.

205. Разумеется, государства могут быть вынуждены прибегнуть к специальным процедурам урегулирования споров, включая обязательную юрисдикцию в соответствии с общими или специальными соглашениями о мирном урегулировании споров. Несомненно, в задачу статей, включенных в эту главу, не входит отход от уже при-

нятых обязательств. Этот принцип был выражен следующим образом в статье XXVIII Хельсинкских правил¹⁸³:

1. Государства в первую очередь обязаны использовать средства предупреждения и урегулирования споров, изложенные в соответствующих договорах, обязательных для них.

Этого не требующего доказательств принципа касается пункт 2 статьи 31.

206. Предыдущий Специальный докладчик рассмотрел «принципы и процедуры предупреждения и урегулирования споров» в статье 16, предложенной в его третьем докладе¹⁸⁴.

ГЛАВА V

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ

Статья 31. Обязанность урегулировать споры мирными средствами

1. Государства системы, а также другие государства-участники разрешают споры между собой, касающиеся толкования или применения настоящей Конвенции, мирными средствами в соответствии со статьей 2 Устава Организации Объединенных Наций и с этой целью стремятся к урегулированию средствами, указанными в пункте 1 статьи 33 Устава.

2. Ничто в настоящей части не затрагивает права любых государств-участников (государств системы) в любое время договориться об урегулировании своих споров, касающихся толкования или применения настоящей Конвенции, любыми мирными средствами по их выбору.

Комментарий к статье 31

207. В настоящей статье вновь подтверждается обязанность всех государств-членов урегулировать свои споры мирными средствами. Пункт 1 статьи 31 более или менее идентичен статье 279 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Пункт 2 статьи идентичен статье 280 указанной Конвенции.

Статья 32. Урегулирование споров путем консультаций и переговоров

1. Когда между государствами системы или другими государствами-участниками возникает спор, касающийся толкования или применения настоящей Конвенции, стороны в споре незамедлительно проводят консультации и пере-

¹⁸³ То же, сноска 11.

¹⁸⁴ Документ A/CN.4/348 (см. сноску 46, выше), пункт 498.

говоры в целях достижения справедливого и равноправного решения спора.

2. Такие консультации и переговоры могут проводиться непосредственно между сторонами в споре или через посредство совместных комиссий, учреждаемых для администрации и управления соответствующей системой международного водотока, или через посредство других региональных или международных органов или учреждений, согласованных сторонами.

3. Если стороны не смогли достичь разрешения спора в течение разумного периода времени, стороны прибегают к другим мирным процедурам урегулирования, предусмотренным в настоящей главе.

Комментарий к статье 32

208. Очевидной отправной точкой для мирного урегулирования споров между государствами системы или между государством системы и другим государством — участником Конвенции является начало консультаций и переговоров в духе доброй воли в целях нахождения решений по нерешенным вопросам. Такая обязанность проводить переговоры вытекает из основополагающих принципов международного права, как отмечалось ранее в настоящем докладе. Эта отправная точка была изложена в статье XXX Хельсинкских правил¹⁸⁵ следующим образом:

В случае спора между государствами в отношении их законных прав или других интересов... они должны стремиться к решению его путем переговоров.

209. В пункте 2 статьи 32 предусматривается, что такие переговоры между затронутыми сторонами могут проводиться через посредство или с помощью совместных комиссий или других органов или учреждений. Такие совместные комиссии или учреждения предусматриваются в ряде предшествующих статей. Такие комиссии могут, очевидно, располагать компетенцией, знаниями или более беспристрастным и непредвзятым подходом к спору и тем самым быть способными оказывать помощь сторонам во многих отношениях. В статье XXXI Хельсинкских правил¹⁸⁶ подробно рассматривается этот подход и, в частности,

1. ...рекомендуется, чтобы государства бассейна передавали этот вопрос или спор на рассмотрение совместного органа и просили этот орган осуществлять наблюдение за международным бассейном и формулировать планы или рекомендации...

210. Обязанность проводить переговоры должна сдерживаться положением о том, что такие консультации и переговоры должны проводиться только в разумное время. Когда все возможные попытки проведения переговоров в духе доброй воли исчерпаны, стороны должны прибегать к

другим мирным процедурам урегулирования, предусмотренным в главе V проекта. Как указывалось ранее, Специальный докладчик придерживается мнения, что к таким другим средствам мирного урегулирования следует прибегать, однако, не путем применения обязательных процедур урегулирования, если стороны не договорились об этом.

Статья 33. Расследование и посредничество

1. В связи с консультациями и переговорами, предусмотренными в статье 32, стороны в споре, касающемся толкования или применения настоящей Конвенции, могут по соглашению учредить совет по расследованию, состоящий из квалифицированных экспертов, с целью установления соответствующих фактов, касающихся спора, с тем чтобы облегчить консультации и переговоры между сторонами. Стороны должны достичь договоренности в отношении состава совета, порученных ему задач, временных рамок для завершения его деятельности и других соответствующих руководящих принципов его работы. Совет по расследованию устанавливает свою собственную процедуру, если стороны не договорились об ином. Заключение совета по расследованию не являются обязательными для сторон, если они не договорились об ином.

2. Стороны в споре, касающемся толкования или применения настоящей Конвенции, могут по соглашению просить о посредничестве третье государство, организацию или одного или более посредников, имеющих необходимую квалификацию и репутацию, для оказания им помощи беспристрастными рекомендациями в таких консультациях и переговорах, как это предусматривается статьей 32. Рекомендации, сделанные в рамках такого посредничества, не являются обязательными для сторон.

Комментарий к статье 33

211. Данная статья предусматривает учреждение совета по расследованию или посредничеству со стороны третьего государства, организации или лиц, обладающих необходимой репутацией и квалификацией, в целях оказания помощи сторонам в их консультациях и переговорах. Расследование или посредничество может служить полезным средством для ведения переговоров между сторонами в споре. В последние годы расследование или посредничество использовались редко. Они не включены в процедуры мирного урегулирования, предусмотренные в Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву (см. пункт 202, выше). Однако, по мнению Специального докладчика, они могут быть весьма полезными в спорах, касающихся международных водотоков, где опыт и знания составляют базу, на которой стороны могут основывать мирные решения.

¹⁸⁵ См. сноску 11, выше.

¹⁸⁶ То же.

212. Добрые услуги, посредничество и расследование были рекомендованы в статьях XXXII и XXXIII Хельсинкских правил¹⁸⁷.

Статья 34. Согласительная процедура

1. Если соглашение о системе либо другое региональное или международное соглашение или договоренность предусматривают это или если стороны договариваются об этом в отношении конкретного спора, касающегося толкования или применения настоящей Конвенции, стороны передают этот спор на урегулирование по согласительной процедуре в соответствии с положениями настоящей статьи или положениями такого соглашения о системе либо регионального или международного соглашения или договоренности.

Любая сторона в споре может возбудить разбирательство путем письменного уведомления другой стороны или сторон, если не достигнута договоренность об ином.

2. Если не достигнута договоренность об ином, согласительная комиссия состоит из пяти членов. Сторона, возбуждающая разбирательство, назначает двух посредников, один из которых может быть ее гражданином. Она должна информировать другую сторону о своих назначениях путем письменного уведомления.

Другая сторона также может назначить двух посредников, один из которых может быть ее гражданином. Такое назначение производится в течение 30 дней со дня получения уведомления, указанного в пункте 1 настоящей статьи.

3. Если одна из сторон в споре не производит назначения своих посредников, как это предусматривается в пунктах 1 или 2 настоящей статьи, то другая сторона может просить Генерального секретаря Организации Объединенных Наций произвести необходимое назначение или назначения, если стороны не договорятся об ином. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций производит такое назначение или назначения в течение 30 дней со времени получения просьбы.

4. В течение 30 дней после назначения всех четырех посредников стороны выбирают по соглашению пятого члена комиссии из числа граждан третьего государства. Он выступает в качестве председателя согласительной комиссии. Если стороны не могут договориться в течение этого периода, любая из сторон может в течение 14 дней со времени окончания этого периода просить Генерального секретаря Организации Объединенных Наций произвести назначение. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций производит такое назначение в течение 30 дней со времени получения просьбы.

¹⁸⁷ То же.

Комментарий к статье 34

213. Глава I Общего акта 1928 года¹⁸⁸ о мирном разрешении международных споров содержит положения о согласительной процедуре. Эти положения в целом включены в другие документы о мирном урегулировании споров; это относится, например, к главе II Европейской конвенции 1957 года о мирном урегулировании споров¹⁸⁹, а также к приложению V к Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву¹⁹⁰. Положения, касающиеся состава согласительных комиссий и назначения их членов, также содержатся в «Стандартных правилах для учреждения согласительной комиссии», содержащихся в приложении к Хельсинкским правилам¹⁹¹.

214. Учреждение согласительных комиссий на практике явилось ценным механизмом в поисках мирных решений международных споров. Преимущество комиссий состоит, в частности, в менее сложных процедурах, чем судебное или арбитражное разбирательство. Они также требуют меньше времени и средств. Тот факт, что рекомендации согласительных комиссий не являются официально обязательными для сторон, также может сделать их в некоторых случаях более приемлемыми в политическом отношении, чем судебные разбирательства. С другой стороны, тот факт, что рекомендации согласительной комиссии не являются обязательными для сторон, может сделать процедуру менее эффективной для сторон, не склонных к уступкам. Кроме того, при разработке заключений и рекомендаций согласительная комиссия по своему характеру не будет ограничена в своих рекомендациях строгим соблюдением норм международного права, что в конкретном случае может быть преимуществом или недостатком.

215. Одним из последних примеров международной согласительной процедуры является учреждение в 1980 году Исландско-норвежской согласительной комиссии, которая в мае 1981 года представила правительствам Исландии и Норвегии рекомендации относительно делимитации континентального шельфа Исландии и Норвегии в районе острова Ян-Майен. Согласительная комиссия состояла из трех членов: по одному гражданину от каждой из сторон, председатель — гражданин США (Е. Ричардсон). Оба правительства согласились с рекомендациями Комиссии и заключили соответствующее соглашение¹⁹².

216. Положения, предлагаемые в пунктах 1—4 статьи 34, отражают положения относительно

¹⁸⁸ См. сноску 179, выше.

¹⁸⁹ См. сноску 181, выше.

¹⁹⁰ См. сноску 80, выше.

¹⁹¹ См. сноску 11, выше.

¹⁹² Более подробно об этом см. J. Evensen, «La délimitation du plateau continental entre la Norvège et l'Islande dans le secteur de Jan Mayen», *Annuaire français de droit international*, 1981, Paris, vol. XXVII, p. 711.

учреждения согласительных комиссий, изложенные в вышеуказанных международных и многосторонних документах.

Статья 35. Функции и задачи согласительной комиссии

1. Если стороны не договорятся об ином, согласительная комиссия устанавливает свою собственную процедуру.

2. Согласительная комиссия заслушивает стороны, рассматривает их претензии и возражения и делает предложения сторонам с целью достижения дружественного разрешения спора.

3. Согласительная комиссия представляет доклад сторонам в течение 12 месяцев после ее учреждения, если стороны не договорятся об ином. В ее докладе отмечается любое достигнутое между сторонами соглашение и, при отсутствии договоренности, ее рекомендации сторонам. Такие рекомендации должны содержать заключения комиссии по соответствующим вопросам факта и права, касающимся спорного вопроса, и такие рекомендации, какие, по мнению комиссии, являются справедливыми и целесообразными для дружественного разрешения спора. Доклад, содержащий заключенные соглашения или, при отсутствии договоренности, рекомендации комиссии, доводится комиссией до сведения сторон в споре, а также сдается комиссией на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, если стороны не договорятся об ином.

Комментарий к статье 35

217. Специальный докладчик счел целесообразным подробно изложить функции, по традиции возлагаемые на согласительную комиссию. Так, положения, содержащиеся в пункте 1, предусматривают, что при отсутствии соглашения об ином согласительная комиссия устанавливает свою собственную процедуру, что является широко принятым принципом, как это можно видеть из статьи 11 Пересмотренного общего акта о мирном разрешении международных споров 1949 года¹⁹³, статьи 12 Европейской конвенции 1957 года о мирном урегулировании споров¹⁹⁴ и статьи V «Стандартных правил для учреждения согласительной комиссии», содержащихся в приложении к Хельсинкским правилам¹⁹⁵. Такие процедурные аспекты, как принцип, при котором разбирательство по согласительной процедуре обычно не проводится публично, правила и процедуры относительно возможных объяснений, голосования и т. д., не были изложены подробно, за исключением положений пункта 2 о том, что

согласительная комиссия должна заслушивать стороны. Пункт 3 статьи 35 предусматривает для подготовки доклада согласительной комиссии предельный срок в 12 месяцев. Пересмотренный общий акт 1949 года (статья 15, пункт 3) и вышеуказанная Европейская конвенция 1957 года (статья 15, пункт 3) предусматривают предельный срок в шесть месяцев: Специальный докладчик считает, что этот предельный срок является необоснованно коротким. В этой связи можно сослаться на пункт 1 статьи 7 приложения V к Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву. Предлагается, чтобы комиссия сдала доклад на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. Однако стороны должны иметь возможность принять и другое решение.

218. Доклад, подготовленный согласительной комиссией по вопросам, касающимся международных водотоков, может представлять интерес для международного сообщества. Сдача доклада на хранение Генеральному секретарю необязательно предполагает обнародование доклада. Поэтому было бы интересно обратить внимание на статью 16 Пересмотренного общего акта о мирном разрешении международных споров 1949 года. Она предусматривает:

Протоколы Комиссии немедленно доводятся до сведения сторон. Стороны договариваются о том, должны ли они быть опубликованы.

219. Европейская конвенция 1957 года в статье 16 содержит следующее положение, которое представляется более ограничительным:

Протоколы Комиссии немедленно доводятся до сведения сторон. Они публикуются только с их согласия.

220. Однако Специальный докладчик считает, что, несмотря на эти положения, было бы разумным предусмотреть положение о том, что доклад согласительной комиссии по этим вопросам должен сдаваться на хранение Генеральному секретарю и, насколько это возможно, доводится до сведения международного сообщества. Если в докладе отмечено соглашение между затронутыми сторонами, то это, очевидно, вытекает из принципов, содержащихся в статье 102 Устава Организации Объединенных Наций, которая предусматривает, что договоры и соглашения должны быть зарегистрированы в Секретариате и им опубликованы.

221. Приложение V к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, посвященное «согласительной процедуре», содержит в пункте 1 статьи 7 положение о том, что доклад согласительной комиссии «сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций и немедленно препровождается им сторонам в споре». Однако Специальный докладчик испытывает сомнения в отношении того, что этот крайне официальный подход окажется целесообразным во всех случаях.

¹⁹³ См. сноску 180, выше.

¹⁹⁴ См. сноску 181, выше.

¹⁹⁵ См. сноску 11, выше.

**Статья 36. Результаты доклада
согласительной комиссии. Разделение расходов**

1. За исключением соглашений, заключенных сторонами в споре путем согласительной процедуры и отраженных в докладе в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 35, доклад согласительной комиссии, включая ее рекомендации сторонам и ее заключения по вопросам факта и права, не является обязательным для сторон в споре, если стороны не договорятся об ином.

2. Гонорары и расходы согласительной комиссии оплачиваются сторонами в споре на справедливой и равноправной основе.

Комментарий к статье 36

222. Задачи, возлагаемые на согласительные комиссии, несомненно, будут различаться в зависимости от соглашений, заключенных сторонами. В некоторых случаях особое внимание уделялось задаче комиссии по проведению переговоров. Когда согласительная процедура приводит к заключению соглашения между сторонами, естественно, что это соглашение отмечается в докладе согласительной комиссии. В этом отношении доклад, куда входит и заключенное соглашение, является обязательным для сторон согласно общим принципам международного права. Однако часто согласительной комиссии поручается задача внесения рекомендаций сторонам, если соглашения между ними достичь не удалось. Комиссия может также изложить свои мнения по вопросам факта и права, которые она считает применимыми к данному спору. Такие рекомендации и такие заключения по вопросам факта и права в принципе не являются обязательными для сторон в споре, несмотря на то что они могут в значительной степени повлиять на окончательное дружественное урегулирование спора. Этот принцип был четко изложен в пункте 2 статьи 7 приложения V к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Соглашение между сторонами, предусматривающее согласительную процедуру, может прямо или косвенно предусматривать, что рекомендации согласительной комиссии будут, насколько это возможно, приниматься во внимание при последующих переговорах между сторонами. Несомненно, может случиться и так, что согласительной комиссии не удастся сформулировать рекомендации сторонам ввиду значительного расхождения мнений в рамках самой комиссии или по другим причинам. В этой связи интересно было бы отметить тот факт, что в соглашении об урегулировании спора между Исландией и Норвегией не предусматривалось представления комиссией доклада с рекомендациями, если такие рекомендации не были единогласно приняты Комиссией. В этом конкретном случае согласительная комиссия представила такие единогласные рекомендации, которые послужили основой для последующего соглашения

между Исландией и Норвегией (см. пункт 215, выше).

223. Пункт 2 статьи 36 касается гонораров и расходов. Обычно стороны вносят равную долю в покрытие таких расходов. См., например, статью 14 Пересмотренного общего акта 1949 года¹⁹⁶ и статью 17 Европейской конвенции 1957 года о мирном урегулировании споров¹⁹⁷.

Статья 37. Разбирательство в Международном Суде, другом международном суде либо постоянном или специальном арбитраже

Стороны могут представить спор на разбирательство в Международном Суде, другом международном суде либо постоянном или специальном арбитраже, если они не смогли прийти к согласованному решению спора на основе средств, предусмотренных статьями 31—36, при том условии, что:

a) государства — стороны в споре признали юрисдикцию Международного Суда в соответствии со статьей 36 Статута Суда либо признали Международный Суд или другой международный суд на основе соглашения о системах или другого регионального или международного соглашения или конкретно договорились представить спор на рассмотрение Суда;

b) государства — стороны в споре признали обязательный международный арбитраж постоянного или специального арбитражного суда на основе соглашения о системах или другого регионального или международного соглашения или конкретно договорились представить спор на арбитраж.

Комментарий к статье 37

224. Статья 287 Конвенции Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву¹⁹⁸ предусматривает, что при подписании, ратификации Конвенции или присоединении к ней государство «может выбрать... одно или более из следующих средств» урегулирования споров:

a) Международный трибунал по морскому праву, учрежденный в соответствии с Приложением VI;

b) Международный Суд;

c) арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VII;

d) специальный арбитраж, образованный в соответствии с Приложением VIII, для одной или более категорий споров, указанных в этом Приложении.

225. В статье 296 Конвенции далее предусматривается:

1. Решение, вынесенное судом или арбитражем, обладающим компетенцией на основании настоящего Раздела, яв-

¹⁹⁶ См. сноску 180, выше.

¹⁹⁷ См. сноску 181, выше.

¹⁹⁸ См. сноску 80, выше.

ляется окончательным и выполняется всеми сторонами в споре.

2. Такое решение обязательно лишь для участвующих в споре сторон и лишь по данному спору.

226. Эти положения в основном вытекают из статей 59 и 60 Статута Международного Суда (см. также статью 94 Устава Организации Объединенных Наций). Сам акт представления спора на рассмотрение Международного Суда, другого международного суда или арбитража предусматривает, что решение, принятое таким судом или арбитражем, является обязательным, а также окончательным, если только вопреки общей практике не предусмотрен апелляционный суд. Специальный докладчик повторил этот основной принцип в статье 38.

227. Обращение к разбирательству, предусмотренное в статье 37, касается юрисдикции Международного Суда, другого международного суда или арбитража, в зависимости от обстоятельств. Как указывалось выше, приложение VI к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву предусматривает образование «Международного трибунала по морскому праву». Очевидно, может возникнуть вопрос относительно того, может ли этот Трибунал явиться таким другим международным судом, на который может быть возложена задача разбирать споры, касающиеся международных водотоков. Здесь достаточно сослаться на статью 21 приложения VI к Конвенции по морскому праву, касающуюся компетенции Трибунала по морскому праву. Эта статья предусматривает:

К ведению Трибунала относятся все споры и все заявления, передаваемые ему в соответствии с настоящей Конвенцией, и все вопросы, специально указанные в любом другом соглашении, которое предусматривает компетенцию Трибунала.

228. Положения, содержащиеся в разделе 2 части XV Конвенции Организации Объединенных

Наций по морскому праву, четко предусматривают обязательное разбирательство (статья 286 и далее). Однако важно также отметить, что эти обязательные процедуры, влекущие за собой обязательные решения, основаны на системе, в которой большое число важных споров освобождается от такого разбирательства (см. статьи 297—299 этой Конвенции):

229. Специальный докладчик не считал целесообразным предусматривать в предлагаемой статье 37 обязательную юрисдикцию. Такая обязательная юрисдикция Международного Суда или другого международного суда может вытекать из других международных документов, как это предусматривается в подпункте *a*. Обязанность представлять спор на обязательный арбитраж может вытекать из других международных документов, как это предусматривается в подпункте *b*.

230. При выборе этого подхода Специальный докладчик не был убежден в приемлемости общего принципа обязательного разбирательства споров в отношении международных водотоков.

Статья 38. Обязательный характер разбирательства

Решение или заключение, вынесенное Международным Судом, другим международным судом или арбитражем, является обязательным и окончательным для государств-сторон. Государства-стороны должны выполнять его и в духе доброй воли содействовать претворению его в жизнь.

Комментарий к статье 38

231. Комментарий к настоящей статье см. комментарий к статье 37, выше.

ГЛАВА VIII

Взаимоотношение с другими конвенциями и заключительные положения

[Глава VI проекта]

232. На своей тридцать второй сессии в 1980 году Комиссия международного права предварительно приняла статью X «Взаимоотношение настоящих статей и других действующих договоров»¹⁹⁹. Такие положения обычно рассматриваются в последней главе международных соглашений наряду с другими «заключительными поло-

жениями». Стремясь как можно полнее разработать проект конвенции о несудоходных видах использования международных водотоков, Специальный докладчик предлагает поместить статью X в качестве статьи 39 в главу VI «Заключительные положения».

233. Специальный докладчик внес некоторые незначительные изменения в текст, ранее принятый в качестве статьи X.

¹⁹⁹ Ежегодник., 1980 год, том II (часть вторая), стр. 138.

ГЛАВА VI

Статья 39. Взаимоотношение с другими конвенциями и международными соглашениями

Без ущерба для пункта 3 статьи 4 положения настоящей Конвенции не затрагивают действующих конвенций или других международных договоров, относящихся к данной системе международного водотока или к любой ее части,

к международным или региональным системам водотока или к какому-либо конкретному проекту, программе или использованию.

Комментарий к статье 39

234. Специальный докладчик считает нецелесообразным делать какие-либо комментарии к предлагаемой статье.

Записка, представленная г-ном Константином А. Ставропулосом

[Подлинный текст на английском языке]
[10 июня 1983 года]

Было бы целесообразно, чтобы члены Комиссии международного права при обсуждении первого доклада Специального докладчика¹ по вопросу о «Праве несудоходных видов использования международных водотоков» имели в своем распоряжении подготовленный ЮНЕП проект принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами². Ниже приводится краткая история вопроса³, за которой следует текст проекта принципов.

А. Меры, принятые ЮНЕП и Генеральной Ассамблеей

МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППОЙ ЭКСПЕРТОВ ПО ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ, РАЗДЕЛЯЕМЫМ ДВУМЯ ИЛИ БОЛЕЕ ГОСУДАРСТВАМИ

1. В соответствии с положениями резолюции 3129 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1973 года ЮНЕП учредила в 1975 году Межправительственную рабочую группу экспертов по природным ресурсам, разделяемым двумя или более государствами³. В течение 1976—1978 годов Группа провела пять сессий. Деятельность Группы вызывала все больший интерес, и в ее последней сессии, состоявшейся 23 января—7 февраля 1978 года, приняли участие эксперты из 26 государств⁴. На этой сессии Рабочая группа

* В ряде относящихся к данному вопросу документов вместо выражения «природные ресурсы, разделяемые двумя или более государствами», используется выражение «природные ресурсы, принадлежащие двум или нескольким государствам».

¹ См. выше, стр. 195, документ A/CN.4/367.

² Более подробно по этому поводу см. *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 125—128, пункты 11—31 комментария к статье 5.

³ Первоначально в состав Межправительственной рабочей группы входили эксперты из следующих 17 государств: Аргентины, Бразилии, Индии, Ирака, Канады, Кении, Марокко, Мексики, Нидерландов, Польши, Румынии, Сенегала, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Филиппин, Франции и Швеции. Присутствовал также наблюдатель от Турции. См. доклад Рабочей группы о ее первой сессии (UNEP/IG.2/4, пункты 2 и 5, приложен к документу UNEP/GC/74).

⁴ Аргентина, Бангладеш, Бразилия, Гана, Германии (Федеративная Республика), Греция, Индия, Ирак, Иран, Ка-

нада, Кения, Мексика, Нидерланды, Польша, Румыния, Сенегал, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Союз Советских Социалистических Республик, Уганда, Филиппины, Франция, Швейцария, Швеция, Югославия и Ямайка. В качестве наблюдателей участвовали эксперты из Австрии, Турции и Японии. См. доклад Рабочей группы о ее пятой сессии (UNEP/IG.12/2, пункт 11, приложен к документу UNEP/GC.6/17).

МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ СОВЕТОМ УПРАВЛЯЮЩИХ ЮНЕП

2. На своей шестой сессии в 1978 году Совет управляющих имел на рассмотрении записку Директора-исполнителя, препровождающую заключительный доклад Межправительственной рабочей группы экспертов по природным ресурсам, разделяемым двумя или более государствами⁵. На своем 12-м пленарном заседании 19 мая 1978 года Совет управляющих принял консенсусом решение 6/14, озаглавленное «Сотрудничество в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами»⁷. Решение гласит следующее:

Совет управляющих,
подтверждая принципы Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды,

должным образом учитывая резолюцию 3129 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 1973 года, озаглавленную «Сотрудничество в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам»,

выражая свое удовлетворение работой, проделанной Межправительственной рабочей группой экспертов по природным ресурсам, разделяемым двумя или более государ-

ствами, Кения, Мексика, Нидерланды, Польша, Румыния, Сенегал, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Союз Советских Социалистических Республик, Уганда, Филиппины, Франция, Швейцария, Швеция, Югославия и Ямайка. В качестве наблюдателей участвовали эксперты из Австрии, Турции и Японии. См. доклад Рабочей группы о ее пятой сессии (UNEP/IG.12/2, пункт 11, приложен к документу UNEP/GC.6/17).

⁵ Там же, пункт 15.

⁶ См. конец сноски 4, выше.

⁷ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать третья сессия, Дополнение № 25 (A/33/25)*, глава VIII, в которой дается краткое изложение прений, состоявшихся в Совете управляющих по данному вопросу.

ствами, по выполнению порученных ей задач по осуществлению вышеназванной резолюции,

принимая во внимание статьи 3 и 30 Хартии экономических прав и обязанностей государств в том виде, в каком они были приняты Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 3281 (XXIX) от 12 декабря 1974 года,

признавая право стран обеспечить конкретные решения на двусторонней или региональной основе,

стремясь поощрять и развивать международное право, касающееся охраны и гармоничной эксплуатации природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами,

1. *утверждает* доклад Межправительственной рабочей группы экспертов по природным ресурсам, разделяемым двумя или более государствами, о работе ее пятой сессии, содержащий «Проект принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами»,

2. *уполномочивает* Директора-исполнителя передать доклад Ассамблее на ее тридцать третьей сессии как окончательный доклад рабочей группы экспертов и предлагает Генеральной Ассамблее принять проект принципов⁸.

МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ

3. В своей резолюции 33/87 от 15 декабря 1978 года Генеральная Ассамблея предложила Генеральному секретарю направить эти принципы государствам-членам для изучения и вынесения замечаний. Замечания к докладу Рабочей группы экспертов представили 36 правительств. В докладе Генерального секретаря о сотрудничестве в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам, содержится следующее резюме полученных ответов:

a) 30 из 36 правительств, от которых были получены ответы, в целом высказались за утверждение принципов. Сохраняя свое положительное отношение к принципам, некоторые из этих правительств, однако, выразили оговорки по конкретным принципам или предложили альтернативные формулировки некоторых из них. Ряд правительств высказали мнение о том, что утверждение принципов не должно препятствовать решению конкретных проблем, касающихся общих природных ресурсов, посредством двусторонних соглашений, основывающихся не на этих пятнадцати, а на других принципах;

b) многие правительства выразили мнение относительно правового статуса этих принципов. В этом вопросе большинство правительств, считающих приемлемыми эти принципы, также хотели бы, чтобы последние рассматривались лишь в качестве руководящих указаний, а не как входящие в международный кодекс поведения, имеющий строго обязательный характер для государств. Почти все правительства, выступающие за эти принципы, выразили желание, чтобы они использовались в качестве основы для переговоров при подготовке двусторонних или многосторонних договоров между государствами, касающихся их поведения при рассмотрении вопросов общих природных ресурсов. Некоторые из них даже указали на то, что подобные принципы уже используются государствами для заключения договоров, касающихся природных ресурсов, принадлежащих нескольким странам⁹.

...

4. Против этих принципов решительно выступили два государства. Ряд государств выразили

беспокойство в связи с отсутствием определения «разделяемых природных ресурсов»¹⁰. В докладе Генерального секретаря указывается, что Генеральная Ассамблея, возможно, пожелает принять эти принципы.

5. Во втором комитете был представлен проект резолюции, в соответствии с которым Генеральная Ассамблея должна была утвердить проект принципов для руководства государств и просить государства-члены «соблюдать эти принципы в своих межгосударственных отношениях»¹¹. Этот проект резолюции, с одной стороны, получил значительную поддержку, а с другой — вызвал серьезные возражения.

6. Во втором комитете были предприняты усилия в целях достижения компромиссного решения. Наконец, представитель Пакистана от имени ряда авторов представил пересмотренный вариант проекта резолюции, в максимальной степени отражающий согласие, достигнутое в ходе неофициальных обсуждений. В предложенной представителем Пакистана постановляющей части содержались следующие пункты:

Генеральная Ассамблея

...

2. *утверждает* проект принципов в качестве директив и рекомендаций в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам, без ущерба для обязательного характера тех норм, которые уже признаны как таковые международным правом;

3. *просит* все государства использовать эти принципы в качестве директив и рекомендаций при разработке двусторонних или многосторонних конвенций по вопросу о природных ресурсах, принадлежащих двум или нескольким государствам, на основе принципа доброй воли, в духе добрососедства и таким образом, чтобы не препятствовать, а способствовать развитию и учитывать интересы всех стран, в частности развивающихся стран¹².

Представитель Пакистана заявил, что согласие по предложенному тексту не было достигнуто в силу того, что некоторые делегации по-прежнему настаивали на замене слова «утверждает» выражением «принимает к сведению». Представитель Бразилии предложил изменить пункт 2 резолюции таким образом. Поправка Бразилии была принята во втором комитете 59 голосами против 25 при 27 воздержавшихся¹³.

7. 18 декабря 1970 года Генеральная Ассамблея приняла без голосования пересмотренный проект резолюции, представленный Вторым ко-

¹⁰ Там же, приложение. Межправительственная рабочая группа экспертов в своем заключительном докладе указала, что за недостатком времени она не смогла приступить к подробному обсуждению вопроса об определении «разделяемых природных ресурсов» и в связи с этим не пришла ни к каким выводам (UNEP/IG.12/2, пункт 16, приложение к UNEP/GC.6/17).

¹¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать четвертая сессия, Приложения*, пункт 60 повестки дня, документ A/34/837, пункт 18.

¹² Там же, пункт 19.

¹³ Там же, пункты 20 и 23.

⁸ Там же, стр. 191—192, приложение I.

⁹ A/34/557 и Corr. 1, пункт 6.

митетом, в качестве резолюции 34/186. В этой резолюции, озаглавленной «Сотрудничество в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам», говорится:

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на соответствующие положения своих резолюций 3201 (S-VI) и 3202 (S-VI) от 1 мая 1974 года, в которых она вновь подтвердила принцип полного и неотъемлемого суверенитета каждого государства над его природными ресурсами, и ответственность государств, определенную в Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, за обеспечение того, чтобы деятельность в пределах их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств, и за сотрудничество в целях развития международного права, касающегося ответственности и компенсации за такой ущерб,

ссылаясь на свою резолюцию 3129 (XXVIII) от 13 декабря 1973 года о сотрудничестве в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам,

ссылаясь также на Хартию экономических прав и обязанностей государств, содержащуюся в ее резолюции 3281 (XXIX) от 12 декабря 1974 года,

отмечая, что Совет управляющих Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде в своем решении 6/14 от 19 мая 1978 года предложил Генеральной Ассамблее принять вместе с объяснительной запиской проект принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах сохранения и гармоничного использования природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам, который содержится в докладе Межправительственной рабочей группы экспертов по природным ресурсам, принадлежащим двум или нескольким государствам, учрежденной решением 44 (III) Совета управляющих от 25 апреля 1975 года,

отмечая доклад Генерального секретаря, запрошенный Генеральной Ассамблеей в резолюции 33/87 от 15 декабря 1978 года и содержащий резюме замечаний правительств относительно проекта принципов, а также другую существенную информацию, рекомендации и предложения по этому вопросу,

стремясь содействовать эффективному сотрудничеству между государствами в целях развития международного права, касающегося сохранения и гармоничного использования природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам,

признавая право государств принимать конкретные решения на двусторонней или региональной основе,

напоминая о том, что разработаны принципы для руководства государств в вопросах сохранения и гармоничного использования природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам,

1. *принимает к сведению* утвержденный доклад Межправительственной рабочей группы экспертов по природным ресурсам, принадлежащим двум или нескольким государствам, учрежденной решением 44 (III) Совета управляющих Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде в соответствии с резолюцией 3129 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи;

2. *принимает к сведению* проект принципов в качестве директив и рекомендаций в вопросах сохранения и гармоничного использования природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам, без ущерба для обязательного характера тех норм, которые уже признаны как таковые в международном праве;

3. *просит* все государства использовать эти принципы в качестве директив и рекомендаций при разработке двусторонних или многосторонних конвенций по вопросу о природных ресурсах, принадлежащих двум или нескольким

государствам, на основе принципа доброй воли и в духе добрососедства и таким образом, чтобы не препятствовать, а способствовать развитию и интересам всех стран, в частности развивающихся стран;

4. *предлагает* Совету управляющих Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде представить Генеральной Ассамблее на ее тридцать шестой сессии через Экономический и Социальный Совет доклад о ходе осуществления настоящей резолюции.

8. Доклад Совета управляющих ЮНЕП, о котором говорится в пункте 4 резолюции 34/186, был представлен Генеральной Ассамблее на ее тридцать седьмой сессии¹⁴. В нем отмечается, что на просьбу представить соответствующую информацию о прогрессе, достигнутом в осуществлении резолюции 34/186, ответили 27 государств. Согласно докладу, из этого числа 8 правительств высказались в поддержку принципов, не приведя конкретных примеров их применения, 13 правительств поддержали принципы и привели примеры их применения, 5 правительств сообщили, что в их странах нет никакого опыта применения этих принципов, и одно правительство сообщило, что оно не применяет эти принципы в качестве руководства и рекомендаций при разработке двусторонних или многосторонних конвенций в отношении природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам, в связи с тем что считает определение «разделяемые природные ресурсы» неподходящим.

9. 20 декабря 1982 года Генеральная Ассамблея приняла без голосования резолюцию 37/217, озаглавленную «Международное сотрудничество в области окружающей среды», в которой, в частности, говорится:

Генеральная Ассамблея,

...

6. *принимает к сведению* решение 10/14 Совета управляющих от 31 мая 1982 года по вопросам Программы, включающее семь конкретных разделов, и в этом контексте:

a) *принимает к сведению* доклад об осуществлении сотрудничества в области окружающей среды в отношении природных ресурсов, принадлежащих двум или нескольким государствам, подтверждает положения резолюции 34/186 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года в целом и просит Совет управляющих представить следующий доклад о ходе ее осуществления Генеральной Ассамблее на ее сороковой сессии:

...

V. Проект принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Настоящий проект принципов поведения, в дальнейшем именуемый в этой записке «принципы», был разработан для руководства государств

¹⁴ A/37/396, приложение.

в вопросах охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами. Принципы относятся к такому поведению отдельных государств, которое рассматривается как необходимое для достижения указанной цели таким образом, чтобы избежать неблагоприятного воздействия на окружающую среду. Более того, принципы имеют целью стимулировать государства, разделяющие какой-либо вид природных ресурсов, сотрудничать в области окружающей среды.

Была сделана попытка избежать формулировок, которые могли бы создать впечатление намерения сослаться, что не исключено, либо на конкретное юридическое обязательство, предусмотренное международным правом, либо на отсутствие такого обязательства.

Формулировки, используемые по всему тексту, не имеют целью предрешать вопрос о том, в какой степени поведение, предусматриваемое в принципах, уже установлено действующими нормами общего международного права. Формулировки также не имеют целью выразить какое-либо мнение относительно того, следует ли, а если следует, то в какой степени и каким образом, включать эти принципы — постольку, поскольку они не отражают уже существующие нормы общего международного права — в совокупность норм общего международного права.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В данном тексте выражение «значительно» относится к любому существенному воздействию на разделяемый природный ресурс и исключает незначительные воздействия.

Принцип 1

Государствам необходимо сотрудничать в области окружающей среды в отношении охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами. Подобным образом в соответствии с концепцией справедливого использования разделяемых природных ресурсов государствам необходимо сотрудничать в целях контроля, предотвращения, уменьшения или устранения вредных для окружающей среды последствий, которые могут явиться результатом использования таких ресурсов. Такое сотрудничество должно осуществляться на равноправной основе и с должным учетом суверенитета, прав и интересов заинтересованных государств.

Принцип 2

В целях обеспечения эффективного международного сотрудничества в области окружающей среды в отношении охраны и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых

двумя или более государствами, государствам, разделяющим такие ресурсы, следует стремиться заключить между собой двусторонние или многосторонние соглашения с целью обеспечить конкретное регулирование своего поведения, по необходимости применяя настоящие принципы на обязательной правовой основе, или стремиться заключить с этой целью, по мере необходимости, другие соглашения. При заключении таких соглашений или принятии таких мер государствам следует рассматривать вопрос о создании таких институциональных структур, как совместные международные комиссии для проведения консультаций по проблемам охраны и использования разделяемых природных ресурсов.

Принцип 3

1. В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции.

2. Принцип, изложенный в пункте 1, а также другие принципы и ориентиры, содержащиеся в данном документе, применяются к разделяемым природным ресурсам.

3. Соответственно, каждому государству необходимо избегать в максимально возможной степени и сводить к минимуму отрицательные последствия использования разделяемых природных ресурсов за пределами действия их юрисдикции, с тем чтобы защитить окружающую среду, в частности, когда такое использование может:

a) причинить ущерб окружающей среде, что может отразиться на использовании разделяемого природного ресурса другим государством, разделяющим данный ресурс;

b) подвергать опасности сохранение разделяемого возобновляемого ресурса;

c) угрожать здоровью населения другого государства.

Не затрагивая общего характера вышеизложенного принципа, он должен толковаться там, где это уместно, с учетом практических возможностей государств, разделяющих природные ресурсы.

Принцип 4

Государствам следует проводить оценки экологических последствий до осуществления какой-либо деятельности в отношении того или иного вида разделяемых природных ресурсов, которая

может создать опасность значительного * воздействия на окружающую среду другого государства или государств, разделяющих данный ресурс.

Принцип 5

Государствам, разделяющим природные ресурсы, следует, насколько это практически осуществимо, обмениваться информацией и проводить консультации на регулярной основе по аспектам, связанным с окружающей средой.

Принцип 6

1. Каждому государству, разделяющему какой-либо вид природных ресурсов с одним или более государствами, необходимо:

a) заранее уведомлять другое государство или государства, разделяющие данный вид природного ресурса, о соответствующих деталях планов, предусматривающих начало или изменение в охране или использовании такого ресурса, что, как можно разумно полагать, окажет значительное * воздействие на окружающую среду на территории такого другого государства или государств;

b) по просьбе такого другого государства или государств начать консультации в отношении вышеупомянутых планов; и

c) предоставлять в связи с такой просьбой другого государства или государств соответствующую конкретную дополнительную информацию, касающуюся этих планов; и

d) при отсутствии предварительного уведомления, которое предусматривается в вышеизложенном пункте a, в случае запроса начать консультации в отношении таких планов с другим государством или государствами.

2. В случаях, когда передача соответствующей информации не допускается национальным законодательством или международными конвенциями, государству или государствам, воздерживающимся от предоставления такой информации, надлежит сотрудничать, в частности на основе принципа доброй воли и в духе добрососедства с другим заинтересованным государством или государствами с целью нахождения удовлетворительного решения.

Принцип 7

Обмен информацией, уведомления, консультации и другие формы сотрудничества в отношении разделяемых природных ресурсов осуществляются на основе принципа доброй воли и в духе добрососедства и таким путем, чтобы избежать каких-либо необоснованных задержек как

в формах сотрудничества, так и в осуществлении проектов развития и сохранения.

Принцип 8

Если это способствует выявлению экологических проблем, относящихся к тому или иному виду разделяемых природных ресурсов, государствам следует проводить совместные научные исследования и оценки с целью содействия нахождению справедливого и беспристрастного решения таких проблем на основе согласованных данных.

Принцип 9

1. Государства обязаны срочно информировать другие государства, которые могут пострадать от:

a) любой чрезвычайной ситуации, вытекающей из использования разделяемых природных ресурсов, которая может внезапно неблагоприятно повлиять на их окружающую среду;

b) любых внезапных серьезных природных явлений, связанных с разделяемыми природными ресурсами, которые могут повлиять на окружающую среду таких государств.

2. Государствам следует также, по мере необходимости, информировать компетентные международные организации о любой такой ситуации или любом подобном явлении.

3. Заинтересованным государствам следует сотрудничать, в частности посредством согласования, по мере необходимости, чрезвычайных планов и оказания взаимной помощи с целью предотвращения угрожающих ситуаций и ликвидации, сокращения или исправления, насколько возможно, последствий таких ситуаций или явлений.

Принцип 10

Государствам, разделяющим природные ресурсы, следует, по мере необходимости, рассматривать возможность совместного обращения за услугами к любой компетентной международной организации в деле выявления экологических проблем, связанных с охраной или использованием таких природных ресурсов.

Принцип 11

1. Для урегулирования споров в связи с экологическими аспектами охраны или совместной эксплуатации разделяемых природных ресурсов применяются соответствующие положения Устава Организации Объединенных Наций и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудни-

* Определение этого выражения см. выше.

чества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

2. В случае, если переговоры или иные средства, не имеющие обязательной правовой силы, не привели к урегулированию спора в течение приемлемого срока, необходимо, чтобы государства применили соответствующую процедуру урегулирования, которая ими взаимно согласована, предпочтительнее заранее. Процедура должна быть оперативной, эффективной и обязательной.

3. Государствам — сторонам в таком споре необходимо воздерживаться от каких-либо действий, которые могут усугубить положение с точки зрения окружающей среды до такой степени, когда создается препятствие для дружественного урегулирования спора.

Принцип 12

1. Государства отвечают за выполнение своих международных обязательств в области окружающей среды относительно охраны и использования разделяемых природных ресурсов. Они несут ответственность в соответствии с применяемым международным правом за ущерб окружающей среде в результате нарушений этих обязательств, нанесенный районам за пределами действия их юрисдикции.

2. Государствам следует сотрудничать в деле дальнейшего развития международного права, касающегося ответственности и компенсации жертвам ущерба окружающей среде, нанесенного районам за пределами действия их юрисдикции в результате использования того или иного разделяемого природного ресурса.

Принцип 13

Государствам при рассмотрении, в соответствии с их внутренней политикой в отношении окружающей среды, допустимости деятельности внутри страны необходимо учитывать потенциальное отрицательное влияние на окружающую среду в результате использования разделяемых природных ресурсов без дискриминации в отношении вопроса о том, проявятся ли такие последствия в пределах района, находящегося в пределах действия их юрисдикции, или за его пределами.

Принцип 14

Государствам в соответствии с их правовыми системами и там, где это уместно, на согласованной основе следует стремиться обеспечивать лицам из других государств, которые пострадали или могут пострадать от ущерба, нанесенного окружающей среде в результате использования природных ресурсов, находящихся во владении нескольких государств, равноправный доступ к тем же самым административным и судебным процедурам (и равноправное разбирательство в них), и обеспечить им те же самые виды возмещения, которые одинаково доступны пострадавшим или могущим пострадать лицам в пределах юрисдикции их собственной страны.

Принцип 15

Настоящие принципы и руководящие указания следует толковать и применять таким образом, чтобы способствовать, а не наносить ущерб развитию и интересам всех стран и в особенности развивающихся стран.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВИЙ, НЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

[Пункт 6 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/373

Четвертый доклад о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Робертом К. Квентин-Бакстером

[Подлинный текст на английском языке]
[27 июня 1983 года]

СОДЕРЖАНИЕ

	Пункты	Стр.
ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАМОК ТЕМЫ	1—75	251
<i>Разделы</i>		
А. Обязательство избегать трансграничного ущерба, сводить его к минимуму и возмещать	1—10	251
В. Согласование сферы охвата и содержания	11—18	255
С. Взаимосвязь с другими первичными обязательствами	19—39	258
Д. Неразрывная связь между предотвращением и возмещением	40—50	266
Е. Строгая ответственность	51—57	271
Ф. Заключительные замечания	58—75	274
<i>Приложение. Схематический план . . . . .</i>		280

Определение рамок темы

А. Обязательство избегать трансграничного ущерба, сводить его к минимуму и возмещать

1. Любая тема начинается с концепции. Обычно концепция имеется уже в готовом виде: «договоры между государствами», «клаузула о наиболее благоприятствуемой нации», «дипломатические привилегии и иммунитеты» — вот несколько тому примеров. Иногда сама концепция нуждается в уточнении, как было в случае «ответственности государств», когда эта тема была изъята из привычных рамок теоретических пособий, относящихся к режиму иностранцев, и сформулирована в более широком смысле как следствие любого на-

рушения международного обязательства¹. Лишь только после этого стало возможным, используя индуктивный метод, начать выявление наиболее характерных тенденций в практике государств. Изучение вопроса о происхождении ответственности государств обусловило появление настоящей темы², ибо в практике государств об-

¹ См. доклад Подкомитета по вопросу об ответственности государств, утвержденный Комиссией на ее пятнадцатой сессии [Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, восемнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5509), приложение I].

² Три предыдущих доклада Специального докладчика, посвященных изучению данной темы, включают: а) предварительный доклад, опубликованный в Ежегоднике..

наружились такие тенденции поведения, которые нельзя было объяснить простым обращением к запретительным нормам. Комиссия международного права сочла, что обязательство может сохраняться, даже если обстоятельства исключают противоправность конкретного действия или бездействия государства³. Более того, уже общеизвестным стал тот факт, что в условиях научно-технического прогресса обстоятельства, при которых правомерные виды деятельности влекут за собой возможность или даже неотвратимость трансграничного ущерба, значительно расширились.

2. Длинное название настоящей темы было поэтому сформулировано так, чтобы не закрывать и не предопределять возможные пути ее будущей разработки. Часто отмечалось, что действительной целью данной темы является изучение «промежуточной области»⁴ и что большинство тех действий, которые намерена рассмотреть Комиссия, не являются в настоящий момент запрещенными международным правом, но находятся на пути к такому запрещению⁵. Однако в равной степени справедливо сказать, что эта тема касается регулирования деятельности, которая в принципе является полезной и правомерной и которую поэтому необходимо оградить от запрещения, даже если проведение такой деятельности влечет за собой определенный элемент трансграничного ущерба либо риск подобного ущерба⁶. Это две стороны одной медали. И с той и с другой точки зрения, центральным тезисом здесь является то, что проведение деятельности, которая в принципе является правомерной, но потенциально опасной, не свободно от определенных

(Продолжение сноски 2)

1980 год, том II (часть первая), стр. 281, документ A/CN.4/334 и Add. 1 и 2; b) второй доклад, опубликованный в *Ежегоднике...*, 1981 год, том II (часть первая), стр. 127, документ A/CN.4/346 и Add. 1 и 2; c) третий доклад, опубликованный в *Ежегоднике...*, 1982 год, том II (часть первая), стр. 67, документ A/CN.4/360.

³ См. статью 35 (Резервация возмещения ущерба) и комментарий к ней в части I проекта статей об ответственности государств, принятые Комиссией на ее тридцать второй сессии [*Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 62 и 63].

⁴ См. замечания, высказанные на тридцать третьей сессии Комиссии г-ном Янковым (*Ежегодник...*, 1981 год, том I, стр. 269, 1687-е заседание, пункт 1).

⁵ См. предварительный доклад Специального докладчика, документ A/CN.4/334 и Add. 1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункт 14.

⁶ Например, в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году представитель Советского Союза г-н Лукьянович высказал следующие замечания: «Что касается международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, то Комиссия все еще находится на начальном этапе рассмотрения этой темы... Сама по себе деятельность с использованием новейших научно-технических достижений правомерна, но нельзя исключать возможность случая возникновения ущерба от их применения... Комиссии следует продолжить изучение этой темы на основе действительно всестороннего учета практики государств в этой области» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 39-е заседание, пункт 34*).

условий⁷. Свидетельство тому можно найти в обширной и все расширяющейся договорной практике, устанавливающей условия, на которых может осуществляться та или иная конкретная деятельность, не приводя к ответственности государства-источника за эти действия как за противоправные, даже если осуществление такой деятельности вызывает трансграничный ущерб или убытки⁸.

3. Ситуации, которые подчеркивают остроту и актуальность этой темы, были впервые систематически описаны К. Йенксом⁹; это ситуации, в которых научно-технический прогресс позволил проводить такие виды деятельности, которым сопутствует небольшой, но неизбежный риск очень серьезного несчастного случая. Есть два возможных подхода к решению таких проблем, и они вовсе не обязательно должны противоречить друг другу. Прежде всего необходимо указать на несхожесть современных ситуаций «особой опасности» с теми, которые до сих пор испытало на себе человечество, и подчеркнуть, что такие ситуации не поддаются регулированию с помощью классического метода, а именно посредством ссылки на ответственность государств за противоправные деяния. Из этой посылки вытекает необходимость новой и исключительной системы обязательств, в соответствии с которой причинная связь между правомерной деятельностью и нанесением серьезного ущерба заменяет собой противоправное деяние государства в качестве источника обязательства¹⁰.

⁷ См. замечания, высказанные на тридцать второй сессии Комиссии г-ном Рифагеном (*Ежегодник...*, 1980 год, том I, стр. 278, 1630-е заседание, пункты 29 и 30) и сэром Фрэнсисом Вэллетом (*там же*, стр. 284, 1631-е заседание, пункт 36).

⁸ Виды деятельности и ситуации, охваченные в государственной практике, которую в данном случае имеет в виду Специальный докладчик, включают использование и регулирование рек, пересекающих или образующих государственную границу, и предотвращение ущерба от наводнений и ледовых условий; использование земель в приграничных районах; распространение за пределы национальных границ пожара или любой разрушительной силы или болезней, поражающих человека, животных или растения; деятельность, способную вызвать трансграничное загрязнение источников пресной воды, прибрежных вод или национального воздушного пространства либо загрязнение общей окружающей среды, включая океаны и космическое пространство; освоение и использование ядерной энергии, включая эксплуатацию ядерных установок и атомных судов и перевозку радиоактивных материалов; деятельность по изменению климата; пролет воздушных судов или космических объектов, связанный с риском случайного ущерба на поверхности земли, либо в воздушном (или космическом) пространстве; и деятельность, физически сказывающаяся на общих районах или природных ресурсах, в отношении которых другие государства имеют права и интересы.

⁹ C. W. Jenks, «Liability for ultra-hazardous activities in international law», *Recueil des cours de l'Académie de droit international de la Haye, 1966-I, Leyde, Sijthoff*, 1967, t. 117, p. 105.

¹⁰ Один из последних обзоров этой деятельности см. G. Handl, «State liability for accidental transnational environmental damage by private persons», *American Journal of International Law, Washington (D. C.), vol. 74, 1980, p. 525*.

4. Подобную исключительную систему обязательств, основанную на принципе причинности или строгой ответственности, можно даже рассматривать как отдельную и дополняющую классическую систему ответственности государства за противоправное деяние или бездействие. Один из членов Комиссии, выступающий за такой подход, высказал мнение, что предмет настоящей темы следует рассмотреть в дополнительной главе к теме «Ответственность государств», главе, в которой сам факт трансграничного убытка или ущерба заменил бы противоправное действие или бездействие в качестве условия, вызывающего обязательство государства-источника обеспечить возмещение¹¹. По терминологии, которую неизменно использовала Комиссия в ходе обсуждения вопроса об ответственности государств, эта дополнительная глава ввела бы новую систему «вторичных» норм. Основная проблема, связанная с внедрением подобной системы «строгой», «абсолютной» или «безусловной» ответственности¹², состоит в том, чтобы ограничить ее надлежащими рамками, ибо большинство согласится с тем, что строгая ответственность, подобно атомной энергии, — хороший «слуга», но плохой «хозяин».

5. Эта идея неоднократно подчеркивалась в ходе многочисленных дискуссий по данной теме в Комиссии и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи. На тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи отмечалось, например, что строгая ответственность всегда является результатом конкретного договорного режима и что ей не место в международном обычном праве¹³. Утверждалось, что принятие принципа строгой ответственности радикальным образом изменит нормы, в соответствии с которыми противоправное деяние приписывается государству и которые ограничивают ответственность государства за последствия противоправного деяния или бездействия¹⁴. Более того, высказывалось также мнение о том, что преждевременно приступать к определению новой системы обязательств, пока не завершена текущая работа Комиссии по изуче-

нию классической системы ответственности государств за противоправное действие или бездействие¹⁵. В определенной степени эти критические замечания, возможно, отражали беспокойство по поводу нерешенности вопроса о сфере охвата данной темы: однако они также служат подтверждением первоначального решения Комиссии о том, что настоящую тему не следует сводить к определению принципа строгой ответственности.

6. Это решение отнюдь не сказывается отрицательным образом на нынешней значимости и будущем значении принципа строгой ответственности. Более того, представляется вполне очевидным, что если приходится мириться с небольшим риском весьма серьезного трансграничного убытка или ущерба в качестве платы за сохранение выгодной деятельности, то возникновение такого убытка или ущерба должно порождать право на возмещение в столь же полном объеме, как и в случае, когда убыток или ущерб явились следствием противоправного деяния государства-источника. Тем не менее было бы неблагоприятно игнорировать предостережения, изложенные в предыдущем пункте. Необходимо показать, что принцип строгой ответственности представляет собой не явное и исключительное отступление от классической системы ответственности государства за противоправное действие или бездействие, а конечное проявление более широких тенденций, прочно закрепившихся в существующей практике государств. Строгая ответственность — независимо от того, берет ли ее на себя само государство или она возлагается на другие государства, участвующие в осуществлении деятельности, — часто используется как один из компонентов бесконечно меняющегося набора средств, всех имеющих своей целью предотвратить, свести к минимуму и возместить ущерб, который можно было предвидеть, если не всегда в его фактическом проявлении, то, по крайней мере, с большой вероятностью¹⁶.

7. Из доклада Рабочей группы¹⁷, которой Комиссия на своей тридцатой сессии поручила рассмотреть в предварительном порядке рамки и характер вопроса, видно, что Комиссия постоянно стремилась к тому, чтобы не заниматься описанием альтернативной системы обязательств, а, избрав другую отправную точку, в полной мере использовать существующие правовые основы и изыскать схожие элементы, а не различия в практике, которой придерживаются государства, когда они сталкиваются с новыми формами транс-

¹¹ Замечания, высказанные на тридцать четвертой сессии Комиссии г-ном Тиамом (*Ежегодник...*, 1982 год, том I, стр. 351, 1744-е заседание, пункты 39—41).

¹² См. предварительный доклад: документ A/CN.4/334 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 15 и 16, и второй доклад: документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2 (там же), пункты 11—14.

¹³ См., например, замечания, высказанные представителем Германской Демократической Республики г-ном Гёрнером (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 38-е заседание, пункты 34 и 35*), представителем Советского Союза г-ном Лукьяновичем (там же, 39-е заседание, пункт 34), представителем Чехословакии г-ном Тичем (там же, 46-е заседание, пункт 9) и представителем Израиля г-ном Бекером (там же, 47-е заседание, пункт 10).

¹⁴ См. замечания представителя Соединенного Королевства г-на Бермана (там же, 48-е заседание, пункт 20) и замечания представителя Франции г-на Мюзе (там же, 38-е заседание, пункт 17).

¹⁵ См., например, замечания представителя Израиля г-на Бекера (там же, 47-е заседание, пункт 9).

¹⁶ См. три предыдущих доклада Специального докладчика (см. сноску 2, выше): предварительный доклад, документ A/CN.4/334 и Add.1 и 2, пункты 26, 27 и 38; второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2, пункты 73—77; третий доклад, документ A/CN.4/360, пункты 19—23 и 39.

¹⁷ Воспроизводится в *Ежегоднике...*, 1978 год, том II (часть вторая), стр. 184 и 185.

границного вреда¹⁸. Выбор этого подхода был одобрен в первом, впоследствии неоднократно подтвержденном, решении Комиссии о том, что эта тема относится к области «первичных» норм, то есть норм, которые определяются сложившейся системой ответственности государств за противоправные действия или бездействие, а не противопоставляются этой системе¹⁹. Избранное направление является логическим следствием ранее принятого Комиссией принципиального решения кодифицировать систему ответственности государств в общем плане, а не в конкретном историческом контексте режима иностранцев. В этом случае обязанности государства в качестве территориальной или контролирующей власти по отношению к иностранцам в пределах его границ можно сравнить с обязанностями, которые оно имеет в аналогичном качестве по отношению к другим государствам и их гражданам или жителям, когда речь идет о том, чтобы избежать трансграничного вреда и возмещать его²⁰.

8. Верно, конечно, что в течение веков концепция ответственности государств почти совсем не разрабатывалась в каком-либо одном контексте, кроме контекста режима иностранцев²¹; однако это является анахронизмом, который Комиссия стремится ликвидировать. Верно также, что трансграничный вред, не выливающийся в явное нарушение суверенитета, представляет собой современное явление; однако богатая практика государств, появившаяся в последнее время в виде соглашений или выработанных в ходе переговоров договоренностей, служит нам достаточной ориентацией для определения границ этой новой области. Как и в других областях международного права, исходной точкой является исключительная власть государств в отношении национальной территории и соответствующие обязанности, которые они имеют по отношению к другим членам международного сообщества²². Как

правило, они выполняют эти обязанности путем заключения соглашений, в которых согласовываются их взаимные или соответствующие интересы и предписывается определенное поведение, позволяющее избежать возможности противоправных действий в их взаимоотношениях. В режимах, которые создаются государствами, почти во всех случаях главное место уделяется мерам, которые они считают необходимыми для того, чтобы избежать возникновения трансграничного вреда; однако, если они считают, что эти меры не охватывают всех возможных обстоятельств, они могут также предусмотреть конкретное положение о компенсации за любой нанесенный убыток или ущерб.

9. Схематический план настоящей темы²³ отражает — хотя, возможно, и не полностью — гибкие процедуры и неограниченное число решений, которые государства используют при разработке режимов, с тем чтобы избежать, сводить к минимуму и возмещать различные виды трансграничного убытка или ущерба. Действительно некоторые утверждают, что ни одна норма не возникает из многообразия практики государств²⁴. Конечно, не существует простой формулы для того, чтобы примирить право одного государства на свободу действий с правом другого государства на свободу от вредных трансграничных последствий. Как и на переговорах по другим вопросам, государства стремятся добиться определенного баланса преимуществ, охотно жертвуя иногда тем, что они считают своими правами, ради обеспечения своих интересов; однако чаще они просто оставляют в стороне сложный вопрос определения их соответствующих прав и обязательств по обычному праву. Тем не менее во всех этих меняющихся перспективах имеется одна постоянная величина. Вся практика государств свидетельствует о том, что государство, в пределах территории или контроля которого возникает опасность, имеет перед другими государствами обязанность предотвратить эту опасность, если это возможно, на условиях, согласованных с другими государствами, которых касается эта опасность.

10. В ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее тридцать седьмой сессии подавляющее большинство поддержало либо общее направление схематического плана²⁵, либо,

того, чтобы разграничить между государствами пространство, на котором осуществляется деятельность людей, с тем чтобы повсюду гарантировать им минимальную защиту, которую призвано обеспечивать международное право». [*Island of Palmas case* (1928), Arbitrator Max Huber, United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. II (в продаже под № 1949. V. 1), p. 839].

²³ Схематический план, представленный в третьем докладе A/CN.4/360 (см. сноску 2, выше), пункт 53, и опубликованный в докладе Комиссии о работе ее тридцать четвертой сессии [*Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 102 и далее, пункт 109], воспроизводится в приложении к настоящему докладу.

²⁴ См. замечания, упомянутые в сноске 11, выше.

²⁵ См., например, замечания, высказанные представителями Швеции г-ном Данелиусом (*Официальные отчеты Гене-*

¹⁸ См. отчет о работе Комиссии над темой на ее тридцать второй сессии [*Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 160 и далее, глава VII], на ее тридцать третьей сессии [*Ежегодник...*, 1981 год, том II (часть вторая), стр. 175 и далее, глава V] и на ее тридцать четвертой сессии [*Ежегодник...*, 1982 год, том II (часть вторая), стр. 102 и далее, глава IV].

¹⁹ См. третий доклад, документ A/CN.4/360 (см. сноску 2, выше), пункты 6—8 и относящиеся к ним сноски.

²⁰ См. предварительный доклад, документ A/CN.4/334 и Add. I и 2 (то же), пункт 29, и второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add. I и 2 (то же), пункт 8.

²¹ «Из научных работ видно, что доктрина международной ответственности является недостаточно разработанной. Прежде всего она имеет дело с ответственностью государства за ущерб, причиненный иностранцам на его территории, и лишь в незначительной степени с ответственностью государства за непосредственный ущерб, причиненный правам других государств. Даже в этой последней категории ссылки на общие принципы, которые конкретно касаются ситуации нанесения ущерба окружающей среде, малочисленны...» (J. Barros and D. M. Johnston, *The International Law of Pollution*, New York, The Free Press, 1974, p. 74).

²² «Территориальный суверенитет не может ограничиваться его негативной стороной, то есть исключением деятельности других государств, поскольку он служит для

более конкретно, осуществление обязанности избегать, сводить к минимуму и возмещать трансграничные убытки или ущерб²⁶. Некоторые члены считали, что схематический план необходимо дополнить, с тем чтобы обеспечить лучшие гарантии выполнения этой обязанности²⁷. С другой стороны, некоторые представители высказали сомнения в отношении значимости темы и практической целесообразности ее разработки²⁸. Ряд других считали, что необходимо провести концептуальную грань между вопросом предупреждения и вопросом возмещения²⁹, а некоторые видели преимущества в том, чтобы сосредоточить внимание на последней обязанности³⁰. Однако большинство членов твердо высказались в поддержку сохранения связи между предупреждением и возмещением, упомянутой в схематическом плане³¹. Эти и другие теоретические вопросы, ко-

торые занимали видное место в ходе прений в Комиссии на ее тридцать второй и тридцать третьей сессиях в 1980 и 1981 годах, будут рассмотрены позже в настоящем докладе; однако более насущным вопросом является вопрос о сфере охвата этой темы. В 1980 и 1981 годах Комиссия встала на ту точку зрения, что не следует определять или ограничивать сферу охвата этой темы до тех пор, пока не будет определено ее содержание. Было признано, что Специальный докладчик сможет найти материалы в основном в области физического использования территории, однако ему было предложено рассмотреть их последствия в более широком контексте³². Его усилия по выполнению этих указаний нашли отражение в разделах 1, 5, 6 и 7 схематического плана³³.

В. Согласование сферы охвата и содержания

11. Схематический план, представленный Комиссии на ее тридцать четвертой сессии в 1982 году, дал ей возможность рассмотреть вопрос о сфере охвата с точки зрения содержания. В этих обстоятельствах мнение членов Комиссии (в ее новом составе после выборов 1981 года) в целом изменилось, и большую критику вызвала оговорка о неограниченной сфере применения. Это нашло отражение в следующем замечании Председателя Комиссии г-на Рейтера, когда он представлял доклад Комиссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее тридцать седьмой сессии:

Некоторые члены считали нецелесообразным продолжать рассмотрение этой темы ввиду отсутствия какого-либо основания в общем международном праве и наличия различных трудностей. Тем не менее большинство членов придерживались противоположной точки зрения, хотя они и указывали, что при разработке проекта можно ограничиться трансграничными проблемами, касающимися физической среды, и не затрагивать требующих осторожного подхода проблем, которые могут возникнуть в экономической сфере³⁴.

12. Хотя некоторые из выступавших в Шестом комитете выразили разочарование³⁵, многие из них разделяли мнение большинства членов Комиссии³⁶. Как отмечалось, в Комитете была вы-

шедом (там же, пункт 67) и Австрии г-ном Туэрком (там же, 51-е заседание, пункт 99).

³² См. *Ежегодник...*, 1980 год, том II (часть вторая), стр. 162, пункты 138 и 139, и *Ежегодник...*, 1981 год, том II (часть вторая), стр. 182, пункт 199.

³³ См. приложение, ниже.

³⁴ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет*, 37-е заседание, пункт 12.

³⁵ См., например, замечания, высказанные представителями Туниса г-ном Махбули (там же, 47-е заседание, пункт 74), Алжира г-ном Ламамра (там же, 48-е заседание, пункт 37), Румынии г-ном Мазилу (там же, 49-е заседание, пункт 10) и Заира г-ном Баландой (там же, 51-е заседание, пункт 15).

³⁶ См., например, замечания, высказанные представителями Греции г-ном Экономидисом (там же, 40-е заседание, пункт 48), Швеции г-ном Данилюсом (там же, 41-е заседание, пункт 16), Таиланда г-ном Сучариткулем (там же, 44-е заседание, пункт 26), Японии г-ном Хаяси (там же, 46-е заседание, пункты 23 и 24), Нидерландов г-ном Сиб-

ральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 41-е заседание, пункты 13—17), Таиланда г-ном Сучариткулем (там же, 44-е заседание, пункты 26 и 27), Финляндии г-ном Хакапаа (там же, 45-е заседание, пункты 8—11), Канады г-ном Бэконом (там же, пункты 85—87), Индии г-ном Джаготой (там же, 46-е заседание, пункты 90 и 91), Италии г-ном Спердуги (там же, 47-е заседание, пункты 33 и 34), Мексики г-ном Гонсалесом Гальвесом (там же, пункты 50—52), Туниса г-ном Махбули (там же, пункты 69—74), Австралии г-ном де Ступом (там же, 48-е заседание, пункты 10—12), Индонезии г-ном Урипом (там же, пункт 72), Румынии г-ном Мазилу (там же, 49-е заседание, пункт 10), Марокко г-ном Гарби (там же, 50-е заседание, пункты 36—38), Ирака аль-Кайси (там же, пункты 53—55), Кении г-ном Вабуге (там же, 51-е заседание, пункт 49) и Австрии г-ном Туэрком (там же, пункты 98—102).

²⁶ См., например, замечания, высказанные представителями Югославии г-ном Шаховичем (там же, 39-е заседание, пункт 7), Канады г-ном Бэконом (там же, 45-е заседание, пункты 85 и 86), Кении г-ном Вабуге (там же, 51-е заседание, пункт 49) и Австрии г-ном Туэрком (там же, пункт 99).

²⁷ См., например, замечания, высказанные представителями Мадагаскара г-ном Разанакото (там же, 46-е заседание, пункты 120—123), Мексики г-ном Гонсалесом Гальвесом (там же, 47-е заседание, пункт 52), Ливийской Арабской Джамахирии г-ном Аззаруком (там же, 49-е заседание, пункт 53), Заира г-ном Баландой (там же, 51-е заседание, пункт 14) и Тринидада и Тобаго г-ном Маккензи (там же, пункт 65).

²⁸ См. замечания, высказанные представителями Франции г-ном Мюзе (там же, 38-е заседание, пункт 17), Венесуэлы г-ном Диасом Гонсалесом (там же, 45-е заседание, пункты 40—42) и Аргентины г-ном Барбосой (там же, 49-е заседание, пункты 13—20).

²⁹ См., например, замечания, высказанные представителем Соединенного Королевства г-ном Берманом (там же, 48-е заседание, пункт 20).

³⁰ См. замечания, высказанные представителями Бразилии г-ном Калеру Родригесом (там же, 43-е заседание, пункты 63 и 65), Финляндии г-ном Хакапаа (там же, 45-е заседание, пункт 11) и Испании г-ном Лаклета Муњосом (там же, 48-е заседание, пункт 97).

³¹ См., например, замечания, высказанные представителями Таиланда г-ном Сучариткулем (там же, 44-е заседание, пункт 27), Канады г-ном Бэконом (там же, 45-е заседание, пункт 86), Японии г-ном Хаяси (там же, 46-е заседание, пункт 25), Сирийской Арабской Республики г-ном Кахалехом (там же, 47-е заседание, пункт 24), Италии г-ном Спердуги (там же, пункт 34), Австралии г-ном де Ступом (там же, 48-е заседание, пункт 10), Сьерра Леоне г-ном Коромой (там же, 49-е заседание, пункт 44), Марокко г-ном Гарби (там же, 50-е заседание, пункт 37), Ирака г-ном аль-Кайси (там же, пункт 54), Бангладеш г-ном Мор-

сказана решительная и широкая поддержка основной цели данной темы, то есть изучению все более обширной и разнообразной практики государств, касающейся использования суши, моря, воздушного и космического пространства, и определению правил и процедур, гарантирующих национальные интересы от убытков или ущерба, вызванных деятельностью и ситуациями, которые в принципе являются законными, но могут, однако, повлечь за собой вредные трансграничные последствия. Однако в ходе прений стало как никогда ясно, что единство цели нарушится, если не будет соблюдаться одно из двух ограничений. Одно из описанных выше ограничений запрещает поспешное принятие новой системы обязательств, которая основывается на принципе обусловленности или строгой ответственности и разрабатывается во внутригосударственных правовых системах для регулирования потенциально опасных ситуаций³⁷. Другое ограничение запрещает переносить результаты экспериментальной деятельности в области физического использования территории в еще менее развитые области экономического регулирования³⁸.

13. Следует признать, что два рассматриваемых ограничения взаимосвязаны. Ни одно из них не получит общей поддержки в случае несоблюдения другого. Говорить о новой и исключительной системе обязательств приходится главным образом потому, что введение правил, препятствующих свободе государств или ограничивающих ее, а следовательно, ограничивающих инициативу в рамках национального общества, является слишком жестким методом оглашения прав и интересов в некоторых современных ситуациях. Поэтому вполне объяснимо, что государства, которые стремятся упорядочить взаимозависимость международных экономических сил, рассматривают принцип строгой ответственности как потенциально полезный. Однако, как показали выступления в ходе прений в 1982 году, уже сама постановка этого вопроса ведет к обострению всех проблем, связанных с принципом строгой

(Продолжение сноски 36)

лезом (там же, пункт 47), Индии г-ном Джаготой (там же, пункт 91), Австралии г-ном де Ступом (там же, 48-е заседание, пункт 11) и Соединенных Штатов Америки г-жой Шваб (там же, 52-е заседание, пункты 26—29).

³⁷ См. замечания, упомянутые в сносках 13, 14 и 15, выше.

³⁸ См., в частности, замечания представителя Соединенных Штатов Америки г-жи Шваб (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 52-е заседание, пункты 25—29*). Г-жа Шваб заявила:

«По мнению Соединенных Штатов, масштабы данного вопроса являются слишком широкими... То обстоятельство, что данная концепция существенным образом не сужена, является как раз тем моментом, который обусловил нарушение сбалансированности схематического плана» (там же, пункт 26).

«В силу всех этих причин ее делегация поддерживает преобладающее в Комиссии мнение о том, что данный вопрос следует ограничить физической средой или, по крайней мере, физическим ущербом, вызванным физическими действиями» (там же, пункт 29).

ответственности³⁹, а это ведет к возникновению тупика, то есть полному отрицанию духа добрососедства, который характерен для государственной практики, касающейся вредных трансграничных последствий физического использования территории.

14. Если же мы оставим в стороне вопрос о новой и исключительной системе обязательств и вместо этого проследим широко наметившиеся тенденции государственной практики, то различие между регулированием экономических вопросов и регулированием физического использования территории становится вполне очевидным. Вся практика государств в этой последней области отвечает теоретической обязанности государств избегать трансграничного ущерба, сводить его к минимуму и возмещать: убытки или ущерб в случае их нанесения вполне материальны, и обычно взаимосвязь между причиной и трансграничным последствием очевидна. С другой стороны, в области экономики наблюдается отсутствие промежуточного звена. До сих пор на международном уровне не достигнуто достаточно широкой договоренности относительно различий между честной и нечестной конкуренцией, которые достаточно хорошо разработаны во внутригосударственных правовых системах. Пронгравший должен видеть причину своего проигрыша в недостатке собственного мастерства, а не в целеустремленности своего противника; однако даже в гонках существуют правила честной игры, которые должны соблюдаться.

15. По мнению Специального докладчика, было бы неверно отрицать, что между этими двумя обсуждаемыми вопросами существует значительная взаимосвязь. Вряд ли международное сообщество, которое не приняло никаких мер в соответствии со своей теоретической обязанностью предотвращать физический трансграничный ущерб, сможет без колебаний взяться за решение более сложных проблем экономического урегулирования. Методы, используемые в рамках данной темы, то есть содействие тщательному и конкретному согласованию конкурирующих интересов в отдельных предметных областях, с тем чтобы примирить свободу действий со свободой от вредных трансграничных последствий, вполне могут принести более полезные решения в области экономики, чем ненужное использование правил, ограничивающих свободу действий. Однако путем обобщения данных о практике государств в области физического использования территории перейти к разработке правил или руководящих принципов в области экономики невозможно. Даже если мы сможем провести параллели между принципами, факторами и обстоятельствами, упомянутыми в разделах 5, 6 и 7 схематического плана, и материалами, характеризующими

³⁹ См. замечания, упомянутые в сноске 36, выше, и замечания, отражающие противоположную точку зрения, в сноске 35, выше.

ми практику государств в экономической области, эти материалы могут оказаться недостаточно едиными, для того чтобы начать общую разработку. Поскольку Комиссия сочла более логичным отделить вопрос о правопреемстве государств в вопросах договоров от других аспектов правопреемства государств, она, по-видимому, сочтет более целесообразным рассмотреть вопросы, касающиеся убытка или ущерба в результате физического использования территории, отдельно от вопросов, связанных с убытками или ущербом, вызванными причинами экономического характера.

16. Существо вопроса вытекает из двух вышеупомянутых ограничений (пункты 12 и 13). От государств требуется только, чтобы они как территориальная или контролирующая власть сознательно действовали в целях примирения своих индивидуальных интересов таким образом, чтобы избежать действия одного государства, а следовательно его граждан или жителей, не превращалась в непосильное бремя для других государств, а также для их граждан или жителей. Когда государства стремятся регламентировать какую-либо конкретную область международных отношений, их представители используют за столом переговоров весь свой опыт в правовой и технологической областях; и они обычно находят решения, которые основываются на схожести ситуаций в их странах. Эта тенденция наиболее ярко проявляется в договорных режимах, касающихся физического использования территории; обычно государства стремятся к тому, чтобы в их отношениях с другими государствами доминировали те стандарты, которые установлены в рамках их собственной юрисдикции; и в случае наличия благоприятных обстоятельств такие международные договоренности предусматривают взаимное использование внутригосударственных процедур и механизмов.

17. Хотя скоро характер и направленность вопроса понимаются так, как это описано выше, можно с полным основанием полагать, что область применения будет включать все виды физического использования территории, которые могут явиться причиной вредных трансграничных последствий. Точно описать всю сферу охвата данной области применения в нескольких словах невозможно: кроме того, определенные сомнения вызвало несколько вольное использование терминов «окружающая среда» или «физическая окружающая среда». В ходе обсуждения в Комиссии на ее тридцать второй сессии в 1980 году уже высказывалось предупреждение относительно этого источника двусмысленности⁴⁰; анало-

⁴⁰ Сэр Фрэнсис Вэллет высказал следующее замечание: «Касаясь вопроса ограничений, оратор соглашается с тем, что было бы целесообразным сосредоточить внимание на том, что можно назвать окружающей средой в широком понимании, и пока не заниматься рассмотрением социально-экономических вопросов. Тем не менее

гичный вопрос возник также в 1982 году в ходе рассмотрения доклада Комиссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее тридцать седьмой сессии⁴¹. В связи с этим необходимо еще раз заявить, что предложения о сокращении сферы охвата данной проблемы вопросами экологического характера или любыми другими видами деятельности, связанными с физическим использованием территории, не высказывались; фактически никто из выступавших в Шестом комитете не высказывался за подобное сокращение.

18. Тем не менее вопрос о «контроле» вызвал в Шестом комитете некоторые замечания. Отмечалось, например, что суда, находящиеся в территориальных водах, с юридической точки зрения находятся в таком же положении, как и любое другое иностранное имущество, иными словами, они подпадают под юрисдикцию государства, которому принадлежит данное территориальное море⁴². Некоторые выступавшие обратили внимание на проблемы развивающихся стран, причем один из них отметил, что

Комиссия должна помнить о реальности фактической ситуации, и в частности о необходимости промышленного развития развивающихся стран, отсутствии у них технической базы для обнаружения или мониторинга вредных последствий, которые могут быть вызваны действиями, являющимися в противном случае правомерными, а также тот факт, что контроль за некоторыми видами деятельности находится в руках подрядчиков или многосторонних учреждений⁴³.

В этой связи, так же как и в отношении судов, представляется целесообразным вновь подчеркнуть, что в схематическом плане не содержится требование к государствам нести прямую, а тем более абсолютную ответственность в отношении убытков или ущерба, вызванных деятельностью на их территории или в пространстве, находящемся под их контролем. Предполагается лишь, что та-

его несколько смущает термин «окружающая среда», поскольку в своем узком значении он ассоциируется с выражением «право окружающей среды» и проблемами экологии. Следует уточнить, что в рамках данной темы Комиссия рассматривает действия, влекущие за собой физические последствия и поэтому связанные с окружающей средой в более широком смысле» (*Ежегодник... 1980 год*, том I, стр. 284, 1631-е заседание, пункт 32).

⁴¹ См., в частности, замечания, высказанные представителем Индии г-ном Джаготой:

«Его делегация не предполагала, что сфера применения предлагаемых статей будет ограничена физической средой. Она ожидала, что сфера их применения будет более широкой, что в них будут устанавливаться режимы, связанные с опасной деятельностью, с деятельностью в космическом пространстве, с деятельностью, связанной с эксплуатацией ресурсов, расположенных в районе прохождения сухопутной или морской границы, с использованием общих ресурсов и т. д.» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 46-е заседание, пункт 91*).

⁴² См. замечания представителя Нидерландов г-на Сиблеза (*там же*, пункт 46).

⁴³ Замечания, высказанные представителем Шри Ланки г-ном Мараяной (*там же*, 51-е заседание, пункт 84). См. также, в частности, замечания представителя Заира г-на Балаиды (*там же*, пункт 17).

кие государства примут меры, которые могут принять только они, с тем чтобы установить режимы, в соответствии с которыми предоставлялись бы приемлемые гарантии того, что они будут избегать трансграничных убытков или ущерба, сводить их к минимуму и возмещать.

С. Взаимосвязь с другими первичными обязательствами

19. Действительно предположения, упомянутые в предыдущем пункте, по мнению некоторых, слишком ограничены в том смысле, что положения схематического плана⁴⁴ слишком неопределенны и недостаточно конкретны, чтобы обеспечить существенную защиту; однако именно в этом и заключается главное непонимание. Изложенные в схематическом плане нормы отнюдь не заменяют конкретных договорных или обычных норм, предусматривающих ответственность государства. С одобрения практически всех данная тема рассматривалась в качестве «своеобразного катализатора в области первичных норм»⁴⁵. Цель рассмотрения данной темы состоит отнюдь не в том, чтобы увеличивать число запрещений. Да это и невозможно сделать, если мы хотим придерживаться вышеупомянутого определения; рассмотрение этой темы, кроме того, отнюдь не призвано изменить или подменить какие-либо из установленных правовых обязательств. Так, если не начаты консультации, предусмотренные в разделе 2 схематического плана, или не обеспечено должное урегулирование, предусмотренное в разделе 3, то в случае, если рассматриваемая деятельность действительно приводит к нанесению трансграничного ущерба, этот момент следует лишь принять во внимание. Тем не менее, независимо от разработки любых положений в развитие данной темы, было бы неправильно подвергать другое государство или его граждан необъявленному риску серьезных трансграничных убытков или ущерба⁴⁶. В этом случае единственная альтернатива ликвидации вредных трансграничных последствий какой-либо деятельности заключается в объявлении риска и принятии мер с целью получения согласия другого государства на практически осуществляемый режим.

20. Этот чрезвычайно важный вопрос подробно обсуждался в Комиссии на ее тридцать третьей

сессии в 1981 году⁴⁷, однако на следующей сессии отошел на второй план, и поэтому сейчас необходимо поставить его вновь. Для начала следует, естественно, напомнить причины возникновения этой темы, о которых говорится в пункте 2 настоящего доклада. Эта тема касается видов деятельности, которые «находятся на пути к запрещению» либо в качестве альтернативы не подлежат запрещению в силу наличия достаточных гарантий с точки зрения исключения вредного трансграничного воздействия и, при необходимости, возмещения ущерба за такое воздействие. Поскольку такие виды деятельности находятся на грани, к тому же подвижной, между правомерностью и противоправностью, члены Комиссии в ходе двадцать пятой сессии в 1973 году не смогли договориться о том, как следует характеризовать подобные виды деятельности: как правомерные или как неправомерные⁴⁸. Оба эти

⁴⁷ *Ежегодник...*, 1981 год, том I, стр. 258—274, 1685-е и 1686-е заседания и 1687-е заседание, пункты 1—31, и стр. 298—303, 1690-е заседание, пункты 32—71.

⁴⁸ На двадцать пятой сессии Комиссии в ходе рассмотрения статьи 1 части I проекта статей об ответственности государств г-н Кирней поднял вопрос о

«различии между ответственностью государства за международно-противоправное деяние и его ответственностью за акт, который сам по себе не является противоправным; этот последний случай можно назвать, если использовать обычный юридический термин, случаем «ответственности без наличия вины».

Г-н Кирней заявил далее:

«Тенденция развития событий в настоящее время такова, что проведение различия между этими двумя случаями становится все более трудным. Загрязнение окружающей среды породило целый ряд проблем ответственности в отношении обстоятельств, при которых вероятность риска по сравнению с фактом противоправного деяния является решающим фактором. Использование космического пространства связано с аналогичными проблемами» (*Ежегодник...*, 1973 год, том I, стр. 8, 1202-е заседание, пункты 22 и 23).

Со своей стороны, г-н Хамбро подчеркнул, что «необходимо будет рассмотреть проблему ответственности государств за акты, которые прежде считались правомерными, но в свете последних научных открытий должны рассматриваться как неправомерные; в этом деле должны сыграть свою роль прогрессивные юристы, обязанные переместить границу между тем, что является правомерным, и тем, что является неправомерным» (*там же*, стр. 9, пункт 32).

См. также замечания, высказанные по этому вопросу г-ном Кастаньедой (*там же*, стр. 13, 1203-е заседание, пункт 16).

Г-н Аго попытался отразить эти две точки зрения в тексте проекта доклада Комиссии о работе ее двадцать пятой сессии, предложив сделать ссылку на

«ответственность за возможные вредные последствия осуществления некоторых видов правомерной деятельности или деятельности, которую международное право еще не запретило окончательно, такой как некоторые виды деятельности в морской среде, в атмосфере и космосе, а также деятельность, связанная с ядерной энергией, и другие виды деятельности, в частности связанные с охраной окружающей среды» (A/CN.4/L.198, пункт 26).

Эта формулировка вызвала споры по вопросу о том, в какой мере некоторые виды деятельности или методы ее осуществления — особенно те, которые приведены в качестве примера, — уже стали противоправными или, вероятно, станут таковыми либо же останутся правомерными, однако явятся предметом регулирования в силу того, что связаны с определенным риском. См. замечания г-на Кирнея, г-на Сетте Камары, г-на Рамангасоавины, г-на Аго, г-на Хамбро, г-на Кастаньеды, г-на Ясина, сэра Фрэнсиса Вэллета и

⁴⁴ См. приложение, ниже.

⁴⁵ См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add. 1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункт 18.

⁴⁶ См., например, мнение Хандля:

«...приграничная деятельность может быть приемлема лишь в той мере, в какой условия ее осуществления отражают результаты анализа транснациональной безопасности, в котором учитываются возможные транснациональные экологические последствия действий государства» [*An international legal perspective on the conduct of abnormally dangerous activities in frontier areas: the case of nuclear power plant siting*], *Ecology Law Quarterly*, Berkeley (Calif.), vol. 7, 1978, p. 38].

нюанса были сохранены в названии данной темы за счет того, что было использовано не совсем удачное неопределенное выражение «действия, не запрещенные международным правом». Эта же идея отражается в более поздней позиции, которой придерживаются некоторые члены Комиссии и некоторые представители в Шестом комитете и в соответствии с которой обязательства, влекущие ответственность государства за противоправные деяния, и обязательства, рассматриваемые в рамках настоящей темы, связаны с «различной степенью запрещения»⁴⁹.

21. Выражение «находятся на пути к запрещению» имеет другой важный аспект: оно передает идею движения и нестабильности. Данная тема связана с процессом, и это находит свое отражение в том внимании, которое уделяется процедуре в разделах 2, 3 и 4 схематического плана. Цель правотворчества состоит не в том, чтобы закреплять многозначные ситуации, а скорее в том, чтобы выделить в них правомерные и противоправные элементы. Именно этот процесс имеет место в тех случаях, когда заинтересованные стороны создают какой-либо режим или договариваются о том, что потенциальная проблема может быть решена без использования такого режима. Как отмечалось в ходе прений в Комиссии, в некоторых областях возникает все больше

г-на Уштора (*Ежегодник...*, 1973 год, том I, стр. 270 и 272, 1243-е заседание, пункты 40—53, и 1244-е заседание, пункты 1—9). Для того чтобы не предрешать эти вопросы, Комиссия в своем докладе о работе двадцать пятой сессии приняла формулировку об

«обязанности возмещения убытков от возможных вредных последствий осуществления некоторых видов правомерной деятельности, в частности таких, которые по своей природе связаны с известным риском» (*Ежегодник...*, 1973 год, том II, стр. 196, документ A/9010/Rev.1, пункт 38).

В том же докладе Комиссия ссылается также на «так называемую ответственность за риск» и на «эту вторую форму ответственности, а именно гарантию от рисков, связанных с некоторыми видами деятельности, не запрещенными международным правом» (там же, пункты 38 и 39).

⁴⁹ Например, как заявил сэр Фрэнсис Вэллет на тридцать третьей сессии Комиссии,

«он не может согласиться с мнением о том, что только потому, что любое нарушение обязательств, существующих в соответствии с международным правом, должно рассматриваться в качестве международно-противоправного деяния и поэтому регулироваться нормами, изложенными в части I проекта, оно непременно выходит за рамки настоящей темы... [и что] концепции актов, не запрещенных международным правом, и международно-противоправных актов не исключают друг друга» (*Ежегодник...*, 1981 год, том I, стр. 273 и 274, 1687-е заседание, пункты 26 и 28).

Также в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году представитель Нидерландов г-н Сиблез отметил, что

«...с первого взгляда кажется, что нет никакой связи между двумя вопросами, рассматриваемыми в главах III и IV доклада Комиссии (A/37/10), — в одной из них рассматривается запрещенная деятельность, а в другой — действия, не запрещенные международным правом. Однако на самом деле это скорее вопрос различной степени запрещения...» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 46-е заседание, пункт 44*).

договорных норм, которые могут привести к возникновению международной ответственности. В принятых недавно Ассоциацией международного права Монреальских правилах⁵⁰, которые дают Комиссии новый и полезный ориентир, отражена та точка зрения, что, по крайней мере в отношении загрязнения окружающей среды, уже существует комплекс норм обычного права, предусматривающих ответственность государств. Этому и призвана содействовать разработка данной темы.

22. Тем не менее в рамках настоящей темы не входит установление того, когда тот или иной конкретный вид деятельности, «который находится на пути к запрещению», пройдет этот путь. Поэтому с логической, а также с практической точки зрения Специальный докладчик не в состоянии провести разграничительную линию между противоправными деяниями и действиями, которые, хотя и не запрещены, но ведут к возникновению ответственности. В тех случаях, когда имеет место явное и неоспоримое нарушение договорного или обычного обязательства, государства, несомненно, будут подходить к решению этого вопроса именно с этой точки зрения. Однако, когда имеются сомнения или несогласие относительно того, что транспаричный ущерб или вред вызван противоправным деянием — а такие случаи отнюдь не являются исключением, — заинтересованные государства, вполне естественно, будут рассматривать данный вопрос в более широкой перспективе, то есть с точки зрения возмещения причиненных убытков или ущерба. Как отмечал один из членов Комиссии,

«...государства иногда готовы возместить убытки или ущерб выплатой денежной суммы, однако они не готовы рассматривать это в качестве компенсации. Государства, которые признали то, что в силу этого было определено как платежи *ex gratia*, понимали при этом, что такие платежи представляют собой компенсацию. Таким образом, вчерашние платежи *ex gratia* в будущем становятся обязательными»⁵¹.

23. Даже в тех случаях, когда обеим сторонам известно, что обстоятельства, приведшие к возникновению претензии, могут быть охарактеризованы как следствие противоправного деяния, отказ от ответственности за ущерб может быть вызван соображениями тактического характера. Однако в этой «промежуточной области», которую охватывает настоящая тема, за исключением тех случаев, когда прецеденты по тому или иному делу достаточно ясны и уместны, доктрина и практика государства вряд ли помогут сторонам установить наличие ответственности государства-источника за противоправное деяние или бездействие. В сомнительных ситуациях госу-

⁵⁰ Резолюция № 2/1982 о юридических аспектах охраны окружающей среды, принятая Ассоциацией международного права на ее шестидесятой Конференции, проходившей в Монреале с 29 августа по 4 сентября 1982 года (текст этой резолюции цитируется полностью в сноске 52, ниже).

⁵¹ *Ежегодник...*, 1981 год, том I, стр. 267, 1686-е заседание, пункт 24 (г-н Сучариткуль).

дарство-источник не будет торопиться признать такую ответственность, поскольку такое признание соответственно ограничит его право предпринимать какие-либо действия без предварительного согласия других государств, которые могут быть затронуты. Однако государство-источник, по-видимому, без особых колебаний согласится возместить причиненные убытки или ущерб, если только другие относящиеся к делу соображения не побудят его добиваться иного распределения расходов. Следует еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что данная тема имеет двойную цель: она содействует созданию режимов, когда таковые необходимы для уточнения соответствующих прав и обязанностей заинтересованных государств; однако, когда такое уточнение отсутствует, она закрепляет обязанность избегать трансграничных убытков или ущерба и возмещать их без предварительного установления ответственности государства-источника за противоправное деяние или бездействие.

24. Для того чтобы более конкретно показать взаимосвязь между рассматриваемыми в рамках данной темы вопросами и другими первичными нормами, устанавливающими обязательство, было бы, по-видимому, целесообразно провести некоторые сравнения с содержанием Монреальских правил⁵². Если рассматривать всю сферу взаи-

⁵² Резолюция № 2/1982 о юридических аспектах охраны окружающей среды, принятая Ассоциацией международного права, гласит:

«Шестидесятая Конференция Ассоциации международного права, проходившая в Монреале с 29 августа по 4 сентября 1982 года, получив и рассмотрев доклад Комитета по юридическим аспектам охраны окружающей среды, утверждает следующую редакцию Правил международного права, применимых к трансграничному загрязнению, рекомендованную в докладе Комитета:

«Статья 1 (Применимость)

Если в силу конвенции, соглашения или обязательного для соблюдения обычая между заинтересованными государствами не предусмотрено иного, то применяются следующие правила международного права, касающиеся трансграничного загрязнения.

Статья 2 (Определение)

1. «Загрязнение» означает привнесение человеком, прямо или косвенно, вещества или энергии в окружающую среду, ведущее к пагубным последствиям такого характера, что они угрожают здоровью людей, наносят вред живым ресурсам, экосистемам и материальной собственности и ухудшают условия отдыха либо препятствуют другому правомерному использованию окружающей среды.

2. «Трансграничное загрязнение» означает загрязнение, физический источник которого полностью или частично расположен на территории одного государства и которое вызывает пагубные последствия на территории другого государства.

Статья 3 (Предотвращение и сокращение)

1. Без ущерба для действия правил, касающихся разумного и справедливого использования разделяемых природных ресурсов, государства в своей правомерной деятельности обязаны предотвращать, сокращать и сохранять под контролем трансграничное загрязнение в такой степени, чтобы исключить причинение существенно-го ущерба на территории другого государства.

модействия государств в тех областях деятельности, в которых возникает трансграничный вред или опасность, как своего рода «дистиллятор» некоторых норм, касающихся противоправности нанесения вреда, то можно сказать, что авторы Монреальских правил поставили перед собой за-

2. Кроме того, государства должны ограничивать новое и повышенное трансграничное загрязнение до самого низкого уровня, какой может быть достигнут в результате принятия практически осуществимых и разумных в данных обстоятельствах мер.

3. Государства должны стремиться сокращать существующее трансграничное загрязнение в большей степени, чем это предусмотрено требованиями пункта 1 настоящей статьи, до самого низкого уровня, какой может быть достигнут в результате принятия практически осуществимых и разумных в данных обстоятельствах мер.

Статья 4 (Чрезвычайно опасные вещества)

Независимо от положений статьи 3, государства должны воздерживаться от деятельности, вызывающей трансграничное загрязнение в результате выброса в окружающую среду веществ, которые обычно рассматриваются как чрезвычайно опасные для здоровья людей. Если такие вещества уже выбрасываются, государства должны в разумные сроки прекратить вызывающее загрязнение выбросы.

Статья 5 (Предварительное уведомление)

1. Государства, планирующие деятельность, которая может повлечь за собой значительный риск трансграничного загрязнения, должны заранее уведомлять об этом те государства, которые могут быть затронуты в результате такого загрязнения. В частности, они по своей собственной инициативе или по просьбе государства, которое может быть затронуты, должны передавать такую относящуюся к делу информацию, которая позволит получателю провести оценку возможных последствий планируемой деятельности.

2. Чтобы выяснить, связана ли планируемая деятельность со значительным риском трансграничного загрязнения, государства должны провести экологическую оценку до осуществления такой деятельности.

Статья 6 (Консультации)

По просьбе государства, которое может быть затронуты, государство, предоставляющее информацию, вступает в консультации по проблемам трансграничного загрязнения, связанного с планируемой деятельностью, и ведет такие консультации в духе доброй воли и в течение разумного периода времени.

Статья 7 (Чрезвычайные ситуации)

Когда в результате чрезвычайной ситуации или других обстоятельств деятельность, уже осуществляемая на территории одного государства, вызывает или может вызвать неожиданное повышение уровня трансграничного загрязнения, государство, с территории которого происходит это загрязнение, обязано:

а) безотлагательно предупредить государства, которые затронуты или могут быть затронуты в результате загрязнения;

б) предоставить им такую относящуюся к делу информацию, которая позволит им свести до минимума ущерб от трансграничного загрязнения;

с) информировать их о мерах, принимаемых в целях устранения причин повышения уровня трансграничного загрязнения;

рекомендует назвать настоящие правила «Правилами международного права, применимыми к трансграничному загрязнению», или «Монреальскими правилами»;

просит Генерального секретаря Ассоциации препроводить настоящий доклад Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций для представления Комиссии международного права» (ILA, Report of the Sixtieth Conference, Montreal 1982, London, 1983, pp. 1—3).

дачу зафиксировать полученный к настоящему времени окончательный продукт этой «дистилляции» в избранной ими области трансграничного загрязнения. С другой стороны, рассматриваемая здесь тема касается динамики такой «дистилляции» — что уже само по себе является реакцией на обязанность избегать физического трансграничного вреда, сводить его к минимуму и возмещать, — а также мер, которые государства должны принимать для того, чтобы скорректировать и согласовать свои права и интересы, когда эти права и интересы не могут быть определены лишь на основании применимых обычных и договорных норм.

25. Монреальские правила и настоящая тема имеют целый ряд чрезвычайно важных общих элементов. Прежде всего, в статье 4, посвященной чрезвычайно опасным веществам, признается, что некоторые виды или методы деятельности могут быть полностью запрещены и таким образом изъяты из общей сферы согласования прав и интересов. Во-вторых, в пункте 1 статьи 3 излагается основной принцип, обязывающий избегать значительных трансграничных убытков или ущерба, сводить их к минимуму и возмещать, что основывается на решениях по делу *Trail Smelter*⁵³, принципе 21 Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация)⁵⁴ и тенденциях в практике государств⁵⁵. В-третьих, хотя это и не вытекает непосредственно из формулировок Монреальских правил, можно безошибочно сказать, что цель этих правил состоит в том, чтобы изложить обязанность государства в области регулирования любой деятельности в пределах его границ, независимо от того, осуществляется ли эта деятельность непосредственно самим государством; в этом смысле эти правила также следуют первому прецеденту, установленному в решении по делу *Trail Smelter*. В-четвертых, в пункте 2 статьи 3, касающемся нового или повышенного трансграничного загрязнения, признается, что объем обязательства государства должен соответствовать его техническим и экономическим возможностям, а это также является одним из принципов, на основе которых действовал суд, рассматривавший дело *Trail Smelter*⁵⁶. И наконец, в статьях 5, 6 и 7 признается важнейшее значение обмена информацией, а также консультаций с другими заинтересованными государствами

⁵³ United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. III (в продаже под № 1949.V.2), pp. 1905 et seq.

⁵⁴ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 5—16 июня 1972 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.73.II.A.14), стр. 6.

⁵⁵ См., в частности, пункты 1—4, 11 и 16 комментария к статье 3, представленного Комитетом по юридическим аспектам охраны окружающей среды (ILA, *Report of the Sixtieth Conference, Montreal 1982...*, pp. 160 et seq.).

⁵⁶ См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 27, 28, 30, 31, 33—39.

во всех случаях, когда существует значительный риск трансграничного загрязнения.

26. В других отношениях Монреальские правила и рассматриваемая тема резко различаются и играют взаимодополняющие роли. По причинам, изложенным выше (пункт 24), Монреальские правила неизбежно исключают из сферы своего применения (пункт 2 статьи 2) площадь земного шара, не входящую в пределы территории какого-либо государства, в результате чего исключается не только защита этого района, но и защита территории самих государств от источников загрязнения, расположенных в открытом море, его глубинах или над ним, или в космическом пространстве. Во-вторых, хотя это, скорее, следует из комментария к пункту 2 статьи 2, нежели из самого текста, Монреальские правила не охватывают также никаких форм загрязнения на большие расстояния, даже если источник расположен и вызывает пагубные последствия на территории государств⁵⁷. В-третьих, пункт 1 статьи 2 Монреальских правил касается главным образом долговременных или кумулятивных последствий загрязнения, не включая в сферу своего применения выброс веществ, которые просто «способны» вызвать вредные последствия указанного в определении характера⁵⁸. Таким образом, изучение Монреальских правил прежде всего приводит, видимо, к выводу о том, что области, в которых можно выявить четкие нормы обычного права относительно противоправности нанесения вреда, являются узкими, гораздо меньшими по своему охвату, чем области, которые служат предметом изучения настоящей темы, и являются, как говорится, лишь верхушкой айсберга.

27. Такая узость охвата могла бы быть компенсирована большей точностью в рамках охватываемой области, однако и здесь есть трудности. Уже знакомые проблемы приблизительности и оценки возникают даже в ограниченных рамках того или иного конкретного обязательства, нарушение которого влечет за собой ответственность государства. «Ясно, что невозможно сформулировать общую норму международного права, устанавливающую тот уровень, при котором ущерб, наносимый трансграничным загрязнением, может рассматриваться как существенный»⁵⁹. «Критерий должен быть установлен скорее с учетом технических стандартов и общих допустимых уровней загрязнения в соответствующем регионе или даже уровня общего ущерба, наносимого окружающей среде в результате деятельности человека»⁶⁰. Все это общеизвестные истины, однако наиболее трудноразрешимые проблемы оценки

⁵⁷ См. пункт 4 комментария к статье 2, представленного Комитетом по юридическим аспектам охраны окружающей среды (ILA, *Report of the Sixtieth Conference, Montreal 1982...*, pp. 159—160).

⁵⁸ См. пункт 2 комментария к статье 1 (*ibid.*, p. 158).

⁵⁹ Пункт 8 комментария к статье 3 (*ibid.*, p. 162).

⁶⁰ Пункт 9 комментария к статье 3 (*ibid.*, p. 163).

заинтересованными сторонами возникают тогда, когда позиции этих сторон расходятся по вопросу о правомерности поведения одной из них. В деле *Trail Smelter* эту трудность, как считают, удалось преодолеть, и в этом состоит один из аспектов уникальности этого дела, однако, хотя арбитражный суд по делу *Trail Smelter* считал себя обязанным в силу своего круга ведения установить грань между правомерностью и противоправностью, он установил лишь окончательный уровень правовых обязательств Канады без ссылки на грань противоправности⁶¹. В этом и состоит обычная практика государств, которые создают режимы с целью избегать убытков или ущерба, сводить их к минимуму и возмещать, придерживаясь прагматического подхода, хотя и при строгом понимании того, что требует от них право.

28. С тем чтобы несколько глубже изучить этот вопрос, было бы, по-видимому, целесообразно рассмотреть, каким образом действовал пункт 1 статьи 3 Монреальских правил. «Из того факта, что причинение существенного ущерба на территории другого государства представляет собой международно-противоправное деяние, вытекает обязанность государства, с территории которого происходит загрязнение, уменьшить трансграничное загрязнение до такой степени, чтобы трансграничный ущерб не мог уже рассматриваться как существенный»⁶². Другими словами, была сделана попытка совместить идею о недопущении противоправного действия или бездействия государства с идеей недопущения существенных убытков или ущерба; однако, несмотря на внешне безоговорочный характер обязательства, изложенного в процитированном выше заявлении, на практике такое совмещение приведет к разработке чрезвычайно слабого обязательства. В соответствии с пунктом 1 статьи 3 противоправность вытекает только из факта убытков или ущерба, а не из создания риска нанесения убытков или ущерба; и, как отмечалось (пункт 26), деятельность, которая просто «способна» вызвать убытки или ущерб, была исключена, с тем чтобы сузить область применения. Из этого, однако, не следует, как это может показаться при чтении пункта 1 статьи 3 и комментария к ней, что фактическое нанесение трансграничного ущерба или убытков всегда будет влечь за собой ответственность государства-источника за противоправное действие или бездействие, ибо ответственность государства-источника возникает лишь в том случае, если власти этого государства обладали средствами, позволяющими предусмотреть возможность причинения убытков или

ущерба, а также несли обязательство по предотвращению таких убытков или ущерба⁶³.

29. Парадокс возникает в результате того, что не проводится различия между действием или бездействием, которое является противоправным в силу того, что оно запрещено, и действия или бездействия, которое, хотя оно и не является запрещенным, влечет за собой обязательство избегать ущерба и принимать меры по возмещению в том случае, если убытки или ущерб были нанесены. В деле о спутнике «Космос-954», советском космическом объекте, упавшем на канадской территории, Канада предъявила Советскому Союзу претензии о компенсации за ущерб в соответствии с Конвенцией 1972 года о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами⁶⁴; Канада также предъявила претензию о компенсации произведенных ею дополнительных расходов в соответствии с общими принципами международного права⁶⁵. Первая претензия была представлена на основании договора, устанавливающего определенную ответственность за случайное падение космического объекта на иностранную территорию и не характеризующего такое падение как противоправное действие. Придерживаясь, несомненно, господствующей догмы, согласно которой ответственность в отношении запрещенных действий всегда имеет договорное происхождение, Канада обосновала свою вторую претензию тем, что падение космического объекта на ее территорию представляет собой нарушение суверенитета Канады⁶⁶. Таким образом, из-за недостаточной определенности правовой доктрины Канада оказалась в тисках крайне узких концептуальных рамок, что заставило ее выступить с поразительными по своей парадоксальности заявлениями о том, что падение космического объекта на ее территорию являлось как правомерным, так и противоправным, как запрещенным, так и незапрещенным. Отсутствие правовой меры, касающейся обязательств, вытекающих из действия или бездействия, не являющегося запрещенным, неиз-

⁶³ Так, например, П. Рейтер отметил:

«Однако можно сформулировать норму следующего характера, значительно отличающуюся от предыдущей нормы: государство не имеет права предпринимать на своей территории какие-либо действия, которые были бы связаны для других государств, и в частности для соседних государств, с «анормальным» по характеру риском. В данном случае не само явление риска, например катастрофическое событие, влечет за собой ответственность; напротив, ответственность возникает исключительно в результате осуществления действия, например строительства плотины» («Principes de droit international public», *Recueil des cours...*, 1961-II, Leyde, Sijthoff, 1962, t. 103, p. 592).

Более полную выдержку из лекции г-на Рейтера см. во втором докладе, документ A/CN.4/346 и Add. 1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 39, 64 и 66.

⁶⁴ United Nations, *Treaty Series*, vol. 961, p. 196.

⁶⁵ См. Canada, Ministry of External Affairs, Note No. FLA-268 of 23 January 1979, annex A [*International Legal Materials*, Washington (D. C.), vol. XVIII, 1979, p. 902].

⁶⁶ Note No. FLA-268, annex A, para. 21 (*ibid.*, p. 907).

⁶¹ См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add. 1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 39, 64 и 66.

⁶² Пункт 10 комментария к статье 3 (*loc. cit.*, сноска 60, выше).

бежно толкает государства к тому, чтобы в большей мере полагаться на расширение рамок общих норм, предусматривающих прямое запрещение. Однако это является регрессивным подходом, основанным на взаимном ограничении, а не на взаимном удовлетворении.

30. Эти аналитические вопросы были подняты отнюдь не для того, чтобы поставить под сомнение значение и ценность Монреальских правил. Если действия государства-источника, допускающего значительный уровень трансграничного загрязнения, квалифицируются как противоправные — а Специальный докладчик, хотя он и не имеет мандата в этой области, не сомневается в том, что часто они являются противоправными, — то причина этого заключается отнюдь не в механическом применении ныне знаменитого решения суда по делу *Trail Smelter*. Вопреки первоначальному желанию Соединенных Штатов Америки, однако в соответствии с кругом ведения суда, установленным в конечном счете, его второе и окончательное арбитражное решение было основано не только на том заключении, что факт трансграничного загрязнения, имеющего «серьезные последствия», был «установлен на основе неоспоримых и убедительных доказательств»⁶⁷. Оно было основано также на сделанном после всестороннего научного исследования выводе о том, что этого загрязнения можно было избежать при помощи технических средств, уже имеющихся в экономическом потенциале отрасли⁶⁸. Если это решение суда превратилось в общую норму, то это вполне могло произойти потому, что, как оказалось на практике, многих видов долговременного и кумулятивного загрязнения, которые являются предметом особого внимания в Монреальских правилах, можно в равной степени избегать. Государства, которые в будущем станут разрабатывать режимы на случай такой опасности, будут делать это с большей степенью уверенности в том, что при отсутствии подобного режима факт существенного трансграничного загрязнения, по всей вероятности, повлечет за собой ответственность государства-источника за невыполнение своей обязанности по контролю за загрязнением⁶⁹.

31. Последнее предложение предыдущего пункта восстанавливает некоторую связь этого вопроса с рассматриваемой темой. Если в дальнейшем будут приниматься только нормы по типу Мон-

реальных правил, то это лишь продемонстрирует, что право постоянно отстает от хода событий, редко налагая эффективные ограничения на лидеров промышленности и технологии, и лишь разрабатывая под воздействием случаев, когда их поведение выходит за рамки допустимого, нормы, для соблюдения которых у таких лидеров в конце концов находятся средства и чувство самодисциплины. Как свидетельствуют Монреальские правила и комментарии к ним⁷⁰, степень создаваемой таким образом защиты может оказаться не столь приемлемой для других членов мирового сообщества с гораздо более ограниченными экономическими и промышленными возможностями, а это может создать у них впечатление, что право находится на службе могущественных и привилегированных. Чтобы эффективно противодействовать такой тенденции, которая являлась предметом жалоб на протяжении всей истории существования Организации Объединенных Наций, в первую очередь необходимо отказаться от догмы, согласно которой право не устанавливает никаких обязательств до тех пор, пока не выкристаллизовались конкретные запретительные нормы. Будучи свободным от этой догмы, пункт 1 статьи 3 Монреальских правил представляет собой обязательство, характерное для данной темы, однако это обязательство будет лишено конкретного содержания до тех пор, пока оно не будет сформулировано в рамках согласованного или принятого режима, установленного исходя из необходимости избегать трансграничных убытков или ущерба и возмещать их. Таким образом, пункт 2 статьи 3 Монреальских правил, в котором говорится о противоправности создания новых источников или увеличения уровней загрязнения окружающей среды, представляет собой второй этап регулирования, то есть запретительную норму, в которой воплощена объективная стандартная норма, вытекающая из последовательной практики государств в связи с установлением режимов или урегулированием исков.

32. Возвращаясь к вопросам, поставленным в пункте 19 в начале этого раздела доклада, необходимо вновь подчеркнуть, что нормы, содержащиеся в схематическом плане настоящей темы, не заменяют конкретные нормы договорного или обычного права, касающиеся ответственности государств. Основной целью настоящей темы является содействие разработке или созданию таких норм. Если такие нормы будут иметь определяющий характер, то не будет повода для того, чтобы ссылаться на гибкие рамки норм или руководящих принципов, сформулированных в соответствии с настоящей темой. С другой стороны, не следует забывать о том, что в этой области не всегда можно легко выявить нормы обычного права. Разработка Монреальских правил, пожалуй, является самой амбициозной из предпринятых до сих пор попыток выявить и описать такие нормы

⁶⁷ United Nations, *Reports of the International Arbitral Awards*, vol. III, p. 1965. См. пункты 2, 3 и 4 комментария к статье 3, представленного Комитетом по юридическим вопросам охраны окружающей среды (*loc. cit.*, сноска 55, выше).

⁶⁸ См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 27, 31 и 34—39.

⁶⁹ Дело будет, по-видимому, обстоять именно таким образом, по крайней мере в отношении новых источников трансграничного загрязнения пресной воды и в тех редких обстоятельствах, при которых трансграничные последствия нового источника загрязнения воздуха могут быть особо идентифицированы, при условии, однако, соблюдения в каждом случае правил совместного использования (см. пункт 36, ниже).

⁷⁰ См. сноски 59 и 60, выше.

обычного права. Мы уже обсудили ограниченную сферу их применения и степень их неопределенности; и если исходить из некоторых позиций, занятых членами Шестого комитета в отношении настоящей темы, то Монреальские правила еще не являются приемлемыми для всех государств, практика которых приводилась в качестве аргумента в их пользу. Наилучшие результаты достигаются путем сочетания формирующейся нормы обычного права с процедурами, изложенными в схематическом плане работы над настоящей темой. На каждый отдельный случай, в котором спор разрешается путем согласованного применения Монреальских правил, вероятно, будет много других случаев, в которых государства, очевидно, под воздействием Монреальских правил установят режимы, в которых будет предусмотрена обязанность предотвращать и возмещать ущерб, нанесенный загрязнением, и в которых ответственность за нанесение такого ущерба будет непосредственно вменяться государству или тому, кто осуществляет деятельность, являющуюся источником этого ущерба.

33. В теоретическом плане существует еще один вид обязательств, которые могут применяться, с тем чтобы избежать необходимости применения норм и руководящих принципов, разработанных в соответствии с настоящей темой, или уменьшить такую необходимость. Во всех случаях, когда существуют нормы совместного использования, например в отношении получения равных выгод от свободы открытого моря или в отношении равновесия между правами государства флага и правами прибрежного государства в случае мирного прохода через территориальное море, или в отношении конкурирующих видов использования вод международного водотока, эти нормы в принципе должны предусматривать средства для урегулирования коллизий прав или интересов. Однако на практике действие таких норм фактически редко отделяется от вопроса об убытке или ущербе, причиненном деятельностью в пределах территории или под контролем одного государства лицам или имуществу, находящимся на территории другого государства или принадлежащим ему.

34. В хорошо известном деле *Fukuryu Maru* (1954)⁷¹ ущерб и убытки были нанесены членам экипажа и владельцам японского рыболовного судна в открытом море, которое оказалось в районе выпадения радиоактивных осадков, вызванных испытанием ядерной бомбы Соединенными Штатами Америки, несмотря на то что они находились за пределами обозначенного района испытаний. Одним из элементов этой ситуации, который также привел к увеличению продолжительности плавания других японских рыболовных судов к их обычным местам рыбной ловли,

являлись конкурирующие виды использования открытого моря для рыболовства и для испытаний оружия. Другой вопрос, на который Япония была готова дать утвердительный ответ, состоял в том, был ли риск, вызванный испытанием этой бомбы, с учетом всех обстоятельств этого конкретного случая, таковым, чтобы признать ответственность Соединенных Штатов Америки за противоправное деяние. Хотя Соединенные Штаты не признали такой ответственности, они без промедления выразили озабоченность и предоставили медицинскую и другую помощь, а также незамедлительно дали заверения в том, что будут приняты необходимые меры, с тем чтобы обеспечить надлежащую и справедливую компенсацию, если этого потребуют обстоятельства. В результате это дело было урегулировано так же, как и многие другие дела, — путем предложения и принятия суммы денег, выплаченной в качестве компенсации за причинение установленного ущерба и убытков.

35. В рамках настоящей темы нет необходимости давать иную формулировку норм совместного использования, кроме их формулировки как альтернативных средств для согласования интересов. Так, в качестве простого примера можно указать на то, что судоходные пограничные воды в редких случаях будут иметь сколько-нибудь большое значение для каждого прибрежного государства, если эти государства не проявят взаимной готовности разрешить совместное использование фарватера. С другой стороны, в некоторых случаях элемент совместного использования является логически более важным, чем вопросы, которые занимают центральное место в настоящей теме, поскольку применение соответствующих норм совместного использования может позволить установить, под контролем какого государства осуществляется та или иная деятельность, и определить, связано ли какое-либо другое государство с убытками или ущербом, к которым ведет эта деятельность. Так, например, прибрежное государство в значительной мере контролирует движение иностранных судов в момент их прохода через его территориальные воды, однако оно явно не контролирует применение стандартов по охране морской среды, в соответствии с которыми строятся такие суда.

36. Элементы совместного использования могут также играть вспомогательную роль при определении содержания обязательств, вытекающих из действий или бездействия, не запрещенных международным правом. В деле *Poplar River Project*⁷² не было сомнения в том, что канадская провинция Саскачеван имела право построить и эксплуатировать электростанцию, несмотря на то что работа этой станции в будущем неизбежно

⁷¹ М. М. Whiteman, *Digest of International Law*, Washington (D. C.), U. S. Government Printing Office, 1967, vol. 8, p. 764.

⁷² *Digest of United States Practice in International Law* 1976, Washington (D.C.), U. S. Government Printing Office, 1977, pp. 590—594; *ibid.*, 1978, 1980, pp. 1116—1121, 1496—1498.

приведет к существенному увеличению уровня трансграничного загрязнения окружающей среды в соседнем американском штате Монтана. Вопреки заявлениям Соединенных Штатов Америки нормы загрязнения окружающей среды, в соответствии с которыми строилась новая станция, в целом соответствовали нормам, действовавшим по обе стороны от международной границы, хотя и были незначительно ниже норм, установленных в Соединенных Штатах Америки для выброса из новых источников. Степень ущерба, нанесенного Соединенным Штатам Америки, может быть выражена с точки зрения сокращения потенциала по увеличению производства электроэнергии в штате Монтана в рамках заранее определенных пределов, ограничивающих ухудшение качества воздуха. Тем не менее, поскольку Канада придерживалась стандартов, которые были примерно одинаковыми по обе стороны от международной границы, суд встал на ту позицию, что Канада может без уплаты каких-либо штрафов действовать в пределах общего допустимого уровня, установленного в отношении увеличения загрязнения воздуха.

37. За исключением тех случаев, когда соответствующие государства решили установить очередность в отношении конкурирующих видов использования, редко возникает возможность автоматического или неизбежного применения норм совместного использования. Например, статья V Хельсинкских правил использования вод международных рек, принятых Ассоциацией международного права на ее пятьдесят второй конференции (Хельсинки, 1966 год)⁷³, которая касается

73

«Статья V

1) Понятие «разумное и справедливое участие» по смыслу статьи IV должно определяться в свете всех соответствующих факторов в каждом отдельном случае.

2) Соответствующие факторы, которые необходимо учитывать, включают следующие аспекты:

a) географию бассейна, включая, в частности, размер водосборной площади на территории каждого государства бассейна;

b) гидрологию бассейна, включая, в частности, прилив воды с территории каждого государства бассейна;

c) климат, влияющий на бассейн;

d) прошлое использование вод бассейна, включая, в частности, существующее использование;

e) экономические и социальные потребности каждого государства бассейна;

f) население, зависящее от вод бассейна в каждом государстве бассейна;

g) сравнительные расходы на другие возможные средства удовлетворения экономических и социальных потребностей каждого государства бассейна;

h) наличие других ресурсов;

i) избежание бесполезного расходования воды при использовании вод бассейна;

j) практическую осуществимость выплаты компенсации одному или нескольким государствам бассейна в качестве средства урегулирования конфликта при использовании;

k) степень возможного удовлетворения потребностей государства бассейна без значительного ущерба для другого государства бассейна;

взаимных прав и обязательств государств, совместно пользующихся международным водосборным бассейном, не может и не претендует на то, чтобы быть более, чем неполным перечнем простых факторов, которые стороны могут использовать в ходе переговоров для установления законного характера любого конкретного требования, касающегося совместно используемого ресурса. Составители Монреальских правил полностью отказались от предложения включить в эти Правила соответствующий перечень критериев совместного использования⁷⁴, по-видимому, потому что такие неконкретные положения не согласуются с попыткой разработки норм, предусматривающих ответственность государства за противоправное действие или бездействие. Однако нельзя обойтись без этих широких оценочных критериев. Нормы совместного использования в гораздо большей степени, чем другие нормы, которые могут играть роль в определении точки соприкосновения между вредным и противоправным действием, редко поддаются, в случае их применения к определенной группе факторов, последовательно и бесспорно правильному анализу, ведущему к неизбежному выводу.

38. Практика государств, находит ли она отражение в решениях, которые почти во всех случаях не основываются на принципах, или в соглашениях, которые в редких случаях находятся в точном соответствии с нормами обычного права, может быть приведена в качестве примера для обоснования либо складывающихся запретительных норм, либо обязательств, которые составляют существо настоящей темы. В деле *Fukuryu Maru*, которое кратко изложено выше (пункт 34), власти Соединенных Штатов Америки, вероятно, испытывали тревогу при рассмотрении вопроса о том, являлось ли осуществление испытания ядерной бомбы нарушением какого-либо международного обязательства. Независимо от того, было это так или нет, у нас нет никакого сомнения в том, что они признали необходимым дать положительный ответ, когда было установлено, что испытание бомбы привело к нанесению серьезного ущерба гражданам иностранного государства в открытом море. Очевидно, что чем больше единообразия будет в практике государств, тем легче будет

3) Значение, которое должно быть придано каждому фактору, подлежит определению в зависимости от его важности по сравнению с другими соответствующими факторами. При определении понятия «разумного и справедливого участия» необходимо учитывать все соответствующие факторы, вместе взятые, и делать вывод на основании всей совокупности этих факторов». [ILA, *Report of the Fifty Second Conference, Helsinki 1966, London 1967*, p. 488; текст воспроизводится в *Ежегоднике... 1974 год*, том II (часть вторая), стр. 155, документ A/CN.4/274, пункт 405.]

⁷⁴ См. проекты статей 5 и 6, представленные Комитетом по юридическим аспектам охраны окружающей среды (ILA, *Report of the Sixtieth Conference, Montreal 1982...*, pp. 168, 170—171). Эти проекты статей не были включены в резолюцию, принятую Ассоциацией международного права (см. сноски 50 и 52, выше).

определять возникновение запретительной нормы, однако, как уже отмечалось, на фоне многообразия практики государств такие нормы складываются медленно и незаметно. Во многих случаях, как это подтверждают решения Международного Суда в деле *North Sea Continental Shelf*⁷⁵ и в деле *Fisheries Jurisdiction*⁷⁶, нормы права предусматривают критерии для вынесения решений, в которых допускается элемент выбора, с тем чтобы обеспечить достижение наилучших результатов с точки зрения различных затронутых интересов⁷⁷. Поэтому в определенном смысле в основе этой темы лежит вопрос о том, не рассматривают ли юристы свою науку настолько узко, что они не видят ответственности других лиц, которые влияют на поведение государств, до тех пор пока последние не представят материалы, на основании которых можно выявить общие запретительные нормы.

39. Иначе говоря, этот аргумент можно сформулировать следующим образом: неизменное правило работы самой Комиссии состоит в том, что не следует пытаться устанавливать границу между прогрессивным развитием и кодификацией. Это делается не потому, что такая граница является нереальной или неважной, а потому, что попытки определить ее могут вызвать еще большие разногласия и омрачат все перспективы достижения прогресса. Аналогично, когда государства согласовывают свои сталкивающиеся интересы, они сочетают прагматизм и соблюдение принципов. Это, однако, не означает отказа от правовых факторов в пользу слепого компромисса. Наоборот, было бы нерационально пытаться разрешить сложные проблемы, стремясь найти с самого начала точку пересечения вредных и противоправных действий. Такой подход позволил бы считать, что, пока не достигнута эта невидимая точка, государства могут свободно действовать по своему усмотрению, и что, как только будет пройдена эта точка, их поведение будет во всех случаях противоправным. Такая точка зрения не находит никакого подтверждения ни в практике государств, связанной с этой темой, ни в правовых нормах, в соответствии с которыми любое демократическое общество регулирует основные свободы своих членов. Конечно, представляется весьма желательным, чтобы государства разграничили путем соглашения свои соответствующие права и обязательства в больших или малых областях. Сделав это, они смогут ликвидировать, однако в редких случаях полностью, более общее обязательство, которое рассматривается в настоящей теме.

⁷⁵ Решение от 20 февраля 1969 года, *I.C.J. Reports 1969*, р. 3.

⁷⁶ Решения от 25 июля 1974 года, *I.C.J. Reports 1974*, pp. 3 and 175.

⁷⁷ См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 53 и 54.

Д. Неразрывная связь между предотвращением и возмещением

40. От привычки подгонять любое толкование государственной практики под узкие мерки норм противоправности трудно отказаться, даже если само название темы указывает на то, что она касается тех действий, которые не запрещены международным правом. Так, даже по отношению к рассматриваемой теме один или два представителя в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать седьмой сессии высказывали мнение о наличии концептуального различия между нормами предотвращения и нормами возмещения⁷⁸ или спрашивали, почему в схематическом плане не запрещаются действия, наносящие чрезмерный ущерб другим⁷⁹. В рамках темы, касающейся вопроса об ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, нельзя запретить действия, которые могут вызвать вредные последствия. Нормы предотвращения отличаются в концептуальном плане от норм возмещения лишь в тех случаях, когда последние вызываются противоправностью, то есть когда они вытекают из «вторичных» норм. С формальной точки зрения предмет данной темы должен быть выражен в качестве совокупного «первичного» обязательства, охватывающего всю область предотвращения, сведения к минимуму и возмещения физического трансграничного вреда. Аналогично, о которой говорилось в предыдущих докладах⁸⁰, правильно было бы проводить с теми обязательствами, касающимися режима иностранцев, которые дают возможность принимающему государству возместить любой ущерб, нанесенный иностранцу на его территории, и таким образом избежать противоправности.

41. Однако в менее строгом, не столь схоластическом смысле можно сказать, что эти совокупные «первичные» обязательства содержат свои собственные «вторичные» элементы. При таком подходе — и со всеми оговорками, изложенными в предыдущем пункте, — Специальному докладчику представляется обоснованным считать, что нормы, увязанные с ответственностью государства за противоправное действие или бездействие, и нормы, рассматриваемые в рамках темы, предусматривают «различные степени запрещения»⁸¹.

⁷⁸ См., например, замечания, высказанные представителем Соединенного Королевства г-ном Берманом (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 48-е заседание, пункт 20*).

⁷⁹ См., например, замечания, высказанные представителем Заира г-ном Баландой (*там же, 51-е заседание, пункт 16*).

⁸⁰ См. сноску 20, выше.

⁸¹ По-видимому, именно в этом смысле представитель Италии г-н Спердуги и представитель Марокко г-н Гарби говорили в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году о необходимости предусмотреть как «первичное» обязательство избежать нанесения ущерба или вреда или сводить его к минимуму, так и «вторичное» обязательство предоставлять в качестве крайней меры возмещение (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 47-е заседание, пункт 33, и 50-е*

Так, например, в случае если должностное лицо государства не выполняет надлежащим образом свои обязанности по отношению к иностранцу, возникает ситуация, в которой от принимающего государства требуется принятие мер по возмещению ущерба, нанесенного этому иностранцу и государству, гражданином которого он является. Уже упомянутое дело *Fukuryu Maru* (см. пункт 34, выше) может быть охарактеризовано таким же образом: факт нанесения физического вреда и ущерба японским рыбакам в результате ядерных испытаний, проведенных Соединенными Штатами в открытом море, диктует необходимость принятия Соединенными Штатами мер по возмещению вреда, которые они, собственно, и приняли. У государства, которому был нанесен вред, естественно, остается возможность настаивать на том, что вред был нанесен в результате противоправных действий, а государство, которое осуществляло такие действия, может в свою очередь отрицать справедливость обоих оснований для претензии. Возможность предъявления такой претензии исходя из двух совершенно различных оснований не должна рассматриваться как неблагоприятный фактор, поскольку, как напомнил Специальный докладчик по вопросу об ответственности государств в своем четвертом докладе, представленном Комиссии, случаи обвинения в совершении противоправных действий гораздо более многочисленны, чем случаи признания противоправности⁸².

42. Также совершенно справедливо — как особо отметил один из ораторов в Шестом комитете, — что инициативы, предпринимаемые в развитие данной темы, будут порождать меньше различного вида противоречий, чем обвинения в противоправности. Согласно мнению этого оратора,

зачастую забывают, что применение местных средств правовой защиты может в значительной степени возместить и ликвидировать ущерб и, таким образом, не допустить применения принципов юридической и материальной ответственности в отношениях между государствами.

Поэтому, — продолжал он, и Специальный докладчик согласен с ним, — особое внимание должно быть уделено предоставлению иностранцам в качестве первоначальной меры равного доступа ко внутренним судам принимающего государства и недискриминационного режима в этих судах. В той степени, в какой эти меры дают существенные результаты, они имеют то дополнительное преимущество, что позволяют непо-

средственно иметь дело с ущербом, причиняемым частным лицам в результате осуществляемой в частном порядке деятельности, что позволяет избежать искусственного привлечения государств в качестве чисто номинальных сторон к делам, которые на практике связаны с выплатой соответствующей компенсации потерпевшему индивиду⁸³.

43. Короче говоря, данная тема позволяет применить нестрогий подход к проблеме примирения права одного государства на свободу действий с правом другого государства на свободу от трансграничного вреда. Во всех возможных случаях эта тема предоставляет средства, позволяющие избежать конфронтации в межгосударственных отношениях. Как и в деле *Poplar River Project*⁸⁴, в рамках данной темы используются соответствующие внутренние правовые стандарты для измерения и анализа существенного ущерба или вреда. В многочисленных договорных режимах, относящихся к данной теме, оценка исков является прерогативой внутренних судов. Это позволяет свести кошмарные опасения того, что на государства будет возложена абсолютная ответственность за весь физический трансграничный ущерб или вред, причиненный либо с их территории, либо лицом, находящимся под их контролем, к не столь маловероятной возможности признания того, что государства никогда не свободны полностью от обязательств в связи с ситуациями или деятельностью, по отношению к которым международное право предоставляет им исключительную или господствующую территориальную или юрисдикцию.

44. Однако, сколь бы нестрогим ни был этот подход, он не должен в конечном счете ставить затрагиваемое государство в положение обычного просителя, имеющего право лишь на то возмещение, которое могут предоставить законы и суды государства-источника. Применение правила предварительного исчерпания местных средств правовой защиты является по отношению к данной теме вопросом преднамеренного выбора⁸⁵: даже в таких относительно простых вопросах, как регулирование соседними государствами трансграничных гражданских правонарушений, подчинение законам государства-источника часто принимает форму передачи юрисдикции специальным комиссиям по пограничным вопросам, а не обычным судам, а также использования дипломатических переговоров в случае исков на

заседание, пункт 37, соответственно). См. также в этой связи замечания г-на Рейтера, высказанные на тридцать третьей сессии Комиссии:

«...В ходе подготовки статей части I по вопросу об ответственности государств Комиссия делала все возможное, чтобы не провозглашать первичных норм. Однако, как считает оратор, она не проявила достаточной осторожности, разработав положение об исчерпании внутренних возможностей» (*Ежегодник...*, 1981 год, том I, стр. 262, 1685-е заседание, пункт 25).

⁸² См. стр. 11, выше, документ A/CN.4/366 и Add. I, пункт 37.

⁸³ Замечания, высказанные в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи представителем Нидерландов г-ном Сиблезом, который зачитал заявление своего коллеги г-на Рифагена (цитата является выдержкой из стенограммы этого заявления) (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 46-е заседание, пункты 48 и 49*).

⁸⁴ См. сноску 72, выше.

⁸⁵ См. противоположное мнение, выраженное представителем Нидерландов г-ном Сиблезом (*loc. cit.*, сноска 83, выше).

крупную сумму⁸⁶. В более общем смысле, безусловно, верно, что подобная система «различных степеней запрещения» отчасти является стимулом, побуждающим государство-источник к саморегулированию: если это государство не может достичь соглашения с затрагиваемым государством, оно, по крайней мере, несет обязательство объективно учитывать законные интересы затрагиваемого государства путем предоставления либо защитного режима, либо возмещения за трансграничный ущерб или вред, нанесение которого не регулируется надлежащим или согласованным режимом. В противном случае стороны будут вести бесконечные споры по вопросу, который на практике они никогда сами прямо не рассматривают: где в теории находится точка пересечения вреда и противоправности? Неудивительно поэтому, что почти все имеющиеся примеры урегулирования носят «непринципиальный» характер.

45. Вместе с тем сторонники подхода к данной теме главным образом с позиций затрагиваемого государства получают результат обратный желаемому, если они будут исходить из той посылки, что риск нанесения или нанесение физического трансграничного ущерба или вреда обязательно подразумевает либо противоправное действие или бездействие, либо строгую ответственность государства-источника. Если, например, какое-либо государство испытывает озабоченность в связи с тем, что соседнее государство сооружает гидроэлектростанцию или атомную электростанцию, не уделяя при этом должного внимания их расположению или стандартам безопасности, и это первое государство просит провести совместное расследование этих фактов, то вряд ли можно разумно предположить, что соседнее государство должно нести все расходы по проведению такого расследования⁸⁷. Если использование устаревших промышленных технологий в одной стране приводит к нанесению вреда или прямого ущерба в другой стране, то целесообразным методом является, по-видимому, финансирование обеими странами расходов на осуществление очистительных мероприятий⁸⁸. Если какое-либо развивающееся государство не может позволить себе отказаться от размещения на своей территории «грязных» промышленных предприятий какой-либо более богатой страны, то такой случай может по-

требовать международных усилий — возможно, осуществляемых под контролем соответствующей международной организации и организуемых ею, — с тем чтобы достичь решений, справедливо учитывающих интересы как государства-источника, так и других затрагиваемых государств⁸⁹. Если исследования с применением новейших научных достижений показывают, что загрязнение, уровень которого раньше считался удовлетворительным, стало одной из причин смерти от легочных заболеваний в районах, прилегающих к международной границе, то при решении вопроса об ответственности государства-источника необходимо принять во внимание прежние «взаимные ожидания» того, что подобной причинной связи не будет существовать⁹⁰. Опасность нанесения или фактическое нанесение существенного, нерегулируемого, физического трансграничного вреда не во всех случаях имеет место в результате противоправного действия или бездействия государства-источника; вместе с тем признается, что упорное нежелание государства-источника пойти на сотрудничество в таких случаях всегда является противоправным.

46. В шести предыдущих пунктах были рассмотрены далеко не все теоретические и практические сложности, возникшие в связи с самым простым и общедоступным аспектом данной темы — неразрывной связью между предотвращением и возмещением. Отдельные представители, признавая большое значение предотвращения, считали тем не менее, что предмет данной темы может или должен начинаться там, где копчется вопрос предотвращения⁹¹. Специальный докладчик не совсем понимает характер этой трудности. Возможно, это отчасти объясняется стереотипами: термин «ответственность» и, более конкретно, концепция строгой ответственности ассоциируются обычно с компенсацией за ущерб или вред, который не был предотвращен. Можно вновь повторить уже неоднократно высказывавшуюся мысль о том, что государства, продолжая уделять внимание необходимости предотвращения трансграничного ущерба или вреда, отнюдь не прониклились еще сознанием того, что они обязаны компенсировать ущерб и вред, который не

⁸⁶ См., например, статьи 41, 48, 49 Договора между Венгрией и Румынией о режиме венгеро-румынской государственной границы и сотрудничестве по пограничным вопросам, подписанного в Будапеште 13 июня 1963 года (United Nations, *Treaty Series*, vol. 576, p. 275).

⁸⁷ См. противоположное мнение, выраженное в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году представителем Заира г-ном Баландой (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 51-е заседание, пункт 17*).

⁸⁸ См., например, статьи 5 и 7 Конвенции о защите Рейна от загрязнения хлоридами, подписанной в Бонне 3 декабря 1976 года Федеративной Республикой Германии, Францией, Люксембургом, Нидерландами и Швейцарией [*International Legal Materials, Washington (D.C.), vol. XVI, No. 3, March 1977, p. 265*].

⁸⁹ См. замечания, высказанные на тридцать второй сессии Комиссии международного права г-ном Сучариткулем (*Ежегодник... 1980 год, том I, стр. 280, 1631-е заседание, пункты 4 и 5*). См. также замечания, упомянутые в списке 43, выше.

⁹⁰ См. противоположное мнение, выраженное в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году представителем Ямайки г-ном Робинсоном (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 40-е заседание, пункт 32*).

⁹¹ См., например, замечания, высказанные в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи представителем Бразилии г-ном Калеру Родригесом (*там же, 43-е заседание, пункт 63*) и в несколько ином смысле представителем Испании г-ном Лаклета Муньосом (*там же, 48-е заседание, пункт 32*).

был предотвращен⁹². Принцип 22 Стокгольмской декларации⁹³ до сих пор не получил сколько-нибудь серьезного развития, хотя прошло уже десять лет после того, как он был полностью поддержан международным сообществом. В связи с этим вполне можно заявить, что заполнить этот пробел и является задачей настоящей темы⁹⁴.

47. Однако, что такое «предупреждение» и что такое «возмещение»? Целью возмещения является восстановление в возможно более полном объеме прежнего положения, а в контексте данной темы это часто может принимать форму предупреждения после события. В деле *Trail Smelter*⁹⁵ определение компенсации за доказанные убытки явилось лишь незначительной и предварительной частью работы третейского суда. Основное внимание суд уделил обсуждению мер, посредством которых можно избежать нанесения убытков и ущерба в будущем таким образом, чтобы это не подрывало экономической жизнеспособности этого правильного предприятия. Объем обязательств Канады устанавливался как обязательство соблюдать предписанный режим, который считался достаточным для того, чтобы исключить будущие убытки или ущерб, однако в качестве еще одного условия деятельности предприятия, которая все же могла быть связана с трансграничным риском, от Канады требовалось также обеспечивать возмещение фактических убытков и ущерба. Таким образом, возмещение заключалось в предупреждении и определенной гарантии. Режим предупреждения является объективным стандартом, сравнимым с пунктом 2 статьи 3 Монреальских правил⁹⁶; гарантия, которую можно сравнить или сопоставить с пунктом 1 статьи 3 этих правил, представляет собой условие, относящееся к действию или бездействию, не запрещенному международным правом. В данном случае действие или бездействие состояло в осуществлении или неосуществлении Канадой как носителем суверенной территориальной власти своих полномочий в области регулирования при-

менительно к дальнейшей деятельности компании «Трейл смелтер».

48. Если взглянуть на практику государств с этой точки зрения, то она представляется не столь негативной, как это часто предполагают. Начало дела *Colorado River*⁹⁷ между Соединенными Штатами Америки и Мексикой не предвещало ничего хорошего, поскольку американская сторона категорически отказалась от ответственности по возмещению крупных убытков, понесенных мексиканскими землепользователями⁹⁸ из-за того, что речная вода, используемая для орошения в Соединенных Штатах в трансграничных потоках, имела высокое содержание солей. Однако продолжительные обсуждения между двумя сторонами закончились успешно, и Соединенные Штаты поставили опреснительное и другое оборудование. Расходы, понесенные Соединенными Штатами в целях устранения этой проблемы, были

⁹² 30 августа 1973 года Соединенные Штаты и Мексика подписали соглашение о «постоянном и окончательном решении международной проблемы засоления реки Колорадо». См. *United States Treaties and Other International Agreements*, vol. 24, part 2, 1973, p. 1968.

⁹³ Возникновение проблем, связанных с засолением воды, предвиделось еще в 1945 году во время слушаний в сенатском комитете по иностранным делам свидетельских показаний, касающихся Договора об использовании водных ресурсов, заключенного в 1944 году между Мексикой и Соединенными Штатами, и они стали предметом следующего диалога между сенатором Милликином и помощником государственного секретаря Ачесоном:

«Г-н Милликин: Известен ли вам какой-либо международный принцип, не позволяющий нам давать Мексике воду, степень засоления которой является такой, какая обычно возникает в результате использования воды нашими потребителями?»

Г-н Ачесон: Нет.

Г-н Милликин: Может ли Мексика, в том что касается чистой воды или пресной воды, претендовать на нечто большее, чем то, что имеем мы?

Г-н Ачесон: Нет.

Г-н Милликин: Есть ли какой-либо международный принцип, предписывающий такой метод осуществления деятельности?»

Г-н Ачесон: Нет.

Г-н Милликин: Таким образом, возвращаясь к основной водоток воды, о которых говорит сенатор из Калифорнии, когда они достигают мексиканской границы, представляют собой воды, вернувшиеся от последнего потребителя в Аризоне или в Калифорнии. Эти воды засолены настолько, насколько это вызвано их использованием потребителями, как это предусмотрено договором. Мы не повышаем преднамеренно соленость воды, и у нас нет возможности понизить эту соленость, за исключением, возможно, использования весьма сложных химических процессов или чего-то в этом роде. Имеются ли международные принципы, требующие от нас делать что-либо подобное?»

Г-н Ачесон: Насколько мне известно, нет.

Г-н Милликин: Другими словами, Мексика должна принимать воду такой, какая она поступает на границу; это так?»

Г-н Ачесон: Да, это так.

Г-н Милликин: Содержание солей в этой воде обусловлено географическими условиями и ее использованием, а не положениями договора; это так?»

Г-н Ачесон: Да, это так.

[*Water Treaty with Mexico, Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 79th Congress, 1st Session, Washington (D. C.), 1945, pp. 1764—1765 and 1770—1771.*]

⁹² См. предварительный доклад, документ A/CN.4/334 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 5—9. См. также замечания, высказанные на тридцать второй сессии Комиссии международного права г-ном Рифагеном (*Ежегодник...*, 1980 год, том I, стр. 278, 1630-е заседание, пункт 30).

⁹³

«Принцип 22

Государства сотрудничают в целях дальнейшего развития международного права, касающегося ответственности и компенсации жертвам за загрязнение и за другие виды ущерба, причиненные в результате деятельности в пределах их юрисдикции или контроля в районах, находящихся за пределами действия их юрисдикции» (*op. cit.*, сноска 54, выше).

⁹⁴ См. противоположное мнение, выраженное в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году представителем Франции г-ном Мюзе (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 38-е заседание, пункт 17*).

⁹⁵ См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункты 22, 25—28, 34—39.

⁹⁶ См. сноску 52, выше.

соразмерны крупной сумме, которую потребовала Мексика в порядке возмещения ущерба; кроме того, было предусмотрено оказание помощи мексиканским фермерам в проведении почво-восстановительных работ⁹⁹. Тот факт, что го-

⁹⁹ Пункт 7 протокола № 242 Комиссии по международным границам и водам от 30 августа 1973 года о соглашении, заключенном между Соединенными Штатами Америки и Мексикой, гласит:

«7. Соединенные Штаты будут поддерживать усилия Мексики, направленные на получение на благоприятных условиях достаточного финансирования в целях улучшения характеристик почвы в долине Мехикали. Соединенные Штаты предоставят также безвозмездную помощь на взаимоприемлемой для обеих стран основе исключительно для тех аспектов мексиканской программы почво-восстановительных мероприятий в долине Мехикали, которые касаются решения проблемы засоленности, включая строительство дренажного канала. В целях достижения вышеупомянутых целей обе страны в ближайшее время приступят к переговорам» (United States of America, *The Department of State Bulletin*, vol. LXIX, No. 1787, 24 September 1973, p. 396).

На пресс-конференции, созванной после подписания этого протокола, специальный представитель президента Никсона на переговорах с Мексикой по разрешению проблемы засоления почв Герберт Браунелл сделал следующее замечание и ответил на следующие вопросы:

«Соединенные Штаты и Мексика заключили в 1944 году соглашение, предусматривающее ежегодные поставки Мексике определенного количества воды, однако в соглашении ничего не говорилось о качестве этой воды, и по мере освоения некоторых из этих орошаемых участков, как, например, района Уэлтон-Мохавук, качество воды значительно снизилось, и Мексика предъявила претензию в связи с тем, что это делает невозможным рентабельное использование орошаемых земель в долине Мехикали для выращивания сельскохозяйственных культур.

Иск, предъявленный мексиканцами, был довольно значительным, поскольку низкое качество воды имело отрицательные последствия для многих сотен, а возможно, по их подсчетам, и тысяч акров земель, а возделывание многих участков вообще прекратилось; это привело к снижению их доходов от сельского хозяйства и, по их заявлению, к снижению уровня жизни многих фермеров, проживающих в этом районе Мексики.

Таким образом, цель данного соглашения состояла в том, чтобы восстановить качество воды, гарантировать это качество в будущем и урегулировать этот связанный с проблемами орошения спор между двумя странами. Это означает, что впредь они будут получать пригодную для орошения посевов воду на всей территории долины».

«Вопрос: Какой был ущерб, сколько миллионов долларов в виде компенсации запросили мексиканские фермеры за ущерб, причиненный посевам в долине Мехикали?»

Г-н Браунелл: Хотя конкретного решения по этому вопросу принято не было, иски предъявлялись на сумму около 150 млн. долларов США.

Вопрос: Будет ли строительство дренажного канала, который предполагается проложить к Калифорнийскому заливу, осуществляться в порядке выплаты компенсации, которую запросили мексиканские фермеры?»

Г-н Браунелл: В соглашении нет никаких положений, предусматривающих компенсацию за ущерб.

Вопрос: Это скорее всего делается «в порядке» возмещения ущерба, поскольку президент Эчеверрия Альварес сказал в прошлом месяце, что дренажный канал, облицованный канал, который будет защищать колодцы в долине Мехикали, будет строиться в порядке или как часть возмещения ущерба по искам, предъявленным мексиканскими фермерами. Действительно ли это так?»

Г-н Браунелл: Думаю, можно сказать, что это решение было принято в порядке урегулирования острого спора по поводу ущерба, в этом вы правы. Без этого урегулирования пришлось бы решать этот спор в тяжелой борьбе». (*Ibid.*, pp. 388—389.)

сударства вместо компенсации на первый план выдвигают обязанность предотвращать ущерб, объясняется не недостатком юридических прецедентов. Больше беспокойство вызывала бы готовность государств без особых колебаний согласиться с той посылкой, что каждый трансграничный убыток или ущерб имеет свою цену даже в тех случаях, когда затронутое государство совершенно не склонно устанавливать такую цену.

49. Не менее важно, однако, что государства-участники фактически признают за собой обязанность сделать несколько больше, чем просто обеспечить соблюдение любых практически возможных мер предупреждения, должным образом учитывая при этом технические и экономические возможности, а также степень риска. Государства-источники могут также внести свой вклад в заполнение возможных пробелов в стандартах защиты, предусматривая обязанность возмещать причиненный ущерб или убытки. Вопросы, связанные с морской перевозкой нефти, служат хорошим примером всего комплекса переменных. Конструкция судов и их эксплуатационные характеристики, а также портовые сооружения должны соответствовать стандартам, достаточным для обеспечения основной защиты при разумных расходах¹⁰⁰; для рассмотрения исков, основанных на строгой, однако ограниченной ответственности возместить ущерб¹⁰¹, используются местные суды. Кроме того, на компании и их клиентов возлагается ответственность за обеспечение определенных международных гарантий¹⁰². Тот факт, что действие этих двух основных договоров в данной области будет рассматриваться в 1984 году¹⁰³, является иллюстрацией того, что, хотя основные принципы остаются неизменными, их применение в конкретных областях может потребовать пересмотра, исходя из накопленного опыта, с учетом новейшей технологии или даже более глубокого понимания общепринятых стандартов.

50. Несмотря на все упомянутые выше сомнения, большинство представителей в Шестом комитете каждый год решительно поддерживают предложение о том, чтобы в рамках данной темы рассматривалось как предупреждение, так и возмещение ущерба. Это особенно проявилось во

¹⁰⁰ См. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов, подписанная в Лондоне 2 ноября 1973 года (издание ИМКО, в продаже под № 74.01.R), и Протокол к этой Конвенции, подписанный в Лондоне 17 февраля 1978 года (то же, в продаже под № 78.09.R).

¹⁰¹ См. Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью, подписанная в Брюсселе 29 ноября 1969 года (то же, в продаже под № 77.16.R).

¹⁰² См. Международная конвенция о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью, подписанная в Брюсселе 18 декабря 1971 года (то же, в продаже под № 1972.10.R).

¹⁰³ Основные проблемы и предлагаемые решения излагаются в ИМО, «Доклад Юридического комитета о работе его пятидесятой сессии» (LEG/50/8) от 17 марта 1983 года, пункты 10—108.

время тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи в 1982 году¹⁰⁴. Вряд ли это может быть иначе, если Комиссия хочет исходить из договорной практики государств. Специальный докладчик хотел бы подчеркнуть, что разграничение между разделом 3 и разделом 4 схематического плана¹⁰⁵ не является разграничением между предотвращением и возмещением: оно представляет собой разграничение между мерами, которые должны приниматься, когда государство предвидит необходимость создания режима предотвращения и возмещения, и мерами, которые должны приниматься, когда имеет место материальный трансграничный убыток или ущерб и обязательства государства-источника не были определены в рамках какого-либо применимого или принятого режима. Цель схематического плана состоит в том, чтобы отражать и поощрять развитие практики государств по заблаговременному регулированию этих вопросов, с тем чтобы вместо общих обязательств, рассматриваемых в рамках настоящей темы, разработать конкретные нормы запрещения, соответствующие потребностям кон-

кретных ситуаций, включая, если это окажется необходимым, конкретные нормы строгой ответственности.

Е. Строгая ответственность

51. Как отмечалось в начале настоящего доклада, противоправность и строгая ответственность часто рассматриваются как основные принципы двух совершенно различных систем обязательств, являющихся единственно возможными системами обязательств, допустимыми с точки зрения юридической логики. В соответствии с этой концепцией различия между этими двумя системами являются значительными, поскольку в соответствии с принципом строгой ответственности устанавливается связь между обязательствами и нанесением убытка или ущерба, причем участие государства-источника учитывается не иначе, как с точки зрения его иерархической связи, независимо от того, является эта связь территориальной или нет, является эта связь территориальной или нет, с виновником вредных последствий. Учитывая такое четкое разграничение, неудивительно, что у сторонников принципа строгой ответственности возникнет недоумение в связи с нечеткой структурой схематического плана Специального докладчика и в связи с его упорным стремлением высвободить концепцию обязательств, возникающих при отсутствии противоправности, из жестких тисков ответственности государств за противоправное действие или бездействие. Конечно, имеется некоторая доля истины в высказанном несколькими ораторами в Шестом комитете мнении¹⁰⁶ о том, что Специальный докладчик больше беспокоится о защите государства-источника от необоснованных исков, нежели об обеспечении возмещения пострадавшим государствам. Отчасти это объясняется тем, что, вероятно, нецелесообразно слишком подробно и конкретно излагать в разделах 5 и 6 схематического плана эти принципы и факторы, пока не появится возможность осуществления тщательного фактического анализа подтверждающей их практики государств.

52. Два автора, которые недавно комментировали текущую работу Комиссии по данной теме — Г. Хандль¹⁰⁷ и К. Г. Кобе¹⁰⁸, — высказывают оза-

¹⁰⁴ См., например, замечания представителей Таиланда г-на Сучариткуля (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 44-е заседание, пункт 27*); Канады г-на Бэкопа (*там же, 45-е заседание, пункт 86*); Японии г-на Хаяси (*там же, 46-е заседание, пункт 25*); Италии г-на Спердуги (*там же, 47-е заседание, пункт 33*); Мексики г-на Гонсалеса Гальвеса (*там же, пункт 52*); Австралии г-на де Ступа (*там же, 48-е заседание, пункт 10*); Румынии г-на Мазилу (*там же, 49-е заседание, пункт 10*); Сьерра Леоне г-на Коромы (*там же, пункт 44*); Марокко г-на Гарби (*там же, 50-е заседание, пункты 36 и 37*); Ирака г-на аль-Кайси (*там же, пункт 54*); Бангладеш г-на Моршеда (*там же, пункт 67*); Заира г-на Балаиды (*там же, пункт 16*); Кении г-на Вабуге (*там же, пункт 49*); и Австрии г-на Туэрка (*там же, пункт 99*). Представитель Индии г-н Джагота также ссылался на необходимость режима предупреждения и режима возмещения ущерба, но это замечание, фигурирующее в стенографическом отчете, не отражено в кратком отчете о 46-м заседании. Представитель Соединенных Штатов Америки г-жа Шваб указала на готовность предусмотреть обязанность предупреждения, а также возмещения ущерба при условии, что масштабы данной темы будут соответствующим образом ограничены (*там же, 52-е заседание, пункт 28*). Кроме того, ряд выступавших, которые конкретно не ссылались на обязанность предупреждать и возмещать ущерб, выразили согласие с общим направлением схематического плана. См., например, замечания представителей Греции г-на Экономидиса (*там же, 40-е заседание, пункт 48*); Мадагаскара г-на Разанакото (*там же, 46-е заседание, пункт 123*); Туниса г-на Махбули (*там же, 47-е заседание, пункт 71*); Индонезии г-на Урипа (*там же, 48-е заседание, пункт 72*); Багамских Островов г-на Мейнарда (*там же, пункт 84*); и Египта г-на эль-Банхави (*там же, 50-е заседание, пункт 7*). С другой стороны, см. замечания представителей Бразилии г-на Калеру Родригеса (*там же, 43-е заседание, пункты 63 и 65*); Финляндии г-на Хакапаа (*там же, 45-е заседание, пункт 11*); Испании г-на Лаклета Муньоса (*там же, 48-е заседание, пункт 97*); и Ливийской Арабской Джамахирии г-на Аззарука (*там же, 49-е заседание, пункт 53*), которые, не ставя под сомнение значение предупреждения, считали необходимым дополнительно подчеркнуть обязанность возмещать ущерб и в одном или двух случаях высказали оговорки относительно того, в какой мере обязанность предупреждения может быть разработана в рамках данной меры.

¹⁰⁵ См. сноску 23, выше.

¹⁰⁶ См., например, замечания, высказанные представителем Финляндии г-ном Хакапаа (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 45-е заседание, пункт 10*). См. также замечания, высказанные представителем Тринидада и Тобаго г-ном Маккензи, задавшим вопрос о том, почему в схематическом плане не говорится об автоматическом применении нормы, касающейся возмещения за убытки или ущерб (*там же, 51-е заседание, пункт 65*).

¹⁰⁷ G. Handl, «International liability of States for marine pollution», *The Canadian Yearbook of International Law*, 1983, Vancouver, vol. XXI, p. 85.

¹⁰⁸ C. G. Caubet, «Le droit international en quête d'une responsabilité pour les dommages résultant d'activités qu'il n'interdit pas», доклад, представленный Учебному и научно-исследовательскому центру по вопросам международного права и международных отношений при гаагской Академии международного права (сессия 1982 года) по теме: «Международная ответственность государства».

боченность по поводу чрезмерного акцента, который Специальный докладчик делает на обязанности государства-источника согласовывать или, если это невозможно, односторонне обеспечивать соответствующие режимы предотвращения и возмещения, не прибегая к применению высшей нормы строгой ответственности. Они хотели бы усилить диспозитивную норму и, более того, придать ей более строгий характер, чем диспозитивный. Едва ли возможно и, пожалуй, нецелесообразно включать в сбалансированные рамки настоящей главы какой-либо подробный комментарий в отношении этих еще не опубликованных работ; однако Специальный докладчик должен попытаться обрисовать основные черты решений, предлагаемых ими, не искажая при этом мнений этих высокоавторитетных ученых. Основная цель, которую преследуют оба эти автора, состоит в том, чтобы возложить на государство-источник неограниченное обязательство, аналогичное по своему характеру строгой ответственности, по обеспечению возмещения за материальные трансграничные убытки или ущерб. Кобе сужает рамки этого обязательства, ссылаясь на разграничение между правами и интересами¹⁰⁹, которое проводилось в решении по делу *Lake Lanoux*¹¹⁰. С другой стороны, Хандль ограничивает пределы презумпции строгой ответственности (а не рамки темы) критерием особой опасности, предложенным Дженксом (то есть сочетанием опасности исключительно серьезных последствий с низкой степенью вероятности их возникновения), и убытками или ущербом, которые являются характерными для рисков, связанных с противоправной деятельностью¹¹¹.

¹⁰⁹ «Некоторые виды ущерба определяются в соответствии с нормами права, другие — в соответствии с простыми интересами. Таким образом, вопрос о пределах компенсируемого ущерба связан с вопросом о пределах, в которых интересы пользуются юридической защитой и приобретают характер права».

¹¹⁰ United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XII (Sales No. 63.V.3), p. 316, para. 23; см. также *Ежегодник...*, 1974 год, том II (часть вторая), стр. 198 англ. текста, документ A/5409, пункт 1068.

¹¹¹ Однако совершенно иной подход был применен профессором Квентин-Бакстером, Специальным докладчиком Комиссии международного права по вопросу о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом. В особенности его второй и третий доклады по данной теме заставляют серьезно задуматься над пересмотром основополагающих предпосылок, в соответствии с которыми вопрос об убытке должен решаться в рамках международной правовой системы. Однако сейчас, после некоторых явных первоначальных колебаний, Специальный докладчик полностью признает преимущества, присущие понятию «особой опасности» как одному из способов снятия вины за ущерб в ситуациях, когда вина не может быть вменена государству, совершившему действие. Таким образом, он признает ключевую роль предсказуемости ущерба, характерного для данного действия, в том смысле, что этот ущерб является не следствием какого-то конкретного вида осуществления этого действия, а статистической, хотя и весьма незначительной вероятностью, которой нельзя избежать, даже при применении разумных мер предосторожности» [*loc. cit.* (сноска 107, выше), pp. 105—106].

53. Признаваясь в отказе от прежних принципов, Кобе соглашается с применением «смешанного режима», в соответствии с которым действие не влечет за собой никакого элемента противоправности, за исключением тех случаев, когда оно вызывает материальный трансграничный убыток или ущерб; однако в этом случае возникает предположение о том, что убыток или ущерб были причинены противоправным образом¹¹². Опровержение этого предположения требует применения предельного критерия, связанного с использованием всех или большинства принципов и факторов, перечисленных в разделах 5 и 6 схематического плана¹¹³. На первый взгляд это решение может показаться более динамичным вариантом пункта 1 статьи 3 Монреальских правил¹¹⁴, однако дело обстоит иначе. При этом решении сохраняется объективный элемент обязательства, нарушение которого повлечет за собой ответственность государства за противоправное действие или бездействие, однако, в отличие от пункта 1 статьи 3 Монреальских правил, в нем ликвидируется субъективный элемент, поскольку защита на основе невменяемости не допускается. Это решение является своего рода решением типа «либо все, либо ничего»: если пострадавшее государство не может доказать, что убыток или ущерб ущемляет его права, то у него не остается иного выхода, кроме как применять любые средства правовой защиты, существующие в рамках внутригосударственного права и международного сообщества. Однако в ответ Кобе может привести убедительный аргумент о том, что, во-первых, его предельный критерий подтверждает мнение о том, что существенный трансграничный ущерб или убыток нарушает право; и, во-вторых, что само существование обязательства строгой ответственности является для государств более сильным стимулом для заключения их собственных соглашений, воплощающих этот принцип и соответствующим образом учитывающих как интересы, так и права.

54. Суть вопроса состоит в том, что мы получаем и что мы теряем в результате применения интересного, однако «еретического», решения Кобе. Специальный докладчик, который лично совсем не претендует на ортодоксальность, не имеет определенного мнения на этот счет, но указывает все же некоторые из факторов. Ввиду

¹¹² «Таким образом, предусматривается создание смешанного режима — вне сомнения, «еретического» с точки зрения теории, — в рамках которого к опасной деятельности применяется презумпция правомочности, в то время как на ее вредные последствия распространяется действие презумпции неправомочности».

¹¹³ «Следовательно, представляется необходимым обеспечить соблюдение некоторого баланса между правами и интересами соответствующих сторон. Г-н Квентин-Бакстер подробно излагает девять факторов, которые «особенно могут относиться к соизмерению интересов...» (цитата сопровождается ссылкой на раздел 6 схематического плана).

¹¹⁴ Текст см. сноску 52, выше. Применение этого правила см. пункт 28, выше.

отсутствия конкретного положения в рамках применимого режима во всех случаях должны существовать возможности для оценки таких вопросов как средство, при помощи которого следует характеризовать убыток или ущерб, и для определения того, можно ли было предвидеть такой убыток или ущерб, является ли убыток или ущерб существенным и влияет ли на размер возмещения какой-либо фактор совместного пользования или изменения обстоятельств, существовавших в момент, когда было установлено, какое действие вызвало убыток или ущерб. Как представляется, Кобе без какого-либо шанса на успех включает все эти факторы в свой предельный критерий для измерения масштабов вреда. В этом случае они должны оцениваться в контексте условия типа «либо все, либо ничего»: все зависит от пахождения точки пересечения между вредом и квазипротивоправностью. Специальный докладчик надеялся избежать именно этого, попытавшись увязать обязательства, касающиеся непротивоправности, с фактическим поведением государств, а не с расплывчатыми критериями противоправности, от которых они стараются избавиться. Очевидно, ничто не мешает тому, чтобы право на возмещение и принципы и факторы, обеспечивающие его, были сформулированы в конкретных выражениях, которые Комиссия посчитает необходимыми и которые подтверждаются развитием практики государств¹¹⁵.

55. Хандль не видит трудности в том, чтобы оставаться в области непротивоправности. Он одобряет основное направление работы Комиссии над настоящей темой, видя в этой работе и в продолжающейся поддержке этого направления Генеральной Ассамблеей растущее свидетельство согласия с принципом строгой ответственности, по крайней мере когда речь идет об особой опасности. Он, в частности, одобряет тот акцент, который был сделан в предшествующих докладах по данной теме на предсказуемости рисков, связанных с конкретным видом деятельности, в качестве критерия, оправдывающего обязательство, имеющее характер строгой ответственности; и он развивает концепцию риска, типичного для того или иного конкретного вида деятельности¹¹⁶. Хандль не столько отходит от схематического плана, сколько предлагает смелый и всесторонне аргументированный вывод: следует полагать, что ответственность за риски, типичные для какой-либо деятельности, являю-

щейся особо опасной, возлагается на государство-источник, что устраняет необходимость учитывать все другие принципы и факторы, необходимые для обеспечения баланса интересов¹¹⁷. Он предпочитает излагать свой общий тезис в одной из наиболее сложных областей, а именно в области случайного загрязнения морской среды с судов. В этой области сама идентификация государства-источника должна осуществляться в соответствии с разделением компетенции между государством флага и прибрежным государством, и государства никогда не брали на себя ответственность в отношении такого риска, будь то непосредственно, будь то в качестве гарантов. Экономическая выгода использования супертанкеров умножает опасности для окружающей среды, и строгая, но ограниченная ответственность компаний служит в равной степени как для защиты их от чрезмерной территориальной юрисдикции прибрежного государства, так и для обеспечения гарантии определенного возмещения в случае серьезных аварий.

56. Для правовой системы, в которой существует законодательная власть, статья Хандля и более ранние работы, аналогичные по своей направленности, могут послужить тем источником, который нередко порождает процесс более широкого изучения, ведущего в конечном счете к законодательному вмешательству и к резкому изменению правового принципа. Ибо Хандль ссылается не только на нормы справедливости и морали, достаточно прочно утвердившиеся во внутренних правовых системах, чтобы иск рассматривался в контексте общего принципа права, но также на здравый смысл и эффективность. Критерий предсказуемости применяется строго, с тем чтобы риски могли быть застрахованы и чтобы предприятие было платежеспособным. Однако необходимо признать, что эти предложения относятся к *lege ferenda*. Они представляют собой своего рода квантовый скачок, который можно ожидать при переходе от одной базы обязательств к другой. Между тем, круги, представленные в Юридическом комитете ИМО, деловито проводят свою собственную подготовку к Конференции 1984 года по пересмотру Международной конвенции 1969 года о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью и Международной конвенции 1971 года о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью¹¹⁸. Представляется очевидным, что эти

¹¹⁵ Например, Комиссия в докладе о работе своей тридцать четвертой сессии указывает:

«...Как отметил один из членов Комиссии, в схематическом плане предусматривается норма автоматического возмещения. Некоторые члены Комиссии отметили, что эта норма должна быть подкреплена четко сформулированным принципом, согласно которому защита должна быть соразмерна с характером деятельности или опасностью» [Ежегодник..., 1982 год, том II (часть вторая), стр. 111, пункт 137].

¹¹⁶ См. сноску 111, выше.

¹¹⁷ «...Точка зрения, согласно которой создание трансграничного риска должно вести к применению строгой нормы международной ответственности в том случае, когда типичный вред наносится в трансграничном плане, отражает общий принцип права. Как таковая, она должна рассматриваться в качестве ясного индикатора повсеместно разделяемых ожиданий относительно необходимого сбалансирования затрат и выгод, связанных с деятельностью, влекущей за собой трансграничный риск» [*loc. cit.* (сноска 107, выше), pp. 100—101].

¹¹⁸ См. сноски 101 и 102, выше.

конвенции, которые регулируют типичные области риска особой опасности, не будут подвергнуты радикальным изменениям. Компании, их клиенты и страховщики и впредь будут нести ограниченную ответственность в отношении трансграничных убытков или ущерба в результате случайного загрязнения морской среды с судов. Государства — участники вышеупомянутых конвенций будут и впредь выполнять свой долг перед другими государствами в случае таких убытков и ущерба лишь путем создания и поддержания режимов гражданской ответственности, отраженных в пересмотренных конвенциях¹¹⁹.

57. Поэтому Специальному докладчику представляется, что если Комиссия определит свои цели и рамки своего обзора практики государств в более узком смысле, чем этого требует само название данной темы, то есть будет отождествлять действия, не запрещенные международным правом, со строгой ответственностью государств, то она опередит темпы, которыми международное сообщество продвигается в этом направлении, с риском оставить незамеченным тот истинный импульс, который лежит в основе этого продвижения. В настоящем докладе значительный акцент был сделан на трудностях формулирования обычных норм ответственности государств за противоправные действия или бездействие таким образом, чтобы это предлагало практические решения современных правовых проблем. Теоретическим ответом может быть шаг в направлении к нормам строгой ответственности государств. Комиссия, видимо, не будет склонна игнорировать обоснованные аргументы Хандля и других юристов в пользу того, что это является осуществимой нормой и единственной нормой, способной наконец создать преграды шатким компромиссам, которые ставят под угрозу биосферу и в результате которых жертвы остаются без должной защиты перед лицом катастроф, которых можно избежать. Любое решение, предлагаемое Комиссией, должно оставлять открытым путь для дальнейшего развития. В этом и заключается цель схематического плана, и, как отмечали многие, принципы в разделе 5 нуждаются в существенной разработке. Следует, однако, также учитывать, что в совершении скачка к строгой ответственности государств трудно опираться на страдающую изъянами правовую доктрину и малочисленные примеры в практике государств.

Г. Заключительные замечания

58. По ряду причин Специальный докладчик предпочел представить этот доклад в форме общего обзора. Некоторые причины носят привходящий характер. Приоритеты, установленные Комиссией на ее тридцать четвертой сессии в

1982 году, не оставили возможности для того, чтобы проекты статей по данной теме поступили в распоряжение Редакционного комитета на ее следующей сессии в 1983 году. Третья и последняя часть проведенного Секретариатом ценного исследования практики государств не поступила в распоряжение Специального докладчика достаточно заблаговременно, чтобы он изучил ее до начала текущей сессии Комиссии; эти три части — касающиеся соответственно многосторонней и двусторонней договорной практики и примеров урегулирования исков — должны рассматриваться параллельно. Специальный докладчик приветствует интерес, проявленный к этим материалам в Шестом комитете и в Комиссии, и пользуется настоящей возможностью, чтобы подтвердить ранее высказанную просьбу, чтобы эти материалы распространялись на более широкой основе. Третью часть исследования, которая представлена лишь в качестве сборника документов, необходимо облечь в форму аналитического исследования, которое имело бы более тесную связь с предшествующими двумя частями, с тем чтобы читателю было легче понять те критерии, которые использовались при отборе материалов¹²⁰.

59. Как показывает тематическое резюме обсуждения, проведенного в Шестом комитете по докладу Комиссии в ходе тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи, глава доклада, посвященная настоящей теме, вызвала огромный интерес и в основном благоприятные комментарии¹²¹. Тем не менее выражалась определенная озабоченность в связи с тем, что по данной теме Комиссия, возможно, не совсем ясно ориентирует Генеральную Ассамблею, а отдельные ораторы высказали мнение, что Комиссии следует принять в ближайшее время решение относительно того, продолжать ли рассмотрение настоящей темы. Специальный докладчик разделяет это мнение и стремится облегчить принятие этого решения. Спустя одиннадцать лет после того, как Комиссия наметила настоящую тему, спустя шесть лет после определения ее рабочей группой и включения ее в активную повестку дня, спустя год после завершения работы над первоначальной группой материалов и при наличии четырех докладов, излагающих природу настоящей темы, представляется, что 1984 год, возможно, является самым ранним и

¹²⁰ На распространение и обмен идеями влияет также наличие документов. Том II (часть первая) *Ежегодника* Комиссии, содержащий доклады специальных докладчиков, в настоящее время в английском варианте существует в издании, самое позднее за 1979 год. Представляется странным, что доклады специальных докладчиков, которые имеются на рабочих языках до их обсуждения, публикуются значительно позже кратких отчетов о проведенной по ним дискуссии. Весь основной предназначение рождающихся идей состоит не в том, чтобы оставаться в почти полной изоляции.

¹²¹ A/CN.4/L.352, раздел С.

¹¹⁹ См. сноску 103, выше.

одновременно крайним сроком для принятия необходимого решения. Работа Комиссии международного права нередко была связана с коллективной приверженностью тем или иным темам, в отношении которых отдельные члены Комиссии испытывали мало энтузиазма, но такая приверженность необходима — в противном случае следует запросить согласие Генеральной Ассамблеи на то, чтобы снять эту тему с повестки для Комиссии.

60. Оставляя в стороне процедурные вопросы, надо отметить, что основная причина, по которой настоящий доклад принял ту форму, в которой он представлен, относится к вопросам существа. Никто не сомневается в том, что прогрессивное развитие и кодификация международного права по любой теме должны быть прежде всего соотнесены с практикой государств. Хотя в практике государств имеется мало примеров, которые бы в полном объеме демонстрировали действие нормы строгой ответственности, есть много примеров, иллюстрирующих шаги, предпринимаемые государствами — в силу соглашения или в рамках правил международных организаций, участниками которых они являются, или даже в одностороннем порядке — для выполнения в качестве территориальной или контролирующей власти своих обязательств по отношению к другим государствам. Эта практика, конечно, не может быть оторвана от норм ответственности государств за противоправные действия или бездействие, поскольку эти нормы являются хребтом любой правовой системы. Тем не менее, по мере того как связи, существующие в международной жизни, становятся все более сложными, а ее организация принимает форму все более комплексной системы, попытки толкования международного права исключительно с точки зрения нарушения недостаточно четко сформулированных или спорных норм, влекущего ответственность государств за противоправное действие или бездействие, неизбежно будут недостаточными. Это тем более справедливо, если учитывать, что судебные решения или любое другое разрешение правового спора с точки зрения правового принципа являются в данной области международного права крайне редкими.

61. Не следует, однако, недооценивать вполне обоснованную заинтересованность в «хаосе». Когда выдвигается и отвергается обвинение в нарушении международного обязательства, стороны могут более или менее спокойно приступить к выработке «непринципиального» решения; и они, возможно, обратятся к большинству принципов и факторов, которые включены или должны быть включены в схематический план. Их «непринципиальное» решение и многие другие аналогичные решения явятся тем разнородным материалом, который сможет быть использован исследователями-юристами, подобно птицам, строящим гнезда. Тот же материал, из

которого складывались Монреальские правила, должен быть поставлен на службу делу строгой ответственности и принятию промежуточного решения, предложенного в третьем докладе. Для этого относительно скромного решения практика государств предоставляет богатый материал, но право доступа к нему регулируется доктриной. В схематическом плане на основе договорной практики и практики разрешения исков предлагается заполнить вакуум между обвинением и отказом признать, что физические трансграничные убытки или ущерб были нанесены противоправно или что они в любом случае должны быть возмещены; однако как обвиняющая сторона, так и сторона, отвергающая свою ответственность, могут утверждать, что в этом нет необходимости.

62. В действительности некоторые именно так поступают, становясь примерно на те позиции, которых придерживались Соединенные Штаты Америки и Канада до дела *Trail Smelter*¹²². В некоторых из таких случаев противоправность и строгая ответственность за особую опасность рассматриваются как охватывающие все важные категории¹²³. В некоторых других случаях считалось, что общих норм или принципов предотвращения и возмещения трансграничного ущерба не существует. Разработка подобной нормы считается задачей нереалистичной; нереалистичной считается и та точка зрения, что на государствах лежит обязанность устанавливать нормы для предотвращения убытка или ущерба¹²⁴. В областях, нередко охватываемых положениями внутреннего законодательства, регулирующего ответственность по гражданско-правовым и частноправовым искам, роль международного права подвергается сомнению, а критерию предсказуемости ущерба противопоставляется ссылка на отсутствие ответственности за деятельность частных лиц¹²⁵. Уже отмечалось, что мнение большинства, выраженное в Шестом комитете, заключается в поддержке принципа предотвращения, сведения к минимуму и возмещения трансграничного ущерба и неразрывности вопросов предотвращения и возмещения. Следует также отметить, что большинство ясно отвергло идею о том, что при рассмотрении

¹²² См. второй доклад, документ A/CN.4/346 и Add.1 и 2 (см. сноску 2, выше), пункт 63.

¹²³ В этом, как представляется, состоит основной смысл замечаний, высказанных в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 1982 году, например, представителем Аргентины г-ном Барбосой (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет*, 49-е заседание, пункты 13—15).

¹²⁴ См. замечания представителя Германской Демократической Республики г-на Гернера (*там же*, 38-е заседание, пункт 34).

¹²⁵ См. замечания представителя Соединенного Королевства г-на Бермана (*там же*, 48-е заседание, пункт 20). Относительно нежелания государств брать на себя ответственность за действия частных лиц и корпоративных образований см. также замечания представителя Франции г-на Мюзе (*там же*, 38-е заседание, пункт 17); и представителя Зaire г-на Баланды (*там же*, 51-е заседание, пункт 13).

настоящей темы следует проводить какое-либо различие между обязанностью государств, возникающей в связи с публичными действиями и в связи с действиями частных лиц¹²⁶.

63. Подводя итог, можно сказать, что лейтмотивом схематического плана¹²⁷ является обязанность государства-источника с учетом таких факторов, как совместное пользование и распределение затрат и выгод, предотвращать — или сводить к минимуму и возмещать — существенные материальные трансграничные убытки или ущерб, которые можно предвидеть, однако не обязательно в их фактическом виде, но и в качестве риска, связанного с осуществлением той или иной деятельности. Эта обязанность является следствием исключительной или превалирующей юрисдикции, которой в соответствии с международным правом наделяется государство-источник как территориальная или контролирующая власть. С серьезными оговорками, излагаемыми ниже, схематический план по-прежнему является правильным общим отражением предложений Специального докладчика, касающихся разработки этой темы. В соответствии с пожеланием большинства, высказанным в 1982 году как в Комиссии, так и в Шестом комитете, описание сферы применения данной темы, содержащееся в разделе 1 схематического плана, будет ограничиваться физической деятельностью, ведущей к причинению материального трансграничного вреда. Основная причина этого изменения состоит в том, что в настоящее время практика государств в других областях сформировалась недостаточно. Во-вторых, по мере дальнейшего подробного анализа практики государств изложение принципов в разделе 5 схематического плана будет формулироваться настолько более полно и строго, насколько это будет обосновано практикой государств; затем будет скорректирован соответствующим образом перечень факторов, содержащийся в разделе 6 схематического плана. Именно этот процесс будет определять степень приближения решений, предлагаемых в схематическом плане, к стандартной норме строгой ответственности.

¹²⁶ См., например, замечания, высказанные представителями Бразилии г-ном Калсеру Родригесом (там же, 43-е заседание, пункт 62); Нидерландов г-ном Сиблезом (там же, 46-е заседание, пункт 46); Австралии г-ном де Ступом (там же, 48-е заседание, пункт 11); и Австрии г-ном Туэрком (там же, 51-е заседание, пункт 100). Представитель Соединенных Штатов Америки г-жа Шваб указала на готовность предусмотреть распространение обязательства на деятельность частных лиц при условии, что охват данной темы будет должным образом сужен (там же, 52-е заседание, пункт 27). Ряд ораторов, не затронув непосредственно вопрос о частной деятельности, выразили свое согласие с общим направлением схематического плана. В дополнение к такому рода замечаниям, о которых шла речь в списке 104, выше, см. также замечания представителей Таиланда г-на Сучариткуля (там же, 44-е заседание, пункт 27); Канады г-на Бэкона (там же, 45-е заседание, пункт 86); и Ирака г-на аль-Кайси (там же, 50-е заседание, пункт 54).

¹²⁷ См. приложение, ниже.

64. Третья и последняя серьезная оговорка состоит в том, что, как отмечалось рядом представителей¹²⁸, необходимо в гораздо большей мере учесть роль международных организаций. Хотя этот вопрос можно оставить открытым, Специальный докладчик не видит необходимости предусмотреть возможность возникновения ситуации, когда в роли государства-источника будет выступать международная организация. Более непосредственная проблема состоит в том, что на процедуры, изложенные в разделах 2, 3 и 4 схематического плана, может серьезно повлиять характер взаимодействия государств как членов международных организаций. Например, обязанность — в соответствии с разделом 2 схематического плана — предоставлять информацию и осуществлять консультации может во многих случаях быть отнесена к кругу обязанностей, которые государства имеют и выполняют в соответствии с уставами и практикой международных организаций, членами которых они являются. Кроме того, представляется, что консультативные процедуры международных организаций и ссыла на технические услуги, оказываемые такими организациями, могут обеспечить выполнение функций режима, который предусмотрен в разделе 3 схематического плана, или даже исключить необходимость в существовании такого режима либо могут сыграть определяющую или вспомогательную роль в оценке объема возмещения в соответствии с разделом 4 схематического плана. Именно в этих областях Специальный докладчик видит необходимость получения дополнительной помощи со стороны Секретариата в сборе и оценке имеющейся литературы и информационных материалов. Он также хотел бы предложить с согласия Комиссии и с помощью Секретариата разослать небольшой вопросник отдельным международным организациям по вопросам, затронутым в настоящем пункте.

65. Как уже отмечалось, самую близкую аналогию совокупному «первичному» обязательству, лежащему в основе предложений, сделанных в схематическом плане, можно найти в нормах права, касающихся режима иностранцев. Это такая норма, которая предоставляет государству-источнику самые широкие возможности рассматривать и, если необходимо, изменять поведение его различных органов, с тем чтобы обеспечить в конечном счете его полное соответствие этому обязательству. Она имеет особое значение применительно к таким деликатным вопросам, как право на получение информации от государства-источника, когда это государство считает, что в данном случае затрагивается его безопасность. Непредоставление информации или

¹²⁸ См., например, замечания представителя Кении г-на Вабуге (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Шестой комитет, 51-е заседание, пункт 49); и представителя Шри-Ланки г-на Марапана (там же, пункт 84).

отказ предоставить ее не влечет за собой никаких санкций, за исключением обычного последствия, связанного с тем, что конечная ответственность государства-источника может зависеть от всего курса его поведения и что это не может уменьшить его ответственность за действия, которые оно решило осуществить, не учитывая интересов других затрагиваемых этим действием государств. Параллель с ответственностью в связи с режимом иностранцев можно, видимо, провести немного дальше. Печальный опыт в этой области показывает, что правосознание оставляется в стороне, если государства считают, что предложенные принципы требуют от них слишком больших жертв с точки зрения суверенной свободы действий в вопросах, возникающих в пределах их территории и контроля¹²⁹. То, что является верным в случае с вредом, причиненным иностранцу на территории государства, вне сомнения, в равной мере является верным и в отношении трансграничного вреда, причиненного с территории государства; однако принятие умеренных и приемлемых решений в любой отдельной области должно способствовать улучшению перспектив во всех других областях.

66. Необходимо в последний раз и как можно более кратко рассмотреть многоплановые сходства и различия между принципом, содержащимся в схематическом плане, и принципом строгой ответственности. Комиссия могла бы подойти к принципу строгой ответственности как к альтернативному своду «вторичных норм», сформулированных в абстрактном виде и оставленных в «замороженном» состоянии до тех пор, пока государства не смогут найти им большего применения. Эта идея никогда не привлекала ни Комиссию, ни Специального докладчика (см. пункт 7, выше). Причина, которая обычно приводилась, а иногда и использовалась в качестве основания для прекращения работы над настоящей темой, состоит в том, что Комиссия уже уделяет много времени разработке «вторичных» норм ответственности государств и не имеет достаточных возможностей для одновременного рассмотрения альтернативной системы «вторичных» норм. Однако имеются и другие причины. По мнению Специального докладчика, самая главная причина состоит в необходимости исключить даже намек на то, что принцип строгой ответственности ставится на одну доску с принципом ответственности государств за противоправные деяния или бездействие. Ничто не должно ставить под угрозу единство международного права. В конечном итоге обязательства, касающиеся строгой ответственности, представляют собой обязательства возмещать ущерб, и

¹²⁹ Исторический обзор усилий по кодификации ответственности государств за ущерб, причиненный на их территории личности или собственности иностранцев, см. доклад Комиссии международного права о работе ее двадцать первой сессии (*Ежегодник*, 1969 год, том II, стр. 254 и далее, документ A/7610/Rev.1, глава IV).

их невыполнение влечет за собой ответственность государства за противоправное бездействие.

67. В любом случае основная теоретическая проблема, касающаяся строгой ответственности, заключается не в описании принципа, а в определении его естественных границ, а решение этой проблемы повлекло бы за собой непредусмотренный экскурс в область «первичных норм». Даже сейчас остается открытым вопрос о том, будут ли государства на практике прибегать к применению принципа строгой ответственности на какой-либо иной основе, чем на основе решения, принятого эмпирически, с учетом каждого отдельного случая. На это решение, вероятно, будет влиять тот исторически случайный факт, что некоторые области, например загрязнение морской среды с судов, формировались в рамках гражданской ответственности, поскольку первоначальная проблема состояла в ограничении юрисдикции судов прибрежных государств. Конечно, мотивы, которыми руководствовались судоводительские компании, побуждали их к тому, чтобы ставить свои экономические интересы выше социальных и экологических соображений. Однако, поскольку потенциальными жертвами являются прибрежные государства, которые могут настаивать на своей территориальной юрисдикции в качестве контраргумента в переговорах, вряд ли можно сомневаться в том, что они примут тщательно обдуманное решение при подписании пересмотренных конвенций о гражданской ответственности и о международном компенсационном фонде (см. пункты 49 и 56, выше). Тем не менее одни государства имеют больше влияния, чем другие, при принятии такого решения, и в более долгосрочной перспективе может оказаться весьма целесообразным сохранить принцип строгой ответственности не в виде меры принуждения, а в качестве альтернативы, дающей неудовлетворенной стороне определенный аргумент и точку опоры. Это может быть достигнуто, как это в основном и предлагает Хандль, за счет использования более широкой базы, содержащейся в схематическом плане¹³⁰.

¹³⁰ «Отодвигать концепцию ответственности государств на второй план или обходить ее полностью» — практика, которая становится все более очевидной в настоящее время, — значит делать серьезную ошибку, ибо, по крайней мере насколько это касается случайного трансграничного загрязнения, эта концепция по-прежнему является краеугольным камнем любого международного правового режима в области защиты окружающей среды...

...Намстившуюся тенденцию к распределению трансграничных убытков на согласованной в международном плане основе необходимо признать в качестве нежелательного явления... Чтобы добиться сколько-нибудь разумной интернационализации распределения затрат, связанных с трансгранично вредной деятельностью между государствами-жертвами и загрязняющими государствами, крайне важно опираться на принцип ответственности государств в качестве правовой концепции, основное содержание которой не подлежит обсуждению.

...Хотя и признается, причем широко, что частноправовой подход является весьма разумным... разработать режим, который имел бы оптимальный характер как с точки зрения предотвращения транснационального ущерба, связанного с

68. Поэтому весьма реально, что принцип, воплощенный в схематическом плане, может сделать для принципа строгой ответственности гораздо больше, чем сам по себе этот принцип. Схематический план не может обеспечить утверждение принципа строгой ответственности, однако он может послужить для этого принципа гораздо более уютной средой, чем «холодные» рамки неиспользуемых «вторичных» норм. Более того, провозглашая обязанность возмещать ущерб с учетом, конечно, определенных факторов, схематический план, никогда не достигнув совершенства, присущего принципу строгой ответственности, может послужить практической основой для его почти полной реализации. В этом нет ничего удивительного, поскольку, как нам известно, система строгой ответственности является единственной подлинной альтернативой системе ответственности государств за противоправные деяния или бездействие, и, как нам показал Кобе¹³¹, обе эти системы страдают одними и теми же недостатками. Если только не иметь в виду простые случаи, то ни одна из систем не дает нам ответа, который был бы настолько убедительным, что стороны в споре не могли бы больше придерживаться своих позиций и отказываться обратиться к судебному разбирательству (см. пункт 54, выше).

69. Первая цель настоящей темы состоит в том, чтобы побудить государства, предвидящие возникновение проблемы трансграничного вреда, разработать режим, включающий систему простых норм, обеспечивающих достаточно ясные ответы; а этими простыми нормами могут быть нормы, предусматривающие конкретные запрещения, или разрешающие нормы, связанные с соблюдением конкретных гарантий. Вторая цель настоящей темы состоит в том, чтобы найти достаточно справедливый метод урегулирования, который не вызывал бы опасений у государств в случае отсутствия какого-либо применимого или согласованного режима. Это связано с возможностью распределения ответственности — или даже, как это было в деле *Poplar River Project*¹³², с возможностью того, что затронутое государство будет нести все бремя существенного материального трансграничного вреда, — если в соответствии с применимыми принципами и факторами изменится или отменится та презумпция, что государство-источник должно возмещать трансграничный вред (см. пункт 36, выше).

70. Для проверки тезиса, сформулированного в предыдущем пункте, по-видимому, было бы це-

(Продолжение сноски 130)

загрязнением морской среды, так и с точки зрения компенсации за него, можно только на основе четкого понимания центральной роли, которую концепция ответственности государств неизменно играет в любой системе права, регулирующей случаи транснациональных происшествий» [*loc. cit.* (сноска 107, выше), pp. 87—89].

¹³¹ *Loc. cit.*, сноска 108, выше.

¹³² См. сноску 72, выше.

лесообразно обратиться к прошлому. На своей тридцать второй сессии в 1980 году, рассматривая состояние необходимости как одно из обстоятельств, исключающих противоправность, Комиссия задалась вопросом о том,

является ли результатом подобного исключения там, где оно имеет место, полное освобождение государства от ответственности за последствия, которые в международном праве связаны с международно-противоправным деянием, и является ли результатом такого исключения также освобождение от любого обязательства, которое может возлагаться на государство по каким-либо иным причинам в отношении возмещения ущерба, причиненного его поведением.

Обнаружив некоторые случаи, когда «государства, ссылаясь на существование состояния необходимости в оправдание своего поведения, предлагали возместить причиненный материальный ущерб», Комиссия пришла к выводу, что

исключение противоправного характера деяния государства не имеет автоматическим следствием то, что этот факт не может создать на основании других причин обязательства возместить причиненный ущерб, даже если это обязательство не должно быть квалифицировано как обязательство устранить последствия противоправного деяния¹³³.

71. Первый вывод, который можно сделать из вышеприведенных цитат, заключается в том, что Комиссия согласилась с тем, что обязательство, нарушение которого влечет за собой ответственность государства за противоправное деяние или бездействие, может сосуществовать с обязательством, связанным с вредными последствиями, вызванными действиями, не запрещенными международным правом. Причиненный вред может относиться к любому из двух видов обязательств, и, если его нельзя отнести к обязательству одного вида, остается обязательство другого вида. Второй вывод заключается в том, что последнее обязательство вряд ли может рассматриваться как обязательство, связанное со строгой ответственностью. Если бы это было так, то было бы трудно понять, почему компенсация или иное возмещение ущерба не является обычным следствием ущерба, причиненного в обстоятельствах, исключающих противоправность. Здравый смысл подсказывает тот же вывод. Когда пожарные и пожарное оборудование одной из стран пересекают международную границу для ликвидации неконтролируемого лесного пожара, представляющего общую опасность, ссылка на состояние необходимости вполне может исключить противоправность, однако как быть в случае ущерба, нанесенного посевам и другому имуществу? Здесь, несомненно, надо исходить не из строгой ответственности, а из баланса различных факторов. Представлял ли этот пожар серьезную опасность для государства, в котором он произошел, или преимущественно был связан с трансграничной угрозой? Все ли сделали

¹³³ Пункт 39 комментария к статье 33 (Состояние необходимости) части I проекта статей об ответственности государств [*Ежегодник.., 1980 год*, том II (часть вторая), стр. 52].

местные пожарные из того, что от них можно было ожидать? Во что обошлось направление пожарных через границу? Иными словами, не приводит ли баланс этих фактов к изменению или даже исключению той презумпции, что государство-источник должно возместить трансграничный вред?

72. В этом несколько упрощенном гипотетическом случае окончательный ответ вполне может заключаться в том, что с учетом баланса факторов затронутое государство должно будет мириться даже со значительными трансграничными убытками и ущербом без права на какую-либо компенсацию. Однако гораздо чаще, — особенно если затронутое государство не разделяет интереса государства-источника в какой-либо деятельности — достаточных оснований для изменения презумпции, согласно которой государство-источник обязано возместить трансграничные убытки или ущерб, не будет. В этих случаях, к которым, по-видимому, можно отнести и случаи, связанные с ситуациями особой опасности, право затронутого государства на возмещение в полном объеме будет одинаковым как согласно предложениям Хандля¹³⁴, так и согласно предложениям Кобе¹³⁵ или Специального докладчика¹³⁶. Представляется, что различия в предлагаемых ими решениях относятся скорее не к существу, а к тому, что Кобе называл психологическими факторами. По мнению Хандля, чрезвычайно важно убедить государства в том, что норма строгой ответственности достижима и целесообразна (см. пункт 55, выше). По мнению Кобе, не менее важно укрепить доктрину противоправности действий, допускающих нанесение значительного физического трансграничного вреда (там же, пункт 53). По мнению Специального докладчика, прежде всего необходимо придерживаться логического разграничения в том смысле, что причастность государства-источника вытекает не из его конкретных действий, а из его функций в области регулирования.

73. Хандль, используя без каких-либо улучшений основной элемент данного Дженксом первоначального определения «особой опасности» (там же, пункт 52), выделяет сферу особо опасной деятельности, переменные величины которой никоим образом не изменяют строгой ответственности государства-источника. Кобе, подвергнув все эти переменные проверке с использованием предельных критериев (там же, пункт 53), синтезирует неизменное правило строгой ответственности. Исходя из презумпции противоправности в случае нанесения убытков или ущерба, Кобе полностью исключает распределение ответственности, считая, что государство-

источник либо несет строгую ответственность, либо, если баланс факторов в его пользу, не несет вообще никакой ответственности (там же, пункт 54). Специальный докладчик, останавливаясь на более осторожной позиции, оставляет в стороне осложнения, связанные с введением дополнительного критерия «особой опасности», и полагает, что государства несут лишь те обязательства, которые непосредственно вытекают из их суверенных полномочий в отношении своей территории и своих граждан. Во всех случаях решение допускает возможность распределения ответственности, если имеются факторы, уменьшающие ответственность государства-источника. Оно также допускает возможность того, что стороны будут даже договариваться о ретроспективном установлении режима гражданской ответственности, используя для оценки этой ответственности внутригосударственные учреждения, при сохранении, однако, обязательства государства-источника обеспечить надлежащее возмещение.

74. В настоящем докладе не затрагивается непосредственно срочный вопрос, поднятый в лекции памяти Жильберту Амаду этого года¹³⁷, о мобилизации средств защиты от деградации районов мира, находящихся за пределами действия территориальной юрисдикции государств. Этот вопрос гораздо шире нынешней темы; и один из связующих с ним элементов — вопрос об обязательствах *erga omnes* и о возможности ссылаться на такие обязательства — был затронут Специальным докладчиком по вопросу об ответственности государств г-ном Рифагеном в его четвертом докладе¹³⁸. Другим связующим элементом, который может быть выявлен в ходе дальнейшего изучения данной темы, является незаменимая роль международных организаций в защите природы как общего достояния. Последний вопрос, который хотел бы поднять Специальный докладчик — поскольку он относится к каждому аспекту нынешней темы, — был прекрасно освещен в опубликованной недавно статье о разделяемых полномочиях в области морского права:

Идея о различии между свободой и полномочиями в настоящее время в этой области завоевывает все большее место в сознании международного сообщества. История развития международного сообщества после 1945 года — это история постепенного перехода от правовых свобод к правовым полномочиям. Свобода предполагает отсутствие правовых мер контроля. Полномочия предполагают отсутствие неограниченной дискреции...

Требовать, чтобы права и обязанности государств как по обычному, так и по договорному международному праву рассматривались с точки зрения того, что в данном исследовании называется административным правом, значит требовать полного и далеко идущего изменения позиции... Это, возможно, позволило бы нам более беспристрастно рассмотреть ряд областей современного международного

¹³⁴ *Loc. cit.*, сноска 107, выше.

¹³⁵ *Loc. cit.*, сноска 108, выше.

¹³⁶ Раздел 4 схематического плана (см. приложение, ниже).

¹³⁷ United Nations, Gilberto Amado Memorial Lecture, *The Influence of Science and Technology on International Law*, delivered on 3 June 1983 at Geneva by Mr. C. E. do Nascimento e Silva.

¹³⁸ См. выше, стр. 4, документ A/CN.4/366 и Add.1.

права и практики, в противном случае вызывающих серьезную озабоченность, — областей, в которых дискреционные полномочия государств, как представляется, не поддаются контролю и в которых тем не менее их неконтролируемое осуществление может нанести серьезный ущерб общим интересам международного сообщества...

Преимущества полномочий заключаются в свободе выбора, которую эти полномочия охраняют. Бремя полномочий заключается в необходимости уважения интересов всего общества, которое доверяет эти полномочия их носителю как представителю всех его членов¹³⁹.

75. Поскольку все равно было бы невозможно подробно обсудить этот вопрос в ходе тридцать пятой сессии Комиссии в 1983 году, члены Комиссии, по-видимому, могут рассматривать этот довольно поздний доклад скорее как один из ранних докладов сессии 1984 года. Этот доклад было бы невозможно опубликовать даже сейчас без

¹³⁹ P. Allott, «Power sharing in the law of the sea», *American Journal of International Law*, Washington, D. C., vol. 77, 1983, pp. 26—27.

высококвалифицированной помощи, которую Специальный докладчик всегда получал от секретариата Комиссии, а также от служб документации и письменного перевода Европейского отделения Организации Объединенных Наций. Как уже указывалось (пункт 59), главной целью настоящего доклада является предоставление основы для тщательной и, возможно, окончательной оценки данной темы. Специальный докладчик планирует представить еще один доклад в развитие раздела 2 схематического плана, посвященный установлению фактов; по этому и по другим вопросам он будет приветствовать любые замечания, которые члены Комиссии сочтут необходимым высказать в течение времени, которое будет выделено для рассмотрения данной темы на заключительных этапах нынешней сессии. Он намеревается также представить доклад по вопросам сферы применения и определения, о которых говорится в разделе 1 схематического плана.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН*

РАЗДЕЛ 1

1. Сфера применения^a.

Деятельность в пределах территории или под контролем государства, которая причиняет или может причинить^b убытки или ущерб лицам или имуществу в пределах территории или под контролем другого государства.

[Примечания: 1) Позднее предстоит рассмотреть вопрос о том, необходимо ли дополнить или согласовать это положение, когда положения постановляющей части будут разработаны и рассмотрены в связи с другими вопросами, помимо вопросов об убытках или ущербе в результате физического использования окружающей среды.

2) Сравните это положение, в частности, с положением, содержащимся в статье 1 раздела 4.]

2. Определения

a) Термины «действующее государство» и «затрагиваемое государство» имеют значения, соответствующие терминам положения о сфере применения.

b) «Деятельность» — включает любую человеческую деятельность^c.

[Примечание. Понимается ли под «деятельностью» также отсутствие деятельности в целях устранения опасно-

сти сил стихии, которая наносит или может нанести убытки или ущерб другому государству?]^d

c) «Убытки или ущерб» означают любые убытки или ущерб собственности государства или любому лицу или имуществу на территории или под контролем государства^e.

d) «Территория или контроль» охватывают в отношении мест, находящихся за пределами территории действующего государства:

- i) любую деятельность, которая осуществляется под существенным контролем этого государства; и
- ii) любую деятельность, осуществляемую на судах или воздушных судах действующего государства или гражданами действующего государства за пределами территории или контроля любого другого государства, если только это не происходит в силу присутствия на этой территории судна во время мирного прохода или воздушного судна во время разрешенного пролета^f.

3. Оговорка

Ничто в настоящих статьях не затрагивает любого права или обязательства, возникающих независимо от этих статей^g.

РАЗДЕЛ 2

1. В случае если деятельность, осуществляемая в пределах территории или под контролем действующего государства, причиняет или может причинить убытки или ущерб лицам или имуществу в пределах территории или под контролем

* Воспроизводится без изменений по тексту, первоначально представленному в третьем докладе (см. сноску 2, выше). Основные изменения, впоследствии внесенные в этот текст Специальным докладчиком, указываются в пунктах 63 и 64, выше.

Сноски отсылают к пунктам третьего доклада.

^a См. пункты 46—48.

^b См. пункт 35.

^c См. пункты 36—39.

^d См. пункт 42.

^e См. пункты 27, 34 и 35.

^f См. пункты 43—45.

^g См. пункт 37.

другого государства, действующее государство обязано предоставить этому затрагиваемому государству всю соответствующую имеющуюся информацию, в том числе конкретно указать характер и масштабы убытков или ущерба, которые оно считает предвидимыми, а также предлагаемые им меры по исправлению положения^h.

2. В случае если государство имеет основание полагать, что лица или имущество, находящиеся на его территории или под его контролем, несут или могут понести убытки или ущерб в результате деятельности, которая осуществляется в пределах территории или под контролем другого государства, затрагиваемое государство может информировать об этом действующее государство, конкретно указывая, в той мере, в какой ей позволяют это сделать средства сбора данных, характер и масштабы убытков или ущерба, которые оно считает предвидимыми; после чего действующее государство обязано предоставить всю соответствующую имеющуюся информацию, в том числе конкретно указать характер и масштабы ущерба, которые она считает предвидимыми, а также предлагаемые им меры по исправлению положения.

3. Если по причинам национальной или промышленной безопасности действующее государство считает необходимым удержать какую-либо соответствующую информацию, которая в противном случае была бы предоставлена, оно должно информировать затрагиваемое государство о том, что такая информация удерживается. В любом случае сообщения национальной или промышленной безопасности не могут служить оправданием того, что затрагиваемому государству не сообщается четко о характере и масштабах убытков или ущерба, которые наносятся или могут быть нанесены лицам или имуществу в пределах территории или под контролем этого затрагиваемого государства; и затрагиваемое государство не обязано опираться на заверения, для проверки которых у него нет достаточных средств сбора данных.

4. Если затрагиваемое государство считает, что меры, которые принимаются в связи с предполагаемыми убытками или ущербом, являются недостаточными для защиты лиц и имущества в пределах его территории или под его контролем, то это государство может предложить действующему государству провести расследование обстоятельств.

5. Действующее государство может само предложить провести расследование обстоятельств; и если с таким предложением выступает затрагиваемое государство, то действующее государство обязано добросовестно сотрудничать в целях достижения соглашения с затрагиваемым государством о процедурах и компетенции расследования, а также о создании механизма расследования. Оба государства предоставляют для расследования всю соответствующую имеющуюся информацию.

6. Если только соответствующие государства не условились об ином, то:

а) следует создать совместный механизм расследования обстоятельств, опирающийся на экспертов, в целях сбора соответствующей информации, оценки ее последствий и, по возможности, вынесения рекомендаций о решении;

б) доклад должен носить консультативный характер и не иметь обязательной силы для соответствующих государств.

7. Действующее государство и затрагиваемое государство участвуют в расходах по созданию механизма расследования на равной основе.

8. Непринятие каких-либо мер, требуемых правилами, которые содержатся в настоящем разделе, само по себе не ведет к возникновению любого права на действия. Тем не менее, если только нет договоренности об ином, действующее государство обязано постоянно следить за деятельностью, которая причиняет или может причинить убытки или ущерб; принимать любые меры по исправлению положения, которые оно считает необходимыми и целесообразными в целях защиты интересов затрагиваемого государ-

ства; и в максимально возможной степени предоставлять информацию затрагиваемому государству о предпринимаемых им действиях¹.

РАЗДЕЛ 3

1. Если а) окажется невозможным в разумный период времени достичь соглашения относительно создания и вспомогательного механизма расследования, либо механизм расследования не может завершить выполнение своих полномочий; или б) любое соответствующее государство не будет удовлетворено его выводами либо полагает, что необходимо принять во внимание другие факторы; или с) доклад механизма расследования включает соответствующую рекомендацию, то соответствующие государства обязаны приступить к переговорам по просьбе одного из них в целях определения необходимости режима, а также формы, которую он должен принять.

2. Если только соответствующие государства не условились об ином, в ходе переговоров применяются принципы, изложенные в разделе 5; также учитываются в максимально возможной степени любые соответствующие факторы, включая те, которые изложены в разделе 6, и можно руководствоваться любыми положениями, изложенными в разделе 7, ссылаясь на них.

3. Любое соглашение, заключенное в результате переговоров, должно, согласно его положениям, соответствовать правам и обязанностям государств-участников согласно настоящим статьям¹; и оно также может предусматривать, в какой мере эти права и обязанности могут заменять другие права и обязанности участников.

4. Непринятие любых мер, требуемых правилами, которые содержатся в настоящем разделе, само по себе не приводит к возникновению права на действия. Тем не менее, если только не было условлено иное, действующее государство постоянно обязано следить за деятельностью, которая причиняет или может причинить убытки или ущерб; принимать или продолжать принимать любые меры по исправлению положения, которые оно считает необходимыми и целесообразными в целях защиты интересов затрагиваемого государства; и в максимально возможной степени предоставлять затрагиваемому государству информацию относительно предпринимаемых им действий^к.

РАЗДЕЛ 4

1. Если какая-либо деятельность действительно причиняет убытки или ущерб и права и обязанности действующего и затрагиваемого государств в соответствии с настоящими статьями в отношении любых таких убытков или ущерба не были уточнены каким-либо соглашением между этими государствами, то такие права и обязанности определяются в соответствии с положениями настоящего раздела. Данные государства должны добросовестно вести переговоры для достижения этой цели.

2. Действующее государство возмещает затрагиваемому государству любые такие убытки или ущерб¹, если только не было установлено, что возмещение убытков или ущерба подобного рода или характера не отвечает взаимным ожиданиям этих государств^м.

3. Возмещение, причитающееся затрагиваемому государству согласно предыдущей статье, устанавливается в соответствии со взаимными ожиданиями данных государств и принципом, изложенным в разделе 5; необходимо учитывать разумность поведения сторон, принимая во внимание любые обмена или переговоры между ними и защитные меры, принятые действующим государством для защиты интересов затрагиваемого государства^н. Может быть также

¹ См. пункты 30—33.

¹ См. пункты 24, 25 и 40.

^к См. пункты 30—33.

¹ См. пункты 26, 29 и 41.

^м См. пункты 27 и 35.

^н См. пункты 26 и 32, а также статью 8 раздела 2 и статью 4 раздела 3 настоящего схематического плана.

^h См. пункты 19—23 и 39.

учтен любой соответствующий фактор, включая те, которые изложены в разделе 6, а также можно руководствоваться любыми положениями, изложенными в разделе 7, ссылаясь на них.

4. В двух предшествующих статьях «взаимные ожидания» включают в себя взаимные ожидания, которые:

a) были выражены в переписке или в других обменах между данными государствами или, если они не были выражены таким образом,

b) могут быть выведены из общих законодательных или других норм или практики поведения, обычно соблюдаемых данными государствами или в любой региональной или другой группировке, к которой они оба принадлежат, или в международном сообществе.

РАЗДЕЛ 5

1. Цель настоящих статей заключается в обеспечении действующим государствам такой свободы выбора в отношении деятельности в пределах своей территории или контроля, которая совместима с соответствующей защитой интересов затрагиваемых государств^o.

2. Соответствующая защита требует мер предупреждения, при осуществлении которых, по возможности, избегается опасность убытков или ущерба, и в том случае, когда это невозможно, мер по возмещению убытков^p; однако нормы соответствующей защиты должны определяться с должным учетом важности деятельности и ее экономической жизнеспособности^q.

3. В той мере, в какой это может соответствовать предыдущим статьям, невиновная пострадавшая сторона не должна сама покрывать свои убытки или ущерб; расходы на соответствующую защиту должны распределяться с должным учетом распределения доходов от деятельности, а нормы защиты должны принимать во внимание средства, имеющиеся в распоряжении действующего государства^r и нормы, применяемые в затрагиваемом государстве и в региональной и международной практике.

4. В случае если действующее государство не предоставило затрагиваемому государству информацию, которая более доступна действующему государству и касается характера и последствий деятельности, а также средств проверки и оценки этой информации, затрагиваемое государство имеет право свободно использовать выводы, сделанные на основании фактов, и косвенные доказательства с целью установления, причиняет ли или может ли причинить такая деятельность убытки или ущерб^s.

РАЗДЕЛ 6

Факторы, которые могут относиться к соизмерению интересов^t, включают в себя:

1. Степень вероятности убытков или ущерба (то есть насколько вероятна их возможность?).

2. Серьезность убытков или ущерба (то есть количественная оценка степени серьезности в плане последствий).

3. Возможные совокупные последствия убытков или ущерба, о которых идет речь — в плане условий жизни и безопасности затрагиваемого государства и в более общем плане, — если надежды возлагаются на меры по обеспечению возмещения убытков, а не на меры предупреждения (то есть приемлемое сочетание мер предупреждения и возмещения убытков).

^o См. пункт 10.

^p См. пункт 9.

^q См. пункты 24 и 25.

^r См. пункты 22 и 23.

^s См. пункты 28 и 32.

^t То же.

4. Наличие средств предупреждения убытков или ущерба с учетом оптимальных известных методов осуществления деятельности.

5. Целесообразность осуществления деятельности альтернативными средствами или в альтернативных местах.

6. Важность деятельности для действующего государства (то есть насколько необходимо ему продолжать или осуществлять эту деятельность с учетом экономических, социальных и других интересов и соображений безопасности?).

7. Экономическая рентабельность деятельности, рассматриваемая в связи с расходами на возможные средства защиты.

8. Наличие альтернативных видов деятельности.

9. Физические и технические возможности действующего государства (рассматриваемые, например, в связи с его возможностями принимать меры предупреждения или возмещать ущерб или осуществлять альтернативную деятельность).

10. Способы, посредством которых существующие нормы защиты сравниваются с:

a) нормами, применяемыми затрагиваемым государством; и

b) нормами, применяемыми в региональной и международной практике.

11. Степень, в которой действующее государство:

a) осуществляет эффективный контроль над этой деятельностью; и

b) получает реальные выгоды от этой деятельности.

12. Степень, в которой затрагиваемое государство участвует в получении выгод от деятельности.

13. Степень, в которой отрицательные последствия возникают из использования совместных ресурсов или влияют на него.

14. Степень, в которой затрагиваемое государство готово принять участие в расходах по осуществлению мер предупреждения или возмещения убытков или ущерба, или получения максимальных прибылей от осуществления деятельности.

15. Степень, в которой интересы:

a) затрагиваемого государства; и

b) действующего государства совместимы с интересами общества.

16. Степень, в которой действующему государству предоставляется помощь от третьих государств или от международных организаций.

17. Применимость соответствующих принципов и норм международного права.

РАЗДЕЛ 7

Вопросы, которые могут иметь отношение к переговорам, касающимся предупреждения и возмещения ущерба^u, включают в себя:

1. *Расследование обстоятельств и меры предупреждения*

1. Определение отрицательных последствий и материальных и нематериальных убытков или ущерба, причиной которых они могли послужить.

2. Установление процедурных средств для руководства деятельностью и контроля за ее последствиями.

3. Установление требований в отношении структуры и осуществления деятельности.

4. Принятие мер по оказанию помощи затрагиваемому государству с целью сведения к минимуму убытков или ущерба.

^u См. пункт 40.

II. Компенсация как одно из средств возмещения

1. Решение относительно принадлежности первичной и остаточной ответственности, а также того, должна ли ответственность некоторых субъектов передаваться через других.
2. Решение относительно того, должна ли ответственность быть неограниченной или ограниченной.
3. Выбор органа, в котором будет определено наличие ответственности и размеры компенсации.
4. Установление процедур представления исков.
5. Определение подлежащих компенсации убытков или ущерба.
6. Критерий степени компенсации за убытки или ущерб.
7. Установление форм и методов выплаты присужденной компенсации.

8. Рассмотрение обстоятельств, которые могут увеличить или уменьшить ответственность или освободить от нее.

III. Органы, компетентные принимать решения в отношении расследования обстоятельств, предупреждения и компенсации

На различных этапах переговоров заинтересованные государства могут счесть целесообразным передать их национальным органам или судам, международным организациям или специально созданным комиссиям ответственность за вынесение рекомендаций или решений в отношении вопросов, упомянутых в I и II.

РАЗДЕЛ 8

Урегулирование споров^v (с надлежащим учетом недавно заключенных многосторонних договоров, которые предусматривают такие меры).

^v См. пункт 26.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (ВТОРАЯ ЧАСТЬ ВОПРОСА)

[Пункт 7 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/370 *

Предварительный доклад об отношениях между государствами и международными организациями (вторая часть вопроса), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Леонардо Диас Гонсалесом

[Подлинный текст на испанском языке]
[9 мая 1983 года]

Основы настоящего доклада

1. Комиссия международного права разделила свою работу по вопросу «Отношения между государствами и международными организациями» на две части. В итоге работы над первой частью, касающейся правового статуса, привилегий и иммунитетов представителей государств при международных организациях, Генеральной Ассамблее был представлен проект статей, утвержденный на двадцать третьей сессии Комиссии в 1971 году. Генеральная Ассамблея передала указанный проект Дипломатической конференции, которая состоялась в 1975 году в Вене и приняла Венскую конвенцию о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера¹.

2. Комиссия международного права в ходе своей двадцать восьмой сессии в 1976 году приступила к рассмотрению второй части этого вопроса. Комиссия просила Специального докладчика, занимающегося этим вопросом, покойного г-на Абдуллу Эль-Эриана подготовить предварительный доклад, с тем чтобы дать ей возможность принять соответствующие решения и определить направление действий по второй части вопроса об отношениях между государствами и международными организациями, касающейся статуса, привилегий и иммунитетов международных организаций, их должностных лиц, экспертов и других лиц, занятых в их деятельности, но не являющихся представителями государств².

3. В соответствии с этим решением Специальный докладчик представил Комиссии на ее двадцать девятой сессии в 1977 году предварительный доклад³.

4. В результате обсуждения предварительного доклада на своей двадцать девятой сессии⁴ Комиссия решила уполномочить Специального докладчика продолжать исследование второй части вопроса в направлении, указанном в его докладе, с учетом высказанных мнений и поставленных вопросов в ходе обсуждения. Комиссия также решила, что Специальный докладчик должен запросить дополнительную информацию, и выразила надежду, что он проведет свое исследование обычным образом, приняв в нем во внимание соглашения и практику международных организаций, как входящих, так и не входящих в систему Организации Объединенных Наций, а также законодательство и практику государств⁵.

5. В пункте 6 резолюции 32/151 от 19 декабря 1977 года Генеральная Ассамблея одобрила «выводы, сделанные Комиссией международного права относительно второй части вопроса «Отношения между государствами и международными организациями»».

6. В письме от 13 марта 1978 года на имя юрисконсультів специализированных учреждений и МАГАТЭ Юрисконсульт Организации Объединенных Наций указал:

³ Ежегодник..., 1977 год, том II (часть первая), стр. 169, документ A/CN.4/304.

⁴ Ежегодник..., 1977 год, том I, стр. 253—270, 1452, 1453-е заседания и 1454-е заседание, пункты 1—10.

⁵ Ежегодник..., 1977 год, том II (часть вторая), стр. 148, пункт 95.

* Включает документ A/CN.4/370/Corr.1.

¹ Организация Объединенных Наций, Юридический ежегодник, 1975 год (в продаже под № R.77.V.3), стр. 118.

² Ежегодник..., 1976 год, том II (часть вторая), стр. 190, пункт 173.

В целях оказания помощи Специальному докладчику и Комиссии Секретариат Организации Объединенных Наций в Центральном учреждении приступил к изучению своих архивов и сбору материалов о практике Организации, касающейся ее статуса, привилегий и иммунитетов за период с 1 января 1966 года по настоящее время. К сему прилагается вопросник, во многом аналогичный соответствующему вопроснику, направленного в 1965 году, цель которого заключается в получении информации, касающейся практики специализированных учреждений и МАГАТЭ дополнительно к представленной ранее информации, такой как информация о практике, касающейся статуса, привилегий и иммунитетов специализированных учреждений и МАГАТЭ, их должностных лиц, экспертов и других лиц, занятых в их деятельности, но не являющихся представителями государств.

7. Далее в своем письме Юрисконсульт указал:

Как и в 1965 году, настоящий вопросник тесно следует структуре Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Такая форма была избрана, с тем чтобы позволить всем специализированным учреждениям унифицированным образом обработать материалы и облегчить сопоставление их ответов. Следует отметить, однако, что дополнительная информация, изыскиваемая Специальным докладчиком во исполнение полномочий, предоставленных Комиссией, касается не только Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений — или в случае МАГАТЭ Соглашения о привилегиях и иммунитетах МАГАТЭ, — но также учредительных договоров учреждений, соглашений с правительствами стран пребывания о штаб-квартирах учреждений и соответствующего опыта учреждений в осуществлении этих международных документов. Любые соответствующие материалы, полученные из таких источников, должны быть проанализированы и изложены в соответствующих разделах вопросника.

Этот вопросник представляет собой попытку определить основные проблемы, которые, насколько нам известно, возникли на практике, однако информация, которой мы располагаем, может быть неполной, и, следовательно, вопросы могут и не исчерпывать данную тему. Если в вашей организации возникли за рассматриваемый период проблемы, не охваченные вопросником, и вы считаете, что они должны быть доведены до сведения Специального докладчика, то просим изложить их в ваших ответах. Кроме того, этот вопросник был предназначен для всех специализированных учреждений, и используемая в нем терминология может не полностью соответствовать условиям вашей организации; однако мы были бы крайне признательны, если бы вы приспособили эти вопросы к особому положению вашей организации в свете их цели, заключающейся в получении всей информации, которая могла бы оказаться полезной для Комиссии международного права.

Надеемся, что вы не ограничитесь краткими ответами на вопросы, но предоставите в максимально полезной и возможной степени материалы, касающиеся вашей организации, включая резолюции, дипломатическую корреспонденцию, юридические постановления и заключения, соглашения и т. д., с подробным изложением позиций как межправительственных организаций, так и государств и решений, если таковые имелись, которые были к настоящему моменту достигнуты, с тем чтобы Специальный докладчик смог составить четкое представление о международной практике по вопросам, вызывавшим трудности в течение рассматриваемого периода.

8. В ходе тридцатой сессии Комиссии в 1978 году Специальный докладчик представил второй доклад по второй части этого вопроса⁶.

9. В ходе рассмотрения Комиссией на ее тридцатой сессии упомянутого второго доклада⁷ возникли, в частности, следующие вопросы: определение порядка работы над данным вопросом и целесообразности ее осуществления в несколько этапов начиная с правового статуса, привилегий и иммунитетов международных организаций; особое положение и регламентирующие функции существующих международных организаций, которые создаются правительствами с конкретной целью осуществления ими оперативной, и в некоторых случаях даже коммерческой, деятельности, и трудности применения к этим организациям общих норм, касающихся международных иммунитетов; взаимосвязь между привилегиями и иммунитетами международных организаций и их обязанностями; обязанность государств следить за тем, чтобы их граждане, являющиеся должностными лицами международных организаций, соблюдали обязательства, которые возлагаются на них; необходимость изучения вопроса о практике национальных судов в области международных иммунитетов; необходимость определения правоспособности международных организаций во внутригосударственном праве и в международном праве; необходимость изучения материалов комитетов по сношениям с принимающей страной, например комитета, функционирующего в Центральном учреждении Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке; и необходимость анализа взаимосвязи между объемом привилегий и иммунитетов организаций и их функциями и особыми целями. Комиссия одобрила выводы и рекомендации, сделанные во втором докладе Специального докладчика (глава V)⁸.

10. Специальный докладчик в своем докладе представил резюме прений в Комиссии международного права, состоявшихся на ее двадцать девятой сессии (глава II), и прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать второй сессии (глава III), а также исследование общих вопросов в свете упомянутых прений (глава IV).

11. Нынешний Специальный докладчик не считает необходимым повторить здесь полностью то, что уже было изложено предыдущим Специальным докладчиком во втором докладе, о котором говорилось выше. Он ограничится лишь упоминанием о том, что выводы этого доклада, одобренные Комиссией, сводятся к следующему:

а) как в Комиссии международного права, так и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи существует общее согласие относительно целесообразности проведения Комиссией исследования второй части вопроса об отношениях

⁶ Ежегодник..., 1978 год, том I, стр. 319—330, 1522-е заседание, пункты 22 и далее, 1523-е заседание, пункты 6 и далее, и 1524-е заседание, пункт 1.

⁸ Ежегодник..., 1978 год, том II (часть вторая), стр. 180, пункт 156.

⁶ Ежегодник..., 1978 год, том II (часть первая), стр. 305, документ A/CN.4/31/1 и Add.1.

между государствами и международными организациями;

b) работа Комиссии над второй частью этого вопроса должна проводиться с большой осторожностью;

c) для начала работы над второй частью вопроса Комиссия одобрила применение широкого подхода в том смысле, что исследование должно включать и региональные организации. Окончательное решение о включении таких организаций в возможную кодификацию может быть принято лишь по завершении этого исследования;

d) этот же широкий подход будет применяться в отношении предмета исследования в том смысле, что решение вопроса об очередности будет отложено до завершения этого исследования.

12. Вопросник, направленный в 1978 году Юрисконсульту Организации Объединенных Наций (см. пункты 6 и 7, выше) юрисконсультам специализированных учреждений и МАГАТЭ, о правовом статусе, привилегиях и иммунитетах указанных учреждений, исключая привилегии и иммунитеты, касающиеся представителей, явился дополнением к вопроснику по данной теме, который был направлен 5 января 1965 года. Ответы, полученные на последний вопросник, отчасти легли в основу исследования, подготовленного Секретариатом в 1967 году под названием «Практика Организации Объединенных Наций, специализированных учреждений и Международного агентства по атомной энергии в области их статуса, привилегий и иммунитетов»⁹.

13. Ответы на вопросник 1978 года содержат новую информацию и дополняют ответы, полученные на вопросник 1965 года. Специальный докладчик проанализировал полученные ответы и считает, что Комиссия может счесть целесообразным просить Секретариат пересмотреть исследование 1967 года в свете вновь полученных материалов, с тем чтобы подготовить обновленный вариант этого исследования.

14. Специальный докладчик осуществил анализ имеющихся у него материалов и начал исследование, порученное ему Комиссией, а именно исследование второй части вопроса, касающейся

правового статуса, привилегий и иммунитетов международных организаций, их должностных лиц, экспертов и других лиц, занятых в их деятельности, но не являющихся представителями государств.

15. Кроме того, Специальный докладчик намерен принять к сведению высказанное Комиссией мнение о том, что работа над второй частью вопроса должна осуществляться с большой осторожностью¹⁰.

16. Поэтому, учитывая тот факт, что, после того как предыдущий Специальный докладчик представил в 1978 году второй доклад, состав Комиссии был обновлен и расширен, Специальный докладчик считает весьма целесообразным предложить членам Комиссии в ее нынешнем составе изложить свои точки зрения, мнения и предложения относительно принципов, которыми должен руководствоваться Специальный докладчик при осуществлении порученного ему исследования в отношении всех его наиболее важных аспектов.

17. Учитывая, что в настоящее время в состав Комиссии входит большее число членов, что означает более широкое представительство как с географической точки зрения, так и с точки зрения представительства различных правовых систем мира, консенсус, который может быть достигнут в ходе прений по данному вопросу, явится итогом согласования большого числа мнений.

18. Таким образом, Специальный докладчик будет располагать ценной поддержкой Комиссии в ее новом составе, что в значительной мере облегчит продолжение осуществляемой им в настоящее время работы над этим вопросом.

19. Благодаря этому Специальный докладчик будет иметь более широкие возможности для того, чтобы представить на рассмотрение Комиссии свой второй доклад, содержащий исследование, осуществленное в свете уже определенного направления деятельности, и, возможно, первые проекты статей о правовом статусе, привилегиях и иммунитетах международных организаций с соответствующими комментариями.

⁹ Ежегодник..., 1967 год, том II, стр. 154 англ. текста, документ A/CN.4/L.118 и Add.1 и 2.

¹⁰ См. второй доклад предыдущего Специального докладчика, документ A/CN.4/311 и Add.1 (см. сноску 6, выше), пункт 118.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ СЕССИИ

Обозначение документа	Наименование документа	Примечания и ссылки
A/CN.4/361	Предварительная повестка дня	Отпечатан на mimeографе. Утвержденную повестку дня см. том II (часть вторая), глава I, пункт 8
A/CN.4/362	Комментарии и замечания правительств по части I проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния	Воспроизводится в настоящем томе (стр. 1)
A/CN.4/363 и Corr.1 и Add.1 и Add.1/Corr.1	Пятый доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Сомпонгом Сучарнткулем	То же (стр. 31)
A/CN.4/364	Первый доклад о проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дуду Тиагом	То же (стр. 173)
A/CN.4/365	Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: аналитический документ, подготовленный в соответствии с просьбой, содержащейся в пункте 256 доклада Комиссии о работе ее тридцать четвертой сессии	Отпечатан на mimeографе
A/CN.4/366 и Add.1 и Add.1/Corr.1	Четвертый доклад о содержании, формах и объеме международной ответственности (часть 2 проекта статей), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виллемом Рифагеном	Воспроизводится в настоящем томе (стр. 4)
A/CN.4/367 и Corr.1	Первый доклад по вопросу о праве несудоходных видов использования международных водотоков, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Йенсом Эвенсеном	То же (стр. 195)
A/CN.4/368 и Add.1	Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: подборка соответствующих международных документов	Отпечатан на mimeографе
A/CN.4/369 и Add.1 и 2	Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: комментарии и замечания правительств, полученные в соответствии с резолюцией 37/102 Генеральной Ассамблеи	Воспроизводится в настоящем томе (стр. 192)
A/CN.4/370 и Corr.1	Предварительный доклад об отношениях между государствами и международными организациями (вторая часть вопроса), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Леонардо Диас Гонсалесом	То же (стр. 285)
A/CN.4/371	Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности: меморандум, представленный г-ном Николаем А. Ушаковым	То же (стр. 68)
A/CN.4/372 и Add.1 и 2	Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером: информация, полученная от правительств	То же (стр. 73)
A/CN.4/373	Четвертый доклад о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Робертом К. Квентин-Бакстером	То же (стр. 251)
A/CN.4/374 и Add.1—4	Четвертый доклад о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Александром Янковым	То же (стр. 79)
A/CN.4/L.352	Тематическое резюме обсуждения доклада Комиссии, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее тридцать седьмой сессии	Отпечатан на mimeографе
A/CN.4/L.353	Право несудоходных видов использования международных водотоков: записка, представленная г-ном Константином А. Ставропулосом	Воспроизводится в настоящем томе (стр. 245)
A/CN.4/L.354 и Add.1	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее тридцать пятой сессии: глава I (Организация сессии)	Отпечатан на mimeографе. Принятый текст см. <i>Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать восьмая сессия, Дополнение № 10 (A/38/10)</i> .

Обозначение документа	Наименование документа	Примечания и ссылки
A/CN.4/L.355	То же: глава II (Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества)	Окончательный текст воспроизводится как том II (часть вторая).
A/CN.4/L.356 и Corr.1 и Add.1—3	То же: глава II (Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности)	Отпечатан на mimeографе. Принятый текст см. ссылку, касающуюся A/CN.4/L.354 и Add.1
A/CN.4/L.357 и Add.1	То же: глава IV (Ответственность государств)	То же
A/CN.4/L.358 и Add.1	То же: глава V (Статус дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером)	То же
A/CN.4/L.359 и Add.1	То же: глава VI (Право несудоходных видов использования международных водотоков)	То же
A/CN.4/L.360	То же: глава VII (Отношения между государствами и международными организациями (вторая часть вопроса))	То же
A/CN.4/L.361	То же: глава VIII (Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом)	То же
A/CN.4/L.362 и Add.1 и 2	То же: глава IX (Прочие решения и выводы Комиссии)	То же
A/CN.4/L.363	Проект статей об ответственности государств (часть 2 проекта статей). Тексты, принятые Редакционным комитетом: статьи 1, 2, 3 и 5	Тексты воспроизводятся в томе I, 1805-е заседание, пункты 30, 33, 37 и 39
A/CN.4/L.364	Проект статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Тексты, принятые Редакционным комитетом: статьи 10, 12, 2, пункт 1 g, 3, пункт 2, и 15	То же, пункты 60, 63 и 67—69
A/CN.4/L.365 и Add.1	Проект статей о статусе дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером. Тексты, принятые Редакционным комитетом: статьи 1—8	То же, 1806-е заседание, пункты 2, 4, 6, 19, 21, 23, 25 и 27
A/CN.4/L.366	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее тридцать пятой сессии: глава II (пересмотренный вариант) (Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества)	Отпечатан на mimeографе. Принятый текст см. ссылку, касающуюся A/CN.4/L.354 и Add.1
A/CN.4/L.367	Проект статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: пересмотренный текст статей 13 и 14, предложенный Специальным докладчиком	Отпечатан на mimeографе
A/CN.4/L.368	Выступление Генерального секретаря Организации Объединенных Наций на 1795-м заседании Комиссии 4 июля 1983 года	То же
A/CN.4/SR.1753— A/CN.4/SR.1813	Предварительные краткие отчеты о 1753—1813-м заседаниях Комиссии международного права	То же. Окончательный текст воспроизводится как том I

كيفية الحصول على منشورات الأمم المتحدة

يمكن الحصول على منشورات الأمم المتحدة من المكتبات ودور النورج في جميع أنحاء العالم • استعلم عنها من المكتبة التي تتعامل معها أو اكتب الى : الأمم المتحدة ، قسم البيع في نيويورك أو في جنيف •

如何获取联合国出版物

联合国出版物在全世界各地的书店和经售处均有发售。请向书店询问或写信到纽约或日内瓦的联合国销售组。

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.

COMMENT SE PROCURER LES PUBLICATIONS DES NATIONS UNIES

Les publications des Nations Unies sont en vente dans les librairies et les agences dépositaires du monde entier. Informez-vous auprès de votre libraire ou adressez-vous à : Nations Unies, Section des ventes, New York ou Genève.

КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

COMO CONSEGUIR PUBLICACIONES DE LAS NACIONES UNIDAS

Las publicaciones de las Naciones Unidas están en venta en librerías y casas distribuidoras en todas partes del mundo. Consulte a su librero o diríjase a: Naciones Unidas, Sección de Ventas, Nueva York o Ginebra.
